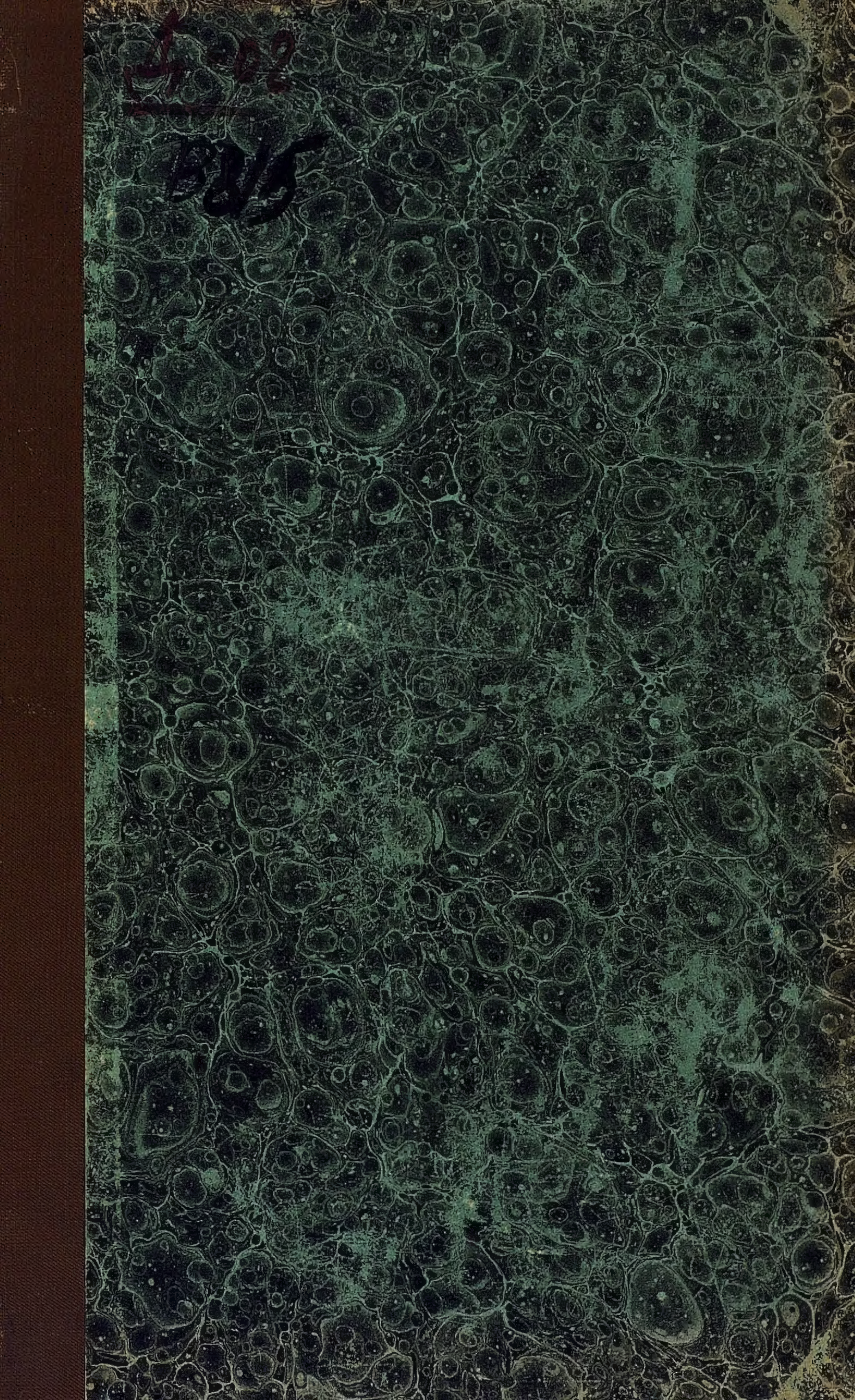

ВРЕМЕННИКЪ ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

КНИГА СЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-Литографія Э. Г. Фалькъ.

1897.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

семьдесятъ первой книги Временника Лицея.

LXXI книга вышла 25 іюля 1897 г.; въ ней 30 листовъ.

Печатано по опредѣленiю Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ С. Шпилевскiй.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 7-го сего Іюня „Утверждаю“.
15 іюня 1896 года.
Министръ Народнаго Просвѣщенія,
Статсъ-Секретарь, Графъ *Делляновъ*.

УСТАВЪ
Ярославскаго Юридическаго Общества.

I. Учрежденіе, цѣль и средства общества.

§ 1. Ярославское Юридическое Общество состоитъ при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ.

§ 2. Оно имѣетъ цѣлью разработку теоретическихъ и практическихъ вопросовъ права и распространеніе юридическихъ знаній.

§ 3. Для достиженія означенной цѣли Общество имѣетъ собранія, издаетъ, на основаніи существующихъ узаконеній, протоколы и труды, назначаетъ преміи за составленіе или изданіе юридическихъ сочиненій, актовъ и матеріаловъ; даетъ порученія своимъ членамъ для изслѣдованія юридическихъ обычаевъ и для иныхъ ученыхъ цѣлей; устраиваетъ, съ разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ, публичныя лекціи и принимаетъ другія мѣры, какія имъ будутъ признаны необходимыми для разработки права и распространенія юридическихъ знаній.

§ 4. Средства Общества образуются изъ членскихъ взносовъ, пожертвованій, сборовъ отъ продажи изданій Общества, отъ публичныхъ лекцій и изъ иныхъ поступленій.

§ 5 Общество имѣетъ библіотеку.

II. Составъ Общества.

§ 6. Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ, членовъ сотрудниковъ и членовъ соревнователей.

§ 7. Почетными членами могутъ быть лишь лица, оказавшія выдающіяся услуги правовѣдѣнію своею теоретическою или практическою дѣятельностью или принесшія значительную пользу Обществу.

§ 8. Дѣйствительными членами могутъ быть лица получившія высшее юридическое образованіе или заявившія себя научными работами по предметамъ, входящимъ въ составъ преподованія Демидовскаго Юридическаго Лицея, или посвятившія себя практической юридической дѣятельности.

§ 9. Членами сотрудниками могутъ быть всѣ лица, содѣйствующія работамъ Общества своими письменными сообщеніями или устными докладами.

§ 10. Членами соревнователями могутъ быть всѣ лица, содѣйствующія Обществу матеріальными средствами.

§ 11. Для избранія въ почетные члены Общества требуется письменное заявленіе не менѣе чѣмъ трехъ дѣйствительныхъ членовъ, съ изложеніемъ заслугъ предлагаемаго лица. Избраніе происходитъ въ годичнхъ собраніяхъ Общества закрытою баллотировкою (§ 21). Избраніе дѣйствительныхъ членовъ производится въ обыкновенныхъ собраніяхъ общества (§ 22), по словесному заявленію двухъ дѣйствительныхъ членовъ, закрытою баллотировкою. Члены сотрудники и члены-соревнователи не баллотируются, а поступаютъ въ Об-

щество ко словесному заявленію одного изъ дѣйствительныхъ членовъ.

Примѣчаніе: а) Лица, подписавшіяся подъ проэктомъ сего Устава, вступаютъ въ дѣйствительные члены Общества въ качествѣ членовъ учредителей, безъ избранія; б) Директоръ и преподаватели Демидовскаго Юридическаго Лицея поступаютъ, по своему желанію, въ дѣйствительные члены безъ особаго избранія.

§ 12. Каждый дѣйствительный членъ вноситъ три рубля ежегодно; годичные взносы могутъ быть замѣнены единовременнымъ въ пятьдесятъ рублей. Дѣйствительные члены, не исключая и означенныхъ въ примѣчаніи къ § 11, п. п. а и б, не сдѣлавшіе обязательныхъ взносовъ въ теченіе двухъ лѣтъ, считаются выбывшими изъ Общества.

§ 13. Дѣйствительные члены, выбывшіе изъ Общества по невзносу платы, зачисляются снова въ его составъ безъ избранія не иначе, какъ по уплатѣ всѣхъ причитающихся съ нихъ за истекшее время взносовъ.

§ 14. Почетные члены и члены-сотрудники освобождаются отъ всякихъ взносовъ.

§ 15. Члены-соревнователи вносятъ не менѣе десяти рублей ежегодно. Годичные взносы могутъ быть замѣнены единовременнымъ не менѣе ста рублей. Членъ-соревнователь, не возобновившій взноса на слѣдующій годъ, почитается выбывшимъ изъ Общества.

§ 16. Почетнымъ членамъ и тѣмъ изъ членовъ-соревнователей, которые внесли единовременно не менѣе ста рублей, Общество выдаетъ дипломы за подписью Предсѣдателя и за скрѣпою Секретаря съ приложеніемъ своей печати.

§ 17. Всѣ члены безплатно получаютъ печатные протоколы засѣданій и отчеты Общества, прочія же сочиненія, издаваемыя Обществомъ, уступаются имъ по цѣнѣ, въ которую обошлось изданіе.

III. Дѣятельность Общества.

§ 18. Общество дѣйствуетъ и управляется через посредство своихъ собраній и своихъ должностныхъ лицъ.

§ 19. Собранія Общества бываютъ: годичныя, обыкновенныя и чрезвычайныя.

§ 20. Годичное собраніе созывается предсѣдателемъ разъ въ годъ; причемъ предсѣдатель пріурочиваетъ время собранія по возможности ко дню годовщины учрежденія Общества. Годичное собраніе почитается состоявшимся, если на него явилось не менѣе половины всего наличнаго числа его дѣйствительныхъ членовъ, проживающихъ въ городѣ Ярославлѣ.

§ 21. Слѣдующія дѣла подлежатъ обсужденію въ годичныхъ собраніяхъ:

а) Выслушаніе отчета о дѣятельности Общества и о состояніи его денежныхъ суммъ за годъ;

б) Избраніе ревизіонной коммиссіи изъ трехъ членовъ для провѣрки отчета о состояніи денежныхъ суммъ Общества, о чемъ коммиссія представляетъ свое заключеніе въ ближайшемъ обыкновенномъ собраніи;

в) Избраніе почетныхъ членовъ (§ 11);

г) Постановленіе, въ предѣлахъ предоставленной Обществу симъ Уставомъ власти, обязательныхъ для его членовъ правилъ;

д) Избраніе должностныхъ лицъ Общества и Редакціоннаго Комитета (§§ 28 и 33);

е) Раздача премій и наградъ;

ж) Ходатайства объ измѣненіи параграфовъ сего Устава.

§ 22. Обыкновенныя собранія созываются предсѣдателемъ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, кромѣ четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ съ Мая по Сентябрь. Пред-

метъ обыкновенныхъ собраній составляютъ: чтеніе рефератовъ и пренія по нимъ, разрѣшеніе вопросовъ юридической теоріи и практики и обсужденіе мѣръ, предпринимаемыхъ Обществомъ для разработки научныхъ вопросовъ и распространенія юридическихъ знаній. Равнымъ образомъ въ обыкновенныхъ собраніяхъ производится избраніе дѣйствительныхъ членовъ, принятіе членовъ-сотрудниковъ и членовъ-соревнователей и обсуждаются текущія дѣла.

§ 23. Чрезвычайныя собранія созываются предсѣдателемъ въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства.

§ 24. Во всѣхъ собраніяхъ Общества члены-сотрудники и члены-соревнователи правомъ подачи голоса не обладаютъ.

§ 25. Собранія Общества происходятъ въ зданіи Лицея, по соглашенію съ начальствомъ Лицея относительно ихъ времени и мѣста.

§ 26. Годичныя собранія публичны. Въ обыкновенныя засѣданія сторонніе посѣтители допускаются не иначе какъ по рекомендаціи одного изъ дѣйствительныхъ членовъ.

§ 27. Всѣ дѣла въ собраніяхъ Общества рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, кромѣ случаевъ, особо-предусмотрѣнныхъ въ семъ Уставѣ (§ 35). При равенствѣ голосовъ перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя.

§ 28. Должностныя лица Общества суть: Предсѣдатель и два его товарища, секретарь и два его товарища и казначей. Одинъ изъ товарищей секретаря исполняетъ обязанности библіотекаря. При Обществѣ состоитъ особый Редакціонный Комитетъ изъ трехъ дѣйствительныхъ членовъ (§§ 21 и 33).

§ 29. Должностныя лица Общества, равно какъ и члены Редакціоннаго Комитета избираются на годъ въ годичныхъ собраніяхъ.

§ 30. На обязанности предсѣдателя лежитъ наблюденіе за порядкомъ въ засѣданіяхъ и сношенія съ посторонними лицами и установленіями по дѣламъ Общества.

§ 31. Секретарь ведетъ протоколы собраній Общества и завѣдуетъ всею его письменною частью.

§ 32. Казначей принимаетъ членскіе взносы, пожертвованія и прочія поступленія и ведетъ денежную отчетность Общества.

§ 33. Предварительный просмотръ рефератовъ и распредѣленіе предметовъ научныхъ занятій возлагаются на Редакціонный Комитетъ.

§ 34. Общество имѣетъ особую печать съ надписью: „Печать Ярославскаго Юридическаго Общества“.

IV. Измѣненіе параграфовъ Устава Общества; прекращеніе Общества.

§ 35. Измѣненія какихъ либо параграфовъ сего Устава могутъ послѣдовать не иначе какъ на годичномъ собраніи Общества, по постановленію большинства двухъ третей голосовъ и получаютъ силу по утвержденіи ихъ подлежащею властью.

§ 36. Въ случаѣ прекращенія Общества, наличное имущество его поступаетъ въ пользу Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, а библіотека передается въ библіотеку названнаго Лицея.

Управляющій Департаментомъ ***В. Латышевъ.***

Дѣлопроизводитель ***Камчатовъ.***

Печатать дозволяется. Директоръ Демидовск. Юридич. Лицея *С. Шпилевскій.*

Ярославль. Типо-литографія Э Г. ФАЛЬКЪ Духовская ул. соб. домъ.

ОТЧЕТЪ

Правленія Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

съ 1 Іюля 1895 года по 1 Іюля 1896 года.

Уставъ Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея въ Ярославлѣ, начавшій свои дѣйствія съ 1871 года, утвержденъ былъ Высочайшею властію 28 апрѣля 1871 года.

Средства Попечительства, по правиламъ, утвержденнымъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, составляются изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ. Кромѣ того предоставлено Попечительству право устраивать публичныя лекціи, концерты и спектакли. Членами почетными, оказавшими особыя услуги, или дѣйствительными, могутъ быть совершеннолѣтнія лица обоего пола, всѣхъ званій и состояній. Почетныхъ членовъ къ концу отчетнаго года состояло 36, а дѣйствительныхъ, внесшихъ въ годъ не менѣе 5 рублей—28, въ предъидущихъ же годахъ дѣйствительныхъ членовъ было: 99, 102, 76, 83, 72, 54, 74, 60, 74, 65, 52, 45, 22, 24, 21, 30, 17, 16, 16, 13, 17, 11, 63 и 30.

Постоянныхъ пособій въ отчетномъ году поступило: отъ Ярославской городской Думы 100 руб. и отъ Ярославской уѣздной земской управы 100 руб., отъ Губернской земской управы 50 руб. и отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 300 руб. Процентовъ съ капитала Попечительства, со-

стоящаго къ концу отчетнаго года въ 14600 руб., получено было 444 руб. 4 коп.

Пособія студентамъ выдавались въ размѣрѣ, смотря по состоянію кассы и дѣйствительной бѣдности, отъ 3 до 12 р. въ мѣсяцъ. Уплатой за слушаніе лекцій дана нѣсколькимъ молодымъ людямъ возможность оставаться студентами и не быть уволенными изъ числа ихъ за невзносъ этой платы.

Заимообразно выдано было въ отчетномъ году 607 руб. 28 коп., въ уплату же долговъ поступило 804 руб. 14 к.

СПИСОКЪ

Членовъ попечительства.

а) Почетные:

1. *Безакъ* Николай Александровичъ—бывшій Ярославскій губернаторъ.

2. *Вахромѣевъ* Иванъ Александровичъ—бывшій Ярославскій городской голова—25 руб.

3. *Глаголевъ* Иванъ Матвѣевичъ - присяжный повѣренный изъ Москвы—25 руб.

4. *Головщиковъ* Константинъ Дмитріевичъ—секретарь Лицея.

5. *Деляновъ* графъ Иванъ Давыдовичъ—Министръ Народнаго Просвѣщенія.

6 *Іонаѳанъ* Архіепископъ Ярославскій—10 руб.

7. *Калачевъ* Викторъ Васильевичъ—бывшій Костромской губернаторъ.

8. *Капнистъ* графъ Павелъ Алексѣевичъ—бывшій Попечитель Московскаго учебнаго округа.

9. *Капустинъ* Михаилъ Николаевичъ—Попечитель Петербургскаго учебнаго округа.

10. *Клириковъ* Николай Павловичъ—титулярный совѣтникъ.

11. *Коншинъ* Владиміръ Дмитріевичъ—коммерціи совѣтникъ

12. *Кремлевъ* Николай Александровичъ—бывшій Директоръ Лицея.

13. *Липинскій* Маріанъ Александровичъ —доцентъ Лицея.

14. *Лопатина* Глафира Александровна—потомственная почетная гражданка.

15. *Мещерская* княгиня Марія Александровна—изъ Москвы.

16. *Мещерскій* князь Николай Петровичъ—бывшій Попечитель Московскаго учебнаго округа.

17. *Пастухова* Анна Васильевна—потомственная почетная гражданка.

18. *Пастухова* Елена Яковлевна—потомственная почетная гражданка.

19. *Пастуховъ* Дмитрій Александровичъ—потомственный почетный гражданинъ.

20. *Пастуховъ* Иванъ Александровичъ—потомственный почетный гражданинъ.

21. *Пастуховъ* Николай Петровичъ—потомственный почетный гражданинъ.

22. *Рукавишникова* Евдокія Николаевна—изъ Москвы.

23. *Рукваишниковъ* Константинъ Васильевичъ—почетный мировой судья изъ Москвы.

24. *Синельникова* Анастасія Петровна—изъ Петербурга.

25. *Смирновъ* Андрей Павловичъ—судебный слѣдователь изъ Ветлуги—10 руб.

26. *Соболевъ* Иванъ Николаевичъ—Ярославскій городской голова.

27. *Солдатенковъ* Косма Терентьевичъ - потомственный почетный гражданинъ изъ Москвы.

28. *Тарасовъ* Иванъ Трофимовичъ—ординарный профессоръ Московскаго Университета.

29. *Терещенко* Ѳедоръ Артемьевичъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ Москвы.

30. *Федотова* Гликерія Николаевна—артистка Императорскихъ театровъ.

31. *Чистяковъ* Дмитрій Ивановичъ — статскій совѣтникъ.

32. *Шнейдеръ* Августъ Августовичъ содержатель аптеки въ Ярославлѣ.

33. *Шостаковскій* Петръ Адамовичъ—Директоръ Московской консерваторіи.

34. *Шпилевскій* Сергѣй Михайловичъ - Директоръ Лицея.

35. *Щелкова* Нина Антоновна.

36. *Якушкинъ* Евгеній Ивановичъ - дѣйствительный статскій совѣтникъ—5 руб.

Итого отъ почетныхъ членовъ въ отчетномъ году поступило 75 рублей.

б) *Дѣйствительные члены:*

Базанова Юлія Ивановна 100 руб.

Фонъ-Дервизъ Павелъ Алесандровичъ и Любовь Александровна—300 руб.

Вознесенскій Николай Аркадьевичъ, суд. слѣдов. изъ Кологрива, *Бодиско* Николай Константиновичъ изъ Новочеркаска по 10 р.—20 руб.

Потѣхинъ Павелъ Борисовичъ, дѣлопроизводитель Департамента Народ. Просв., *Стефановскій* Д. Н.—Товарищъ прокурора Ярославскаго окружнаго суда, *Маслаковъ* Иліодоръ Васильевичъ—Товарищъ прокурора Казанскаго окружнаго суда по 5 руб.—15 руб.

Демидовъ Павелъ Александровичъ Почетный Попечитель Лицея 100 руб., онъ же за почетный билетъ на студенческій вечеръ 50 руб.

Бабіевскій Иванъ Григорьевичъ, Управляющій Ташкентской контрольной палатой за почетный билетъ - 100 руб.

Отъ Товарищества Мануфактуры Морозова съ сыновьями 50 руб., отъ бывшаго студента Лицея Ильи Лазаревича *Полянова* за почетный билетъ - 100 руб.

ВѢДОМОСТЬ

об оборотахъ суммъ Попечительства за время съ 1 Іюля 1895 по 1-е Іюля 1896 года.

1. Отъ прошедшаго года въ остаткѣ суммъ было:

	Наличными	550 р.	84 к.	
	Билетами	9400 „	— „	
Сверхъ того	въ долгахъ за студентами .	3064 „	— „	

2. Приходъ.

Въ Іюлѣ:	Возвращено въ уплату долговъ	15 „	— „
	Получено членскихъ взносовъ	105 „	— „
	Итого . . .	120 „	— „
Въ Сентябрѣ:	Членскихъ взносовъ	70 „	— „
	Возвращено въ уплату долговъ	79 „	80 „
	Получено % съ капитала Попечительства	285 „	— „
	Получено изъ Ярославскаго Отдѣленія Государствен. Банка доплаты на обмѣнивающіеся именные % билеты Попечительства на 400 р.	43 „	11 „
	Итого . . .	417 „	91 „
Въ Октябрѣ:	Членскій взносъ	10 „	— „
	Возвращено въ уплату долговъ	90 „	— „
	Итого . . .	100 „	— „

Въ Ноябрѣ:	Возвращено въ уплату долговъ	25 р.	66 к.
	Членскій взносъ	10 „	— „
	Итого . . .	35 „	66 „
Въ Декабрѣ:	Возвращено въ уплату долговъ	70 „	80 „
	Пособіе отъ Уѣздной Земской Управы	100 „	— „
	Получено пожертвованій для присоединенія къ основному капиталу	400 „	— „
	Получено съ студенческ. вечера	680 „	43 „
	Итого . . .	1251 „	23 „
Въ Январѣ:	Отъ Юліи И. Базановой за почетные билеты	100 „	— „
	Членскій взносъ	30 „	— „
	Дополучено съ студенч. вечера, бывшаго 10 Декабря 1895 года	16 „	81 „
	Возвращено въ уплату долговъ	58 „	67 „
	Начислено % на книжку сберегательной кассы Государств. Банка % за 1895 г. . . .	3 „	— „
	Итого . . .	208 „	47 „
Въ Февралѣ:	Поступило въ уплату долговъ	43 „	66 „
	Получено отъ Управляющаго Ташкентской Контрольной Палаты И. Г. Бабіевскаго за билетъ на студенческій вечеръ . . .	100 „	— „
	Пособіе отъ Губернской Земской Управы на 1896 г. . .	50 „	— „

	°/о съ капитала . . .	127	р. 30	к.
	Получено отъ Ярославскаго Отдѣленія Государственнаго Банка шесть (обмѣненныхъ) имянныхъ Государ. 4°/о ренты всего	Билетами. 4300	„ —	„
	Итого . . .	320	„ 96	„
		Билетами. 4300	„ —	„
Въ Мартѣ:	Пособіе отъ Город. Управы . .	100	„ —	„
	Получено въ уплату долговъ .	101	„ —	„
	Членскій взносъ	10	„ —	„
	Получено въ возмѣщеніе 5°/о сбора съ капитала Попечител.	26	„ 37	„
	Итого . . .	237	„ 37	„
Въ Апрѣлѣ:	Получено въ уплату долговъ	83	„ 76	„
	Отъ Л. А. Дервизъ для причисленія къ капиталу Попечительства	100	„ —	„
	Пособіе отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія	300	„ —	„
	°/о за Мартъ съ выигр. бил.	2	„ 37	„
	Итого . . .	486	„ 13	„
Въ Маѣ:	Получено въ уплату долговъ .	91	„ 16	„
	Итого . . .	91	„ 16	„
Въ Іюнѣ:	Получено въ уплату долговъ .	54	„ 32	„

	Членскій взносъ	5 „	— „	
	Итого . . .	59 „	32 „	
	Всего поступило наличными . .	3328 „	53 „	
	бумагами . .	4300 „	— „	
	А съ остаточными: наличными . .	3879 „	37 „	
	билетами . .	13700 „	— „	

3. *Расходъ.*

Въ Іюлѣ:	Выдано пособій 6 студентамъ	35 „	— „
	Выдано 2 студентамъ заимообразно	13 „	34 „
	Перечислено 10% изъ денегъ Демидова	10 „	50 „
	Итого . . .	58 „	84 „
Въ Августѣ:	Выдано пособій 6 студентамъ	51 „	— „
	Уплачено за страхованіе 5% съ выигрышами билета . . .	— „	90 „
	Итого . . .	51 „	90 „
Въ Сентябрѣ:	Перечислено 10% въ основной капиталъ	73 „	31 „
	Выдано пособій 19 студентамъ	119 „	— „
	Выдано 4 студентамъ заимообразно	47 „	— „
	Итого . . .	239 „	31 „

Въ Октябрѣ:	Выдано 7 студентамъ заимообразно	85	р. 32	к.
	Выдано пособій 19 студентамъ	121	„ —	„
	Перечислено въ 10% изъ отчисленія	1	„ —	„
	Итого . . .	207	„ 32	„
Въ Ноябрѣ:	Выдано пособій 19 студентамъ	140	„ —	„
	Перечислено въ 10% отчисленіе	1	„ 30	„
	Итого . . .	141	„ 30	„
Въ Декабрѣ:	Выдано пособій 20 студентамъ	173	„ —	„
	Перечислено въ 10% отчисленіе	208	„ 20	„
	Выдано 10 студентамъ заимообразно	110	„ —	„
	Отослано въ контору Земской Больницы за леченіе студента Свадковскаго	2	„ 6	„
	Внесено за 20 студентовъ Лицея за слушаніе лекцій . .	400	„ —	„
	Итого . . .	893	„ 26	„
Въ Январѣ:	10% отчисленіе	14	„ 70	„
	Перечислено въ 10% отчисленіе % полученныхъ по книжкѣ	3	„ —	„
	Выдано пособій 20 студентамъ	141	„ —	„

	Выдано 8 студентамъ заимообразно	69 „	66 „
	Итого . . .	228 „	36 „
Въ Февралѣ:	Выдано пособій 27 студентамъ	179 „	— „
	10% отчисленіе	117 „	70 „
	Выдано 5 студентамъ заимообразно	68 „	32 „
	За застрахованіе одного выигрышнаго билета	1 „	10 „
	Итого . . .	366 „	12 „
Въ Мартѣ:	Выдано 4 студентамъ заимообразно	41 „	66 „
	Выдано пособій 29 студентамъ	220 „	— „
	10% отчисленіе	13 „	60 „
	Итого . . .	275 „	26 „
Въ Апрѣлѣ:	Выдано пособій 29 студентамъ	217 „	— „
	10% отчисленіе	131 „	90 „
	Выдано 5 студентамъ заимообразно	52 „	— „
	Внесено за слушаніе лекцій за 1-ю половину 1896 г. за 19 студентовъ	380 „	— „
	Итого . . .	780 „	90 „
Въ Маѣ:	Выдано пособій 31 студенту	203 „	— „
	Выдано 8 студентамъ заимообразно	95 „	32 „
	Итого . . .	298 „	32 „

Въ Іюлѣ:	Выдано пособій 17 студентамъ	119 р.	— к.
	Выдано 2 студентамъ заимообразно	24 „	66 „
	10% отчисленіе	— „	50 „
	Итого . . .	144 „	16 „

Итого израсходовано:

На пособія студентамъ	1718 „	— „
На уплату за слушаніе лекцій	780 „	— „
Выдано заимообразно	607 „	28 „
10% отчисленіе	576 „	61 „
За страхованіе билета	1 „	10 „
За леченіе студента въ больницѣ	2 „	6 „
Итого . . .	3685 „	5 „

Изъ числа 10% отчисленія употреблено на покупку свидѣтельствъ Государственной 4% ренты за № 68-мъ 100 р. и за № 158 въ 200 руб.	296 „	73 „
Къ 1-му числу Іюля остается по книжкѣ сберегательной кассы	64 „	— „
и наличными	1 „	4 „
Итого . . .	361 „	77 „

Въ остаткѣ:

Наличными	194 „	32 „
Билетами	14600 „	— „
Въ долгахъ за студентами къ началу отчетнаго года было	3064 „	94 „

Въ отчетномъ году вновь выдано заимообразно . . . . 607 „ 28 „

Итого: наличными . . . . . . 3866 „ 54 „
билетами . . . . 14600 „ — „

Въ уплату долговъ въ отчетномъ году поступило . . . . 804 „ 14 „
За тѣмъ остается не уплаченныхъ долговъ 2868 „ 8 „

Въ числѣ этой послѣдней суммы считаются должниками:

а) **Окончившіе уже курсъ**: *Агафоновъ* Николай выпуска 1887 г. 30 р.; *Алферовъ* Владиміръ 10 р.; *Аракельянцъ* Гавріилъ 20 р.; *Асотскій* Иванъ выпуска 1887 г. 29 р.; *Ажисантовъ* Михаилъ выпуска 1893 г. 21 р.; *Базыкинъ* Александръ выпуска 1889 г. 50 р.; *Браиловскій* Николай выпуска 1891 г. 25 р.; *Бѣляевъ* Валеріанъ 10 руб.; *Васильевъ* Николай 20 р.; *Васильевъ* Петръ выпуска 1891 г. 23 р.; *Введенскій* Николай выпуска 1883 года (въ Вологодскомъ судѣ) 10 р.; *Вереденко* Ѳедоръ выпуска 1891 г. 35 р.; *Воскресенскій* Василій 10 р.; *Гарскій* Сергѣй выпуска 1891 г. 15 руб.; *Георгіевскій* Александръ выпуска 1888 года 37 руб.; *Грацинскій* 2 р. 50 к.; *Гутманъ* Лейба выпуска 1886 г. 33 руб.; *Городцовъ* Петръ выпуска 1890 г. 24 р.; *Добротинъ* Александръ выпуска 1893 года 28 р.; *Желябужскій* Владиміръ 5 р.; *Замахаевъ* Сергѣй выпуска 1887 г. 15 р.; *Звѣздинъ* Александръ выпуска 1887 г. 25 р.; *Ивановъ* Михаилъ выпуска 1895 г. 12 р.; *Иваницкій* Михаилъ выпуска 1895 года 10 р.; *Иносовъ* Григорій 21 р., *Клементьевъ* Григорій выпуска 1887 г. 11 руб.; *Козловскій* Сергѣй выпуска 1883 г. 10 р.; *Краснянскій* Николай 20 р. *Кржиовкольскій* Болеславъ 12 р.; *Кобылинскій* Владиславъ 10 руб.; *Кротковъ* Викторъ 4 р.; *Коровкинъ* Сергѣй 10 р.; *Крыловъ* Николай 10 р.; *Кук-*

линъ Михаилъ 15 р.; *Лебедевъ* Павелъ выпуска 1884 г. 2 р.; *Любомудровъ* Михаилъ выпуска 1881 г. (судебный слѣдователь въ Ставрополѣ Кавказскомъ) 7 р.; *Марковъ* Александръ выпуска 1886 г. 21 р. 78 к.; *Макалинскій* Петръ 35 р.; *Малининъ* Иванъ выпуска 1886 г. 10 р.; *Малашевскій* Алексѣй 15 р.; *Милицинъ* Петръ 12 р.; *Миничъ* Антонъ выпуска 1891 г. 10 р.; *Мирмиковъ* Сергѣй выпуска 1886 г. 23 руб.; *Мулинъ* Иванъ выпуска 1891 года 10 руб.; *Осинскій* Михаилъ выпуска 1890 года 10 руб.; *Островскій* Павелъ выпуска 1891 г. 20 руб.; *Перошковъ* Василій выпуска 1890 г. 33 р , *Поваренныхъ* Иванъ выпуска 1890 г. 18 р.; *Покровскій* Иванъ выпуска 1887 г. 16 р.; *Покровскій* Сергѣй выпуска 1884 г. 12 р. 22 к.; *Положенцевъ* Григорій 10 р.; *Поповъ* Павелъ выпуска 1892 г. 12 руб.; *Преображенскій* Алексѣй Васильевичъ 30 руб.; *Преображенскій* Алексѣй Петровичъ 55 р.; *Прусовъ* Николай выпуска 1891 года 20 руб.; *Разумовъ* Михаилъ выпуска 1891 г. 10 руб.; *Рацишевскій* Петръ 30 р.; *Самойловичъ* Владиміръ выпуска 1884 года 10 руб.; *Сидоровскій* Александръ выпуска 1895 года 10 р.; *Сущинскій* Германъ выпуска 1884 г. 17 руб.; *Страддинъ* Иванъ 10 р.; *Стеблинъ-Каменскій* Борисъ 10 р ; *Страховъ* Иванъ выпуска 1878 г. 16 р.; *Талалай* Абрамъ выпуска 1891 г. 10 руб.; *Тихонравовъ* Александръ выпуска 1893 г. 15 руб.; *Третьяковъ* Иванъ выпуска 1885 г. 30 р.; *Троицкій* Николай выпуска 1885 г. 10 р.; *Троицкій* Владиміръ выпуска 1892 года 15 р.; *Феликсовъ* Евгеній выпуска 1885 года (судебнымъ слѣдователемъ въ Белебеѣ) 26 руб.; *Чекмаревъ* Николай выпуска 1892 года 10 руб.; *Чистяковъ* Константинъ выпуска 1892 г. 10 р.; *Чумаевскій* Алексѣй выпуска 1885 года 10 р.; *Шевелевъ* Евгеній выпуска 1892 г. 30 р.; *Юрьевъ* Алексѣй выпуска 1883 года 24 р.; *Язвицкій* Константинъ выпуска 1880 г. 10 рублей.

и б) **Выбывшіе изъ Лицея до окончанія курса:** *Боборыкинъ* Петръ 3 р.; *Булгаковъ* Иванъ 30 р.; *Введенскій* Ва-

силій 19 руб.; *Воинокъ* Иванъ 20 руб.; *Востоковъ* Николай 10 р.; *Гедеоновскій* Александръ 30 р.; *Грачевъ* Александръ 15 р.; *Горячкинъ* Александръ 2 р.; *Громовъ* Иванъ 34 р.; *Горецкій* Янъ 15 р.; *Декаполитовъ* Михаилъ 5 р.; *Денисовъ* Иванъ 20 р.; *Жерелло* Иванъ 36 р., *Заринскій* Иванъ 32 р.; *Ильинскій* Николай 42 р.; *Короткевичъ* Анатолій 15 руб.; *Лавровъ* Евгеній 10 р.; *Мирчевскій* Павелъ 10 р.; *Никольскій* Алексѣй 9 р.; *Окончицъ* Мячеславъ 10 р.; *Перфильевъ* Иванъ 6 р.; *Песоченскій* Иванъ 15 р.; *Преображенскій* Сергѣй 42 р.; *Птицинъ* Николай 12 р.; *Рума* Леопольдъ 15 р.; *Смольянниковъ* Павелъ 25 руб.; *Снѣгиревъ* Николай 10 руб.; *Соловьевъ* Александръ 18 руб.; *Станкевичъ* Яковъ 15 руб.; *Ухановъ* Александръ 12 р.; *Шестеркинъ* Павелъ 8 руб.

ЖУРНАЛЫ

Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

1895 года марта 24 дня, въ засѣданіи Совѣта Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, **присутствовали:** ординарный профессоръ *Н. С. Суворовъ*, профессоръ богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій*, испр. должн. экстраординарныхъ профессоровъ: *В. Г. Щегловъ*, *Э. Н. Берендтсъ*, испр. долж. доцентовъ: *М. А. Липинскій*, *А. Е. Минервинъ*, приватъ-доценты. *А. Р. Свирщевскій*, *В. А. Юшкевичъ* и *Д. Н. Стефановскій*. **Не присутствовали:** испр. должн. доцента *М. М. Катковъ* по болѣзни, приватъ-доценты: *А. В. Шмидтъ* и *И. Я. Гурляндъ* по нахожденію въ отпуску.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ. **Опредѣлили:** представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 1 сего марта за № 4026, коимъ разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданій Совѣта 10 октября, 28 ноября и 5 декабря 1892 года. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію.

3. Предложеніе Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 18 сего марта за № 5053, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія назначилъ г. Директора Лицея Предсѣдателемъ Юридической испытательной коммиссіи, имѣющей быть въ текущемъ году при Юрьевскомъ университетѣ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4. Отношеніе Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, коимъ увѣдомляетъ, что въ октябрѣ текущаго года состоится первое присужденіе двухъ преній имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, одной по антропологіи и другой по этнографіи въ размѣрѣ 100 руб. Начиная съ 1896 г. ежегодно будетъ присуждаться одна премія по антропологіи и этнографіи по очереди. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

5. Прошенія студентовъ Лицея 2-го курса Григорія *Корякина* и 4-го курса Ѳедора *Чептукова* о выдачѣ имъ, какъ достигшимъ нынѣ 27 лѣтняго возраста, удостовѣреній для представленія въ подлежащія воинскія присутствія при исходатайствованіи дополнительныхъ отсрочекъ по отбыванію воинской повинности до окончанія ихъ образованія въ Лицеѣ. **Опредѣлили:** Выдать *Корякину* и *Чептукову* надлежащія удостовѣренія, указавъ въ оныхъ, что названные студенты окончить курсъ могутъ: первый къ 1-му іюня 1897 года, а послѣдній къ 1-му іюня текущаго года.

6. Прошенія окончившихъ курсъ наукъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій: Петра *Абрамова*, Александра *Воскобойникова*, Дмитрія *Радченко* и Владиміра *Соколова* объ отсрочкѣ

имъ подачи диссертацій. **Опредѣлили:** Отсрочить представленіе кандидатскихъ диссертацій: *Абрамову* и *Воскобойникову* до 1 іюня, а *Радченко* и *Соколову* до 1-го сентября, о чемъ имъ и объявить.

7. Прошенія кандидатовъ: физико-математическихъ наукъ Московскаго Университета *Николая Кузнецова* и естественныхъ наукъ С.-Петербургскаго Университета *Бориса Орнштейна* о допущеніи ихъ къ испытаніямъ при Лицеѣ на степень кандидата юридическихъ наукъ. По разсмотрѣніи документовъ означенныхъ лицъ, **Опредѣлили:** Допустить *Кузнецова* и *Орнштейна* къ испытаніямъ на степень кандидата юридическихъ наукъ въ маѣ текущаго года.

8. Сочиненіе подъ заглавіемъ „О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ“, поданное для соисканія золотой медали подъ девизомъ Fais ce que dois, advienne ce que pourra **Опредѣлили:** Передать для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ испр. долж. Экстраординарнаго профессора *В. Г. Щеглову* и приватъ-доценту *Д. Н. Стефановскому*.

9. Отчеты о занятіяхъ состоящихъ при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію *Золотарева* и *Иванова* **Опредѣлили:** Передать для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ испр. долж. Экстраординарнаго профессора *Н. Э. Берендтсу* и *В. Г. Щеглову*.

10. По заявленію приватъ-доцента *Юшкевича*, **Опредѣлили:** Выдать изъ суммы сбора за слушаніе лекцій студенту *Спасскому* вознагражденіе въ двадцать рублей.

11. Окончившіе курсъ въ Лицеѣ подали своевременно кандидатскія работы: Бестужевъ-Рюминъ „Положеніе о привиллегіяхъ 1833 года“, Боголюбскій Александръ „Переселенія крестьянъ какъ мѣра обезпеченія земельнаго быта“ и Бугонъ „Договоръ коммиссіи, его

юридическая природа, экономическое значеніе и роль въ современномъ торговомъ оборотѣ". **Опредѣлили:** Передать эти сочиненія первое и послѣднее приватъ-доценту *Гурлянду*, а второе испр. долж. Экстраординарнаго профессора *Берендтсу* и просить ихъ доставить въ Совѣтѣ отзывы объ этихъ сочиненіяхъ.

12. По заявленію Ординарнаго профессора *Н. С. Суворова*, **Опредѣлили:** Напечатать во Временникѣ Лицея программу церковнаго права и краткій учебникъ церковнаго права.

13. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 1-й курсъ Бѣляевъ Всеволодъ, бывшій студентъ Лицея; на 2-й курсъ Покровскій Николай изъ Московскаго Университета (1-й Московской гимназіи); на 3-й курсъ: Лапатниковъ Василій, Надеждинъ Григорій, Остроглазовъ Андрей—бывшіе студенты Лицея, Фрейбергъ Константинъ изъ Московскаго Университета (Самарской гимназіи), Холодовичъ Константинъ—бывшій студентъ Лицея, Хорановъ Валентинъ—Петербургскаго Университета (Ставропольской гимназіи); на 4-й курсъ: Кондратьевъ Иванъ—бывшій студентъ Лицея, Красткалнъ Андрей изъ Московскаго Университета (Рижской гимназіи), Стати Евгеній—Московскаго Университета (Кишиневской гимназіи), Хватовъ Николай Московскаго Университета (Владимірской гимназіи) и Шютце Германъ Дерптскаго Университета (изъ гимназіи въ Биркенру), Курлинъ Дмитрій—бывшій студентъ Лицея и на 1-й курсъ Рождественскій Николай изъ Ярославской гимназіи. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

1895 года апрѣля 19 дня въ засѣданіи Совѣта Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, **присутство-**

вали: ординарный профессоръ *Н. С. Суворовъ*, профессоръ богословія протоіерей *Н. А. Тихвинскій*, исправ. долж. экстраординарныхъ профессоровъ *В. Г. Щегловъ*, *Э. Н. Берендтсъ*, испр. долж. доцентовъ: *М. А. Липинскій*, *А. Е. Мининервинъ*, приватъ-доценты: *А. Р. Свирщевскій*, *В. А. Юшкевичъ* и *Д. Н. Стефановскій*. **Не присутствовали:** испр. долж. доцента *М. М. Катковъ* и приватъ-доценты: *А. В. Шмидтъ* и *И. Я. Гурляндъ* по нахожденію въ отпуску.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 17 сего апрѣля за № 6496, коимъ увѣдомляетъ, что Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, послѣдовавшимъ 30 марта сего года за № 13, приватъ-доцентъ Новороссійскаго Университета, магистръ уголовнаго права, коллежскій секретарь Піонтковскій назначенъ испр. долж. экстраординарнаго профессора сего Лицея по каѳедрѣ Уголовнаго права. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и сообщить г. Ректору Университета о высылкѣ формулярнаго списка г. *Піонтковскаго*.

3. По разсмотрѣніи списковъ студентовъ и послѣ заявленій гг. профессоровъ объ исполненныхъ студентами годовыхъ работахъ, требующихся отъ нихъ § 28 и 29 правилъ, **Опредѣлили:** 1) отмѣтить въ спискахъ всѣхъ студентовъ исполнившихъ годичныя работы, а равно и тѣхъ, которые, не исполнивъ письменныхъ работъ, обязались

представить къ экзаменамъ отчетъ о прочитанныхъ сочиненіяхъ; 2) студентовъ, не исполнившихъ годичныхъ работъ и не заявившихъ о прочтеніи какого либо сочиненія къ экзаменамъ не допускать; 3) списокъ съ отмѣтками для доставленія въ экзаменаціонную коммиссію передать Инспектору студентовъ.

4. Гг. профессора и преподаватели Лицея заявили, что при чтеніи ими въ истекающемъ учебномъ году лекцій, всѣ они исполнили одобренные Совѣтомъ и утвержденные въ началѣ года Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія учебные планы. **Опредѣлили:** Заявленія принять къ свѣдѣнію и, на основаніи § 4-го инструкціи преподавателямъ Лицея, передать представленныя ими программы въ экзаменаціонныя коммиссіи; испытанія начать съ 15 мая.

5. Въ виду вакантныхъ каѳедръ: Граждавскаго Судопроизводства, Всеобщей Исторіи права и Исторіи Римскаго права, Совѣтъ, на основаніи § 35 Устава Лицея, предложилъ чтеніе въ будущемъ учебномъ году Гражданскаго Судопроизводства по 4 часа въ недѣлю испр. долж. доцента Липинскому, Всеобщей Исторіи права испр. дол. экстраординарнаго профессора Щеглову по 3 часа и Исторіи Римскаго права испр. долж. доцента Минервину по 3 часа. Сверхъ того признавалось бы необходимымъ усилить преподаваніе Гражданскаго права, такъ какъ имѣющемуся при этой каѳедрѣ приватъ-доценту Юшкевичу, какъ начинающему еще преподавательскую свою дѣятельность, Совѣтъ не можетъ поручить для чтенія болѣе 5 часовъ въ недѣлю. Въ виду этого, Совѣтъ полагалъ бы просить г. Директора читать въ будущемъ учебномъ году на 4 курсѣ, по примѣру истекающаго учебнаго года, Гражданское право (семейное и наслѣдственное) по 2 часа въ недѣлю.

Получивъ отъ всѣхъ этихъ лицъ согласіе, **Опредѣлили:** Поручить на предстоящій учебный годъ чтеніе Гражданскаго права по 2 часа въ недѣлю заслуженному ординарному профессору *С. М. Шпилевскому* и по вакантнымъ каѳедрамъ испр. долж. экстраординарнаго профессора *Щеглову* Всеобщей Исторіи права по 3 часа, испр. долж. доцента *Липинскому* Гражданскаго Судопроизводства по 4 часа и испр. дол. доцента *Минервину* Исторіи Римскаго права по 3 часа въ недѣлю и представить объ этомъ г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, на основаніи § 21 Устава Лицея, прося разрѣшенія Его Сіятельства на выдачу въ теченіе 189⁵/₆ учебнаго года изъ суммъ имѣющихъ остаться отъ содержанія личнаго состава по смѣтамъ 1895—96 годовъ: заслуженному ординарному профессору *Шпилевскому* за 2 часа 400 руб., испр. д. экстр. орд. профессора Щеглову за 3 ч. 600 р., испр. долж. доцента *Липинскому* за 4 часа 800 руб. и испр. долж. доцента *Минервину* за 3 часа 600 руб., начавъ таковую выдачу съ 16 августа сего года съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если въ теченіе года будетъ назначенъ новый на какую либо изъ этихъ каѳедръ преподаватель, то вознагражденіе было выдано по разсчету по день этого назначенія.

6. Окончившіе курсъ Радченко и Стеблинъ-Каменскій Борисъ подали своевременно кандидатскія свои работы: первый „Авторское право на литературныя произведенія“, а второй „Объ имущественномъ наймѣ“. **Опредѣлили:** Передать эти сочиненія приватъ-доцентамъ: первое *Гурлянду*, а второе *Юшкевичу*, прося ихъ доставить въ Совѣтъ отзывы объ этихъ сочиненіяхъ.

7. Сочиненіе подъ заглавіемъ „О вознагражденіи невино къ суду уголовному привлекаемыхъ“, поданное для соисканія золототой медали подъ девизомъ: Feci, duod

potui, faciant meliora potentes, **Опредѣлили:** Для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ передать исправл. долж. экстраординарнаго профессора *В. Г. Щеглову* и приватъ-доценту *Д. Н. Стефановскому.*

8. По случаю отъѣзда г. Директора въ Юрьевъ, куда назначенъ онъ предсѣдателемъ Испытательной юридической коммиссіи, экзамены по читаннымъ имъ наукамъ **Опредѣлили:** Произвести: по Исторіи Русскаго права испр. долж. доцента *М. А. Липинскому*, а по Гражданскому праву приватъ-доценту *В. А. Юшкевичу*. Сверхъ того, производство экзаменовъ по Уголовному праву для студентовъ окончившихъ нынѣ курсъ, за неимѣніемъ профессора, просить произвести испр. долж. экстраординарнаго профессора *В. Г. Щеглова.*

9. Въ настоящемъ засѣданіи предложено было г. Директоромъ баллотированіе для чтенія лекцій въ предстоящемъ $189^5/_6$ учебномъ году приватъ-доцентовъ: Свирщевскаго, Шмидта, Гурлянда, Юшкевича и Стефановскаго. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ заявилъ при этомъ, что приватъ-доцентъ Юшкевичъ, какъ назначенный г. Министромъ (19 августа 1894 г.) приватъ-доцентомъ и притомъ съ усиленнымъ, по Высочайшему повелѣнію, содержаніемъ, въ Совѣтѣ же не баллотировавшійся, не долженъ и нынѣ подлежать баллотировкѣ безъ разъясненія объ этомъ высшаго начальства. По обсужденіи остальные члены Совѣта, имѣя въ виду аналогичный случай съ приватъ доцентомъ Шмидтомъ, который на 2-й годъ послѣ назначенія баллотировался Совѣтомъ, согласно сдѣланному тогда указанію начальствомъ Московскаго Учебнаго Округа, признали необходимымъ баллотировку Юшкевича, послѣ чего ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ заявилъ, что представитъ по этому поводу отдѣльное мнѣніе и отъ бал-

лотировки Юшкевичъ отказался. Баллотированные избраны всѣ единогласно. Затѣмъ обсуждался вопросъ о порученіи имъ чтенія лекцій въ 189⁵/₆ году, послѣ чего **Опредѣлили:** Поручить *Свирщевскому* чтеніе Финансоваго права и Политической Экономіи по 3 часа въ недѣлю по каждому предмету, *Шмидту* Международнаго права, *Гурлянду* Торговаго права по 3 часа въ недѣлю, *Юшкевичу* Гражданскаго права по 5 часовъ и *Стефановскому* Уголовнаго Судопроизводства по 3 часа съ вознагражденіемъ: *Свирщевскому* 1800 руб., *Шмидту, Гурлянду* и *Стефановскому* по 1200 руб. и *Юшкевичу* 2000 руб., начавъ выдачу имъ вознагражденія съ 16 августа сего года изъ суммъ, имѣющихъ остаться отъ содержанія личнаго состава Лицея по смѣтамъ 1895—96 годовъ, о чемъ и представить на утвержденіе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

10. Слушали слѣдующее заявленіе ординарнаго профессора Лицея Н. С. Суворова: „Имѣю честь довести до свѣдѣнія Совѣта, что состоявшееся въ прошломъ его засѣданіи постановленіе о напечатаніи во Временникѣ Лицея“ краткаго учебника церковнаго права“ не можетъ быть мною въ исполненіе приведено, такъ какъ г. Директоръ Лицея отказался читать представленные ему мною первые листы рукописи и дать свою подпись подъ опредѣленіемъ Совѣта о напечатаніи, каковая подпись помѣщается обыкновенно на оборотѣ заглавной страницы напечатанной книги. При этомъ отказъ свой г. Директоръ то объяснялъ тѣмъ соображеніемъ, что онъ считаетъ учебникъ церковнаго права принципіально подлежащимъ не лицейской а духовной цензурѣ, то оставлялъ безъ всякаго объясненія, говоря, что онъ не считаетъ нужнымъ объяснять мнѣ основанія отказа, предоставляя жаловаться на отказъ высшему начальству.

Въ виду того, что отказъ г. Директора противорѣчитъ и Уставу Лицея и существовавшей втеченіе моего восемнадцалѣтняго преподаванія практикѣ, и существующему въ университетахъ порядку, и при томъ же касается въ малой лишь степени моихъ личныхъ интересовъ; главнымъ же образомъ касается интересовъ преподаваемой мною науки церковнаго права, какъ юридической дисциплины, я не рѣшаюсь, безъ разъясненія высшаго начальства, отправить рукопись въ духовное цензурное установленіе и намѣренъ поэтому поводу представить жалобу съ представленіемъ докладной записки Его Сіятельству Господину Попечителю Московскаго учебнаго округа, о чемъ и имѣю честь довести до свѣдѣнія Совѣта Лицея". Послѣ сего г. Директоръ заявилъ, что для него лично появленіе въ печати краткаго учебника церковнаго права желательно и противъ печатанія его во Временникѣ Лицея онъ ничего не имѣетъ, но, имѣя въ виду цензурный уставъ, полагаетъ, что разрѣшеніе къ печати курса церковнаго права зависитъ отъ духовный цензуры. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

11. По выслушаніи прилагаемыхъ при семъ отзывъ испр. д. экстраорд. профессоровъ: *Э. Н. Берендтса* и *В. Г. Щеглова* объ отчетѣ за истекшій 1894-й годъ, представленномъ готовящимся къ профессорскому званію по государственному праву Александромъ Золотаревымъ, **Опредѣлили:** Отчетъ этотъ съ отзывами гг. *Берендтса* и *Щеглова* представить чрезъ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа въ Министерство Народнаго Просвѣщенія.

(Прилож. къ ст. 11-й).

ОТЗЫВЪ

объ отчетѣ стипендіата А. П. Золотарева испр. должн. экстраординарнаго профессора Э. Н. Берендтса.

Отчетъ стипендіата Александра Золотарева о занятіяхъ по приготовленію къ магистерскому экзамену за 1894 годъ, свидѣтельствуетъ какъ о трудолюбіи и добросовѣстности его, такъ и о способности критически относиться къ многообразнымъ теоріямъ въ области Государственнаго права. Стипендіатъ посвятилъ наибольшую массу труда изученію тѣхъ вопросовъ, которые вызываютъ споръ и разногласіе въ средѣ представителей изучаемой имъ науки, а именно вопросамъ: о существѣ государства, государственной власти и ея органовъ, о раздѣленіи и равновѣсіи властей, о сложныхъ государствахъ, о публичныхъ правахъ гражданъ. Изучая эти вопросы, стипендіатъ не ограничился сочиненіями, указанными въ составленной въ 1893 году инструкціи, но и ознакомился съ трудами по общему Государственному праву, появившимися въ 1893 и 1894 гг. Затѣмъ онъ изучалъ положительное Государственное право Англіи, Франціи, Австріи, Германіи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Признавая отчетъ г. Золотарева вполнѣ и весьма удовлетворительнымъ, я исполняю только долгъ справедливости по отношенію къ нему.

Испр. долж. экстр. профес. *Э. Берендтсъ.*

МНѢНІЕ

объ отчетѣ профессорскаго стипендіата Демидовскаго Юридическаго Лицея А. Золотарева за 1864 г. испр. долж. экстраординарнаго профессора Лицея В. Г. Щеглова.

Отчетъ о занятіяхъ профессорскаго стипендіата Демидовскаго Юридическаго Лицея А. Золотарева за 1894 годъ отличается большими достоинствами. Всѣ главные вопросы науки Государственнаго права (о сущности государственной власти, ея органахъ, формахъ политическаго быта, публичныхъ правахъ гражданъ, положительномъ устройствѣ Европейскихъ государствъ) изучены Золотаревымъ по сочиненіямъ лучшихъ западно-европейскихъ и русскихъ ученыхъ. Но Золотаревъ не ограничивается лишь одной передачей ихъ юридическихъ и политическихъ взглядовъ, а старается отнестись къ нимъ критически, самостоятельно. Въ особенности такой научный способъ изученія вопросовъ государственной науки выражается ясно въ изслѣдованіи имъ достоинствъ и недостатковъ современнаго юридическаго направленія въ этой наукѣ. Здѣсь Золотаревъ анализируетъ воззрѣніе главныхъ представителей юридическаго направленія (Лабанда, Еллинека и друг.) на понятіе государственной власти, ея органы, раздѣленіе властей и др. Золотаревъ придаетъ большое значеніе попыткамъ юридической школы выяснить публичную сторону институтовъ Государственнаго права и выдѣлить изъ науки частно-правовой, личный элементъ. Но въ тоже время Золотаревъ отмѣчаетъ и слишкомъ отвлеченный характеръ всѣхъ взглядовъ этого новаго направленія въ государственной наукѣ и цѣлый рядъ разнообразныхъ ошибокъ, въ которыя она впадаетъ вслѣд-

ствіе крайняго развитія идеи единства государственной власти. Золотаревъ обращаетъ особенное вниманіе на выясненіе взаимнаго соотношенія двухъ основныхъ принциповъ государственной жизни—раздѣленія властей и ихъ равновѣсія. Съ этою цѣлью онъ подвергаетъ критикѣ взгляды на этотъ вопросъ Монтескье и юридической школы и въ концѣ своего изслѣдованія указываетъ на соединеніе обѣихъ названныхъ началъ въ дѣйствительной жизни европейскихъ государствъ. Золотаревъ устанавливаетъ также понятіе права и государства, причемъ старается устранить изъ обоихъ этихъ понятій крайности современныхъ научныхъ теорій (въ понятіи права волевой и цѣлевой, государства юридической школы). Также обстоятельно, съ полнымъ знаніемъ дѣла и критически излагается Золотаревымъ вопросъ объ отношеніи между закономъ и распоряженіемъ, на который въ послѣднее время обращено особое вниманіе современныхъ публицистовъ, иностранныхъ и русскихъ.

Въ отчетѣ Золотарева на ряду съ достоинствами попадаются не рѣдко и разнаго рода погрѣшности и ошибки. Таково, напримѣръ, преувеличенное представленіе Золотарева о достоинствахъ современнаго юридическаго направленія въ государственной наукѣ, гдѣ оно на самомъ дѣлѣ произвело пока большую путаницу во всѣхъ понятіяхъ. Отмѣчая промахи юридической школы, Золотаревъ и самъ иногда впадаетъ въ противорѣчія (напр., по вопросу объ отношеніи къ верховной власти ея органовъ), или же даетъ не вполнѣ вѣрныя понятія (напр., понятіе права). Нужно, однако, признать, что Золотаревъ самъ и не могъ разрѣшить правильно всѣ сомнительные вопросы государственной науки, надъ которыми трудятся давно уже и не всегда съ замѣтнымъ успѣхомъ видные представители современной науки. Но и

то, что сдѣлалъ Золотаревъ въ своемъ настоящемъ отчетѣ, указываетъ на умѣнье автора справляться съ массой того научнаго матеріала, который представляютъ сочиненія современныхъ публицистовъ, выработанную имъ способность разбираться въ разныхъ современныхъ научныхъ теоріяхъ, относиться къ нимъ критически и выбрать изъ взглядовъ ученыхъ наиболѣе опредѣленные и достовѣрные. Вся та часть отчета Золотарева, гдѣ идетъ рѣчь объ юридическомъ направленіи, на столько имѣетъ научный интересъ, что я полагалъ бы возможнымъ выдѣлить ее изъ отчета и предложить автору послѣ нѣкоторой обработки напечатать въ спеціальномъ юридическомъ журналѣ. Весь отчетъ Золотарева производитъ впечатлѣніе труда, который стоилъ автору много силъ и времени, и былъ для него вполнѣ производительнымъ. Видно, что Золотаревъ занимается своимъ дѣломъ усердно и познакомился съ современнымъ состояніемъ науки Государственнаго права, гдѣ онъ успѣлъ пріобрѣсти много основательныхъ, самостоятельныхъ знаній.

Испр. долж. Экстр. проф. *В. Щегловъ*.

Серг. Никоновъ.

ПЛАНЪ ЛЕКЦІЙ

ПО РУССКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ.

Часть 1-я.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ И ПРАВА ВЕЩНЫЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1896.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Цѣль изданія настоящаго „плана“—доставить студентамъ руководство не исключительно для одной подготовки къ экзаменамъ, но и для самостоятельнаго изученія дѣйствующаго русскаго гражданскаго права. Приведенная подъ отдѣльными рубриками литература составлена, по преимуществу, изъ сочиненій русскихъ юристовъ; книги иностранныя указаны лишь въ цѣляхъ дополненія и поясненія вопросовъ права, еще не достаточно разработанныхъ нашими писателями.

Ярославль. 30 Августа, 96 г.

Вмѣсто рукописи.

ПЛАНЪ.

ЛЕКЦІЙ ПО РУССКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ.

I

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

А.—*К. Анненковъ*—Система русскаго гражданскаго права т. I-й, Введеніе и общая часть 1894 г.; т. II-й. Права вещныя 1895 г.

В.—*Е. Васьковскій*—Учебникъ гражданскаго права вып. 1-й 1894 г., Введеніе и общая часть; вып. 2-й 1896 г.—Вещное право.

Д.—*Н. Дювернуа*—Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву, вып. 1—3; 1889—95 г.

К.—*К. Кавелинъ*—Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ 1879 г.

М.—*Д. Мейеръ*—Русское гражданское право, изданіе 6-е А. Гольмстена, 1894 г.

П.—*К. Побѣдоносцевъ*—Курсъ гражданскаго права, ч. 1-я, вотчинныя права, изд. 1892 г.; ч. 2-я—права семейственныя, наслѣдственныя и завѣщательныя, изд. 1875 г.; ч. 3-я договоры и обязательства, изд. 1890 г.

Ш.—*Г. Шершеневичъ*—Учебникъ русскаго гражданскаго права, 1894 г.

I. Право въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ.

Общее ученіе о правѣ въ объективномъ смыслѣ.

А. 33. *Коркуновъ*—Лекціи по общей теоріи права 90 г. стр. 152—166. *Муромцевъ*—Опредѣленіе и основное раздѣленіе пра-

ва, 79 г. *Шершеневичъ*—Опредѣленіе понятія о правѣ (Записки Казан. Универс. 96 г. т. IV). Bierling—Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe I 1877, II 1883. Heilinger—Recht und Macht 1890. Roguin—La règle de droit 1889. Thon—Rechtsnorm und subjectives Recht 2 B-de 1878. Jhering (переводъ съ нѣмецк.); Цѣль въ правѣ 81 г.;—Борьба за право 95;—Интересъ и право 80 г.

Право публичное и частное.

В. 1—10; *Д.* 34—59; *К.* 1—6; *М.* 1—4; *Ш.* 1—7. *Кавелинъ.*—Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы? 64 г. *Его-же*—Русское гражданское уложеніе (Журн. гражд. и уголовн. права 1882 г. кн. VIII). *Коркуновъ*—Лекціи.... стр. 162—166. *Умовъ*—Понятіе и методъ изслѣдованія гражд. права 73 г. *Шершеневичъ*—Наука гражданскаго права въ Россіи 93 г. Thon-Rechtsnorm etc. S. 110 ff. Roguin cit. p. 174 ss.

Классификація частныхъ правъ и порядокъ ихъ изложенія.

А. 27—32; *В.* 15—20; *Ш.* 46—49. *Мыльшевъ*—Курсъ общ. гражданскаго права I 78 г. стр. 1—19. *Муромцевъ*—Опредѣленіе и основное раздѣленіе права 79 г. стр. 4—20. *Коркуновъ*—Лекціи... § 59. *Пахманъ*—О предметѣ и системѣ русскаго гражд. уложенія (Журн. гражд. и угол. права 82 г. т. VIII). *Умовъ*—Понятіе и методъ изслѣдованія гражд. права 73 г. *Шершеневичъ*—Къ вопросу о системѣ гражданскаго права (Юридич. Лѣтопись 92 г. IX). Thon—Rechtsnorm... S. 127 fg. Unger—System des Oesterreichischen Privatrechts 1890 S. 210—229.

Изученіе русскаго гражданскаго права.

В. 10—15; *М.* 11—13. *Шершеневичъ*—Наука гражданскаго права въ Россіи 93 г. *Поворинскій*—Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву 86 г. *Якушкинъ*—Обычное право т. I 1875 г., т. II 1896 г.

Источники права; общее понятіе.

А. 34—36; *Ш.* 31—33. *Малышевъ*—Курсъ общ. гражд. пр. I. 48—317. *Коркуновъ*—Лекціи... стр. 284—286. Adickes—Zur Lehre von den Rechtsquellen 1873. Sturm—Recht und Rechtsquellen 1883. Zitelmann—Gewohnheitsrecht und Jrrthum (Arch. für d. civilist. Praxis B. LXVI).

а) Обычай.

А. 36—44; *В.* 40—42; *М.* 14—17; *Ш.* 33—36. *Дриль*—Обычай и законъ (Юридич. Вѣстн. 83 г. т. VI—VII). *Леонтьевъ*—Законъ и обычай въ гражданской практикѣ волостного суда (Журн. Юридич. Общества 94 г. т. VII). *Метла*—Обычай и законъ, какъ формы права (Юрид. Вѣстн. 77 г. V—VI и XI—XII). *Оршанскій*—Народный судъ и народное право (Журн. гражд. и уголовн. права 75 г. т. III). *Пахманъ*—Обычное гражданское право т. I—II.

б) Законъ.

А. 44—52; *В.* 21—26; *М.* 17—20; 38—41; *Ш.* 36—38. *Градовскій*—Начала русскаго государственнаго права 75 г. т. I стр. 11—142. *Коркуновъ*—Лекціи... 278, 286—290. *Малышевъ*—Курсъ общаго гражд. пр. I 106—114. *Цитовичъ*—Курсъ русскаго гражд. права I 33—44.

в) Административное распоряженіе (?)

А. 52—58. *Градовскій.*—Начала русск. госуд. права 75 г. I 60—73. *Малышевъ*—Курсъ общ. гражд. права I 308—315.

г) Судебное рѣшеніе. (?)

В. 42—44; *Ш.* 45. *Градовскій.*—О судебномъ толкованіи законовъ по русскому праву (Журн. гр. и угол. пр. 74, I). *Гордонъ*—Теорія судебнаго толкованія законовъ (Журн. гр. и угол. права 82, IX). *Коркуновъ.*—Лекціи... стр. 275 сл. *Муромцевъ.*—Судъ и законъ въ гражданскомъ правѣ (Юридич. Вѣстн. 80, XI). *Пцилло*—Теорія судебнаго толкованія законовъ. (Ж. гр. и уг. пр. 82, IX).

д) Наука права (?)

М. 50. Kohler—Die schopferische Kraft der Jurisprudenz (Jhering's Jahrbücher für die Dogmatk... XXV). Puchta—Gewohnheitsrecht II, S. 19 ff.

Виды нормъ права:

а) Мѣстныя и повсемѣстныя (въ государствѣ):

А. 66—68; *В.* 26—27; *М.* 20—22; 33—37; *Ш.* 38—41; 42—43. *Малышевъ*—Курсъ общ. гр. пр. I 134—186. *Градовскій*—cit.

б) Общія и особенныя; привиллегіи.

А. 62—66; *М.* 20, 185—194; *Ш.* 41; *Д.* 59—101. *Малышевъ*—I, 131—134. *Градовскій*—cit.

Дѣйствіе нормъ права:

а) Относительно лицъ.

А. 78—81; *В.* 27—28; *М.* 37—38. *Малышевъ*—cit. *Градовскій*—cit.

б) Во времени.

А. 81—97; *В.* 22—25; *М.* 31—33; *Ш.* 41. *Градовскій.*—О дѣйствіи законовъ во времени (Журн. гр. и угол. пр. 73 IV). *Малышевъ.*—cit. 188—262. *Цитовичъ.*—Курсъ русскаго гражд. пр. I, 52—127. Rintelen—Ueber den Einfluss neuer Gesetze auf die zur Zeit ihrer Emanation bestehenden Rechtsverhältnisse 1877.

Кодификація.

А. 161—219; *М.* 41—48. *Пахманъ.*—Исторія кодификаціи гражданскаго права 2 т. 76. *Гожевъ* и *Цвѣтковъ.*—Сборникъ гражданскихъ законовъ 3 т. 85—86 г. *Змирловъ.*—О недостаткахъ нашихъ гражданскихъ законовъ (Журн. гр. и угол. права 82 VIII—IX; 83 I—XII; 84 I, V, VI; 86 II, V, VIII; 89 V I). „За-

мѣчанія о недостаткахъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ" 91 г. (изданіе редакц. комис.). *Леонтьевъ.*—Кодификація обычнаго права (Журн. Юрид- Общ. 95 XII).

Толкованіе нормъ права; аналогія.

А. 5—24; *В.* 29—40; *М.* 23—31; *Ш.* 43—45. *Лихтенштадтъ*—Логическое толкованіе законовъ (Журн. гр. и уг. пр. 93, IX). *Гордонъ.*—Логическій способъ толкованія законовъ (Журн. гр. и уг. пр. 81 г. V). *Его-же.*—Теорія судебнаго толкованія законовъ (Журн. гр. и угол. пр. 82 IX). *Градовскій.*—О судебномъ толкованіи законовъ по русскому праву (Журн. гр. и уг. пр. 74 I). *Муромцевъ.*—Судъ и законъ въ гражданскомъ правѣ (Юридич. Вѣстн. 80 г. XI). De la Grasserie—De l'interpretation judicaire et legislation des lois 1888.

Право въ субъективномъ смыслѣ.

Понятіе, юридическія отношенія и юридическія притязанія.

А. 109—114; *В.* 96—98; *К.* 38—44; *Ш.* 50—56. *Коркуновъ*—Лекціи... стр. 130—152. *Муромцевъ.*—Опредѣленіе и основное раздѣленіе права 79 г. стр. 53—93. Bierling—Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe 2-er Theil. 1883. Jhering—Zweck im Rechte 2-te Aufl. I, 443 fg. Neuner—Wesen und Arten der Privatrechtsverhältnisse 1866. Roguin—La régle de droit 1889 p. 41—116. Rümelin—in d. Archiv für die civilist. Prax, LXVIII S. 204 fg. Schuppe—Der Begriff des Subjectiven Rechts 1887. Thon—Rechtsnorm und subjectives Recht 2 B-de 1878.

II. Субъектъ права.

Правоспособность, дѣеспособность.

А. 114—115; 138—141; *В.* 45—47; *К.* 7—8; *Д.* 235—265. *Пахманъ.*—О значеніи личности въ области гражданскаго права (Журн. гражд. и угол. пр. 83 г. I). Bekker—in d. Jhering's Jahrbücher. f. Dogm. XII, S. 1 fg. Bierling—Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe. II S. 74 fg.

1. *Физическія лица.*

Начало и конецъ личности.

А. 115—120; *В*. 47—50; *Д*. 265—270; 284—296; *К*. 8; *М*. 51—53; *Ш*. 57, 59. *Азаревичъ*.—Физическія лица, какъ правовыя субъекты. (Записки Имп. Новороссійск. Университ. 83 г. т. 38-й). Unger—System des Oesterreichischen Privatrechts I S. 231—307.

Безвѣстное отсутствіе.

А. 120—138; *В*. 50—55; *Д*. 296; *М*. 53—56; *Ш*. 59. *Любавскій*.—О безвѣстномъ отсутствіи (Юридическія монографіи... т. II). *Шершеневичъ*.—О послѣдствіяхъ безвѣстнаго отсутствія по русскому законодательству (Журн. Мин. Юстиціи 96, V). Riesenfeld—Verschollenheit und Todeserklärung 1891.

Обстоятельства, вліяющія на ограниченіе правоспособности лица: 1) подданство, 2) сословность, 3) званіе, 4) вѣроисповѣданіе, 5) родство и свойство, 6) честь (лишеніе правъ состоянія), 7) полъ.

А. 142—173; *В*. 55—62; *Д*. 296—361; *К*. 8—17; *М*. 57—83; *Ш*. 60—61. *Кавелинъ*.—Объ ограниченіяхъ гражданской правоспособности въ Россіи по состояніямъ и званіямъ (Журн. Мин. Юст. 62 г. III). *Кулишеръ*.—Женщина и ея имущественное положеніе (Вѣстн. Евр. 84 VIII). *Мышъ*.—Новое направленіе русскаго законодательства объ иностранцахъ (Журн. гражд. и угол. пр. 91 VI). *Невскій*.—Родство какъ препятствіе къ браку въ Россіи 94 г. *Рейнгардтъ*.—О личныхъ и имущ. правахъ женщинъ 85 г.

Обстоятельства, ограничивающія дѣеспособность: 1) возрастъ, 2) здоровье, 3) образованіе, 4) разстройство имущества.

А. 173—197; В. 100—112; *Д*. 296—361; *М*. 57—83; *Ш*. 61—75. *Гантоверъ*.—О силѣ договоровъ, заключенныхъ малолѣтними и несовершеннолѣтними безъ участія ихъ опекуновъ и попечителей (Судебн. Вѣстн. 69, № 52). *Зыковъ*.—О правѣ опекуна надъ расточителемъ совершать договоры безъ его участія. (Юрид.

Вѣстн. 77 III—IV). *Исаченко.*—Лица въ договорѣ (Юрид. Вѣст. 82 VIII, 83 VI, VII). *Мышъ.*—Право несовершеннолѣтнихъ совершать акты и сдѣлки (Судебн. Вѣстн. 73 г. № 75). *Слонимскій.*—Положеніе душевно-больныхъ по законамъ гражданскимъ (Журн. гр. и угол. пр. 85 VIII). *Кони.*—Освидѣтельствованіе сумасшедшихъ. *Шершеневичъ.*—Ученіе о несостоятельности 90 г. стр. 196—213. Steiniger—Entmundigung des Verschwenders 1890.

2. *Юридическія лица.*

Понятіе и виды юридическихъ лицъ.

А. 197—216; *В.* 62—67; 68—71; 73—75; *Д.* 362 сл.; *К.* 17—22; *М.* 83—85; 98—101; *Ш.* 75—81. *Азаревичъ.*—Изъ курса лекціи по римскому праву. Юридическія лица (Временникъ Демидовскаго Лицея 82 г. кн. XXVIII). *Гервагенъ.*—Развитіе ученія о юридич. лицѣ 88 г. *Евецкій.*—О юридическихъ лицахъ 76 г. *Суворовъ.*—О юридическихъ лицахъ по римскому праву 92 г. Brinz—Lehrbuch der Paudekten 2 Aufl. I 194—208, (1873); III 453—586 (1888). Gierke—Genossenschaftsrecht 3 B-de 1868—1881. Gierke—Die Genossenschaftstheorie und die Deutsche Besprechung 1887. Serment—Associations et corporations 1887. Zitelmann—Behriff und Wesen der so genannten juristischen Personen 1873.

Возникновеніе и прекращеніе юридическихъ лицъ.

А. 216—225; *В.* 67—68, 72; *М.* 84—85; 94—98; *Ш.* 80, 82. *Азаревичъ*, *Евецкій*, *Суворовъ*, Brinz, Gierke, Serment cit.

Право—и дѣеспособность юридическихъ лицъ.

А. 225—238; *В.* 68—69; *М.* 85—89. См. предъидущую литературу. *Мышъ.*—Городъ какъ собственникъ и контрагентъ (Журн. гр. и угол. пр. 86 VII). *Суворовъ.*—Архіерейскій домъ и епархія какъ юридич. лица (Журн. Юрид. Общ. XII 95).

Внутренняя организація и отвѣтственность юридическихъ лицъ.

А. 238—240; *М.* 89—94; *Ш.* 81—82. Kriwzow—De Delictsfähigkeit der Gemeinde. 92. См. предъидущую литературу.

III. Объектъ права.

Имущество; понятіе и виды.

А. 241—247; 337—351; *В.* 94—95, 77; *М.* 101—103; *П.* I, 1—7. Birkmeyer—Das Vermögen in juristischem Sinne 1879.

Вещи; понятіе и виды вещей: 1) вещи изъятыя изъ оборота, 2) движимыя и недвижимыя, 3) родовыя и благопріобрѣтенныя, 4) дѣленіе вещей по связи съ ихъ обладателемъ, 5) вещи главныя, принадлежностныя и придаточныя; приращеніе; плодъ 6) дѣлимыя и недѣлимыя, 7) простыя, сложныя, совокупныя и массовыя, 8) замѣняемыя и незамѣняемыя, 9) потребляемыя и непотребляемыя, 10) тлѣнная и нетлѣнныя.

К. 22—23; *П.* I, 7—13. 1) А. 333—337; 351—368; *В.* 76; *К.* 27—29, 78; *П.* I, 20—33; *Ш.* 96—99. 2) *А.* 248—265; *В.* 77—80; *К.* 25—26; *М.* 103—105; *П.* I, 33—37; *Ш.* 84—87. 3) *А.* 303—322; *В.* 88—94; *К.* 29—30; *М.* 107—109. *П.* I, 51—102; *Ш.* 87—89. 4) *А.* 322—333; *В.* 94; *К.* 30; *М.* 109—111; 112—113; *П.* I, 102—108. 5) *А.* 280—298; *В.* 83, 84—86; *М.* 105—107; *П.* I, 37—46; *Ш.* 91—95; *В.* 83; *А.* 299—301; *П.* I, 16—18, 45. 6) *А.* 265—276; *В.* 80—82; *К.* 23—25; *М.* 107; *П.* I, 46—51; *Ш.* 89—91. 7) *А.* 301—303; *В.* 82. 8) *А.* 276—277; *В.* 86—87; *К.* 26—27; *М.* 111; *Ш.* 95. 9) *А.* 277—278; *В.* 87—88; *К.* 26; *М.* 111—112; *Ш.* 95. 10) *А.* 278—280; *В.* 88; *К.* 26; *М.* 112; *Ш.* 95—96.

Брандтъ.—О родовыхъ имуществахъ (Журн. гр. и угол. пр. 88, VI). *Гедримовичъ.*—О судоходныхъ и сплавныхъ рѣкахъ по русскому закону (Журн. гр. и угол. пр. 78, III). *Змирловъ.*—Значеніе института родовыхъ имуществъ для будущаго гражданскаго уложенія (Журн. гр. и угол. пр. 89, III). *Лешковъ.*—О частномъ поземельномъ правѣ по своду законовъ (Юрид. Вѣстн. 71, I). *Любавскій.*—Объ уничтоженіи различія между имуществами родовыми и благопріобрѣтенными (Юридич. моногр. и изслѣд. т. III). *Его-же.*—Имущества тлѣнныя и нетлѣнныя (тамъ-же). *Мышъ*—Городъ, какъ собственникъ и контрагентъ. (Журн. гр. и уг. пр. 86, VII). *Нерсесовъ.*—О бумагахъ на предъявителя стр. 4—5;

87—91. *Побѣдоносцевъ.*—Имѣнія родовыя и благопріобрѣтенныя (Журн. Мин. Юст. 61 г. IV). *Савельевъ.*—О принадлежности недвижимыхъ имѣній (Юр. Вѣстн. 77 XI—XII). *Суворовъ.*—О находкѣ по русскимъ законамъ (Журн. гр. и угол. пр. 75 г. II стр. 150—152). *X—кій.*—Понятіе части въ недвижимомъ имуществѣ. (Юрид. Вѣстн. 81, VII). Petrazicki—Fruchtvertheilung 1892 *Его-же.*—Die Lehre vom Einkommen I Th. 1892. II th. 1895. Rümelin—Die Theilung der Rechte 1892. *Его-же*—in d. Jhering's Jahrb. für Dogm. XXVIII S. 387 fg.

Деньги какъ объектъ права.

В. 95—96; *М.* 350—352; *П.* I, 5—6; Ш. 173—177. *Литовченко.*—Деньги въ гражданскомъ правѣ 87 г. *Цитовичъ.*—Деньги въ области гражданскаго права 73 г. Knies—Geld und Kredit I 1885.

Блага нематеріальныя, какъ объектъ права.

К. 31, 34—37; *Ш.* 260—262; 278—279. *Пассекъ.*—Неимущественный интересъ въ обязательствѣ, 93 г. Kohler—Die Jdee des geistigen Eigenthums (Archiv für die civilistische Praxis. 1894 *B.* 82).

IV. Пріобрѣтеніе и потеря права.

Правопроизводящіе факты; юридическія событія и дѣйствія.

А. 368—370; *В.* 99—100; *К.* 31—32; 44—48; *М.* 114—115. Kindel—Das Rechtsgeschäft und sein Grund 1892. Jhering—Geist des Römischen Rechts III. 3-te Aufl. S. 149 fg.

Возникновеніе, измѣненіе и прекращеніе правъ.

А. 370—373; *В.* 98—99. Schlossmann.—Der Vertrag 1876. S. 270 fg.

Юридическія сдѣлки; понятіе и виды.

А. 374—377; *В.* 112; *К.* 38—39; 49—51; *М.* 135—137; *Ш.* 99. *Гольмстенъ.*—О торговыхъ сдѣлкахъ (Журн. Юрид. Общ. 94

III—IV). Enneccerus—Rechtsgeschäft, Bedingung und Anfangstermin 1889. S. 1—56. Karlowa—Das Rechtsgeschäft und seine Wirkung 1877. Kindel—Das Rechtsgeschäft und sein Grund. 1892. Pernice—in d. Crünhut's Zeitschr. des Privat und öffentl. Recht der Gegenwart VII S. 465 ff. (1880). Schlossmann—Vertrag 1876. S. 129 fg.

Общія условія дѣйствительности сдѣлокъ; субъектъ и объектъ сдѣлки; виды сдѣлокъ; составныя части сдѣлки.

В. 113; *К.* 48—49; *П.* III, 33—39. *А.* 394—401; *М.* 138—140; *К.* 27; *П.* I, 20, *П.* III, 42. *А.* 374—377; *В.* 112—113. *А.* 393—394; *В.* 128; *К.* 51; *М.* 137—138; *Ш.* 100. Zitelmann—Jrrthum und Rechtsgeschäft. См. предъидущую литературу.

Воля и ея изъявленіе въ сдѣлкѣ; форма сдѣлки.

А. 401—407; *В.* 122—125; *К.* 53; *М.* 128—135; 140—144; *П.* III, 50—68; *Ш.* 105—110. *Мейеръ.*—О юридическихъ вымыслахъ и предположеніяхъ, о скрытныхъ и притворныхъ дѣйствіяхъ (Учен. запис. Казан. Универс. 53 г. IV). *Оршанскій.*—О законныхъ предположеніяхъ и ихъ значеніи (Журн. гр. и угол. права 74 IV). Ehrlich—Die stillschweigende Willenserklärung 1893. Graf. v. Pininski—Der Thatbestand des Sachbesitzerwerbes 1888. B. II, S. 333. fg. Windscheid—Wille und Willenserklärung 1878. (Arch. für die civil. Prax. LXIII, III).

Ученіе о несогласіи воли съ актомъ ея проявленія; сдѣлки шуточныя, притворныя; заблужденіе, ошибка, принужденіе, обманъ.

А. 377—380; 384—394; *В.* 113—121; 125—126; *М.* 116—128; *Ш.* 100—105. *Березкинъ.*—О симулятивныхъ договорахъ. (Протоколы Одесск. юрид. общ. 82 г. № 17—19). *Загоровскій.*—Принужденіе, ошибка, обманъ (Юрид. В. 90 I). *Карницкій.*—Объ обманѣ въ договорахъ 79. Lange—Zwang 1888. Pfersche—Die Jrrthumslehre des Oesterreichischen Privatrechts. Planiol—Dol civil et dol criminel (Revue critique de la legislation 1893. t XXII). Schlossmann—Die Lehre vom Zwange 1874. Zitelmann—Jrrthum und Rechtsgeschäft.

Побочныя опредѣленія воли; понятіе.

В. 134; *П.* Ш, 13—17. Adickes.—Zur Lehre von der Bedingungen 1876. Enneccerus--Rechtsgeschäft, Bedingung und Anfangstermin 1888—1889. Schlossmann—Der Vertrag 1876. Karlowa—Das Rechtsgeschäft etc.

1) Условіе; понятіе и виды условія, осуществленіе условія; послѣдствія осуществленія.

А. 407—411; 416—434; *В.* 128—132; *К.* 52; *М.* 145—153; *П.* Ш, 9—11; *Ш.* 110—113. *Казанскій.*—Къ вопросу о значеніи условій въ юридическихъ сдѣлкахъ (Юрид. Вѣстн. 81 г. VIII). Foulquié—Etude sur la retroactivité de la condition 1896. Adickes, Enneccerus, Karlowa cit.

2) Срокъ.

А. 411—412; 434—439; *В.* 132—133; *К.* 52; *М.* 153—158; *П.* Ш, 11—13; *Ш.* 113—114. *Гордонъ.*—Къ вопросу объ условіи и срокѣ въ договорахъ (Судебн. Вѣстн. 68 II). Siméon—Das Wesen des befristeten Rechtsgeschäfts 1889. Enneccerus cit.

3) Уговоръ (возложеніе обязанности).

А. 412—416; 439—442; *В.* 133; *К.* 52; *М.* 158—160; *Ш.* 114—115. Windscheid—Die Lehre des römischen Rechts von der Voraussetzung 1850. Scheurl—Beiträge... II, S. 295 ff.

Участіе въ чужихъ сдѣлкахъ; соучастіе и представительство.

А. 455—482; *К.* 46; *В.* 139—146; *П.* Ш, 468—512; *Ш.* 117—123. *Гордонъ.*—Представительство въ гражданскомъ правѣ 79 г. *Его-же.*—Представительство безъ полномочія 93 г. *Гамбаровъ.*—Добровольная и безмездная дѣятельность въ чужомъ интересѣ 79. *Евецкій.*—О представительствѣ при заключеніи юридическихъ сдѣлокъ. 78 г. *Казанцевъ.*—Ученіе о представительствѣ въ гражданскомъ правѣ 79. *Казанскій.*—Представительство безъ полномочія. (Юрид. Вѣстн. 80. II). *Нерсесовъ.*—Понятіе добровольнаго представительства въ гражд. правѣ. 78 г. Mitteis—Die Lehre von

der Stellvertretung. 1885. Hellmann—Die Stellvertretung in Rechtsgeschäften 1888.

Недѣйствительность сдѣлокъ: ничтожность и порочность.

А. 482—520; *В.* 135—139; *К.* 58—59; *М.* 160—165; *Ш.* 115—117. *Вербловскій.*—О недѣйствительности юридическихъ актовъ (Судебн. Журн. 74. II). *Исаченко.*—Лица въ договорѣ. (Юрид. Вѣстн. 83. VI—VII). Mitteis—Zur Lehre von der Ungültigkeit... 89. (Jhering's Jahrbüch. f. d. Dogm. XXVIII). Carlowa—Das Rechtsgeschäft und seine Wirkung 1877. S. 122 fg. Iacoby—Die fehlerhaften Rechtsgeschäfte (Archiv für die Civilist. Prax. B. 86).

Превращеніе сдѣлки.

А. 443—445; *М.* 165—167. Römer—in d. Archiv für die Civilist. Praxis XXXVI. (1853). Karlowa.—Das Rechtsgeschäft und seine Wirkung 1877.

Толкованіе сдѣлокъ.

А. 445—455; *В.* 126—128; *М.* 167—168; *П.* III, 130—138. Wächter—Handbuch des im Königreich Würtemberg geltenden Privatrechts 2-ter B. (1851) § 108.

Вліяніе времени на правоотношенія:

Исчисленіе времени.

В. 148—150; *Ш.* 123—125. Wächter—Würtemberg. Privatrecht II § 117—121.

Давность; понятіе и виды.

А. т. II, 164—245; *В.* 146—148; 162—164; *В.* II, 141—154; *П.* I, 180—202; *П.* III, 204—218; *М.* 226—232; 291—300, 557; *К.* 77; *Ш.* 125—131. *Боровиковскій.*—Отчетъ судьи т. II 92 г. *Исаченко.*—Давность владѣнія по рѣшеніямъ сената (Юрид. Вѣстн. 88 I). *Любавскій.*—О давности въ гражданскихъ дѣлахъ (Юрид. моногр. I). *Полетаевъ.*—Давность виндикаціи (Журн. гр. и угол. пр. 93 V). *Энгельманъ.*—О давности по русскому праву 68. Grawein —Verjährung und gesetzliche Befristung I 1880. Tissier—De la prêscription 1896.

V. Защита права.

Осуществленіе права; стеченіе и столкновеніе правъ.

А. 550—556; *В.* 150—152; *К.* 57—58; *М.* 215—220. Wächter—Würtembergisches Privatrecht. II, §§ 32, 76. Thon—Rechtsnorm und subjectives Recht. Stahl—Ueber die Collision und den Vorzug des Besonderen vor dem Allgemeinen im Rechte. 1826.

Правонарушеніе; условія внѣшнія; отвѣтственность за право нарушенія.

А. 520—544; *В.* 152—153; *К.* 59; *М.*169—178; *П.* III, 589—612; *Ш.* 438—446. *Горенбергъ.*—Принципъ гражданской отвѣтственности за вредъ и убытки (Юрид. Лѣтопись 92 VIII—IX). *Голевинскій*—О происхожденіи и дѣленіи обязательствъ 72 г. *Любавскій.*—Вознагражденіе за вредъ и убытки, какъ послѣдствіе гражданскаго правонарушенія (Юрид. Вѣстн. 72. X—XI). *Марковъ.*—О вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные дѣяніемъ или упущеніемъ, не составляющимъ преступленія или проступка. (Журн. гр. и угол. пр. 72. V). *Полетаевъ.*—Иски изъ незаконнаго обогащенія (Журн. гр. и угол. пр. 93 IV).

Укрѣпленіе правъ. Акты укрѣпленія правъ: 1) акты личнаго состоянія; 2) акты имущественныхъ правъ.

М. 208—211; *В.* т. II 64—68; *П.* II 58—61; 137—139; *Ш.* 57—58; *Д.* 271—284; *П.* I 683—690, 705; *Ш.* 136—139. *Малышевъ.*—Курсъ общаго гражд. права I 107—151. *Станиславскій.*—Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущества 1842 г.

Регистрація имущественныхъ правъ; нотаріатъ и ипотечная система.

В. 122—125; *В.* т. II 64—74; *К.* 53—57; *М.* 211—215; *П.* I 245—289; 295—308; *Ш.* 139—145. *Башмаковъ.*—Основныя начала ипотечнаго права, 91 г. *Вербловскій.*—Къ вопросу объ ипотечной системѣ (Юрид. Вѣстн. 81 X, XII; 82, I). *Нейпертъ.*—Главныя основанія ипотечной системы (Журн. М. Юст. 95 IX).

Обезпеченіе правъ; понятіе и способы.

А. 544—550; *М.* 397—400, 289; *П.* I 289—294; 218—225, 480, 630—636; 624; *П.* III, 276—310, 458. *Ш.* 184—186. Langfeld—Die Lehre von dem Retentionsrechte 1886. Merkel—Ueber Arrest und einstweilige Verfügungen 1880. Nikonoff—Die Lehre von der Sequestration 1894.

Защита правъ: 1) частная защита: а) односторонняя (самоохраненіе, самооборона, самопощь);

А. 557—571; *К.* 60. *Анненковъ.*—Самоуправство и самооборона какъ средства защиты гражданскаго права (Журн. гр. и угол. пр. 93. III). Thur—Der Nothstand im Civilrechte 1888. Wendt—Faustrecht (Jhering's Jahrb. f. Dogm. XXI).

б) обоюдная (мировая сдѣлка, третейскій судъ).

П. III, 194—199. *Гольмстенъ.*—Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства 2-е изд. 94 г. стр. 246—252. Dernburg—Preussisches Privatrecht I, §§ 142 fg. *Малышевъ.*—Курсъ гражданскаго судопроизводства I 76 г. стр. 398—403.

2) Общественная защита правъ; искъ; возникновеніе и прекращеніе иска; возраженія.

А. 571—582; 583—591; *В.* 155—169; *К.* 33—34; 61—63. *Гольмстенъ.*—Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства 94 г. 136—139; 152—154; 160—174; 235—246. *Малышевъ.*—Курсъ гражд. судопр. I, 246—252; 264—270. Kroll.—Klage und Einrede nach deutschem Recht 1884. Thon—Rechtsnorm etc. S. 266 ff.

Вліяніе процесса на право.

Малышевъ.—Курсъ... I, 433; 440—444. *Миловидовъ.*—Законная сила судебн. рѣшеній 75. Freudenstein—Der Rechtskraft des Urtheils 1881.

Возстановленіе прежняго состоянія.

А. 582—583 Spaltenstein—Die Wiedereinsetzung in dem vorigen Stand. 1873.

II.

ВЕЩНОЕ ПРАВО.

ПОНЯТІЕ И ВИДЫ ВЕЩНЫХЪ ПРАВЪ.

А. II, 1—5; 377—387; *В.* II, 57—64; *К.* 63—71; *П.* I, 2—5; *Ш.* 132—136. Bierling—Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe II, 1883. Fuchs—Das Wesen der Dinglichkeit 1889. Kohler—Gesammelte Beiträge zum Civilprocess 1894. Oertmann—Der Dinglichkeitsbegriff (Jhering's Jahrbücher für Dogmatik B. XXXI). Thon—Rechtsnorm und subjectives Recht I 1878. Schlossmann—Der Vertrag 1876. S. 258 ff.

I. ВЛАДѢНІЕ.

Владѣніе по римскому праву и на Западѣ.

А. II, 487—489; *В.* II; 5—23; 26—38; *М.* 238—239; *Ш.* 148—154. Литература вопроса крайне обильна; здѣсь приведены лишь важнѣйшія сочиненія: *Кавелинъ.*—О теоріяхъ владѣнія I, 59 г. *Муромцевъ.*—О владѣніи по римскому праву (Журн. гр. и угол. пр. 76 г. т. VI). Acquier—De la possession de meubles 1890. Bekker—Der Besitz beweglicher Sachen (Jhering's Jahrbücher für Dogmatik XXXIV). Bierling—Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe II, 1877. Bruns—Das Recht des Besitzes 1848 Baron—Zur Lehre vom Besitzwillen (Jhering's Jahrb. für Dogm. B. XXIX). Eck-Windscheid und Jhering 1893. Jhering—Der Besitz (Jhering's Jahrb. f. Dogm. B. XXXII). *Онъ-же*—Ueber den Grund des Besitzschutzes 1868. *Онъ-же*—Der Besitzwille 1889. Graf. v. Pininski—Der Thatbestand des Sachbesitzerwerbes I, 1885 II, 1888. Randa—Der Beistz nach Oesterreichisch. Rechte,, 3 Aufl.

1879. Savigny—Das Recht des Besitzes (Herausgegeb. v. Rudorff 1865). Stintzing—Zur Besitzlehre 1892. Strohal—Zum Besitzrecht des Entwurfs eines bürgerlichen Gesetzbuchs f. d. Deutsch. (Jhering's Jahrbücher für die Dogmatik. B. XXIX, XXXI). Vermond—Théorie générale de la possession en droit romain 1895.

Взглядъ на владѣніе у нашихъ юристовъ.

А, II, 491—495. *Васьковскій.*—Понятіе владѣнія по русскому праву (Ж. М. Юст. 96 IV). *Деляровъ.*—О владѣніи (Журн. гр. и угол. пр. 79 г. VI). *Кавелинъ.*—О теоріяхъ владѣнія 1859 г. *Люстихъ*—О связи между владѣніемъ и правомъ собственности на недвижимыя вещи по русскимъ законамъ (Журн. гр. и угол. пр. 78 г. III). *Морошкинъ.*—О владѣніи по началамъ россійскаго законодательства 1837 г. *Поповъ.*—Владѣніе и его защита по русскому гражданскому праву (Журн. гр. и угол. пр. 74 г. IV, V), *Юреневъ.*—Искъ о защитѣ владѣнія по русскимъ законамъ (Журн. гр. и угол. пр. 75 г. II).

Понятіе и виды владѣнія.

А. II, 489—490; 495—509; *В.* II, 3—15; 38—45; *М.* 236—237, 239; *П.* I, 150—155, 161; *Ш.* 145—148. *Лыкошинъ.*—Объ отысканіи недвижимыхъ имѣній изъ чужого владѣнія (Журн. гр. и угол. пр. 88 IV, стр. 27—48). Mandry—Zur Lehre von dem Besitzwillen (Arch. für die Civil. Prax. B. 64). Pflüger—Besitz und Ersitzung an Theilen 1886. Randa—Der Besitz nach Oestr. R. 1879. § 2.

Ученіе о владѣніи, защищаемомъ независимо отъ его юридическаго основанія: субъектъ и объектъ владѣнія.

А. II, 509—516; 519—522; *В.* II, 23—26; 48—49; *М.* 241—245; *П.* I, 202—204. *Васьковскій.*—Недостатки устава граждан. производства (Журн. Юрид. Общ. 94 г. IX). *Деляровъ.*—О владѣніи (Журн. гр. и угол. пр. 79 г. VI). *Морошкинъ.*—О владѣніи... *Поповъ.*—Владѣніе и его защита... (Журн. гр. и угол. пр. 74 г. IV). Bossert—Das Wesen des Servitutenbesitzes 1883. v. Hackfeldt-Pflüger—Ueber Besitz und Ersitzung an Theilen 1886. Jhering—Ueber den Grund des Besitzschutzes 2 Aufl. 1869. S.

143 ff. Randa—Der Besitz n. Oestr. R. 1879 §§ 10, 24—36. Rümelin—Die Theilung der Rechte 1883 S. 104 ff. Czyhlarz—Ueber Eigenthum und Besitz pro diviso an beweglichen Sachen. (Grünhut's Zeitschrift d. Priv. und. Öffentl. Recht d. Gegenwart. B. XXI).

Пріобрѣтеніе и прекращеніе владѣнія.

А. II, 516—533; *В*. II, 50—52; *М*. 240—244; *Ш*. 154—158; *Поповъ*.—cit. (Журн. гр. и угол. пр. IV, 74). *Морошкинъ*.—cit. Jhering—Der Besitzwille 1889. *Онъ-же*.—Ueber den Grund des Besitzschutzes. 1868. Baron—Zur Lehre vom Besitzwillen (Jhering's Jahrb. für Dogm. XXIX). v. Pininski—Der Thatbestand des Sachbesitzerwerbes I—II, 1885—88. Randa—cit. Hauser—Stellvertretung im Besitze 1870. Schlossmann—Der Besitzerwerb durch Dritte 1881.

Защита владѣнія.

А. II, 566—586; *В*. II, 52—57; 19—23; *П*. I, 163; 166—169; *Ш*. 158—161. *Лыкошинъ*.—Объ отысканіи недвижимыхъ имѣній изъ чужого владѣнія (Журн. гр. и угол. пр. 88, IV). *Морошкинъ*.—cit. *Нагалкинъ*.—О защитѣ владѣнія участками неопредѣленнаго пользованія (Юрид. Вѣстн. 84, VIII). *Поповъ*,—cit. т. V. *Юреневъ*.—Искъ о защитѣ владѣнія по русскимъ законамъ (Журн. гр. и угол. пр. 75, II). Appleton—Essai sur le fondement de la protection possessoire 1892. Bruns—Die Besitzklagen des römischen und heutigen Rechts 1874. Jhering—Grund des Besitzschutzes 1868. v. Pininski—cit. Randa—cit. § 8.

Владѣніе добросовѣстиое и недобросовѣстное; права и обязанности владѣльцевъ.

А. II, 504—509; 533—566; В. II, 45—48; *П*. I, 533—161; *Ш*. 181—163. *Лыкошинъ*.—Объ отысканіи недвижимыхъ имѣній изъ чужого владѣнія (Журн. гр. и угол. пр. 88, IV). *Оксъ*.—Виндикація (Журн. гр. и угол. пр. 74, III). Brinz—Zum Rechte der bonae fidei possessio 1875. Petrazicki—Die Fruchtvertheilung beim Wechsel der Nutzungsberechtigten 1892. Yseux—Droits du possesseur de bonne foi, 1895.

II. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ.

Понятіе права собственности, его содержаніе и виды.

А. II, 5—25; 30—33; 34; 65—71; 74—90; *В.* I, 75—82; 91—95; *К.* 71—73; *М.* 233—236; 245—250; *П.* I, 122—137; 227; *Ш.* 163—174. *Варадиновъ.*—Изслѣдованіе объ имущественныхъ и вещественныхъ правахъ 1855. *Гамбаровъ.*—Право собственности съ точки зрѣнія общественной теоріи права (Юрид. Вѣстн. 79 г. VII). *Куницынъ.*—Право собственности по опредѣленію его въ Сводѣ Законовъ (Журн. Мин. Юст. 65 г. т. III). *Побѣдоносцевъ.*—О правѣ собственности по русскимъ законамъ (Журн. Мин. Юст. 61 г. III). *Чичеринъ.*—Собственность и государство 1884. Demolombe—Traité de la distinction des biens, de la proprieté etc. 1881. Kohler—Die Idee des geistigen Eigenthums (Archiv für die Civilist. Prax. B. 82). Puntschard—Die moderne Theorie des Privatrechts. etc. 1893. S. 62 ff. Wächter—Das schwebende Eigenthum 1871, Randa—Das Eigenthumsrecht nach Oesterreichischem Rechte 2 Aufl. 1893.

Ограниченія права собственности.

А. II, 326; 331—333; *В.* II, 82—84; *М.* 250—251; *П.* I, 440—442; *Ш.* 174—175. Jhering—Zur Lehre von der Beschränkungen der Grundeigenthümer (Jhering's Jahrb. f. Dogm. VI). Hesse—Ueber die Rechtsverhältnisse zwischen Grundstücksnachbarn 1880. Randa—cit. § 5.

Законныя ограниченія права собственности: а) права участія общаго.

А. II, 334—344; *В.* II, 82—86; *К.* 85—90; *М.* 251—254; *П.* I, 448—451; *Ш.* 175—179. *Щегловитовъ.*—Права прибрежныхъ владѣльцевъ въ отношеніи судовыхъ пристаней (Юрид. Вѣстн. 86 г. XI). Hesse—cit. Jhering—cit. Randa—cit. Schröder—Zur Lehre von d. gesetzlichen Veräusserungsverboten 1875.

b) Права участія частнаго.

А. II, 344—376; *В.* II, 86—88; *К.* 106; *М.* 254—256; *П.* I,

451—461; *Ш.* 179—181. *Гороновичъ.*—Изслѣдованіе о сервитутахъ 1883. Jhering—cit. Hesse—cit. Randa—cit. von Schallhass—Das Nachbarrecht 1863.

c) Законныя запрещенія.

А. II, 376—377; *В.* II, 89; *П.* I, 442—443; 719—722; *Ш.* 181.

Пріобрѣтеніе права собственности; способы пріобрѣтенія.

А. II, 120—129; *В.* II, 105—107; *К.* 75; *М.* 278—281; 285—286; *П.* I, 234—238; *Ш.* 182—183. *Куницынъ.*—Право собственности по опредѣленію его въ Сводѣ Законовъ (Журн. Мин. Юст. 66, II, стр. 427—431). *Энгельманъ.*—О пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву 1859. Czyhlarz — Die Eigenthumserwerbsarten 1887. (Fortsetzung v. Glück's Kommentar B. 41 und 42). Randa—cit.

a) Пріобрѣтеніе вещей безхозяйныхъ:

I. Вещи, впервые возникшія въ ихъ настоящемъ видѣ:

1) Пріобрѣтеніе плодовъ.

А. II, 35—38; *В.* II, 127—129; *М.* 306; *Ш.* 195—196. Petrazicki—Die Fruchtvertheilung etc. 1892. *Его-же.*—Die Lehre v. d. Einkommen I, II, 1894—95. Czyhlarz—cit. S. 389—626. Randa—cit. Yseux—Droits du possesseur de bonne foi 1895.

2) Приращенія естественныя.

А. II, 43—60; *В.* II, 118—123; *М.* 307—310; *П.* I, 229—231; *Ш.* 196—198. *Борзенко.*—О правѣ на обсохшую въ прудѣ землю (Юрид. Вѣстн. 82, IX). *Куницынъ.*—cit. *Тяжновъ.*—О приращеніи по римскому праву сравнительно съ французскимъ и русскимъ законодательствомъ 1858. *Юзефовичъ.*—О правѣ приращенія къ недвижимостямъ 1875 г. *Юшкевичъ.*—Ученія пандектъ о намывѣ etc. I, II, 1895—96. Bechmann—Zur Lehre vom Eigenthums-

erwerb durch Accesion 1867. Spiegelberg—Eigenthumserwerb an Flussinseln 1886.

II. Пріобрѣтеніе вещей, уже существовавшихъ ранѣе какъ безхозяйныя, или на которыя право собственности было утрачено:

1) Захватъ.

А. II, 129—130; 136—141; 25—30; 31—33; *В.* II, 107—110; *М.* 281—283; *П.* I, 393—423; 425—426; *Ш.* 189—192. *Любавскій.*—О кладѣ (Юридич. моногр. и изслѣд. т. III). *Мулловъ.*—Кладъ и находка (Журн. М. Ю. 63, I). *Степановъ.*—О присвоеніи недвижимыхъ имѣній (Учен. Зап. Казан. Унив. 81 г. I). *Суворовъ.*—О находкѣ по русскимъ законамъ (Журн. гр. и угол. пр. 75, II). Czyhlarz—cit. S. 70 ff. S. 207 ff.

2) Находка.

А. II, 141—162; 138—139; *В.* II, 110—118; *М.* 302—303; *П.* I, 423—427; *Ш.* 192—195. *Васьковскій.*—Юридическая конструкція находки (Журн. Юрид. Общ. 94, X). *Мулловъ.*—cit. *Пестржецкій.*—О находкѣ (Журн. гр. и угол. пр. 76, I). *Суворовъ.*—cit. Weiss.—Das Recht des Finders 1891.

б) Пріобрѣтеніе чужихъ вещей:

1. Непосредственное и первоначальное:

1) Военная добыча.

А. II, 162—164; *В.* II, 110; *М.* 283—284; 300—302; *П.* I, 427—430. *Мартенсъ.*—О правѣ частной собственности во время войны 1869 г.

2) Механическое соединеніе вещей;

а) соединеніе вещей недвижимыхъ съ движимыми;

А. 60—62; *В.* II, 123—125; *М.* 310—313; *П.* I, 232; *Ш.* 198—199. *Куницынъ.*—Право собственности по опредѣленію его

въ Сводѣ Законовъ (Журн. Мин. Юст. 66, III). *Тыжновъ*—О приращеніи по римскому праву сравнительно съ французскимъ и русскимъ закон. 1858 г. *Юзефовичъ*.—О правѣ приращенія къ недвижимостямъ. Biermann—Superficies solo cedit (Jhering's Jahrbüch. für d. Dogmatik XXXIV).

в) соединеніе движимостей.

А. II, 62—64; 38—43; *В*. II, 126—127; 129—134; *К*. 79—80; *М*. 303—305; 313—318; *П*. I, 232—234; *Ш*. 199—203. Bechmann—Rechtsgrund der Specification (Arch. f. die civil. Prax. B. XLII). Fitting—Specification (Arch. f. d. civ. Pr. B. XLVIII). Paret—Specification 1892. Sulzer—Der Eigenthumserwerb durch Specification 1884. Czyhlarz—Die Eigenthumserwerbsarten 1887. S. 249—386.

3) Давность владѣнія.

А. II, 130—135; 164—245; В. II, 141—154; *К*. 75—78; *М*. 291—300; *П*. I, 173—197; 213—215; 710—715; *Ш*. 186—189. *Амчиславскій*.—Давность въ примѣненіи къ межамъ генеральнаго межеванія (Юр. Вѣстн. 92, VII—VIII). *Боровиковскій*.—Отчетъ судьи т. II, 1892 г. *Вороновскій*.—Законъ объ изъятіи генеральной межи изъ дѣйствія давности (Журн. гр. и угол. пр. 89, VI). *В. И*.—Давность по межевымъ законамъ (Юрид. Вѣстн. 90, X). *Куницынъ*.—Пріобрѣтеніе права собственности давностью владѣнія (Журн. Мин. Юст. 64, X, XI, XII). *Мещерскій*.—О межеваніи по дѣйствующимъ законамъ (Юрид. *В*ѣстн. 80, V). *Любавскій*.—Опытъ комментарія русскихъ законовъ о давности 1865 г. *Пахманъ*.—Къ вопросу о примѣненіи давности къ церковнымъ землямъ. (Журн. Юрид. Общ. 94. III). *Энгельманъ*.—О давности по русскому праву 1868 г. Dareste—De la prescription en droit civil 1895. v. Hackfeldt-Pflüger—Besitz und Ersitzung an Theilen 1886.

4) Квалифицированное овладѣніе.

А. II, 284—307; *В*. II, 154—160. *Васьковскій*.—Пріобрѣтеніе движимости отъ несобственника (Журн. Мин. Юст. 95, I). *Загоровскій*.—О пріобрѣтеніи права собственности на движимое иму-

щество посредствомъ передачи (Юрид. Вѣстн. 90, VII—VIII) *Елеонскій.*—О предѣлахъ виндикаціи движимыхъ вещей (Журн. гр. и угол. пр. 93, I). *Люстихъ.*—О связи между владѣніемъ и правамъ собственности на движимыя вещи по русскимъ законамъ (Журн. гр. и угол. пр. 78, III). *Оксъ.*—Виндикація (Журн. гр. и угол, пр. 74, II, III). Carlin—Niemand kann auf einen Anderen mehr Recht übertragen, als er selbst hat 1882. Randa—Das Eigenthumsrecht nach Oestr Rechte. 2 Aufl. 1893. § 13.

II. Производное пріобрѣтеніе чужихъ вещей:

1) Передача.

А. II, 245—263; *В.* II, 134—140; *К.* 79; *М.* 286—291; *П.* I, 275—278; 284—285; 291—293; 330; 332; 345—347; 390—391 *Ш.* 183—184; 186; 343. *Гольмстенъ.*—О торговыхъ сдѣлкахъ по русскому праву (Журн. Юрид. Общ. 94, III) *Загоровскій.*—О пріобрѣтеніи права собственности на движимое имущество путемъ передачи (Юрид. Вѣстн. 90, VII—VIII). *Невзоровъ.*—Periculum rei при куплѣ-продажѣ (Юридич. Лѣтопись 92, VII). *Энгельманъ.*—О пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву 1859. Exner—Die Lehre vom Rechtserwerb durch Tradition nach Oestr. und gemein. Rechte 1867. Kohler—Der dingliche Vertrag (Gesammelte Abhandlungen aus d. Civilrecht 1883. S. 1—44). Randa—cit. § 11—13.

2) Укрѣпленіе.

А. II, 263—271. *Барковскій.*—О значеніи нотаріальныхъ актовъ на продажу недвижимыхъ имуществъ до утвержденія ихъ старшимъ нотаріусомъ (Журн. гр. и угол. пр. 86, I). *Змирловъ.*—то-же названіе (Юрид. Вѣстн. 86, VI—VII). *Башмаковъ.*—Основныя черты ипотечнаго права 1891. *Нейпертъ.*—Главныя основанія ипотечной системы (Журн. Мин. Юст. 95, IX). *Станиславскій*—Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущества 1842. *Энгельманъ.*—cit.

Защита права собственности.

А. II, 281—283; 307—326; *В.* II, 160—161. *Оксъ.*—Виндикація (Журн. гр. и угол. пр. 74, II, III), *Щегловитовъ.*—Ограни-

ченія виндикаціи плодовъ преступленія (Журн. гр. и угол. пр. 90, II).

Прекращеніе права собственности.

А. II, 271—276; 161—162; 166—167; 276—281; *В.* II, 161—167; *М.* 318—322; *П.* I, 430—439; *Ш.* 203—210. *Венеціановъ.*—Экспропріація съ точки зрѣнія гражданскаго права 1891. *Шалфѣевъ.*—Объ экспропріаціи 1871. Neubauer—Zusammenstellung des in Deutschland geltenden Expropriationsrechts etc. 1880—81. Delalleau, Jousselin, Rendu et Perin—Traité de l'expropriation 1892—93. Rohland—Die Enteignung 1875.

Общая собственность; понятіе и ея юридическая природа.

А. II, 90—116; *В.* II, 95—102; *К.* 73—74; *М.* 267—273; *П.* I, 523—531: *Ш.* 210—215. *Шимановскій.*—Юридическія и практическія замѣтки по гражданскому праву и судопроизводству I, 1872 г. Kohler—Gesammelte Abhandlungen ans dem Civilrecht 1883. Eisele—Zur Lehre vom Miteigenthum (Archiv für die civil. Praxis LXIII). Randa—cit § 9. Rümelin—Die Theilung der Rechte 1883. S. 38 ff. Czyhlarz—Ueber Eigenthum und Besitz pro diviso an beweglichen Sachen (Grünhut's Zeitschrift für das Privat-und öffentl. Recht der Gegenwart XXI). Steinlechner—Das Miteigenthum in seinem principiellen Einzelbeziehungen 1878.

Общинная собственность; понятіе и юридическая природа этого института.

А. II, 91—93; *В.* II, 95—96; *К.* 108—110; *М.* 267—268; *П.* I, 531—549; *Ш.* 215—226. *Карелинъ.*—Общинное землевладѣніе въ Россіи 1893. *Ковалевскій.*—Общинное землевладѣніе 1879, *Лыкошинъ.*—Общинное и подворное владѣніе (Журн. М. Юст. 96, II). *Никоновъ.*—Крестьянское землевладѣніе съ точки зрѣнія гражд. права 1896. *Пахманъ.*—Обычное гражданское право Россіи т. I, 1877 г. Keussler—Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland 1876.

III. АНАЛОГІЯ СОБСТВЕННОСТИ.

Понятіе и виды.

А. II, 587—590; П. I, 640—644; *Ш.* 260—262. *Кобеляцкій.*—Промышленная, литературная, художественная и музыкальная собственность 1896. *Табашниковъ.*—Литературная, музыкальная и художественная собственность. 1878. *Шершеневичъ.*—Авторское право на литературныя произведенія 1891. Collin—Le droit des auteurs et des artistes en droit français et en droit international 1894. Janlet—De la protection des oeuvres de la pensée t. I—II. 1887—89. Kohler—Die Jdee des geistigen Eigentums (Arch. für. die civil. Prax. B. 82). *Его-же.*—Das Autorrecht 1880.

а) Авторское право: 1) право на литературныя произведенія.

А. II, 590—592; 595; 597—605; 608—615; 620—650; 658—668; *М.* 273—278; П. I, 645—648; 652—659; 660—664; *Ш.* 262—267. *Борзенко.*—Литературная собственность 1892. *Его-же.*—Права автора на переводъ 1892 г. *Блюменфельдтъ.*—Наслѣдованіе въ авторскомъ правѣ 1891 г. *Кобеляцкій.*—Cit. *Спасовичъ.*—Права авторскія и контрафакція 1865 г. *Табашниковъ, Шершеневичъ,* Collin, Kohler—cit.

2) Право ни художественныя и музыкальныя произведенія.

А. II, 592—594; 596; 605—608; 615—620; 630—642; 650—668; *М.* 273—278; П. I, 648—652; 652—656; 659—664; *Ш.* 267—270. *Миллеръ.*—Музыкальная собственность (Журн. гр. и угол. пр. 86, I). *Его-же.*—Фотографическая собственность (Журн. гр. и угол. пр. 83, IX). *Кобеляцкій, Табашниковъ,* Collin—cit.

б) Промышленныя права: 1) изобрѣтенія и открытія.

П. I, 664—669; *Ш.* 270—272. *Борзенко.*—Промышленная собственность 1894 г. *Кобеляцкій.*—Cit. Pouillet—Traité des brevets d'inventions 1890. Kohler—Zur Konstruction des Urheberrchts. (Arch. für. bürgerliches Recht X). Schanze—Was sind gswerblich verwerthbare Erfindungen? (Grünhut's Zeitschr. f. d.

Priv u. öff. R. d. Geg. XXIII). Zoll—Privatrechtliche Studien aus dem Patentrechte (Grünhut's Zeitschr. f. d. Priv u. öff. R. d. Geg. XXI).

2) Фабричные рисунки и модели.

П. I, 669—671; 272—274. *Колумбусъ.*—Фирмы по нашимъ торговымъ законамъ (Журн. гр. и угол. пр. 82, I). Calmels—Des noms et marques de fabrique et de commerce 1858. Kohler—Das Recht des Markenschutzes 1884. Landgraf—Musterschutz und Musterrecht 1875. Späing—Handelsregister und Firmenrecht.

V. ПРАВА НА ЧУЖУЮ ВЕЩЬ.

I. Чиншевое право.

В. II, 62—63; *П.* I, 211—212; 500—504: *Ш.* 240—343. *Боровиковскій.*—Отчетъ судьи т. I, 1891 г. *Гантоверъ.*—О происхожденіи и сущности чиншевого владѣнія 1884 г. *Дыбовскій.*—О чиншевомъ правѣ (Журн. гр. и угол. пр. 84, V—VI). *Рембовскій.*—Исторія и значеніе чиншевого владѣнія въ западномъ краѣ 1886. *Спасовичъ.*—Источники чиншевого права 1886. *Шиманскій.*—О чиншевыхъ правоотношеніяхъ 1886.

II. Сервитуты; понятіе; ихъ возникновеніе и прекращеніе.

А. II, 387—389; 451—487; *В.* II, 167—171; *М.* 322—327; *П.* I, 204—213; *Ш.* 226—233. *Абрамовичъ.*—Къ вопросу о крестьянскихъ сервитутахъ въ губерніяхъ западныхъ, прибалтійскихъ и въ Царствѣ Польскомъ 1895. *Гороновичъ.*—Изслѣдованіе о сервитутахъ 1883. *Гусаковъ.*—Къ вопросу о теоріи сервитутнаго права (Журн. гр. и угол. пр. 84, VIII, IX). *Тривусъ.*—О сервитутахъ по Германскому проэкту. (Журн. гр. и угол. пр. 92, III). Ofner—Der Servitutenbegriff nach römisch. und Oestreich. Recht 1884. Puntschard—Die moderne Theorie des Privatrechts 1893. S. 91. ff. Reidemeister—Das Vorbehalt dinglicher Rechte 1886.

1) Личные сервитуты.

А. II, 403—451; *В.* II, 171—173; 174—176; *К.* 90—102; *М.* 258—261; *П.* I, 472—504; *Ш.* 234—237. *Анненковъ.*—Сервитутъ пользовладѣнія (Журн. гр. и угол. пр. 92, VIII). *Гороновичъ*—cit. *Шимановскій.*—Къ вопросу о пожизненномъ владѣніи. (Труды Одесск. Юрид. Общ. 1887 г. т. III). Bechmann—Ueber den Jnhalt und Umfang der Personalservitut des Usus 1861. Blume—Die Uebertragung des Niessbrauchs (Jhering's Jahrbüch. für die Dogm. XXXIV). Mansbach—Der Niessbrauch an Forderungen 1880.

2) Вещные сервитуты.

А. II, 389—403; *В.* II, 176—179; *П.* I, 467—472; *Ш.* 238—239. *Абрамовичъ.*— О крестьянскихъ сервитутахъ 1895 г. *Гороновичъ*—cit. *Новицкій.*—Сервитуты и обязательное разверстаніе въ юго-западномъ краѣ 1881. Demolombe—Traité des servitudes ou services foncières 2 t. 1876. Puntschard—Die moderne Theorie des Privatrechts 1893. S. 106 ff.

III. Право залога: понятіе и юридическая природа этого института; права и обязанности участниковъ. Стеченіе залоговыхъ правъ.

В. II, 180—188; *К.* 139—141; 146—147; *М.* 327—329; 418—438; П. I, 571—577; 583—609; 614—636; *Ш.* 243—259. *Башмаковъ.*—Основныя начала ипотечнаго права 1891. *Гантоверъ.*—Залоговое право 1890 г. *Минервинъ.*—Исходные моменты ученія о закладномъ правѣ 1874 г. *Соповъ.*—Ипотека по римскому праву и новѣйшимъ законодательствамъ 1889 г. Dernburg—Das Pfandrecht I—II, 1860—1864. Hellvig—Die Verpfändung und Pfändung von Vorderungen 1883. Kohler—Pfandrechtliche Forschungen 1882. Oertmann—Das Pfandrecht an eigenen Sachen (Arch. f. d. civil. Prax. B. 81). Pont—Comentaire-traité theoretique et pratique des privilèges et hypothèques 1876.

Руководствомъ для изученія исторіи русскаго гражданскаго права служатъ:

Неволинъ.—Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ 1857 г. часть I—III.

Владимірскій-Будановъ.—Обзоръ исторіи русскаго права 1888 г. стр. 315—506.

Сергѣевичъ.—Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права 1894 г. стр. 267—349.

Для изученія иностранныхъ законодательствъ м. б. указаны:

По *римскому* праву: *Баронъ.*—Система римскаго гражданскаго права, перев. *Петражицкаго* в. I—IV.

Accarias—Précis de droit romain ed 3.

Dernburg—Pandekten 4 Aufl. 1894.

Regelsberger—Pandekten B. I, 1893.

Windscheid—Lehrbuch der Pandekten 7 Aufl. 1891.

По *французскому* праву: Baudry-Lagantinerie—Précis de droit civil. t. I—III, 1889—92.

Aubry et Rau—Cours de droit civil français t. I—VIII.

Laurent—Cours élementaire de droit civil français 1888. I—IV.

По *прусскому* праву: Förster-Eccius—Theorie und Praxis des Preuss. Privatrechts 6 Aufl. I—IV. 1892—93.

Deruburg—Lehrb. des Preuss. Privatr. 1894. I—III).

По *австрійскому* праву: Stubenrauch—Commentar zum Oesterreichischen Allgm. bürgl. Gstzb. 6 Aufl. 1893.

По *обще-германскому* праву: Gerber—System des Deutschen Privatrechts, v. Cosak bearbeitet 1895.

Stobbe—Handbuch des deutsch. Privatrechts I—III, 1882—92.

По *итальянскому* праву: *Зарудный*.—Гражданское уложеніе итальянскаго королевства и русскіе гражданскіе законы 1869 г. I—II.

НАУКА УГОЛОВНАГО ПРАВА,

ЕЯ ПРЕДМЕТЪ, ЗАДАЧИ, СОДЕРЖАНІЕ И ЗНАЧЕНІЕ.

А. А. Піонтковскаго,

Профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-Литографія Э. Г. Фалькъ.

1895.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

НАУКА УГОЛОВНАГО ПРАВА,

ЕЯ ПРЕДМЕТЪ, ЗАДАЧИ, СОДЕРЖАНІЕ И ЗНАЧЕНІЕ[1]).

Милостивые Государи!

Открывая курсъ лекцій по уголовному праву, считаю необходимымъ въ настоящей вступительной лекціи остановить Ваше вниманіе на уясненіи предмета, содержанія, задачъ и значенія науки уголовнаго права.

Всякая наука занимается изученіемъ той или иной опредѣленной серіи міровыхъ явленій; всякая наука стремится къ раскрытію естественныхъ законовъ, управляющихъ изучаемыми ею явленіями, къ уясненію причинъ, обусловливающихъ собою бытіе, ростъ и развитіе этихъ явленій; всякая наука заботится о приспособленіи добываемыхъ ею результатовъ къ нуждамъ и потребностямъ человѣчества.

Таковъ характеръ присущъ и современной наукѣ уголовнаго права. Какого бы то ни было исключенія въ этомъ отношеніи она не представляетъ. Наука уголовнаго права принадлежитъ къ семьѣ наукъ соціальныхъ. Не безъ основанія она называется нѣкоторыми изслѣдователями уголовной соціологіей[2]).

---

[1]) Вступительная лекція, читанная въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ 15-го сентября 1895 г.

[2]) Примѣч. По воззрѣніямъ Ферри, одного изъ видныхъ представителей современной позитивной школы уголовнаго права, наука объ обществѣ—соціологія —подраздѣляется, сообразно характеру изучаемыхъ ею явленій, на нѣсколько

Принадлежа къ семьѣ наукъ соціальныхъ, наука уголовнаго права оперируетъ надъ опредѣленной серіей явленій общественной жизни.

Какія же это явленія?

Не все въ общественной жизни свершается для блага общества и входящихъ въ составъ его единицъ. Дѣятельность каждаго члена общежитія можетъ выражаться, да и выражается въ крайне разнообразныхъ формахъ: она то способствуетъ общественному благу и благополучію, то содѣйствуетъ его разрушенію и уничтоженію; она то покоится на разумномъ уваженіи къ интересамъ ближнихъ, то воплощаетъ въ себѣ попирающій все и вся и незнающій какихъ бы то ни было границъ грубый эгоизмъ.

Защитѣ и охранѣ индивидуальныхъ и коллективныхъ интересовъ отъ такой разрушительной и вредоносной дѣятельности и служитъ право [1]), которое, возводя жизненныя интересы общежитія на степень правовыхъ, регулируетъ путемъ нормъ, носящихъ принудительный характеръ, отношенія людей другъ къ другу и къ цѣлому общежитію, намѣчаетъ тотъ путь, по которому можетъ и должна быть направляема,

---

спеціальныхъ отраслей, наприм., на соціологію экономическую, политическую и проч.; одной изъ такихъ отраслей и представляется уголовная соціологія, или наука уголовнаго права (см. Henri Ferri, La Sociologie Criminelle. Paris, 1893. стр. 576). Быть можетъ, это подраздѣленіе и эта принимаемая Ферри терминологія вполнѣ правильны и вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію, тѣмъ не менѣе пользоваться этой терминологіей пока я считаю неудобнымъ, такъ какъ это пользованіе можетъ повести къ цѣлой серіи недоразумѣній: современная мысль свыклась съ такими терминами, какъ наука гражданскаго права, наука государственнаго права, наука уголовнаго права, да и наконецъ подъ уголовной соціологіей многими изъ современныхъ изслѣдователей (Листъ, Гарро, Гуаклеръ и др.) не рѣдко разумѣется лишь одна изъ отраслей науки уголовнаго права.

[1]) „Alles Recht ist um der Menschen willen da. Es bezweckt den Schutz menschlicher Lebensinteressen. Interessenschutz ist das Wesen des Rechts; der Zweckgedanke die das Recht erzeugende Kraft", справедливо замѣчаетъ профессоръ *Листъ* (см. *Его*, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, VI Auflage, 1894, стр. 49).

въ интересахъ достиженія общечеловѣческаго счастья, дѣятельность каждаго лица, входящаго въ составъ общежитія [1]).

Дѣятельность человѣка, попирающая эту правовую регуляцію, несоотвѣтствующая правовымъ нормамъ, представляется не рѣдко особенно опасной для правомъ защищаемыхъ и охраняемыхъ жизненныхъ интересовъ общежитія, вслѣдствіе чего и нуждается въ особой специальной реакціи, въ особомъ со стороны общества противодѣйствіи, да и вызываетъ таковое. Такая вредоносная дѣятельность именуется дѣятельностью преступной, преступленіемъ.

Изученіемъ этой противуобщественной дѣятельности, этого паталогическаго общественнаго явленія, и связаннаго съ нимъ общественнаго противодѣйствія, словомъ, изученіемъ борьбы общества съ преступной дѣятельностью и занимается наука уголовнаго права.

Что обусловливаетъ собою проявленіе этой дѣятельности, ея ростъ и развитіе? какіе естественные законы управляютъ этой дѣятельностью? какія причины её вызываютъ?— вотъ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ, изучая преступную дѣятельность, и трудится наука уголовнаго права. Разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ однако она не ограничивается и не можетъ ограничиться, такъ какъ этимъ разрѣшеніемъ не исчерпывается всестороннее изученіе борьбы общества съ преступной дѣятельностью Преступленіе есть зло, а отъ всякаго зла слѣдуетъ стремиться, по мѣрѣ силъ и возможности, избавиться. Наука уголовнаго права, какъ наука, по преимуществу, практическая, не можетъ обойти вопроса объ этомъ избавленіи молчаніемъ. Она заботится объ установленіи средствъ, объ указаніи путей для этого избавленія. Останавливаясь на изученіи этихъ средствъ, этихъ путей, она направляетъ свои усилія на цѣлесообразное построеніе мѣръ борьбы съ преступностью. Выполненіемъ этой задачи, уясненіемъ выше намѣченныхъ вопросовъ и исчерпывается все ея содержаніе.

---

[1]) Срав. R. Garraud, Précis de Droit Criminel, V Édition, 1895, стр. 6.

Такимъ образомъ, *подъ наукой уголовнаго права разумѣется наука, занимающаяся изученіемъ преступной дѣятельности, раскрытіемъ естественныхъ законовъ, обусловливающихъ собою эту дѣятельность, и изученіемъ и установленіемъ средствъ и способовъ борьбы съ этой дѣятельностью.*

Наука уголовнаго права—наука сложная. Въ современномъ своемъ очертаніи она распадается на нѣсколько тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ отраслей. Она раздѣляется на 1) криминалогію, 2) уголовную политику и 3) уголовную догматику.

Въ интересахъ болѣе подробнаго ознакомленія съ содержаніемъ науки уголовнаго права и преслѣдуемыми ею задачами, слѣдуетъ остановиться на обрисовкѣ каждой изъ этихъ отраслей въ отдѣльности.

1. Криминалогія.

Подъ криминалогіей [1]) *разумѣется та отрасль науки уго-*

[1]) Примѣч. Я употребляю терминъ „криминалогія“ въ томъ значеніи, какой придаетъ ему *Листъ* въ послѣднемъ (шестомъ) изданіи своего учебника (стр. 54). Нельзя однако незамѣтить, что до настоящаго времени наука уголовнаго права не выработала точной терминологіи для обозначенія входящихъ въ ея составъ отраслей. Не рѣдко въ литературѣ для обозначенія ученія, называемаго мною криминалогіей, употребляютъ терминъ „уголовная соціологія“ или „уголовная антропологія“. Употребленіе термина „уголовная соціологія“ въ особенности распространено во французской литературѣ (Гуаклеръ, Гарро и др.), при чемъ тамъ этому термину придается иногда болѣе широкое значеніе, чѣмъ то, которое я придаю термину „криминалогія“ (см. Garraud, Précis de Droit Criminel, V Edition, 1895. стр. 8, *Его же*, Traité théorique et pratique du Droit Pénal Français, стр. 9). Да и наконецъ Листъ въ своихъ работахъ не рѣдко пользуется терминомъ „уголовная соціологія“ для обозначенія ученія названнаго мною криминалогіей (см. Mitteilungen der Internationalen Kriminalistischen Vereinigung, IV Band, Mai 1893, стр. 128), а Ферри пользуется терминами „уголовная антропологія“ и „уголовная статистика“. Мнѣ кажется, что терминъ „криминалогія“ этимологически наиболѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію, терминъ же „уголовная антропологія“ представляется слишкомъ узкимъ, такъ какъ криминалогическія изысканія не могутъ ограничиться одними антропологическими экскурсіями, а терминъ „уголовная соціологія“—слишкомъ широкимъ, такъ какъ всякому уголовно-правовому изслѣдованію присущъ соціологическій характеръ.

ловнаго права, которая занимается изученіемъ преступной дѣятельности, какъ явленія соціальнаго, установленіемъ естественныхъ законовъ, обусловливающихъ собою образованіе и развитіе этой дѣятельности.

Криминалогическія изслѣдованія покоятся на детерминистическихъ началахъ, на признаніи господства закона причинности въ процессѣ проявленія и образованія изслѣдуемыхъ ими явленій.

Несмотря на свою сравнительную юность, эти изслѣдованія успѣли до настоящаго времени обогатить науку въ высшей степени драгоцѣнными результатами. Они установили зависимость преступной дѣятельности отъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ: 1) индивидуальныхъ особенностей преступнаго люда (индивидуальный факторъ) и 2) условій внѣшней среды, способствующихъ развитію, образованію и проявленію во внѣ этихъ особенностей (физико-соціальный факторъ), и тѣмъ самымъ указали тѣ два пути, на которыя должна быть направлена дѣятельность, имѣющая цѣлью борьбу съ преступностью.

Эти изслѣдованія успѣли дать богатый матеріалъ къ пониманію характера и особенностей факторовъ преступной дѣятельности и тѣмъ самымъ установить тѣ основы, которыя должны служить руководящимъ началомъ при цѣлесообразномъ построеніи средствъ борьбы съ преступностью.

Уголовно-антропологическія изысканія, занимающіяся изученіемъ индивидуальнаго фактора преступленія, преступнаго человѣка, освѣтили и уяснили характеръ и особенности преступнаго міра.

Разсѣявъ иллюзіи піонеровъ въ области уголовной антропологіи о существованіи антропологическаго типа прирожденнаго преступника, эти изысканія разсѣяли въ то же время и иллюзію о т. н. свободѣ воли человѣка. Они установили зависимость преступной дѣятельности отъ характера

и особенностей психофизической структуры человѣка. Они установили разнородность преступнаго міра и сдѣлали попытки классификаціи преступнаго люда. Выдѣляя въ особыя группы душевно-больныхъ и юныхъ преступниковъ, въ виду присущей ихъ психофизической структурѣ спеціальныхъ свойствъ и особенностей, эти изысканія показали, что здоровый и зрѣлый преступный людъ слагается изъ двухъ категорій: 1) лицъ, одержимыхъ хронической преступностью, лицъ, въ жизни которыхъ преступленіе представляется явленіемъ ординарнымъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ ихъ внутреннему укладу (преступники профессіи, привычки, натуры), и 2) лицъ, одержимыхъ острой преступностью—лицъ, въ жизни которыхъ преступленіе представляется явленіемъ случайнымъ, эпизодичнымъ.

Устанавливая зависимость преступной дѣятельности отъ взаимодѣйствія двухъ выше указанныхъ факторовъ, криминалогическія изслѣдованія не ограничиваются, да и не могутъ ограничиться одними только уголовно-антропологическими экскурсіями. Они предпринимаютъ и уголовно-соціологическія изысканія.

Пользуясь статистическимъ методомъ, эти изысканія [1]) направляютъ свои усилія на изученіе характера и особенностей физико-соціальнаго фактора преступной дѣятельности и устанавливаютъ зависимость бытія преступной дѣятельности отъ условій внѣшней среды—климатическихъ, почвенныхъ, соціальныхъ, экономическихъ, состоянія законодательства, карательныхъ учрежденій, народнаго образованія и проч. Они, при посредствѣ изученія генезиса преступной дѣятельности въ каждомъ конкретномъ случаѣ, указываютъ на могучее вліяніе условій внѣшней среды и въ процессѣ

---

[1]) Примѣч. Уголовно-соціологическія изысканія не рѣдко обозначаются именемъ уголовной соціологіи въ отличіе отъ уголовно-антропологическихъ изысканій, обозначаемыхъ именемъ уголовной антропологіи.

образованія самаго индивидуальнаго фактора преступленія, преступной личности; не отрицая значенія наслѣдственности въ этомъ процессѣ, но и не преувеличивая этого значенія, они признаютъ доминирующее значеніе въ этомъ процессѣ за условіями внѣшней среды, главнымъ образомъ, условіями соціально-экономическими [1]).

Такимъ образомъ, по современнымъ воззрѣніямъ, условія внѣшней среды содѣйствуютъ образованію преступленій двоякимъ способомъ: они въ союзѣ съ неблагопріятной наслѣдственностью (которая, собственно говоря, есть ничто иное, какъ застывшее вліяніе предшествующихъ условій внѣшней среды) способствуютъ образованію преступныхъ натуръ; они вызываютъ и толкаютъ человѣка въ борьбѣ за свое существованіе на путь преступленій.

Всѣ эти положенія, отрицая случайность въ процессѣ образованія преступной дѣятельности, отрицаютъ въ то же время и фатальность въ этомъ процессѣ; признавая одно лишь господство въ этомъ процессѣ закона причинности, они показываютъ, что условія, вызывающія преступную дѣятельность, не представляются неизмѣнными, постоянными: и

---

[1]) Примѣч. Вотъ что по этому поводу говоритъ Листъ въ докладѣ, представленномъ имъ на третій международный конгрессъ уголовной антропологіи, имѣвшій мѣсто въ 1892 году въ Брюселлѣ: „Mais l'influance des circonstances sociales et surtout économiques sur la vie des individus commence longtemps avant leur naissance. La misère économique des parents et son cortège: l'épuisement, la maladie, l'ivrognerie, nuisent au germe avant qu'il soit fruit. Le nouveau-né apporte parfois, en venant au monde, comme seul héritage paternel, le fardeau de la neurasthénie. Remédier aux circonstances économiques défavorables, et vous sauver en même temps l'avenir des générations futures". „Il est évident que les circonstances sociales et surtout économiques", говорится далѣе въ томъ же докладѣ, „déterminent la marche de la criminalité d'une triple manière: a) Elles agissent sur les ancêtres du criminel et en même temps sur l'individualité innée de celui-ci; b) Elles déterminent le développement corporel et intellectuel de l'auteur du crime, c'est-à-dire son individualité acquise; c) Elles exerceront leur influance au moment de l'action" (см. Actes du troisième congrès international d'antropologie criminelle, Bruxelles 1893, стр. 92).

психи-физическія особенности человѣка до нѣкоторой степени подлежатъ измѣненію, и условія внѣшней среды, какъ показываетъ повседневный опытъ и исторія, подвержены постоянному измѣненію.

Такой характеръ факторовъ преступной дѣятельности указываетъ на возможность плодотворной борьбы съ этой дѣятельностью, такъ какъ измѣненіе или уничтоженіе причинъ, обусловливающихъ собою бытіе какого либо явленія, должно повлечь за собою, въ силу закона причинности, соотвѣтствующее измѣненіе въ образованіи, развитіи и проявленіи этого явленія. Пессимистическое воззрѣніе, по которому преступленіе тяготѣетъ надъ человѣчествомъ, какъ будто какой то рокъ, не находитъ для себя какого бы то ни было подтвержденія въ научныхъ изслѣдованіяхъ.

Признавая возможность плодотворной борьбы съ преступностью, наука уголовнаго права, опираясь на данныя криминалогіи, стремится къ цѣлесообразному построенію этой борьбы, къ установленію средствъ и способовъ защиты и охраны интересовъ общежитія отъ преступныхъ посягательствъ.

Разрѣшеніемъ этой сложной задачи и занимается вторая изъ указанныхъ мною отраслей науки уголовнаго права— уголовная политика.

2. Уголовная политика.

Подъ уголовной политикой разумѣется та отрасль науки уголовнаго права, которая имѣетъ своимъ предметомъ изученія средства борьбы съ преступностью, задачею—цѣлесообразное построеніе этихъ средствъ [1]).

---

[1]) Примѣч. Терминъ „уголовная политика“, распространенный преимущественно въ нѣмецкой литературѣ,—терминъ вполнѣ установившійся; его употребленіе какихъ бы то ни было недоразумѣній вызвать не можетъ. Листъ въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ ноябрѣ 1893 года, опредѣляетъ уголовную политику слѣдующимъ образомъ: „Kriminalpolitick in weiteren Sinne ist das auf die

Данныя криминалогіи служатъ путеводной нитью для уголовно-политическихъ изысканій.

Опираясь на эти данныя и на результаты непосредственнаго изученія средствъ борьбы съ преступностью и руководствуясь интересами цѣлесообразности, уголовная политика строитъ свои положенія.

Признавая, что успѣшная борьба съ преступностью возможна только путемъ цѣлесообразнаго воздѣйствія на воспроизводящіе ее факторы, уголовная политика, сообразно указаніямъ криминалогіи, заботится о созданіи соотвѣтствующихъ мѣръ борьбы, какъ съ индивидуальнымъ, такъ и съ физико-соціальнымъ факторами преступной дѣятельности. Она ратуетъ за измѣненіе и уничтоженіе тѣхъ неблагопріятныхъ условій внѣшней среды, которыя способствуютъ развитію преступности, ратуетъ за улучшеніе и усовершенствованіе условій общежитія. Она, далѣе, заботится объ установленіи цѣлесообразныхъ средствъ непосредственной борьбы съ индивидуальнымъ факторомъ преступной дѣятельности, съ самимъ преступнымъ людомъ, стремится, въ интересахъ цѣлесообразнаго функціонированія этихъ средствъ, придать имъ характеръ, соотвѣтствующій особенностямъ того объекта, надъ которымъ имъ приходится оперировать, и, сообразно этимъ особенностямъ, сводитъ всѣ эти средства непосредственной

wissenschaftliche Erkentniss der Kriminalität gestützte System der zur Bekämpfung des Verbrechens dienende Massregeln". Срав. *Его же* опредѣленіе уголовной политики въ Mitteilungen der Internationalen Kriminalistischen Vereinigung, IV Band. Mai 1893, стр. 129. „Die Kriminalpolitik", замѣчаетъ извѣстный швейцарскій криминалистъ профессоръ Stooss (см. *его*, Was ist Kriminalpolitik, въ Zeitschrift für Schweizer Strafrecht, VII Jahrgang, 1894, стр. 231), „soll feststellen, welche statlichen Massnahmen geeignet sind, um dem Verbrechen vorzubeugen, und die für die Strafgesetzgebung massgebenden Grundsätze aufstellen, durch welche ein gerechter und wirksamer Schutz der statlichen Rechtsgüter möglichst gesichert wird". „La Politique criminelle est l'art de déterminer les mesures applicables aux faits sociaux touchant au crime, à ses causes et à ses effets", говоритъ Гуаклеръ (см. Bulletin de l'union internationale de Droit Pénal, IV Volume, Février 1893, стр. 41).

борьбы съ преступностью къ тремъ группамъ: леченію, воспитанію и наказанію. Она указываетъ, наконецъ, что только совокупное примѣненіе, въ соотвѣтствующихъ предѣлахъ, всѣхъ этихъ средствъ непосредственной борьбы съ преступностью можетъ привести къ плодотворнымъ результатамъ. И дѣйствительно, только соотвѣтствующее леченіе, соотвѣтствующій режимъ, можетъ повлечь за собою выздоровленіе душевно-больнаго преступника и уничтоженіе связанныхъ съ его болѣзненнымъ состояніемъ преступныхъ наклонностей, можетъ сдѣлать опаснаго душевно-больнаго годнымъ членомъ общежитія или, по крайней мѣрѣ, на случай невозможности излеченія, служить для него пригодной формой изоляціи изъ нѣдръ общежитія; только разумное воспитаніе преступныхъ дѣтей и юношей способно возродить и видоизмѣнить ихъ внутренній міръ, способно сдѣлать изъ нихъ, въ свою очередь, годныхъ членовъ общежитія; только соотвѣтствующимъ образомъ организованное наказаніе взрослыхъ и здоровыхъ преступниковъ можетъ содѣйствовать приспособленію ихъ къ условіямъ общежитія или, во всякомъ случаѣ, поставленію ихъ въ невозможность проявлять свои преступныя наклонности, можетъ, слѣдовательно, такъ или иначе служить дѣлу защиты интересовъ общежитія отъ преступныхъ посягательствъ.

Указывая на необходимость спеціальныхъ мѣръ чисто медицинскаго свойства въ борьбѣ съ душевно-больнымъ преступнымъ людомъ, уголовная политика пользуется при организаціи этихъ мѣръ указаніями компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, представителей медицины. Ратуя за необходимость принудительнаго воспитанія преступнаго юношества, она призываетъ къ себѣ на помощь представителей педагогики и стремится совмѣстно съ ними къ цѣлесообразной организаціи принудительно-воспитательныхъ учрежденій—исправительныхъ пріютовъ. Наконецъ, заботу о сооотвѣтствующемъ

построеніи карательныхъ средствъ она всецѣло беретъ на себя и, руководствуясь указаніями криминалогіи и историческимъ опытомъ функціонированія карательныхъ средствъ, заботится о приданіи средствамъ борьбы съ хронической преступностью, въ виду свойствъ и особенностей послѣдней, главнымъ образомъ характеръ изоляціи изъ нѣдръ общежитія, съ острой — по тѣмъ же самымъ соображеніямъ—характеръ приспособленія къ условіямъ общежитія [1]).

Организуя средства непосредственной борьбы съ преступностью, уголовная политика останавливается въ то же время на изученіи и установленіи способовъ примѣненія этихъ средствъ и указываетъ на необходимость, въ интересахъ цѣлесообразнаго ихъ функціонированія, проведенія при ихъ примѣненіи въ широкихъ размѣрахъ принципа индивидуализаціи. Она заботится о соотвѣтствующемъ построеніи орудій примѣненія этихъ средствъ борьбы съ преступностью— органовъ судебной и административной власти.

Изученіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ область уголовной политики не ограничивается и ограничиться не можетъ. Изученіе средствъ борьбы съ преступностью представлялось бы неполнымъ, незаконченнымъ, если бы былъ оставленъ безъ вниманія непосредственно связанный съ этой борьбой вопросъ о судьбѣ жертвъ преступной дѣятельности, вопросъ

---

[1]) См. мою рѣчь „Уголовная политика и условное осужденіе“, Одесса, 1895. Примѣч. Организуя средства борьбы съ преступностью, устанавливая границы примѣненія того или другаго изъ этихъ средствъ, уголовная политика выдѣляетъ изъ себя спеціальную отрасль, посвященную всецѣло изученію одного изъ распространенныхъ въ современныхъ карательныхъ системахъ средствъ борьбы съ преступностью—лишенія свободы путемъ заключенія въ особо установленныя на то государственныя сооруженія, тюремнаго заключенія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Эта отрасль уголовной политики извѣстна подъ именемъ тюрьмовѣдѣнія. См. *Фойницкій*, ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ, 1889. *Мос*, Тюрьмовѣдѣніе, его предметъ. содержаніе. задачи и значеніе, Одесса, 1892 г. Dr. Franz v. Holtzendorff und Dr. Engen v. Jagemann. Handbuch des Gefängisswesens, 1888.

объ устраненіи причиненнаго этой дѣятельностью вреда индивидуальнымъ и коллективнымъ интересамъ общежитія. Уголовная политика останавливается на изученіи этого вопроса и указываетъ на необходимость организаціи спеціальныхъ мѣръ вознагражденія лицъ потерпѣвшихъ отъ преступной дѣятельности.

Примѣненіе всѣхъ этихъ средствъ борьбы съ факторами преступной дѣятельности всегда сопровождается вторженіемъ въ сферу правомъ охраняемыхъ благъ человѣка, измѣненіемъ его правовыхъ отношеній, вслѣдствіе чего процессъ этого примѣненія и условія его примѣненія, въ интересахъ защиты правъ личности отъ насилія и произвола, должны быть облечены, да и облекаются въ особую правовую форму, должны подлежать спеціальной правовой регуляціи.

Изученіемъ и установленіемъ этой регуляціи, этой правовой формы, и занимается третья изъ указанныхъ мною отраслей науки уголовнаго права—уголовная догматика.

3. Уголовная догматика.

Уголовная догматика имѣетъ предметомъ своего изученія тѣ правовыя нормы, въ которыя облекается борьба съ преступностью, задачею—построеніе этихъ нормъ соотвѣтственно цѣлямъ этой борьбы и потребностямъ защиты и охраны правъ личности отъ возможнаго насилія и произвола. Однако она не занимается всесторонней регуляціей этой борьбы. Въ виду того, что мѣры борьбы съ физико-соціальнымъ факторомъ преступной дѣятельности затрогиваютъ разнообразныя стороны общественной жизни—политическую, экономическую и проч., регуляція примѣненія этихъ мѣръ относится къ тѣмъ отраслямъ обществознанія, которыя занимаются изученіемъ этихъ сторонъ общественной жизни, каковы государственное право, гражданское право, полицейское право; отъ этихъ отраслей обществознанія слѣдуетъ

ожидать и требовать такой регуляціи общественныхъ отношеній, которая бы соотвѣтствовала требованіямъ уголовной политики; уголовной же догматикѣ регуляціей этихъ отношеній заниматься не за чѣмъ; *она занимается только регуляціей отношеній, возникающихъ по поводу непосредственной борьбы съ индивидуальнымъ факторомъ преступной дѣятельности.*

Совокупность нормъ, регулирующихъ эту борьбу, образуетъ изъ себя уголовное право въ широкомъ смыслѣ этого слова. Уголовное право и является предметомъ изученія уголовной догматики. Уголовное право не представляетъ изъ себя нѣчто постоянное, неизмѣнное. Оно растетъ, развивается. Современной формой его выраженія представляется уголовный законъ (значеніе обычнаго уголовнаго права въ настоящее время почти сведено къ нулю). Уголовная догматика и занимается изученіемъ этой выроботанной историческимъ процессомъ регуляціи уголовно-правовыхъ отношеній.

Изучая эту регуляцію въ ея статическомъ и динамическомъ отношеніи, обобщая и систематизируя воплощенныя въ ней положенія, уголовная догматика подвергаетъ критикѣ эти положенія съ точки зрѣнія требованій уголовной политики и заботится о приданіи имъ характера соотвѣтствующаго этимъ требованіямъ [1]).

Изучая уголовно-правовую регуляцію, она стремится установить и опредѣлить условія, при наличности которыхъ возможно примѣненіе средствъ непосредственной борьбы съ преступностью, стремится облечь эти средства въ соотвѣтствующую правовую форму. Исходя изъ положенія, представляющагося основной гарантіей защиты свободы лич-

---

[1]) Весьма справедливо Stoos характеризуетъ значеніе уголовной политики, говоря: „sie ist also die Lehrerin des Strafgestzgebers (см. *Eio*, Was ist Kriminalpolitik въ Zeitschtift für Schweizer Strafrecht, VII Jahrgang, 1894, стр. 228).

ности отъ произвола и насилія: „nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege“, она заботится объ обозначеніи точными признаками тѣхъ дѣяній, которыя почитаются преступными, и устанавливаетъ такимъ образомъ возможность отличить эти дѣянія въ ряду другихъ дѣяній, съ уголовно-правовой точки зрѣнія безразличныхъ, возможность отличить одну группу этихъ дѣяній отъ другой. Она, далѣе, точно опредѣляетъ тѣ мѣры, которыя могутъ быть примѣнены къ преступникамъ въ виду совершеннаго ими дѣянія, регулируетъ способы и условія примѣненія той или другой изъ этихъ мѣръ. Она, наконецъ, не ограничивается изученіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ, входящихъ въ область т. н. матеріальнаго уголовнаго права. Она останавливается еще и на изученіи процессуальныхъ вопросовъ, уголовнаго процесса—нормъ, регулирующихъ примѣненіе матеріальнаго уголовнаго права. Она не оставляетъ безъ разсмотрѣнія и изученія и вопросъ о вознагражденіи лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія, вопросъ, относящійся къ области уголовнаго, а не гражданскаго права [1]). Словомъ, всестороннимъ изученіемъ юридической стороны непосредственной борьбы общества съ преступностью, съ индивидуальнымъ факторомъ преступленія, и облеченіемъ этой борьбы въ соотвѣтствующую правовую форму исчерпывается содержаніе уголовной догматики.

Таково содержаніе науки уголовнаго права, таковъ ея объемъ, таковы тѣ задачи, къ разрѣшенію которыхъ она стремится.

Нельзя сказать однако, чтобы намѣченныя мною для науки уголовнаго права границы были въ настоящее время общепризнанными.

---

[1]) „Ce droit à une réparation, à raison de sa communauté d'origine avec l'infraction, rentre, à bien des points de vue, dans le domaine du droit criminel“, справедливо замѣчаетъ Гарро (см. *Ею*, Précis de Droit Criminel, V Edition, 1895 г., стр. 2).

И на западѣ, и среди нашихъ отечественныхъ криминалистовъ встрѣчаются воззрѣнія, стремящіяся съузить область науки уголовнаго права путемъ выдѣленія изъ нея криминалогіи и уголовной политики, воззрѣнія, относящія къ наукѣ уголовнаго права лишь послѣднюю изъ указанныхъ мною ея отраслей.

Такое разнорѣчіе въ взглядахъ на объемъ науки уголовнаго права не представляетъ изъ себя ничего удивительнаго; оно весьма естественно; оно объясняется молодостью нашей науки, тѣмъ быстрымъ ростомъ, которому она подверглась въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, освободившись отъ оковъ сковывавшей ея метафизики и вступивъ на путь проложенный естествознаніемъ.

Типическимъ сторонникомъ такого съуженія области науки уголовнаго права можно считать лейпцигскаго профессора Биндинга.

Наука уголовнаго права, по Биндингу, занимается изученіемъ положительнаго уголовнаго права, его уясненіемъ, его систематизаціей, его критической оцѣнкой и только[1]). Что этимъ занимается наука уголовнаго права, я не отрицаю, но что этимъ и только этимъ исчерпывается все ея содержаніе, я сомнѣваюсь.

Не говоря о томъ, что при такомъ опредѣленіи границъ науки уголовнаго права, понятіе этой науки, какъ науки, уничтожается, такъ какъ наукой можетъ быть названо лишь изученіе, имѣющее цѣлью раскрытіе естественныхъ законовъ, управляющихъ изучаемыми явленіями, а не простое конструированіе понятій, систематизація и критическая оцѣнка; не говоря объ этомъ, нельзя не замѣтить, что вмѣненіе наукѣ въ обязанность (а это дѣлаетъ Биндингъ) изучать уголовно-правовыя положенія не только съ точки зрѣнія de lege lata,

---

[1]) См. Binding, Handbuch des Strafrechts, Erster Band, 1885 г., стр. 6 и слѣд.

но и съ точки зрѣнія de lege ferenda приводитъ къ необходимости установить для послѣдняго изученія соотвѣтствующія устои. Гдѣ же наука найдетъ эти устои? Какъ она можетъ ихъ создать, ограничивая, сообразно указаніямъ Биндинга, область своихъ изслѣдованій? Не будетъ ли она почерпать ихъ въ указаніяхъ „чистаго разума"? Но этотъ источникъ—крайне ненадежнаго свойства: историческій процессъ развитія науки уголовнаго права, впитавшей въ себя, благодаря этому источнику, цѣлую серію крайне схоластическихъ, съ жизнью ничего общаго неимѣющихъ положеній, служитъ разительнымъ тому доказательствомъ.

Если апріористическія положенія представляются непригодными устоями, то весьма естественно, что такихъ устоевъ слѣдуетъ искать въ результатахъ опытныхъ изслѣдованій—въ криминалогіи и уголовной политикѣ.

Признавая значеніе за криминалогическими (уголовно-соціологическими и уголовно-антропологическими) и уголовно-политическими изслѣдованіями и связь ихъ съ уголовно-догматическими (уголовно-правовыми), сторонники указаннаго мною съуженія (напр., Алимена, Таганцевъ и Сергѣевскій) [1]) указываютъ, что эти изслѣдованія не могутъ быть соединены въ одну науку въ виду существующаго между ними различія въ методахъ и преслѣдуемыхъ ими задачахъ.

Эти соображенія врядъ ли основательны.

Методъ изслѣдованія не представляется характернымъ признакомъ отличія одной науки отъ другой, такъ какъ всякая наука пользуется для своихъ изслѣдованій, по мѣрѣ надобности, то тѣмъ, то другимъ методомъ—то индукціей, то дедукціей [2]). Наконецъ, что касается методологіи въ наукѣ

---

[1]) См. *Сергѣевскій*, Русское Уголовное Право, С.-Петербургъ, 1887 г. стр. 9. *Таганцевъ*, Лекціи по Русскому уголовному праву, выпускъ I. 1887 г. стр. 8.

[2]) „Je crois", замѣчаетъ Гарро по поводу употребленія индуктивнаго и

уголовнаго права, то нельзя не замѣтить, что эта наука даже и до образованія криминалогическихъ и уголовно-политическихъ доктринъ не могла всегда оперировать при посредствѣ одной дедукціи, а пользовалась въ широкихъ размѣрахъ и индуктивнымъ методомъ при изученіи тюремныхъ вопросовъ.

Что же касается различія преслѣдуемыхъ этими изслѣдованіями задачъ, то нельзя не замѣтить, что это различіе обнаруживается только при разрѣшеніи непосредственныхъ задачъ, а не въ конечныхъ цѣляхъ. Въ конечныхъ цѣляхъ эти изслѣдованія совпадаютъ, несовпаденіе же въ непосредственныхъ задачахъ, стоящихъ на пути къ достиженію общей конечной цѣли, какого бы то ни было значенія имѣть не можетъ: всякая наука, стремясь къ опредѣленной цѣли, останавливается надъ разрѣшеніемъ цѣлой серіи крайне разнородныхъ, но тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ задачъ.

Такимъ образомъ, соображенія, говорящія въ пользу съуженія области нашей науки, для меня представляются неубѣдительными.

Между тѣмъ въ то же время я нахожу цѣлую серію соображеній въ пользу соединенія криминалогическихъ, уголовно-политическихъ и уголовно-догматическихъ доктринъ въ единое цѣлое.

Всѣ эти доктрины тѣсно связаны другъ съ другомъ, всѣ онѣ обусловливаются однимъ и тѣмъ же паталогическимъ явленіемъ общественной жизни—преступленіемъ, всѣ онѣ оперируютъ надъ однимъ и тѣмъ же объектомъ—надъ изученіемъ и уясненіемъ борьбы съ преступностью, разлагая только этотъ объектъ, въ интересахъ его изученія, на составныя части, всѣ онѣ проникнуты единой общей цѣлью.

дедуктивнаго методовъ, „qu'il faut les combiner et non les exclure“ (см. *Ero*, Précis de Droit Criminel, V Edition, 1895, стр. 7).

Эта общая цѣль заключается въ стремленіи придти на помощь обществу въ его борьбѣ съ преступностью, указать ему средства и пути для защиты себя отъ разрушительнаго ея воздѣйствія. Съ этой цѣлью изучаются причины преступной дѣятельности, организуются средства противодѣйствія этой дѣятельности, устанавливаются нормы, регулирующія процессъ этого противодѣйствія.

Я сказалъ, что эти изслѣдованія тѣсно другъ съ другомъ связаны. И дѣйствительно, безъ криминалогическихъ изысканій невозможно построеніе уголовно-политической доктрины: только зная причины преступной дѣятельности и ихъ характеръ, возможно установить соотвѣтствующіе способы борьбы съ ней; ученіе современной уголовной политики, напр., о необходимости созданія двухъ особыхъ категорій мѣръ борьбы съ индивидуальнымъ факторомъ преступной дѣятельности, мѣръ борьбы съ преступностью острой и мѣръ борьбы съ преступностью хронической [1])—есть прямое слѣдствіе криминалогическихъ изысканій, и можетъ оно быть объяснено только результатами этихъ изысканій. Далѣе, всякое положеніе уголовной политики пріобрѣтаетъ практическое приложеніе лишь путемъ облеченія его въ правовую форму, вслѣдствіе чего положенія уголовной догматики, являясь воплощеніемъ тѣхъ или иныхъ уголовно-политическихъ началъ, не могутъ быть иначе уяснены, какъ при посредствѣ данныхъ уголовной политики; ученіе о наказаніи, напр., не можетъ быть научно обосновано безъ помощи экскурсій въ область уголовной политики; нельзя безъ этихъ экскурсій научно обосновать и облечь въ соотвѣтствующую правовую форму вопросъ объ условіяхъ примѣненія того или иного карательнаго средства, объ установленіи его размѣра и проч. Такія же экскурсіи необ-

---

[1]) См. Garraud, Le Probléme moderne de la pénalité, 1889, Paris.

ходимы и при разрѣшеніи вопросовъ, относящихся къ ученію о преступленіи, напр., вопросовъ о вмѣненіи, покушеніи, соучастіи. Обусловленный этими экскурсіями взглядъ на преступленіе какъ на симптомъ, свидѣтельствующій о существованіи въ данномъ индивидѣ извѣстнаго рода преступныхъ наклонностей, отражается на построеніи ученія о покушеніи, усиливая значеніе субъективнаго момента при разрѣшеніи относящихся къ этому ученію вопросовъ; вытекающая изъ этихъ экскурсій потребность индивидуализаціи карательныхъ средствъ не можетъ не оказать вліянія на построеніе ученія о соучастіи, а установленная этими экскурсіями причинность въ области преступной дѣятельности влечетъ за собою построеніе ученія о вмѣненіи на детерминистическихъ началахъ.

Наконецъ, только при посредствѣ уголовно-политическихъ соображеній возможно установить границы, отдѣляющія преступное отъ непреступнаго, возможно установить различіе между уголовной и гражданской неправдами и, такимъ образомъ, установить и обозначить необходимыя для примѣненія уголовно-правовыхъ нормъ предѣлы.

Слѣды криминалогическихъ и уголовно-политическихъ доктринъ, несмотря на ихъ сравнительную юность, начинаютъ сказываться на практическомъ приложеніи уголовной догматики—на современномъ уголовномъ законодательствѣ; принятіе, напр., большинствомъ западно-европейскихъ законодательствъ т. н. института условнаго осужденія [1]), установленіе французскимъ законодательствомъ релегаціи для рецидивистовъ—разительные примѣры этого вліянія.

Вообще, тѣсная связь и зависимость между криминалогическими, уголовно-политическими и уголовно-догматическими доктринами, думается мнѣ, въ высшей степени очевидна.

---

[1]) См. *мое*, Объ условномъ осужденіи, или системѣ испытанія, Одесса, 1894 г.

Она признается многими изъ современныхъ криминалистовъ, каковы, напр., Гарро, Гуаклеръ, Готье, Листъ, Принсъ, Ванъ Гаммель и многіе друг.[1]).

Въ соединеніи этихъ доктринъ въ единую общую науку, такимъ образомъ, никакихъ препятствій не встрѣчается. Это соединеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ научнымъ теченіямъ, современной разработкѣ уголовно-правовыхъ вопросовъ. Оно объединяетъ эти теченія. Оно допускается и защищается выдающимися криминалистами нашего времени, каковы, напр., Ферри, Гарро, Листъ и др.[2]).

Это соединеніе, не нарушая и не уничтожая самостоятельнаго значенія криминалогическихъ, уголовно-политическихъ и уголовно-догматическихъ доктринъ, взаимно дополняетъ каждую изъ этихъ доктринъ и придаетъ имъ характеръ единой позитивной науки въ истинномъ смыслѣ этого слова.

---

[1]) Вотъ какъ, напр., обрисовываетъ эту связь французскій криминалистъ Гуаклеръ: „Le Droit ne peut se suffire à lui-même. La loi seule ne lui fournit pas les éléments voulus pour une systématisation exacte, ni surtout pour une saine application. Il est nécessaire de s'appyer sur des principes supérieurs afin que chaque branche du Droit soit bien adaptée au but qu'elle doit remplir, que chacune soit toujours en harmonie avec les autres et que toutes ensemble concourent à leur fin commune. Et. c'est à la Politique que l'on devra recourir. Par sa dèfinition même, elle est, en effet, l'art de poser les principes qui dominent l'étude et l'application des lois particulières. Mais la Politique, elle-même, on trouvera-t-elle le fondement des ses théories: d'où tirera-t-elle ses règles? C'est ici qu' intervient la Sociologie et que se manifestent ses rapports avec le Droit par l'intermédiaire de la Politique"…. См. Bulletin de l'Union internationale de Droit Pénal, IV Volume, Février 1893, стр. 43.

[2]) См. Liszt, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, V Auflage, 1892 § 1. Garraud, Précis de Droit Criminel, V Edition, 1895, pag. 8. Ferri, La Sociologie Criminelle, Paris, 1893. „L'antropologie et la statistique criminelle", замѣчаетъ Ферри (см. 579 стр. названнаго сочиненія), „aussi bien que le droit criminel et pénal, ne sont que les chapitres d'une science unique qui a pour objet l'étude du délit comme phénomène naturel et social et partant juridique, et l'étude des moyens les plus efficaces pour la défence préventive et répressive contre le crime même".

Такой объемъ наука уголовнаго права пріобрѣла сравнительно недавно [1]).

Движеніе, возродившее уголовно-правовую доктрину, поднявшее ее на высоту позитивной науки, началось въ послѣднее двадцатипятилѣтіе въ Италіи. Оно связывается съ именемъ туринскаго профессора судебной медицины Ломброзо, занявшагося изученіемъ характера и особенностей преступнаго люда. Оно повлекло за собою развитіе на итальянской почвѣ позитивной школы уголовнаго права, виднымъ представителемъ которой слѣдуетъ признать итальянскаго криминалиста Ферри. Оно способствовало развитію и разработкѣ уголовно-правовыхъ вопросовъ на французской почвѣ (Ліонская школа съ Лаккасанемъ во главѣ). Оно вызвало возрожденіе уголовной политики на германской почвѣ (Листовская школа). Оно, наконецъ, вызвало изученіе уголовно-правовыхъ вопросовъ на съѣздахъ и конгрессахъ.

Эта совокупная работа ученыхъ и возродила уголовноправовую доктрину, создала позитивную науку уголовнаго права.

Въ современномъ своемъ очертаніи эта наука представляется въ нѣкоторомъ родѣ общественной паталогіей, ибо она изучаетъ одну изъ тяжкихъ язвъ общественной жизни — преступленіе, общественной гигіенной, ибо она изучаетъ и указываетъ способы противодѣйствія образованію и развитію преступленій, и общественной медициной, ибо она изучаетъ и устанавливаетъ средства непосредственной борьбы съ преступностью.

---

[2]) Стремленіе къ установленію такого объема науки уголовнаго права сказывается въ нашей литературѣ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Такъ, *Духовской* въ своей лекціи о задачахъ науки уголовнаго права (см. *его*, Задачи науки уголовнаго права, Ярославль, 1872, стр. 32 и слѣд.) говоритъ: „Уголовное право изучаетъ преступленіе, узнаетъ причины его появленія и указываетъ государству средства, годныя къ предупрежденію этого явленія“.

Отсюда понятно то въ высшей степени серьезное значеніе, которое имѣетъ эта наука для общественной жизни: освѣщая, направляя и регулируя общественную борьбу съ преступностью, она стоитъ на стражѣ индивидуальныхъ и коллективныхъ интересовъ; она заботится о развитіи и укрѣпленіи міра и порядка—этихъ необходимыхъ условій общественнаго благополучія, общественнаго прогресса.

О ШВЕДСКО-НОРВЕЖСКОЙ УНІИ.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1883 г., норвежскій стортингъ, подъ давленіемъ радикальной партіи, постановилъ предать суду министерство, не согласившееся съ той политикой въ отношеніи къ Швеціи, которая радикалами „лѣвой“ считалась достойной норвежскаго народа. Преданіе суду оправдывалось ст. 30 конституціи, въ силу которой министры отвѣтственны не только за нарушеніе основнаго закона, но и за всякія дѣйствія, которыя „явно вредны“ государству.

Съ этого момента „лѣвая“ неуклонно и открыто держится политики, конечная цѣль которой—разрывъ съ Швеціей, разрывъ слегка замаскированный претензіями на равноправность въ уніи, абсолютную равноправность, яко бы установленную въ 1814 г. по соглашенію съ Швеціей—и ею непризнаваемую или нарушаемую въ теченіи 70 лѣтъ. Шведско-норвежскій антагонизмъ, скрываемый и до 1883 г. съ трудомъ, выступилъ наружу. Споръ принимаетъ все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ и въ 1891 г., осенью, казалось что если не сегодня, то завтра, вспыхнетъ война между „народами-братьями“, что старая воинственная Швеція „заговоритъ по шведски съ норманнами“ какъ выразился шведскій министръ Окергьелмъ. Но не смотря на нахальныя, грязныя выходки норвежской прессы и агитацію вожаковъ „лѣвой“ (Стена, Лунда, Ульмана, Ибсена, Бьернсона), дѣло до войны не дошло. Хладнокровіе короля Оскара II и миролюбіе шведовъ взяло верхъ и реорганизованной шведской арміи не пришлось столкнуться съ ополченіемъ норвежцевъ.

Обѣ партіи въ норвежскомъ стортингѣ, какъ лѣвая (радикальная), такъ и правая (умѣренная) полагаютъ, что вопросъ о томъ, какъ толковать актъ объ уніи 1814—1815 гг., слѣдуетъ ли измѣнить и какъ измѣнить политическій строй скандинавскаго полуострова, можетъ и долженъ быть рѣшенъ исключительно норвежцами; даже согласіе Швеціи не безусловно необходимо, а что касается другихъ державъ, съ согласія которыхъ Швеція заставила Данію отказаться отъ своихъ норвежскихъ владѣній—то онѣ должны остаться совершенно въ сторонѣ при упорядоченіи этихъ чисто домашнихъ дѣлъ Норвегіи.

До поры, до времени Европа знаетъ только шведско-норвежскаго короля, шведско-норвежское правительство, шведское министерство иностраннныхъ дѣлъ, какъ представителя внѣшней политики соединенныхъ королевствъ, шведско-норвежскихъ пословъ, посланниковъ и консуловъ, шведскій флагъ и норвежскій флагъ съ знаками уніи въ верхнемъ углу.

Стортингъ признаетъ за собою право рѣшеніемъ большинства голосовъ въ своей средѣ заставить Европу признать отдѣльное норвежское правительство, министерство, посланниковъ, консуловъ, да, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, по усмотрѣнію норвежцевъ—самостоятельную норвежскую республику съ Ибсеномъ или Бьернсономъ во главѣ, въ качествѣ президента!

Сомнѣваемся, что норвежскіе патріоты найдутъ сторонниковъ этого своего воззрѣнія внѣ границъ Норвегіи. Вопросъ о политической организаціи скандинавскаго полуострова тѣсно соприкасается не только съ интересами Швеціи; это вопросъ обще-европейскій, по меньшей мѣрѣ настолько же, насколько въ свое время обще-европейскимъ считался вопросъ объ отдѣленіи Бельгіи отъ Голландіи.

Одинъ взглядъ на карту Европы доказываетъ это яснѣе всѣхъ историческихъ и политическихъ доводовъ и едва ли

норвежцы могутъ считать вмѣшательствомъ въ ихъ домашнія дѣла, если не-норвежцы поставятъ вопросъ: какое основаніе и какое право имѣетъ Норвегія измѣнить произвольно характеръ уніи, или по своему усмотрѣнію расторгнуть унію, установленную въ 1814 г. съ согласія Европы?

I.

Международные договоры, предшествовавшіе заключенію Кильскаго трактата.

Въ 1814 г. Норвегія соединилась съ Швеціей въ третій разъ.

Въ первый разъ это соединеніе состоялось въ 1319 г. на началахъ личной уніи. Связь была очень непродолжительна. Уже въ 1343 г. Норвегія была подвластна особому королю. 45 лѣтъ спустя порванная связь возстановлена при посредствѣ Даніи, королева которой (Маргарита) соединила въ своихъ рукахъ скипетры 3 скандинавскихъ государствъ. Политическая связь государствъ, вошедшихъ въ эту унію, извѣстную подъ именемъ Кальмарской, не была въ точности опредѣлена. Актъ 1389 г. ограничился объявленіемъ что „всѣ 3 королевства будутъ заодно противъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ, что всѣ 3 будутъ равноправны и всегда должны имѣть общаго правителя, подчиняясь одной и той же государственной власти.

Въ 1436 г. была сдѣлана попытка сближенія трехъ частей великаго скандинавскаго государства: предполагалось учрежденіе общаго государственнаго совѣта. Попытка эта не имѣла успѣха. Три года спустя (1439 г) Норвегія отдѣлилась отъ уніи и замѣнила ее „союзомъ дружбы“ съ одной только Швеціей (1441). Весь 80 лѣтній періодъ 1441—1520 гг. наполненъ попытками попеременнаго отказа Норвегіи отъ уніи и присоединенія къ ней подъ главенствомъ датскихъ королей. Событія 1520—1523 гг. (Стокгольмская

рѣзня и возстаніе Шведовъ противъ Христіана II подъ предводительствомъ Густава Ваза) привели къ расторженію Кальмарской уніи. На три столѣтія Норвегія удаляется отъ Швеціи, вступаетъ въ тѣсное единеніе съ противникомъ ея, Даніей, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ съ арены исторіи какъ самостоятельный политическій факторъ.

Хотя о *формальномъ включеніи* Норвегіи въ Датскую монархію, въ качествѣ инкорпорированной провинціи, рѣчи тогда не было, хотя она номинально сохранила свою самостоятельность,—тѣмъ не менѣе *фактически* она вполнѣ заслонялась Даніей и не смотря на сохраненіе титула „королевство Норвегія“ спустилась на ступень скромной провинціи датской, или вѣрнѣе, нѣсколькихъ датскихъ провинцій, объединенныхъ однимъ именемъ. Это *пассивное* участіе Норвегіи въ исторіи скандинавскаго сѣвера объясняется тремя условіями: 1) бѣдностью страны, малою плодородностью почвы, разъединенностью населенія, незначительнымъ развитіемъ промышленности 2) быстрымъ упадкомъ силы и вліянія двухъ важнѣйшихъ сословій средневѣковаго государства: духовенства и дворянства, немногочисленные представители которыхъ притомъ тяготѣли къ болѣе богатой и цивилизованной Даніи, 3) установленіемъ наслѣдственной королевской власти въ противоположность Даніи и Швеціи, въ которыхъ до 17 и 16 столѣтій престолъ замѣщался по выбору. Наслѣдственный король Норвегіи, имѣвшій свою резиденцію въ Копенгагенѣ, подпалъ все возрастающему вліянію датскаго государственнаго совѣта и датской аристократіи, связывавшихъ короля „королевскими обязательствами“, даваемыми при вступленіи на престолъ. Въ 1536—1537 гг.[1]) послѣ введенія въ Норвегіи реформаціи и паденія римско-католическаго ду-

---

[1]) Послѣ возстанія норвежцевъ въ 1537 г. государственный совѣтъ Даніи постановилъ: Норвегія потеряла свою самостоятельность и превратилась въ датскую провинцію.

ховенства, исчезъ и послѣдній внѣшній признакъ самостоятельной политической жизни въ Норвегіи: ея государственный совѣтъ. Норвегія управлялась указами короля изъ Копенгагена, указами, продиктованными датскими магнатами.

Жизнь разрозненныхъ мелкихъ норвежскихъ общинъ (городскихъ и сельскихъ), отдѣленныхъ другъ отъ друга высокими горными хребтами или скалистыми пустынями, текла своимъ чередомъ, въ патріархальной простотѣ, наполненная заботами объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей малоразвитаго общественнаго строя, экономической основой котораго были: рыбныя ловли въ фьордахъ и въ открытомъ морѣ у Лофотенскихъ острововъ, незначительная торговля рыбою и лѣсомъ, скотоводство и хлѣбопашество въ узкихъ долинахъ, кое гдѣ разработка рудъ и кустарная промышленность.

Древній сеймъ норвежскій рѣдко созывался; въ датскомъ риксдагѣ депутаты Норвегіи не появлялись. Норвегіей управлялъ королевскій намѣстникъ и подчиненные ему окружные фохты.

Въ 1660 г. *Данія* превратилась изъ монархіи выборной и ограниченной сословнымъ представительствомъ въ *монархію абсолютную*. Государственные чины Норвегіи безропотно подчинились „королевскому закону" (Kongelove) 1663 г., санкціонировавъ давно установившійся (фактически) абсолютизмъ.

Прошло 150 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Данія неизмѣнно сохранила свою абсолютную монархическую власть, а Швеція пережила рядъ революцій, кончившихся установленіемъ формы правленія 1809 г. Послѣдняя революція (1809 г.) была вызвана сумасбродствомъ Густавомъ IV, фантастическій складъ ума котораго не хотѣлъ считаться съ фактами измѣнившагося политическаго строя Европы. Его преемникъ Карлъ XIII принужденъ былъ уступить Россіи—Финляндію и усыновить въ качествѣ наслѣдника шведскаго престола—

маршала Бернадотте. Сподвижникъ Наполеона, ставшій у подножья престола св. Эрика, помирился съ утратою Финляндіи и рѣшилъ съ помощью Александра I вознаградить Швецію за жертвы, принесенныя на основаніи Фредриксгамскаго мирнаго трактата. Изъ всѣхъ шведскихъ завоеваній великой эры религіозныхъ войнъ 17 ст. остался только одинъ клочекъ земли на континентѣ: Шведская Поммеранія. Блестящая политическая комбинація представилась уму новаго шведскаго наслѣдника.

Рѣшительный отказъ отъ всякихъ притязаній на Финляндію пріобрѣлъ Швеціи дружбу и помощь Россіи. Заручившись ея согласіемъ можно было заставить Данію, вѣрную союзницу Наполеона, принять Шведскую Поммеранію, владѣніе, необезпеченное ни въ стратегическомъ, ни въ политическомъ отношеніи, и уступить Норвегію, являющуюся какъ бы естественною принадлежностью Швеціи. Сплоченное и окруженное морями и тундрами полуострова, государство, обѣщало развиться въ сильное политическое тѣло, способное вести независимую, и притомъ мирную жизнь, не вмѣшиваясь въ безпокойную политику Европейскаго материка.

Съ момента вступленія на шведскую почву Карлъ Іоганъ рѣшилъ осуществить эту мысль; вся его политика стремилась къ этой цѣли.

1812 годъ, нанесшій рѣшительный ударъ Наполеоновскому могуществу, пошатнувшій политическую систему императора, основанную на политическомъ всесиліи Франціи и безмолвномъ подчиненіи вассаловъ ея (въ томъ числѣ и Даніи), далъ возможность приступить къ исполненію задачи.

Уже $\frac{\text{5 апрѣля}}{\text{24 марта}}$ 1812 года между правительствами шведскимъ и русскимъ былъ заключенъ союзный трактатъ, въ силу котораго Россія, взамѣнъ обѣщанныхъ Швеціей услугъ, обя-

валась содѣйствовать ей въ пріобрѣтеніи Норвегіи мирнымъ путемъ, а въ крайнемъ случаѣ и войною съ Даніей [1]).

[1]) Ст. V гласитъ: „Comme il serait impossible à Sa Majesté le Roi de Suède de faire cette diversion (диверсія въ Германію) en faveur de la cause générale, tant qu'Elle conserverait à dos, bordant une si grande étendue de Ses frontières, la Norvège comme ennemie, que d'allieurs la position géographique de celleci semble indiquer que la nature elle même l'a destinée à faire un jour partie intégrante du Royaume de Suède, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies promet et s'éngage de procurer, soit par voie de négociation, ou par une coopération militaire, la Norvège à la Suède et de Lui en garantir la paisible possession et à ne pas poser les armes, que cette aquisition ne soit faite.

Ст. VII. Les deux Hautes parties Contractantes, dans la sagesse de Leurs vues et trés éloignées du dessein de Se faire un Ennemi de Sa Majesté le Roi de Dannemarc, proposeront à ce Souverain, d'un commûn accord et par une negociation commune, d'acceder à cette Alliance et de Se joindre à Elles pour consolider la tranquillité du Nord et soustraire Ses propres États au danger, dont les vues connues de l'Empereur des Français sur le Holstein les menacent, et à cette fin Elles feront offre à Sa Majesté Danoise de ne point poser les armes qu' Elles ne Lui aient procuré un dédommagement complet de la Norvegè par l'acquisition d'un État plus à Sa bienséance, puisqu'il pourrait être contegû à ceux, que Sa dite Majestè possède en Allemagne; mais à cette condition, que Sa Majestè Danoise cède dès à présent et à tout perpétuté pour Elle, Ses Héritiers et Ses Successeurs au Trône de Dannemarc, le Royaume de Norvège à Sa Majesté le Roi de Suède. Les deux Hautes parties Contractantes considérant la necessité de soutenir par les armes les Propositions qu' Elles sont convenues par le present Article de faire à Sa Majesté le Roi de Dannemarc, S'engagent à n'ouvrir ses Negociations, que lorsque Leurs forces reunies seront prêtes à commencer les opérations convenues. Dans le cas où Sa Majesté Danoise refusât cette offre et préferait de rester dans l'Alliance de l'Empereur des Français les Hautes Parties contractantes considéront alors le Danemarc comme Leur ennemi commun et agiront en conséquence.

Ст VIII: Si Sa Majesté le Roi de Suède n'aura d'autres moyens d'acquerir la Norvège que par la voie des Armes et Se decidera pour y parvenir, à faire une descente en Sélande, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies promet et S'engage à coopérer militairement avec Sa Majesté le Roi de Suède et mettra à cette fin sous les ordres de Son Altesse Royale le Prince Royal de Suède, et à Sa disposition, le nombre de Troupes stipulé dans l'Article IV du présent Traité, qui règle le contingent réciproque de l'Armée destinée à faire une diversion en Allemagne.

L'engagement qui vient d'être pris, d'une coopération réciproque de forces en Sélande, n'exclut point aucune autre entreprise ou coopération militaire, que les Hautes Parties Contractantes jugeront être également avantageuses pour le bien de la cause commune et afin de hâter le reunion de la Norvège au

При определеніи способа предполагаемаго соединенія Норвегіи съ Швеціей въ этомъ актѣ замѣчается не выдержанность выраженій. Говорится о „reunion de la Norvège„ (ст. VIII и XII), acquis ition de la Norvège (ст. VI, XIII), говорится о томъ, что Норвегія предназначена природою быть „partie intégrante du Royanme de Suède“ (ст. V), объ уступкѣ Норвегіи не Швеціи. а королю шведскому (ст. VII). Эта на первый взглядъ столь пезначительная неясность выраженій впослѣдствіи получила важное значеніе, какъ мы увидимъ ниже. Трактатъ этотъ, подписанный графомъ Н. Рюмянцевимъ и барономъ К. Левенгельмомъ былъ ратификованъ, при чемъ къ нему были присоединены нѣсколько условій, въ числѣ которыхъ одно предусматриваетъ присоединеніе къ союзу Великой Британніи.

Не болѣе, чѣмъ 4 дня спустя ($\frac{9\ \text{апрѣля}}{27\ \text{марта}}$) былъ заключенъ дополнительный трактатъ (въ Стокгольмѣ, подписанный барономъ Энгестремомъ и русскимъ посланникомъ въ Швеціи, Сухтеленъ), но, какъ значится въ архивѣ шведскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, ратификаціи не послѣдовало. Этотъ нератификованный трактатъ [1]), долженствовавшій получить характеръ семейнаго договора (pacte de famille) устанавливалъ, что присоединеніе Норвегіи къ Швеціи должно

Royaume de Suède, et dont au milieu de la marché des événements Sa Majestt le Roi de Suède et Sa Majesté Impériale de toute les Russies jugeront à propos de statuer et couvenir entr' Elles.

[1]) Текстъ его слѣдующій: Article separé et secrét: Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, ayant par l'Article II de la présente Alliance, accédé à la rénon de la Norvège à la Suède, en garantit en vertu de cet Article séparé et secrét la possession à Sa Majesté Suédoise, et s'engage à ne point poser les armes, que lorsque le dite réunion aura été consommée De son còte Sa Majesté le Roi de Suède S'oblige, quelles que puissent être les propositions que Lui seraient faites, de ne point se détacher de l'Alliance contractée avec Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies. Les deux Hautes parties contractantes voulant d'un common accord donner à la présente Alliance la force et le caractère d'un Pacte de famille, s'engagent réciproquement au cas qu'une Puissance quelconqe chercherait à troubler la sureté et la tranquillité de

быть признано условіемъ, исполненіе котораго должно предшествовать участію Швеціи въ войнѣ противъ Наполеона.

Вопросъ о присоединеніи Норвегіи затрагивается затѣмъ въ двухъ дополнительныхъ къ Петербургскому трактату конвенціяхъ, заключенныхъ: первая въ Вильнѣ 15/3 іюня 1812 г., а вторая, послѣ свиданія императора Александра I съ шведскимъ наслѣдникомъ Карломъ Іоганомъ въ Обо 30/18 августа 1812 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ Высокіе контрагенты высказываютъ рѣшенія побудить Англію присоединиться къ союзу противъ „общаго врага“ (Наполеона) и содѣйствовать пріобрѣтенію Норвегіи—Швеціей [1]). Наконецъ, секретная дополни-

---

la Russie ou de la Suède de se preter afin pévenir on réprimer des projets aussi hostiles, les secours qui pourraient être nécessaires, et qui n'excederaient jamais le nombre de douze à quinze mille hommes.

Fait à Stockholm le $\frac{9 \text{ avril}}{28 \text{ mars}}$ l'an mille huit centdouze.

le Baron d'Engestrom (L. S.) Suchtelen (L. S.)

[1]) Ст. I конвенціи въ Вильнѣ гласитъ: „Les deux Hautes Parties Contractantes sont convenues entr' Elles de substituer à l'Article VIII de Leur Traité d'Alliance celuiqu i suit. Si Sa Majesté le Roi de Suède n'avait d'autres moyens d'acquerir la Norvège, que par la voye des armes et Se decidât pour y parvenir à faire une descente en Sélande, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies promet et S'engage à coopérer militairement avec Sa Majesté le Roi de Suède et mettra à cette fin sous les ordres de Son Altesse Royale le Prince Royal de Suède et à Sa disposition le nombre de Troupes stipulé dans l'Article IV de Traité d'Alliance, qui règle le Contingent réciproque de l'armée destinée à faire une diversion en Allemagne. L'engagement qui vient d'être pris d'une coopération réciproque de forces combinées en Sélande, pourvu que celle ci ait lieu n'exclut point aucune autre entreprise et coopération directe contre la Norvège, à la même époque ou subséquante, qui dût hâter la réunion de ce Royaume à la Suède. Dans le cas cependant ou Sa Majesté le Roi de Dannemarc pour eviter une déscente en Sélande, consentit à la cession de la Norvège, et que ce Royaume refusât néanmoins de se soumettre, en un pareil cas Sa Majesté le Roi de Suéde aura la faculté d'employer directement contre la Norvège telle partie de l'Armée combinée, qui sera jugée nécessaire pour en hâter et effectuer la soumission et le réunion de la Norvège.

Ст. IV, конвенціи въ Або: „Au cas que Sa Majesté le Roi de Dannemarc ne Se decidait point à céder volontairement le Royaume de Norvège a la Suède, et à joindre Ses trnupes à l'armée combinée Suédoise et Russe, pour

тельная статья къ Обосской конвенціи придаетъ ей характеръ „pacte de famille", какъ это предполагалось относительно Петербургскаго трактата. Въ конвенціи въ Вильнѣ (ст. 1) въ первый разъ высказывается предположеніе о возможности сопротивленія присоединенію не только со стороны Даніи, но и со стороны самой Норвегіи! Когда Наполеонъ, собравъ новое войско, весною возвратился въ Германію для отстаиванія своихъ завоеваній, Англія, на основаніи Стокгольмскаго трактата 3 марта 1813 г. соединилась съ Россіей, Пруссіей и Швеціей и обѣщала не только не воспротивиться присоединенію Норвегіи къ Швеціи (que ce royaume soit annexé et réuni à perpetuité comme partie intégrante au royaume de Suéde), но даже содѣйствовать къ достиженію этой цѣли въ случаѣ необходимости путемъ войны. Но король Швеціи обязался присоединить Норвегію къ Швеціи на такихъ условіяхъ, которыя бы обезпечили счастье и свободу норвежскаго народа, допуская „tous les ménagements et tous les égards possibles pour le bonheur et pour la liberté du peuple de la Norvége". Наконецъ 22/10 апрѣля 1813 г. Пруссія присоединилась къ союзу трехъ державъ и со своей стороны обѣщала не препятствовать присоединенію Норвегіи [1]).

---

les faire agir de concert contre l'ennemi commun, et qu'ainsi on fût obligé d' attaquer la Sélande, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies ayant été informé que le Gouvernement Britannique à demandé qu'il ne fût point disposé de l'Ile de Sélande sans un accord commun entre les trois Puissances, Sa Majesté Impériale cède Son droit de prétention et de conquete sur cette Ile à Sa Majesté le Roi de Suède etc......

Ст. IX. Pour lever de suite tout obstacle à l'execution du Traité d'alliance sousmentionné, les Deux Hautes Parties Contractantes renouvelleront Leurs instances auprès du Gouvernement Britannique pour demander Son accession formelle à ce même Traité d'Alliance et à la reunion de la Norvège a la Suède.

[1]) Ст. 5-я, трактата 22/10 апрѣля 1813 г. гласитъ: „Sa Majesté le Roi de Suède reconnaissant l'interêt qu'a l'Europe entière de voir la Prusse reconstruite dans les proportions qui doivent assurer Sa tranquillité et en établir la

Таковы международные акты предшествовавшіе началу дѣйствія Швеціи для достиженія цѣли, преднамѣченный новымъ ея правителемъ. Какъ видно изъ приведенныхъ текстовъ трактатовъ, въ нихъ говорится о „присоединеніи, о „пріобрѣтеніи" Норвегіи, о томъ, что она должна войти въ Швецію въ качествѣ составной ея части, говорится о предполагаемомъ сопротивленіи Даніи и Норвегіи, обѣщается политическое устройство сообразное съ счастьемъ и свободою Норвежцевъ, но нигдѣ не говорится о томъ, что это присоединеніе должно быть временное, или безусловно добровольное, что оно можетъ быть расторгнуто по усмотрѣнію Норвегіи, что Норвегія должна находиться въ уніи съ Швеціей въ качествѣ самостоятельнаго государства. Говорится объ уступкѣ Норвегіи Даніею королю Шведскому, но это далеко не означало на языкѣ того времени—установить личную унію. На это ясно указываютъ слова „une partie intégrante", употребленные въ трактатахъ $\frac{\text{5 апрѣля}}{\text{24 марта}}$ 1812 года, 3 марта 1813 г. и 22 апрѣля 1813 г.

II.

Кильскій мирный договоръ и Мосская конвенція.

Король Даніи не согласился на добровольную уступку Норвегіи.

Наслѣдникъ шведскій, Карлъ Іоганъ Бернадотте, во главѣ шведскаго войска и вспомогательныхъ русскихъ и сѣвер-

---

garantie, adhère au principe stipulé à cet égard entre leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies et le Roi de Prusse dans le Traité d'alliance offensive et défensive conclu et signé entre ces Deux Souverains à Kalisch le $^{16}/_{28}$ et à Breslau le 27 Février de l'année courante. En revanche Sa Majesté le Roi de Prusse adhère aux engagements contractés entre la Suède et la Russie, à l'égard de l'aequisition de la Norvège et accède de Son coté au principe que ce Royaume soit rèuni à perpetuité comme partie intégrante à celui de Suède.

но-германскихъ отрядовъ вступилъ въ предѣлы Даніи и послѣ непродолжительнаго похода принудилъ короля Фридриха VI къ перемирію, а затѣмъ и къ заключенію мирнаго трактата въ Килѣ 14 января 1814 г.

Нами было выше замѣчено, что хотя Норвегія и носила номинально титулъ „королевства", но что она фактически съ 17 столѣтія была ничѣмъ инымъ, какъ составною частью Датской Монархіи. Какъ король Даніи и Норвегіи Фридрихъ VI подписалъ мирный трактатъ, коего пунктъ IV гласилъ:

„Его Величество король Даніи уступаетъ безповоротно и на вѣчное время, какъ отъ себя, такъ и отъ имени своихъ преемниковъ на датскомъ престолѣ и въ датскомъ государствѣ, въ пользу Е. В. короля Швеціи и его преемниковъ на шведскомъ престолѣ и въ шведскомъ государствѣ всѣ свои права и претензіи на королевство Норвегію, т. е. на слѣдующія епископства и округа (följande bisopsdömen och stifter, слѣдуютъ названія) до границъ Россійской имперіи. Эти епископства, округи и провинціи, обнимающіе собою все королевство Норвегію, со всѣми жителями въ нихъ, городами, деревнями и островами и со всѣмъ прибережьемъ этого государства, а также и со всѣми къ нему принадлежностями (adpertinenser), исключая Гренландію, Овечьи острова (Faröarne) и Исландію, а также и со всѣми прибылями, правами и доходами должны впредь принадлежать *на правѣ полной собственности и суверенитета* (en toute propriété et souveraineté, въ шведскомъ тексѣ сказано „med full ego och öfverherrskap) Его В. королю Швеціи и *составлять королевство, соединенное съ Швеціей*".

Въ ст. V находится ссылка на данное шведскимъ королемъ обѣщаніе сохранить за жителями королевства Норвегіи безпрепятственное пользованіе установленными законами государства вольностями, правами и привиллегіями, „на-

сколько таковыя имѣютъ силу въ настоящее время" (tels qu' ils existent actuellement).

Въ трактатѣ далѣе содержатся постановленія объ уплатѣ той части госуд. долга Даніи, которая по разсчету соотношенія населеній датскаго и норвежскаго, выпадаетъ на долю Норвегіи; объ уступкѣ Даніи—шведской Поммераніи и острова Рюгена, о вступленіи шведскаго войска въ Норвегію для занятія укрѣпленныхъ пунктовъ, объ изданіи прокламацій къ жителямъ Норвегіи, Поммераніи и Рюгена. Въ этихъ прокламаціяхъ жителямъ уступленныхъ Даніей Швеціи и vice verse провинцій должно быть объявлено объ освобожденіи ихъ отъ присяги вѣрности и они должны быть приглашаемы спокойно встрѣтить войска новыхъ своихъ государей. Затѣмъ высокіе контрагенты обязались приказать командующимъ въ крѣпостяхъ и всѣмъ должностнымъ лицамъ, до которыхъ дѣло касалось, сдать крѣпости, арсеналы и всякія другія военныя учрежденія, всякое казнѣ принадлежащее имущество, безъ исключенія, такъ чтобы уступленныя земли со всѣмъ, что въ нихъ содержалось (helt och hållet) въ полномъ порядкѣ и спокойствіи перешли въ управленіе новыхъ государей. Высокіе контрагенты обязались другъ передъ другомъ принять всѣ мѣры, отъ нихъ зависящія, для предупрежденія всякихъ препятствій въ исполненіи трактата и устранить всякое его нарушеніе и т. д.

Въ исполненіе этихъ постановленій трактата король Фридрихъ VI 18 января 1814 г. издалъ открытый патентъ, касающійся уступки Норвегіи (aabent Brev, angaaende Norges Afstaaelse til Sverige"). Карлъ XIII въ свою очередь 8 февраля того же года обратился къ своимъ новымъ подданнымъ съ прокламаціей, въ которой онъ обѣщалъ имъ собрать черезъ генералъ-губернатора мнѣнія выдающихся норвежцевъ относительно способа организаціи представительнаго правленія, соотвѣтствующаго условіямъ и потребностямъ страны

со предоставленіемъ народу права самообложенія. Въ тотъ же день король издалъ манифестъ о принятіи имъ титула „короля Швеціи и Норвегіи“.

Казалось, что все было сдѣлано, что по международному обычаю требовалось для перехода части одного государства во владѣніе другаго; казалось, что цѣль, къ которой стремилась Швеція, была достигнута: Норвегія, соединена съ Швеціей въ качествѣ составной ея части. Суверенъ Норвегіи далъ свое согласіе, не нуждавшееся съ 1665 г. въ утвержденіи со стороны сейма; согласіе великихъ державъ, заинтересованныхъ въ политическомъ устройствѣ Сѣвера, было дано напередъ; законныхъ претендентовъ на самостоятельный престолъ Норвегіи не было.

Въ теченіе столѣтій норвежскій народъ, судьбами котораго теперь распоряжались въ Петербургѣ, Вильнѣ, Обо, Стокгольмѣ и Килѣ, не проявлялъ самостоятельной воли, ни въ началѣ 18 столѣтія, когда Карлъ XII предписывалъ миръ Даніи въ Травендалѣ, а затѣмъ вторгнулся въ восточную Норвегію, ни въ 1789, 1801, 1808, 1809 гг., когда и Швеціи и Даніи поперемѣнно грозила опасность со стороны Россіи и Англіи и когда легко было бы возстановить самостоятельность Норвегіи съ помощью англичанъ.

Но мы видѣли, что уже въ конвенціи $^{15}/_{3}$ іюня 1812 г. высказывались опасенія о возможности сопротивленія со стороны Норвегіи, и что въ англо-шведскомъ трактатѣ было помѣщено обѣщаніе при соединеніи съ Швеціей обезпечить благоденствіе и свободу народа Норвегіи.

Въ Кильскомъ трактатѣ мы встрѣчаемъ также оговорку въ пользу норвежцевъ (ср. выше) и кромѣ того бросается въ глаза одно неясное или вѣрнѣе двусмысленное выраженіе: „Норвегія должна принадлежать королю Швеціи „en toute propriété et souveraineté“ и составлять королевство соединенное съ Швеціей“.

Сопоставимъ эту формулу съ другими формулами территоріальныхъ уступокъ того времени:

Ст. IV Фредриксгамскаго трактата [17]/5 мая 1809 года гласитъ: „Sa Majesté le Roi de Suéde, tant pour Elle que pour Ses Successeurs au Trône et au Royaume de Suéde rénonce irrévocablement et à perpétuité, en faveur de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et de Ses Successeurs au Trône et à l'Empire de Russie, à tous Ses droits et titres sur les Gouvernements ci après spécifieés, quiont été conquis par les armes de Sa Majesté Impériale dans la présente guerre sur la Couronne de Suéde, savoir les Gouvernements ...... (слѣдуютъ названія)..... comme il sera fixé dans l'article suivant sur la démarcation des frontiéres. Ces Gouvernemens avec tous les habitans, villes, ports, forteresses, villages et îles, ainsique les dépendances, prérogatives, droits et émolumens, appartiendront désormais en toute propriété et Souveraineté à l'Empire de Russie et lui restent incorporés".

Ст. VI говоритъ объ обѣщаніи Императора Александра I обезпечить за финляндцами свободное отправленіе ихъ религіи, пользованіе ихъ правами собственности и ихъ привилегіями.

Въ почти тождественныхъ выраженіяхъ говорится объ уступкѣ Поммераніи и острова Рюгена въ VII ст. Кильскаго трактата 1814 г. И въ трактатѣ Фридрихсгамскомъ и въ VII ст. Кильскаго трактата встрѣчается слово „инкорпорація". Напротивъ въ IV ст. Кильскаго трактата не говорится объ инкорпораціи, а въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ говорится о соединеніи Норвегіи съ Швеціей въ качествѣ „королевства". Поставленныя бокъ о бокъ съ этимъ выраженіемъ слова „en toute propriété et souveraineté" звучатъ нѣсколько странно.

Въ запискахъ современниковъ (напр. Бергмана-Шинкеля и Веттерштедта) разсказывается, что эта странная неясная

формулировка появилась вслѣдствіе желанія наслѣдника Карла Іогана, инициатора соединенія Норвегіи съ Швеціей. Предположеніе, что Карлъ Іоганъ домогался только личной уніи Норвегіи съ Швеціей, или что Норвегія, какъ это предполагаетъ Упсальскій профессоръ Рюдинъ въ своемъ трудѣ „Соединеніе Швеціи съ Норвегіей“ (Föreningen emellan Sverige och Norge, 1863 г.) уступлена лично Карлу XIII, не вяжется съ другими, весьма ясно формулированными статьями Кильскаго трактата [1]). На дипломатическомъ языкѣ слова „король Швеціи“ означаютъ, или покрайней мѣрѣ въ началѣ 19 столѣтія означали „государство Швеціи“. Но что же означаютъ слова „Норвегія будетъ королевствомъ, соединеннымъ съ Швеціей“. Ясно что смыслъ ихъ тотъ, что Норвегія должна состоять въ такомъ же отношеніи къ Швеціи, въ какомъ она стояла къ Даніи до 1814 г. На это указываютъ и слова, касающіяся правъ и привиллегій Норвежцевъ, помѣщенныя въ ст. 5.

Слѣдовательно рѣшающее значеніе должно имѣть государственное правовое положеніе Норвегіи въ эпоху соединенія съ Даніей. Профессоръ Ашехугъ (Statsforfatningen i Norge og Danmark indtil 1814. Госуд. устройство Норвегіи и Даніи до 1814 г.) утверждаетъ, что съ 1660 г. Норвегія заняла положеніе самостоятельнаго государства наравнѣ съ Даніей. Едва ли это положеніе норвежскаго ученаго вѣрно. Въ королевскомъ законѣ 1665 г. сказано: оба наслѣдственныя королевства Его Величества, Данія и Норвегія со всѣми принадлежащими имъ провинціями и землями дожны быть впредь неразрывны [2]).

---

[1]) Ст. 12 говоритъ о Швеціи, какъ о договаривающейся сторонѣ, ст. 20 о норвежцахъ, какъ о шведскихъ подданныхъ, ст. 23 о принадлежности Норвегіи къ Швеціи, а въ ст. 25 говорится о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи.

[2]) „Begge H. K. M. arvekongeriger Danmark og Norge med alle dertil hörende provinser og lande uadskillig skulde blive samlede“.

Эти слова выражаютъ намѣреніе законодателя 1665 г. соединить неразрывно и нераздѣльно въ одно цѣлое подъ одной властью два государства, связь между которыми именно до того момента была шатка. Законъ 1665 г. освободилъ Норвегію только отъ вліянія датскихъ „авторитетовъ" (какъ выражались современники), т. е. датскаго госуд. совѣта, потерявшаго свое значеніе и силу, но сама Норвегія превратилась фактически изъ вассальнаго государства въ составную часть Датско-норвежской абсолютной монархіи. Одно и тоже госуд. устройство было установлено для Норвегіи и Даніи. Самъ Ашехугъ говоритъ, что король получилъ право по своему усмотрѣнію замѣщать должности въ Норвегіи и Даніи, не обращая вниманія на національность назначаемаго. Фактически Норвегія до 1814 г. управлялась датскими чиновниками. Тому, что короли Даніи титуловали себя королями „Даніи и Норвегіи" предавать значенія нельзя. Въ 17 столѣтіи Шведскіе короли носили титулъ королей Швеціи, Готіи и Вендовъ, великихъ князей Финляндіи, герцоговъ Эстляндіи, Лифляндіи и Кореліи и т. д., а титулы Россійскихъ императоровъ, Прусскихъ королей и Австрійскаго императора до нынѣ перечисляютъ болѣе или менѣе значительное количество земель, входящихъ въ управляемую ими монархію, но никто не считаетъ царство Казанское, герцогство Силезію или графство Форарльбергъ самостоятельными государствами!

Въ качествѣ доказательства того, что Норвегія вовсе не считалась самостоятельнымъ государствомъ можно привести слѣдующее: Королевское распоряженіе 3 августа 1763 года упразднило самостоятельность корпуса норвежской артиллеріи и слила норвежскую артиллерію съ датскою. Та же самая участь нѣсколько лѣтъ спустя постигла норвежскій инженерный корпусъ и наконецъ норвежскій флотъ (ср. Blom Das Koenigreich Norvegen. II стр. 52 и 62) [1]).

[1]) Въ болѣе точномъ изданіи королевскаго закона (Kongeloven изданіе

Основной законъ 1665 г. запрещаетъ раздѣленіе королевства Даніи—Норвегіи между членами королевскаго Ольденбургскаго дома, устанавливаетъ единонаслѣдіе и единовластіе, но онъ не запрещаетъ и не могъ запретить королю уступать добровольно или по принужденію часть своихъ владѣній другому государству, безразлично, была ли уступаемая территорія занята враждебными войсками или нѣтъ. Никто не оспаривалъ права шведскаго короля, носившаго титулъ Герцога Поммераніи, уступить Даніи Поммеранію, хотя ни одного датскаго солдата не находилось на территоріи Поммераніи. Для пріобрѣтенія территоріи на основаніи мирнаго договора никогда не требовалось безусловно, чтобы именно уступаемая часть территоріи была занята войсками пріобрѣтающаго ее государства. Достаточно, что уступающее государство въ цѣломъ составѣ было поставлено въ положеніе, зависимое отъ побѣдителя. Въ то время когда шведско-русское войско заняло континентальныя провинціи Даніи—англо-шведская эскадра блокировала всѣ порты Норвегіи и не одна только Данія, но и датско-норвежская монархія въ цѣломъ составѣ, имѣвшая общее войско, общій флотъ, была побѣждена во время похода 1814 г. [1]).

Слова „Норвегія будетъ представлять собою королевство, соединенное съ Швеціей" содержать въ себѣ ничто иное какъ обѣщаніе даровать Норвегіи *автономію, не политическую, а административную.* Ея древнія провинціи и округа не должны были быть слиты съ той или другой шведской

1886 г. Іергензена) единство и нераздѣльность Датско-Норвежской монархіи подчеркнуто еще сильнѣе. § XIX гласитъ: disse vore arvekongeriger Danmark och Norge, samt alle de dertil hörende provinser og lande, öer, festninger, Kongelige herligheter och rettigheder...... altsammen, intet undantaget, skal uskiftet og udelt vaere og blive under en Danmarks og Nordes enevolds arve Konge".

[1]) Ср. O. Varenius. Unionsförfattningen ur Svensk och ur Norsk Synpunct. Kritisk Framställning. Upsala 1893. стр. 20—21.

провинціей. Но и самая широкая автономія, въ родѣ той, которой пользуется Финляндія въ составѣ Россіи, или Канада въ составѣ Великобританской монархіи, не означаетъ, что автономныя области *координированы* метрополіи. Принадлежность Норвегіи королю Швеціи, en toute propriété et souveraineté" устанавливаетъ безусловную *субординацію* Норвегіи.

Такъ понимались эти слова и европейской дипломатіей того времени. Австрія присоединилась въ февралѣ 1814 г., къ союзу государствъ, гарантировавшихъ Швеціи новое пріобрѣтеніе. Въ австро-шведскомъ трактатѣ говорится о Норвегіи, какъ о составной части Швеціи, а австрійскій посланникъ поздравилъ короля Карла XIII „съ давно желаннымъ расширеніемъ границы Швеціи, до ея естественныхъ предѣловъ" [1])

Можно поставить вопросъ: не заключалъ ли Кильскій трактатъ въ себѣ какое либо обязательство Швеціи относительно Норвегіи, въ силу котораго Швеція должна была безусловно предоставить норвежскому народу самостоятельное политическое бытіе?

На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно.

Ст. V трактата 1814 г., 14 января говоритъ только объ обѣщаніи шведскаго монарха сохранить права и привиллегіи Норвежцевъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ таковыя признавались и имѣли силу въ 1814 г. (tels qu'ils existent actuellement"). Обѣщаніе не есть юридически безусловное международное обязательство. Съ подобными обѣщаніями мы встрѣчаемся въ Фредриксгамскомъ трактатѣ въ пользу Финлянціи, въ Вѣнскомъ въ пользу Польши, но ни Поляки, ни Финляндцы не имѣли на основаніи этихъ обѣщаній права *требовать* опредѣленной автомоніи или политической самостоятельности.

Всѣ эти обѣщанія устанавливали только нравственное

[1]) R. Kjellén. Unionen sådan den skapades och sådan den blifvit. 1893. стр. 11.

ограниченіе свободы при установленіи управленія въ пріобрѣтенныхъ областяхъ, но никакъ не юридическое. Карлъ Іоганъ былъ вполнѣ правъ, когда онъ въ письмѣ отъ 13 декабря 1827 г. говорилъ о неограниченной свободѣ, дарованной Кильскимъ трактатомъ, относительно установленія политической судьбы Норвегіи.

Но международные трактаты, конвенціи, обѣщанія, планы дипломатіи и рѣшенія сувереновъ всесильны только тогда, если обстоятельства времени благопріятствуютъ ихъ исполненію, оправдываютъ ихъ и если объектъ соглашенія не имѣетъ силы превратиться въ субъектъ договора, проявляя свою собственную волю. Никто серьезно не ожидалъ, что, угнетаемый въ теченіе 2 столѣтій датскими чиновниками, норвежскій народъ воспротивится рѣшенію коалиціи державъ. Но—опасенія, высказанныя вскользъ въ конвенціи Виленской—оказались справедливыми. Норвежцы отказались подчиниться новому суверену. Датскій Намѣстникъ въ Норвегіи, принцъ Христіанъ Фредрикъ въ патентѣ 19 февраля 1814 г. отъ имени норвежскаго народа объявилъ, что датскій король могъ освободить норвежцевъ отъ присяги вѣрности датскому престолу, но не имѣлъ права подчинить ихъ иноземной государственной власти.

Онъ провозгласилъ себя регентомъ, присвоилъ себѣ всѣ правомочія короля и созвалъ представителей народа къ 10 апрѣля въ мѣстечко *Эйдсъвольдъ* для выработки конституціи.

Этотъ смѣлый шагъ былъ вызванъ твердою рѣшимостью норвежцевъ не подчинятся Швеціи, рѣшимостью, ясно высказавшеюся въ массѣ воззваній выдающихся дѣятелей къ населенію, въ народныхъ собраніяхъ и адресахъ, приподнесенныхъ принцу во время объѣзда по странѣ въ январѣ 1814 г. Уже 16 февраля собралась въ Эйдсъвольдѣ коммиссія наиболѣ знатныхъ и вліятельныхъ лицъ для выработки проэта основнаго закона. Предложеніе, сдѣланное одним

изъ членовъ коммиссіи, провозгласить принца на основаніи закона 1665 г. наслѣдственнымъ абсолютнымъ монархомъ было отклонено; принцъ самъ выразилъ желаніе даровать Норвегіи конституціонную форму правленія и право избрать себѣ короля.

Патентъ 19 февраля 1814 г. былъ встрѣченъ въ Норвегіи съ энтузіазмомъ и народъ приступилъ къ выборамъ депутатовъ въ учредительное собраніе.

Въ то время, когда въ Норвегіи готовилось противодѣйствіе исполненію постановленій Кильскаго трактата, шведское правительство въ прокламаціи отъ 8 февраля обратилось къ Норвежцамъ съ предложеніемъ выработать проектъ основнаго закона, сообразнаго съ потребностями страны и представить его на утвержденіе шведскаго короля.

Шведское правительство кромѣ того само приступило къ составленію проэкта норвежской конституціи, для представленія его на обсужденіе предполагаемаго къ созванію собранія депутатовъ норвежскаго народа.

Но получивъ извѣщеніе о происшествіяхъ въ Норвегіи, правительство Карла XIII отправило чрезвычайнаго коммиссара, Барона Розена, въ Христіанію.

Розенъ прибылъ въ норвежскую столицу именно въ тотъ самой день, когда на улицахъ и площадяхъ читалась прокламація о провозглашеніи самостоятельности и неприкосновенной независимотти Норвегіи.

Принцъ-Регентъ отказался вступить съ Розеномъ въ какіе либо переговоры и сказалъ ему: „Я не могу воспротивиться единогласно выраженному желанію народа, довѣрившаго мнѣ свою судьбу. Вы видите, что права, на которыя ссылается вашъ монархъ, ничтожны, что Норвежскій народъ отвергаетъ ихъ столь же рѣшительно, сколь тѣ цѣпи рабства, которыя желаютъ возложить на него“.

Давъ такой отвѣтъ Розену, революціонное норвежское

правительство, предвидя воинственное столкновеніе съ Швеціей, приступило къ организаціи защиты и обратилось съ просьбою о помощи къ Англіи. Но англійскій кабинетъ отвѣтилъ, что ни Англія, ни Россія не согласятся на установленіе независимости Норвегіи, рѣшившись всѣми силами поддержать права Швеціи, пріобрѣтенныя ею на основаніи Кильскаго трактата.

Извѣстіе объ этомъ отвѣтѣ Англіи побудило небольшую партію, желавшую присоединенія Норвегіи къ Швеціи, партію, во главѣ которой стоялъ вліятельнѣйшій и богатѣйшій аристократъ графъ Веделль-Ярлсбергъ, выступить съ совѣтомъ не рисковать благополучіемъ Норвегіи, гоняясь за призракомъ независимости.[1]).

Правительство принца Христіана Фредрика, самозваннаго регента, отвергнуло предложеніе этой партіи и рѣшилось на шагъ, смѣлый и вмѣстѣ съ тѣмъ странный. Оно рѣшилось не болѣе, не менѣе, какъ на предложеніе Шведскому монарху уничтожить избраніе Маршала Бернадотте въ наслѣдники престола шведскаго, замѣнить его принцъ-регентомъ и такимъ путемъ, избѣгнувъ войны съ Норвегіей, осуществить планъ соединенія.

Но это предложеніе, переданное шведскому правительству черезъ особаго коммиссара (генералъ Шметтау) было принято министромъ иностранныхъ дѣлъ за шутку или насмѣшку. Геніальный планъ не нашелъ сочувствія.

Иниціаторъ всего вопроса о соединеніи, кронпринцъ Карлъ Іоганъ Бернадотте, получивъ въ своей главной квартирѣ въ Люттихѣ, извѣстіе о событіяхъ въ Норвегіи, побу-

[1]) Веделль Ярлсбергъ уже въ 1809 г. вступилъ въ переговоры съ „дѣятелемъ революціи“ 1809 г., Адлерспарре, съ цѣлію подготовить соединеніе Норвегіи съ Швеціей. Цѣль эта должна была быть достигнута путемъ выбора намѣстника Норвегіи, датскаго принца Христіана Августенбургскаго, наслѣдникомъ шведскаго престола. Принцъ былъ избранъ—но его внезапная смерть разрушила этотъ остроумный планъ.

дилъ Россію, Австрію, Англію и Пруссію отправить въ Данію посольство съ приглашеніемъ короля побудить принца Христіана оставить Норвегію подъ угрозою объявленія его измѣнникомъ, а въ случаѣ сопротивленія—принужденія Норвежцевъ подчиниться Швеціи. Обѣщалась помощь союзныхъ войскъ. Кронпринцъ отъ себя грозилъ Даніи, не уступить ей Поммераніи, если Швеціи придется завоевать Норвегію.

Онъ могъ дѣйствовать рѣшительно, пользуясь поддержской со стороны императора Александра I, приказавшаго арміи генерала Беннигсена вступить въ Голштинію и грозившаго не ратифицировать мира съ Даніей до разрѣшенія Норвежскаго вопроса!

Но принцъ-регентъ и норвежскій народъ не обращали вниманія на эти угрозы.

9 апрѣля въ Эйдсъвольдъ собрался учредительный сеймъ [1]). Подавляющее большинство въ собраніи стояло за независимость и самостоятельность Норвегіи, меньшинство ($^1/_5$ всѣхъ депутатовъ) за соединеніе съ Швеціей.

Несомнѣнно, что большинство защитниковъ самостоятельности состояло изъ людей просвѣщенныхъ, патріотовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ярыхъ демократовъ, восхищавшихся идеей народнаго суверенитета, провозглашенной въ конституціяхъ французской 1791 и 1793 гг. и испанской 1812 г. Ихъ демократизмъ былъ на столько силенъ, что даже графъ Ведель Ярлсбергъ, воспитанный въ Англіи, постоянно и открыто высказывавшій свои симпатіи къ учрежденіямъ сей страны, считался реакціонеромъ! Результатъ работъ учредительнаго собранія съ такимъ составомъ былъ ясенъ! Эйдсъ-

[1]) Составъ его былъ очень демократиченъ. Онъ состоялъ изъ 112 членовъ, въ томъ числѣ 6 крупныхъ помѣщиковъ, 22 крестьянъ, 10 купцовъ, 21 гражданскаго чиновника, 14 священниковъ, 1 судовладѣльца, 18 офицеровъ, 15 унтеръ-офицеровъ, солдатовъ и матросовъ.

вольдская конституція 16 мая 1814 г. построена всецѣло на принципахъ народнаго суверитета и крайняго ограниченія королевской власти.

17 мая 1814 г. учредительное собраніе приступило къ избранію короля; выборъ конечно палъ на принцъ-регента. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ принялъ норвежскую корону. 22 мая совершился торжественный въѣздъ новаго короля въ столицу. Христіанъ составилъ себѣ дворъ изъ назначенныхъ имъ сановниковъ и заказалъ даже 24 каммергерскихъ ключа въ Англіи, но пакетъ съ этимъ украшеніемъ прибылъ въ Христіанію тогда, когда въ ней не было больше ни Христіана, ни каммергеровъ, а во дворцѣ жилъ шведскій намѣстникъ. Вскорѣ за провозглашеніемъ Христіана Фредрика королемъ, получена была декларація датскаго короля, въ которой прежній суверенъ Норвегіи, подъ давленіемъ великихъ державъ, объявилъ, что не признаетъ никакой другой законной власти въ Норвегіи кромѣ шведской, и что союзники не признаютъ независимости Норвегіи и грозятъ не признать болѣе принца полноправнымъ членомъ датскаго королевскаго дома. Ни эта декларація, ни собственноручное письмо короля Даніи и монарховъ Пруссіи и Австріи не были въ состояніи убѣдить принца въ безнадежности сопротивленія. Это безуспѣшное посредничество Даніи возбудило подозрѣніе въ Швеціи: не играетъ ли она двусмысленной роли? Подозрѣнія получили нѣкоторое подтвержденіе, когда у задержаннаго шведами на пути въ Христіанію датскаго каммергера Гильденпальма, нашли письма высокопоставленныхъ датчанъ, возбуждавшихъ норвежцевъ къ сопротивленію, шифрованныя инструкціи, когда датскіе офицеры стали переходить въ норвежскую службу и передача норвежскихъ плановъ и документовъ въ Копенгагенѣ задерживалась.

Норвежцы не теряли надежды. Еще разъ было отправ-

лено посольство въ Англію, для того чтобы побудить англійское правительство къ признанію независимости Норвегіи. Но Англія отказала во второй разъ. Въ Христіанію пріѣхалъ англійскій дипломатическій агентъ (Моріеръ), для убѣжденія норвежскаго правительства въ безполезности его агитаціи. Не успѣлъ новый король Норвегіи, по обыкновенію, весьма гордо отклонить совѣтъ Англіи, какъ въ Христіанію прибыли посланники другихъ великихъ державъ: Австріи, Россіи, Пруссіи и новый англійскій уполномоченный. Представители союзниковъ вручили принцу ультиматумъ (7 іюля), въ силу котораго Норвегіи предлагалось перемиріе и снятіе блокады, но съ условіемъ отказа принца отъ узурпированныхъ правъ и побужденія съ его стороны норвежцевъ подчиниться Кильскому трактату. Часть Норвегіи должна была быть занята шведскимъ войскомъ. Этотъ ультиматумъ сильно подѣйствовалъ на норвежское правительство; оно выразило согласіе на нейтрализацію восточной части Норвегіи, но отказалось впустить шведское войско. Принцъ Христіанъ написалъ примирительное письмо королю Карлу XIII и Карлу Іоганну, но письма были возвращены безъ отвѣта. Посланники великихъ державъ заявили, что смягченіе условій присоединенія Норвегіи зависитъ исключительно отъ великодушія шведскаго короля, что въ другіе переговоры съ норвежскимъ правительствомъ они вступать не могутъ. 17 іюня они покинули Христіанію.

И такъ независимость Норвегіи не была признана; не была признана и ея новая королевская власть. Сувереномъ Норвегіи признавался шведскій король и сопротивленіе Норвегіи его законной власти признавалось мятежомъ. Но—увѣщанія дипломатовъ не привели къ удовлетворительному результату; пришлось шведамъ прибѣгнуть къ ultima ratio, къ военной силѣ.

11 іюля 1814 г. король Карлъ XIII обратился къ нор-

вежцамъ съ прокламаціей. Въ ней объявлялось, что принцъ Христіанъ Фредрикъ употребилъ во зло довѣріе народа къ нему, побудилъ его къ преступному неповиновенію, что созванное имъ учредительное собраніе было незаконно и всѣ его постановленія не имѣютъ силы. Король приказываетъ шведской арміи вступить въ Норвегію, завладѣть страною и по покореніи ея онъ соберетъ представителей норвежскаго народа для выработки проэкта основнаго закона, и для представленія его королю Швеціи на утвержденіе.

Въ теченіе іюля мѣсяца были сдѣланы еще двѣ попытки предупредить воинственное столкновеніе—но безуспѣшно. 21 іюля открылись военныя дѣйствія со стороны Шведовъ, но послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ схватокъ норвежская армія была принуждена отступить и къ 10 августа шведскія войска заняли позиціи, дававшія имъ возможность принудить норвежцевъ къ капитуляціи. Но эта капитуляція была предупреждена заключеніемъ Мосской конвенціи 14 августа.

Уже 7 августа кронпринцъ Карлъ Іоганъ въ письмѣ къ принцу Христіану предложилъ ему заключить перемиріе. Принцъ долженъ былъ созвать стортингъ, возвратить въ его руки свои полномочія, передать государственному совѣту управленіе страною и выѣхать изъ Норвегіи. Побѣдитель съ своей стороны обѣщалъ принять конституцію, составленную въ Эйдсъвольдѣ, измѣнить ее по соглашенію съ стортингомъ настолько, насколько то требуется интересами уніи, даровать полную амнистію всѣмъ участникамъ возстанія. Принцъ Христіанъ наконецъ самъ созналъ безнадежность своего положенія.

14 августа въ мѣстечкѣ Моссъ было заключено перемиріе и въ тотъ же день подписана конвенція, извѣстная подъ именемъ Мосской. Читая условія перемирія, замѣчаемъ, что Шведское правительство болѣе не относится къ Норвегіи,

какъ къ мятежной провинціи, а признаетъ норвежскую армію врагомъ политически равноправнымъ; читая же Мосскую конвенцію, не вѣришь, что ее диктовалъ не побѣжденный, а побѣдитель.

Отъ имени короля Карлъ Іоганъ обѣщалъ: 1) сохранить Норвегіи эйдсъвольдскую конституцію во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые не препятствуютъ уніи съ Швеціей и 2) предоставить Норвегіи право вполнѣ свободно участвовать при установленіи условій соединенія. Слѣдовательно, согласно первому пункту шведскій король даровалъ хотя и провизорно, законную силу конституціи, бывшей результатомъ революціи. Нѣкоторыя изъ постановленій немедленно вступали въ силу, а именно: постановленія относительно организаціи стортинга и государственнаго совѣта. Строго говоря этотъ пунктъ былъ ничѣмъ инымъ какъ исполненіемъ обѣщаній прокламацій февраля 8, и 10 и 17 іюля. Но второй пунктъ имѣетъ совершенно другое значеніе; онъ предопредѣлилъ характеръ политическаго устройства Скандинавскаго полуострова и являлся рѣшительнымъ отступленіемъ отъ принциповъ соединенія, установленныхъ въ русско-шведскихъ, прусско-шведскихъ и англо-шведскихъ договорахъ 1812 г. и 1813 г. и въ Кильскомъ трактатѣ. Онъ возвысилъ Норвегію со ступени *субординированной* Швеціи *страны* на ступень *координированнаго* съ ней *государства*. Условія соединенія не зависѣли болѣе отъ усмотрѣнія новаго норвежскаго суверена, Норвегія получила право самостоятельно вступать въ соглашеніе съ Швеціей О введеніи ея въ составъ Швеціи въ качествѣ „partie intégrante“ не могло быть рѣчи и признаніе Эйдсъвольдской конституціи дало норвежцамъ возможность лишить всякаго смысла постановленіе Кильскаго трактата: Норвегія будетъ принадлежать королю Швеціи „en toute propriété et souveraenité“.

Что заставило кронпринца Карла Іогана (король Карлъ

XIII игралъ только пассивную роль) отказаться отъ правъ, дарованныхъ Кильскимъ трактатомъ, выпустить изъ рукъ всѣ плоды долголѣтнихъ усилій и побѣдъ послѣдняго похода? Прокламація 8 февраля 1814 г.? Она была издана въ предположеніи, что условія Кильскаго трактата будутъ въ точности исполнены. Это предположеніе не оправдалось [1])! Обѣщаніе, данное датскому королю, сохранить всѣ привеллегіи норвежцевъ потеряло свою силу, такъ какъ Данія не сдѣлала всего, что было въ ея силахъ для побужденія Норвегіи къ повиновенію, а ея пассивное отношеніе къ возстанію Норвежцевъ вполнѣ справедливо вызвало негодованіе въ Швеціи.

„Съ шведской точки зрѣнія, замѣчаетъ профессоръ Гаральдъ Гьерне въ своихъ письмахъ объ уніи (Unions bref, 1893, стр, 3), на сколько можно судить въ настоящее время, предстоялъ выборъ между двумя путями при рѣшеніи норвежскаго вопроса 1814 г.

„Швеція могла: или воспользоваться своими военными успѣхами столь энергично, что Норвегія была бы принуждена подчиниться ясно и твердо опредѣленному новому политическому порядку. Такой порядокъ вовсе не предполагалъ „амалгамированія" Норвегіи съ Швеціей или уничтоженія норвежской автономіи въ угоду сильной правительственной власти. Требовалось только, что бы унія и признаніе государственнаго устройства Норвегіи нашли свое правовое основаніе только и исключительно въ постановленіяхъ шведской госуд. власти, и чтобы Швеціи было предоставлено такое военное положеніе, которое представляло бы гарантію фактическаго сохраненія уніи и на будущее время. Въ такомъ

---

[1]) Нужно замѣтить, что этотъ правительственный актъ не былъ контрасигнированъ отвѣтственнымъ шведскимъ министромъ, какъ то требовалось 8 п. ф. правленія 1809 г., слѣдовательно не связывалъ шведскую госуд. власть... ср. статью Hans järta „Tankar om föreningen mellan Sverige och Norge 1814 г. Historisk tidskrift. 1894. II, 173.

случаѣ никакія норвежскія толкованія условій уніи не могли бы имѣть значенія относительно Швеціи. Всякая попытка съ норвежской стороны разорвать унію получила бы немедленно характеръ возстанія и не могла бы быть замаскирована адвокатскимъ крючкотворствомъ.

Или же, если такая энергическая политика казалась слишкомъ трудно выполнимою, Швеція могла бы преспокойно оставить Норвежцамъ ихъ Христіанъ Фредрика, могла бы отказаться отъ уніи и довольствоваться союзомъ, на точно опредѣленныхъ условіяхъ, обезпечивающихъ интересы Швеціи."

Карлъ Іоганъ избралъ другой, средній, путь.

„Онъ избралъ систему смѣшанную, не то принужденія, не то добровольнаго соглашенія, благодаря чему онъ, самъ вѣроятно не желая формально отрицать или уничтожить справедливыя притязанія Швеціи,—далъ норвежцамъ средство вывести на свѣтъ божій доктрину соединенія, которая должна была безусловно уничтожить жизненную силу уніи, а въ дальнѣйшемъ послѣдовательномъ развитіи своемъ привести къ разрыву".

Профессоръ Гьерне объясняетъ эту нерѣшимость, эти послабленія со стороны Карла Іоагана желаніемъ обезпечить себѣ лично твердое положеніе на престолахъ Скандинавіи и нѣкоторой сентиментальностью при оцѣнкѣ условій развитія сильнаго политическаго тѣла на сѣверѣ. Унія, говоритъ онъ, была прежде всего учрежденіемъ династическимъ.

Едва ли это мнѣніе почтеннаго историка вѣрно.

Мотивы уступчивости шведскаго правительства изложены въ тронной рѣчи короля 12 апрѣля 1815 г. Покореніе Норвегіи и принужденіе ея къ подчиненію Швеціи было бы причиною усиленія старой національной вражды и привело бы къ порабощенію одного народа въ угоду другому. Національная ненависть, постоянно подкрѣпленная сознаніемъ

своей зависимости и воспоминаніемъ о пораженіи сдѣлалась бы факторомъ раздора, напротивъ дружественное соглашеніе, добровольное соединеніе должно было сдѣлаться условіемъ мирнаго политическаго развитія. Разница въ цифрѣ народонаселенія, въ экономической и политической силѣ не должна быть причиной униженія Норвегіи. Равноправность должна быть признана единственно справедливымъ принципомъ, на которомъ можно основать унію.

Взгляды, высказанные въ этихъ положеніяхъ несомнѣнно обнаруживаютъ весьма благородный оптимизмъ, но и менѣе оптимистическій политикъ той эпохи, когда на соціальную подкладку политическаго строя не обращали вниманія, едвали могъ бы указать причины, могущія побудить норвежцевъ стремиться къ разрыву съ Швеціей. Если Норвегія въ теченіе столѣтій спокойно подчинялась датскому абсолютизму, не пользуясь ни малѣйшей долей свободы или попеченія о ея интересахъ, то можно было ожидать, что добровольное дарованіе ей политической самостоятельности не будетъ поводомъ къ разладу. Опытъ 19 столѣтія доказалъ, что благодарность—элементъ чуждый политикѣ, но и оставляя въ сторонѣ всѣ сентиментальныя чувства можно было ожидать, что трезвая оцѣнка интересовъ побудитъ норвежцевъ помириться съ неудачей попытки создать государство, не связанное ни чѣмъ, ни съ Даніей, ни съ Швеціей.

Ожиданія эти не оправдались. Винить въ этомъ нельзя Карла Іогана. Трудно предположить, чтобы болѣе точная, сильнѣе подчеркивающая преобладаніе Швеціи, формулировка статей конвенціи 1814 г. могла бы предотвратить появленіе норвежскаго радикализма нашихъ дней.

Прочное соединеніе двухъ народовъ въ одно политическое цѣлое не возможно насильственнымъ механическимъ путемъ или изданіемъ закона, формулированнаго хотя бы съ идеальной точностью. Жизнеспособныя соединенія должны

быть основаны на общности духовно-нравственныхъ и соціально-политическихъ интересовъ. Если эта общность интересовъ на лицо, то возможно соединеніе государствъ съ различной національностью и даже различныхъ вѣроисповѣданій (Соединенные Штаты С. Амер. Германія, Австро-Венгрія, Швейцарія)!

На первый взглядъ казалось всѣмъ и каждому, что для жизнеспособнаго и прочнаго соединенія Норвегіи и Швеціи всѣ условія были на лицо.

Шведы и Норвежцы принадлежатъ къ одному и тому же племени, исповѣдуютъ одну и ту же религію, говорятъ языками, близко другъ къ другу стоящими; уровенъ ихъ духовной культуры одинъ и тотъ же, нравы въ общихъ чертахъ тѣже [1]).

Но отсутствовали два важныхъ условія развитія ихъ политическяго единства: общее историческое прошлое и сходство въ тенденціяхъ ихъ соціально-экономическаго развитія

Если Германія, не смотря на вѣроисповѣдную рознь, если Австро-Венгрія, Швейцарія, С. Штаты Сѣв. Америки, не смотря на существованіе въ ихъ тѣлѣ вражды національной—могли соединиться и сохранить соединеніе, то это доказываетъ, что существуетъ какой либо важный интересъ, поддерживающій это соединеніе. Этотъ интересъ—общее историческое прошлое. Народы и племена, входящіе въ эти соединенія дѣлили въ теченіе долгаго времени радость и горе, проливали свою кровь въ общей борьбѣ съ общими врагами и привыкли считать себя членами одного политическаго цѣлаго, еще до формальнаго установленія единства.

Шведы и Норвежцы не имѣли этого общаго историче-

---

[1]) H. Järta въ указанной выше статьѣ замѣчаетъ весьма вѣрно: „Впрочемъ въ отношеніи народовъ замѣчается тоже явленіе, что и въ отношеніи религіозныхъ сектъ и научныхъ направленій. Чѣмъ ближе стоятъ они другъ къ другу, тѣмъ болѣе они другъ друга ненавидятъ“.

скаго прошлаго. Въ теченіе столѣтій они неоднократно встрѣчались на поляхъ сраженій какъ враги. Георафическое положеніе этихъ двухъ странъ какъ будто предопредѣлило ихъ единство,—но, природа, на первый взглядъ соединившая ихъ въ одно цѣлое, установила и рѣзкое между ними различіе. Различіе въ естественныхъ условіяхъ жизни обусловливаетъ собою и различіе въ развитіи національнаго характера. Кромѣ того существуетъ еще одинъ факторъ разъединенія: неравномѣрное распредѣленіе силы матеріальной, а вслѣдствіе этого и силы политической.

Швеція съ 4.800,000 жителей въ $2^3/_4$ раза сильнѣе Норвегіи съ ея 2.000,000 жителей.

Всѣ другія политическія соединенія представляютъ намъ совершенно другую картину. Или они обнимаютъ нѣсколько политическихъ тѣлъ разной величины, мелкихъ, среднихъ и крупныхъ (Германія, Швейцарія, С. Штаты), или какъ Австро-Венгрія два тѣла почти равносильныя. Въ томъ и другомъ случаѣ устраняется опасность, грозящая на скандинавскомъ полуостровѣ, заключающаяся въ томъ, что слабая сила принуждена стоять бокъ о бокъ съ сильной. Такое соединеніе сильнаго съ слабымъ возбуждаетъ въ послѣднемъ опасеніе за свою самостоятельность, приводящее къ раздражительности даже въ мелочахъ и разрушающее довѣріе, нравственную основу всякаго союза.

Что же касается дисгармоніи въ соціально-политическихъ и экономическихъ интересахъ, то въ 1814 году она едва чувствовалась и сознавалась. Она развилась въ 19 столѣтіи, когда въ Норвегіи пала окончательно родовая аристократія, сохранившая свое вліяніе отчасти въ Швеціи въ теченіи первой половины столѣтія, когда въ Норвегіи развилась и торговля и промышленность и появилась вліятельная денежная аристократія, а въ Швеціи началось быстрое развитіе сельскаго хозяйства и добывающей промышленности,

приведшее къ образованію и господству партіи аграріевъ. Но всѣ эти факторы разъединенія не сознавались политиками начала нашаго столѣтія Они видѣли только тѣ условія, которыя благопріятствовали ихъ планамъ и твердо вѣрили, что единство племеннаго происхожденія будетъ силою, устраняющей всѣ проявленія мелкой ревности и способной заставить позабыть вражду прошлаго времени.

Согласіе на сохраненіе Эйдсъвольдской конституціи было выраженіемъ этого довѣрія. Къ характеристикѣ ея началъ мы обратимся въ слѣдующей главѣ.

III.

Основной законъ Норвегіи и т. н. Государственный актъ (Riksact).

Кильскій трактатъ, какъ сказано выше, опредѣлилъ „соединить Норвегію съ Швеціей". Великія державы рѣшительно отказались признать самостоятельность и независимость Норвегіи. Въ глазахъ Европы Швеція и Норвегія являлись однимъ политическимъ цѣлымъ. Рѣшить: какъ устроить это соединеніе—было предоставлено великодушію шведскаго короля. Устройство уніи на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, слѣдовательно, считалось внутреннимъ дѣломъ Скандинавіи.

Съ международной точки зрѣнія Швеція и Норвегія представляли одно государство, съ государственно-правовой напротивъ, согласно постановленіямъ Мосской конвенціи: два равномѣрныхъ государства [1].

---

[1]) Этой точки зрѣнія держались также дѣятели того времени. Въ предложенныхъ принцемъ Христіаномъ Фредрикомъ мирныхъ условіяхъ сказано: „Thi Norges politiske forhold til fremmede magter er det samme som Sverige, og begge reger representeres ved deres faelleds gesandter......

Депутатъ Стортинга А. Коновъ въ засѣданіи учредительнаго стортинга 1814 г. замѣтилъ: „At Norge ej bor have egne gesandter, finder jeg rigtigt, då Norges og Sveriges politiske förhold til andre magter er et og selvsamme".

Организація уніи съ точки зрѣнія государственно-правовой опредѣляется четырьмя актами

Эти акты слѣдующіе:

1) Основной законъ Норвегіи (Norges Grundlov), 4 ноября 1814 г., представляющій собою ничто иное, какъ Эйдсъвольдскую конституцію, измѣненную въ нѣкоторыхъ статьяхъ, согласно постановленіямъ Мосской конвенціи.

2) т. н. Государственный актъ, Riksact, 6 августа 1815 г., составленный вслѣдствіе того, что постановленія объ уніи, вошедшія въ основной законъ Норвегіи, требовали утвержденія со стороны шведскаго риксдага.

3) Актъ о престолонаслѣдіи (Sucessionsordningen) 26 сентября 1810 г. обязательный для Швеціи на основаніи § 1 форма правленія 1809 г. и § 2 „государственнаго акта“, а для Норвегіи на основаніи § 6 основнаго закона.

4) Законъ о совершеннолѣтіи короля 18 іюля 1815 г. Мы остановимся прежде всего и преимущественно на основномъ законѣ Норвегіи и на „Государственномъ актѣ“, такъ какъ постановленія ихъ играютъ рѣшающую роль въ спорѣ о природѣ уніи и о прерогативахъ королевской власти, противъ которой ведется борьба „лѣвой“ въ Стортингѣ.

Принципы, на которыхъ построена норвежская конституція, высказаны въ трехъ изрѣченіяхъ защитниковъ норвежской самостоятельности.

Въ прокламаціи вліятельнѣйшихъ членовъ общества „Благо Норвегіи“ (Фальзена и Свердрупа) 1814 г. сказано: „Данія отказалась отъ Норвегіи въ Кильскомъ мирномъ трактатѣ, связь съ Даніей расторгнута; если Норвегіи удастся достигнуть самостоятельности, то она имѣетъ право даровать

Какъ принцъ, такъ и депутатъ Коновъ отрицаютъ необходимость самостоятельнаго норвежскаго дипломатическаго корпуса, на томъ основаніи, что политическое отношеніе Швеціи и Норвегіи къ другимъ державамъ одно и тоже—, т. е. что въ международныхъ отношеніяхъ онѣ нераздѣльны.

себѣ конституцію, достойную свободнаго народа и избрать въ короли предводителя, согласившагося съ этими началами".

Принцъ Фредрикъ Христіанъ въ патентѣ 19 февраля 1814 г. созываетъ просвѣщенныхъ представителей норвежскаго народа „для принятія конституціи, способной гарантировать вполнѣ и навсегда свободу народа и благо государства".

Въ адресѣ, съ которымъ Стортингъ обратился къ принцу, извѣщая его объ избраніи его въ короли, говорится:

„Мы составили основной законъ королевства Норвегіи, такъ: какъ мы то считаемъ послѣ зрѣлаго разсужденія полезнымъ для государства. Съ этой цѣлью мы стремились раздѣлить суверенную власть такимъ образомъ, чтобы, законодательство было передано въ руки народа, а исполнительная власть въ руки короля.

Наконецъ въ предисловіи къ пересмотрѣнному основному закону 4 ноября 1814 г. мы читаемъ:

„Мы, представители государства Норвегіи, собравшіеся на чрезвычайный стортингъ, состоявшійся въ Христіаніи 7 октября 1814 г. вслѣдствіе объявленія 16 августа того же года (объявленіе кого, не сказано!) извѣщаемъ и постановляемъ:

Послѣ того какъ мы, согласно нашему объявленію отъ 21 числа истекшаго мѣсяца, вчера постановили послѣ здраваго разсужденія, что королевство Норвегія впредь должно быть соединено съ королевствомъ Швеціей въ качествѣ самостоятельнаго государства, но съ сохраненіемъ его основнаго закона, измѣненнаго только на столько, насколько то требуется благомъ народа и интересами соединенія, мы тщательно обсудили эти измѣненія и вступили съ этой цѣлью въ переговоры съ королевскими коммиссарами, назначенными на основаніи конвенціи, заключенной въ Моссѣ 14 истекшаго августа. Вслѣдствіе этого мы рѣшили и рѣшаемъ и

постановляемъ, что вмѣсто данной 17 истекшаго мая государственнымъ учредительнымъ собраніемъ въ Эйдсъвольдѣ конституціи, отнынѣ будутъ въ силѣ слѣдующія постановленія, отчасти на ней основанныя, отчасти вновь введенныя вслѣдствіе уніи. Таковыя постановленія должны быть разсматриваемы всѣмъ и каждымъ, до кого касаются, какъ составляющія основной законъ королевства Норвегіи и всѣ и каждый должны имъ безпрекословно повиноваться".

Изъ приведенныхъ текстовъ мы усматриваемъ прежде всего 1) что норвежская конституція построена на принципѣ народнаго суверенитета, 2) что окончательная ея редакція результатъ соглашенія шведскихъ королевскихъ коммиссаровъ и представителей сувереннаго норвежскаго народа.

Принципъ народнаго суверенитета легъ уже въ основаніе проекта норвежской конституціи, составленнаго Адлеромъ и Фальзеномъ, послужившаго въ свою очередь основою работъ подготовительнаго комитета и учредительнаго стортинга въ Эйдъсвольдѣ. Этотъ принципъ въ свою очередь заимствованъ изъ конституцій французскихъ 1791, 1793 1795; голландсской 1798 гг. и испанской 1812 г. Затѣмъ, нѣкоторыя, не очень многисленныя постановленія, скопированы съ шведской формы правленія 1809 г. Принципъ пароднаго суверенитета не только господствуетъ въ постановленіяхъ, опредѣляющихъ государственное устройство, но и проникаетъ во всѣ постановленія, опредѣляющія собою весь строй управленія.

Г. Мунхъ-Реэдеръ въ статьѣ „Norwegen" (Verfassung) помѣщенной въ Rotteks—Welckers „Staatslexicon, 1847, вполнѣ справедливо говоритъ: „Die norwegische Constitution ist democratisch—monarchisch. Dic Volkssouveränetät wird nicht nur als die Gründerin der Verfassung anerkannt; sie ist auch das leitende Princip der Staatsverwaltung. In Norwegen ist

sonach nicht nur die Rede von einer Verfassungs,—sondern auch von einer Administrations souverânetât.“ [1]).

---

[1]) Норвежская конституція напечатана цѣликомъ у Шуберта: „Die Verfassungsurkunden und Grundgesetze der Staaten Europas etc. Kônigsberg 1848, II; Pölitz: Verfassungen Europas III. Dufau Collections III. Изслѣдованія о норвежскомъ государственномъ правѣ на нѣмецкомъ языкѣ: указанная выше статья Мунхъ-Редера; затѣмъ: Brômel. Diefreie Verfassung Norwegens, Blom Das Koenigreish Norwegen; Mûgge Norwegen 1842; о „veto“ короля говорится въ статьѣ C. Maurer'a „Der Verfassungskampf in Norwegen въ Kritische Viertelsjahresschrift f. Gesetsgebung und Rechtswissenschaft. N. F. Bd. VI; въ изданныхъ въ 1883 г. E. Jonas'омъ „Gutachten der juristischen Facultät zu Christiania über das Sanctionsrecht des Kônigs bei Grundgesetsveränderungen. Норвежскія сочиненія, касающіяся государственнаго устройства Норвегіи и спора о природѣ уніи: Munch Röder: Den norske Constitutions Historie og Vaesen. Christiania 1841. Falsen: Norges Grundlov 1817; Treschov. Om Norges Grundlov 1834; Aschehoug Norges nuvaerende Statsforfatning 1875; Ole Ring Om det suspensive Veto ved Grundlovsforandringar 1880; Brev til en Bonde om Politik og Kongeno Veto, af Janus. 1880; Svar til Janus paa hans „Brev til en Bonde“ af en Bonde 1880. A. L. Broch Om Vetosagen og det juridiske Fakultets Betaenkning 1881; Imödesgaaelse af Vetobetaenkningen 1881; Mejdell. Grundlovens § 112 om Forândringar i Konstitutionen 1881; Belsheim Om Magtfördelningen i Grundloven og med absolut Veto 1881. I. Belsheim Er Grundloven af 17 de eller Mer af 4-de November 1881. Sars Lidtomvore politiske forhold (Nyt Tidskrift 1882) Aubert De svenske Kommissariers Fôrslag til Gruudlovens § 79 og det absoluto Veto (Norsk Rettitidende) 1882. Julius Skal John Sverdrup seire 1882. Aubert Foredrag i det politiske Môde paa Hamar den 31 iuli 1882. Falsen Norges Grundlov 1817. Nielsen Bidrag til Norges Historie i 1814. Morgenstierne. Hôgrés og venstres unions politik. Ibsen Umionen. Aubert Kielertraktatens Opgivelse som Unionens rättlige Grundlag 1894. Y. Nielsen. 1814. Fra Kiel till Moss, En historisk Undersagelse af Mosskonventionens, dess Forudsaetningen og politiske Betydning 1894.

Шведскія сочиненія: Nils Höier. Norges Storting; I Afdelningen. Norska Grundlagen och dess Källor. 1882. Rydin Fôreuingen mellan Sverige och Norge 1863. R. C. A. Om de ministeriella ärendena.

Höjer Statsförbundet mellan Sverige och Norge. Alin Den svensknorska unionen R. Kjellén Unionen sådan den skapades och sådan den blifvit 1893. O. Varenius Unionsförfattningen ur svensk och ur Norsk synpunct 1893. *Его же* Den gemeusamme utrikesministeru och likställigheten. 1893. *Его же* Konsulatsfrågan. 1893. H. Hjärne Unionsbref. 1893. De Geer Uttalanden i unionsfrågan. Hjärne Unionsfrågan och Sveriges försvar. N. N. Hvad har Sverige vunnit genom Unionen. N. N. De ministeriella målen och unionen. N. N. Maktsträfvarue i Norge hota att Krossa landets lycka och draga ofärd ofver Sverige etc. A. G. H. Några ord om svenska norska unionens såval europäiska som skandinaviska nödvändighet.

Провозглашеніе принципа народнаго суверенитета обусловливаетъ собою рѣзкую противоположность норвежскаго государственнаго устройства шведскому. Швеція—дуалистическая монархія; ея государственное право построено на принципѣ двоевластія, но власть короля не уступаетъ власти народнаго представительства въ законодательствѣ, а въ управленіи король подчиняется вліянію риксдага только въ весьма ограниченной степени.

Реформа организаціи народнаго представительства (1866 г.) не измѣнила въ сущности соотношенія королевской и народной власти въ Швеціи. Въ эпоху же установленія уніи, когда въ силу формы правленія 1809 г. сохранился древній 4 куріальный сеймъ, противоположность формъ правленія шведской и норвежской выступала еще ярче.

Эйдсъводльская конституція 17 мая, составленная подготовительнымъ комитетомъ въ Эйдсъвольдѣ (очень спѣшно и въ неточныхъ выраженіяхъ, какъ то признано самими норвежцами), просмотрѣнная, исправленная и дополненная учредительнымъ стортингомъ въ апрѣлѣ и маѣ 1814 г., была передана на вторичное разсмотрѣніе чрезвычайнаго стортинга, (созваннаго на основаніи постановленій Мосской конвенціи въ Христіанію) при участіи коммиссаровъ, присланныхъ шведскимъ правительствомъ. Слѣдовательно окончательная редакція основнаго закона Норвегіи не была только внутреннимъ, домашнимъ дѣломъ Норвегіи, но совершалась исключительно по желанію сувереннаго народа.

Положеніе чрезвычайнаго стортинга было нѣсколько стран-

C. A. Reuterskiöld. Till belysning af den svensk-norska unions författningen och dess tidigare utvecklingshistoria.

N. N. Om Norges rätt och Norges pligt, Ett ord till de förenade rikenas begge folk af en svensk unions vän.

Unionsfrågan I. Brefvexling mellan Björnstjerna Bjornson och Harald Hjärne 1891.

O. Varenius Nyare unionell literatur och olika unionella rätts åskådningar.

ное и неопредѣленное. Онъ не имѣлъ дѣла съ признаннымъ уже норвежцами королемъ. Карлъ XIII былъ избранъ на престолъ Норвегіи только послѣ того, какъ его посланники объявили, что онъ, въ случаѣ избранія, приметъ основной законъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ будетъ редактированъ стортингомъ и шведскими коммиссарами.

Слѣдовательно и этотъ чрезвычайный стортингъ можетъ быть признанъ учредительнымъ собраніемъ. Но съ другой стороны Мосская конвенція прямо предписывала ему ввести такія измѣненія въ Эйдсъвольдскую конституцію, которыя были бы согласны съ интересами уніи и притомъ ввести *ихъ по соглашенію* съ коммиссарами шведскаго короля. Такимъ образомъ программа дѣйствій Стортинга была установлена не имъ самимъ. Каждый пунктъ конституціи долженъ былъ быть переданъ на разсмотрѣніе шведскихъ коммиссаровъ. На это неоднократно указывается въ протоколахъ Стортинга и въ сообщеніяхъ коммиссаровъ. Слѣдовательно нынѣ дѣйствующій основной законъ 4 ноября 1814 г. носитъ характеръ договора, что признано и авторитетами норвежскаго государственнаго права, напр. Ашехугомъ и Мунхъ-Рэдеромъ [1]).

Если, слѣдовательно, основной законъ Норвегіи—*договоръ*, то спрашивается, что является объектомъ этого договора, и кто его субъектомъ?

Конституція 4 января 1814 г. содержитъ въ себѣ постановленія двоякого характера. Одни изъ нихъ касаются *только* внутренняго быта Норвегіи, другія соединенія съ

---

[1]) Послѣдній въ указанной выше статьѣ говоритъ при обсужденіи вопроса о veto короля относительно измѣненій въ основномъ законѣ Норвегіи: „Mit Rücksicht auf einige Bestimmungen, welche die Vereinigung mit Schweden betreffen, tritt, wenn man sie verändern will, eine eigenthümliche Schwierigkeit heran; in sofern sie nämlich als vermöge Tractats mit diesem Lande zuwegegebracht werden müssen. Das Grundgesetz selbst ist so weit ein Unionsdocument, das ohne gemeinschaftliche Übereinstimmung nicht verändert werden darf“.

Швеціей.. Объектомъ договора, согласно конвенціи *Мосской* могутъ быть только постановленія втораго рода.

Кто же является *субъектами* договора? Какъ уже замѣчено выше, въ моментъ окончательной редакціи конституціи Норвегія не имѣла главы государства, признаннаго въ самой странѣ. Король Швеціи былъ суверенъ Норвегіи въ глазахъ Европы съ момента ратификаціи Кильскаго трактата, но онъ самъ согласился подвергнуться избранію послѣ окончательнаго составленія основнаго закона. Слѣдовательно однимъ изъ субъектовъ договора слѣдуетъ признать чрезвычайный Стортингъ. Но кто же является вторымъ субъектомъ? Шведскіе публицисты и юристы единогласно (за исключеніемъ проф. Рюдина) отвѣчаютъ „Швеція", какъ цѣлое, какъ государство.

Большинство норвежскихъ публицистовъ, особенно послѣдняго времени, утверждаетъ, что въ соглашеніе съ стортингомъ вступалъ Карлъ XIII, лично какъ кандидатъ на вакантный норвежскій престолъ, а не Швеція, не государство, имъ управляемое.

Это мнѣніе не выдерживаетъ критики; исторически можно доказать, что члены стортинга 1814 г. признавали, что субъектомъ договора является Швеція и что Карлъ XIII договаривался именно отъ имени Швеціи. Рядъ доказательствъ приведенъ въ сочиненіи проф. Алина „Den svensk-norska unionen". И въ послѣдующее время норвежскій стортингъ неоднократно держался этого воззрѣнія, какъ видно изъ протоколовъ конституціоннаго комитета 31 марта 1818, 1830 г. и др. и наконецъ изъ рѣчи министра Квама, 12 іюня 1878 года [1]).

---

[1]) Въ протоколахъ конституціоннаго комитета 31 августа 1818 г. сказано: должность намѣстника установлена въ актѣ соединенія, заключенномъ съ *Швеціей*". Въ протоколѣ 1830 г. говорится неоднократно что основной законъ „документъ объ уніи двухъ государствъ". Въ протоколѣ 12 іюля 1830 г. говорится:

Изрѣченіе Квама въ особенности замѣчательно: Въ комитетѣ протоколовъ, предсѣдателемъ котораго былъ Квамъ, было употреблено выраженіе „представители шведскаго короля и шведскаго государства“. Одинъ изъ членовъ стортинга замѣтилъ: „такая формулировка можетъ оказаться опасною въ будущемъ“. Квамъ отвѣтилъ: „Коммиссары были уполномочены отъ шведскаго короля и шведскаго государства, это исторически доказано. Я не желаю войти въ разсужденіе о томъ, какіе выводы могутъ быть сдѣланы изъ констатированія этого историческаго факта; но это остается историческимъ фактомъ, его нельзя устранить крючкотворствомъ“. Безпристрастное, объективное чтеніе протоколовъ стортинга 1814 г. приводитъ безусловно къ выводу, что субъектами договора были „Стортингъ“ и „государство Швеція“. Но, какъ замѣчено выше, объектомъ договора является не вся конституція 4 ноября 1814 г., а только тѣ части ея, которыя касаются соединенія съ Швеціей. Эти постановленія могутъ быть измѣнены только по соглашенію съ Швеціей. Но не лишне повторить: въ международномъ отношеніи существуетъ только соединенное королевство Швеція—Норвегія; отдѣльнаго самостоятельнаго королевства Норвегіи, какъ субъекта международныхъ отношеній не существуетъ, оно не было признано въ 1814 г. и признанія его не послѣдовало до нынѣ.

Единственнымъ представителемъ его по отношенію къ другимъ державамъ является король Швеціи, носящій корону Норвегіи. Далѣе, такъ какъ король Швеціи, какъ представитель шведскаго государства, призналъ Эйдсъвольд-

---

„Som bekjendt underhandlede de af. H: s. svenske Majestaat beskikkede Kommissarier og den af det overordentlige storting i 1813 udvaelte Komité paa den ved Konventionen i Moss af $^{14}/_{8}$ 1814 bestemte maade og efter at begge parter vaere komme overens om bestemmllserne blef grundlove udfaerdiget. Den mellem Norge og Sverige existerende föréning under en konge og den svenske konges bestigelse af Norges tron grunder sig saaledes paa en tractat“.

скую конституцію только подъ условіемъ соединенія Норвегіи съ Швеціей, то сила конституціи погашается вмѣстѣ съ разрывомъ уніи. Слѣдовательно конституція Норвегіи, окончательно формулированная 4 ноября 1814 г. обусловлена въ своей силѣ и дѣйствіи сохраненіямъ уніи. Разрывъ съ Швеціей возстановлять status quo находились Швеція и возставшая Норвегія въ моментъ заключенія Мосской конвенціи. Всякое произвольное, одност順онее измѣненіе постановленій основнаго закона, касающихся уніи, есть нарушеніе договора, заключеннаго съ Швеціей.

Теперь спрашивается: какія постановленія основнаго закона 4 ноября 1814 г. касаются уніи, какія изъ нихъ имѣютъ отношеніе только къ государственному устройству самой Норвегіи?

Основной законъ Норвегіи раздѣляется на 5 отдѣловъ: А: о формѣ государственнаго правленія и о религіи. В. Объ исполнительной власти короля и о королевской фамиліи. С. О правахъ гражданъ и о законодательной власти. D. О судебной власти. D. Общія постановленія. Отдѣлы С. и D. касаются исключительно внутренняго государственнаго устройства Норвегіи. Отдѣлъ Е содержитъ въ себѣ только одну статью (§ 111), имѣющую отношеніе къ уніи, а именно статью о флагѣ Норвегіи.

Въ отдѣлѣ А статья вторая относится только къ Норвегіи; она устанавливаетъ государственную религію. Изъ отдѣла В. только къ государственному устройству Норвегіи относятся статьи: 3, 4, 5, 9, 10, 12, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 28, 29, 30, 32. Эти статьи содержатъ въ себѣ: 1) опредѣленіе власти короля, его личнаго положенія, преимуществъ, религіи, присяги, коронаціи, организаціи государственнаго совѣта, управленія государствомъ во время отсутствія короля, отношенія короля къ церкви, права и предѣловъ королевскихъ распоряженій, финансовыхъ функцій,

права пользованія и смягченія наказанія, назначенія чиновниковъ, придворнаго штата, порядка засѣданій совѣта, правъ и преимуществъ членовъ королевскего дома.

Первая статья перваго отдѣла и остальныя 29 статей II отдѣла опредѣляютъ собою связь Норвегіи съ Швеціей. Мы разберемъ эти статьи ниже, но отмѣтимъ здѣсь же ихъ общій характеръ и тенденцію. Мунхъ-Рэдеръ вполнѣ правъ замѣчая, что статьи, касающіяся уніи, стремятся не столько соединить Норвегію съ Швеціей, сколько разъединить ихъ. Это стремленіе замѣтно впрочемъ и въ другихъ статьяхъ. Такъ напр. установлено, что Норвегія должна имѣть свой отдѣльный банкъ, свою монету и денежную систему, что она имѣеть право на особый торговый флагъ, что суммы государственнаго казначейства Норвегіи всегда должны оставаться въ Норвегіи, что стортингъ всегда долженъ собираться въ Норвегіи, что администравные органы должны оставаться по возможности всегда въ Норвегіи и во время отсутствія короля, что король часть года долженъ находиться въ Норвегіи. Но съ полною яркостью это стремленіе къ разъединенію выражается въ статьяхъ, опредѣляющихъ условія употребленія военныхъ силъ Норвегіи.

Король Карлъ XIII далъ свое согласіе на принятіе основнаго закона Норвегіи въ измѣненномъ и обработанномъ видѣ съ той оговоркой, что статьи, касающіяся соединенія двухъ государствъ должны быть подвергнуты на разсмотрѣніе и обсужденіе шведскаго риксдага для того, что бы опредѣлить, какія измѣненія должны быть введены въ основной законъ Швеціи 1809 г., и не противорѣчатъ ли упомянутыя постановленія шведской конституціи.

Съ этой цѣлью въ 1815 г. былъ созванъ въ Стокгольмъ чрезвычайный риксдагъ.

12 апрѣля 1815 г. король передалъ „конституціонному комитету риксдага „пропозицію", въ которой излагались ус-

ловія соединенія, внесенныя въ норвежскую конституцію 4 ноября 1814 г. Черезъ двѣ недѣли комитетъ внесъ свое заключеніе въ куріи риксдага. Комитетъ предложилъ риксдагу „принять условія, дабы торжественное ихъ принятіе служило яснымъ выраженіемъ желанія подтвердить установленное уже соединеніе Норвегіи и Швеціи подъ главенствомъ одного короля и вмѣстѣ съ тѣмъ и признаніемъ Норвегіи свободнымъ и самостоятельнымъ государствомъ, не могущимъ быть ни дѣлимымъ, ни отчуждаемымъ. Оба государства обезпечили гражданскую свободу народа особыми основными законами и шведскій народъ ожидаетъ отъ этого соединенія созданія политической силы на скандинавскомъ полуостровѣ и т. д.".

Риксдагъ утвердилъ условія соединенія, установленныя шведскими коммиссарами по соглашенію съ стортингомъ. Всѣ эти условія были сведены въ одинъ актъ, названный „Riksact". Riksact былъ принятъ стортингомъ 31 іюля 1815 г. а риксдагомъ 6 августа 1815 г. Въ тотъ же день онъ получилъ санкцію короля[1]).

Теперь возникаютъ 2 вопроса: 1) каковъ юридическій характеръ Riksact'а и 2) въ какомъ отношеніи стоитъ онъ къ основному закону Норвегіи 1814 г.?

Въ шведско-норвежской литературѣ Riksact часто называется международнымъ трактатомъ. Это опредѣленіе несовершенно вѣрно. Международные трактаты въ строгомъ смыслѣ слова могутъ быть заключаемы только между государствами, признанными суверенными, самостоятельными. Норвегія не была признана суверённымъ, вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ государствомъ, слѣдовательно не могла быть субъектомъ международнаго договора. Какъ Москская

[1]) Такъ наз. Riksact напечатанъ у Мартенса: Supplément au Recueil des traités etc. Vol. VI. p. 608—615.

конвенція такъ и основной законъ Норвегіи 4 ноября 1814 г., такъ и Riksact ничто иное, какъ договоръ между королемъ суверен̆наго государства (Швеціи) и мятежною страною.

Что касается втораго вопроса „въ какомъ отношеніи стоитъ Riksact къ основному закону Норвегіи 1814?—то онъ рѣшается различно норвежскими и шведскими публицистами. Норвежскіе публицисты, особенно новѣйшіе, утверждаютъ что основной законъ Норвегіи касается исключительно государственнаго устройства Норвегіи, и что только Riksact долженъ быть признаваемъ договоромъ соединенія. Они учатъ, что 4 ноября 1814 г. принята была только норвежская конституція и что вслѣдъ за ея признаніемъ былъ избранъ норвежскій король Всѣ эти дѣйствія имѣли значеніе для Швеціи только въ томъ смыслѣ, что то лицо, которое было избрано на престолъ Норвегіи, было вмѣстѣ съ тѣмъ и королемъ Швеціи. 4 ноября такимъ образомъ установлена только личная унія между Швеціей и Норвегіей. Эта личная унія затѣмъ превращена въ унію реальную благодаря принятію и санкціонированію Riksact'á, и статьи, говорящія о соединеніи и внесенныя въ основной законъ Норвегіи, только вслѣдствіе внесенія въ Riksact превратились въ условія соединенія.

Шведскіе публицисты утверждаютъ, что основнымъ договоромъ соединенія является основной законъ Норвегіи 4 ноября 1814 г., а что Riksact долженъ быть признанъ дополнительнымъ къ нему актомъ, актомъ спеціальной кодификаціи постановленій объ уніи.

Я склоняюсь къ мнѣнію шведскихъ публицистовъ.

Ст. 42 основнаго закона Норвегіи 4 ноября 1814 г. гласитъ: „что касается болѣе подробнаго опредѣленія, необходимость котораго явствуетъ изъ случаевъ, приведенныхъ въ ст. 39, 40, и 41, то король предложитъ слѣдующему стортингу въ Норвегіи и слѣдующему риксдагу въ Швеціи законъ, основанный на принципѣ равноправности двухъ го-

сударствъ“. (Ст. 39, 40, 41 касаются порядка избранія короля, наслѣдника, опекуна, организаціи правленія въ томъ случаѣ, когда король не будетъ въ состояніи самъ управлять государствомъ).

Изъ приведеннаго текста видно, что основной законъ Норвегіи говоритъ о предполагаемомъ къ изданію законѣ, какъ о дополнительномъ актѣ, цѣль котораго: подробное выясненіе постановленій конституціи, касающихся уніи.

Затѣмъ во всѣхъ протоколахъ конституціоннаго комитета 1815 г. говорится о редактированіи постановленій, касающихся *установленнаго* (sic!) соединенія между Швеціей и Норвегіей.

(„Reductionen af de stadganden, hvarom Sveriges rikes ständer öfverenskommit till bestämmande af de genom föreningen mellan Sverige och Norge uppkomna Konstitutionella forhâllanden och sâsom grunder för den till upprättande riksacten“).

Наконецъ въ протоколахъ норвежскаго конституціоннаго комитета 1830 г. Riksact называется „et anhang til grundloven“ (Дополненіе къ основному закону).

Рѣшеніе вопроса объ отношеніи Riksact'а къ Норвежской конституціи очень важно Если только Riksact основа уніи, то измѣненіе Норвежской конституціи не требуетъ согласія Швеціи. На оборотъ, если Riksact только дополненіе къ конституціи, то измѣненіе конституціи безъ согласія Швеціи есть нарушеніе договора объ уніи.

Обратимся теперь къ содержанію Riksact'а.

Riksact содержитъ въ себѣ отчасти только дословное повтореніе постановленій объ уніи, помѣщенныхъ въ конституціи Норвегіи, отчасти болѣе подробную и ясную ихъ редакцію.

Мы читаемъ въ немъ слѣдующе:

1) Королевство Норвегія составитъ свободное, независи-

мое, нераздѣльное, неотчуждаемое государство, соединенное съ Швеціей подъ главенствомъ одного и того же короля.

2) Право на престолъ имѣютъ только мужскаго пола члены династіи (Бернадотте) въ прямыхъ и боковыхъ поколѣніяхъ, какъ то установлено шведскимъ закономъ о престолонаслѣдіи 26 сентября 1810 г.

Затѣмъ слѣдуютъ подробныя указанія о порядкѣ избранія новаго короля въ случаѣ прекращенія династіи. Король избирается стортингомъ и риксдагомъ вмѣстѣ, собирающимся въ одинъ и тотъ же день. Въ случаѣ избранія различныхъ лицъ составляется особый избирательный комитетъ въ Карсьштадѣ изъ представителей стортинга и риксдага.

2) Король имѣетъ право собирать войско, начинать войну, заключать миръ, заключать и расторгать трактаты и поддерживать дипломатическія сношенія съ другими государствами.

Если король желаетъ начать войну, то объ этомъ своемъ предпріятіи онъ долженъ извѣстить норвежское правительство и вытребовать заключеніе сего послѣдняго по данному дѣлу; въ тоже время онъ передаетъ правительству подробный отчетъ о состояніи государства, финансовомъ положеніи, средствахъ защиты и т. д. Затѣмъ король созываетъ засѣданіе государственнаго министра и госуд. совѣтниковъ Норвегіи, а также и госуд. совѣтъ Швеціи, составляя изъ нихъ чрезвычайный госуд. совѣтъ, объясняетъ имъ въ подробности всѣ поводы и обстоятельства дѣйствія, дабы они означенное дѣло обсудили тщательнѣйшимъ образомъ. Норвежское правительство также представляетъ отчетъ о состояніи королевства и о его средствахъ. Затѣмъ король спрашиваетъ каждаго члена совѣта о его мнѣніи; каждый членъ совѣта вноситъ свое мнѣніе отдѣльно въ протоколъ, неся за оное конституціонную отвѣтственность. Король же имѣетъ право рѣшить вопросъ и привести въ исполненіе свое рѣшеніе, какъ онъ за благо сочтетъ.

Т. н. государственный министръ и два госуд. совѣтника Норвегіи, остающіеся при королѣ (во время пребыванія его въ Стокгольмѣ) должны присутствовать съ совѣщательнымъ голосомъ въ госуд. совѣтѣ Швеціи каждый разъ, когда рѣчь идетъ о предметахъ, затрагивающихъ интересы обоихъ государствъ. Во всѣхъ случаяхъ этого рода должно спросить заключеніе норвежскаго правительства (т. е. министровъ оставшихся въ Норвегіи), по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ, не требующихъ неотлагательнаго обсужденія. Также если въ норвежскомъ госуд. совѣтѣ обсуждаются въ присутствіи короля дѣла, затрагивающіе одновременно интересы обоихъ государствъ, то въ немъ должны присутствовать 3 члена шведскаго госуд. совѣта съ правомъ голоса. Ст. 6, 7, 8 устанавливаютъ порядокъ регентства въ случаѣ несовершеннолѣтія, порядокъ засѣданій временнаго общаго государ. совѣта (въ Стокгольмѣ). Временный правительственный совѣтъ (Interims regering) состоитъ изъ 20 членовъ, по 10 отъ каждаго государства. Предсѣдателемъ является попеременно (очередуясь каждую недѣлю) шведскій и норвежскій государственный министръ.

Обозрѣвая всѣ эти статьи, касающіяся уніи, нельзя не замѣтить, что онѣ крайне неясны и далеко не опредѣляютъ всѣхъ случаевъ, когда требуется совмѣстное дѣйствіе государств. правительствъ Швеціи и Норвегіи.

Мы уже выше замѣтили, что конституція Норвегіи 4-го ноября 1814 г. и перенесенныя изъ нея въ Riksact статьи скорѣе стремятся разъединить Швецію и Норвегію, чѣмъ ихъ соединить. Если мы обратимся къ болѣе близкому разсмотрѣнію статей Riksact'а, это станетъ еще яснѣе, въ особенности если мы не упустимъ изъ вниманія, что свобода дѣятельности короля и его правительства, свобода распоряженія государственными силами въ Швеціи и Норвегіи далеко не одна и та же.

Что два, даже слабо соединенныя государства, всегда имѣютъ и будутъ имѣть общіе интересы, было ясно и сепаратистамъ 1814 и 1815 гг. Король Швеціи не можетъ вести войны съ королемъ Норвегіи; далѣе ясно, что одно изъ соединенныхъ государствъ не можетъ продолжать жить въ мирѣ, если другое объявитъ войну. Если третья, иностранная держава, нападетъ на одно изъ соединенныхъ государствъ, то она вступаетъ въ непріязненныя отношенія и къ другому; война и миръ общи Швеціи и Норвегіи. Отсюда слѣдуетъ совмѣстность, согласіе въ дѣйствіяхъ во всѣхъ международныхъ отношеніяхъ и солидарность дѣйствій, являющихся или результатомъ международныхъ обязательствъ, или источникомъ таковыхъ. Но различіе въ правахъ короля въ отношеніи распоряженія матеріальными силами двухъ государствъ обусловливаетъ собою то, что онъ не можетъ исполнить своей роли общаго представителя общихъ международныхъ интересовъ съ желанной энергіей.

Ст. 14 шведской формы правленія 1809 года гласитъ: „Король имѣетъ высшее начальство надъ военными силами сухопутными и морскими". Никакихъ ограниченій въ свободѣ распоряженія шведской арміей или флотомъ шведская конституція не установила. Всѣ разряды шведскихъ военныхъ силъ одинаково подчинены волѣ короля и находятся въ его распоряженіи, какъ вербованное войско, такъ и „поселенная армія", ополченіе, добровольные стрѣлки, большой флотъ, схерная флотилія.

Только для полученія денежныхъ средствъ требуется согласіе риксдага.

Согласно § 76 ф. пр. риксдагъ вотируетъ королю два „кредитива", „малый" и „большой". Первый изъ нихъ предоставляется королю въ распоряженіе на тотъ случай, если онъ призналъ необходимымъ употребить ассигнованную сумму „на защиту государства или другія весьма важныя и не-

отложныя цѣли". Король имѣетъ права воспользоваться этимъ кредитивомъ въ упомянутыхъ случаяхъ, но обязанъ предварительно выслушать мнѣніе совѣта. Второй или т. н. „большой военный кредитивъ" открывается въ случаѣ наступленія военныхъ обстоятельствъ. Но послѣднія слова не должны быть понимаемы въ томъ смыслѣ, что „большой кредитивъ" можетъ быть открытъ тогда уже, когда король имѣетъ намѣреніе объявить войну, если нужно приготовить армію для предстоящей или ожидаемой войны, такъ какъ для цѣлей вооруженія арміи, ремонта крѣпостей, приготовленія флота —должно воспользоваться „малымъ кредитомъ". „Большой или военный" кредитивъ открывается только тогда, когда наступленіе войны дѣло вполнѣ рѣшенное, хотя бы военныя операціи еще не начались или объявленіе войны еще не послѣдовало. Какъ скоро король, по обсужденіи вопроса въ полномъ засѣданіи совѣта, рѣшитъ начать войну, то онъ созываетъ чрезвычайное собраніе сословій и большой кредитъ не открывается прежде, чѣмъ приказъ о созваніи сейма прочитанъ въ главныхъ церквахъ столицы.

Если мы обратимся къ постановленіямъ норвежской конституціи, то сейчасъ же бросается въ глаза крайняя ограниченность свободы короля при распоряженіи военными силами Норвегіи, дѣлающая иллюзорнымъ постановленіе, „король можетъ объявлятъ войну" (ст. 26).

Ст. 25 разрѣшаетъ употребить регулярную армію -(linie arméen) внутри и внѣ границъ Норвегіи, но только для защиты государства. Для наступательной войны король можетъ воспользоваться войсками и шхерной флотиліей только съ разрѣшенія стортинга. Норвежское ополченіе можетъ быть употребляемо въ дѣйствіе только въ предѣлахъ Норвегіи. Слѣдовательно, между тѣмъ какъ всѣ военныя силы Швеціи отданы въ распоряженіе короля, военныя силы Норвегіи съ точки зрѣнія права распоряженія ими—раздѣляются на 3 класса.

Для оборонительной войны король уніи имѣетъ въ своемъ распоряженіи въ предѣлахъ Норвегіи всѣ военныя силы скандинавскихъ государствъ. Для оборонительной войны въ предѣлахъ Швеціи онъ можетъ употребить всѣ войска Швеціи, регулярную армію Норвегіи и весь флотъ шведсконорвежскій. Если же онъ самъ рѣшится начать войну, то кромѣ шведской арміи и шведскаго флота, въ его распоряженіи будетъ только т. н. большой флотъ Норвегіи (т. е. не схерный флотъ), существующій только на бумагѣ, а регулярная армія и схерный флотъ Норвегіи только съ разрѣшенія Стортинга могутъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, ополченіе же въ никакомъ случаѣ. Замѣтимъ далѣе, что организація военныхъ силъ Норвегіи зависитъ фактически отъ стортинга; онъ можетъ по своему усмотрѣнію перечислить различныя части войска изъ категоріи „регулярная армія“ въ категорію, ополченіе, зачислить всѣ суда въ схерную флотилію и такимъ образомъ изъять изъ власти короля всѣ военныя силы Норвегіи.

Наконецъ, между тѣмъ, какъ Шведскій риксдагъ обязанъ на основаніи конституціи ассигновать королю два кредитива „малый“ и „большой“, стортингъ можетъ по своему усмотрѣнію отказать въ вотированіи суммъ на веденіе войны.

Что касается права короля собирать и сосредоточивать въ одномъ мѣстѣ войска, то и оно въ значительной степени ограничено постановленіемъ конституціи, цѣль котораго предотвратить возможность слiянія армій шведской и норвежской.

Ст. 25, 2. норвежской конституціи гласитъ: „Въ мирное время въ Норвегіи могутъ находиться только норвежскія войска; норвежскія войска не могутъ быть переведены въ Швецію. Король имѣетъ право имѣть при себѣ въ Швеціи норвежскую гвардію, составленную изъ добровольцевъ. Ему предоставлено право на короткое время (не

болѣе 6 недѣль) сосредоточивать ближайшія по расположенію войска армій обоихъ государствъ въ предѣлахъ того или другого государства съ цѣлью производства маневровъ. Но ни въ какомъ случаѣ въ мирное время не должно переводить болѣе 3000 человѣкъ изъ арміи одного государства въ предѣлы другого. Норвежскій флотъ долженъ имѣть свои верфти въ Норвегіи, а въ мирное время онъ долженъ быть станціонированъ въ портахъ норвежскихъ. Военныя суда одного государства не должны имѣть экипажа изъ моряковъ другого государства, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда таковые моряки поступятъ въ флотъ въ качествѣ добровольцевъ".

Эти статьи норвежской конституціи устанавливаютъ полную разъединенность шведской и норвежской армій и низводятъ участіе Норвегіи въ защитѣ скандинавскаго полуострова до минимума. Понятно что шведское правительство стремилось въ теченіе всего времени, истекшаго съ момента заключенія уніи, усилить связь армій и побудить Норвегію согласиться на болѣе пропорціональное распредѣленіе бремени военной защиты, тѣмъ болѣе, что норвежскій торговый флотъ гораздо многочисленнѣе шведскаго и поэтому требуетъ болѣе сильной охраны, которая до нынѣ фактически лежала на плечахъ Швеціи. Но всѣ попытки реформы военнаго строя уніи встрѣчали всегда энергическое противодѣйствіе со стороны Норвегіи, охранявшей обособленность своей арміи и флота какъ зѣницу ока.

Что касается организаціи учрежденій, назначеніе которыхъ вести дипломатическія сношенія и охранять интересы шведско-норвежской торговли за границей, то она болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ уніи, но неясная формулировка „Riksacta" дала поводъ къ жестокому спору о правѣ Норвегіи на самостоятельное министерство иностранныхъ дѣлъ, самостоятельный дипломатическій корпусъ и особыхъ консуловъ.

§ 4. Riksacta гласитъ: „Королю предоставлено право собирать войско, объявлять войну, заключать миръ, заключать и расторгать трактаты, принимать и отправлять посольства“.

Эта статья „Riksact“ а—дословной переводъ § 26 основнаго закона Норвегіи, а по содержанію своему соотвѣтствуетъ §§ 11, 12, 13 и 32 шведской формы правленія 1809 г. Объ организаціи общаго министерства иностранныхъ дѣлъ и общихъ или спеціальныхъ консульствъ для Швеціи и Норвегіи въ „Riksact'ѣ“ ничего не сказано. Только въ § 7 „Ricsact'a говорится о томъ, что временному государственному управленію (Interims regering), „дипломатическія дѣла“ докладываются шведскимъ гофканцлеромъ (должность эта упразднена въ 1845 г.), или шведскимъ госуд. министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Ст. 22 основнаго закона Норвегіи гласитъ, что король имѣетъ право по своему усмотрѣнію увольнять чиновниковъ такого и такого разряда, въ томъ числѣ и посланниковъ и консуловъ, а ст. 92 постановляетъ, что на должность норвежскихъ консуловъ могутъ быть назначаемы не только норвежцы, но и иностранцы.

Другихъ постановленій объ организаціи дипломатическаго корпуса и консульствъ въ Riksact'ѣ мы не встрѣчаемъ. Фактически съ 1815 г. до настоящаго времени дипломатическія сношенія велись шведскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, докладывающимъ дѣла внѣшней политики королю уніи въ шведскомъ госуд. совѣтѣ, въ присутствіи 3 членовъ норвежскаго госуд. совѣта, шведско-норвежскими послами и посланниками, назначавшимися по усмотрѣнію короля. Швеція и Норвегія имѣли и имѣютъ общихъ консуловъ.

Хотя этотъ установшійся порядокъ вызывалъ въ теченіе уже первой половины столѣтіи неудовольствіе норвежцевъ, тѣмъ не менѣе до послѣдняго времени никто серьезно не

возставалъ противъ него. На основаніи конституціи шведской и норвежской и на основаніи Riksact'а король признавался единственнымъ представителемъ соединенныхъ государствъ въ сношеніяхъ ихъ съ другими державами, хотя въ тоже время признавалось, что какъ Швеція, такъ и Норвегія самостоятельные субъекты права по отношенію къ другимъ державамъ.

Король могъ заключать съ другими державами трактаты, касающіеся только Швеціи, или только Норвегіи, или обоихъ вмѣстѣ, соблюдая при этомъ порядокъ установленный для утвержденія заключенныхъ трактатовъ народнымъ представительствомъ. Заключеніе трактатовъ, противорѣчащихъ по содержанію своему основнымъ законамъ Швеціи или Норвегіи не допускается ни шведскимъ государственнымъ правомъ, ни норвежскимъ [1]).

---

[1]) Мунхъ-Рэдеръ въ указанной выше статьѣ говоритъ (стр. 756). „Dass sich die Entwerfer des Grundgesetzes Norwegen und Schweden als dem Auslande gegenüber in Beziehung auf diplomatische Angelegenheiten eine Ein heit aus machend gedacht haben ist historisch ziemlich gewiss: aber die auf gesetzliche Begründung eines solchen Verhältnisses abzielenden Grundgesetz veränderungen fielen theils aus Mangelan Überblick, theils wegen unvollkommener Kenntniss der schwedischen Verfassung so mangelhaft und unzweck mässig aus, dass nicht nur alle ministerielle Verantwortlichkeit verlorenging, sondern auch zugleich eine gemeinschaftliche Leitung beinahe uumöglich wurde. So wurde z. B. die Bestimmung, dass Norwegens Gesandte, so wie die, dass insgemein die norwegischen Beamten Norweger sein sollen, nicht ausgestrichen, woraus folgt, dass schwedische Männer nicht mit Recht dazû ernannt werden können; und der Gedanke, den man eigentlich hegte, dass diplomatische Sachen in einem gemeinschaftlichen norvegisch-schwedischen Staatsrathe abgemacht werden sollten, war unausführbar, weil die schwedischen Angelegenheiten dieser Art nach der schwedischen Staatsverfassung ausser dem Staatsrathe abgemacht werden. Unter diesen Umständen darf man sich nicht wundern, dass nicht einmal der Versuch gemacht worden ist, die wenigen und unzusammenhängenden Bestimmungen des Grundgesetzes in Ausführung zu bringen. Sowerden also gar keine norwegischen diplomatischen Beamten ernannt, son dern Schweden hat die ganze Leitung der ausländischen Angelegenheiten übernommen uod erhält dafür jährlich einerunde Summe. Diese ist zwar nicht durch einen Contract zvischen beiden Nationen ein für allemal bestimmt, doch bewilligen die Storthinge in der letzten Zeit 40000 Speciesthaler jährlich, dasjenige, was Schweden zur Aufrechterhal-

Что касается регулированія взаимныхъ правовыхъ отношеній между Швеціей и Норвегіей, что таковое совершает-

tung des Friedens mit Marocco bezahlt wird, ungerechnet, eine Summe, welche im Verhältniss zu dem, was Schweden selbst beiträgt, durchaus nicht unbedeutend ist. Dieses Geld wird aufs Gerathewohl gegeben, und es ist nicht einmal, um die Norweger zû versichern, dass wirklich so viel gefordert wird, irgend Rechenschaft daräber abgelegt worden, was doch schon 1828 versprochen wurde. Gegenschlechte Leitung der auswärtigen Angelegeuheiten haben die Norweger also kein anderes Mittel, als die gewöhnliche Bewilligung zu verweigern, so wie sie allerdings den Trost haben, dass es der Schweden eigene Sache ist, die Verluste zû leiden, welche Verschwendung und Nachlässigkeit in diesem Verwaltungszweige veranlassen dûrften. Zwar ist in späterer Zeit dem norwegischen Staatsminister der Zûgang geôffnet worden, in den Norwegen betreffenden Angelegenheiten seine Ansicht erkennen zu geben und das Gutachten der in Norwegen befindlichen Regierung wird eingeholt, ehe Verträge in beider Reiche Namen abgeschlossen werden; aber darum hört die Eirichtung doch nicht auf, eine im hohen Grade missliche zu sein und muss als provisorisch betrachtet werden, bis die Verhâltnisse mit Schweden auf eine vollständigere Weise geordnet werden können, als bis jetzt der Fall gewessen. Dieser Zustaad hat indessen das Bestreben die Verbindung als eine intimere darzustellen, als dieselbe wirklich ist, begûnstigt.

So wie man sogar in Norwegen und Schweden selbst den Satz aufzustellen gesucht hat, dass wenn auch die Regierungen zwei seien, die Monarchie sebst doch eine einzige und die Krone nur eine sei, so hat man in Verhandlungen und Conventionen mit fremden Mâchten sich geradezû ausgedrücht, als ob Norwegen und Schweden einen Gemeinstaat unter einer gemeinschaftlichen Regierung ausmachten.

Diese Ausdrûcke wûrden nach Aüsserungen im Storthing dem betheiligten Minister wahrscheinlich eine Anklage vor dem Reichsgerichte zugezogen haben, wenn sich die constitutionelle Verantwortlichkeit so weit erstreckt hätte. Und dieses hätte durchaus nicht sonderbar erscheinen können; denn waren jene Ausdrücke auch nicht constant, so sind sie doch so häufig vorgekommen, dass die Vorstellung des übrigen Europas über das richtige Verhältniss dadurch verwirt werden musste. Dazû haben auch einzelne schwedische Geographien, so wie mehrere schwedische Zeitungen und schwedische Correspondenten in deutschen Blättern durch unrichtige Darstellung und nicht selten durch grobe Verfälschungen der Wahrheit beigetragen, indem sie Norwegen als einen Theil der schwedischen Monarchie augaben und von Norwegens Angelegeuheiten sprachen, als ob sie schwedische wären. Unter solchen Umständen darf man sich wahrhaftig nicht wundern, wenn deutsche und französische Schriftsteller so haüfig das Schwedische und Norwegische mit einander verwechseln und reisende Norweger es sich besonders oft gefallen lassen müssen, mit der unrichtigen und für ihr geweihtes Nationalgefühl kränkenden Benennung „Schweden“ bezeichnet zu werden. Man kann kaum sagen, dass Norwegen bis jetzt von irgend einer europäi-

ся двоякимъ путемъ, смотря потому входитъ ли данный вопросъ въ сферу права экономическаго законодательства короля (въ Швецiи) или въ сферу его права издавать провизорные экономическiе законы (въ Норвегiи)—или нѣтъ. Всѣ отношенiя перваго рода (напр. вопросъ объ организацiи почтовыхъ и телеграфныхъ сношенiй) регулируются королевскими ордонансами (Resolutioner), которые имъ же могутъ быть отмѣнены. Но и здѣсь отражается неравность королевскихъ прерогативъ въ Швецiи и Норвегiи. Шведскiй ригсдагъ не имѣетъ права вторгаться въ сферу права экономическаго законодательства, предоставленную королю; норвежскiй стортингъ напротивъ можетъ отмѣнить своей властью провязорные экономическiе законы, данные королемъ Если же данное правовое отношенiе не можетъ быть регулировано королемъ въ силу его прерогативы, то требуется изданiе двухъ формальныхъ законовъ, одного Стортингомъ, другаго риксдагомъ, причемъ обыкновенно въ теченiе перiода 1815—1890 г.г. къ закону, изданному напр. ригсдагомъ по соглашенiю съ королемъ. присоединялось условiе, гласившее, что онъ будетъ въ силѣ, пока не будетъ отмѣненъ соотвѣтствующiй ему

---

schen Macht auf öffentliche und officielle Art als selbststandiger Staat anerkannt worden sei; man möchte beinache glauben, dass der Kieler Vertrag noch jetzt in den Augen vonganz Europa als Grundlage für Norwegens öffentliches Recht angesehen werde, hätte nicht König Karl Johan im j. 1836 in einer Rede im Storthinge erklärt: „jetzt steht die Selbstständigkeit beider Nationen unangetastet" (unantastbar) fest: „sie bildet jetzt einen Theil von Europasöffentlichem Rechte" Es mussalso, wenn auch die Frage über das „Wann„? und „Wie"? sich schwer beantworten lässt, augenommen werden, was auch einzelne Handlungen der norwegischen Königsmacht in der letzten Zeit bestärkt zû haben scheinen, dass Norwegen jetzt nicht långer nur dem ausdrücklichen und von Schweden anerkannten Anspruche seines Grundgesetzes zufolge, sondern auch nach dem allgemeinen internationalen Rechtsysteme ein selbstständeger und mit Schweden in jeder Hinsicht gleichberechtegter Staat ist, und es bleibt jetzt nur noch zû wünschen übrig, dass die Sache bekannter werden möge, als sie es bis jetzt selbst in dem hochaufgekläten Deutschland zu sein scheint und dass das richtige Verhâltniss in der Berührung mit dem Auslande anschaulich gemacht werde".

норвежскій законъ. Такимъ путемъ были изданы напр. т. н. Mellanrikslagerna, законы о регулированіи торговыхъ сношеній шведовъ съ норвежцами, законъ о монетной системѣ 1875 г. и др.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ соблюдался принципъ равноправности двухъ государствъ, и поэтому они не служили поводомъ къ спору и неудовольствію, но вопросъ объ организаціи дипломатическихъ сношеній и консульствъ, какъ уже замѣчено было выше, былъ яблокомъ раздора между „народами-братьми“.

Я нарочно привелъ въ примѣчаніи in extenso мнѣніе Мунхъ-Рэдера, одного изъ умѣреннѣйшихъ представителей государственныхъ наукъ въ Норвегіи, работавшаго въ сравнительно мирную эпоху Карла XIV и Оскара I. Онъ считаетъ отсутствіе отдѣльнаго министерства иностранныхъ дѣлъ въ Норвегіи и отдѣльныхъ норвежскихъ консуловъ крайнимъ неудобствомъ и даже нарушеніемъ принципа равноправности.

Такъ какъ лозунгомъ стортинга нашего времени является требованіе самостоятельнаго министерства иностранныхъ дѣлъ, или по крайней мѣрѣ, организаціи общаго шведско-норвежскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и назначеніе спеціальныхъ норвежскихъ консуловъ, то намъ нужно болѣе подробно остановиться на этомъ вопросѣ.

Обратимся прежде всего къ мнѣнію норвежскихъ писателей. Нужно припомнить, что авторитетнѣйшій изъ государствовѣдовъ Норвегіи, профессоръ Ашехугъ, не относится враждебно къ установившемуся порядку вещей. Я приведу его изложеніе упомянутаго устройства, помѣщенное въ его „Staatsrecht der vereinigten Königreiche Schweden und Norwegen“ въ „Handbuch“ Марквардсена IV, 2, стр. 20—21; § 11.

„Соединенныя государства имѣютъ общихъ посланниковъ и консуловъ при иностранныхъ дворахъ.

Строго говоря постановленій на этотъ счетъ въ т. н.

госуд. актѣ нѣтъ (онъ даже ничего не говоритъ о посланникахъ), но общность дипломатическаго представительства есть выводъ изъ существа уніи *и была предположена при выработкѣ основнаго закона* (Норвегіи) по случаю установленія уніи. Посланники—должностныя лица, которыя общи обоимъ государствамъ. На постъ посланника могутъ быть назначаемы какъ шведы, такъ и норвежцы. Вытекаетъ ли изъ факта уніи общность консуловъ—это сомнительнѣе. Но эта общность была фактически установлена въ моментъ изданія Riksact'a и такъ это дѣло осталось безъ измѣненія. На постъ консуловъ могутъ быть назначены не только шведы и норвежцы, но и иностранцы. (Основный законъ Норвегіи § 92). Въ отношеніи консуловъ дѣйствуетъ инструкція 20 апрѣля 1858 и норвежскій законъ 15 іюня 1878 г. Но съ другой стороны государства не имѣютъ общаго министра иностранныхъ дѣлъ и тѣмъ менѣе общій правительственный департаментъ для дипломатическихъ дѣлъ.

Норвежскій основной законъ 17 мая (1814 г.) § 30 изъялъ дипломатическія дѣла изъ обсужденія въ государственномъ совѣтѣ и содержалъ въ § 33 предписаніе, согласно которому для дѣлъ этого рода долженъ былъ быть назначенъ особый министръ, который долженъ былъ докладывать королю внѣ государственнаго совѣта. Этотъ § былъ выпущенъ при пересмотрѣ норвежскаго основнаго закона, причемъ руководились мыслью, что въ будущемъ докладчикомъ предъ королемъ подѣламъ внѣшнихъ сношеній будетъ шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ; ср. § 7 Riksact'a. Этотъ § прямо предписываетъ такой порядокъ дѣлопроизводства на тотъ случай, если государствомъ правитъ временное правленіе. Такимъ образомъ министръ иностранныхъ дѣлъ является исключительно шведскимъ должностнымъ лицомъ, а министерство иностранныхъ дѣлъ исключительно шведскимъ учрежденіемъ. Въ моментъ составленія шведской формы правле-

нія господствовало воззрѣніе, что своеобразная природа дипломатическихъ дѣлъ является непреодолимымъ препятствіемъ обсужденію ихъ въ государственномъ совѣтѣ.

§§ 11 и 12 шведской формы правленія по этому постановили, что король имѣетъ право вести т. н. министерскія (т. е. дипломатическія) дѣла такимъ порядкомъ, который онъ считаетъ наилучшимъ, но эти дѣла должны быть ему доложены министромъ иностранныхъ дѣлъ въ присутствіи другого члена госуд. совѣта Швеціи, причемъ долженъ быть веденъ протоколъ для внесенія въ него совѣтовъ и мнѣній совѣтниковъ Въ 1885 г, §§ 11 и 12 были измѣнены въ томъ смыслѣ, что впередь при обсужденіи дипломатическихъ вопросовъ, касающихся Швеціи, должны присутствовать 3 члена шведскаго государственнаго совѣта, въ томъ числѣ министръ иностранныхъ дѣлъ и министръ президентъ. Такое совѣщаніе обыкновенно называется министерскимъ государственнымъ совѣтомъ.

Послѣ соединенія двухъ государствъ т. н дипломатическія дѣла рѣшались и далѣе въ томъ же порядкѣ и не только тогда, когда они касались обоихъ государствъ, но обыкновенно и тогда, когда они касались только Норвегіи, но съ тѣмъ различіемъ, что въ послѣднемъ случаѣ кромѣ шведскаго министра иностранныхъ дѣлъ не присутствовалъ никто изъ другихъ членовъ государственнаго совѣта Швеціи.

По предложенію норвежскаго правительства послѣдовала королевская резолюція 13 апрѣля 1835 года, въ силу которой норвежскій т. н. госуд. министръ, или въ случаѣ если онъ лишенъ возможности присутствовать, то другой членъ норвежскаго госуд. совѣта всегда должны присутствовать, разъ шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ докладываетъ дипломатическія дѣла", касающіяся обоихъ государствъ или только одной Норвегіи.

Вслѣдствіе произведеннаго въ 1883 г. пересмотра §§ 11 и 12 шведской формы правленія, король повелѣлъ выработать проектъ новыхъ постановленій относительно производства „дипломатическихъ дѣлъ“ для внесенія ихъ въ норвежскій основный законъ и въ „Riksact“. Но министерства шведское и норвежское не могли придти къ соглашенію относительно проэкта такого закона и мѣропріятіе это должно было быть отложено до будущаго времени.

Къ „дипломатическимъ дѣламъ“ причисляютъ переговоры относительно заключенія трактатовъ съ другими державами, заключеніе таковыхъ договоровъ, назначеніе и отозваніе посланниковъ и расходованіе средствъ, вотированныхъ на содержаніе дипломатическаго корпуса (но не консульствъ). Что же касается мирныхъ трактатовъ, а также и рѣшеній объ объявленіи войны, то таковые акты должны быть обсуждаемы въ общемъ засѣданіи госуд. совѣта. (Шведская форма пр. § 13)

Если резолюція короля по вопросу, касающемуся отношенія государствъ къ иностранной власти, имѣетъ одновременно рѣшающее значеніе въ дѣлахъ внутренняго управленія, которыя должны быть обсуждаемы въ государственномъ совѣтѣ, то слѣдуетъ выслушать мнѣніе послѣдняго. Понятно само по себѣ, что король всегда можетъ по своему усмотрѣнію перенести „дѣло дипломатическое“ въ государственный совѣтъ. Такъ и поступаютъ иногда, но далеко не всегда, даже не въ отношеніи важныхъ дѣлъ.

Что касается дипломатическихъ дѣлъ, которыя вообще имѣютъ отношеніе къ Швеціи, то король имѣетъ право дѣлать сообщенія иностраннымъ властямъ или своимъ собственнымъ посланникамъ за границей только черезъ министра иностранныхъ дѣлъ. На то есть спеціальное предписаніе въ § 11 Шведской ф. правл.

Въ расходахъ шведскаго мин. иностр. дѣлъ, какъ и во-

обще въ расходахъ на веденіе дипломатическихъ дѣлъ, Норвегія участвуетъ суммой, размѣръ которой зависитъ отъ усмотрѣнія Стортинга. Доля этого участія до нынѣ всегда сообразовалась съ населенностью государствъ, такъ что Швеція вносила $^{12}/_{17}$ всей суммы расхода, а Норвегія $^{5}/_{17}$.

Въ покрытіи расходовъ на содержаніе консуловъ Норвегія въ виду своего значительнаго судоходства участвуетъ въ болѣе сильной пропорціи"[1]).

---

[1]) Норвежцы жалуются часто на то, что существуетъ рядъ консульствъ, не приносящихъ пользы Норвегіи, но требующихъ все таки расхода съ ея стороны. Далѣе они жалуются часто, что консульскія пошлины слишкомъ высоки, что такъ какъ норвежскій торговый флотъ многочисленнѣе шведскаго, то фактически норвежцы уплачиваютъ болѣе чѣмъ шведы. Въ своей злобѣ норвежцы доходятъ до того, что объявляютъ, что именно въ виду этого шведы и не соглашаются на учрежденіе отдѣльныхъ норвежскихъ консульствъ. Но всѣ эти жалобы вполнѣ неосновательны. По шведскому бюджету ассигнуется на содержаніе консуловъ 160.000 кронъ, по норвежскому 120.000 кронъ, т. е. доля Швеціи въ покрытіи расхода=$^{4}/_{7}$, доля Норвегіи=$^{3}/_{7}$! Консульскія пошлины уплачиваются каждымъ судномъ, заходящимъ въ портъ, гдѣ есть консулъ, такъ что поступленіе ихъ прямо пропорціонально количеству шведскихъ и норвежскихъ судовъ, пользующихся услугами консуловъ. 70% всего количества судовъ соединенныхъ государствъ, заходящихъ въ иностранные порты, принадлежатъ Норвегіи. На основаніи поступленій предыдущихъ лѣтъ на 1894 годъ разсчитано, что отъ норвежскихъ судовъ въ счетъ консульскихъ пошлинъ поступитъ 196.355 кронъ, въ счетъ т. н. экспедиціонныхъ пошлинъ отъ нихъ же 9590 кронъ; этимъ цифрамъ со стороны Швеціи соотвѣтствуютъ слѣдующія: 82.441 и 4160 кронъ.

Сложивъ всѣ эти цифры мы получимъ слѣдующій результатъ: Швеція участвуетъ въ покрытіи расходовъ на содержаніе консульствъ на 246.600 кр., Норвегія на 325.949 кронъ, т. е. Швеція покрываетъ около 43% расхода, Норвегія около 57%.

Принимая во вниманіе, что участіе Норвегіи въ судоходствѣ=70%, на первый взглядъ кажется что Швеція несетъ несправедливо тяжелое бремя. Но нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что обороты шведской внѣшней торговли равняются 673.955.000 кронъ, оборотъ Норвегіи=324.277.000 кр.

Такъ какъ благодаря этому Швеція въ виду преобладающаго значенія своей торговли заинтересована въ консульскихъ учрежденіяхъ на 67%, а Норвегія на 32%, то этимъ уравновѣшивается несправедливо высокое участіе Швеціи въ покрытіи расходовъ на консульства, если принять во вниманіе только соотношеніе шведскаго и норвежскаго судоходства. (Ср. O. Varenius, Konsulatsfrågan, 38—39).

И такъ авторитетнѣйшій изъ представителей науки норвежскаго государственнаго права не считаетъ нарушеніемъ норвежской конституціи и Riksact'а—врученіе веденія дипломатическихъ сношеній уніи шведскому министру иностранныхъ дѣлъ, и несуществованіе спеціальныхъ норвежскихъ консульствъ. Въ 16 § упомянутаго выше сочиненія онъ говоритъ, что хотя въ теченіе 75 лѣтъ истекшихъ со времени заключенія уніи и бывали нѣкоторыя пререканія между Швеціей и Норвегіей, но таковыя пререканія не доходили до открытой вражды „was man nicht zum geringsten Theile der Achtung zu verdanken hat, welche Schweden stetig und nun lange Zeit hindurch ohne Ausnahme oder Schwanken den norwegischen Rechten und Jnteressen erwiesen hat". Но не таково мнѣніе большинства, управляющаго всей политической жизнью Норвегіи; не таково мнѣніе многихъ публицистовъ норвежскихъ, считающихъ Швецію врагомъ норвежскаго народа, препятствіемъ его благополучію, развитію и прочности его свободы! Откуда эта вражда?, какъ она развилась и достигла такихъ размѣровъ, что и теперь, въ 1894 году, надежда на побѣду умѣренной партіи въ борьбѣ около избирательной урны не оправдалась? Чѣмъ оправдываетъ „лѣвая" и ея литературные борцы свои претензіи на полное обособленіе норвежской политики и превращеніе реальной уніи въ унію личную или даже разрывъ уніи?

Для того чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно хотя бы и бѣгло начертать 75 лѣтнюю исторію уніи. Выше уже было замѣчено нами, что антагонизмъ норвежцевъ и шведовъ имѣетъ своимъ основаніемъ различие соціальнаго строя состоящихъ въ уніи государствъ. Политики начала 19 столѣтія мало или совсѣмъ не обращали вниманія на соціальную подкладку политическаго строя. Вліяніе общества на государство, роль общественныхъ классовъ и ихъ борьба другъ противъ друга, если и чувствовалась, то только ин-

стинктивно, а не настолько сознательно и ясно, чтобы это чувство и сознаніе находили себѣ отчетливое выраженіе въ политическихъ мѣропріятіяхъ. Да и въ теченіе всей первой половины нашего столѣтія рѣдко, очень рѣдко, въ скандинавской политической литерѣтурѣ прокладывало себѣ путь сознаніе о взаимодѣйствіи измѣненій въ соціальномъ строѣ и развитія политическихъ институтовъ.

Между тѣмъ различное развитіе политическаго строя Швеціи и Норвегіи только и объяснимо различнымъ сочетаніемъ элементовъ ихъ соціальнаго строя. Унія соединила подъ главенствомъ одного короля два народа, государственное устройство которыхъ основано на враждебныхъ другъ другу началахъ. Разрывъ съ прошлымъ и основаніе всего политическаго строя на принципѣ народнаго суверенитета— вотъ что мы видимъ въ Норвегіи;—уваженіе предъ преданіями старины, тщательное сохраненіе (насколько возможно) унаслѣдованныхъ отъ предковъ институтовъ, сохраненіе прежде всего сильной, самостоятельной королевской власти—вотъ основныя начала шведскаго государственнаго права.

Реформы 50 и 60 гг. значительно измѣнили физіономію шведскаго гостударственнаго быта, но въ теченіе первой половины 19 столѣтія можно было сказать, что горный хребетъ Кьеленъ раздѣлялъ два совершенно различныхъ политическихъ міра. Въ Норвегіи политическая жизнь 19 столѣтія, абсолютное равенство гражданъ, полная экономическая свобода. Въ Швеціи цѣпи полицейскаго государства, раздробленіе народа на 4 сословія, крѣпко держащіяся остатковъ своихъ привиллегій. Въ Швеціи—принципъ король одинъ управляетъ государствомъ; въ Норвегіи—veto suspensivum; въ Швеціи сословный сеймъ съ вліятельной рыцарской куріей, въ Норвегіи безсословный стортингъ и общество, добровольно уничтожившее дворянство и всякіе аристократическіе эмблемы и привиллегіи, въ Швеціи полная фор-

мализма администрація, въ Норвегіи почти неограниченное самоуправленіе пространственно разъединенныхъ общинъ. Несомнѣнно: 50 и 60 годы были эпохою демократизаціи Швеціи, уравненія сословныхъ различій, но за то выступила еще сильнѣе дисгармонія экономическихъ интересовъ. Природа указала Швеціи путь къ развитію самостоятельнаго сельскаго хозяйства. самостоятельной промышленности, добывающей и обработывающей, природа дала Норвегіи много естественныхъ гаваней, богатыя рыбныя ловли, но дала ей мало земли, способной къ земледѣльческой культурѣ, поставила ея экономическое будущее въ зависимость отъ развитія торговли и судоходства. Различіе въ факторахъ экономическаго развитія обусловливаетъ собою различіе въ развитіи соціальныхъ классовъ, различіе въ распредѣленіи экономической силы между этими классами обусловливаетъ собою различіе въ ихъ политической силѣ и вліяніи. Равномѣрнаго распредѣленія политической силы между всѣми классами не замѣтно ни въ одномъ государствѣ; всюду одинъ классъ играетъ первенствующую роль и каждое государство управляется какой либо „аристократіей", посредственно или непосредственно. Природа, корень, характеръ этой аристократіи различны; ея происхожденіе, ея характеръ обусловливаютъ собою и тенденцію ея политики и цѣли ея стремленій.

Господствующій классъ въ Швеціи состоитъ изъ среднихъ и мелкихъ земледѣльцевъ. Классъ чиновниковъ, родовая аристократія, крупные и средніе промышленники, торговцы, рентьеры едва въ состояніи конкурировать съ вліяніемъ аграріевъ, но тѣмъ не менѣе разнообразіе соціальныхъ элементовъ служитъ въ Швеціи тормазомъ безграничнаго господства одного класса.

Въ Норвегіи съ начала нашего столѣтія развилась быстро денежная аристократія, состоящая изъ крупныхъ судохозяевъ, торговцевъ, промышленниковъ. Классъ землевла-

дѣльцевъ, въ средѣ которыхъ мало богатыхъ, разсѣянный по громадному пространству, разъединенный громадными разстояніями, не смотря на численное свое преобладаніе—не былъ въ состояніи (по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени) удачно конкурировать съ концентрированной въ городахъ денежной аристократіей. Уже при созданіи Эйдсволдской конституціи чувствовалось это преобладающее вліяніе „купеческой аристократіи“ (по выраженію Л. Гверта). Система народнаго представительства, созданная въ 1814 году и сохранившаяся до 80 годовъ, была основана на господствѣ состоятельныхъ классовъ. Представители городскаго населенія, не смотря на то, что городское населеніе составляло ничтожный % всего народонаселенія, занимали 1/3 всѣхъ депутатскихъ мѣстъ. Не трудно было этой сплоченной „аристократіи“ повліять на выборы остальныхъ 2/3 депутатовъ. Законъ 1884 г. расширилъ право участія въ избраніи депутатовъ, но въ то же время возросло и вліяніе и сила промышленно-торговой аристократіи и т. н. „интеллигенціи“. Народное представительство по своему составу просто, но это однообразіе состава обусловливаетъ его силу. Не имѣя противовѣса въ палатѣ перовъ или палатѣ, члены которой избраны по системѣ, основанной на болѣе высокомъ цензѣ или дающей доступъ консервативному элементу въ обществѣ, стортингъ—выразитель демократическихъ стремленій партіи—побѣдительницы. „Онъ представляетъ собою англійскую палату коммонеровъ безъ палаты перовъ; американскую палату представителей безъ сената“ (Гверта). Нельзя же надѣяться на то, что Lagthing, члены котораго избраны изъ среды членовъ стортинга—будетъ осуществлять дѣйствительный контроль надъ дѣятельностью odelsting'а.

Хотя норвежскій основной законъ во многихъ статьяхъ, касающихся организаціи исполнительной власти, дословно повторяетъ постановленія шведской формы нравленія, тѣмъ

не менѣе его основныя тенденціи совершенно другія. Онъ имѣетъ тенденцію создать анархію классной борьбы, которая была бичемъ Швеціи въ т. н. періодъ свободы; шведская же конституція стремится уравновѣсить власть королевскую—властью народной. Шведскій риксдагъ не имѣетъ права вторгаться въ детали управленія, между тѣмъ такое вторженіе допускается § 75 норрежскаго основнаго закона (пунктъ h этой статьи даетъ стортингу право требовать отъ каждаго должностнаго лица отчета въ его дѣйствіяхъ!). Шведская конституція не допускаетъ изданія закона безъ согласія короля, а тѣмъ менѣе изданія закона противъ воли его и отъ его имени. § 79 основнаго закона Норвегіи даетъ Стортингу таковое право. Шведская конституція не даетъ риксдагу права судить членовъ госуд. совѣта; § 87 овновнаго закона Норвегіи даетъ стортингу право предавать суду министровъ въ силу постановленія Odelsting'a и судить ихъ въ т. н. госуд. судѣ, состоящемъ изъ членовъ Lagting'a и высшаго обыкновеннаго суда.

И такъ фактически стортингъ является всемогущимъ распорядителемъ судебъ Норвегіи; исполнительная власть слуга законодательнаго собранія, а судебная можетъ превратиться по его желанію въ орудіе политики одной парламентской партіи[1]).

---

[1]) Событія 1880—1884 гг. служатъ тому прекрасной иллюстраціей. Нужно замѣтить, что въ госуд. судѣ Норвегіи обвинитель можетъ быть судьей! А именно, послѣ долгихъ споровъ стортингъ постановилъ, что членъ лагтинга и тогда можетъ быть членомъ государственнаго суда, если онъ въ качествѣ члена стортинга принялъ участіе въ изданіи постановленія, несанкціонированіе котораго дало поводъ къ возбужденію судебнаго преслѣдованія министровъ. Такимъ образомъ члены стортинга 1880 года, подавшіе голосъ за недопущеніе королевскаго veto при измѣненіяхъ основнаго закона, заняли мѣста въ Lagting'ѣ 1883 г., признаны были способными участвовать въ судоговореніи государственнаго суда по дѣлу объ обвиненіи министровъ, державшихся въ 1880 г. мнѣнія, что король имѣетъ право veto при измѣненіи основнаго закона!!

Нужно замѣтить далѣе, что основной законъ Норвегіи допускаетъ преда-

Знаменитый шведскій историкъ Эрикъ Гейеръ въ рѣчи, произнесенной имъ въ риксдагѣ 29 мая 1829 г. отозвался о норвежской конституціи слѣдующимъ образомъ: „Норвегія, послѣ 300 лѣтняго застоя въ самостоятельномъ теченіи своей исторіи, послѣ 300 лѣтней зависимости, должна была при созданіи своей конституціи (которая имѣла цѣлью регулировать управленіе страны датскимъ принцемъ), принятой впослѣдствіи нашимъ великимъ королемъ, соединившимъ Швецію съ Норвегіей,—найти въ своемъ парламентѣ, въ составъ котораго вошли всѣ тѣ элементы, которые были на лицо въ 1814 г.—опору своей самостоятельности и защитника своей національности. Съ самаго начала сознавалась невозможность, найти самостоятельную главу правительства въ самой странѣ. Поэтому Норвегія присвоила своему парламенту такія чрезвычайно широкія правомочія. Парламентъ пользуется своими правами до нынѣ безъ вреда для государства, отчасти благодаря мудрости короля, отчасти благодаря особенностямъ страны и народа. Король не привыкъ къ политическимъ тонкостямъ (?) и не преклоняется предъ политической интригой. Страна же обширна, раздѣлена природою на мелкія части, и благодаря этому дѣленію—раздробляетъ немногочисленное населеніе на мелкія, разсѣянныя по широкому пространству группы. Въ ней трудно развиться партіямъ и фракціямъ. Но стоитъ только сконцентрироваться населенію (численность котораго равняется численности населенія Парижа), стоитъ только возбудить его политическія страсти и эта

ніе суду министровъ не только за нарушеніе законовъ (обыкновеннаго и основнаго) но и за скрѣпу резолюціи короля, явно вредной государству. Кто рѣшаетъ вопросъ о томъ, вредна ли данная резолюція государству? Стортингъ! Кто избираетъ членовъ суда? Стортингъ! Кто предаетъ министровъ суду? Стортингъ! Это называется въ Норвегіи, въ концѣ 19 ст.—справедливостью!

Со времени bills of attaindre англійскаго парламента противъ Страффорда и Луда и со времени революціоннаго суда во Франціи подп предсѣдательствомъ Fouquier-Tinville'а Европа еще не видѣла такого циническаго нарушенія принциповъ правосудія.

самая конституція, столь полезная при теперешнихъ обстоятельствахъ—доведетъ страну до революціи, если ея постановленія не будутъ примѣнены съ осторожностью и умѣренностью. И сама по себѣ норвежская конституція, приводимая въ настоящее время въ дѣйствіе разумнымъ образомъ—имѣетъ много недостатковъ, которые въ будущемъ, даже безъ всякихъ чужихъ вліяній, станутъ замѣтными. Только мудрость политическая и нравственность въ состояніи сдѣлать эти недостатки безвредными".

Неравенство положенія королевскаго правительства въ Норвегіи и Швеціи съ самаго начала было причиной постоянныхъ столкновеній съ строптивымъ стортингомъ, который во всякомъ почти дѣйствіи короля подозрѣвалъ попытку нарушить принципъ равноправности скандинавскихъ государствъ, а во всякой попыткѣ расширить самостоятельность королевской власти усматривалъ продѣлку властолюбивыхъ шведовъ, сремящихся къ гегемоніи на сѣверѣ. Шведское правительство ясно сознавало, что безсиліе короля въ Норвегіи и всемогущество стортинга не могутъ не поколебать уніи, и во всякомъ случаѣ не содѣйствуютъ ея упроченію. Поэтому оно неоднократно побуждало короля предлагать стортингу пересмотръ какъ норвежской конституціи, такъ и Riksact'a, съ цѣлью расширить прерогативы короля въ Норвегіи и болѣе точно опредѣлить положеніе государствъ въ уніи.

Главною цѣлью этихъ попытокъ уравненія было превращеніе veto suspensivum въ veto абсолютное. Уже семь лѣтъ послѣ заключенія уніи, въ 1821 г., произошло первое столкновеніе короля съ стортингомъ. Стортинги 1815 и 1818 гг. рѣшили упразднить окончательно всѣ дворянскія привиллегіи. Король отказалъ два раза въ санкціи. Въ 1821 г. Стортингъ принялъ въ третій разъ законъ объ уничтоженіи дворянскихъ привиллегій. Король отказалъ въ санкціи въ третій разъ,—но на основаніи ст 79 основнаго закона Норвегіи постанов-

леніе стортинга вступило въ законную силу противъ воли короля. Въ стортингъ 1824 г. были внесены предложенія короля о превращеніи veto suspensivum въ абсолютное veto, объ учрежденіи новаго дворянства (безъ политическихъ привилегій), объ измѣненіи организаціи государственнаго суда, о срокѣ пребыванія вице-короля въ Норвегіи, но Стортингъ большинствомъ голосовъ отвергнулъ всѣ эти предложенія. Три раза еще (въ 1827, 1830, 1832) такія же предложенія были внесены въ Стортингъ, но всякій разъ безуспѣшно. Король съ своей стороны старался воспрепятствовать всякому расширенію правомочій стортинга и настаивалъ на томъ, чтобы по крайней мѣрѣ ему было дано право абсолютнаго veto при внесеніи измѣненій въ основной законъ.

Хотя въ норвежской литературѣ до 50-хъ годовъ проводилось и защищалось мнѣніе, что санкція короля при внесеніи измѣненій въ основной законъ не необходима, тѣмъ не менѣе стортингъ на этотъ разъ согласился съ мнѣніемъ короля и въ адресѣ своемъ заявилъ, что абсолютное veto короля при измѣненіи основнаго закона „по природѣ вещей“ принадлежитъ королю. Этого же мнѣнія держалось большинство въ стортингѣ и въ 1851, 1854, 1857, 1873 гг. Только въ 1877 г. замѣтно отступленіе стортинга отъ своего мнѣнія и въ 1880 г. большинство парламентаріевъ рѣшило, что право абсолютнаго veto не принадлежитъ королю вовсе въ отношеніи измѣненій основнаго закона, а если, то только veto suspensivum.

Но это мнѣніе не выдерживаетъ критики. Договорный характеръ безусловно присущъ конституціи Норвегіи и только одно абсолютное veto въ состояніи служить средствомъ охраны правъ короля, установленныхъ въ договорѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ даровать гарантію прочности уніи двухъ государствъ, соединенныхъ подъ его скипетромъ (Рюдинъ). Въ 1881 г. юридическій факультетъ университета Христіанія

далъ свое заключеніе именно въ этомъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе министры, согласившіеся съ мнѣніемъ короля въ этомъ дѣлѣ, были преданы суду, а высшій госуд. судъ въ 1884 г. приговорилъ ихъ къ отрѣшенію отъ должности!

Въ 1833 г. начался споръ о томъ, слѣдуетъ ли допустить членовъ государственнаго совѣта, т. е. министровъ, въ засѣданіе стортинга и дать имъ право быть избранными въ депутаты Стортинга. Правительство и консервативная партія до 60 годовъ требовали допущенія министровъ въ стортингъ. Оппозиція, либеральная партія, получавшая мало по малу радикальную окраску, никакъ не соглашалась на измѣненіе § 62, лишающаго министровъ этого права. Но въ 1860 гг. либералы, со своимъ вожакомъ, Свердрупомъ во главѣ, вдругъ потребовали допущенія министровъ въ стортингъ, къ великому изумленію всѣхъ норвежцевъ. Этотъ поворотъ въ мнѣніяхъ объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ теченіе первыхъ десятилѣтій со времени изданія конституціи 1814 г. въ стортингѣ господствовала партія, вышедшая изъ рядовъ чиновниковъ. Депутаты изъ среды крестьянъ были немногочисленны и заботились только о узко сословныхъ своихъ интересахъ. Но съ 1851 г. крестьяне подчинились вліянію образовавшейся радикальной партіи, стремящейся если не къ республикѣ, то по крайней мѣрѣ къ установленію парламентарнаго образа правленія,

Соединеніе крестьянъ съ радикалами объясняется ихъ общею ненавистью къ бюрократіи, но между тѣмъ какъ крестьяне смотрѣли на конституцію 1819 г. какъ на святыню и всякое измѣненіе ея считали святотатствомъ, радикалы желали именно такого измѣненія, въ смыслѣ окончательной парализаціи королевскаго вліянія. Пока чиновные депутаты и представители городовъ составляли большинство въ стортингѣ, радикалы должны были щадить чувство уваженія крестьянъ къ конституціи. Но партія радикальная

постепенно усиливалась, депутаты-чиновники отступили на задній планъ. Въ тоже время увеличилось число политиковъ доктринеровъ, политиковъ профессіональныхъ, съумѣвшихъ завербовать голоса крестьянскихъ избирателей. Консервативная партія потерпѣла пораженіе за пораженіемъ и усилившаяся оппозиція пришла къ убѣжденію, что дарованіе права избираемости министрамъ и допущеніе ихъ въ стортингъ было бы наилучшимъ средствомъ подчинить все управленіе государствомъ парламентскому большинству. Правительство и консервативная партія въ свою очередь не рѣшались энергично воспротивиться требованію оппозиціи. Ихъ взглядъ на дѣло измѣнился, и допущеніе министровъ въ стортингъ они считали теперь возможнымъ только въ томъ случаѣ, если будетъ дана компенсація: абсолютное veto.

Стортингъ 1872 г. постановилъ измѣнить ст. 62. согласно желанію оппозиціи. Король Карлъ XV отказалъ въ санкціи. Стортингъ отвѣтилъ выраженіемъ недовѣрія министрамъ. Въ 1874 г. правительство короля Оскара II внесло въ стортингъ предложеніе, въ которомъ оно изъявило свое согласіе на допущеніе министровъ въ стортингъ, подъ условіемъ даровать королю право роспуска стортинга и назначенія новыхъ выборовъ, права, не даннаго конституціей 1814 г. Стортингъ не согласился, но повторилъ въ 1874, 1877 и 1880 гг. постановленіе отвергнутое въ 1872 г. королемъ. Опять король отказалъ въ санкціи.

Тогда предводитель радикальной партіи, Свердрупъ, предложилъ стортингу объявить, что его постановленіе должно считаться кореннымъ закономъ Норвегіи и должно быть безусловно публиковано правительствомъ, даже безъ королевской санкціи. Король снова противопоставилъ свое veto, въ силу своего права не соглашаться на измѣненіе основнаго закона.

Споръ о допущеніи министровъ въ стортингъ слился та-

кимъ образомъ съ споромъ о veto короля по отношенію къ измѣненію основнаго закона. Результатъ спора указанъ выше: преданіе министровъ суду и отрѣшеніе ихъ отъ должности.

Всѣ эти отказы въ санкціи и притязанія короля на расширеніе его прерогативы считались большинствомъ стортинга выраженіемъ желанія подчинить Норвегію вліянію шведскому и вызвали съ его стороны стремленіе еще болѣе разъединить государство, еще сильнѣе обособить Норвегію.

Уже въ 1838 г. стортингъ потребовалъ учрежденія особыхъ норвежскихъ дипломатическихъ миссій, особыхъ норвежскихъ консульствъ, даровать Норвегіи, „чистый флагъ“ (т. е. безъ знака уніи). Король отказалъ въ своемъ согласіи. Въ 1837 г. стортингъ приподнесъ королю адресъ, въ которомъ онъ затронулъ вопросъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій акта объ уніи, а именно вопросъ о флагѣ, о гербѣ, о печати, о титулѣ короля, и заявилъ, что способъ веденія дипломатическихъ сношеній не представляетъ гарантій соблюденія норвежскихъ интересовъ. Послѣдствіемъ этихъ заявленій стортинга было учрежденіе особаго комитета для обсужденія этихъ вопросовъ. Шведское правительство со своей стороны заявило, что необходимо въ точности опредѣлить участіе каждаго изъ государствъ въ покрытіи расходовъ на содержаніе дипломатическаго корпуса и на военную защиту скандинавскаго полуострова. Комитетъ занимался этимъ дѣломъ пять лѣтъ: 1839—1844 гг., но результаты его работъ были довольно безплодны. Воцарившійся въ 1844 г. король Оскаръ I согласился исполнить желаніе Норвежцевъ, чтобы и внѣшнія знаки уніи: гербъ, флагъ, печать выражали равноправность обоихъ государствъ. Гербовый щитъ былъ раздѣленъ на двѣ равныя половины вмѣсто прежнихъ 3 частей (гербы Гэта, Свея, Норге); Норвегія получила свой собственный торговый флагъ съ знакомъ уніи и свой особенный

орденъ Св. Олафа. Но къ сожалѣнію Оскаръ I не рѣшался настоять на исполненіи желаній шведскаго правительства.

Уступчивость короля не склонила Норвежцевъ къ болѣе умѣренному образу дѣйствій.

Уже съ 1823 г., благодаря агитаціи нѣкоторыхъ защитниковъ полнаго обособленія Норвегіи, народъ началъ праздновать 17 мая: день изданія Эйдсъвольдской конституціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ началась агитація въ пользу упраздненія должности намѣстника.

Намѣстничество, говорили въ Норвегіи, институтъ монархическій и придаетъ Норвегіи характеръ провинціи! Карлъ XIV, замѣтивъ, что норвежцы тяготятся намѣстниками изъ среды шведскихъ сановниковъ, назначалъ на постъ на постъ намѣстника: графа Ведель-Ярлсберга, потомка послѣднихъ представителей древней норвежской аристократіи, а затѣмъ назначилъ сына своего, кронпринца Оскара, вицекоролемъ Норвегіи.

Въ теченіе всего царствованія Оскара I (1844—1859 г.) шведское правительство не возобновляло своихъ прежнихъ предложеній относительно болѣе тѣснаго соединенія государствъ и относилось вполнѣ пассивно къ все сильнѣе выступающему стремленію радикальной партіи измѣнить конституцію Норвегіи въ смыслѣ окончательнаго устраненія воздѣйствія Швеціи на дѣла Норвегіи.

Но въ первый же годъ царствованія Карла XV пререканія между Норвегіей и Швеціей возобновились съ новой силой. Король уже въ теченіе нѣкотораго времени не воспользовался своимъ правомъ назначать намѣстника въ Норвегію, именно вслѣдствіе того, что онъ желалъ щадить самолюбіе Норвежцевъ. Но стортингъ 1859 г. счелъ себя въ правѣ самовольно упразднить должность намѣстника. Шведскій государственный совѣтъ потребовалъ, чтобы вопросъ о санкціи или объ утвержденіи этого постановленія былъ раз-

смотрѣнъ въ т. н. соединенномъ госуд. совѣтѣ. Норвежскій стортингъ не согласился; отказалъ въ удовлетвореніи этого требованія и норвежскій госуд. совѣтъ. Извѣстіе объ этомъ самовольномъ шагѣ стортинга вызвало крайнее неудовольствіе въ шведскомъ риксдагѣ. Куріи риксдага постановили просить короля внести въ риксдагъ и стортингъ предложеніе о новой, болѣе удовлетворительной редакціи Riksact'а, дабы предотвратить могущій произойти разрывъ уніи. Въ тоже время этотъ вопросъ обсуждался въ шведской и норвежской прессѣ, причемъ шведскіе и норвежскіе журналисты обмѣнялись выраженіемъ не очень дружелюбныхъ чувствъ.

Въ своемъ представленіи отъ 2 апрѣля 1860 г. шведскій риксдагъ жаловался на то, что взаимоотношенія обоихъ государствъ, вошедшихъ въ унію, все еще столь неопредѣленны, что всѣ предложенія относительно болѣе точнаго регулированія торговыхъ сношеній Швеціи съ Норвегіей, не смотря на то, что они основаны были на принципѣ полной равномѣрности, отвергнуты стортингомъ, что таковое поведеніе стортинга можетъ быть объяснено не иначе, какъ недоразумѣніемъ или недовѣріемъ со стороны Норвегіи. Можно было ожидать, что наконецъ норвежцы откажутся отъ своихъ ничѣмъ не оправданныхъ предразсудковъ, что они перестанутъ подозрѣвать Шведовъ въ стремленіи установить шведскую гегемонію на сѣверѣ. Но, увы, эти ожиданія не оправдались, и вслѣдствіе этого до нынѣ еще не выработанъ планъ военной защиты Скандинавіи, до нынѣ сохранились тѣ постановленія норвежскаго основнаго закона, стѣсняющія до крайности права короля распоряжаться военными силами Норвегіи. Все это ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что существо и задача уніи совершенно различно понимаются въ Норвегіи и въ Швеціи. Между тѣмъ какъ Швеція стремится объединить военныя силы обоихъ государствъ, облегчить торговыя сношенія норвежцевъ и шведовъ, сохраняя въ тоже

время самостоятельность и свободу каждаго государства, ради общаго блага,—въ Норвегіи все яснѣе проявляется стремленіе упразднить реальную унію и ограничить связь между обоими государствами общностью монарха. Въ концѣ своего адреса риксдагъ выразилъ желаніе: измѣнить способы избранія короля, наслѣдника престола и опекуновъ, учрежденія временнаго правленія и измѣнить его компетенцію, расширить права короля распоряжаться флотомъ и арміей уніи, составить общій планъ военной защиты, выработать проектъ обоюдныхъ взносовъ на защиту государствъ и наконецъ: создать общее представительство для обсужденія дѣлъ уніи.

Стортингъ съ другой стороны въ адресѣ 23 апрѣля 1860 г. заявилъ, что ревизія постановленій объ уніи только тогда можетъ имѣть мѣсто, если въ качествѣ основныхъ принциповъ будутъ признаны слѣдующіе: полная равноправность Швеціи и Норвегіи, полная свобода самоопредѣленія во всѣхъ отношеніяхъ, не объявленныхъ дѣлами уніи. Не отрицая возможности измѣненія того или другаго отдѣльнаго постановленія, стортингъ все-таки считаетъ полезнымъ отложить пересмотръ Riksact'а до болѣе удобнаго времени, именно въ виду того, что господствующее въ Швеціи воззрѣніе о характерѣ уніи является весьма опаснымъ.

Представленіе шведскаго риксдага и адресъ стортинга обсуждались въ „соединенномъ государственномъ совѣтѣ", но эти обсужденія не привели къ положительнымъ результатамъ. Совѣтъ рѣшилъ отложить пересмотръ Riksact'а до болѣе удобнаго времени.

Въ 1862 г. собрался новый стортингъ въ Норвегіи и на этотъ разъ менѣе враждебный уніи. Онъ даже отвергнулъ внесенное вновь радикалами предложеніе упразднить должность намѣстника. Съ 1862 г. отношенія Швеціи и Норвегіи стали болѣе дружелюбными и 4 ноября 1864 года праздновалось пятидесятилѣтіе учрежденія уніи въ полномъ

мирѣ и согласіи. Всюду высказывались надежды, что время подозрѣній, недоразумѣній, споровъ и пререканій прошло на всегда. Въ 1865 г. былъ учрежденъ новый комитетъ для выработки проекта новаго Riksact'a Но вопреки ожиданіямъ онтимистовъ стортингъ 1871 г. отвергнулъ его. Ясно было, что спокойная эпоха 1860 гг. была только перемиріемъ.

Въ 1872 г. на престолъ соединенныхъ государствъ вступилъ Оскаръ II. Просвѣщенный монархъ, поэтъ, ученый, отважный морякъ, простой въ обращеніи, избралъ девизомъ своего герба слова: „brôdrafolkernas väl" (благо народовъ-братьевъ), но на него долю выпала тяжкая участь, не смотря на миролюбіе, на твердую рѣшимость щадить на сколько возможно щепетильность норвежцевъ, находиться въ безпрерывныхъ пререканіяхъ съ стортингомъ.

Въ 1873 г. стортингъ настоялъ на упраздненіи должности намѣстника, въ тоже время началась ожесточенная борьба по вопросамъ о допущеніи министровъ въ стортингъ съ правомъ голоса и съ правомъ быть избранными въ депутаты и по вопросу о предѣлахъ королевскаго veto. (Этого вопроса мы коснулись выше). Этотъ доголѣтній споръ правительства съ стортингомъ былъ желанной пищей для радикальной партіи. Она завербовала въ свои ряды избирателей въ мелкихъ городахъ, литератовъ, сельскихъ пасторовъ, съумѣвшихъ въ свою очередь подчинить своему вліянію крестьянъ-земледѣльцевъ. Шведскимъ честолюбіемъ, стремленіемъ шведовъ къ гегемоніи, къ порабощенію свободныхъ норвежцевъ пугали гордящихся своей патріархальной простотой и древней свободой норманновъ. Швеція, твердятъ радикалы, желаетъ играть вліятельную роль въ политикѣ, на то ей нужны армія и флотъ Норвегіи, поэтому она забрала въ свои руки внѣшнюю политику Скандинавіи, дабы вести ее безъ контроля со стороны стортинга. Подчиненіе шведскимъ желаніямъ повлечетъ за собой страшный ростъ госуд. расходовъ, лишнихъ и непроизводительныхъ.

Этотъ послѣдній аргументъ всего сильнѣе дѣйствуетъ на умъ избирателей-крестьянъ, слѣпо поддающихся обольстительнымъ рѣчамъ блестящихъ адвокатовъ и литераторовъ, заѣзжающихъ изъ Христіаніи, Ставангера, Бергена, Дронтгейма въ уединенныя долины, на одинокій крестьянскій дворъ. Не трудно возбудить ненависть и подозрительность норвежца. Онъ свято чтитъ память великихъ норвежскихъ героевъ, защищавшихъ родную землю противъ шведскихъ нашествій минувшихъ вѣковъ. Въ теченіе столѣтій Норвегія знала только одного врага: шведа, желавшаго подчинить себѣ Норвегію при Карлѣ XII, Густафѣ III и IV и въ 1814 г. Политическія обстоятельства приведшія къ уніи 1814 г. или забыты, или мало извѣстны, или выставляются въ невѣрномъ свѣтѣ. Политическая же теорія радикаловъ столь очаровательна, столь лестна для самолюбія мужика. Эйдсъвольдская конституція вручила всю власть надъ государствомъ народу—мудрому, честному, справедливому, лучше всѣхъ знающему истинныя потребности страны, лучше всѣхъ способному оцѣнить необходимость матеріальныхъ жертвъ, или ихъ безполезность. Королевская власть съ ея мишурнымъ блескомъ, чиновная іерархія съ ея бумажнымъ дѣлопроизводствомъ—дорогостоющія излишества. Мирному народу не нужны ни постоянное войско, ни флотъ, его безоружная слабость лучшая его защита, да никто и не претендуетъ на скалы Норвегіи. Швеція заставила Норвегію внести совершенно лишнія измѣненія въ идеальную конституцію 17 мая. Слѣдуетъ возстановить ея первоначальную, чистую форму, слѣдуетъ уничтожить всякій слѣдъ вліянія честолюбивыхъ, чванныхъ шведовъ, учредить особое норвежское министерство иностранныхъ дѣлъ, только по недоразумѣнію не учрежденное до нынѣ, слѣдуетъ учредить особыя норвежскія консульства, дабы имѣть гарантію въ томъ, что миролюбивые Норвежцы не будутъ противъ воли своей втянуты въ затѣи

Швеціи, страдающей маніей величія и не могущей отказаться отъ воспоминаній о своемъ воинственномъ кровавомъ прошломъ. Мечты скандинавизма, объявшія нѣкогда и норвежскую молодежь, мечты опасныя. Не могущество Скандинавіи важно—важна свобода народа, важно его матеріальное преуспѣяніе. Король и его правительство этого не понимаютъ: они шведы, для нихъ Норвежскій народъ пасынокъ, только средство для осуществленія ихъ политическихъ затѣй. Только демократическая партія въ стортингѣ, уничтожившая дворянство, упразднившая намѣстничество, отстаивавшая въ теченіи 70 лѣтъ всегда свободу и независимость Норвегіи—дѣйствительно патріотическая партія. Она должна властвовать въ стортингѣ, она должна назначать изъ своей среды министровъ, подчинить себѣ всю администрацію. Veto короля есть ничто иное какъ орудіе вмѣшательства чужой власти въ дѣла Норвегіи, кто думаетъ иначе—тотъ не норвежскій патріотъ, а измѣнникъ, клевретъ Швеціи.

Народъ—суверенъ Норвегіи, стортингъ его представитель и его олицетвореніе, король его слуга. Если король осмѣлится и впредь противопоставить свое veto рѣшеніямъ сувереннаго народа, то народъ скажетъ—„уйди вонъ".

Такова проповѣдь радикаловъ, во главѣ которыхъ стоятъ такіе великіе мыслители и поэты какъ Бьернсонъ и Ибсенъ. Какъ не вѣрить словамъ этихъ геніевъ Норвегіи! Правда, иногда кажется крестьянамъ, что эти проповѣдники и защитники свободы не совсѣмъ послѣдовательны и искренны, что съ понятіемъ свободы не вяжется стремленіе зажать ротъ сторонникамъ консервативной партіи, которая все таки тоже состоитъ изъ „свободныхъ" норвежцевъ, иногда крестьяне смутно чувствуютъ, что міросозерцаніе этимъ господъ, что ихъ нравственныя понятія не совсѣмъ согласны съ міровоззрѣніемъ народа и его религіозно-нравственными убѣжденіями, но вѣдь на то они и геніи, чтобы не быть связан-

ными узкими наивными взглядами мужиковъ, держащихся своей отцовской вѣры, признающихъ святость брака и почитающихъ свою ветхую церковь на скалистой вершинѣ; на то они великіе люди, чтобы терроризировать меньшинство въ стортингѣ. Правда, крестьяне сомнѣваются иногда въ томъ справедливо ли говорить о рѣшеніи „народа", если постановленіе о преданіи суду министровъ совершается большинствомъ 52 членовъ противъ 50! Но если это ложь, то во всякомъ случаѣ ложь геніальная, патріотическая, а не простая, мелкая, мужицкая ложь!

Какъ бы то ни было, до поры до времени простонародіе Норвегіи, половина ея избирателей, слѣпо слѣдуетъ командѣ вожаковъ лѣвой, а противники радикаловъ слишкомъ вяло отстаиваютъ сoое мнѣніе и по всей вѣроятности и стортингъ 1895 г. пойдетъ по стопамъ своихъ предшественниковъ.

Шумъ и брань въ Стортингѣ, громкая, неусыпная, неразборчивая въ средствахъ, агитація радикаловъ въ Норвегіи представляетъ собой рѣзкій контрастъ тишинѣ въ Швеціи. Спокойно, объективно шведскіе публицисты изслѣдуютъ исторію соединенія въ 1814—1875 гг., обсуждаютъ значеніе каждаго § основныхъ законовъ, рѣдко тотъ или другой шведскій журналъ или газета впадаютъ въ рѣзкій тонъ. Когда 3 года тому назадъ одинъ изъ шведскихъ министровъ вздумалъ высказать угрозу Норвегіи, ему пришлось выйти въ отставку. Чѣмъ объяснить это спокойствіе, эту сдержанность? Сознаніемъ ли своей преобладающей силы, своей правоты, или тѣмъ, что шведы, на прекоръ всѣмъ заявленіямъ норвежцевъ, окончательно потеряли свои воинственныя наклонности и всецѣло погрузились въ дѣла экономическія, переживая именно въ настоящее время эпоху перехода своего народнаго хозяйства отъ мелкой промышленности къ крупному капиталистическому производству (насколько оно возможно въ Швеціи)?

Несомнѣнно: если антагонизмъ шведско-норвежскій доведетъ до открытой войны, то Швеціи не трудно будетъ побѣдить плохо обученную, плохо вооруженную, немногочисленную армію Норвегіи,—если Норвегія не найдетъ союзниковъ и защитниковъ. Но именно въ этомъ и заключается европейское значеніе вопроса объ уніи! Будетъ ли локализована борьба Шведовъ съ норвежцами? Уже въ 1814 г. Норвегія обращалась съ просьбой о помощи къ Англіи, да и не разъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ радикалы въ Норвегіи заявляли во всеслушаніе что они предпочтутъ протекторатъ Англіи—гегемоніи Швеціи. Что въ случаѣ вмѣшательство Англіи въ споръ шведско-норвежскій Россія не можетъ оставаться безучастной зрительницей—это ясно! Предупредить политическія замѣшательства на сѣверѣ возможно только въ томъ случаѣ, если всѣ державы, гарантировавшія Швеціи въ 1814 г. пріобрѣтеніе Норвегіи—заявятъ, что Кильскій трактатъ 1814 г. остается основой политическаго устройства Скандинавіи.

Нѣсколько словъ о „Коллегіяхъ" Петра Великаго.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ГОДИЧНОМЪ АКТѢ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ

30-го Августа 1895 года.

Ординарнымъ профессоромъ
Э. Берендтсомъ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1896.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

М. Г.

На мою долю выпала высокая честь побесѣдовать съ вами въ этотъ торжественный для Демидовскаго Юридическаго Лицея день.

Въ теченіе 25-ти лѣтъ, истекшихъ съ момента преобразованія т. н. стараго Лицея въ высшее юридическое учебное заведеніе, представители его внесли свою долю въ общую сокровищницу русской юридической литературы, и бокъ о бокъ съ юридическими факультетами университетовъ—*лицейская ученая корпорація* старалась исполнить задачи, лежащія на русскихъ юристахъ. Изученіе *догматическихъ вопросовъ* права и изученіе *исторіи* правовыхъ институтовъ одинаково подвинулись впередъ. Прошло то время, когда русская юриспруденція была только отголоскомъ иностранныхъ теорій и несамостоятельной ученицей иностранныхъ ученыхъ.

Самостоятельно и смѣло поступаетъ русская юридическая наука; самостоятельно—такъ какъ не боится провѣрять и критиковать теоріи западноевропейскихъ авторитетовъ, имѣя въ своихъ рукахъ богатыя данныя правовой и общественной жизни стомилліоннаго народа. Смѣло, такъ какъ она не опасается за свой собственный авторитетъ, сознавая свои промахи и ошибки, отказываясь отъ предразсудковъ и невѣрныхъ положеній.

Несомнѣнно: эмансипація русской юридической науки имѣетъ свой корень въ школѣ тѣхъ мыслителей, которые въ 40 и 50 г.г. въ первопрестольной столицѣ заговорили впервые о самостоятельномъ содержаніи русской жизни; въ школѣ т. н. славянофиловъ, въ этой нашей „*исторической*“ школѣ.

То, что Эйхгорнъ, Вайцъ, Савиньи, Гриммъ сдѣлали для Германіи, Лерминье, Минье для Франціи, тѣмъ мы обязаны не-юристамъ по профессіи: Хомякову, Кирѣевскому, Аксаковымъ.

Но преклоняясь предъ ихъ безсмертными заслугами, мы имѣемъ право исправить ихъ промахи, отказаться отъ ихъ ошибокъ.

Эпоха Петра, его реформаторская дѣятельность, была однимъ изъ объектовъ ихъ критики. Нашему поколѣнію, предъ которымъ открылись почти всѣ архивы, въ рукахъ котораго масса изданнаго историческаго матеріала—непозволительно соглашаться съ осужденіемъ дѣятельности „сокровища русской исторіи“ (по словамъ Погодина), не справившись предварительно въ памятникахъ Петровскаго времени, вѣрно ли то, что онъ прервалъ плавное теченіе русскаго культурнаго общественнаго развитія, вѣрно ли то, что онъ безъ всякой критики цѣликомъ насадилъ иностранныя учрежденія на русскую почву, вѣрно ли то, что онъ такимъ образомъ сдѣлался родоначальникомъ слѣпаго преклоненія передъ западомъ и беззастѣнчиваго презрѣнія старины?

Провѣримъ справедливость этихъ упрековъ хотя бы въ весьма узкой сферѣ, въ той области его дѣятельности, которая была посвящена реорганизаціи высшихъ административныхъ учрежденій.

Вы вѣроятно болѣе или менѣе знакомы съ древнемосковскимъ строемъ администраціи; вы вспомните о той пестрой смѣси приказовъ, управлявшихъ по указу царя, и по приговору боярской думы московскою Русью съ ея воеводами и дьяками, съ ея губными старостами и цѣловальниками, съ ея кабацкими головами, старшинами, праветчиками, дозорщиками и т. д. Вы знаете вѣроятно и то, что разросшись, въ началѣ царствованія Петра, до полусотеннаго числа, эти приказы вдругъ въ теченіе какихъ нибудь пяти или десяти

лѣтъ—исчезли и вмѣсто ихъ появились учрежденія съ иноземнымъ названіемъ: коллегій.

Здѣсь въ этихъ новыхъ органахъ какъ бы сконцентрировалась вся иноземщина. Не то шведскія, не то нѣмецкія названія самыхъ органовъ, новый порядокъ дѣлопроизводства, новыя названія сложныхъ книгъ и журналовъ; все новое, все чужое, вплоть до исполинскихъ париковъ предсѣдателей и засѣдателей, до ихъ чопорныхъ титуловъ и кафтановъ иностраннаго покроя!

Какой смыслъ имѣла эта реформа? Неужели нашъ первый шкиперъ, нашъ царь кузнецъ, царь плотникъ, принимавшій доклады своихъ министровъ часто сидя на реѣ строющагося корабля, такъ прельстился западноевропейскою церемоніальностью, что въ титулахъ, въ оберткахъ бумаги, въ многословныхъ и многосложныхъ журналахъ и протоколахъ видѣлъ важное дѣло и ради формы внѣшней однимъ ударомъ уничтожилъ учрежденія, установившіяся въ теченіе 2 столѣтій.

Неужели тотъ великій человѣкъ, проницательности котораго такъ удивляешься, читая напр. его письма изъ путешествій къ Меньшикову, Апраксину, Шафирову и др., неужели онъ поступилъ, какъ поступаетъ неудачникъ—гимназистъ на экзаменѣ: нужно рѣшить задачу, взялъ да и списалъ у ближайшаго сосѣда, безъ толку, безъ чувства, безъ разстановки.—? Дѣйствительно, многіе публицисты, какъ въ 18-мъ такъ и въ 19-мъ столѣтіи именно это и утверждали. Такъ напр. Фридрихъ Великій въ сочиненіи (Considerations sur l'état de la Russie sous Pierre le Grand, написанномъ 1737, и напечатанномъ въ 1797 г.) прямо упрекаетъ Петра въ безсмысленномъ, рабскомъ подражаніи Швеціи. И до него цѣлый рядъ иноземцевъ, авторовъ мемуаровъ, говорили тоже, русскіе писатели 18 столѣтія, напр. князь Щербатовъ (но не Татищевъ!), біографы Петра во Франціи, Германіи, Россіи всѣ повторяли тотъ же напѣвъ. „Шведскія учрежде-

нія цѣликомъ перенесены въ Россію“. Такова fable convenue, которую разсказываютъ въ различныхъ варіантахъ. Прибавляютъ къ этому, что Петръ даже не собственнымъ умомъ и дошелъ до этой мудрости; что въ Торгау, въ 1711 г., сошелся онъ съ Лейбницомъ и одного разговора съ философомъ было достаточно для того, чтобы убѣдить русскаго царя немедленно заняться списываніемъ съ шведскихъ образцовъ. Московскій профессоръ Герье доказалъ, что участіе Лейбница въ административныхъ реформахъ Петра—басня! Но упрекъ въ рабскомъ подражаніи Швеціи такъ и остался пятномъ на памяти Петра. Позвольте мнѣ вкратцѣ поговорить о томъ: какъ произведена коллегіальная реформа, т. е. прослѣдить ея стадіи; 2) указать смыслъ ея, насколько конечно я въ состояніи рѣшить этотъ вопросъ.

Полагаю, всякій, кто нѣсколько знакомъ съ старыми московскими административными порядками—согласится, что развивающаяся государственно-общественная жизнь въ концѣ 17-го столѣтія требовала энергичныхъ мѣропріятій для искорененія тѣхъ золъ, отъ которыхъ страдалъ народъ, на которыя онъ жаловался. Это признано даже главами т. н. школы славянофиловъ. Въ статьѣ „О старомъ и новомъ“, Хомяковъ говоритъ слѣдующее:

„Между тѣмъ, когда всѣ обычаи старины, всѣ права и вольности городовъ и сословій были принесены въ жертву для составленія плотнаго тѣла государства; когда люди, охраненные вещественною властію, стали жить не другъ съ другомъ, а такъ сказать другъ подлѣ друга, язва безнравственности общественной, распространялась безмѣрно, и всѣ худшія страсти человѣка развились на просторѣ: корыстолюбіе въ судьяхъ, которыхъ имя сдѣлалось притчею въ народѣ, честолюбіе въ боярахъ, которые просились въ аристократію, властолюбіе въ духовенствѣ, которое стремилось поставить папскій престолъ.

Явился Петръ и по какому то странному инстинкту души великой, обнявъ однимъ взглядомъ всѣ болѣзни отечества, постигнувъ все прекрасное и святое значеніе слова: „государство", онъ ударилъ по Россіи, какъ страшная, но благодѣтельная гроза. Ударъ по сословію судей воровъ; ударъ по боярамъ, думающимъ о родахъ своихъ и забывающихъ родину; ударъ по монахамъ, ищущимъ душеспасенія въ келіяхъ и поборахъ по городамъ, а забывающихъ церковь, и человѣчество и братство Христіанское! За кого изъ нихъ заступится исторія"?

Организацію московской администраціи мы можемъ назвать походной организаціей управленія государства, поставленнаго въ необходимость отвоевывать свое единство и свою цѣльность. Подобно тому какъ въ походѣ главнокомандующій отдѣляетъ все новые и новые отряды для занятія той или другой позиціи, такъ и московское государство снаряжало все новые и новые органы для управленія той или другой вновь пріобрѣтенной или возсоединенной области, для рѣшенія той или другой спеціальной задачи. Въ походѣ начальнику отдѣльнаго отряда дается инструкція, въ предѣлахъ которой онъ дѣйствуетъ самостоятельно. Бояре въ приказахъ, воеводы въ уѣздахъ получали свой наказъ, а къ царю обращались только тогда, когда то или другое дѣло, почему либо „рѣшить было не мочно".

Съ приближеніемъ конца великой сѣверной войны, когда завѣтная цѣль допетровской и петровской политики, обладаніе берегомъ, была достигнута, эта походная организація государственнаго управленія не могла болѣе удовлетворить потребностямъ государства. Необходимо было систематизировать русскую администрацію, дать ей то, чего ей недоставало: строгую опредѣленность и постоянство компетенціи ея органовъ и вмѣстѣ выставить начало закономѣрности, вмѣсто начала усмотрѣнія.

Едва ли вѣрно то, что нѣкоторые изъ нашихъ историковъ говорятъ о тенденціи административныхъ реформъ Петра, не обращая вниманія на его стремленіе положить въ основаніе русской администраціи начало законности.

Когда въ 1872 году праздновалось 200 лѣтіе рожденія Петра, двое изъ выдающихся русскихъ ученыхъ: Лешковъ и Бестужевъ-Рюминъ высказали весьма односторонній взглядъ на административныя реформы Петра. Первый сказалъ: „Время П. В. поэтому именно важно въ нашей исторіи, что представляетъ экспериментъ построенія права на началѣ пользы. Наше время тѣмъ отличается отъ прошедшаго, что силится всѣ явленія жизни подчинить идеѣ права. Не полиція служитъ у насъ душою гражданства по выраженію царя Петра, а право и правда, по ученію его современника, русскаго крестьянина, Посошкова". Сильный упрекъ, но вполнѣ несправедливый и болѣе подходящій къ презирающему всѣ права и интересы подданныхъ утилитаризму Московскаго времени, чѣмъ къ великому государственному дѣятелю, то и дѣло напоминающему въ указахъ своихъ о *законѣ*, *правдѣ*, *правѣ*. А профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, какъ бы повторяя слова князя Якова Долгорукова, утверждаетъ: „Забота о могуществѣ государства, объ его политическомъ значеніи была первой заботой Петра; все остальное было средствомъ къ достиженію этой высшей цѣли"?

Вѣрнѣе оцѣнилъ стремленіе Петра одинъ изъ его державныхъ преемниковъ, императоръ Николай I. По разсказу Балугьянскаго, Николай Павловичъ 13 декабря 1825 г. наканунѣ оффиціальнаго возшествія на престолъ, сказалъ: „Я желаю положить въ основу государственнаго строя и управленія всю силу и прочность законовъ". При этомъ, выйдя въ другую комнату, онъ вынесъ бюстъ П. В., поставилъ его на свой письменный столъ и съ большимъ воодушевленіемъ, сказалъ „Вотъ образецъ, которому я намѣренъ слѣдовать во время моего царствованія".

Развѣ упомянутые критики Петра никогда не читали указа Петра, гласящаго: „Какъ можетъ государство быть управляемо, когда указы не будутъ дѣйствительны? Презрѣніе указовъ равно измѣнѣ и еще хуже ея, ибо, заслышавъ объ измѣнѣ, всякъ остережется, а этого зла никто вскорѣ не почувствуетъ, но мало по малу все разорится...... Въ управленіи государствомъ важнѣе всего храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды“.

Средства, которыми надѣются достигнуть великой цѣли законности — различны въ различныя времена Въ наше время видятъ эти средства или въ конституціонныхъ граматахъ, въ пресловутомъ раздѣленіи властей, или въ контролѣ суда надъ администраціей, въ организаціи административной юстиціи. 17 и 18-го столѣтія видѣли это средство въ коллегіальной организаціи государственныхъ учрежденій. Съ коллегіями мы встрѣчаемся вездѣ, начиная съ сѣверной Швеціи, и кончая южной Португаліей.

А на Руси, развѣ коллегіальное начало было ей чуждо?

Развѣ мы не знаемъ изъ лѣтописей, что единоличное дѣйствіе князя считалось лишеннымъ нравственнаго авторитета, что согласіе старѣйшинъ его дружины считалось гарантіей правды и закономѣрности? Чѣмъ же была княжеская дума, если не коллегіей; кого посылали цари въ уѣздъ: одного воеводу?, нѣтъ воеводу съ товарищами, кого послали напримѣръ въ Новгородъ и Псковъ послѣ ихъ покоренія? Не одного воеводу, а 4 и 3, для совмѣстнаго управленія и взаимнаго контроля. Кто засѣдалъ въ приказахъ? вѣдь не одинъ бояринъ, не одинъ дьякъ, а нѣсколько Если это правда, что дѣйствіе сообща, міромъ, есть отличительная черта рус-

скаго общественнаго строя, то она должна была проявиться и въ организаціи государственной жизни, въ организаціи управленія. Московскую политику упрекали въ искусственномъ разъединеніи людей и общинъ, въ томъ, что люди принуждались жить не другъ съ другомъ, а другъ подлѣ друга! Если это вѣрно, то развѣ стремленіе Петра къ соединенію людей для совмѣстнаго дѣйствія, проявившееся въ его учрежденіяхъ, начиная съ кумпанствъ, кончая коллегіями, не есть стремленіе къ возстановленію древняго русскаго начала? Вѣрно замѣчаніе незабвеннаго историка Соловьева, что учрежденія Петра *„были школами для общаго дѣла“*. Смѣло можно сказать, что не чуждо было коллегіальное начало русской жизни, не списывать его пришлось съ иноземныхъ образцовъ, а лишь возстановить; оно и возстановлено, только въ иностранной одеждѣ, и возтановлено не по командѣ Лейбница, или другого иностранца, вслѣдствіе внезапнаго порыва энтузіазма; напротивъ къ коллегіальности стремился Петръ, не знавши ни Лейбница, ни Фика, ни Любераса!

Знаменитое первое путешествіе Петра повело его въ тѣ страны, въ которыхъ почти все управленіе находилось въ рукахъ коллегій, еще не успѣвшихъ подчиниться единоличной власти полновластныхъ министровъ, въ Пруссію—Бранденбургъ, въ Саксонію, въ Ганноверъ и наконецъ въ Голландію съ ея вліятельными, почти неограниченно властвующими совѣтами бургомистровъ и ратмановъ.

Во время этой поѣздки Петръ познакомился съ англичаниномъ Францисъ Ли, и онъ по желанію царя въ 1699 г. составилъ книгу, содержащую проэктъ организаціи 6 коллегій, которымъ должно быть поручено дѣло народнаго образованія, поощренія и развитія торговли и мануфактуръ, сельскаго хозяйства и религіозной пропаганды. Практическихъ послѣдствій эта работа англійскаго ученаго не имѣла, но она ясно доказываетъ, что вопросъ о реорганизаціи админи-

стративныхъ учрежденій занималъ Петра уже въ началѣ его царствованія.

Въ 1699 году, какъ извѣстно, учреждена бурмистерская палата, по существу своей организаціи таже коллегія (несмотря на вліяніе инспектора ратуши, должности, получившей преобладающее значеніе въ самой коллегіи благодаря личности ее занимающей, знаменитому Курбатову). Современные Петру публицисты, наприм. авторъ извѣстныхъ, весьма цѣнныхъ записокъ, изданныхъ въ 1729 г., баронъ Ivan Nestesuranoi (псевдонимъ) „Memoires du Règne de Pierre le Grand" прямо называетъ ее коллегіей, считая ее первымъ звеномъ въ цѣпи коллегій, появившихся впослѣдствіи. Извѣстно даже, что къ тому же времени относится замѣна боярской думы—министерской консиліей, дѣйствовавшей отъ имени царя и вмѣсто его во времена частыхъ его отлучекъ. Въ этомъ коллегіальномъ органѣ неоднократно проявлялись попытки болѣе вліятельныхъ членовъ забрать рѣшеніе дѣлъ исключительно въ свои руки, у другихъ членовъ наоборотъ, замѣчалась лѣнь высказать свое мнѣніе, желаніе отмолчаться, сложить отвѣтственность съ себя на плечи своихъ сотоварищей. И вотъ идутъ грозныя повелѣнія Петра къ князю Ромодановскому: не иначе рѣшенія чинить какъ посовѣтовавшись съ прочими (письмо изъ Люблина 23 мая 1707 г.) и полгода спустя, 7 октября, слѣдующее: „Sir, изволь объявить при съѣздѣ въ палатѣ всѣмъ министрамъ, которые въ консилію съѣзжаются, чтобы они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали и каждый бы министръ своею рукою подписывалъ, что зѣло нужно надобно и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли, ибо симъ всякаго глупость и добрость явлена будетъ"......

Можно было бы привести еще рядъ писемъ, въ которыхъ постоянно повторяется требованіе „дѣйствовать только съ общаго совѣта". Черезъ три года послѣ учрежденія бурми-

стерской палаты новая административная реформа доказываетъ, что царь неуклонно и послѣдовательно старается провести коллегіальное начало, на этотъ разъ въ мѣстномъ управленіи. Учреждаются дворянскія коллегіи при воеводахъ, получившія впослѣдствіи названіе ландратскихъ коллегій.

Въ томъ же 1702 г. издается извѣстный манифестъ въ которомъ иностранцы приглашаются вступать въ русскую службу, при чемъ имъ обѣщается, что они будутъ подсудны не обыкновеннымъ судамъ „а особой военной коллегіи", которая должна рѣшать дѣла по общему (т. е. римскому праву) или естественному праву. Въ этомъ памятникѣ письменности Петровскаго времени, вышедшемъ изъ подъ пера несчастнаго Паткуля, впервые употребляется слово „коллегія".

Эпоха 1702—1711 г.г., т. е. эпоха отъ времени появленія этого манифеста до столь важнаго, по мнѣнію многихъ ученыхъ, свиданія Петра съ Лейбницомъ, сравнительно бѣдная въ отношеніи внутреннихъ реформъ, въ сущности была весьма важнымъ періодомъ. Припомните, что именно въ теченіе этого промежутка времени Петръ имѣлъ возможность близко ознакомиться съ чисто шведской организаціей мѣстнаго управленія—въ Финляндіи, и съ своеобразною смѣсью учрежденій погибшаго нѣмецкаго ордена съ шведскими нововведеніями въ Лифляндіи и Эстляндіи.

Въ то время, когда реформы Карла XII еще не вторгнулись въ административный строй Швеціи,—шведское мѣстное управленіе во многихъ отношеніяхъ основывалось на началѣ коллегіальности. Провинціальные, (т. н. лагманскіе) суды, Надворный Судъ въ Обо, уѣздные суды съ шеффенскими коллегіями изъ среды мѣстныхъ обывателей, магистраты, губернаторъ (Ландсгевдитъ), ограниченный въ своей власти необходимостью совѣщанія съ ближайшими сотрудниками, мѣстнымъ казначеемъ, мѣстнымъ секретаремъ и камериромъ, все это сохранилось цѣликомъ въ Финляндіи. Если бы Петръ былъ

дѣйствительно тѣмъ слѣпымъ подражателемъ, какимъ его такъ часто выставляютъ, то почему же онъ не скопировалъ въ точности всю эту мѣстно-административную систему? Почему онъ ввелъ должности ландрихтеровъ и ландратовъ, компетенція которыхъ вовсе не совпадаетъ ни съ шведскими, ни съ балтійскими, ни съ прусскими и датскими органами того времени? Откуда взялось выборное начало? Вѣдь не изъ Швеціи! Тамъ всѣ мѣстныя должности были коронными. Что Петръ былъ знакомъ и близко знакомъ съ шведскими учрежденіями, это несомнѣнно. Свидѣтельства тому находятся въ Морскомъ Архивѣ, между прочимъ въ корреспонденціи графа Апраксина съ финляндскимъ губернаторомъ, граф. Дугласомъ. Къ этому нужно прибавить еще слѣдующее:

Въ 1710 г. изъ шведскаго плѣна возвратился генералъ Адамъ Вейде, который по словамъ царя и по свидѣтельству современниковъ, въ теченіе десятилѣтняго своего плѣна близко изучилъ шведскую центральную администрацію. Не отъ кого другаго, какъ отъ него Петръ узналъ объ организаціи шведскаго государственнаго совѣта, получившаго особое образованіе во время отсутствія короля Карла XII. Но была ли та высшая коллегія, которая появилась въ Россіи годъ спустя послѣ возвращенія Вейде и Головина изъ шведскаго плѣна, было ли учрежденіе Сената въ 1711 году плодомъ ознакомленія Петра съ строемъ высшей администраціи Швеціи?, былъ ли Сенатъ сколкомъ съ шведскаго государственнаго совѣта? Въ этомъ да позволено будетъ усумниться!

Шведскій государственный совѣтъ (никогда оффиціально не носившій названія „Сенатъ") получилъ прочную организацію въ началѣ 17 столѣтія; развился же изъ періодически созывавшихся собраній вельможъ свѣтскихъ и духовныхъ съ участіемъ лагмановъ, т. е. представителей отдѣльныхъ областей. Онъ былъ представителемъ интересовъ высшаго класса, ядромъ развившихся „господскихъ съѣздовъ" а послѣ

усиленія крестьянскаго и городскаго сословій сдѣлался какъ бы частью общесословнаго представительства, риксдага. Форма правленія 1634 г. расширила его компетенцію. Его согласіе было необходимо при изданіи новыхъ законовъ, при отмѣнѣ старыхъ, при рѣшеніи вопроса о войнѣ и мирѣ, даже созваніе риксдага невозможно было безъ его согласія. Государственный Совѣтъ связывалъ королевскую власть по рукамъ и по ногамъ. Государственныя коллегіи въ свою очередь были ничѣмъ инымъ, какъ только развѣтвленіемъ совѣта. Предсѣдатели коллегіи были вмѣстѣ съ тѣмъ первыми по вліянію членами совѣта. Благодаря связи съ коллегіями совѣтъ былъ не только законосовѣщательнымъ органомъ, но и высшимъ органомъ управленія. Всѣ должностныя лица были отвѣтственны передъ нимъ. Но положеніе совѣта измѣнилось, сила его сократилась послѣ переворота, произведеннаго Карломъ XI.

Riksens Rad, государственный совѣтъ, получилъ названіе vare rad, нашъ совѣтъ; члены же его назывались kungliga rad, королевскіе совѣтники. Хотя предсѣдатели коллегій не перестали быть членами совѣта, тѣмъ не менѣе совѣтъ изъ высшаго органа управленія, превратился въ органъ юстиціи; въ дѣла управленія онъ болѣе не вмѣшивался, въ законодательствѣ голоса болѣе не имѣлъ.

Согласно завѣщанію Карла XI совѣтъ впредь долженъ былъ состоять только изъ лицъ дворянскаго происхожденія; въ его составъ должны были входить маршалъ королевства, намѣстникъ стокгольмскій, всѣ президенты коллегій и 4 генералъ-губернатора. Король долженъ былъ совѣщаться съ нимъ по всѣмъ дѣламъ внутренняго управленія и внѣшней политики; черезъ каждые четыре года король созываетъ риксдагъ и предлагаетъ ему на утвержденіе составленную совѣтомъ государственную роспись

Карлъ XII не обратилъ вниманія на желаніе отца; его

завѣщаніе осталось неисполненнымъ. Молодой король не желалъ никакихъ совѣщаній ни съ совѣтомъ, ни съ риксдагомъ. Но благодаря тому, что великая сѣверная война принудила его на 14 лѣтъ покинуть отечество, совѣтъ противъ воли короля, долженъ былъ получить рѣшающее значеніе и громадное вліяніе. Въ Швеціи издавно укоренилось воззрѣніе, что въ отсутствіе короля управлять государствомъ надлежитъ Совѣту. Чрезмѣрное усиленіе вліянія совѣта король думалъ предупредить раздѣленіемъ его на нѣсколько частей, отдѣленій; но и раздробленный совѣтъ то и дѣло сталкивается съ отдаленнымъ, но тѣмъ не менѣе ревниво оберегающимъ свою неограниченную власть, королемъ. Т. о. не коллегію лицъ пользующихся довѣріемъ государя, сильную этимъ довѣріемъ, видѣлъ Петръ въ Швеціи; а напротивъ, въ Европѣ было извѣстно, что между королемъ, живущимъ въ Турціи, и совѣтомъ въ Швеціи идетъ упорная вражда, что совѣтъ государственный есть органъ той партіи, которая стремится къ возстановленію побѣжденной Карломъ XI олигархіи. Неужели этотъ раздробленный, разъединенный, враждующій съ королемъ, совѣтъ—былъ образцомъ, по которому учрежденъ Сенатъ?

Въ тоже время пошатнулся и строй коллегій Карла XI. Коллегіи эмансипировались отъ вліянія Совѣта; получили право самостоятельнаго рѣшенія, нѣкоторыя даже прямо посылали доклады къ королю въ Бендеры и Адріанополь. Но король вдали, заграницей или въ походѣ, или въ плѣну, члены совѣта во враждѣ и между собою и съ королемъ; согласія нѣтъ! Нѣкоторыя изъ коллегіи встали въ совершенно независимое положеніе, какъ напр. Статсъ-конторъ коллегія и канцелярія-коллегіи (Иностр. дѣлъ); другія, какъ наприм. Военная коллегія, подпали всецѣло подъ вліяніе т. н. дефензіонной коммиссіи. „Во всѣхъ отношеніяхъ царствуетъ полнѣйшій безпорядокъ, пишетъ Кампредонъ, бывшій впослѣдствіи посланникомъ въ Петербургѣ (17 мая 1703 г.).

Таково было положеніе шведской высшей администраціи въ ту эпоху, когда по словамъ столь многихъ историковъ и публицистовъ Петръ рабски началъ снимать копію съ Швеціи. Но въ томъ то и дѣло, что онъ не списывалъ безъ критики. Онъ обратился къ изученію всѣхъ коллегіальныхъ учрежденій въ государствахъ Западной Европы, славившихся своей администраціей. Въ нашихъ архивахъ, въ особенности въ морскомъ архивѣ, гдѣ сохраняется корреспонденція Апраксина, Толстаго, Шафирова, Макарова и др., то и дѣло наталкиваешься на доказательства, что Петръ требовалъ доставленія свѣдѣній объ иностранныхъ административныхъ учрежденіяхъ отъ всѣхъ иностранцевъ, состоявшихъ у него на службѣ, отъ Брюса, Крюйса, Бреверна, Дугласа, Вейде, младшаго Любераса. Онъ назначилъ 6 дьяковъ для перевода иностранныхъ узаконеній, приказывалъ составлять сравнительныя таблицы (любопытный образчикъ такого предписанія о сравнительномъ изученіи иностранныхъ узаконеній сохранился въ морскомъ архивѣ: это собственноручное предписаніе Петра о составленіи проэкта адмиралтейскаго устава по изученіи уставовъ датскаго, англійскаго, французскаго, шведскаго и голландскаго).

Въ 1710 году Петръ беретъ на службу особаго корреспондента, Барона Гейссена, на котораго возложены двоякаго рода обязанности: 1) опровергать ложныя извѣстія о Россіи, печатаемыя въ западно-европейскихъ журналахъ, 2) собирать свѣдѣнія по различнымъ вопросамъ, по составленной для него программѣ. Въ этой программѣ 1711 г. предписано собрать данныя о коллегіальныхъ учрежденіяхъ, о фискалахъ, о рангахъ гражданской и военной службы.

Съ 1710 г. начинаютъ появляться оффиціозныя извѣстія о преобразованіяхъ Петра въ издаваемомъ извѣстнымъ библіографомъ того времени Рабенеромъ журналѣ „Die europäische Fama“.

Я привелъ всѣ эти данныя чтобы доказать, что подготовительныя для устройства коллегій работы начались до 1711 года, до бесѣды съ Лейбницомъ и прибавимъ къ этому, что въ началѣ 1711 г., служащій въ горномъ вѣдомствѣ Блюеръ представилъ Петру проэктъ организаціи бергъ-коллегіи, впрочемъ отвергнутый сенатомъ. Свѣдѣній, точныхъ свѣдѣній о шведскихъ коллегіяхъ къ тому времени Петръ еще не имѣлъ; извѣстно, что онъ ихъ получилъ впервые въ 1717 году изъ рукъ Генриха Фика. А между тѣмъ не только въ бумагахъ Петра встрѣчаются замѣтки о проэктируемыхъ коллегіяхъ, но въ 1712 г. 12 февраля изданъ указъ объ учрежденіи *коммерцъ-коллегіи*, составленной вовсе не по шведскому образцу, а похожей по организаціи своей больше на торговыя палаты въ Германіи нашего времени.

Изученіе административной организаціи западно-европейскихъ государствъ не прекращается, причемъ Петръ во время своихъ путешествій лично ознакомляется съ дѣятельностью и дѣлопроизводствомъ присутственныхъ мѣстъ.

Датскій исторіографъ Понтопиданусъ сообщаетъ, что во 1716 г. Петръ, во время пребыванія въ Копенгагенѣ, лично осматривалъ датскія коллегіи и самъ списывалъ правила ихъ дѣлопроизводства, предписавъ за годъ передъ тѣмъ своимъ посланникамъ въ Даніи, Ягужинскому и Долгорукову собрать и доставить точныя свѣдѣнія объ организаціи датскихъ коллегій, и если возможно то завербовать знающихъ свое дѣло датскихъ чиновниковъ, такъ какъ недостаточно знать иностранныя инструкціи, нужно имѣть людей, способныхъ истолковать ихъ смыслъ „понеже, прибавилъ царь, всѣхъ циркумстанцій въ книгахъ не пишутъ“.

Подобныя же приказанія получаютъ и другіе уполномоченные министры царя, между прочимъ Веселовскій въ Вѣнѣ, которому поручается пригласить на службу австрійскихъ славянъ, да достать учебникъ юриспруденціи. Въ кабинет-

ныхъ бумагахъ Петра находится собственноручная записка отъ 23 марта 1715 г. Это первое начертаніе строя коллегій. Царь предполагаетъ организовать 6 коллегій: коллегію иностранныхъ дѣлъ, юстицъ-коллегію, адмиралтействъ коллегію, военную коллегію, камеръ коллегію и коммерцъ коллегію. Милюковъ полагаетъ что этотъ проэктъ сколокъ съ шведскихъ коллегій. Не могу согласиться съ почтеннымъ изслѣдователемъ. Если бы шведскія коллегіи уже въ 1715 году послужили образцами для петровскаго проэкта, то мы встрѣтили бы среди перечисленныхъ учрежденій и статсконторъ коллегію, игравшую столь важную роль въ Швеціи, въ особенности въ концѣ 17 и въ началѣ 18-го столѣтій. По моему мнѣнію при составленіи этого перваго проэкта Петръ имѣлъ въ виду организацію французскаго высшаго управленія того времени. А именно: въ началѣ 1715 года послѣдовала реорганизація французскаго государственнаго совѣта, раздѣленнаго регентомъ Филиппомъ Орлеанскимъ на 6 коллегій или chambres: финансовое, внутренняго управленія, военно-сухопутное, адмиралтейское, коммерціи и юстиціи. Того же мнѣнія, что первый проэктъ коллежской организаціи составленъ по французскому образцу высказали уже въ 18 столѣтіи, въ запискахъ своихъ, упомянутый выше Нестерзураной и младшій Гордонъ.

Однако этотъ проэктъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Петръ, котораго упрекаютъ въ безусловномъ преклоненіи передъ первымъ встрѣчнымъ иностраннымъ образцомъ, продолжаетъ изученіе иностранныхъ коллегіальныхъ учрежденій еще 3 года и теперь только, ознакомившись съ коллегіями въ Пруссіи, Даніи и Франціи и находя административный строй этихъ государствъ неудовлетворительнымъ или ихъ учрежденія не соотвѣтствующими „ситуаціи Россіи“ рѣшается принять всѣ мѣры, для полученія точныхъ данныхъ о столь прославленныхъ въ то время коллегіяхъ эпохи Кар-

ла XI и о нововведеніяхъ его преемника. Эти данныя были доставлены ему съ двухъ сторонъ: принятымъ въ русскую службу изъ голштинской, Генрихомъ Фикомъ и Барономъ Люберасомъ, состоявшимъ долгое время на шведской службѣ и согласившимся принять должность вицепрезидента Бергъ-коллегіи.

Работы Фика хранятся до нынѣ въ московскихъ архивахъ Министерства Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ и Морскаго Министерства въ Петербургѣ; труды же Люберaса въ Московск. архивѣ Иностран. Дѣлъ и въ архивѣ бывшаго кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ. Я не считаю возможнымъ распространяться о содержаніи этихъ трудовъ; это потребовало бы слишкомъ много времени. Что же касается личной судьбы этихъ двухъ сотрудниковъ Петра, побудившихъ его дать предпочтеніе шведскимъ образцамъ, то замѣчу только, что маститый баронъ Люберасъ едва успѣвъ представиться Петру, заболѣлъ въ Петербургѣ и передавъ всѣ бумаги свои Татищеву—скончался, годъ спустя послѣ вступленія въ должность. Фикъ напротивъ долго пользовался милостью Петра, съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе князя Меньшикова и Екатерины I, вовремя перешелъ на сторону Долгорукихъ, наконецъ при смерти Петра II сблизился съ членами верховнаго тайнаго совѣта, особенно съ Голицинымъ, составилъ по его порученію проэктъ ограниченія самодержавной власти по образцу т. н. королевской присяги Фридриха I (1720 г.), громко ликовалъ, когда узналъ, что Анна Ивановна подписала извѣстные „пункты“, замѣтивъ: „Вотъ и имперія Всероссійская сдѣлалась сестрицей Польши и Швеціи“, позволилъ себѣ громко глумиться надъ Бирономъ. Послѣдствія не заставили себя ждать. Фикъ сосланъ въ Тобольскъ, имѣнія его конфискованы. Елизавета Петровна возвратила его изъ ссылки, но не къ должности.

Кромѣ записокъ о коллегіяхъ, составленныхъ Фикомъ и

Люберасомъ, мы еще имѣемъ тотъ извѣстный проэктъ коллегіальнаго устройства, который хранится въ архивѣ Академіи Наукъ и долго приписывался Лейбницу, проэктъ учрежденія семи коллегій и одновременнаго преобразованія Сената въ высшее судилище; далѣе проэктъ, найденный въ бумагахъ кабинета Петра Великаго. Наконецъ въ бумагахъ гр. Апраксина, хранящихся въ Морскомъ Архивѣ, имѣются слѣды, что въ періодъ 1715—1718 г.г. былъ представленъ еще цѣлый рядъ проэктовъ, между прочимъ проэктъ Бар. Бреверна.

Сравнительное изученіе западно-европейскихъ административныхъ учрежденій убѣдило Петра, что лучшими по единству мысли, цѣлесообразности раздѣленія труда и систематичности сочетанія дѣйствій были именно столь прославленныя шведскія коллегіи, конечно не въ томъ полуразрушенномъ видѣ, въ какомъ засталъ ихъ Фикъ въ бытность свою въ Швеціи, когда Карлъ XII-й изъ Тимурташа уже успѣлъ ввести въ стройную систему коллегій личное начало въ лицѣ чрезвычайныхъ коммиссаровъ, а въ томъ именно видѣ, въ какомъ оставилъ ихъ Карлъ XI.

Но и другія причины побудили царя предпочесть шведскія учрежденія въ качествѣ образцовъ всѣмъ другимъ. При отъѣздѣ русскаго полномочнаго министра Бестужева (послѣ заключенія Ништадскаго мира) Петръ объяснилъ ему, что Швеція, по своимъ природнымъ и бытовымъ условіямъ такъ близка къ Россіи, что многое изъ того, что принесло пользу Швеціи, можетъ привиться и въ Россіи. Однако и это убѣжденіе не побудило Петра рабски скопировать все шведское. Это признано уже Карамзинымъ въ знаменитой запискѣ „О древней и о новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніи: П. В., говоритъ онъ, любилъ иностранцевъ, однакоже не велѣлъ безъ всякихъ дальнихъ околичностей взять напримѣръ шведскіе законы и назвать ихъ

русскими ибо видѣлъ, что законы народа должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ".

Дѣйствительно, за исключеніемъ одной отрасли администраціи, а именно организаціи финансоваго управленія, въ особенности кассоваго строя, подражаніе коснулось только внѣшней стороны. Прекрасный примѣръ тому, какъ Петръ относился къ иностраннымъ законамъ и учрежденіямъ, мы видимъ въ нашихъ Петровскихъ воинскихъ артикулахъ. По приказанію Петра были собраны и переведены на русскій языкъ: военные законы Леопольда I, датскій кодексъ Христіана V, бранденбургскій великаго Курфюрста, французскіе ордонансы и регламенты; но предпочтеніе дано военнымъ артикуламъ Густафа Адольфа, представляющимъ собою тщательно и спокойно составленный кодексъ, имѣющій всѣ признаки самобытнаго положительнаго законодательства для народной постоянной арміи.

Какъ при иностранныхъ кодексахъ, такъ и при нашихъ артикулахъ имѣются толкованія. Но между толкованіями нашихъ артикуловъ и этими комментаріями разница по существу. Сіи послѣдніе расплываются въ пространныхъ теоретическихъ разсужденіяхъ, переполненныхъ латинскими цитатами и ссылками; толкованіе же нашихъ артикуловъ представляетъ простое безъискусственное поясненіе текста закона самимъ законодателемъ (Бобровскій). Совершенно такое же отношеніе русскихъ регламентовъ коллегій къ шведскимъ. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые регламенты, какъ напр. Регламентъ духовной коллегіи, регламентъ адмиралтейской коллегіи, главному магистрату, не имѣютъ ничего общаго съ шведскими законами, и въ другихъ регламентахъ названія, титулы, внѣшній порядокъ дѣлопроизводства заимствованы изъ Швеціи, но компетенція отдѣльныхъ коллегій, за исключеніемъ статсъ-конторъ коллегіи, далеко не совпадаетъ съ ком-

петенціей шведскихъ коллегій, а выборное начало введенное въ жизнь новыхъ учрежденій,—черта неизвѣстная шведскому центральному административному строю.

Въ декабрѣ 1717 г. Петръ набросалъ собственноручно проэктъ коллегіальной организаціи съ явнымъ отступленіемъ отъ шведскаго образца, съ которымъ онъ теперь успѣлъ ознакомиться благодаря работамъ Фика:

„Выбирать президентамъ подручныхъ или товарищей своихъ самимъ такимъ образомъ:

1) Чтобы не было отнюдь свойственниковъ или собственныхъ креатуръ.

2) Выбрать по 2 или по 3 ч. во всякое мѣсто, а изъ нихъ всѣхъ коллегіи выбирать баллотиромъ.

Президентъ, Вицепрезидентъ, 4 коллегіи-совѣтника, 4 ассесора, секретарь или дьякъ, нотаріусъ—протоколъ держитъ и напоминаетъ о дѣлахъ, актуарій дѣла вершеныя на рукахъ и всякія крѣпости; регистраторъ—росписи имѣетъ всему и ставитъ памяти, подъячіе трехъ статей. Иноземцевъ по 1 секретарю, совѣтнику или ассесору во всякую коллегію неотмѣнно и по одному шриверу.

Вотъ какія коллегіи царь предполагалъ учредить:

1) Каммеръ-коллегіумъ содержитъ учрежденіе и расположеніе и надсмотръ всѣмъ доходамъ въ государствѣ (кромѣ расходовъ) и отчетъ, также мундиръ и всѣ подряды.

2) Статсъ-конторъ—сборъ денежный по расположенію камеръ-коллегіи и расходъ по указу вышнему.

3) Коммерцъ-коллегіумъ—всѣхъ торговъ, всякой пошлины распоряжается, торговыхъ судитъ: а деньги черезъ рентмейстера отсылать въ статсъ-контору.

4) Юстицъ-коллегіумъ всякій судъ во всѣхъ дѣлахъ.

5) Камеръ-Ревизіонъ—всѣ счеты всего государства, Воинская, Бергъ-коллегія, Политическая коллегія: отколѣ всѣ указы и патенты и наряды людямъ“.

Развѣ это копія съ шведскихъ коллегій? Въ Швеціи не было никакой политической коллегіи, это 1), далѣе: Шведская камеръ-коллегія не только вѣдала всѣ доходы, но на нее были возложены тоже всѣ заботы о развитіи сельскаго хозяйства и сельской промышленности, что по понятіямъ того времени входило въ т. н. камеральное дѣло. Шведская коммерцъ-коллегія вѣдала не только торговлю, но и мануфактуры; въ Швеціи не было Юстицъ-коллегіи, а существовали 3 надворныхъ суда, откуда аппеляція шла непосредственно къ королю; т. н. Каммеръ Ревизіонъ-коллегія была только отдѣленіемъ т. н. камеральнаго суда, наконецъ въ планѣ Петра не упомянуто ни о канцеляръ-коллегіи, вѣдавшей дѣла внѣшней политики, ни объ адмиралтейской коллегіи. Слѣдовательно въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о безразборчивомъ списываніи съ шведскихъ учрежденій.

Начертанія Петра, какъ вы видите, немногословны, кратки; подробная выработка проэкта поручена Сенату, которому слѣдуетъ взять всѣ собранные матеріалы у Брюса, Вейде и Фика. Но вотъ у Петра возникаетъ опасеніе, что Сенатъ неохотно возьмется за самостоятельную работу, что вотъ сенаторы спишутъ дословно то, что найдутъ въ запискахъ лицъ, собравшихъ свѣдѣнія.

9-го мая 1718 года сенатъ получаетъ слѣдующій указъ Петра.

„Изъ уложенія и уставовъ шведскихъ, что касается до Юстицъ-коллегіи, то дѣла исправить въ коллегіи, а которые государственные распорядки, а именно: сколько ландсъ-гевдинговъ и надъ сколькими уѣздами одинъ и подъ нимъ сколько какъ чиновъ и какъ оныя связаны послущаніемъ и должностію, то выписывать и приносить въ сенатъ, гдѣ надлежитъ спускать съ русскими обычаи, что можетъ быть по старому и что перемѣнить, то все оставить по мѣрѣ въ сенатъ и изготовить къ будущей осени въ докладъ“.

Но Сенатъ повидимому не могъ справиться съ возложеннымъ на него дѣломъ; разногласіе между его членами было такъ сильно, что только мѣсяцъ спустя царь приказалъ разсмотрѣть всѣ работы въ высочайшемъ присутствіи, чтобы рѣшить какія уклоненія основательны, какія нѣтъ (указъ 11 іюня 1718 года).

Составленіе регламентовъ подвигалось впередъ очень медленно. Быстрѣе всѣхъ работали адмиралъ Апраксинъ и его товарищи, составивъ регламентъ адмиралтействъ-коллегіи послѣ тщательнаго изученія регламентовъ англійскаго, голландскаго, французскаго, датскаго и шведскаго. Но желаніе Петра, съ 1719 г. управлять съ помощію реорганизованныхъ учрежденій не могло осуществиться. Повидимому самыя большія затрудненія встрѣчались при организаціи каммеръ-коллегіи, статсъ-конторы и юстицъ-коллегіи, что и понятно, такъ какъ наиболѣе больными мѣстами московской администраціи были—финансы и судъ, неулучшившіяся, а напротивъ ухудшившіяся въ теченіе первыхъ 25 лѣтъ царствованія Петра, а здѣсь то именно шведская стройность и систематичность были болѣе чѣмъ гдѣ либо у мѣста. Петръ упрекалъ сенаторовъ и вновь назначенныхъ президентовъ будущихъ коллегій въ лѣни и намѣренной волокитѣ. Грозный указъ 2 іюня 1718 г. напомнилъ имъ о необходимости покончить, какъ можно скорѣе дѣла; Ягужинскому поручено наблюденіе за тѣмъ, чтобы г.г. составители регламентовъ не бездѣйствовали!

Царь желалъ чтобы по крайней мѣрѣ три важнѣйшія коллегіи: военная, адмиралтейская и каммеръ-коллегія открыли свои дѣйствія съ 1719 г. Къ тому времени онъ уже нѣсколько измѣнилъ свой первоначальный планъ. Рѣшено учредить 9 коллегій: коллегію иностранныхъ дѣлъ, каммеръ, Юстицъ, Ревизіонъ, Военную, Адмиралтейскую, Коммерціи, Штатсъ-контору и Бергъ и Мануфактуръ-коллегію.

Предположеніе учредить политическую коллегію или забыто, или эта коллегія казалась лишнею, въ виду существованія Сената. Однако нѣсколько времени спустя, по всей вѣроятности въ 1719 г., Петръ опять возвращается къ этой идеѣ. Въ кабинетныхъ дѣлахъ (II книга № 34), въ памятныхъ книжкахъ, находится слѣдующая замѣтка: „О такой коллегіи, которая бы смотрѣла, что исправить, перемѣнить, отставить, вновь сдѣлать, начиная отъ порядковъ прибыли даже, до чистоты и украшенія во всемъ государствѣ, плантаціи въ безлѣсныхъ мѣстахъ и виноградъ, всякія строенія работы и прочія такія дѣла, когда указъ объ оныхъ будетъ прежде не начинать не распорядясь кѣмъ и чѣмъ оныя содержать сдѣлавъ“.

Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается замѣтка объ учрежденіи особаго органа для завѣдыванія дѣлами сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности: а именно экономіи генеральнаго съ канцеляріей.

Были ли эти планы результатомъ ознакомленія Петра съ работами Люмбераса, который предлагалъ учредить дирекціонсъ-коллегію и коллегію экономіи;—это неизвѣстно. Нѣтъ также объясненій тому, что побудило Петра отказаться отъ осуществленія этихъ плановъ.

Весь 1718 г. прошелъ въ спѣшной работѣ надъ организаціей коллегій, но вотъ эта поспѣшность и повредила дѣлу! Уступая настоятельнымъ требованіямъ царя кончить работы къ 1719 г. и весь строй коллегій ввести въ дѣйствіе, составители регламентовъ поддались искушенію просто дословно переводить шведскіе уставы, не справляясь съ тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли все ихъ содержимое „Ситуаціи сего государства“. Этимъ объясняются тѣ упреки въ неосторожномъ и неумѣломъ составленіи регламентовъ, которые мы встрѣчаемъ въ запискахъ Любераса, Кохіуса, въ запискѣ, приписываемой Лейбницу, въ то время уже умершему. Петръ самъ часто сознавалъ и признавалъ, что многое „зря учинено“.

Учрежденіе коллегій обратило на себя вниманіе всѣхъ иностранныхъ дипломатовъ, акредитованныхъ при русскомъ дворѣ, и о немъ поговаривали не мало въ газетахъ того времени. Въ журналѣ „Europäische Fama“ появилась оффиціальная статья о новыхъ учрежденіяхъ; посланники: датскій, голштинскій, прусскій, саксонскій въ своихъ депешахъ комментируютъ на различный ладъ эту реформу Петра. Кто говоритъ, что никакихъ основательныхъ причинъ къ этой реформѣ не было, что она результатъ простой подражательности, кто пишетъ удивляясь мудрости царя, надѣясь на установленіе порядка въ русской администраціи, неустройства въ которой давали себя тяжело чувствовать и въ внѣшнихъ сношеніяхъ, кто наконецъ, наприм. французскій посланникъ де-Лави, подозрѣвалъ глубокую политическую подкладку и замыслы, стремленіе предупредить грозившій будто бы государственный переворотъ, волненіе высшаго сословія, якобы нашедшаго оплотъ въ сенатѣ!

Де-Лави сообщаетъ слѣдующее:

„Его Ц. В. осуществилъ наконецъ свое давнишнее намѣреніе уничтожить сенатъ и учредить на мѣсто его нѣсколько кллегій, а именно коллегію Юстиціи, Финансовъ, Военную, Торговую, Контрольную и проч. Коллегіи эти соберутся 7-го текущаго мѣсяца (января 1719 г.) стар. стиля въ томъ же зданіи, гдѣ прежде происходили засѣданія сената и царь, возсѣдая на тронѣ, произнесетъ къ нимъ рѣчь, которая вѣроятно будетъ касаться взаимныхъ обязанностей членовъ коллегій“..... „Эта перемѣна можетъ быть лишь выгодна для общества, потому что вслѣдствіе вводимыхъ ею разумныхъ постановленій, правосудіе будетъ отправляемо по справедливости, тогда какъ прежде оно было такъ сказать изгнано изъ судовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ установится на лучшихъ основаніяхъ безопасность общественная и иностранцевъ, такъ какъ половина членовъ коллегій будетъ состоять

изъ этихъ послѣднихъ. Правда это учрежденіе, какъ я слышалъ, обойдется Е. В. почти въ 200000 р. с. въ годъ, но это увеличеніе расходовъ ничего въ сравненіи съ благомъ, которое оно принесетъ государству, гдѣ знатные сановники не будутъ болѣе имѣть случаевъ обогащаться какъ прежде, на счетъ своего государя и его подданныхъ".

По сообщеніямъ французскаго посланника де-Лави коллегіи дожны были открыть свои дѣйствія 7 янв. 1719 г.

Неизвѣстно какія коллегіи открыли свою дѣятельность 7 января 1719 года; (каммеръ-коллегія открыта только въ 1720 году), но то достовѣрно, что ожиданіе немедленнаго улучшенія русской администраціи не осуществилось. Напротивъ, 1719 годъ, какъ иначе и быть не могло, былъ самымъ тяжелымъ годомъ; не скоро же распредѣлены были дѣла старыхъ приказовъ между новыми коллегіями; не такъ легко и быстро шло дѣло установленія правильныхъ сношеній коллегій съ мѣстными органами съ одной, съ сенатомъ съ другой стороны. Новое дѣлопроизводство не сразу привилось, да и регламенты еще не были готовы. Хранимые въ Сенатскомъ архивѣ оригиналы проэктированныхъ коллежскихъ регламентовъ исправлены и переисправлены рукою Петра и испещрены его крестиками, нуллями и краткими замѣтками. Окончательная ихъ редакція относится къ 1720 г., а регламенты нѣкоторыхъ коллегій, а именно: Мануфактуръ-коллегіи, Коммерцъ-коллегіи появились въ 1722—1724 г.г.

Не всѣ коллегіи появились сразу; компетенція не всѣхъ коллегій опредѣлена точно и неизмѣнно хотя бы и на короткое время. Извѣстно что Ревизіонъ-коллегія вскорѣ упразднена, вотчинныя дѣла отдѣлены отъ Юстицъ коллегіи и поручаются вѣдѣнію особой Вотчинной коллегіи; образуется особая Малороссійская коллегія, Главный Магистратъ, Статсконтора подчиняется Каммеръ-коллегіи; появляется Духовная коллегія съ своимъ знаменитымъ регламентомъ, въ 1723

году (февраля 8) издается указъ объ учрежденіи особой коллегіи для розыскныхъ дѣлъ по духовному вѣдомству съ аппеляціей въ синодъ. Однимъ словомъ новыя учрежденія находились какъ бы въ состояніи безпрерывнаго броженія; они не удовлетворяли требованіямъ великаго реформатора; его рука не уставала мѣнять ихъ внѣшній обликъ, измѣнять правила ихъ дѣлопроизводства.

Съ 1719—1725 г. не прошло ни одного года, въ которомъ бы коллегіямъ данъ былъ покой, возможность установить свою дѣятельность въ опредѣленныхъ постоянныхъ рамкахъ. Понятно, что эта подвижность не могла содѣйствовать упроченію центральной администраціи. Результаты реформы должны были явиться послѣ смерти реформатора, и если мы вспомнимъ о той энергичной защитѣ коллегій въ началѣ царствованія Александра I со стороны дѣятелей Екатерининской эпохи, напр. Трощинскаго, или публицистовъ того времени, напр. Карамзина, то придется признать, что Петровскія коллегіи сослужили свою службу въ 18-мъ столѣтіи съ пользою и честью.

Но Петръ не дожилъ до жатвы посѣяннаго! Первыя шесть лѣтъ дѣятельности коллегій принесли только огорченія и разочарованія; но это онъ предвидѣлъ. Въ разговорѣ съ голландскимъ посланникомъ Деби онъ замѣтилъ: „Приложеніе принциповъ всегда трудно, но въ теченіе времени всѣ интересы примирятся“. Суть коллежскаго устройства: совмѣстное рѣшеніе на основаніи общаго совѣщанія при общей отвѣтственности, вотъ что всего труднѣе прививалось. Коллегіи, по словамъ Петра, не должны были такъ поступать, какъ поступали старые приказы, гдѣ главный, наиболѣе вліятельный бояринъ „что хотѣлъ, то и дѣлалъ“, а другіе рабски молчали и соглашались. Компетенціи коллегій шире, но и отвѣтственности болѣе; нужны трудъ, вниманіе, обдуманность рѣшенія. „Дѣла новыя, важныя, высшаго царскаго

указа часто нѣтъ или потому что царь нарочно заставляетъ своихъ слугъ рѣшать самостоятельно, или потому что царь въ отсутствіи; надобно слѣдовательно рѣшить; тяжело, а царь строгъ, взыскателенъ и вотъ первая мысль, какъ бы уклониться отъ участія въ рѣшеніи и вмѣстѣ уклониться отъ отвѣтственности; пусть кто побойчѣе подастъ свое мнѣніе, такъ и рѣшить; всѣ рѣшили, на комъ спрашивать? Царь не допускаетъ такого рода дѣйствій, онъ для того и вводитъ коллегіальное устройство, чтобы пріучить къ дѣятельности сообща съ равнымъ участіемъ; пріучить къ самостоятельности, онъ требуетъ чтобы каждый подавалъ свое мнѣніе и отвѣчалъ за него, чтобы никто не смѣлъ своего сужденія не имѣть! Рѣшили, слава Богу, можно и отдохнуть! Нѣтъ, внушаетъ строгій воспитатель, отдыхать нельзя; рѣшеніе не можетъ оставаться только на бумагѣ, надобно немедленно привести его въ исполненіе, не успокоиваться прежде, пока дѣло будетъ сдѣлано. Нельзя терять времени и потому что „потеря времени смерти невозвратной подобна“ (Соловьевъ). Воспитатель долженъ былъ вызвать уваженіе къ мѣсту присутствія коллегіи, пріучить къ серьезному взгляду на веденіе государственнаго дѣла. Стремленіе пріучить, заставить служащихъ относиться къ дѣлу добросовѣстно, безкорыстно, обдуманно съ подчиненіемъ закону, проходить красною нитью черезъ всѣ указы Петра въ столь богатое законодательными актами время 1716—1725 г.г.; всѣ органы, учреждаемые Петромъ въ теченіе этого періода, должны были быть представителями этой идеи: ревизоръ, оберъ-фискалъ, генералъ-прокуроръ. Это стремленіе руководило Петромъ при исключеніи большинства президентовъ изъ Сената; оно побудило его строжайшимъ образомъ слѣдить за тѣмъ, чтобы все дѣлопроизводство сената и коллегій было письменное, дабы дѣятельность каждаго члена присутственнаго мѣста оставляло по себѣ слѣды въ журналахъ и протоколахъ.

Стремленіе предсѣдателей коллегій взять верхъ надъ своими сочленами встрѣчено гнѣвомъ царя; желаніе сократить время засѣданія въ присутствіяхъ, заниматься дѣломъ на дому, рѣшать дѣло съ глазу на глазъ съ заинтересованными лицами вызываетъ грозные указы. „Господа сенатъ объявляю Вамъ, пишетъ царь 9 мая 1719 г., понеже коллегіи нынѣ устроены для того, дабы каждая съ совѣту и приговору всѣхъ своей коллегіи дѣлала, того ради подтверждается симъ указомъ, дабы президенты никакихъ дѣлъ ни указовъ одни не дѣлали и не подписывали, но всѣ въ коллегіи будучи, развѣ кого за болѣзнью не будетъ, то дѣлать и безъ того, кто боленъ, а въ важныхъ дѣлахъ для подписки посылать къ нимъ на дворъ.

Да, дѣлопроизводство Петровскихъ коллегій было бумажное дѣлопроизводство! Но не ради накопленія груды исписанной бумаги=перо и чернила получили такое значеніе и пользовались такою милостью; протоколы должны были играть роль неподкупныхъ свидѣтелей дѣятельности каждаго слуги государства, гарантіи исполненія законовъ; самъ Царь, Сенатъ, собиравшійся вмѣсто Его Велич. персоны, подчинялись этому правилу.

„Понеже, сказано во II главѣ Генеральнаго Регламента, всѣ Госуд. Коллегіи только подъ Е. Ц. В. особливымъ, такожъ и Прав. Сената, указами обрѣтаются“,.... но всѣ указы Е. Е. и Сената, т. е. всѣ тѣ, которые какъ сказано въ толкованіи къ гл. IV, въ дѣйство производить, надлежатъ быть письменные и порученные, а не словесные. Въ предѣлахъ своей компетенціи, указанной и ограниченной регламентами, коллегіи могли рѣшать текущія дѣла, принимать мѣры для исполненія указовъ, но какъ скоро слѣдовало издать указъ, „который генерально и всѣмъ безъ исключенія предложенъ“, то ни Коллегія, ни даже Сенатъ и Синодъ не были властны, за исключеніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ,

какъ сказано въ резолюціи 19 ноября 1722 г. на докладные пункты Синода.

Всѣ регламенты коллегіямъ начинаются съ вмѣненія имъ въ твердую, главную, святѣйшую обязанность строго держаться своихъ регламентовъ, въ точности исполнять всѣ указы и учрежденія и всякія дѣла, которыя входятъ въ ихъ кругъ вѣдомства рѣшать безъ промедленія, безъ богоненавистной корысти и пристрастія. Именной указъ 22 декабря 1718 г. возвѣщалъ народу о коренныхъ началахъ реформы слѣдующими словами: „Нынѣ управя войско милосердуя Е. В. о народѣ и о земскомъ справедливомъ правленіи не изволилъ пренебречь, но трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло, чего ради учинены коллегіи, то есть собраніе многихъ персонъ (вмѣсто приказовъ), въ которыхъ президентъ или предсѣдатель, не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли. Въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить. Также и прочія обязательства великія суть, что отнимаютъ старыя поползновенія дѣлать, какъ о томъ вскорѣ Регламенты или Уставы будутъ публикованы и всѣхъ коллегій должности для веденія сего полезнаго дѣла народу“.

Намъ всѣ эти обѣщанія кажутся малосодержательными, неопредѣленными; неужели начала провозглашенныя Петромъ, были новы для Руси? Повидимому да! Стоитъ припомнить столь наивное, столь характеристичное для того времени, письмо Меньшикова, въ которомъ онъ извиняется въ малыхъ грабежахъ, или отношеніе Сената къ дѣлу Шафирова. Петру пришлось объяснить Меньшикову: „Что Ваша милость пишетъ о сихъ грабежахъ, что это бездѣлица, а то не есть бездѣлица, ибо интересъ тѣмъ теряется въ озлобленіи жителей“,... а въ указѣ по дѣлу Шафирова царь опять долженъ напомнить высшимъ сановникамъ Имперіи, что неисполненіе

закона хуже измѣны, потому что ведетъ къ уничтоженію всякой дисциплины въ подчиненныхъ, къ разоренію людей, къ паденію государства! Но могло ли учрежденіе коллегій, на которое Петръ смотрѣлъ, какъ на средство къ установленію закономѣрнаго управленія—быть дѣйствительно факторомъ законности въ то время, когда неясно было даже понятіе „законъ", въ которое только существовало смутное предположеніе о томъ, что не всякое велѣніе власти есть законъ! Должно признать, что и этотъ недостатокъ государственнаго строя того времени чувствовался и сознавался великимъ реформаторомъ. Конечно той ясности относительно понятія „законъ" и „администрат. распоряженіе", до котораго дошла современная наука, мы отъ него ожидать не можемъ, но первые шаги къ созданію прочнаго административнаго права сдѣланы при немъ, отчасти предшествуя учрежденію коллегій, отчасти они стоятъ въ связи съ этой реформой. Уже и то много, что прекратилось полное смѣшеніе понятій частноправовыхъ и публично-правовыхъ, смѣшеніе органовъ вотчиннаго управленія и управленія государственнаго, безъ чего невозможно развиться понятію законъ и администрат. распоряженіе; уже и то много, что Петръ рѣшился основать реформированную администрацію не на временныхъ наказахъ, или спеціальныхъ указахъ, случайныхъ приговорахъ боярской думы, какъ было въ Московское время, а на постоянныхъ организаціонныхъ законахъ, каковыми являются „Генеральный регламентъ", отдѣльные регламенты и инструкціи органамъ мѣстнаго управленія; которые именно какъ законы постоянные рѣзко отличаются отъ указовъ простыхъ, содержащихъ въ себѣ разрѣшеніе спеціальнаго вопроса, или предписаніе спеціальной мѣры. Одинъ изъ новѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ русскихъ публицистовъ, проф. Коркуновъ, говоритъ въ извѣстномъ соч. „Указъ и Законъ" (стр. 309) „Петровская реформа не изгладила въ сознаніи общества и

самого правительства представленіе о законѣ, объ уложеніи, какъ о чемъ то существенно отличающемся отъ простого указа.

Все управленіе государствомъ опредѣляется указами, но въ такомъ порядкѣ само правительство видитъ нечто временное, переходное. Правительство не разъ заявляетъ о своемъ намѣреніи издать со временемъ новое уложеніе взамѣнъ стараго соборнаго уложенія и новоуказныхъ статей. Для изданія уложенія считался необходимымъ особый порядокъ существенно отличный отъ порядка изданія указовъ". Съ этимъ мнѣніемъ, согласно которому уложенію, какъ чему то постоянному, противопоставляется масса указовъ безъ всякаго разбора, какъ нѣчто временное, переходное, нельзя согласиться безусловно. Внимательно изучая Полное Собраніе Законовъ, а также и обращая вниманіе на тѣ указы, которые не вошли въ Полное Собраніе Законовъ, мы видимъ что различались 3 вида велѣній власти: Уложеніе, съ относящимися къ нему въ качествѣ дополненія новоуказными статьями, регламенты или уставы и учрежденія, какъ совокупность нормъ, опредѣляющихъ административную организацію государства и наконецъ указы, которые опять различались какъ по содержанію, такъ и по источнику своего происхожденія, по власти, ихъ издающей.

Именный указъ 29 апрѣля 1721 г. „О раздѣленіи указовъ на временные и къ всегдашнему наблюденію издаваемые и о напечатаніи послѣднихъ" гласитъ:

„Указы всѣ за Нашею подписью разбирать на двое: которые временные въ особливую книгу, а которые въ постановленіе какого дѣла то припечатывать, а именно что подлежитъ до коллегіи, то въ регламентъ коллегіи, а что къ уставу или къ артикуламъ и прочимъ дѣламъ въ регламентъ, а не на время; то оное припечатывать на всѣ годы къ онымъ книгамъ".

Можно привести еще цѣлый рядъ указовъ Петровскаго времени, въ которыхъ царь приписываетъ различать указы по дѣламъ генеральнымъ, или вѣчные, отъ указовъ временныхъ, сепаратныхъ, подтвердительныхъ и партикулярныхъ. Наконецъ и форма изданія указовъ далеко не одна и та же.

Почти всегда указы „по дѣламъ генеральнымъ" или т. н. вѣчные, издаются государемъ изъ Сената или изъ Коллегіи, или въ исключительныхъ случаяхъ за подписью всѣхъ членовъ Сената или Синода; временные, сепаратные или партикулярные напротивъ издаются или царемъ однимъ безъ выслушанія Сената и коллегій, или однимъ Сенатомъ, или одной коллегіей. Но за коллегіями не признавалось неограниченнаго права издавать временные или партикулярные указы. Разъ т. н. временной указъ касался денежныхъ сборовъ, повинностей или въ силу его налагались на подданныхъ какія либо обязанности или ограниченіе ихъ правъ и свободы, то какъ видно изъ Высочайшей резолюціи 12 генваря 1720 г. и изъ гл. X Регламента Главнаго Магистрата, требовалась аппробація Государя или же всего Сената въ полномъ составѣ......

Не смѣю утруждать Ваше вниманіе разборомъ отдѣльныхъ памятниковъ Петровской реформаторской дѣятельности, относящихся къ вопросу о видахъ и формахъ велѣній власти и о сравнительномъ ихъ значеніи. Я привелъ эти указанія только въ качествѣ доказательства, что вся вторая половина эпохи реформъ, эпохи, центромъ которой является реорганизація центральныхъ административныхъ учрежденій, была проникнута идеей водворенія закономѣрности въ управленіи, идеей, лежавшей въ основѣ учрежденій коллегіальныхъ.

Современники Петра свидѣтельствуютъ, что они учились у него „благородному безстрашію и правдѣ". Благородное безстрашное служеніе правдѣ въ политически организован-

номъ обществѣ, въ государствѣ, должно выражаться и въ непоколебимомъ уваженіи передъ закономъ, въ служеніи идеѣ законности.

Петръ посѣялъ идею законности, но жатвы не видѣлъ! Сила повседневныхъ привычекъ лишила генія большей части результатовъ его труда. Онъ зналъ и предвидѣлъ это. „Нѣкоторый дворялинъ, говорилъ царь своимъ приближеннымъ, желалъ въ деревнѣ у себя мельницу построить, а не имѣлъ воды. И видя у сосѣдей озера и болота, имѣющія воды довольство, немедленно зачалъ по согласію оныхъ каналъ копать и на мельницу припасъ доставлять, котораго хотя при себѣ въ совершенство привести не могъ, но дѣти сожалѣя иждивенія родителя ихъ, по нуждѣ принялись и совершили“.

„Законы гражданскіе, сколь бы они не были совершенны, безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды. Въ числѣ сихъ установленій государственный совѣтъ издавна занималъ важное мѣсто“.

(Манифестъ объ образованіи Государственнаго Совѣта въ 1810 году).

Печатано по постановленію совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Милостивыя государыни
и
милостивые государи,

Царствованіе Александра Перваго представляетъ собою, послѣ времени Петра I и Екатерины II, одну изъ знаменательныхъ, свѣтлыхъ эпохъ въ русской исторіи. Въ эту пору становится особенно замѣтною тѣсная и неразрывная связь жизни русскаго общества съ западно-европейской: въ первомъ сильно отражаются идеи, развившіяся на Западѣ Европы въ XVIII ст., и движенія, совершавшіяся здѣсь въ теченіе этого вѣка. Все общеевропейское, особенно же французское, умственное и политическое, движеніе XVIII ст. нашло живой отголосокъ въ высшемъ русскомъ обществѣ второй половины этого вѣка и произвело замѣтное вліяніе на русскіе умы, нравы и общественныя учрежденія. Идеи одного изъ славныхъ представителей политической мысли XVIII вѣка, знаменитаго *Монтескье* легли въ основаніе „Наказа" императрицы Екатерины II „Коммиссіи для составленія новаго гражданскаго уложенія" для русской имперіи (1767 г.). На эту коммиссію была возложена обязанность создать новое гражданское и политическое устройство для Россіи на основаніи идей народнаго блага, уваженія къ человѣческой личности и обезпеченія ея свободы. Коммиссіи 1767 г. не удалось выполнить свою задачу, но идея о раздѣленіи властей Монтескье, видѣвшаго въ немъ необходимую гарантію личной свободы, легла въ основаніе предпринятыхъ Екатериной II преобразованій въ центральныхъ, особенно же мѣстныхъ учрежденіяхъ. Императрица рѣшилась обезпечить надолго гос-

подство новыхъ идей французской просвѣтительной философіи въ русскомъ обществѣ тѣмъ, что задумала воспитать наслѣдника русскаго престола, Александра Павловича, вмѣстѣ съ его братомъ, Константиномъ Павловичемъ, въ духѣ принциповъ философіи XVIII в. Съ этою цѣлью Екатерина поручила руководство воспитаніемъ великихъ князей швейцару *Лагарпу*, который по своимъ убѣжденіямъ былъ искреннимъ республиканцемъ. Лагарпъ оказалъ сильное вліяніе на умственное развитіе и образованіе характера Александра I-го, которому были внушены его воспитателемъ отвлеченные, космополитическіе идеалы,—самыя возвышенныя представленія о человѣческомъ благѣ, гражданской свободѣ и равенствѣ всѣхъ людей. Изъ своихъ уроковъ и частыхъ бесѣдъ съ Лагарпомъ Александръ Павловичъ вынесъ то убѣжденіе, что республика—единственная форма правленія, сообразная съ желаніями и правами человѣка, и что верховная власть должна быть ввѣряема по свободному выбору націи наиболѣе способному управлять ею. Всю свою будущую дѣятельность наслѣдникъ русскаго престола, увлекавшійся восторженными и краснорѣчивыми проповѣдями Лагарпа о высшихъ задачахъ дѣятельности человѣка и особенно монарха, мечталъ основать на демократическихъ началахъ свободы и счастья всего русскаго народа. Александръ твердо рѣшился избѣгать произвола въ своихъ дѣйствіяхъ и стремиться къ водворенію начала законности въ управленіи. И на самомъ дѣлѣ при своихъ реформахъ въ высшей администраціи, къ которымъ онъ приступилъ съ первыхъ же дней своего царствованія и продолжалъ до его половины, государь преслѣдовалъ одну и туже цѣль—созданіе въ Россіи прочныхъ политическихъ учрежденій, въ дѣятельности которыхъ были бы положены извѣстныя границы личному произволу и вся она была бы основана на строгой законности. Такъ первое изъ преобразованныхъ Александромъ I учрежденій—Непре-

мѣнный Совѣтъ долженъ былъ „постановить силу и блаженство имперіи россійской *на незыблемомъ основаніи закона*". При открытии вновь образованнаго въ 1810 г. государственнаго совѣта Александръ прямо заявилъ, что онъ „всегда желалъ, чтобы благосостояніе имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ". Задачей вновь учрежденнаго совѣта будетъ „установить порядокъ и оградить имперію добрыми законами". Въ манифестѣ объ образованіи государственнаго совѣта было сказано, что „истинный разумъ всѣхъ усовершеній государственнаго устройства состоялъ въ Россіи до сихъ поръ въ томъ, чтобы по мѣрѣ просвѣщенія и расширенія общественныхъ дѣлъ учреждать постепенно образъ правленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона". Все устройство государственнаго совѣта 1810 г. и министерствъ, организованныхъ въ 1811 г., было проникнуто одной и той же идеей законности. Даже во вторую половину своего царствованія Александръ, глубоко разочарованный въ своихъ юношескихъ идеалахъ, не оставлялъ своего намѣренія дать Россіи „свободныя учрежденія". При открытіи (въ 1818 г.) перваго сейма въ Варшавѣ государь заявилъ, что онъ надѣется „распространить благодѣтельное вліяніе свободныхъ учрежденій на всѣ страны, ввѣренныя провидѣніемъ его попеченію, какъ только начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости". Проэктъ такого рода политическихъ учрежденій было поручено составить Александромъ I одному изъ первыхъ его сотрудниковъ при реформахъ—Новосильцеву.

Такого же рода либеральными убѣжденіями, какъ императоръ Александръ I, отличались его ближайшіе помощники въ первую эпоху реформъ, члены неоффиціальнаго комитета, къ которому, кромѣ Новосильцева, принадлежали: графъ Строгановъ, графъ Кочубей и князь Чарторижскій. Всѣ они раздѣляли взгляды государя на то, чтобы „рефор-

мировать все безобразное зданіе государственной администраціи" въ духѣ закономѣрныхъ западно-европейскихъ учрежденій. Вмѣстѣ съ государемъ они мечтали о введеніи въ Россіи „въ будущемъ представительнаго образа правленія". „Первый шагъ на пути къ его образованію" члены неоффиціальнаго комитета видѣли въ реформѣ сената, изъ котораго они намѣревались создать со временемъ политическое учрежденіе,—преобразовать его „въ родъ верхней палаты, гдѣ депутаты отъ русской знати участвовали бы въ обсужденіи и рѣшеніи разнаго рода законодательныхъ и административныхъ дѣлъ". Планы представителей старой, консервативной партіи при дворѣ Александра I, состоявшей изъ вельможъ царствованія Екатерины II, не шли такъ далеко. Всѣ они желали только того, чтобы въ управленіи былъ установленъ „законъ и порядокъ твердый, неизмѣняемый, неколеблемый ничьимъ произволомъ". Но особенно коренное преобразованіе всѣхъ русскихъ высшихъ учрежденій было намѣчено сотрудникомъ Александра Павловича во вторую эпоху его реформъ—Сперанскимъ въ его, составленномъ по желанію государя, „Проэктѣ уложенія государственныхъ законовъ". „Весь разумъ сего плана, писалъ потомъ Сперанскій изъ Перми государю, состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы". Въ планѣ Сперанскаго предполагалось введеніе цѣлой системы свободныхъ политическихъ учрежденій, въ числѣ которыхъ находился и государственный совѣтъ. Съ точки зрѣнія этого плана, гдѣ выразились политическія убѣжденія Александра I и Сперанскаго, обыкновенно разсматривается въ русской исторической наукѣ образованіе государственнаго совѣта въ 1810 г., который является въ глазахъ русскихъ историковъ-юристовъ учрежденіемъ, навѣяннымъ иностранными образца-

ми и потому ничѣмъ не связаннымъ съ предшествующими высшими учрежденіями начала царствованія Александра I, не говоря уже объ XVIII столѣтіи. Между тѣмъ, изученіе архивныхъ документовъ, также какъ и печатнаго матеріала по исторіи высшаго управленія въ XVIII в. и въ царствованіе Александра I, приводитъ, прежде всего, къ убѣжденію въ внутренней связи всѣхъ реформъ Александра I, а также и преобразованія при немъ государственнаго совѣта, кромѣ политическихъ убѣжденій государя, еще и съ высшими учрежденіями XVIII ст. Можно утверждать, что уже въ концѣ этого вѣка было *подготовлено* направленіе, намѣченъ тотъ путь, по которому потомъ совершались реформы въ высшемъ управленіи въ царствованіе Александра I. Въ началѣ XIX вѣка именно были устранены и восполнены многіе изъ существенныхъ недостатковъ, сказавшихся въ организаціи высшихъ учрежденій XVIII ст. Въ теченіе почти всего этого вѣка замѣчаются постоянная неустойчивость и колебаніе въ положеніи разныхъ высшихъ учрежденій. Одни изъ нихъ смѣняются другими, чтобы, въ свою очередь, уступить свое мѣсто новымъ, подобнымъ же учрежденіямъ. Отношенія между всѣми высшими учрежденіями XVIII вѣка отличаются неопредѣленнымъ характеромъ, и каждое изъ нихъ завѣдуетъ самыми разнообразными дѣлами. Одинъ сенатъ Петра Великаго стоитъ непоколебимо среди этой безпрерывной смѣны разныхъ высшихъ учрежденій, которая то уменьшаетъ, то увеличиваетъ роль сената въ управленіи, но ни разу не грозитъ сенату полнымъ уничтоженіемъ. Но откуда же вытекала эта необыкновенная стойкость сената при такой калейдоскопической смѣнѣ высшихъ учрежденій въ XVIII в., и какъ среди этого хаотическаго состоянія высшей русской администраціи въ это столѣтіе были подготовлены всѣ реформы Александра I и особенно окончательное образованіе государственнаго совѣта въ 1810 году? Въ отвѣтъ на этотъ важ-

ный вопросъ, до сихъ поръ мало затрогиваемый въ русской наукѣ, я пытаюсь указать въ своемъ изслѣдованіи на тѣ причины, подъ вліяніемъ которыхъ складывалась вся исторія высшихъ русскихъ учрежденій въ XVIII вѣкѣ. Однѣ изъ этихъ причинъ существовали только въ теченіе XVIII стол. и исчезли въ немъ же; другія остались и въ началѣ XIX в. и продолжали оказывать извѣстное вліяніе на всѣ реформы Александра I. Къ перваго рода причинамъ относятся: стремленіе русской аристократіи къ политическому преобладанію въ государственномъ управленіи и борьба между личнымъ и коллегіальнымъ началомъ въ организаціи учрежденій XVIII столѣтія. Всѣ властолюбивыя стремленія русской знати, выразившіяся особенно въ политическомъ могуществѣ ихъ органа—В. Т. Совѣта, прекратились съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, когда была сдѣлана графомъ Панинымъ послѣдняя и неудачная попытка надѣлить русскую аристократію политическими правами. Въ царствованіе же Екатерины II выясняется взаимное отношеніе и истинная роль личнаго и коллегіальнаго начала въ устройствѣ высшихъ учрежденій. Одной изъ главныхъ продолжительныхъ причинъ образованія высшихъ русскихъ учрежденій въ теченіе всего XVIII вѣка и въ началѣ XIX была, постоянно сознаваемая всѣми государями этого времени, потребность въ спеціальномъ высшемъ законодательномъ учрежденіи, удовлетворяемая въ той или другой мѣрѣ высшими учрежденіями XVIII вѣка разныхъ названій (Сенатомъ, В. Т. Совѣтомъ, Кабинетомъ, Конференціей, Совѣтомъ при Высочайшемъ Дворѣ и Императорскимъ Совѣтомъ). Изъ той же потребности вытекло преобразованіе екатерининскаго совѣта Александромъ I въ Непремѣнный Совѣтъ. Окончательно потребность въ законодательномъ учрежденіи для русской имперіи была удовлетворена образованіемъ государственнаго совѣта въ 1810 г. Высшія учрежденія XVIII вѣка создавались также до нѣко-

торой степени по типу разныхъ иноземныхъ учрежденій, которыя сдѣлались извѣстными русскимъ государямъ и русскому обществу при ихъ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми европейскими странами и государствами. Александръ Павловичъ не могъ при своихъ реформахъ игнорировать совершенно иностранныя учрежденія уже по одному тому, что всѣ его политическія убѣжденія, сложившіяся подъ вліяніемъ общеевропейскихъ философскихъ идей, влекли реформатора неудержимо къ Западу Европы. На тотъ же путь подражанія иностраннымъ образцамъ готовы были вступить охотно и молодые сотрудники Александра I при его административныхъ преобразованіяхъ. Въ первую ихъ эпоху при работахъ надъ реорганизаціей совѣта, сената и министерствъ Александръ съ своими сотрудниками только имѣли въ виду аналогичныя учрежденія въ западно-европейскихъ государствахъ, не подражали имъ слѣпо, становились при реформахъ невольно на путь, намѣченный русской исторіей. Но послѣ того, какъ государь съ Сперанскимъ побывали за границей и познакомились съ французскими учрежденіями, у нихъ явилась мысль создать въ Россіи „совершенную, монархическую систему“ политическихъ учрежденій по образцу западно-европейскихъ. На сколько далеко отклонилась организація государственнаго совѣта по его „Образованію“ въ 1810 году отъ историческаго, чисто русскаго характера этого учрежденія, на этотъ вопросъ я позволю себѣ отвѣтить немного позже. Здѣсь же я обращаю Ваше вниманіе на тотъ фактъ, что подъ вліяніемъ всѣхъ, указанныхъ мною, причинъ образованія высшихъ учрежденій въ XVIII вѣкѣ совершалось въ немъ постепенное распредѣленіе функцій управленія между разными высшими учрежденіями этого столѣтія. Въ концѣ его процессъ обособленія главныхъ задачъ управленія закончился тѣмъ, что законодательство перешло въ вѣдомство Совѣта при Высочайшемъ Дворѣ, судъ къ сенату, внутреннее

же управленіе сосредоточилось преимущественно въ рукахъ генералъ-прокурора и другихъ отдѣльныхъ лицъ съ правами самостоятельнаго завѣдыванія отдѣльными отраслями администраціи. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ при Павлѣ I были прямо названы министрами. Прослѣдить послѣдующее распредѣленіе функцій управленія между отдѣльными высшими учрежденіями въ теченіе всего царствованія Александра I — не спеціальная задача моего труда, гдѣ этотъ вопросъ разсматривается только по отношенію къ образованію государственнаго совѣта при Александрѣ I.

Я уже замѣтилъ, что на образованіи государственнаго совѣта и другихъ высшихъ учрежденій при Александрѣ I отразились извѣстнымъ образомъ политическія убѣжденія государя и его сотрудниковъ. Имѣютъ большое значеніе въ данномъ случаѣ и нѣкоторыя особенности характера Александра Павловича. Именно та нерѣшительность и неустойчивость въ намѣреніяхъ и осуществленіи плановъ, которыя сложились въ немъ подъ вліяніемъ особенныхъ условій личной жизни Александра при дворѣ его бабки и въ царствованіе Павла I-го, должны были оказать и дѣйствительно оказали сильное вліяніе на весь ходъ предпринятыхъ Александромъ реформъ. Отсутствіемъ у него твердаго и рѣшительнаго характера объясняются колебанія Александра при всѣхъ его реформахъ, которыя поэтому оказывались непослѣдовательными, отрывочными. Изъ неполнаго же примѣненія проэктируемыхъ учрежденій вытекали разные недостатки въ организаціи образованныхъ учрежденій и нѣкоторый неуспѣхъ въ ихъ дѣятельности. При оцѣнкѣ реформъ Александра I нужно, наконецъ, принять во вниманіе еще то обстоятельство, что самъ онъ недостаточно былъ знакомъ съ русскою общественною жизнью и русской исторіей, о которыхъ воспитатели Александра сообщали ему поверхностныя или же превратныя свѣдѣнія. Отсюда понятна нѣкоторая отвлечен-

ность административныхъ плановъ Александра I, которые не могли быть осуществлены въ полномъ ихъ видѣ. Извѣстно, что реформы въ управленіи были начаты имъ съ преобразованія Совѣта при Высочайшемъ Дворѣ Екатерины II, называвшагося при Павлѣ Петровичѣ Высочайшимъ или Императорскимъ Совѣтомъ. Совѣтъ Екатерины II былъ первымъ въ Россіи *постояннымъ* высшимъ учрежденіемъ, которому было предоставлено императрицей право совѣщанія въ законодательныхъ вопросахъ. Въ этомъ убѣждаетъ непосредственное знакомство съ протоколами дѣятельности совѣта при Высочайшемъ Дворѣ. Изъ протоколовъ же засѣданій павловскаго совѣта видно, что законодательные вопросы занимали его даже болѣе, чѣмъ екатерининскій совѣтъ. Такой же законосовѣщательный характеръ имѣютъ устройство и дѣятельность Непремѣннаго Совѣта, преобразованнаго изъ совѣта Екатерины II или, вѣрнѣе,—Павла I. Совѣтъ названъ Непремѣннымъ (т. е. постояннымъ) въ знакъ того, что онъ долженъ быть независимымъ отъ всякихъ случайностей. Непремѣнный Совѣтъ оправдалъ свое назначеніе, потому что, не смотря на недовѣрчивое отношеніе къ нему членовъ неоффиціальнаго комитета и равнодушіе самого государя, онъ продолжалъ неутомимо работать надъ поручаемыми ему многочисленными законодательными дѣлами. Незнакомство съ подлинною дѣятельностью Непремѣннаго Совѣта было причиной того факта, что русскіе историки права не обращали на него почти никакого вниманія. Подробное изученіе всѣхъ актовъ законодательной дѣятельности Непремѣннаго Совѣта приводитъ, наоборотъ, къ убѣжденію, что онъ такое же законодательное учрежденіе, какъ и два предшествовавшіе ему совѣта, съ которыми онъ связанъ тѣсно этимъ характеромъ своей дѣятельности. Но Непремѣнный Совѣтъ обладалъ большими правами въ сферѣ законодательства и самый кругъ его законодательной дѣятельности былъ много обширнѣе, не-

жели дѣятельность совѣта Екатерины II и Павла I. Непремѣнному Совѣту именно было предоставлено право толкованія, дополненія и отмѣны законовъ и онъ, кромѣ того, занимался обсужденіемъ и рѣшеніемъ многочисленныхъ вопросовъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ государственнаго управленія. Нѣкоторые акты дѣятельности Непремѣннаго Совѣта даютъ основаніе для разрѣшенія важнаго вопроса русскаго государственнаго права,—объ отношеніи подписныхъ Высочайшихъ указовъ къ словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Непремѣнный Совѣтъ категорически и послѣдовательно проводилъ взглядъ, что подписной Высочайшій указъ, состоявшійся по поводу рѣшенныхъ въ совѣтѣ дѣлъ, имѣетъ значеніе закона и поэтому не можетъ быть отмѣняемъ словеснымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, которое Непремѣнный Совѣтъ считаетъ „частнымъ, спеціальнымъ закономъ“. Совѣтъ также сознавалъ различіе между коренными или основными и обыкновенными законами. Дѣятельность Непремѣннаго Совѣта въ области законодательства тормозилась, отчасти, тѣмъ, что въ рѣшеніи законодательныхъ дѣлъ участвовалъ комитетъ министровъ и въ одно время даже сенатъ. Совѣту мѣшала заниматься спеціальнымъ его дѣломъ и необходимость разсматривать разныя административныя и судебныя дѣла, которыя передавались ему по волѣ государя. Совѣтъ не разъ протестовалъ противъ такого невольнаго превращенія его въ административное, особенно же судебное учрежденіе, хотя это обстоятельство имѣло и свою хорошую сторону. Рѣшеніе совѣтомъ разныхъ административныхъ вопросовъ и судебныхъ дѣлъ въ окончательной формѣ сдерживало въ извѣстныхъ границахъ сильное развитіе въ первую эпоху царствованія Александра I личнаго, бюрократическаго элемента, власти отдѣльныхъ министровъ. Такимъ образомъ, если мы обратимъ вниманіе на, доказываемую фактами, обширность и важность правъ Непремѣннаго Совѣта въ госу-

дарственномъ управленіи, гдѣ онъ являлся законодательнымъ и, отчасти, высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, то мы вправѣ поставить его во главѣ всего высшаго управленія въ первую эпоху реформъ Александра I и тѣмъ исправить ошибочный взглядъ на будто бы незначительную роль Непремѣннаго Совѣта, существующій въ русской исторической наукѣ.

Административныя реформы втораго періода преобразовательной дѣятельности Александра I были вызваны многими недостатками въ устройствѣ высшихъ учрежденій первой эпохи. Непремѣнный Совѣтъ, не смотря на свои дѣйствительныя обширныя права въ области законодательства, не имѣлъ опредѣленнаго устройства и компетентность его была смѣшаннаго характера. Коренное судебное значеніе сената, развившееся исторически и закрѣпленное за нимъ его реформой въ 1802 г., ослаблялось вмѣшательствомъ въ судебныя дѣла совѣта и комитета министровъ. Главная роль въ государственномъ управленіи принадлежала отдѣльнымъ министрамъ и комитету министровъ. Послѣдній пріобрѣлъ большое значеніе въ высшемъ управленіи вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ въ первые годы царствованія Александра I. Общимъ результатомъ подобнаго состоянія высшей администраціи накунѣ второй эпохи реформъ было безпорядочное смѣшеніе дѣлъ во всѣхъ частяхъ управленія. Справедливо поэтому замѣчалъ Сперанскій въ своей „Запискѣ о необходимости учрежденія государственнаго совѣта“, что такъ какъ „главныя отношенія разныхъ частей управленія не были опредѣлены и не соображены между собою, то каждое дѣло могло по произволу поступить въ различныя установленія (совѣтъ, сенатъ или комитетъ министровъ) и ни въ одномъ изъ нихъ не установлено порядка, теченію государственныхъ дѣлъ свойственнаго и единообразнаго“. Изъ упомянутой мною „Записки“ Сперанскаго, составленной имъ въ

1809 г., видно, что онъ былъ хорошо знакомъ съ недостатками высшаго русскаго управленія предъ началомъ новаго его преобразованія въ 1810—1811 гг. Задолго до этого времени, еще когда преобразованныя Александромъ въ началѣ его царствованія высшія учрежденія только что начали дѣйствовать, Сперанскій указывалъ и на тѣ начала, которыя должны были лечь въ основаніе дальнѣйшихъ ихъ реформъ. Еще въ 1803 г. Сперанскій мечталъ, какъ онъ говорилъ тогда, о „совершенной монархической системѣ“ и, создавая въ своемъ „Проэктѣ учрежденія губернскихъ мѣстъ“ цѣлый рядъ высшихъ учрежденій изъ уже существующихъ, видѣлъ въ этомъ ихъ устройствѣ только средство „возвести народное мнѣніе ближе къ идеямъ монархическимъ и поставить Россію на одной чредѣ съ прочими европейскими государствами, не отнимая ничего отъ силы необходимаго ей самодержавія“. Сперанскій надѣется, что „приспѣетъ время, когда вслѣдствіе развитія просвѣщенія и многихъ другихъ обстоятельствъ созрѣетъ возможность лучшаго управленія и когда почти безъ всякихъ перемѣнъ въ тѣже такъ сказать рамы вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное“. Предполагаемыя Сперанскимъ въ проэктѣ 1803 г., высшія учрежденія (сенатъ законодательный и исполнительный съ отдѣленіями суднымъ и управляющимъ) должны были обезпечить *законность* въ управленіи, поставить „твердую преграду насиліямъ власти, если не въ самыхъ сихъ установленіяхъ, то во мнѣніи, увѣренности, привычкахъ народныхъ, особливо когда привычки сія продолженіемъ добраго царствованія въ сердцахъ укрѣпятся. Сіе укрѣпленіе, замѣчаетъ Сперанскій, всегда было надежнѣйшимъ оплотомъ политической свободы и можетъ быть лучшей гарантіей закона“. Къ той же цѣли—обезпеченію законности—направлено и все устройство новыхъ высшихъ учрежденій, основанныхъ на началѣ раздѣ-

ленія властей. На законодательный органъ возлагается составленіе законовъ и уложеній; предъ нимъ же отвѣчаютъ за свои дѣйствія всѣ министры. Какъ законодательное учрежденіе, такъ и административное и судебное обладаютъ извѣстною степенью независимости и самостоятельности, знакомъ которой служитъ названіе ихъ въ „Проэктѣ“ сословіями.

Всѣ эти общія черты „Проэкта“ Сперанскаго 1803 г. встрѣчаются потомъ въ его же знаменитомъ „Проэктѣ уложенія государственныхъ законовъ“ (1809 г.), гдѣ они только выражены болѣе опредѣленно и развиты также съ большею послѣдовательностью въ томъ же направленіи обезпеченія законности въ государственномъ управленіи. Мы можемъ поэтому утверждать, что Сперанскій много думалъ о необходимыхъ преобразованіяхъ въ высшей русской администраціи задолго до составленія „Проэкта“ 1809 г., который, какъ полагаютъ многіе изъ русскихъ ученыхъ, навѣянъ на Сперанскаго исключительно французскими идеями при поѣздкѣ его съ государемъ въ Эрфуртъ. Въ „Проэктѣ уложенія государственныхъ законовъ“ Сперанскій далъ образецъ, по его словамъ, „совершенной монархической системы“, гдѣ всему русскому народу предоставлялось участіе въ государственномъ управленіи, и устройство всѣхъ установленій „отъ кабинета государева до волостнаго правленія“ имѣло своей цѣлью водвореніе въ управленіи начала законности. Здѣсь Сперанскій предлагаетъ ввести въ Россіи ту „внутреннюю форму правленія“, при которой „самодержавіе будетъ покрыто не внѣшними только формами, но ограничено внутреннею и существенною силою установленій и державная власть учреждена на законѣ не словами, но самимъ дѣломъ“. Эта система установленій „не имѣетъ только вида законности и подъ предлогомъ единства державной власти не вводитъ совершеннаго самовластія, а ищетъ въ самомъ дѣлѣ ограничить и умѣрить его“. Сообразно съ этимъ общимъ характеромъ

организацiи всѣхъ высшихъ учрежденiй по „Проэкту“, предназначалась роль и государственному совѣту, который занималъ высшее мѣсто надъ ними. Совѣтъ долженъ былъ объединять всѣ остальныя высшiя учрежденiя (государственную думу, сенатъ и министерства) тѣмъ, что онъ содѣйствовалъ монарху въ предложенiи и утвержденiи законовъ. „Власть державная, бывъ окружена, говоритъ Сперанскiй, во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ дѣянiяхъ государственнымъ совѣтомъ, коего бытiе установляется не произволомъ, но кореннымъ государственнымъ закономъ, всегда болѣе будетъ имѣть способовъ предлагать законы съ зрѣлостью, нежели каждый членъ законодательнаго сословiя“. Участiе государственнаго совѣта въ законодательной дѣятельности монарха является въ глазахъ Сперанскаго прочной гарантiей законности: „державная власть, предлагающая и утверждающая законъ при содѣйствiи совѣта, не можетъ, говоритъ онъ, поступать, какъ и совѣтъ, противъ разума закона. Поэтому всякая мѣра, нарушающая законъ, должна быть вмѣнена министрамъ, какъ исполнителямъ воли державной власти“. Государственный совѣтъ, слѣдовательно, являлся по „Проэкту“ спецiальнымъ органомъ законодательства, безъ котораго была невозможна дѣятельность самого монарха. Въ этомъ безусловно необходимомъ и обязательномъ для монарха содѣйствiи государственнаго совѣта въ созданiи законовъ должна была заключаться по „Проэкту“ сдерживающая и ограничивающая роль совѣта по отношенiю къ власти монарха. Въ „Проэктѣ“ находятся коренные законы, которыми опредѣляются составъ государственнаго совѣта, существо и главныя формы его дѣятельности. Въ числѣ этихъ формъ указана формула: „внявъ мнѣнiю государственнаго совѣта, постановляемъ или утверждаемъ“. Этой формулой должны были сопровождаться постановленiя совѣта относительно новыхъ законовъ, уставовъ и учрежденiй и ихъ дополненiй. Въ ней также выра-

жалось ограничительное значеніе государственнаго совѣта по отношенію къ власти государя, который *долженъ* былъ утверждать мнѣнія совѣта.

Планъ Сперанскаго относительно кореннаго преобразованія всѣхъ высшихъ русскихъ высшихъ учрежденій былъ принятъ государемъ, такъ что Сперанскій надѣялся, что въ „1811 г. Россія восприиметъ *новое бытіе* и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится“. Ожиданія Сперанскаго, однако, не оправдались. Александромъ Павловичемъ овладѣло сомнѣніе въ возможности осуществить весь планъ цѣликомъ, вдругъ. Онъ сталъ колебаться и Сперанскій поспѣшилъ спасти хотя бы нѣкоторыя части плана, убѣдить государя преобразовать нѣкоторыя изъ существующихъ учрежденій и, прежде всего, государственный совѣтъ. Съ этою цѣлью Сперанскій представилъ государю извѣстную намъ „Записку о необходимости учрежденія государственнаго совѣта“, гдѣ онъ ставитъ эту необходимость его реформы въ связь со всѣмъ состояніемъ высшей русской администраціи въ моментъ составленія „Записки“. Государственный совѣтъ нуженъ, говорится здѣсь, „для постояннаго сосредоточенія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, для общаго ихъ *соображенія* и составленія законовъ, уставовъ и учрежденій“. Образованія государственнаго совѣта требуютъ „твердость и постоянство закона и необходимость устранить изъ государственнаго управленія безпорядокъ и смѣшеніе во всѣхъ его частяхъ, проистекающія отъ недостатка въ прочно организованномъ государственномъ совѣтѣ“. Какъ видно изъ этихъ словъ „Записки“ Сперанскаго, онъ теперь уже отказывается провести на дѣлѣ свою идею о государственномъ совѣтѣ, какъ учрежденіи, объединяющемъ всѣ высшія установленія. Нѣтъ здѣсь намека на ограничительную роль совѣта по отношенію къ власти русскаго государя. На совѣтъ перенесено все „уваженіе законовъ“, принадлежащее по „Проэкту“

законодательной думѣ; но совѣту вручается лишь законосовѣщательная функція, выполненіе которой ставитъ совѣтъ въ положеніе только органа неограниченной власти русскаго государя. Эта мысль о государственномъ совѣтѣ, какъ законосовѣщательномъ учрежденіи, легла въ качествѣ одного изъ руководящихъ началъ въ основаніе „Образованія государственнаго совѣта“ 1810 г.; цѣлый рядъ особыхъ §§ „Образованія“ опредѣлялъ зависимость совѣта отъ воли государя относительно личнаго состава, содержанія и всего хода законодательной дѣятельности государственнаго совѣта. Но на ряду съ этими §§ „Образованія“, придающими совѣту законосовѣщательный характеръ, въ томъ же „Образованіи“ есть нѣсколько §§, внесенныхъ изъ „Проэкта“ Сперанскаго съ очевидною цѣлью сохранить за государственнымъ совѣтомъ и значеніе ограничивающаго власть государя учрежденія. Такъ какъ предположеніе относительно организаціи государственной думы было оставлено, то Сперанскій, не теряя надежды, хотя со временемъ, видѣть весь свой планъ выполненнымъ на дѣлѣ, вручаетъ совѣту всю законодательную власть, оставляя за нимъ въ тоже время и ограничительную роль по отношенію къ власти государя. Въ виду будущаго выполненія плана за совѣтомъ сохранено содѣйствіе государю въ предложеніи и утвержденіи законовъ, которое онъ имѣлъ по „Проэкту“. На самомъ дѣлѣ совѣтъ, какъ законосовѣщательное учрежденіе, не могъ уже ни предлагать проэкты законовъ, ни подавать свой самостоятельный голосъ при ихъ утвержденіи государемъ. Объ иниціативѣ законовъ, какъ спеціальной функціи не самого государственнаго совѣта, а государственной думы по „Проэкту“, въ „Образованіи“ совѣта 1810 г. напоминаетъ нѣсколько право частныхъ лицъ подавать въ учрежденную при совѣтѣ коммиссію прошеній разные проэкты. Эти проэкты послѣ того, какъ министры найдутъ ихъ заслуживающими особеннаго уваженія, поступали прямо въ

государственный совѣтъ, который могъ разсматривать законопроэкты самостоятельно, независимо отъ воли государя. Совѣтъ, слѣдовательно, пріобрѣталъ въ данномъ случаѣ право свободнаго обсужденія законопроэктовъ. Самая же инициатива законовъ прямо была предоставлена вскорѣ по „Общему учр. министерствъ“ министрамъ, которые только могли „представлять въ государственный совѣтъ о необходимости новаго закона или учрежденія или объ отмѣнѣ прежняго“. На самостоятельное же, политическое значеніе государственнаго совѣта указываютъ нѣкоторыя другія черты „Образованія“ 1810 г. Такъ совѣтъ названъ въ немъ публичнымъ установленіемъ и *сословіемъ*. Послѣдній терминъ въ эпоху всѣхъ реформъ Александра I означалъ политическое учрежденіе. Сословіемъ былъ названъ сенатъ при его реформѣ въ 1802 году въ виду его предполагаемаго преобразованія въ верхнюю палату народнаго представительства и дѣйствительнаго надѣленія его нѣкоторыми политическими правами (напримѣръ, правомъ толковать законы и безъ конфирмаціи государя утверждать приговоры по нѣкоторымъ важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ). По „Проэкту“ 1809 г. названіе сословія прилагалось одинаково къ обоимъ законодательнымъ учрежденіямъ— государственной думѣ и государственному совѣту. Поэтому нѣтъ никакого основанія думать, чтобы этотъ терминъ вошелъ въ „Образованіе“ 1810 г. съ другимъ, только юридическимъ, а не политическимъ значеніемъ, тѣмъ болѣе, что совѣту было поручено „Образованіемъ“ уваженіе законовъ, принадлежавшее по „Проэкту“ государственной думѣ. Но не въ этомъ названіи государственнаго совѣта сословіемъ лежитъ центръ его политическаго значенія по „Образованію“ 1810 года, точно также какъ нельзя его искать въ устанавливаемомъ имъ, согласно „Проэкту“, различіи между законами, уставами и учрежденіями. По „Проэкту“ законы должны были составлять предметъ дѣятельности государственной ду-

мы; уставы же и учрежденія, какъ „образъ исполненія законовъ“, относятся къ дѣйствію исполнительной власти — монарха съ министрами. Но правительство, чтобы избѣжать отвѣтственности за нарушеніе закона уставами и учрежденіями, могло вносить ихъ на разсмотрѣніе законодательнаго сословія. Такъ какъ по „Образованію“ 1810 года совѣтъ сталъ единственнымъ законодательнымъ учрежденіемъ въ имперіи, то главнымъ предметомъ его дѣятельности явилось обсужденіе проэктовъ законовъ, уставовъ и учрежденій. Эти важнѣйшія формы законодательства поставлены „Образованіемъ“ на первый планъ, указанъ особый порядокъ ихъ разсмотрѣнія въ совѣтѣ и установлена особая форма ихъ изданія по утвержденіи государемъ. Въ различіи между законами, уставами и учрежденіями, внесенномъ въ „Образованіе“ 1810 года цѣликомъ изъ предполагаемаго круга дѣлъ государственной думы, можно видѣть попытку Сперанскаго сохранить въ устройствѣ совѣта отличіе актовъ законодательной и исполнительной власти, которое могло положить со временемъ твердую опору для сдерживанія произвола администраціи и обезпеченія законности въ управленіи. Законы, уставы и учрежденія, также какъ и дополненія къ уставамъ и учрежденіяхъ, издаются по „Образованію“ въ торжественной формѣ манифестовъ, которые сопровождались, взятой изъ „Проэкта“, знаменательной формулой: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, постановляемъ или утверждаемъ“. Употребленіе манифестовъ съ этой формулой при созданіи законовъ, уставовъ и учрежденій и придавало политическое значеніе государственному совѣту 1810 г. Формула: „внявъ мнѣнію“ получала этотъ особенный политическій характеръ въ связи съ опредѣленіемъ „Образованія“ о томъ, что въ совѣтѣ должны были приниматься постановленія о новыхъ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ по большинству голосовъ. Такого рода рѣшенія совѣта представлялись потомъ

государю на утвержденіе и издавались въ манифестахъ съ формулой: „внявъ мнѣнію“. Мнѣнія большинства, слѣдовательно, были *обязательны* для государя, такъ какъ въ нихъ выражалось мнѣніе всего совѣта. Только подъ такими его рѣшеніями государь могъ подписать: „внявъ мнѣнію совѣта“ и поэтому *непремѣнно* утвердить ихъ въ качествѣ самостоятельныхъ его рѣшеній по тому или другому законодательному вопросу. Нужно замѣтить, что въ организаціи совѣта по „Проэкту“ не было правила о томъ, чтобы его мнѣнія составлялись по большинству голосовъ. Оно находится въ той части „Проэкта“, гдѣ говорится о государственной думѣ. Здѣсь именно сказано, что „законъ, отвергнутый большинствомъ голосовъ въ думѣ, останется недѣйствительнымъ“. Это правило и съ такимъ же политическимъ значеніемъ перенесено въ устройство государственнаго совѣта по его „Образованію“, гдѣ оно въ связи съ формулой: „внявъ мнѣнію“ должно было обезпечить совѣту самостоятельность при его рѣшеніяхъ. Что употребленіе этой формулы обусловливало собою нѣкоторую самостоятельность государственнаго совѣта, на это указываетъ, между прочимъ, еще тотъ фактъ, что таже формула примѣнялась Александромъ Павловичемъ по дѣламъ, касающимся Финляндіи. Она включалась въ рѣшенія по дѣламъ не всѣхъ русскихъ генералъ-губернаторовъ, а лишь однихъ финляндскихъ потому, что присоединенная только при Александрѣ I Финляндія обладала своеобразными политическими порядками, на которые государь обращалъ вниманіе при рѣшеніи финляндскихъ дѣлъ.

Таково теоретическое значеніе формулы: „внявъ мнѣнію“ по „Образованію“ государственнаго совѣта 1810 г. Но эта формула имѣла такой же политическій характеръ и на самомъ дѣлѣ, хотя и не во все время законодательной дѣятельности государственнаго совѣта при Александрѣ I. Формула: „внявъ мнѣнію“ попадается особенно часто въ мани-

фестахъ, издаваемыхъ въ первые два съ половиной года дѣятельности государственнаго совѣта (1810—іюль 1812 года), когда въ ней участвовалъ самъ Сперанскій. На это время, какъ показываютъ акты дѣятельности совѣта, падаетъ особенное развитіе самостоятельной его дѣятельности, которую допускалъ и государь. Въ совѣтѣ ведутся оживленныя пренія по разнымъ вопросамъ публичнаго и частнаго права, особенно же при обсужденіи проэкта гражданскаго уложенія. Съ удаленіемъ Сперанскаго въ ссылку, наступленіемъ отечественной войны 1812 г., событіями, повлекшими за собою разочарованіе Александра Павловича въ его юношескихъ политическихъ идеалахъ, особенно же съ водвореніемъ въ государственномъ управленіи всемогущаго графа Аракчеева исчезаетъ и все политическое значеніе дѣятельности государственнаго совѣта, которая теперь значительно съуживается и теряетъ свой прежній свободный и оживленный характеръ. Положимъ, манифесты съ формулой: „внявъ мнѣнію“ попадаются до самаго конца царствованія Александра I, но ихъ немного и употребленіе этой формулы въ манифестахъ не означало теперь дѣйствительнаго самостоятельнаго вліянія на законодательство государственнаго совѣта, а было только одной пустой формой, въ которой сохранилась на бумагѣ идея объ ограничительномъ значеніи государственнаго совѣта. Но даже и въ эту пору господства въ управленіи личнаго произвола графа Аракчеева существовало сознаніе политическаго значенія формулы: „внявъ мнѣнію“. Ея употребленія избѣгаютъ тѣмъ, что почти всѣ законодательныя дѣла рѣшаются въ совѣтѣ по его мнѣніямъ, которыя по „Образованію“ 1810 г. не сопровождались этой формулой. Объ этой формулѣ и, связанномъ съ нею, политическомъ значеніи государственнаго совѣта вспомнили уже послѣ смерти Александра I. Вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ Николай Павловичъ поручилъ особому комитету (6 дек. 1826 г.)

пересмотръ устройства всѣхъ административнымъ учрежденій александровскаго царствованія. Въ этомъ комитетѣ участвовали важнѣйшіе дѣятели этого царствованія и въ числѣ ихъ самъ творецъ высшихъ учрежденій при Александрѣ I— Сперанскій. Неудивительно поэтому, что комитетъ 6 декабря высказался рѣшительно за возстановленіе цѣликомъ первоначальной организаціи государственнаго совѣта, возвращеніе ему значенія законодательнаго органа и, какъ выраженіе его самостоятельности въ законодательныхъ дѣлахъ, употребленіе, вмѣсто сдѣлавшихся обычными мнѣній государственнаго совѣта при его рѣшеніяхъ, манифестовъ съ формулой: „внявъ мнѣнію". На ряду съ этимъ мнѣніемъ комитета о реставраціи государственнаго совѣта первыхъ лѣтъ его существованія по „Образованію" 1810 г. въ высшемъ петербургскомъ обществѣ въ первое время царствованія Николая I раздавались и голоса партіи, которая порицала всѣ реформы прошлаго царствованія и желала административныхъ преобразованій въ противоположномъ духѣ. „Въ предшествовавшее царствованіе было сдѣлано, говорили эти люди, все, чтобы умалить права государя, какъ самодержца Ему ли говорить въ его указахъ: „*ознакомившись съ мнѣніемъ государственнаго совѣта, мы повелѣли и повелѣваемъ*"? Не слѣдуетъ пріучать нашъ слухъ къ такому тону; не надо государственнаго совѣта или посредника между неограниченнымъ главой государства и его народомъ; не нужно, наконецъ, конституціонныхъ формъ правленія, разъ что власть должна быть нераздѣльна. Необходимо изгнать всякую идею о конституціонномъ правленіи. Признано и доказано, что тотъ, кто хочетъ ослабить неограниченную власть государя, самъ себѣ роетъ яму". Въ этихъ послѣднихъ словахъ, очевидно скрывался намекъ на печальную судьбу Сперанскаго, который теперь и самъ былъ далекъ отъ мысли осуществить всѣ политическіе идеалы своего прошлаго. Изъ приведенныхъ же

толковъ о времени царствованія Александра I можно заключить, что за государственнымъ совѣтомъ 1810 г., созданнымъ этимъ государемъ, его современники и противники александровскихъ реформъ признавали значеніе законодательнаго учрежденія, самостоятельныя политическія права котораго выражались въ необходимости для государя знакомиться съ мнѣніями совѣта о дѣлахъ и непремѣнно утверждать ихъ. Николай Павловичъ положилъ конецъ всѣмъ этимъ толкамъ и надеждамъ членовъ комитета 6-го декабря на возстановленіе александровскаго совѣта 1810 г. изданіемъ (въ 1842 г.) новаго его учрежденія, въ которомъ формула: „внявъ мнѣнію“ выброшена изъ манифестовъ о новыхъ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ и для нихъ была признана необходимой только подпись государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ потеряло свое прежнее, особенное значеніе и правило объ обязательности для государя мнѣній большинства членовъ совѣта: оно осталось въ дѣятельности совѣта одной изъ формъ рѣшенія дѣлъ въ совѣтѣ, какъ коллегіи.

Люди, возстававшіе такъ сильно противъ александровскаго государственнаго совѣта, преувеличивали его значеніе въ царствованіе Александра I, потому что они судили о дѣятельности совѣта по употребленію формулы: „внявъ мнѣнію“ до конца прошлаго царствованія. На самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, эта формула послѣ 1812 г. потеряла свой первоначальный политическій характеръ: изъ двухъ началъ организаціи совѣта взялъ въ немъ верхъ на этотъ разъ принципъ самодержавной власти русскаго государя и совѣтъ превратился только въ законосовѣщательное учрежденіе. Обозрѣвая его законодательную дѣятельность (по департаменту законовъ), мы замѣчаемъ, что, какъ и въ первую половину царствованія Александра I, съ совѣтомъ конкурировалъ въ дѣлѣ законодательства комитетъ министровъ, который въ 1812 г. получилъ полное устройство, а затѣмъ постепенно, особенно при по-

мощи графа Аракчеева, занялъ въ государственномъ управленіи первое мѣсто. Но не смотря на такое соперничество комитета министровъ съ государственнымъ совѣтомъ въ законодательныхъ дѣлахъ, первый не обладалъ такими обширными правами, какія имѣлъ послѣдній до самаго конца царствованія Александра I. Государственному совѣту принадлежало право, котораго не имѣлъ комитетъ министровъ,—право дополненія и толкованія законовъ, которое было обезпечено совѣту прямо его „Образованіемъ". И совѣтъ, какъ показываютъ акты его дѣятельности, широко пользовался этимъ правомъ. Совѣтъ также занимался вопросомъ объ условіяхъ примѣненія законовъ и редакціи разсмотрѣнныхъ въ немъ законовъ. Самъ комитетъ министровъ сознаетъ теперь, что законодательство—задача дѣятельности государственнаго совѣта, почему многія законодательныя дѣла, внесенныя на разсмотрѣніе комитета министровъ его членами, препровождались потомъ имъ въ государственный совѣтъ. Но въ тоже время, благодаря тому обстоятельству, что законодательными дѣлами занимались, кромѣ совѣта, комитетъ министровъ и разные другіе коммиссіи и комитеты, совѣтъ не былъ единственнымъ мѣстомъ для законодательства, такъ что про вторую половину царствованія Александра I нельзя сказать, что отличительнымъ признакомъ закона было въ это время предварительное обсужденіе его въ государственномъ совѣтѣ. Въ самомъ совѣтѣ законодательство сосредоточивалось въ департаментѣ законовъ, въ которомъ разсматривались одни только законодательныя дѣла, обсуждались и составлялись законопроэкты по самымъ разнообразнымъ предметамъ государственнаго управленія. Акты дѣятельности департамента законовъ представляютъ собою много данныхъ для рѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ русскаго государственнаго права. Департаментъ понималъ законъ въ томъ смыслѣ, какъ его опредѣлялъ Сперанскій въ своемъ „Проэктѣ уложенія го-

сударственныхъ законовъ". Именно законъ былъ въ глазахъ департамента общей нормой, которою опредѣлялись организація учрежденій, права и обязанности сословій и вообще вводились тѣ или другія „перемѣны" въ разныя части народнаго благосостоянія (торговлю, промышленность, земледѣліе, народное образованіе и проч.). Такое же значеніе общей нормы законъ получалъ и при опредѣленіи департаментомъ взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ лицъ въ области ихъ семейной и имущественной жизни. Законъ, разсмотрѣнный въ департаментѣ законовъ по установленному „Образованіемъ" порядку, издавался также въ указанной тѣмъ же „Образованіемъ" формѣ. Тому же самому порядку разсмотрѣнія и изданія подвергались и уставы и учрежденія по „Образованію" 1810 г. Поэтому департаментъ законовъ не дѣлалъ никакого различія между законами, съ одной стороны, и уставами и учрежденіями съ другой: и тѣ, и другіе одинаково разсматривались въ департаментѣ законовъ. Согласно „Образованію", законъ былъ высшимъ выраженіемъ воли государя, облеченнымъ въ прочно установленную форму его обсужденія и изданія. Поэтому законъ никогда не отмѣнялся словеснымъ Высочайшимъ повелѣніемъ.

Въ качествѣ законосовѣщательнаго учрежденія государственный совѣтъ въ департаментѣ законовъ занимался обсужденіемъ законопроэктовъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ государственнаго управленія. Въ этомъ отношеніи дѣятельность государственнаго совѣта 1810 г. представляетъ собою, за нѣкоторыми исключеніями, продолженіе дѣятельности его предшественника, Непремѣннаго Совѣта, какъ по отношенію къ ея предметамъ, такъ и общему духу и направленію. Лишь при разсмотрѣніи вопроса о прекращеніи продажи людей безъ земли, относительно котораго Непремѣнный Совѣтъ высказался въ либеральномъ духѣ, въ государственномъ совѣтѣ было замѣчено (въ 1818 г.), что такое предложеніе коммиссіи

составленія законовъ основано на „несправедливыхъ умствованіяхъ, противорѣчащихъ существующимъ законамъ и даже вредныхъ народному благосостоянію“. Причину такого своего отношенія къ крестьянскому вопросу самъ же государственный совѣтъ указываетъ въ „волненіяхъ въ европейскихъ державахъ“, которыя, какъ извѣстно, подали поводъ въ Западной Европѣ къ развитію сильной реакціи. Ея отраженіемъ въ Россіи былъ, между прочимъ, и этотъ взглядъ государственнаго совѣта на крестьянскій вопросъ. За исключеніемъ этого особеннаго предмета дѣятельности государственнаго совѣта по департаменту законовъ, во всѣхъ остальныхъ въ ней замѣчается дальнѣйшее развитіе принциповъ, положенныхъ въ основаніе дѣятельности Непремѣннаго Совѣта по разнымъ вопросамъ публичнаго и частнаго права. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что и Непремѣнный Совѣтъ 1801 года, и государственный совѣтъ 1810 г. были въ сущности формами одного и того же высшаго законосовѣщательнаго учрежденія въ царствованіе Александра I. Различіе между ними заключалось лишь въ томъ, что въ 1810 г. государственный совѣтъ получилъ болѣе правильную и лучшую организацію, основанную на одномъ и томъ же принципѣ законности, который былъ главною задачей всей преобразовательной дѣятельности Александра Павловича, а также и созданія Непремѣннаго Совѣта. Окончательное образованіе государственнаго совѣта въ 1810 г. было завершеніемъ продолжительнаго историческаго процесса развитія высшаго русскаго управленія въ XVIII в. и началѣ XIX столѣтія. Поэтому-то, не смотря на то, что реформа государственнаго совѣта совершилась въ 1810 г. подъ сильнымъ вліяніемъ политическихъ теорій XVIII вѣка, иностранныхъ образцовъ, совѣтъ въ силу историческихъ традицій изъ политическаго учрежденія скоро превратился въ законосовѣщательное, въ которомъ главной задачей дѣятельности стало *проведеніе на-*

чала законности во всѣхъ областяхъ общественной и частной жизни. Это направленіе законодательной дѣятельности государственнаго совѣта александровскаго царствованія, оставшееся въ ней и до настоящаго времени, было какъ бы предвидѣно основателемъ государственнаго совѣта, графомъ Сперанскимъ. Все важное значеніе реформы совѣта въ 1810 г. для закономѣрнаго направленія русскаго государственнаго управленія какъ нельзя лучше выражено въ словахъ его „Записки о необходимости учрежденія государственнаго совѣта“:

„Великія государства движутся установленіями, лица перемѣняются и умираютъ, а духъ установленій живетъ и въ теченіе многихъ столѣтій охраняетъ оныя“.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДѢ РУСЛА ПУБЛИЧНЫХЪ РѢКЪ.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ*)

Право русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ

Въ настоящемъ раздѣлѣ нашей книги сочиненія римскихъ землемѣровъ будутъ пополнять скудныя свѣдѣнія о правѣ русла публичныхъ рѣкъ, почерпаемыя нами изъ пандектъ, и помогутъ намъ отмѣтить нѣкоторыя черты историческаго развитія этого права [1])[2]). Параллельно съ этимъ, толкованіе мѣстъ, въ которыхъ встрѣчается выраженіе „ius alluvionis",

---

*) Первый раздѣлъ помѣщенъ въ вышедшемъ въ 1895-омъ году, въ С.-Петербургѣ первомъ выпускѣ настоящаго труда.

[1]) *Литература.* Изъ указанныхъ выше, разд. I-ый, гл. I-ая § 1, сочиненій, которыя всѣ болѣе или менѣе касаются и вопроса о руслѣ публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ: Rudorff: „Gromatische Institutionen", стрр. 399. 452; Pernice: „Labeo" I, стр. 274—275; Brugi: Archivio giuridico XLII, въ особ. стрр. 305. 311; Ubbelohde: „Ausführliche Erläuterung der Pandekten", S. d. B. 41—43, IV, ч. 2, стр. 356—380 (въ настоящемъ раздѣлѣ обсужденіе этой книги введено, на ряду съ другими, въ общій текстъ изложенія); Schrader: Comment. ad § 20, II, 1, I. I.

[2]) Какъ уже замѣчено, основныя положенія римскаго аграрно-межеваго права, различеніе размежеванныхъ и неразмежеванныхъ земель, равно какъ и все относящееся къ этому различію, предполагается извѣстнымъ читателю. Къ указаннымъ выше сочиненіямъ (Вып. I, введеніе 1, примѣч. 6, стр. 4—5) слѣдуетъ прибавить: Karlowa: „Römische Rechtsgeschichte" I, стр. 304 слл. (§ 47); Marquardt: „Römische Staatsverwaltung" I, стр. 449 слл.; Madwig: „Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staats" II, стрр. 367. 368.

при соображенiи данныхъ предшествующаго изложенiя, наведетъ насъ на истинный смыслъ этого термина, въ высшей степени важнаго для пониманiя римскихъ ученiй о намывѣ, руслѣ публичныхъ рѣкъ и объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ.

Если относительно предметовъ, составляющихъ содержанiе предшествующаго изложенiя, мы имѣли основанiе сѣтовать, что сочиненiя римскихъ землемѣровъ не находили до послѣдняго времени надлежащей оцѣнки; то отнюдь нельзя сказать того-же о правѣ русла публичныхъ рѣкъ въ agris limitatis: тутъ совершенная недостаточность сообщенiй пандектъ [3]) искони заставляла нашихъ писателей [4]) обращаться къ произведенiямъ громатиковъ.

Однако, сознаемся, результаты, къ которымъ пришла традицiонная доктрина по вопросамъ объ alveus fluminis publici и insula in flumine nata въ размежеванныхъ земляхъ, представляются намъ далеко неудовлетворительными: вся эта доктрина лишена, раньше всего, вѣрнаго и критическаго взгляда на матерiалъ, доставляемый агримензорами; слѣдствiемъ

---

[3]) Совершенно вѣрно Pagenstecher: „Eigenthum", стр. 129 примѣч. 1-ое, объясняетъ причину этой недостаточности тѣмъ, что межеванiе въ классическомъ смыслѣ (то межеванiе, которое примѣнялось къ agri divisi et assignati и agri quaestorii), изчезнувъ въ практической жизни задолго до Юстинiана, является въ его компиляцiи лишь историческимъ воспоминанiемъ. Иначе, но неправильно, Уббелоде, привед. соч. стрр. 356. 357 примѣч. 53 b), сравн. стрр. 374. 375. По мнѣнiю этого писателя различiе „agri arcifinii" и „agri limitati" продолжаетъ жить и въ Юстинiановомъ правѣ, и именно въ образѣ „agri vectigales" пандектъ, которые де принадлежатъ къ размежеваннымъ землямъ. Это основано на недоразумѣнiи: нельзя оспаривать, что *у землемѣровъ говорится объ* agri vectigales, *какъ о размежеванной землѣ*; но, какъ видно изъ Игина 116_5—$_{15}$. cnfr. 125_{19}—126_2 (cnfr. Rudorff, pg. 316), этотъ ager vectigalis не тождественъ съ ager vectigalis пандектъ, не составляетъ *особой категорiи* размежеванной земли (подобно ager divisus et assignatus и ager quaestorius), а есть или тотъ-же ager divisus, получившiй спецiальное назначенiе, а именно предоставленный, за непоселенiемъ на немъ ветерановъ, въ наслѣдственное долгосрочное (вектигальное) пользованiе за извѣстное вознагражденiе частнымъ лицамъ, или просто ager quaestorius.

[4]) См. авторовъ, цитированныхъ выше, примѣч. 1-е.

этого являются недомолвки и неправильныя обобщенія; благодаря имъ историческая картина права русла публичныхъ рѣкъ въ agris limitatis становится неполною и неточною,— получается ученіе, выражающееся въ нѣсколькихъ скудныхъ и отрывочныхъ положеніяхъ....., тогда какъ на самомъ дѣлѣ передъ нами разстилаются широкія и любопытныя историческія перспективы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разборъ традиціонной доктрины. Ius alluvionis.

Источники и догматика традиціоннаго ученія о правѣ русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ. Вопросы, возбуждаемые симъ ученіемъ, и ихъ причина. Значеніе выраженій ius alluvionis, iura alluvionum. Изъясненіе Ḻ 16, н. т. Ꝑ. Программа послѣдующаго изложенія.

§ 1. Скудный матеріалъ пандектъ по вопросу о юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ, заключается въ слѣдующихъ двухъ фрагментахъ:

l. 16, h. t, D.

Florentinus libro sexto institutionum In agris limitatis ius alluvionis locum non habere constat: idque et divus Pius constituit et Trebatius ait agrum, qui hostibus devictis ea condicione concessus sit, ut in civitatem veniret, habere alluvionem neque esse limitatum: agrum autem manucaptum limitatum fuisse, ut sciretur, quid cuique datum esset, quid venisset, quid in publico relictum esset.

l. 1 §§ 6. 7, 43. 12, de fluminibus, D.

Ulpianus libro sexagensimo octavo ad edictum. § 6 Si insula in publico flumine fuerit nata inque ea aliquid fiat, non videtur in publico fieri. illa enim insula aut occupantis est, si limitati agri fuerunt............ § 7 Simili modo et si flumen alveum suum reliquit et alia fluere coeperit, quidquid in veteri alveo factum est, ad hoc interdictum non pertinet: non enim in flumine publico factum

erit, quod est utriusque vicini, aut, si limitatus est ager, occupantis alveus fiet: certe desinit esse publicus. ille etiam alveus, quem sibi flumen fecit, etsi privatus ante fuit, incipit tamen esse publicus, quia impossibile est, ut alveus fluminis publici non sit publicus.

На этихъ мѣстахъ современная доктрина строитъ такую догматику:

1) Юридическая квалификація русла публичныхъ рѣкъ опредѣляется въ размежеванныхъ земляхъ общими началами*): оно представляетъ res publica in pecunia Populi; по общему-же началу это юридическое свойство переносится, въ случаѣ измѣненія рѣкою своего ложа, на каждую занимаемую ею частичку частной земли[1]).

Нѣкоторые, проникая въ вопросъ глубже и соображаясь съ матеріаломъ, содержащимся въ сочиненіяхъ римскихъ землемѣровъ, а именно, главнымъ образомъ, съ

157$_{18}$ sq. In quibusdam regionibus fluminum modus assignationi cessit, in quibusdam vero tamquam subsecivus relictus est, aliis autem exceptus inscriptumque flumini illi tantum. ut in Pisaurensi comperimus datum assignatumque ut veterano, deinde redditum suum veteri possessori flumini Pisauro tantum, in quo alveus; deinceps et ultra ripas aliquando adscriptum modum per omnes centurias per quas id flumen decurreret[2]),

прибавляютъ сюда еще слѣдующія положенія:

Публичная рѣка (рѣчное ложе) могла получить въ agris limitatis троякое юридико-громатическое опредѣленіе:

---

*) Выше, вып. I, ч. II разд. I, гл. II, § 1, стр. 69 и гл. I § 1, тамъ-же.

[1]) Cnfr. Pagenstecher, cit, стрр. 128. 129. „Gesterding: Eigenthum": стрр. 209. 221. Schmid, cit. стрр. 128 - 132, примѣч. 39. C. Sell. cit. стр. 260.

[2]) Сравн. паралл. мѣста: 51$_{18}$—52$_{13}$. 125$_5$ sq. 120$_7$ sq.

a) во-первыхъ, она могла быть опредѣлена какъ locus exceptus, черезъ надѣленіе ея особымъ пространствомъ. Это въ свою очередь происходитъ двоякимъ способомъ: α) либо пространство, удѣляемое рѣкѣ, совпадаетъ съ площадью, занимаемою лежемъ (adscriptum flumini tantum, quod alveus occuparet—120s,), β) либо оно захватываетъ еще и ближайшія окрестности рѣки: рѣка, опредѣляемая какъ locus exceptus, получаетъ *обыкновенный* или *максимальный* надѣлъ;

b) во-вторыхъ, рѣка со своими ближайшими окрестностями могла быть оставлена въ видѣ нерозданнаго обрѣзка— какъ subsicivum;

c) въ третьихъ, наконецъ, она могла быть занесена въ площадь надѣловъ ветерановъ.

Въ первыхъ двухъ случаяхъ ложе рѣки является публичною собственностью[3]), въ третьемъ-частною собственностью ветерановъ; при чемъ, однако, почти само собою понятно, что и рѣки съ ложемъ, принадлежащимъ ветеранамъ, поскольку они представляютъ общественный интересъ, подлежатъ общественному пользованію, ибо нельзя думать, чтобы мало-мальски многоводная, судоходная, значительная рѣка могла быть такимъ-же предметомъ исключительнаго обладанія для частныхъ лицъ, какъ и всякій locus privatus[4]).

2) Выраженіе „ius alluvionis“, употребляемое въ l. 16, h. t, D. означаетъ: „право, касающееся намыва оставленнаго русла публичныхъ рѣкъ и острововъ“,—словомъ, право, связанное со всевозможными *приращеніями*, доставляемыми прибрежнымъ владѣльцамъ отъ сосѣдства публичныхъ рѣкъ. Въ этомъ-же самомъ смыслѣ ius alluvionis употребляется въ

---

³) Brugi, привед. соч., стрр. 311. 313. 319. 321. Pernice, привед. соч. I, 275. Rudorff: „Gromatiche Institutionen“ стрр. 399. 452 (высказывается осторожно). Ubbelohde, прив. соч., стрр. 362. 363. 364. Сравн. Karlowa: „Rechtsgeschichte“ I, стр. 319.

⁴) Brugi, цитир., стр. 305—309.

l. 56 pr., h. t. D.*).
l. 12 pr. ibid.**).
l. 1, 7. 41, de alluvionibus, C. C. .... Quodsi paulatim ita auferat (scil. fluvius), ut alteri parti applicet, id alluvionis iure ei quaeritur, cuius fundus crescit.

Сюда-же относятся встрѣчаемыя еще въ двухъ другихъ мѣстахъ выраженія: „iura alluvionum", „accessio alluvionum".

Cicero: De oratore I, 38..... in causis centumviralibus, in quibus usucapionum, tutelarum, gentilitatum adgnationum adluvionum, circumluvionum..... iura versantur***).

Paulus. Sent. III, 6, § 22. Accessio alluvionum ad fructuarium fundi, quia fructus fundi non est, non pertinet.

3) Въ силу такого значенія выраженія ius alluvionis, по смыслу l. 16, h. t, D. слѣдуетъ, что никакія *приращенія* насчетъ намывныхъ образованій рѣкъ (намывы, русло и острова) въ agris limitatis не допускаются[5]).

4) Причину недопустимости пріобрѣтенія намывныхъ образованій въ размежеванныхъ земляхъ слѣдуетъ искать въ томъ, что рѣка in agris limitatis не составляютъ живой границы, а границы образуются математическими линіями. Эти линіи, представляя данныя для опредѣленія площади поземельныхъ владѣній, отмѣчаются на картахъ (aes) и не могутъ быть оставлены на произволъ стихійныхъ силъ, которымъ обусловлены намывныя образованія; право пріобрѣтенія этихъ послѣднихъ противорѣчило-бы идеѣ межеванія, поэтому-то оно и исключено для размежеванныхъ земель[6]).

*) Отпечатана выше, вып. I, ч. I, гл. I, стрр. 18. 19.

**) Отпечатана выше, вып. I, ч. I, гл. I стр. 30.

***) См. цитированныхъ выше, вып. I, введеніе, стр. 5 примѣч. 7—особенно Bechmann стр. 16.

[5]) Это положеніе, можно сказать, представляетъ нынѣ communis opinio doctorum; иначе древнѣйшій Schrader: Comment. ad § 20, II. 1, I. I

[6]) См. C. Sell: „Römische Lehre der dinglichen Rechte", стр. 263. Schmid

5) Не допуская пріобрѣтенія намывныхъ образованій на рѣкахъ размежеванныхъ земель, римское право однако постановляетъ, что эти образованія подлежатъ свободному захвату какъ res nullius (l. 1 §§ 6. 7, 43. 12, de fluminibus, D. [7])[8]).

„Handbuch“ I, стр. 124 примѣч. 8. Rudorff: „Gromatische Institutionen“, стрр. 259. 452. cnfr. Glossa ad § 6 l. 1, 43. 12, de fluminib., D., Dig. Nov. pg. 664 sub p. (ed. Genevae 1626). Cujac. Notae ad h. l. Institut. (ed. Venetiis 1758), T. I pg., 57 „per alluvion“. Ubbelohde, привед. соч., 380 sub. 4.

[7]) Burchardi, привед. соч., стр. 101 sub. IV. C. Sell, прив. соч., стр. 263. Rudorff, цитир. Pernice: „Labeo“ I, стр. 275. Puchta: „Cursus“ § 242. Pagenstecher: „Eigenthum“, стр. 129 и др. Этому царствовавшему до послѣдняго времени у нашихъ писателей воззрѣнію Ubbelohde, cit.—стр. 358—364, противопоставляетъ другое. По его мнѣнію оставленное русло, какъ res nullius, *подлежитъ* въ размежеванныхъ земляхъ свободному *захвату лишь по исключенію*, а именно въ томъ частномъ случаѣ, когда рѣка, получивъ особый надѣлъ той или другой величины, измѣняетъ свое теченіе за его предѣлами „такъ что какъ-бы отказывается отъ своего права на него“ (стр. 362); ибо въ этомъ случаѣ удѣленное рѣкѣ пространство, locus exceptus, обсуждаясь какъ земля, возвращенная прежнему владѣльцу (ager redditus veteri possessori), во всѣхъ отношеніяхъ подлежитъ гражданскому обороту („in jeder Beziehung dem gewöhnlichen Privatrechte unterlag“) и, слѣдственно, допускаетъ право свободнаго захвата. Внѣ этой возможности право оставленнаго русла въ размежеванныхъ земляхъ опредѣляется иначе, чѣмъ правомъ свободнаго захвата: когда рѣка, получившая особый надѣлъ, измѣняетъ свое теченіе въ его предѣлахъ, то мы имѣемъ дѣло лишь съ правомъ захвата въ пользованье, принадлежащимъ прибрежнымъ владѣльцамъ (стр. 361 argg. Hyg. 125_{10-14}, Sic. 158_{2-5}). Когда рѣка получала особый надѣлъ въ качествѣ subsicivi, то ея русло, согласно съ правомъ subsicivorum, остается публичною собственностью (стр. 363). Въ случаѣ-же зачисленія рѣки въ площадь надѣловъ ветерановъ, обсохшее русло продолжаетъ оставаться собственностью тѣхъ владѣльцевъ, въ площадь надѣловъ которыхъ оно зачтено. Сообразно изложенной догмѣ измѣненія рѣкою своего русла, Уббелоде разрѣшаетъ и вопросъ объ островахъ, возникающихъ на публичныхъ рукахъ размежеванныхъ земель (стр. 375 сл.). Въ случаѣ зачисленія рѣки въ площадь надѣловъ ветерановъ поднимающійся изъ нея островъ будетъ принадлежать тому прибрежному владѣльцу, надъ надѣломъ котораго онъ возвысился. Когда рѣка оставлена въ качествѣ subsicivi, островъ будетъ собственностью государства, и только въ случаѣ возникновенія острова на рѣкѣ съ особымъ надѣломъ, его можно будетъ разсматривать какъ res nullius, подлежащую свободному захвату, такъ какъ и здѣсь рѣка какъ-бы отказалась отъ части своего надѣла, отступивъ передъ возвышающимся островомъ. См. ниже

[8]) Хотя относительно намывовъ, въ частности, въ пандектахъ нигдѣ не высказано, чтобы они подлежали праву свободнаго захвата, однако со времени глоссы наши писатели склонны распространять и на намывы изреченія источ-

§ 2. Кто слѣдилъ за колоброженіемъ человѣческихъ сужденій въ разговорахъ обыденной жизни, тотъ могъ подмѣтить, какъ часто мнѣнія, самыя необоснованныя, облетая большой кругъ людей, завоевываютъ себѣ положеніе и пользуются непоколебимымъ кредитомъ. Такимъ мнѣніямъ всѣ вѣрятъ, потому что всѣ имъ вѣрятъ, потому что никто ихъ не оспариваетъ; авторитетъ подобныхъ мнѣній бываетъ иногда столь великъ, что каждый предпочитаетъ лучше придумать для нихъ какое-нибудь искусственное оправданіе, чѣмъ рискнуть подвергнуть ихъ сомнѣнію. Этому пороку, свидѣтельствующему лишь о нѣкоторой инертности нашего мышленія, не чужда и болѣе возвышенная, совершенная научная мысль: и въ ея области пущенная иногда какимъ-либо изслѣдователемъ догма съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе укореняется, все болѣе и болѣе снискиваетъ себѣ адептовъ и, наконецъ, импонируетъ какъ неопровержимая истина; а взглянешь глубже, и неопровержимая истина возбуждаетъ цѣлый рядъ сомнѣній.

Такова судьба изложенной въ предшествующемъ §-ѣ догматики традиціоннаго ученія о правѣ русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ: подкупающія ея ясность и простота разбиваются о цѣлый рядъ возбуждаемыхъ ею вопросовъ. Вопросы эти таковы:

1.

Пріобрѣтеніе намывовъ, какъ показано въ главѣ I-й

никовъ о свободной оккупаціи русла и острововъ (сравн. glossa edit. cit. pg. 664 in margine); но и здѣсь Уббелоде высказываетъ особое мнѣніе: въ вопросѣ о юридическомъ обсужденіи намывовъ въ размежеванныхъ земляхъ надо де различать: въ случаѣ зачисленія рѣки въ площадь надѣловъ ветерановъ намывы пріобрѣтаются прибрежными владѣльцами; въ случаяхъ-же оставленія рѣкѣ особаго пространства или оставленія ея въ качествѣ subsicivi намываемая земля дѣлается публичной собственностью (стр. 372 сл., прив. соч.).

части I-ой нашего труда*), сводится римскими юристами къ акцессіи, къ факту тѣснаго соединенія маленькихъ примываемыхъ частицъ земли съ берегомъ. Этотъ фактъ, несомѣнно, также точно встрѣчается въ размежеванныхъ земляхъ, какъ и въ неразмежеванныхъ, а слѣдовательно и пріобрѣтеніе намывовъ должно было-бы быть признаваемо безотносительно къ тому, совершается-ли оно въ agris limitatis или arcifiniis [1]). Въ самомъ дѣлѣ, сочиненія римскихъ землемѣровъ показываютъ, что юридико-землемѣрная практика размежеванныхъ земель знаетъ случаи пріобрѣтенія намывовъ. Къ этимъ случаямъ относится уже разсмотрѣнная нами возможность пріобрѣтенія alluvionum прибрежными владѣльцами рѣкъ, которыя занесены въ площадь надѣловъ ветерановъ.

50_{24}—51_{9}**).

Но независимо отъ этого пріобрѣтеніе намывовъ могло имѣть мѣсто и при рѣкахъ съ другими юридико-громатическими опредѣленіями. Это съ очевидностью выходитъ изъ Игина:

> 125_{14} sq. hos tamen agros, id est hunc omnem modum qui flumini per centurias ascriptus erat, res publica populi quondam vendidit: in qua regione si de alluvione ageretur, magnae quaestiones erunt, ut secundum aes quitquit venditum est restituatur emptori [2]).

Здѣсь Игинъ, какъ мы его понимаемъ, имѣетъ въ виду случай пріобрѣтенія намывовъ прибрежными владѣльцами

---

*) Выше, вып. I, ч. I, гл. I § 4, стрр. 22. 23.

[1]) Bechmann, прив. соч., стр. 14, пытается обратно почерпнуть изъ господствующаго ученія о недопустимости намывовъ въ agris limitatis аргументъ для отрицанія акцессіи въ юридической природѣ намыва. Но характеръ намыва, какъ акцессіи, достаточно установленъ нами выше.

[2]) Срвн. 158_{5-7}.

**) Отпечатано выше, вып. I, ч. I гл. I § 5, стр. 25.

рѣки, получившей особый максимальный надѣлъ, и указываетъ, что увеличеніе или уменьшеніе береговыхъ владѣній (вслѣдствіе аллювіальнаго блужданія береговъ), проданныхъ re publica populi, могутъ породить недоразумѣнія между покупщиками, продавцами и третьими лицами (напримѣръ—добросовѣстными и недобросовѣстными незаконными владѣльцами)[3]): землемѣру-же не легко будетъ, вслѣдствіе измѣнившейся въ натурѣ площади земли и быть можетъ неясныхъ пограничныхъ законовъ, рѣшить по планамъ, сколько земли продано покупщику[4]).

Такимъ образомъ сразу-же положеніе господствующей доктрины о недопустимости намывовъ (incrementum latens) въ agris limitatis становится сомнительнымъ; но противъ него подымаются еще и другія соображенія: не создается-ли этимъ положеніемъ для размежеванныхъ земель несправедливое, несообразное состояніе, по которому въ этихъ земляхъ можно всегда утратить путемъ намывовъ (аллювіальнаго блужданія береговъ), но никогда нельзя пріобрѣсти. Оспариваемая доктрина можетъ стараться парировать это соображеніе тѣмъ аргументомъ, что она все-же обезпечиваетъ прибрежнымъ владѣльцамъ доступъ къ намывамъ, но только не путемъ акцессіи, а путемъ свободнаго захвата; однако этому слѣдуетъ противопоставить: во-1-хъ, что право свободнаго захвата намывовъ нигдѣ не выражено въ источникахъ, во-2-хъ, что право аккупаціи неудобопримиримо съ тою медленностью, непримѣтностью, съ которою совершается намывъ

---

[3]) Казуистика Папиніана въ l. 64. 21. 2, de evictionibus, D. даетъ образчикъ подобныхъ недоразумѣній.

[4]) Замѣтимъ кстати, что античному землемѣру было труднѣе оріентироваться на планахъ въ случаѣ измѣненія границъ и площади земли въ натурѣ, чѣмъ нынѣшнему: древніе не знали компаса и основаннаго на немъ инструмента—астролябіи, а потому и не обладали при сличеніи плановой и натуральной ситуацій такой постоянной линіей, какъ линія проходящая черезъ стрѣлку астролябіи.

(пришлось-бы продолжать захватъ каждую минуту по отношенію къ каждой вновь примываемой полоскѣ земли), и въ 3-ихъ, наконецъ, что право свободнаго захвата намывовъ всякимъ третьимъ лицемъ нисколько не гарантируетъ столь естественнаго пріобрѣтенія ихъ именно прибрежными владѣльцами, терпящими отъ дѣйствія намыва.

2.

Исключеніе пріобрѣтенія прибрежными владѣльцами въ размежеванныхъ земляхъ обсохшаго русла и острововъ вызываетъ на размышленія, подобныя только что сдѣланнымъ: оно санкціонируетъ несправедливое, несообразное состояніе, вслѣдствіе котораго всегда можно потерять землю отъ публицирующаго дѣйствія блуждающей струи публичныхъ рѣкъ, но никогда нельзя получить земли обратно, въ видѣ обсохшаго русла или острова, по праву прибрежнаго сосѣдства (ratione vicinitatis). Право свободнаго захвата alvei derelicti и insularum, принимаемое господствующимъ мнѣніемъ для размежеванныхъ земель, съ перваго взгляда какъ-бы даетъ эквивалентъ частнымъ собственникамъ за похищенную у нихъ публичными рѣками землю. Но это только съ перваго взгляда; на самомъ-же дѣлѣ *право свободнаго захвата* нисколько не гарантируетъ, что эти намывныя образованія попадутъ именно въ руки прибрежныхъ владѣльцевъ, какъ это должно быть по единственно-справедливой основной идеѣ строгой теоріи. Гармоническая связь, существующая въ римскомъ правѣ между положеніемъ и публикаціей рѣками частныхъ земель, съ одной стороны, и положеніемъ о пріобрѣтеніи прибрежными сосѣдями русла и острововъ, съ другой, разрывается господствующею доктриною для agri limitati; а тѣмъ самымъ указанная нами погрѣшность строгой теоріи, на которую такъ горько сѣтуетъ Гай въ l. h. 7, § 5, h. t, D., возводится здѣсь въ принципъ. Это представляетъ загадку. А

между тѣмъ мы не находимъ у традиціонной доктрины ея разрѣшенія, отвѣта на вопросъ, какъ именно римскіе юристы додумались до такого видоизмѣненія строгой теоріи въ agris limitatis, что совершенно уклонились отъ основной мысли, отъ самой ratio этой теоріи *).

3.

Итакъ, не требуется ни особенно головоломнаго размышленія, ни особенно тонкаго анализа для того, чтобы усмотрѣть, что традиціонная догма объ исключеніи въ agris limitatis пріобрѣтенія намывныхъ образованій по меньшей мѣрѣ сомнительна. Но не менѣе сомнительно и то основаніе, которое наши писатели приводятъ въ ея оправданіе. Раньше всего слѣдуетъ замѣтить, что это основаніе—тезисъ о *неподвижности рѣчныхъ границъ* въ agris limitatis—нигдѣ не выражено въ источникахъ: оно представляется лишь отвлеченнымъ умозаключеніемъ современныхъ юристовъ; мало того, оно является невѣрнымъ, грубымъ штрихомъ, которымъ современная юриспруденція через-чуръ спѣшитъ затушевать блѣдные контуры историческаго прошлаго права публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ.

Обратимся къ приводимымъ самими-же современными юристами случаямъ регламентаціи публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ: 1) рѣка получаетъ особый а) обыкновенный (захватывающій лишь пространство, занимаемое ея ложемъ) или b) максимальный надѣлъ (захватывающій еще и ближайшія окрестности рѣки), 2) рѣка оставляется съ ближайшими окрестностями какъ subsicivum, 3) рѣка заносится въ площадь надѣловъ ветерановъ. Изъ всѣхъ этихъ юридико-громатическихъ фигуръ только въ одномъ случаѣ (1а) по-

*) Впрочемъ, сравни поправку, которую здѣсь дѣлаетъ Уббелоде, выше § 1. примѣч. 7-е.

граничная линія, идущая по берегу рѣки и отдѣляющая ее отъ частныхъ надѣловъ ветерановъ, является неподвижною границею, представляетъ препятствіе къ пріобрѣтенію намывовъ, русла и острововъ: здѣсь дѣйствительно частныя прибрежныя владѣнія отграничиваются *непосредственно* отъ площади рѣчнаго ложа. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ о какой-либо неподвижной границѣ, математической линіи, какъ о препятствіи къ пріобрѣтенію намывныхъ образованій рѣкъ въ agris limitatis, не можетъ быть рѣчи, такъ какъ мы имѣемъ въ нихъ дѣло либо съ рѣкою, русло которой состоитъ въ частной собственности — гдѣ слѣдовательно alveus и insulae не пріобрѣтаются, а намывы пріобрѣтаются по особому правилу *) —, либо съ рѣками, неимѣющими частныхъ прибрежныхъ владѣльцевъ и отдѣленными отъ нихъ значительною нейтральною полосою (окрестностей рѣки), подпадающею подъ одно общее съ нею опредѣленіе. Кромѣ изложенныхъ соображеній другой какой либо *принципіальной причины*, исключающей пріобрѣтеніе намывныхъ образованій для размежеванныхъ земель, нигдѣ не указано. Да таковой на самомъ дѣлѣ и не существуетъ; наоборотъ изъ сочиненій громатиковъ видно, что какъ только рѣка въ agris limitatis получала прибрежныхъ сосѣдей, тотчасъ-же возникалъ вопросъ и о пріобрѣтеніи намывныхъ образованій **).

Hyg. 125_{14} sq. ***).

Значитъ, обоснованіе традиціонною доктриною своей догмы объ исключеніи пріобрѣтенія намывныхъ образованій помощью принципа о неподвижности рѣчныхъ границъ въ размежеванныхъ земляхъ не оправдывается въ источникахъ, и

*) Вып. I, ч. I § 5, гл. I, стрр. 28. 29. 30.

**) См. ниже. Прибавл. къ раздѣлу II-му ч. II-ой.

***) Отпечатано выше, стр. 10.

во всякомъ случаѣ *недостаточно* для объясненія всѣхъ данныхъ, которыя мы изъ нихъ почерпаемъ.

Однако, какимъ-же путемъ пришли наши писатели къ своему ученію объ исключеніи пріобрѣтенія намывныхъ образованій прибрежными владѣльцами въ размежеванныхъ земляхъ?

Единственную исходную точку этого ученія представляетъ толкованіе выраженія „ius alluvionis" въ смыслѣ права, относящагося до намыва, оставленнаго русла и островов, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ; ибо принимаемое въ такомъ смыслѣ выраженіе ius alluvionis въ общей связи текста l. 16, h. t, D.

..... in agris limitatis ius alluvionis
locum non habere constat......

и даетъ положеніе объ исключеніи пріобрѣтенія намывныхъ образованій.

Когда какое-нибудь положеніе, какой нибудь выводъ, покоясь на извѣстной посылкѣ, приводятъ къ невѣрнымъ, невозможнымъ результатамъ, то неумолимые законы человѣческой логики требуютъ, чтобы мы усумнились въ справедливости самой посылки. Такъ и поднимающіеся вопросы противъ господствующаго ученія объ исключеніи пріобрѣтенія намывныхъ образованій въ размежеванныхъ земляхъ требуютъ, чтобы мы отнеслись къ его основной посылкѣ—господствующему толкованію „ius alluvionis"—отрицательно.

Но намъ могутъ сказать, не черезъ-чуръ-ли смѣло колебать пользующійся изстари правомъ гражданства, установившійся терминъ, на основаніи данныхъ, лежащихъ внѣ его буквальнаго смысла, на основаніи того, что усвоиваемое ему традиціонной доктриной значеніе не даетъ удовлетворительныхъ результатовъ?

Спѣшимъ завѣрить читателя, что и самый словесный смыслъ выраженія ius alluvionis, по крайней мѣрѣ въ двухъ мѣстахъ, не оправдываетъ ходячаго его пониманія.

Эти мѣста суть: l. 12 pr. и l. 56 pr., h. t, D.

Относительно l. 12 cit.*), нельзя не замѣтить, что включеніе намыва въ понятіе ius alluvionis не согласуется со смысломъ словъ, указывающихъ на фактическій составъ явленій, разбираемыхъ въ этомъ законѣ. Въ немъ говорится: lacus et stagna...... crescant—exarescant. Этими выраженіями, очевидно, указывается лишь на удаленіе воды отъ береговъ —осушеніе озернаго дна—и на затопленіе береговъ—расширеніе озера—,а отнюдь не на засыпаніе озера намывами, увеличеніе берега насчетъ маленькихъ, привходящихъ *извнѣ* частицъ земли.

Подобное-же несовпаденіе термина ius alluvionis съ подводимыми подъ него ходячимъ толкованіемъ понятіями обнаруживается и въ l. 56 cit.**). Здѣсь Прокулъ, принимая вмѣстѣ со своимъ консультантомъ, что пріобрѣтеніе намыва сводится къ акцессіи, факту тѣснаго соединенія примываемыхъ частицъ земли съ берегомъ, въ то-же время, когда ему представляется вопросъ о пріобрѣтеніи консультантомъ острова, оговаривается: „Островъ-же сдѣлается твоимъ, если рѣка имѣетъ ius alluvionis". Отсюда слѣдуетъ, что юристъ отдѣляетъ другъ отъ друга понятія намыва и ius alluvionis (o ius alluvionis рѣчь заходитъ лишь по поводу пріобрѣтенія острова); что, въ то время, какъ основнымъ предположеніемъ пріобрѣтенія намыва является акцессія, пріобрѣтеніе острова имѣетъ свои особыя предположенія, а въ томъ числѣ и признаніе за рѣкою „ius alluvionis", которое видимо къ alluvio (incrementum latens) не относится.

---

*) Отпечатано выше. Вып. I, ч. I гл. I § 6, стр. 30. Срвн. толкованія къ этому мѣсту стрр. 31. 32, тамъ-же.

**) Тамъ-же, § 1, стр. 18.

Итакъ съ ходячимъ толкованіемъ выраженія ius alluvionis согласиться нельзя. Это толкованіе влечетъ за собою несообразныя юридическія построенія въ области права намывовъ, обсохшаго русла и острововъ in agris limitatis; кромѣ того это толкованіе нельзя провести черезъ два мѣста— ll. 12. 56. citt..

Надо искать для выраженія ius alluvionis другаго болѣе подходящаго значенія.

§ 3. Приступая къ установленію значенія термина: „ius alluvionis[1]"), мы раньше всего предлагаемъ строго отдѣлять его отъ близкихъ къ нему, встрѣчающихся въ источникахъ, выраженій: „iura alluvionum", „accessio alluvionum". Уже одна внѣшняя форма этихъ выраженій (pluralis и присоединеніе во второмъ —слова accessio) придаетъ имъ особый характеръ, отличающій ихъ отъ ius alluvionis.

При установленіи истиннаго смысла выраженія ius alluvionis не малымъ затрудненіемъ является многозначность его составныхъ частей, словъ ius и alluvio.

Разберемся-же въ разныхъ значеніяхъ этихъ словъ.

Раньше о ius. Изъ разныхъ употребленій слова ius въ латинскомъ языкѣ[2]), очевидно, для насъ могутъ представить интересъ только два, а именно употребленіе ius sensu obiectivo, въ смыслѣ нормы права, и затѣмъ употребленіе его sensu subiectivo, въ смыслѣ правомочія. Какъ-же „ius" употреблено въ нашемъ выраженіи? Къ счастію вопросъ этотъ упраздняется вслѣдствіе логическаго соотношенія, существующаго между понятіями ius sensu obiectivo и ius sensu subiectivo: что съ одной точки зрѣнія является правомъ объективнымъ,

---

¹) Срвн. къ этому вопросу Baptista Aymus: „Tractatus de alluvionibus" lib. I, cap. V.

²) См. Heumann: „Handlexicon".

то будетъ съ другой правомъ субъективнымъ; въ существѣ же мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ-же правомъ. И во всякомъ случаѣ особый смыслъ, который могъ-бы быть приданъ нашему выраженію пониманіемъ въ немъ ius какъ субъективнаго права, могъ-бы заключаться развѣ только въ нѣкоторой образности, картинности; ибо alluvio, припадлежность къ которому ius выражено родительнымъ падежемъ, не есть нѣчто одушевленное, а слѣдовательно, буквально, субъективнаго права имѣть не можетъ.

Не такъ легко рѣшается вопросъ о значеніи alluvio. Выше мы указывали на многозначность слова alluvio и приводили разныя его значенія, такъ что здѣсь въ этомъ отношеніи остается лишь вкратцѣ резюмировать все сказанное. Alluvio означаетъ:

1) процессъ намыванія*)
2) результатъ намыванія, намытую землю**).
3) намывъ и отмывъ вмѣстѣ при аллювіальномъ блужданіи береговъ***).
4) удаленіе воды съ суши послѣ затопленія послѣдней****).

Самымъ простымъ и вѣрнымъ способомъ для опредѣленія, въ которомъ изъ названныхъ значеній употребляется alluvio въ терминѣ ius alluvionis, будетъ взять каждое изъ нихъ на пробу, подставляя его въ то или тѣ мѣста источниковъ, гдѣ встрѣчается ius alluvionis, и тогда, если извѣстное значеніе не дастъ удовлетворительнаго смысла in contextu мѣста или въ соображеніи внѣшнихъ данныхъ (какъ это мы видѣли при критикѣ господствующаго толкованія

---

*) Вып. I-ый, ч. I, гл. I, § 1 примѣч. 3-е, стр. 16.

**) Ibidem.

***) Ibidem § 2 примѣч. 2-ое, стр. 21.

****) Ibidem ч. II, гл. II-ая, § 5 примѣчч. 5. 9, стрр. 142 144; срвн. стр. 131, примѣч. 8-е.

нашего термина), то надо будетъ его откинуть. Такимъ путемъ, прогоняя всевозможныя значенія alluvio черезъ мѣрку логически и исторически-возможнаго для каждаго мѣста съ ius alluvionis, мы неминуемо найдемъ то или тѣ его значенія, которыя подходятъ къ тому или другому мѣсту, а можетъ быть и ко многимъ вмѣстѣ.

Объ ius alluvionis говорятъ:

l. 16. l. 12 pr. l. 56 pr. citt. *),
l. 1, 7. 41, de alluvionibus, C. **).

Беремъ *первое значеніе* alluvio, указанное sub 1). Подставляя его въ выраженіе ius alluvionis, мы приходимъ къ отрицательному выводу по всѣмъ четыремъ мѣстамъ: Относительно l. 16 такое подставленіе дало-бы смыслъ, что право намывнаго процесса въ размежеванныхъ земляхъ исключено. Противъ этого говорятъ изложенныя выше соображенія, въ частности 50_{24}—51_{9} и 125_{14} sq., изъ которыхъ выходитъ, что намывной процессъ равно какъ и „право намывнаго процесса" имѣютъ въ размежеванныхъ земляхъ мѣсто, одинаково какъ и въ неразмежеванныхъ. Относительно l. 12 такое подставленіе дало-бы смыслъ, что право намывнаго процесса исключено въ озерахъ и болотахъ; а это послѣднее положеніе немыслимо, какъ уже показано нами выше ***). Подставленіе alluvio въ смыслѣ намывнаго процесса въ ius alluvionis leg. 56 pr., h. t, исключено существующимъ въ этомъ мѣстѣ отношеніемъ ius alluvionis лишь къ вопросу о пріобрѣтеніи острова, такъ что для намывнаго процесса здѣсь не остается мѣста. Наконецъ понятіе намывнаго процесса не подходитъ и къ ius alluvionis legis 1 cit. Cod., ибо въ этомъ мѣстѣ рѣчь идетъ не о намывномъ процессѣ просто, а объ

---

*) См. ссылки выше, § 2, стр. 218.
**) Отпечатано выше, § 1, стр. 209.
***) Вып. I-ый, ч. I, гл. I § 6, стр. 31.

аллювіальномъ блужданіи береговъ, то есть о процессахъ намыва и отмыва вмѣстѣ.

Продѣлывая тоже самое съ *значеніемъ* alluvio, *приведеннымъ нами* sub 2), мы приходимъ по отдѣльнымъ мѣстамъ, гдѣ говорится о ius alluvionis, къ совершенно тождественнымъ результатамъ. Это ясно: что сказано о недопустимости толкованія ius alluvionis въ томъ или другомъ мѣстѣ въ смыслѣ права намывнаго процесса, тоже самое нужно сказать и о недопустимости толкованія его въ смыслѣ права намыва какъ *результата* этого процесса: правоположенія, опредѣляющія намывной процессъ и результатъ его—одно и тоже; терминъ, не дающій мѣсто первому, не даетъ мѣста и второму.

Удачнѣе выпадаетъ проба нашего мѣста на *третье значеніе* alluvio—намывъ и отмывъ вмѣстѣ, аллювіальное блужданіе береговъ. Эта проба оправдывается въ самыхъ словахъ l. 1 Cod. cit., такъ что въ этомъ законѣ ius alluvionis (iure alluvionis) означаетъ право, опредѣляющее аллювіальное блужданіе береговъ. Къ остальнымъ-же мѣстамъ alluvio въ смыслѣ аллювіальнаго блужданія береговъ не подходитъ. Аллювіальное блужданіе береговъ предполагаетъ на ряду съ отмывомъ и намывъ, а слѣдовательно противъ подставленія alluvio въ смыслѣ аллювіальнаго блужданія береговъ въ выраженіе ius alluvionis legg. 12. 56 и 16. citt. поднимается все сказанное при пробѣ этихъ мѣстъ на alluvio въ значеніи 1) и 2).

Установивъ значеніе выраженія ius alluvionis для l. 1 Cod., при дальнѣйшихъ пробахъ мы можемъ выкинуть этотъ законъ совсѣмъ изъ соображенія. И такъ число мѣстъ, съ которыми придется сдѣлать пробу на послѣднее изъ указанныхъ значеній alluvio—подъ 4), уменьшается до 3-хъ.

Проба съ этимъ *четвертымъ значеніемъ* alluvio для всѣхъ мѣстъ выпадаетъ неудачно. Подъ ius alluvionis, правомъ удале-

нія воды съ земли послѣ затопленія послѣдней, можно разумѣть либо право, касающееся наводненія. либо право, касающееся пріобрѣтенія оставленнаго русла и острововъ (тотъ и другой случаи представляютъ случаи удаленія воды съ земли послѣ ея затопленія). Пониманіе ius alluvionis въ первомъ смыслѣ совершенно исключено: ius alluvionis въ смыслѣ „права наводненія“ лишено всякаго содержанія, ибо за наводненіемъ въ римскомъ правѣ не признается никакихъ специфическихъ дѣйствій (какого-либо особаго права). Но и разумѣніе ius alluvionis въ смыслѣ права пріобрѣтенія оставленнаго русла и острововъ не даетъ результатовъ. Подставляя ius alluvionis въ этомъ смыслѣ въ наши мѣста мы видимъ, что оно исключено:

для l. 16. h. t,—потому что оно явилось бы повтореніемъ подвергнутой нами выше сомнѣнію догмы объ исключеніи въ размежеванныхъ земляхъ пріобрѣтенія обсохшаго русла и острововъ;

для l. 12 pr., ibid.—потому что такое значеніе ius alluvionis не согласовалось-бы со словами, указывающими на фактическій составъ явленія, къ которому оно относится. Въ нашемъ мѣстѣ говорится lacus et stagna.... crescant—exarescant[3]). Ius alluvionis въ смыслѣ права, касающагося процесса удаленія воды съ суши....=права пріобрѣтенія оставленнаго русла и острововъ, совпадаетъ лишь съ exarescant (осушеніе дна); то-же явленіе, которое обозначается словомъ crescant (затопленіе суши), оказывается излишнимъ придаткомъ и именно такимъ придаткомъ, который мѣшаетъ подставить ius alluvionis въ предположенномъ смыслѣ въ l. 12 cit.

Въ l. 56pr, h. t, D., сознаемся, не заключается никакихъ данныхъ, которыя мѣшали-бы понимать въ немъ ius alluvionis какъ право пріобрѣтенія alvei derelicti и острововъ, но мы не рѣшаемся на подобное толкованіе: пришлось-бы от-

---

³) Срвн. l 24, § 3, 39. 3, de aqua et aquae pluv. D.; выше вып. I-ый, стрр. 30, 31.

дѣлить значеніе нашего термина въ l. 56, отъ значенія его въ ll. 12 и 16 citt.; а такая операція, вводя еще новое значеніе „ius alluvionis" въ сбивчивую и безъ того терминологію alluvio ничѣмъ не оправдывается, мало вѣроятна..... Да эта операція, какъ сейчасъ покажемъ, и излишня.

Если всѣ приведенныя нами доселѣ употребленія слова alluvio въ источникахъ не разрѣшаютъ проблемы "ius alluvionis", то съ необходимостью приходишь къ выводу, что alluvio имѣетъ въ нашемъ выраженіе еще другое, особое, новое значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ вопросамъ, вызываемымъ ходячимъ толкованіемъ и вышеизложенными пробами alluvio въ ius alluvionis, удовлетворяетъ лишь одно, и только одно значеніе alluvio, а именно: alluvio = (*геологическая*) *дѣятельность водъ, выражающаяся въ передвиженіи ими своихъ вмѣстилищъ* (измѣненіе рѣками своего русла, колебаніе уровня моря, озеръ и болотъ).

Это значеніе alluvio и есть именно та величина, подставленіемъ которой въ ius alluvionis legum 12. 16. 56. citt. разрѣшается наше уравненіе.

Разумѣя подъ alluvio въ ius alluvionis „геологическую дѣятельность водъ, выражающуюся въ передвиженіи ими своихъ вмѣстилищъ", мы придаемъ сему послѣднему смыслъ „права касающагося передвиженія водами своимъ вмѣстилищъ". Но что это за право? Отвѣтъ напрашивается самъ собою: Это есть, знакомое намъ уже изъ изложенія перваго раздѣла настоящей части, право измѣненія рѣками своего теченія и колебанія уровня моря, заключающееся въ публикаціи и экспубликаціи земель, то самое старое обычное право, о которомъ говоритъ Цицеронъ*) (ниже), принявшее въ діалектическомъ развитіи римскаго юридическаго творчества форму строгой теоріи.

*) Выше, вып. I-ый, ч. II. гл. II, § 1 примѣч. 13, стр. 78.

Посмотримъ теперь, къ какимъ результатамъ приведетъ насъ подставленіе ius alluvionis въ смыслѣ „права, касающагося передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ“ (для краткости можно называть это право *„правомъ аллювіи“*) въ мѣста, въ которыхъ его значеніе было намъ до сихъ поръ неизвѣстнымъ, а именно въ legg. 12 pr. 16. 56 pr. citt.

Въ l. 56 pr. выходитъ, что Прокулъ требуетъ какъ предположенія пріобрѣтенія острова наличность права аллювіи—чтобы рѣка обладала публицирующими и экспублицирующими дѣйствіями (ius ex privato in publicum et ex publico in privatum addicendi). А эти дѣйствія присущи лишь публичнымъ рѣкамъ, ибо частныя рѣки, хотя иногда и образуютъ острова, но ius alluvionis не имѣютъ. Въ связи съ этимъ толкованіемъ становится понятнымъ отмѣченное выше обстоятельство, почему Прокулъ выставляетъ ius alluvionis лишь какъ предположеніе пріобрѣтенія острова, а не намыва (видя особенное основаніе для пріобрѣтенія послѣдняго въ фактѣ тѣснаго соединенія земляныхъ частицъ съ берегомъ)*): пріобрѣтеніе намывовъ не основано на экспублицирующемъ дѣйствіи живой струи, не составляетъ особенности публичныхъ рѣкъ, а одинаково допустимо, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, и въ рѣкахъ частныхъ.

Въ l. 12 pr. получается отчетливое положеніе, что озера и болота, хотя и обладаютъ фактически способностью передвигать свое вмѣстилища (срвн. l. 24 § 3, 39. 3, de aqua, D.), однако ius alluvionis въ нихъ не признается. Этимъ толкованіемъ устраняется недоумѣніе съ исключеніемъ намывовъ въ озерахъ и болотахъ, противное дѣйствительности и здравому смыслу, и достигается гармонія между выраженіемъ ius al-

---

*) Выше, § 2, стр. 218.

luvionis и словами, обозначающими фактическій составъ явленій, къ которымъ оно относится**).

Въ l. 16 получается положеніе, что право аллювіи въ размежеванныхъ земляхъ исключено. Уясненію того, насколько этотъ результатъ вѣренъ и цѣлесообразенъ посвящены послѣдующія главы сей книги.

Такимъ образомъ явствуетъ, въ какой мѣрѣ ius alluvionis, въ принятомъ нами для этого выраженія значеніи, удовлетворяетъ смыслу текстовъ, въ которыхъ оно встрѣчается, а равно и всѣмъ вопросамъ, возбуждаемымъ инымъ, ходячимъ его толкованіемъ.

Кромѣ того усвоеніе ius alluvionis значенія *права передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ, права аллювіи* пополняетъ существующій въ источникахъ съ точки зрѣнія римскихъ юристовъ ощутительный, маловѣроятный терминологическій пробѣлъ; а именно: взглядываясь въ источники, мы замѣчаемъ, что у римскихъ юристовъ (сторонниковъ строгой теоріи) не хватаетъ выраженія для обозначенія общаго подмѣченнаго ими геологическаго явленія передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ[4]), за которымъ они въ однихъ случаяхъ признаютъ публицирующія и экспублицирующія дѣйствія (рѣки, моря), въ другихъ-же ихъ отрицаютъ (озера и болота). Неужели, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда римскіе юристы говорятъ, что озера и болота не имѣютъ права аллювіи (ius alluvionis), они должны были-бы выразить, что озера и болота не имѣютъ „того права, которое связано съ измѣненіемъ рѣками своего теченія и съ колебаніями уровня моря“—должны были-бы прибѣгать къ такой описательной формѣ? Нѣтъ, они прямо говорятъ, *что озера и болота не*

**) Вып. I, ч. I, гл. I, § 6, стрр. 31. 32.

[4]) Это геологическое явленіе имѣется въ виду законами l. 12 pr. h. t, D l 24 § 3, 39. 3, de aqua, D. l. 23, 7. 4, quibus modis usus fructus, D. l. 7 § 5, h. t. D.

имѣютъ права аллювіи, хотя фактически передвиженіе ими своихъ вмѣстилищъ и встрѣчается—l. 12, pr., h. t. D.

Но возникаетъ вопросъ: какое-же значеніе имѣетъ на ряду съ установленной терминологіей „alluvio", „ius alluvionis", встрѣчающееся у Цицерона*) выраженіе: „iura alluvionum", которое мы выше выкинули изъ поля нашей аргументаціи, заявивъ въ самомъ-же началѣ настоящаго §-а, что оно не можетъ быть отождествляемо съ ius alluvionis**)?

На это слѣдуетъ сказать, что если alluvio означаетъ намывъ, аллювіальное блужданіе береговъ, отступленіе воды съ суши послѣ затопленія послѣдней, передвиженіе водами своихъ вмѣстилищъ, то „alluviones" означаютъ всѣ эти понятія вмѣстѣ, а „iura alluvionum" является *собирательнымъ понятіемъ* для обозначенія всѣхъ и всевозможныхъ правъ на землю, вызываемыхъ геологическою работою водъ. Принимаемой нами общности понятія iura alluvionum сравнительно съ ius alluvionis соотвѣтствуетъ и грамматическая его форма —pluralis—и употребленіе его Цицерономъ. Цицеронъ указываетъ на компетенцію центумвиральныхъ судовъ, къ которой относятся споры о правѣ собственности на недвижимость[5]), а слѣдственно и о всѣхъ правахъ, являющихся слѣдствіемъ дѣйствія водъ на землю. Кромѣ того наше толкованіе alluvio, употребляемаго во множественномъ числѣ, знаменательнымъ образомъ подтверждается еще и въ одномъ мѣстѣ юриста Павла.

Paul. Sent. III. 6. § 22.***).

Здѣсь говорится объ accessio alluvionum—„приращеніи аллювій", подъ каковое понятіе подходятъ только *намывы, обсохшее русло и острова.* Если-бы iura alluvionum означали толь-

*) Выше, стр.

**) Срвн. вып. I-ый, введеніе 1, стр. 5.

[5]) Keller: Civil-Prozess, § 6.

***) Отпечатано выше § 1, стр. 209.

ко намывныя приращенія—какъ это полагаетъ ходячее мнѣніе, отождествляя свое ius alluvionis съ iura alluvionum[6])—а не обнимали собою еще и всякія другія дѣйствія водъ, ведущія и къ утратѣ земли, то прибавленіе юристомъ слова accessio (alluvionum) было-бы непонятнымъ плеоназмомъ. А прибавленіе сіе нужно было сдѣлать, и нужно было сдѣлать потому, что „alluviones" является собирательнымъ понятіемъ, служащимъ для обозначенія всевозможныхъ видовъ геологическаго дѣйствія водъ на землю; у Павла-же рѣчь идетъ лишь о *приращеніяхъ* земли, на которой лежитъ узуфруктъ.

Въ заключеніе настоящаго §-а мы считаемъ нужнымъ оговориться относительно двухъ возраженій, которыя могутъ быть намъ сдѣланы противъ установляемой терминологіи „ius alluvionis", „iura alluvionum".

Во 1-ыхъ могутъ сказать: Alluvio имѣетъ столько значеній, что едва-ли было-бы раціональнымъ строить съ помощью этого слова terminus technicus; такой терминъ грозитъ вызывать постоянную путаницу. На это мы отвѣтимъ: не всѣ юридическіе термины суть искусственные, предложенные учеными изъ мертвой тишины своихъ кабинетовъ; многіе термины основаны на словоупотребленіи обыденной рѣчи, а обыденная рѣчь, языкъ, слагаются исторически: явилось слово, распространилось на другое, сначала совершенно чуждое ему и отдаленное отъ него понятіе, и получило въ извѣстномъ сочетаніи свой особый смыслъ: въ одномъ сочетаніи оно означаетъ одно, въ другомъ другое, часто совершенно другое. Такъ и слово alluvio: оно могло быть заимствовано римской юриспруденціей изъ народнаго языка, въ которомъ оно быть можетъ циркулировало уже въ нѣсколькихъ значеніяхъ; оставалось лишь оперировать и въ наукѣ съ установившимися уже значеніями, заботясь только о томъ,

[6]) Особенно Pernice, привед. соч., стр. 275, примѣч. 58.

чтобы въ каждомъ случаѣ было соблюдено логическое соотношеніе понятій; а это сдѣлано въ источникахъ, такъ какъ въ концѣ концевъ мы все-же разобрались въ разныхъ комбинаціяхъ alluvio: Множественное число alluvio (alluviones) обозначаетъ всевозможные виды геологическаго дѣйствія водъ на землю. Когда римскіе юристы хотятъ указать лишь на разныя *приращенія*, вызываемыя этимъ дѣйствіемъ водъ, они прибавляютъ къ alluviones слово accessio (alluvionum). Когда говорится о множественности намывовъ—непримѣтныхъ приращеній, то на основаніи текста мѣста[7]) не остается сомнѣній, что именно говорится о намывахъ—непримѣтныхъ приращеніяхъ. Когда имѣется въ виду право передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ, то существующія въ римскомъ правѣ положенія или здравый смыслъ не позволяютъ приплетать сюда аллювіальнаго блужданія береговъ, непримѣтнаго намыва, или факта оставленія водою земли послѣ ея затопленія. Помиримся-же съ нѣкоторою кажущеюся сбивчивостью римской терминологіи, alluvio, ius alluvionis, iura alluvionum и примемъ во вниманіе, что эта сбивчивость, собственно безопасная уже для современнаго изслѣдователя, совершенно должна были изчезать въ живомъ языкѣ римскихъ юристовъ для ихъ современниковъ: живая развивающаяся рѣчь обладаетъ многими средствами для избѣжанія недомолвокъ и неясностей, умирающими вмѣстѣ съ нею[8]).

Второе возраженіе, которое мы предвидимъ, могло бы заключаться въ утвержденіи, что понятіе „передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ“ предполагаетъ такую степень абстракціи въ области геологіи, которая не доказана не толь-

---

[7]) Imperat. Theodosius et Valentinianus, § 1. Соч. Римскихъ Землемѣровъ, стр. 274.

[8]) Столь-же мало опредѣлительна терминологія римскихъ юристовъ со словомъ inundatio (срвн. вып. I, стр. 138 примѣч. 1) и многими другими словами, встрѣчающимися въ самыхъ разнообразныхъ, иногда весьма отдаленныхъ значеніяхъ (напр. lex, condicio).

ко для римскихъ юристовъ, но и для римскихъ писателей вообще. Спѣшимъ увѣрить, что такое сужденіе было-бы поспѣшнымъ. Вся область изслѣдуемыхъ нами римскихъ ученій свидѣтельствуетъ о томъ, что соотвѣтственныя нормы построены римскими юристами на глубокомъ и основательномъ знакомствѣ съ геологическими данными, и что классификація наиболѣе ощутительныхъ для жизни нѣсколькихъ поколѣній явленій геологической работы водъ имъ такъ-же хорошо извѣстна, какъ и современнымъ геологамъ.

§ 4. Пора, вооружившись правильнымъ пониманіемъ выраженія ius alluvionis, приступить къ толкованію кардинальной для исторіи вопроса о правѣ русла публичныхъ рѣкъ въ agris limitatis l. 16, h. t, D.*).

Общее пониманіе этого мѣста зависитъ отъ установленія въ немъ двухъ отдѣльныхъ сомнительныхъ пунктовъ.

Во-1-ыхъ, въ виду многозначности слова alluvio и нѣсколько сложной только что разсмотрѣнной его терминологіи, возникаетъ вопросъ, какое оно имѣетъ значеніе въ пассажѣ: „et Trebatius ait.... habere alluvionem"? По нашему мнѣнію это alluvio означаетъ „передвиженіе водами своихъ вмѣстилищъ", т. е. тождественно съ alluvio въ выраженіи ius alluvionis. Требацій, значитъ, хочетъ сказать, что земля, уступленная побѣжденнымъ врагамъ (эта земля является неразмежеванной) [1]), подвергается передвиженію водами своихъ вмѣстилищъ, имѣетъ аллювію (alluvionem habere). Дальнѣй-

*) Отпечатано выше § 1, стр. 206.

[1]) Какъ извѣстно, Римляне оставляли обыкновенно побѣжденнымъ народамъ большую часть ихъ владѣній (2/3)—Marquardt: „Römische Staatsverwaltung" I, стр. 35 примѣч. 3 и II, стр. 147. Это то и есть ager, „qui hostibus devictis ea condicione concessus sit, ut in civitatem veniret"—cnfr Madwig: „Verfassung und Verwaltung". II, cap. IX, стрр. 367. 368—Относительно ager manucaptus. м. толкованіе Rudorff'a: „Gromatische Institutionen" II, стр. 287, примѣч. 151.

шее изложеніе должно будетъ подтвердить справедливость этого толкованія.

Во 2-хъ: не совсѣмъ яснымъ представляется общій ходъ мысли Флорентина; сомнѣнія возбуждаетъ отношеніе текста: „et Trebatius ait et cet.—до конца“ къ предшествующему. Кажется prima facie, что этотъ текстъ приводится *наравнѣ* съ предшествующимъ ему предложеніемъ—idque et divus Pius constituit“ —въ подкрѣпленіе начальнаго положенія нашего мѣста: „in agris limitatis ius alluvionis locum non habere constat“. На это какъ-бы указываетъ присоединеніе „Trebatius et cet.“ къ „idque..... constituit“ (дѣйствительно приводимому въ подтвержденіе, подкрѣпленіе, начальнаго положенія) чрезъ coniunctio copulativa: et. Однако этой иллюзіи не слѣдуетъ поддаваться, она противна содержанію текста „et Trebatius ait... до конца“. Въ этомъ текстѣ, какъ изъяснено, Требацій говоритъ, что земля, уступленная непріятелю, подвержена передвиженію водами своихъ вмѣстилищъ, подвержена аллювіи; между тѣмъ какъ начальное положеніе, которымъ открывается l. 16, гласитъ, что право передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ въ размежеванныхъ земляхъ не признается: первое не можетъ служить подтвержденіемъ второму! Требацій expressis verbis не говоритъ о недопустимости права передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ въ agris limitatis. Поэтому нужно принять, что „et“ передъ Trebatius, которымъ послѣдующее его мнѣніе соединяется съ сообщеніемъ Флорентина „idque..... constituit“ (подтверждающимъ положеніе „in agris“....), имѣетъ нѣкоторый противительный оттѣнокъ (и = а = съ другой стороны) и что — сообразно съ этимъ — весь текстъ „et Trebatius et cet.“ приводится Флорентиномъ не столько въ подтвержденіе словъ начальнаго положенія, сколько для иллюстраціи существа и цѣлей межеванія. Тогда на слова „et Trebatius et cet.“ нужно будетъ посмотрѣть лишь какъ на вставку, сдѣланную юристомъ для вящшей полноты и ясности своего

изложенія; въ остальномъ изложеніи это рѣзко обрывается на вставкѣ изъ Требація, очевидно вслѣдствіе воздѣйствія компиляціи [2]).

Итакъ общій ходъ мысли въ l. 16, по нашему мнѣнію, слѣдующій: Флорентинъ, юристъ конца 2-го вѣка, констатируетъ несомнѣнный въ его время фактъ, что право передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ въ размежеванныхъ земляхъ не имѣетъ мѣста, и поясняетъ, что это исключеніе iuris alluvionis въ agris limitatis основано на одной конституціи Пія. Далѣе для лучшей иллюстраціи понятія о размежеванныхъ земляхъ и цѣлей межеванія онъ цитируетъ Требація, юриста начала 1-го столѣтія, современника эпохи кипучей дѣятельности по выведенію колоній и межеванію земель.

Изложенное слѣдуетъ помнить, извлекая изъ l. 16, h. t, D. данныя для исторіи права русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ. Данныя-же эти таковы. Исключеніе права аллувіи въ размежеванныхъ земляхъ къ концу 2-го вѣка основывается на конституціи императора середины этого вѣка, „блаженной памяти Пія". Отсюда выводъ, что до помянутой конституціи это право не было исключено, (обратимъ вниманіе, какъ категорически сообщаетъ намъ юристъ: „idque et divus Pius constituit!"), или что, по крайней мѣрѣ, непримѣнимость его была сомнительною. Отсюда исторія права, касающагося русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ, естественно распадается на два періода, разграничательною чертою между которыми является конституція Пія и ея эпоха.

---

[2]) Нельзя поручиться, чтобы и между „constituit" и „et Trebatius" что-нибудь не было выкинуто компиляторами. Нить мысли l. 16, cit. тутъ какъ-то странно пресѣкается, и единственное средство ее поддержать съ точки зрѣнія даннаго текста это — предлагаемое нами толкованіе, берущее et съ противительнымъ оттѣнкомъ и разсматривающее пассажъ: „et Trebatius ait"... какъ вставку, сдѣланную Флорентиномъ для иллюстраціи существа и цѣлей межеванія.

I періодъ—до Пія и

II періодъ—послѣ Пія.

Пріурочивая послѣдующее изложеніе къ этому дѣленію, мы представимъ его въ 2-хъ главахъ.

Періодъ первый: древнѣйшій право русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ—гл. II.

Періодъ второй: конституція Пія, отголоски позднѣйшаго права русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ у юристовъ—гл. III.

Этими двумя главами и исчерпывается наша задача по отношенію къ предлежащей части нашего труда; однако нѣкоторыя новыя точки зрѣнія на юридическое обсужденіе намывовъ въ размежеванныхъ земляхъ, открывающіяся при ея изложеніи, побудятъ насъ присовокупить къ ней еще небольшое прибавленіе, посвященное этому вопросу. Послѣ этого явится возможнымъ закончить книгу изображеніемъ ея результатовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Періодъ первый: древнѣйшее право русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ.

Hi agri leges accipiunt ab his qui veteranos deducunt, et ita propriam observationem eorum lex data praestat.
Hyginus 117_{15}.

Отдѣленіе первое: Характеръ источниковъ. Существо права русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ (практика учредителей колоній). Толкованіе относящихся къ вопросу текстовъ громатиковъ и оцѣнка степени ихъ доказательной силы: 51_{3} sq. 51_{18} sq. — Frontinus; 120_{7} — 12. 125_{5}—18.—Hyginus; 157_{18}—158_{7}—Siculus.

§ 1. Единственнымъ источникомъ познанія древнѣйшаго права русла публичныхъ рѣкъ въ agris limitatis являются сочиненія римскихъ землемѣровъ.

Пользуясь ими, мы никогда не должны упускать изъ виду, что изреченія громатиковъ по характеру своему рѣзко отличаются отъ фрагментовъ юристовъ. Въ то время, какъ римскіе юристы обладаютъ единою общею школою, мыслятъ по однообразнымъ пріемамъ юридической логики, землемѣры во взглядахъ на задачи и методы своихъ произведеній являются чисто субъективными. Эта ихъ черта наглядно сказывается, напримѣръ, въ самой интересующей насъ группѣ текстовъ, трактующихъ объ alveus fluminis publici въ

agris limitatis. Сопоставляя Фронтина [1]), Игина [2]) и Сикула [3]), мы видимъ, что сообщаемое у этихъ писателей, касаясь одной и той-же матеріи, различно однако по содержанію, объему, тому значенію, которое тотъ или другой изъ авторовъ придаетъ своему сообщенію: то, что кажется особенно интереснымъ Фронтину, о чемъ онъ распространяется на многихъ строкахъ, опускается Игиномъ (оставленіе рѣки какъ subsicivi); то, на чемъ съ обстоятельностью останавливается Игинъ, едва упоминается Фронтиномъ. Наконецъ то, что съ подробностью отмѣчается у Фронтина или Игина, повторяется лишь въ двухъ-трехъ словахъ у Сикула. Это указываетъ, что громатики, дѣлая то или другое сообщеніе, руководствуются не объективными соображеніями, вытекающими изъ существа дѣла, степенью важности извѣстнаго свѣдѣнія для предмета, а совершенно произвольными точками зрѣнія: случайнымъ знакомствомъ своимъ съ тѣмъ или инымъ вопросомъ, намѣреніемъ выставить въ начаткахъ землемѣрнаго искусства въ назиданіе новиціямъ ремесла, или какой либо любопытный казусъ, или-же какой нибудь поучительный примѣръ.

Подмѣчаемая особенность нашего юридико-громатическаго матеріала принудитъ насъ въ дальнѣйшемъ отнестись къ нему критически, съ достаточною осторожностью. И во всякомъ случаѣ эта особенность исключаетъ возможность построенія на основаніи однородныхъ изреченій отдѣльныхъ авторовъ общихъ историческихъ картинъ: землемѣры не пополняютъ другъ друга, какъ юристы пандектъ, у нихъ изреченія сродственныя, однородныя, имѣютъ, какъ мы увидимъ, иногда самое различное значеніе *).

§ 2. Право русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ

---

[1]) Front.—51_{3-16}. $51_{18}-52_{13}$. [2]) Hyg. 120_{7-12}. 125_{5-18}. [3]) Sic 157_{18} sq.
*) Вып. I-ый, введеніе 2. стр. 11.

земляхъ основано на спеціальныхъ законахъ, которыми устраиваются поземельныя и территоріальныя отношенія въ каждой колоніи [1]).

Извѣстно, что, когда выводилась колонія, то на мѣсто выѣзжалъ curator, императорскій комиссаръ по устройству колоніи [2]). Подъ его руководствомъ, при участіи техниковъ-землемѣровъ, совершались: распланировка земель и водъ, ихъ раздѣленіе (размежевка) и раздача, (а если нужно, такъ и принудительное отчужденіе земель подъ колонію), вырабатывалось положеніе о внутреннемъ устройствѣ и распорядкахъ въ колоніи; словомъ—отъ куратора колонія получала свой статутъ—lex data coloniae [3]).

---

[1]) Рѣчь идетъ лишь о военныхъ колоніяхъ (ветерановъ) конца республики и первыхъ двухъ вѣковъ принципата; къ нимъ только и относится разбираемый нами матеріалъ землемѣровъ. Самою древнѣйшею изъ упоминаемыхъ громатиками колоній является Pisaurum въ Умбріи (выведенная по Ливію, 39. 44, 184 a. a. Ch. N.—Cnfr. Marquardt, cit. I, pg. 39—, если только громатиками имѣется въ виду deductio coloniae именно этого года, а не какая-либо другая, новая, позднѣйшая deductio въ ту-же мѣстность, время которой намъ неизвѣстно. Объ этомъ еще ниже). Съ другой стороны, самыми поздними колоніями, которыя могли-бы имѣться въ виду у землемѣровъ, были-бы колоніи, выведенныя въ эпоху, на которую приходится сочиненіе ими своихъ трудовъ, т. е. —въ концѣ 1-го или началѣ 2-го вѣка (Teuffel: „Geschichte der römischen Litteratur", § 344).

Хотя понятіе размежеванной земли объемлетъ не только ager colonicus, но еще и ager quaestorius (или privatus vectigalisque—115_{15} sq.), однако въ вопросѣ о правѣ русла публичныхъ рѣкъ въ agris limitatis является возможнымъ отождествлять ager colonicus съ ager limitatus, такъ какъ ко времени начертанія нашихъ источниковъ, произведеній Фронтина, Игина и Сикула, межеваніе въ agris quaestoriis представлялось уже совершенно одичавшимъ и эти agri, фактически, утратили характеръ размежеванныхъ земель (152—153_5.), а новая нарѣзка ихъ едва-ли производилась (развѣ въ единичныхъ случаяхъ). Сообразно съ этимъ почти всѣ изреченія о руслѣ публичныхъ рѣкъ у землемѣровъ относятся исключительно къ ager colonicus. Мы встрѣчаемъ лишь у Игина бѣглую замѣтку о рѣкахъ въ agris quaestoriis, изъ которой выходитъ, что онѣ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, обсуждаются въ ager quaestorius также, какъ и въ ager colonicus (125_{19}.). Однако, поскольку окажется возможнымъ, интереснымъ и умѣстнымъ упомянуть о положеніи вопроса и въ agri quaestorii, мы не преминемъ это сдѣлать.

[2]) Marquardt I, pag. 428 429; Mommsen, Staatsrecht II_1, стр. 715.

[3]) Marquardt, ibid, pg. 64. Mommsen. II_2, pg. 852 слл. Karlowa: „Römische Rechtsgeschichte" I, pg. 320.

Изъ сказаннаго видно, что распланировка и юридическая регламентація рѣкъ входила въ одну изъ задачъ куратора по устройству колоніи.

Распланированная и получившая юридическія опредѣленія территорія колоніи (площадь надѣловъ, выгоновъ, лѣсовъ, площадь рѣкъ et cet.) заносилась на карту (aes, forma, pertica), которая въ оригиналѣ выставлялась на форумѣ колоніи, копія-же вносилась въ государственный архивъ (sanctuarium Principis) на храненіе [4]). Обладая свойствомъ fidei publicae, эта карта служила важнѣйшимъ доказательствомъ для разрѣшенія возникающихъ на территоріи колоніи поземельныхъ тяжбъ. Для исполненія такого назначенія карта была снабжена условными знаками и надписями [5]) (кромѣ того къ картамъ прилагались особые пояснительные протоколы и реестры: libri aeris, divisiones, commentarii, libri subsicivorum et cet.), показывающими землю, находящуюся въ частной надѣльной собственности ветерановъ, принадлежащую колоніи, государству, или состоящую въ общемъ владѣніи и проч. [6]). Само собою понятно, что точность этихъ надписей и основательное знакомство съ ними спеціалистовъ-землемѣровъ составляетъ необходимое предположеніе разбора по картамъ тяжбъ [7]). Вотъ почему, намъ кажется, съ надписями, образчики которыхъ намъ встрѣтятся ниже, слѣдуетъ серьезно считаться при толкованіи громатиковъ. (По своему важному практическому значенію, инскрипціи должны были быть въ нѣкоторомъ родѣ конькомъ прикладной учености землемѣровъ).

---

[4]) Karlowa, cit., стрр. 319. 320. Rudorff: „Gromatische Institutionen“, pgg. 404. 405.

[5]) Karlowa, cit. 319. 320. Rudorff, cit., pg. 404. Cnfr. 202₁₂. 197₁₉. 116₁₇.

[6]) Сочиненія Римскихъ Землемѣровъ 197—202. 204, figurae 196 b) и 197 a), ibid.. Срвн. отрывокъ карты колоніи Arausio-Weber, cit., прибавл. I; Cnfr. Mommsen „Hermes“ XXVII, pg. 103. Географическое объ этой колоніи см. Ukert: „Geographie“ II₂, pg. 442, примѣч. 95.

[7]) Срвн. 129₁₁. 131₁₀. 132₁₃. 54₁₆.

Однако, какъ сказано, юридическая регламентація рѣкъ, ихъ русла въ agris limitatis, составляетъ одну изъ задачъ учредителя колоніи по ея устройству, часть даваемаго имъ ей статута.

Изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ и источниковъ не видно, чтобы для юридической регламентаціи рѣкъ въ колоніяхъ какимъ-либо закономъ былъ указанъ общій шаблонъ въ родѣ того, какимъ мы располагаемъ въ лицѣ lex Iulia municipalis, а частью и lex agraria (Caesaris) для устройства и внутренняго распорядка въ колоніяхъ и городахъ и для нѣкоторыхъ вопросовъ поземельнаго права, (viae, напр., limites, itinera aquarum legis agrariae). Также не встрѣчаемъ мы указаній на эту регламентацію въ какомъ-либо спеціальномъ законѣ [8]). Съ другой стороны и римская юриспруденція не представляетъ никакихъ слѣдовъ обобщеній надъ правомъ русла публичныхъ рѣкъ, какъ оно выработалось въ статутахъ отдѣльныхъ колоній*). Однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы римская юридическая жизнь, особенно практика магистратовъ, curatorum, conditorum, подъ руководствомъ которыхъ совершалась распланировка и размежевка земель[9]), не знала общихъ принциповъ юридическаго опредѣленія русла публичныхъ рѣкъ. Такіе общіе (шаблонные) принципы нужно съ необходимостью предположить: таковъ ужъ удѣлъ человѣческихъ начинаній. Прецедентъ при учрежденіи той или другой колоніи ведетъ къ установленію извѣстной цѣлесообразной рутины и образуется общая практика.

Нѣкоторыя указанія на эту практику мы находимъ въ сочиненіяхъ римскихъ землемѣровъ.

---

[8]) Только lex Ursonensis, cap. LXXIX, обмолвливается о рѣкахъ слѣдующими словами: „Qui fluvi rivi fontes lacus aquae stagna paludes sunt in agro, qui colonis huiusce coloniae divisus erit, ad eos rivos fontes lacus aquasque stagna paludes itus actus aquae haustus iis item esto, qui eum agrum habebunt possidebunt, uti iis fuit, qui eum agrum habuerunt possiderunt.

[9]) При agri quaestorii этимъ магистратомъ могъ быть лишь quaestor.

*) Вып. I-ый. ч. II, разд. I, гл. III, § 2, стр. 181.

Чтобы говорить о правѣ русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ въ древнѣйшее время его развитія, мы должны себѣ *составить картину этой практики*, а для этого, раньше всего, обратиться къ сочиненіямъ римскихъ землемѣровъ.

Выше*) мы привели положенія, извлекаемыя нашими писателями изъ громатиковъ для характеристики опредѣленія alvei fluminis publici въ agris limitatis. Однако этими положеніями удовлетвориться нельзя: они чужды болѣе глубокаго критическаго взгляда на матеріалъ и неточно, потому, воспроизводятъ его смыслъ. Въ основѣ пониманія землемѣровъ нашими писателями лежитъ коренная ошибка: они исходятъ изъ мысли, что громатики даютъ *прямой отвѣтъ* на вопросъ: *какъ юридически опредѣлялось, квалифицировалось русло публичныхъ рѣкъ* въ agris limitatis. Но въ томъ-то именно и дѣло, что землемѣры намъ такого отвѣта не даютъ; онъ ихъ меньше всего интересуетъ! Его нужно еще поискать; а съ этою цѣлью сначала критически разобраться въ доставляемомъ ими матеріалѣ, взвѣсить его доказательную силу, посмотрѣть, что въ самомъ дѣлѣ заключается въ немъ по нашему вопросу; тогда можно будетъ приступить къ дальнѣйшимъ выводамъ.

§ 3. Задача критическаго разбора и оцѣнки степени доказательной силы текстовъ громатиковъ, относящихся до права русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ, не представляетъ затрудненій: вся масса этихъ текстовъ сводится къ пяти мѣстамъ, а именно:

Frontinus 51_{3} sq. 51_{18} sq.; Hyginus 120_{7-12}. и 125_{5} sq.; Siculus 157_{18} sq.

*) Выше, гл. I. § 1, стрр. 207. 208.

Займемся ихъ разсмотрѣніемъ въ указанномъ порядкѣ.

51з—16.

Multa flumina et non mediocria in adsignationem mensurae antiquae ceciderunt: nam et deductarum coloniarum formae indicant; ut multis fluminibus nulla latitudo sit relicta. sequitur in his fluminibus artem mensoriam aliquem locum sibi vindicare, quatenus acto limite accepta finiatur, qua vel aquam vel agrum vel utrumque habere debeat unus. fuit enim fortasse tunc ratio non simplex, qua deberet quis quid deductorum etiam aquae accipere. primum quod exiguitas agrorum conditorem ita suadebat. deinde quod non erat ingratum possessori proximum esse aquae commodo. tertio quod si sors ita tulerat, aequo animo ferendum habebat. in his agris exigitur fere mensura secundum postulationem aeris formarumque[1]).

По поводу вопроса, когда землемѣръ выступаетъ въ controversia de alluvione со своею экспертизою, Фронтинъ дѣлаетъ уже знакомое намъ*) сообщеніе о рѣкахъ, заносимыхъ въ площадь надѣловъ ветерановъ. Изъ этого сообщенія выходитъ, что *по устарѣвшей* ко времени автора *практикѣ* („mensura antiqua") не маловажныя, значительныя рѣки попали въ надѣлы ветерановъ. Фронтинъ относится къ этой практикѣ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. На это указываетъ выраженіе „et non mediocria" **) и весь тотъ рядъ догадокъ (forte et cet.), который приводится землемѣромъ въ оправданіе этой практики. Въ площадь надѣловъ ветерановъ заносились, видимо, только меньшія, частныя рѣки (rivi); [2]) большія-же, непересыхающія, которыя являются публичными, во

---

[1]) Срвн. краткую параллельную замѣтку у Сикула 157₁₈.

*) Вып. I, стр. 10, примѣч. 7. стрр. 25. 26. ibidem.

**) Вып. I, стр. 27, примѣч. 9.

[2]) l. 1, § 1—4, 43. 12, de fluminib., D. Подразумѣвать подъ „multa flumi-

времена Фронтина, надо полагать, получали другое опредѣленіе. О юридическомъ свойствѣ дна рѣкъ, которыя „in assignationem mensurae antiquae ceciderunt“, 51з sq. не говоритъ, но, какъ уже предвосхищено въ предшествующемъ изложеніи *), вѣроятно, что оно составляетъ частную собственность ветерановъ, на надѣлы которыхъ это дно приходится, ограниченную однако общественнымъ пользованіемъ рѣкою. Это послѣднее вытекаетъ изъ соображенія, что совершенно невозможно, чтобы мало мальски значительная, представляющая общественный интересъ рѣка могла, по дѣйствующему относительно частныхъ рѣкъ въ римскомъ правѣ правилу, находиться въ такомъ-же исключительномъ обладаніи собственника, какъ и всякій locus privatus.

На истолкованномъ-то текстѣ (и параллельномъ мѣстѣ Сикула) традиціонная доктрина и основываетъ свое положеніе, „что рѣка въ agris limitatis могла быть заносима въ площадь надѣловъ ветерановъ“. Послѣ всего сказаннаго вѣрнѣе сказать, *что по устарѣвшей ко времени Фронтина* (къ концу 1-го вѣка) *исключительной практикѣ еще встрѣчались публичныя рѣки, занесенныя въ площадь надѣловъ ветерановъ, съ ложемъ, состоящимъ въ частной собственности, ограниченной общественнымъ пользованіемъ* [3]).

---

na“..... Фронтина бо́льшія, но пересыхающія рѣки (которыя-бы пришлось отнести къ частнымъ—Windscheid: „Pand“. I, § 146 примѣч. 7-ое) намъ кажется невозможнымъ. Это сдѣлало-бы сообщеніе землемѣра: „ratio...... qua deberet quis quid deductorum etiam a q u a e accipere“..... невѣрнымъ и излишнимъ.

*) Вып. I, стр. 26, примѣч. 4. Выше, гл. I, § 1, стр. 208.

[3]) Нѣсколько болѣе общимъ, чѣмъ нашъ выводъ, можетъ показаться параллельное мѣсто Сикула (157 18): „In quibusdam regionibus fluminum modus assignationi cessit“. О „mensura antiqua“ здѣсь не говорится. Но возможно, что Сикулъ не совсѣмъ точно передаетъ свѣдѣнія, излагаемыя Фронтиномъ. Непосредственность, съ которою послѣдній говоритъ о дѣлѣ (formae indicant), заставляетъ дать ему сообщаемымъ у него подробностямъ предпочтеніе, и при помощи этихъ подробностей слѣдуетъ пояснять Сикула; срвн. Rudorff, cit., стр. 400.

51[18] sq.

Videbimus, an inter mensores et iuris peritos esse de hoc quaestio debeat, cursum an perticam sequamur, si qua usque potuit veteranis est adsignatum. scio in Lusitania, finibus Emeritensium, non exiguum per mediam coloniae perticam ire flumen Anam, circa quod agri sunt adsignati qua usque tunc solum utile visum est. propter magnitudinem enim agrorum veteranos circa extremum fere finem velut terminos disposuit, paucissimos circa coloniam et circa flumen Anam: reliquum ita remanserat, ut postea repleretur. nihilo minus et secunda et tertia postea facta est adsignatio: nec tamen agrorum modus divisione vinci potuit, sed superfuit inadsignatus. in his agris cum subsiciva requirerentur, impetraverunt possessores a praeside provinciae eius, ut aliquam latitudinem Anae flumini daret. quoniam subsiciva, quae quis occupaverat redimere cogebatur, iniquum iudicatum est ut quisquam amnem publicum emeret aut sterilia quae alluebat: modus itaque flumini est constitutus. hoc exempli causa regerendum existimavi. nam et in Italia Pisauro flumini latitudo est adsignata eatenus qua usque adlababat[4]).

Разъяснимъ себѣ буквальный смыслъ этого мѣста и ходъ мысли въ немъ его автора.

Исходя изъ идеи противоположности въ controversiis agrorum чисто правовыхъ вопросовъ (ius ordinarium) къ землемѣрному искусству (ars mensoria)*), Фронтинъ задается вопросомъ: „посмотримъ, можетъ-ли возникнуть между юристами и землемѣрами вопросъ (т. е., кто компетентенъ, чья экспертиза), надлежитъ-ли слѣдовать теченію рѣки или пла-

---

[4]) Срвн. параллельную замѣтку у Сикула 157[19].

*) Вып. I, стр. 10, примѣч. 7.

ну, первоначальной распланировкѣ колоніи--pertica"[5]) (подразумѣвается — при опредѣленіи границъ и площади побережныхъ владѣній)? Очевидно, что въ томъ и другомъ случаѣ вопросъ объ экспертизѣ рѣшается различно. Экспертиза землемѣровъ нужна лишь если слѣдовать плану; если-же слѣдовать линіи теченія рѣки, то она излишня**). На самый-же, вопросъ: „cursum an perticam sequamur", Фронтина наводитъ слѣдующій случай: Въ Лузитаніи, въ предѣлахъ Эмеритійцевъ (жители колоніи Эмериты-Августы, Мериды)[6]), протекаетъ по самой серединѣ распланировки (плана—pertica) колоніи немаловажная рѣка Анасъ (Гвадіана), вокругъ которой произведены надѣлы ветеранамъ (agri sunt assignati) на томъ пространствѣ, на которомъ лишь тогда (при учрежденіи колоніи) это казалось цѣлесообразнымъ (qua usque tunc solum utile visum est). Вслѣдствіе обширности земель учредитель колоніи расположилъ ветерановъ на крайней границѣ, на подобіе пограничныхъ знаковъ (velut terminos), и только самое незначительное число вокругъ колоніи и рѣки Анаса. Остальное пространство осталось такъ (нерозданнымъ) съ тѣмъ, чтобы его потомъ заполнить. Между тѣмъ (въ этой мѣстности) произошла вторая и третья раздача надѣловъ, и тѣмъ не менѣе нельзя было одолѣть громадину свободныхъ земель: все еще оставалась земля нерозданная. Эту-то землю позанимали ближайшіе ея сосѣди[7]).

---

5) 20_5.sq. 26_6. 154_{13} sq. Rudorff, cit., 280. 355. 402.

**) Вып. I-ый, стрр. 9. 10.

6) Ukert: „Geographie der Griechen und Römer" II, 1 pg. 390.

7) Захватъ въ колоніяхъ свободныхъ, нерозданныхъ, принадлежащихъ государству земель (особенно subsicivorum) составлялъ обыденное явленіе въ жизни колоній. Это подало Pernice—Labeo I, pg. 275—поводъ къ заключенію, что право захвата составляетъ одну *изъ чертъ теоріи* subsicivorum. Но Бруджи, прив. соч., стр. 287 *сл.* 319, совершенно основательно доказываетъ, что захватъ subsicivorum всегда носилъ незаконный характеръ (occupazione abusiva del suolo pubblico). И дѣйствительно, доказательствомъ этого служатъ сохранившіяся у землемѣровъ свидѣтельства самой упорной борьбы римскаго правительства противъ подобныхъ захватовъ (примѣрно: 53_{20}. 48_{11}—49_3. 55_{10}).

Когда бережливый Веспасіанъ [8]) сталъ собирать незаконно-захваченныя subsiciva и распорядился о выкупѣ частными владѣльцами своихъ захватовъ, или о возвращеніи ихъ въ казну, Эмеритійцы обратились съ просьбою къ начальнику провинціи, чтобы онъ удѣлилъ рѣкѣ Анасу особое пространство. Такъ какъ рѣчь шла о выкупѣ захваченныхъ subsiciva, то и было положено, что несправедливо заставлять кого-бы то ни было выкупать теченіе публичной рѣки или безплодныя заливаемыя ею пространства [9]). И рѣкѣ Анасу данъ былъ особый надѣлъ. Пояснимъ: этимъ Эмеритійцы спасли часть своихъ захватовъ отъ обязательства выкупа или возвращенія въ казну. Мы покажемъ ниже, § 4, что въ колоніяхъ, по обычаю учредителей колоніи, частнымъ лицамъ предоставлялось право прекарно пользоваться сухими частями пространства, отводимаго подъ публичныя рѣки. Добившись у начальника провинціи отведенія Анасу особаго максимальнаго надѣла, жители Эмериты могли получить законное основаніе къ пользованію по крайней мѣрѣ частью захваченныхъ ими земель (sterilia quae alluebat), не производя выкупа и не возвращая ихъ въ казну..... Затѣмъ изложеніе Фронтина приходитъ къ совершенно неожиданной развязкѣ, не соотвѣтствующей началу его разсказа: авторъ заявляетъ, что привелъ всю свою длинную повѣсть для вящшаго назиданія, такъ какъ де и въ Италіи Пизавру отведено пространство,

---

[8]) 54₃.

[9]) Передача......„emeret amnem publicum"=.....„выкупать теченіе публичной рѣки" предпочтительнѣе буквальнаго—...выкупать публичную рѣку. Внѣоборотность вещей общественнаго пользованія легко доступна профану; она не могла ускользнуть и отъ Фронтина. Смыслъ-же несправедливости покупки теченія рѣки у Фронтина тотъ, что разумѣется покупка всего заливнаго пространства, всей заливной террасы, на которой Гвадіана могла измѣнить свое теченіе, а эта терраса, конечно, обезцѣнена тѣмъ, что часть ея занята теченіемъ рѣки, живою струею, другія-же ея части представляютъ пустынныя, ненадежныя заливныя земли (sterilia, quae alluebat), по которымъ рѣка можетъ измѣнить свое теченіе. См. ниже § 4, подъ II.

докуда онъ заливаетъ. Во всемъ разсказѣ землемѣра, въ заключенiи этого разсказа, мы не находимъ отвѣта на поставленный имъ a primordio вопросъ: „Videbimus an inter mensores et iuris peritos esse de hoc quaestio debeat, cursum an perticam sequamur“. Въ приведенномъ имъ примѣрѣ, оказывается, нельзя слѣдовать ни теченiю рѣки, ни плану, а пришлось-бы соображаться съ тѣми особыми границами, которыя поставлены рѣкѣ Anas вслѣдствiе распоряженiя начальника провинцiи; а потомъ и весь примѣръ, по поясненiю автора, приведенъ лишь для вящшаго назиданiя: Фронтинъ въ теченiе своего изложенiя забываетъ про свою исходную точку.

Какъ-бы тамъ ни было, таковы текстуальный смыслъ разбираемаго нами мѣста и ходъ мысли его автора въ немъ

Каково-же поученiе 51 18 sq. для вопроса о правѣ русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ? Традицiонная доктрина формулируетъ это поученiе такъ: рѣка въ размежеванныхъ земляхъ могла быть оставлена въ видѣ, subsicivi. Съ этимъ согласиться нельзя: эта формулировка черезъ-чуръ обща и неопредѣленна. Въ текстѣ Фронтина она прямо не выражена, еще менѣе она изъ него вытекаетъ. Выставляя ее, оспариваемая доктрина игнорируетъ двоякаго рода обстоятельства, въ высшей степени важныя для оцѣнки доказательной силы нашего мѣста. Во-1-ыхъ по разсказу Фронтина не рѣка оставлена какъ subsicivum, а цѣлая, значительная, нерозданная площадь земли, на которую приходится и Анасъ. Это большая разница: юридико-межевое понятiе subsicivi, нисколько не соотвѣтствуя цѣлямъ юридической регламентацiи публичной рѣки, есть спецiальная кличка для обозначенiя нерозданныхъ, нераздѣленныхъ, неустроенныхъ пространствъ въ размежеванныхъ земляхъ. Квалификацiю subsicivi вообще имѣли свободные, временно оставленные про запасъ, впредь до новой раздачи, участки земли [10]). Такъ

[10]) Именемъ „subsicivum“ обозначаются—и заносятся подъ тѣмъ-же именемъ

что въ разсказываемомъ Фронтиномъ случаѣ рѣка получаетъ квалификацію subsicivi (если смѣемъ такъ выразиться) *не по существу*, а *случайно*, поскольку она составляетъ часть цѣлой неустроенной и нерозданной, бо́льшей площади земли. Во-2-ыхъ: данныя, разсказываемыя Фронтиномъ (уймище земель, котораго не могли одолѣть ни вторая, ни даже третья раздача), указываютъ на то, что мы имѣемъ дѣло скорѣе съ какимъ-либо особенно любопытнымъ, интереснымъ казусомъ, чѣмъ съ мало-мальски нормальной формой юридической регламентировки рѣки (не будемъ упускать изъ виду, какъ несвязно перескакиваетъ вдругъ Фронтинъ на повѣствуемую имъ диковинку, какъ мало въ его мысляхъ она должна отвѣчать на вопросъ о юридической регламентаціи публичной рѣки въ agris limitatis). Такимъ образомъ, въ результатѣ, положеніе, устанавливаемое господствующей доктриной, что публичная рѣка въ agris limitatis могла быть квалифицирована, какъ subsicivum (выводимое изъ 51_{18} sq.,), должно быть ограничено тремя оговорками: 1) такая квалификація могла имѣть мѣсто лишь въ весьма исключительныхъ случаяхъ; 2) она касается не рѣки по существу, а цѣлаго нерозданнаго, неустроеннаго пространства, на которомъ случайно оказывается рѣка; 3) эта квалификація могла имѣть лишь временное,

---

на карты—отрѣзки, оставшіеся отъ межеванія (пишется: subsecivum, subsicivum, иногда supcisivum). Они бываютъ двухъ родовъ, образуясь: 1) или между арцифинальной границей взятой для колоніи территоріи и правильной линіей крайнихъ центурій, 2) или въ серединѣ между центуріями размежеванныхъ земель, когда *часть* центуріи оставалась свободною, не была дана въ надѣлъ, вслѣдствіе неудобности земли, или за отсутствіемъ ветерановъ. Юридическое свойство subsicivorum составляетъ принадлежность римскаго народа либо императора, ихъ землемѣрно-аграрное назначеніе заключается въ томъ, чтобы служить для новыхъ надѣловъ ветерановъ (р.р. если земля удобна). Имъ велись при планахъ особые реестры, изъ которыхъ императоръ могъ усмотрѣть, сколько гдѣ земли въ распоряженіи для раздачи ветеранамъ (111_{3-4} 202_5). Все это, вся юридико-аграрная физіономія subsicivorum („ius subsicivorum") весьма мало соотвѣтствуетъ цѣлямъ, которымъ должна служить публичная рѣка, (о subsiciva—Rudorff, cit., 390. 406; Karlowa, cit. I, pg. 320).

переходящее значеніе и должна была окончиться съ рѣшеніемъ судьбы всей массы неустроенныхъ земель [11][12][13]. Какую юридическую квалификацію имѣла рѣка Анасъ (юридиче-

---

[11]) Дать учредительный актъ колоніи въ періодъ принципата можетъ лишь императоръ; только онъ властенъ распоряжаться государственной землей (Mommsen: Staats-Recht II2, 853; cnfr. Rudorff, cit., 391). Поэтому какія-либо отмѣны и перемѣны въ учредительномъ актѣ (lex data) колоніи—какъ распоряженіе начальника провинціи, давшее Гвадіанѣ особый надѣлъ—мыслимы лишь въ предположеніи, что самимъ статутомъ колоніи praesidi provinciae были предоставлены полномочія на это. А что начальнику провинціи въ разбираемомъ случаѣ должны были быть предоставлены подобныя полномочія, становится крайне вѣроятнымъ, если сообразить, что столько земель послѣ второй и третьей раздачи оставалось еще свободными, столько территоріальныхъ отношеній неустроенными.
Cnfr. l. 3 § 4, 43, 24, quod vi aut clam, D.

[12]) Противъ нашего ограничительнаго толкованія 51₁₈ sq. можно выставить 157₁₉. Сикула, гдѣ сказано: in quibusdam (subintell. regionibus fluminum modus) vero tamquam subsecivus relictus est. Въ этихъ словахъ случаямъ оставленія рѣки въ видѣ subsicivi какъ-бы придается болѣе общее значеніе. Но текстъ Сикула не долженъ насъ смущать. Во-1-хъ изъ него вовсе не слѣдуетъ съ логической необходимостью, чтобы многія рѣки получили квалификацію subsicivorum; онъ остается вѣрнымъ даже если-бы такихъ рѣкъ было 1—2 Во-2-ыхъ, при сравнительной оцѣнкѣ доказательной силы для нашего вопроса, 51₁₈ sq. и 157₁₉., слѣдуетъ рѣшительно высказаться въ пользу перваго текста Фронтина: Фронтинъ и подробнѣе и обстоятельнѣе Сикула (послѣдній даетъ лишь самую бѣглую краткую замѣтку); а потомъ—и это очень важно—сообщеніе Фронтина дышетъ живою непосредственностью очевидца (scio et cet.) Сикулъ-же является референтомъ чужихъ свѣдѣній, быть можетъ—того-же Фронтина, котораго онъ также неправильно обобщаетъ, какъ и вслѣдъ за нимъ оспариваемая нами традиціонная доктрина. Такимъ образомъ едва-ли можно опираться на 157₁₉. Сикула въ пользу общности практики оставленія въ размежеванныхъ земляхъ рѣки въ качествѣ subsicivi.

[13]) Теперь является возможнымъ еще разъ подтвердить сказанное выше (Вып. I-ый, стр. 182, примѣч. 17a и стр. 184, примѣч. 19a) противъ Уббелоде, когда онъ пытается объяснить нѣкоторыя мѣста громатиковъ (гл. образомъ 50₈ sq. и 20₇ sq.) изъ предположенія, что рѣчь идетъ о рѣкѣ. протекающей между берегами, оставленными въ качествѣ subsiciva. Оставленіе рѣки съ ея ближайшими окрестностями въ видѣ subsiciva есть довольно исключительный казусъ въ практикѣ учредителей колоній (подумаемъ о всѣхъ тѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, которыя оно предполагаетъ: и „paucissimos disposuit.... circa flumen Anam", и „nec tamen agrorum modus divisione vinci potuit"), а не нормальный способъ юридическаго ея обсужденія; такъ что такое оставленіе нельзя предполагать тамъ, гдѣ оно прямо не выражено, какъ это дѣлаетъ Уббелоде.

ское свойство ея ложа) по устройствѣ ея начальникомъ провинціи, объ этомъ Фронтинъ намъ не говоритъ. Но традиціонная доктрина нисколько не ошибается, полагая, что до тѣхъ поръ, пока она значилась въ числѣ subsiciva, рѣка, ея русло, состояли in dominio publico.

Переходимъ къ толкованію и оцѣнкѣ:

120_{7}—$_{12}$. 125_{5}—$_{18}$. 157_{20}—158_{7}.

Всѣ эти мѣста говорятъ о возможности надѣленія рѣкъ въ agris limitatis особымъ надѣломъ той или другой величины (—обыкновеннымъ или максимальнымъ).

Hyginus.

120_{7}—$_{12}$. Fluminum autem modus in aliquibus regionibus intra centurias exceptus est, id est adscriptum FLUMINI TANTUM, quod alveus occuparet. aliquibus vero regionibus non solum quod alveus occuparet. sed etiam agrorum aliquem modum flumini adscripsit, quoniam torrens violentior excedit frequenter circa alveum [et] [14]) centurias.

125_{5}—$_{18}$. Scio enim quibusdam regionibus cum adsignarentur agri, adscriptum aliquid per centurias et flumini. quod ipsum providit auctor dividendorum agrorum,

Siculus.

157_{20}—158_{7}.......aliis autem (subintell. regionibus fluminum modus) exceptus inscriptumque FLUMINI ILLI TANTUM. ut in Pisaurensi comperimus DATUM ASSIGNATUMQUEUT VETERANO, deinde REDDITUM SUUM VETERI POSSESSORI, FLUMINI PISAURO TANTUM, IN QUO ALVEUS; deinceps et ultra ripas aliquando adscriptum

14) Скобка издателей текста.

ut quotiens tempestas concitasset fluvium, quo excedens alveum per regionem vagaretur, sine iniuria cuiusquam deflueret; cum vero ripis suis curreret, proximus quisque uteretur modum flumini adscriptum. nec erat iniquum, quoniam maiores imbres aliquando excedere aquam iubent ultra modum flumini adscribtum et proximos cuiusque vicini agros inundare. hos tamen agros, id est hunc omnem modum qui flumini per centurias ascriptus erat, res publica populi quondam vendidit: in qua regione et cet. [15]).

modum per omnes centurias per quas id flumen decurreret. quod factum auctor divisionis assignationisque iustissime prospexit: subitis enim violentisque imbribus excedens ripas defluet, quoad etiam ultra modum sibi adscriptum egrediatur vicinorumque vexet terras. cum ergo possessores hoc incommodum patiantur adsiduitate tempestatum, contentoque flumine alveo ripisque suis aequum videatur iniuriam passos subsequi terras usque ad alveum fluminis, has tamen terras Pisaurenses publice vendiderunt, quas credendum est proximos quosque contingentes eas emisse vicinos.

Содержаніе приведенныхъ мѣстъ Игина, съ одной стороны, и текста Сикула, съ другой, въ существенномъ параллельно. Только Игинъ по отношенію къ Сикулу представляется болѣе общимъ: Игинъ говоритъ о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ рѣкѣ былъ данъ особый максимальный надѣлъ, не называя ихъ вообще.

Сикулъ, подтверждая тоже самое на строкахъ 1—5 отпеч. текста (стр. 248), приводитъ однако еще и конкретный примѣръ рѣки Пизавра въ колоніи того-же имени.

Общій смыслъ нашихъ текстовъ ясенъ.

Два отдѣльныхъ пункта, однако, нуждаются въ разъясненіи:

---

[15]) Слѣдующее отпечатано выше, гл. I, § 2 подъ 1, стр. 212.

1) Сикулъ заимствуетъ изъ lex data coloniae Pisaurensis надписи (инскрипціи), которыми было обозначено юридико-громатическое состояніе рѣки Пизавра. Значеніе этихъ надписей должно быть установлено.

2) Въ виду принятаго соотношенія между текстами Игина и сообщеніемъ Сикула, возникаетъ вопросъ, почему по Игину сухія части рѣчнаго надѣла были проданы римскимъ народомъ (что предполагаетъ dominium Populi Romani на нихъ), по Сикулу-же окрестности (рѣчной надѣлъ) рѣки Пизавра были проданы городскою общиною Пизаврійцевъ (что, наоборотъ, предполагало-бы право собственности на нихъ сей послѣдней). Откуда это различіе: представляетъ-ли въ этомъ отношеніи судьба максимальнаго надѣла Пизавра что-либо особенное по сравненію съ судьбою надѣловъ другихъ рѣкъ, или Сикулъ противорѣчитъ Игину, и, если противорѣчитъ, то почему?

1.

Сикулъ говоритъ намъ, что рѣки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были изымаемы изъ межеванія, представлялись „loca excepta“, что имъ оставлялся особый надѣлъ: „flumini illi tantum“, и иллюстрируетъ это далѣе, приводя инскрипціи изъ поземельныхъ статутовъ колоніи Пизавра, гдѣ рѣкѣ того-же имени былъ данъ особый надѣлъ въ *качествѣ ветерана* и затѣмъ въ *качествѣ прежняго владѣльца* [16]).

Что это значитъ? что значатъ инскрипціи.

---

[16]) Эти инскрипціи могутъ представляться выдержками изъ картъ, изъ какого-нибудь пояснительнаго протокола къ нимъ, а обозначеніе размѣра площади рѣчнаго надѣла въ бланкетной формулѣ: flumini illi tantum, in quo alveus, могло быть сдѣлано и на пограничномъ камнѣ. (Cnfr. Rudorff: „Gromatische Institutionen“, pg. 399 слл.).

DATUM ASSIGNATUMQUE ut VETERANO, (deinde) REDDITUM SUUM VETERI POSSESSORI, FLUMINI PISAURO TANTUM, IN QUO ALVEUS.

Наши интерпреты землемѣровъ высказываютъ объ этомъ различныя мнѣнія:

Бруджи полагаетъ, что приведенныя Сикуломъ инскрипціи суть лишь примѣры, *образныя выраженія* для обозначенія того обстоятельства, что рѣка получаетъ особый надѣлъ („на подобіе ветерана, стараго владѣльца"), юридическое-же свойство русла „fluminum, quorum modus exceptus est" вытекаетъ изъ юридическаго свойства землемѣрно-аграрнаго понятія loci excepti, какъ участка земли, изъятаго изъ ассигнаціи (надѣленія ветерановъ землею) и оставленнаго за государствомъ [17]).

Перницe думаетъ, что инскрипціи: „ut veterano", „redditum suum veteri possessori", указываютъ на олицетвореніе въ данномъ случаѣ рѣки Пизавра—олицетвореніе, объясняющееся культомъ рѣчнаго божества: пространство де, удѣленное рѣкѣ, посвящено рѣчному божеству. Дальнѣйшее подтвержденіе этой гипотезы Перницe видитъ въ фактѣ продажи Пизаврійской городскою общиною (авторъ принимаетъ редакцію Сикула) окрестностей рѣки Пизавра, такъ какъ священныя вещи, вообще составляющія государственную собственность, могли быть въ крайнихъ случаяхъ обращаемы въ продажу [18]).

Уббелоде, выхватывая лишь часть инскрипцій, приводимыхъ у Сикула (adscriptumque flumini.........[redditum suum] veteri possessori......), совершенно неожиданно приходитъ къ выводу, „что удѣленное рѣкѣ (Пизавру) пространство во всѣхъ отношеніяхъ подлежало гражданскому обороту" (da

---

[17]) Brugi, въ прив. соч., стрр. 320. 321.

[18]) Pernice, прив. соч., стр. 275 примѣч. 55.

nämlich das dem Flusse zugewiesene Stück als ein dem vetus possessor zurückgegebener locus exceptus behandelt wurde, also in jeder Beziehung dem gewöhnlichen Privatrechte unterlag.... et cet.)[19]).

Но ни на одномъ изъ этихъ толкованій, по нашему мнѣнію, нельзя остановиться,—они не рѣшаютъ вопроса въ самомъ его существѣ.

Объясненіе Перинце, какъ частью сознается и самъ авторъ, представляется натянутымъ и недостаточнымъ [20]).

Толкованіе Уббелоде столь-же неожиданно, какъ и невѣрно. Онъ приводитъ въ подкрѣпленіе своего положенія:— „Da nämlich das dem Flusse zugewiesene Stück als ein dem vetus possessor zurückgegebener locus exceptus behandelt wurde, also in jeder Beziehung dem gewöhnlichen Privatrechte unterlag"—мѣсто Игина 197₁₀—₁₃:

excepti sunt fundi bene meritorum, ut in totum privati iuris essent, nec ullam coloniae munificentiam deberent et essent in solo Populi Romani.

Но Игинъ вовсе не говоритъ, чтобы locus exceptus redditus veteri possessori во всѣхъ отношеніяхъ подлежалъ гражданскому обороту, а лишь о томъ, что изъятыя изъ ассигнаціи земли „bene meritorum" составляютъ свободную (отъ повинностей въ пользу колоніи) частную собственность и состоятъ in solo Populi Romani (въ территоріи римскаго народа), а не подлежатъ юрисдикціи колоніи. Съ отпаденіемъ этого единственнаго основанія толкованія Уббелоде, рушится и оно само.

---

[19]) Ubbelohde, цитир., стрр. 362. 363.

[20]) Pernice, цит., на стр. 274, въ текстѣ: „Das Stromgebiet wird dem Flusse selber überwiesen, er wird als vetus possessor angesehen. Der Fluss erscheint hier als persönliches Wesen, als Gottheit[54]), der ein Landantheil überwiesen ist", и въ примѣчаніи къ выноскѣ 54): Wir sind freilich ausser Stande nachzuweisen, dass ausser dem Tiber, dem Numicus und etwa dem Volturnus anderen italischen Flüssen göttliche Verehrung zu Theil wurde; aber dass es geschah, ist im Grunde selbstveständlich".

Наконецъ Бруджи, стремясь вывести изъ понятія loci excepti юридическую квалификацію для русла публичной рѣки въ размежеванныхъ земляхъ, собственно совершенно обходитъ вопросъ о значеніи интересующихъ насъ инскрипцій. Онъ отдѣлывается отъ нихъ замѣчаніемъ, что это *иносказательныя, фигуральныя выраженія* для передачи мысли, что рѣка надѣляется особымъ надѣломъ. Въ этомъ отношеніи онъ очень далекъ отъ истины: инскрипціи составляютъ важную, существенную часть дисциплины землемѣровъ и имѣютъ весьма реальное, юридическое значеніе.

Въ сообщеніи Сикула, гдѣ содержатся эти инскрипціи, рѣчь идетъ не о фигуральныхъ выраженіяхъ, а о конкретномъ примѣрѣ, о выдержкѣ изъ lex data coloniae, изъ ея поземельныхъ документовъ. На это указываетъ наименованіе рѣки Пизавра, да и весь ходъ мысли Сикула (объяснивъ вообще, что рѣка можетъ получить особый надѣлъ, Сикулъ иллюстрируетъ это на конкретномъ примѣрѣ колоніи Pisaurensis).

Такимъ образомъ вопросъ о значеніи инскрипцій: „datum..... ut veterano", „redditum suum veteri possessori, flumini Pisauro....., in quo alveus" остается открытымъ.

Для того, чтобы разобраться въ немъ, надо раньше всего дать себѣ ясный отчетъ въ значеніи юридико-громатическихъ понятій: „exceptus", „fundus (locus) exceptus". Недостаточное вниманіе къ этому обстоятельству можетъ породить путаницу.

Понятіе loci (fundi) excepti въ землемѣрныхъ источникахъ имѣетъ двоякое значеніе: формальное и матеріальное. Locus,—fundus exceptus въ формальномъ смыслѣ есть всякій участокъ земли, изъятый въ предѣлахъ плана колоніи (pertica) изъ канцелляціи (проведенія продольныхъ и поперечныхъ линій); противоположность къ этому понятію, loci,—fundi excepti въ формальномъ смыслѣ, составляетъ locus cancellatus. Понятіемъ-же locus,—fundus exceptus въ мате-

ріальномъ смыслѣ обозначается лишь такой участокъ земли, который не подпалъ подъ актъ ассигнаціи и подъ всѣ связанныя съ этимъ актомъ послѣдствія, а именно—такой участокъ, который: 1) не имѣетъ размѣра (modus), усвоеннаго ассигнуемымъ участкамъ [21]), и 2) который изъятъ изъ подъ юрисдикціи колоніи [22]). Противоположность къ locus,—fundus exceptus въ матеріальномъ смыслѣ составитъ locus assignatus.

Всякій locus exceptus въ матеріальномъ смыслѣ есть въ тоже время и locus exceptus въ формальномъ смыслѣ, но не наоборотъ. Имѣетъ-ли данный locus exceptus in casu не только формальное, но еще и матеріальное значеніе, на это укажутъ эдикты и распоряженія, на основаніи которыхъ эксципировано то или другое пространство, а равно самый смыслъ эксципированія (напр.—возвращеніе участка земли прежнему владѣльцу) [23]). Юридическое свойство locorum,—fundorum-exceptorum не однообразно. Оно можетъ представляться частною собственностью, собственностью общины—колоніи и, наконецъ, собственностью римскаго народа (императора) [24]): все зависитъ отъ того, кому принадлежитъ участокъ земли, подпавшій въ данномъ случаѣ подъ эксцепцію. Такъ—участки, возвращенные прежнимъ частнымъ владѣльцамъ (инскрипція: „redditum illi (veteri possessori) tantum“) [25]) будутъ loca excepta со свойствомъ частной собственности; участки, возвращенные, оставленные за цѣлою общиною, явятся loca excepta, принадлежащими этой общинѣ [26]); наконецъ участки

[21]) Weber: „Römische Agrargeschichte“, стрр. 17. 60. 251.

[22]) Idem, pg. 251; срвн. Hyginus 197.

[23]) 197₁₀.

[24]) Этого не принимаетъ въ соображеніе Brugi, когда старается вывести изъ понятія loci excepti юридическую квалификацію для рѣчнаго русла въ размежеванныхъ земляхъ.

[25]) Rudorff, cit., стр. 389.

[26]) C. V. P. (concessum veteri possessori) et REI PUBLICAE—Hyg. 203.—Fundi concessi, по общему правилу, суть въ тоже время и loca excepta въ матеріальномъ смыслѣ—Hyg., cit., idem 197₄.—Rudorff, cit., pg. 387—389—кромѣ, впрочемъ, колоній импер. Августа, гдѣ правовое состояніе fundorum exceptorum и concessorum было различно. Cnfr. иначе Weber, cit., pg. 60.

земли, оставленные императоромъ за собою, представятъ собственность римскаго государства (инскрипція—„excepta")[27].

Hoc posito, мы уже безъ труда разберемся въ вопросѣ о значеніи интересующихъ насъ инскрипцій.

Ключъ къ разгадкѣ ихъ даетъ намъ Игинъ,

118₉—120₆.

На этихъ страницахъ землемѣръ со свойственною ему обстоятельностью объясняетъ намъ формулу изъ эдиктовъ императора Августа, по которымъ учреждались выводившіяся при немъ колоніи:

QUOS AGROS, QUAE LOCA, QUAEVE AEDIFICIA, INTRA FINES puta ILLOS, ET INTRA FLUMEN ILLUD, INTRA VIAM ILLAM, DEDERO ADSIGNAVERO, IN EIS AGRIS IURIS DICTIO COHERCITIOQUE ESTO COLONIAE ILLIUS[28]) cuius civibus agri adsignabantur.

Значеніе этой формулы было спорно у римскихъ землемѣровъ, но, по мнѣнію, которое Игинъ считаетъ правильнымъ, оно заключается въ слѣдующемъ: юрисдикція и верховное право наложенія повинностей принадлежатъ колоніи лишь на пространствѣ земель, ассигнованныхъ ветеранамъ; земли-же, изъятыя изъ ассигнаціи—loca excepta—, а слѣдовательно и земли, возвращенныя ихъ прежнимъ владѣльцамъ: „redditum suum veteri possessori illi tantum" [29]), не подлежатъ ни юрисдикціи, ни праву колоніи налагать повинности [30]).

Эти земли остаются in territorio, въ области юрисдикціи, той общины, отъ которой берется земля для колоніи (если-же отнятая у общины земля была затѣмъ обращена въ госу-

---

[27]) 157₇. Rudorff, cit., 388.; Weber, cit., 252.; см. чертежъ въ Соч. Римскихъ Землемѣровъ. Fig. 196 b). На картахъ loca excepta стоятъ внѣ канцелляціи, проходящей по площади земли, поступившей въ надѣлы.

[28]) Cnfr. Rudorff: Gromatische Institutionen, pg. 388 примѣч. 417); 119₂₅ sq.

[29]) 119₁₁.

[30]) Cnfr. Tit. D., 2. 1, de iurisdictione Cnfr. Rudorff, cit., pgg. 402—404. 445.

дарственное достояніе римскаго народа, то она остается въ области юрисдикціи, in solo Populi Romani).

Теперь самъ собою проливается свѣтъ на надписи, которыми былъ означенъ на картахъ надѣлъ рѣки Пизавра: „DATUM ASSIGNATUMQUE ut VETERANO REDDITUM SUUM VETERI POSSESSORI, FLUMINI PISAURO...., IN QUO ALVEUS“.

Этими надписями обозначается принадлежность юрисдикціи тому или иному политическому субъекту: первая означаетъ, что юрисдикція принадлежитъ колоніи, вторая—что она принадлежитъ прежнему владѣльцу, общинѣ, имѣвшей прежде право на рѣку Пизавръ. Veteranus и vetus possessor являются здѣсь *фикціями*, помощью которыхъ рѣкѣ дается то или другое опредѣленіе относительно юрисдикціи надъ ея площадью. Само собою понятно, что то значеніе, которое связано для юрисдикціи съ понятіемъ vetus possessor, и то значеніе, которое пріурочивается къ надписи veteranus (datum assignatumque veterano flumini Pisauro), взаимно исключаютъ другъ друга—что этими различными надписями могли быть обозначены лишь разныя части пространства, удѣленнаго рѣкѣ Пизавру. Спрашивается однако: какой смыслъ имѣетъ раздѣленіе юрисдикціи надъ пространствомъ, отмежеваннымъ рѣкѣ Пизавру, между двумя политическими субъектами, и что это за субъекты? Ни Сикулъ, ни какой-либо другой источникъ прямаго объясненія на этотъ вопросъ намъ не даютъ. Но вотъ, намъ кажется, единственно-возможное объясненіе. Въ исторіи римскихъ колоній извѣстенъ фактъ двойныхъ колоній, городовъ-близнецовъ, то есть такихъ городовъ, гдѣ выводимые въ територію какой-либо уже существующей общины колонисты, образовываютъ рядомъ съ нею новую общину (cives novi на-ряду съ cives veteres), такъ что становятся рядомъ два городскихъ общества и двѣ городскихъ управы[31]).

[31]) Weber, привед. соч., стр. 61.; Marquardt, прив. соч. I, стрр. 450—452.

Окончательный списокъ такихъ городовъ римской исторіей еще не установленъ. Весьма возможно—къ тому по крайней мѣрѣ склоняютъ всѣ разсмотрѣнныя нами данныя—что и колонія Pisaurum представляетъ такой двойной городъ [32]). Тогда наша загадка разрѣшается очень просто: одна часть рѣки Пизавра и ея надѣла, представляющая бо́льшій интересъ для старой общины, была оставлена подъ фикціей прежняго владѣльца; другая-же, представляющая большій интересъ для новой общины, подъ видомъ ветерана, была поставлена подъ ея юрисдикцію. Во всякомъ случаѣ изъ дошедшихъ до насъ leges coloniarum и сочиненій римскихъ землемѣровъ мы знаемъ, что учредители колоній твердо держались принципа считаться съ правоотношеніями воднаго права, установившимися, существующими въ данной мѣстности до учрежденія колоніи. Отсюда предположеніе, что старая община Пизаврійцевъ могла сохранить юрисдикцію надъ частью рѣки Пизавра, хотя и расположенною въ границахъ новой колоніи, но которая представляла для этой общины интересъ, еще болѣе естественно [33]).

2.

Переходимъ ко второму, поставленному на очередь на-

---

[32]) Выше, § 2, примѣч. 1-ое (стр. 236), само собою у насъ явилось сомнѣніе въ томъ, чтобы Сикулъ цитировалъ lex data coloniae Pisaurensis, выведенной по Ливію въ 184-мъ году до Р. Х. Дѣйствительно, въ этомъ предположеніи, пришлось-бы принять, что землемѣръ въ своихъ начаткахъ землемѣрнаго искусства оперируетъ съ примѣрами, имѣвшими мѣсто до 300-тъ лѣтъ тому назадъ. Это крайне невѣроятно. Но сомнѣніе отпадаетъ, если принять, какъ это сдѣлано въ текстѣ, что колонія Pisaurum представляетъ 2 общины: старую и новую. Старая община это—та, о выведеніи которой говоритъ Ливій; новая могла быть выведена въ 1-омъ вѣкѣ по Р. Х., во время гигантскаго роста милитаризма и лихорадочной дѣятельности по основанію колоній ветерановъ въ Римѣ. Тогда-же обѣ общины получили новое территоріальное устройство, и къ этому то устройству и относятся приводимыя Сикуломъ инскрипціи.

[33]) Lex Ursonensis, cap. LXXIX.; Cnfr. Hyg. 120_{12}. Siculi 157_{11}.

шего изложенія вопросу. Отчего, въ то время какъ Игинъ говоритъ, что сухія части рѣчныхъ надѣловъ въ колоніяхъ были проданы римскимъ народомъ, у Сикула оказывается, что побережныя земли рѣки Пизавра были проданы городскою общиною Пизаврійцевъ? Чѣмъ объяснить эту особенность юридической судьбы надѣла рѣки Пизавра по сравненію съ судьбою прочихъ рѣкъ, о которыхъ говоритъ Игинъ?

Издатели сочиненій римскихъ землемѣровъ устраняютъ этотъ вопросъ, предлагая, кажется, при чтеніи пассажа Игина:

> ...hos tamen agros, id est hunc omnem modum qui flumini per centurias ascriptus erat, res publica populi quondam vendidit
>
> руководствоваться параллельнымъ мѣстомъ Сикула: has tamen terras id est hunc omnem modum qui flumini per centurias ascriptus erat Pisaurenses publice vendiderunt

(слѣдовательно Blume, Lachmann, Mommsen, Rudorff допускаютъ невѣрную передачу въ рукописи Игина нашего пассажа, или по крайней мѣрѣ сокращеній P. p. черезъ Populi publica вмѣсто Pisaurenses publice)[34]).

Но подобная эмендація представляется намъ совершенно недопустимою. Игинъ во всемъ своемъ текстѣ, предшествующемъ разсматриваемому пассажу, не намекаетъ ни единымъ словомъ на рѣку Пизавръ и колонію того-же имени, а горитъ лишь о рѣкахъ, получившихъ максимальные надѣлы вообще. Откуда-бы взялось у него вдругъ въ концѣ текста

---

[34]) Однако Rudorff, cit., pg. 399, не рискуя высказать положенія о принадлежности рѣки Пизавра колоніи (a, implicite—и болѣе общаго о принадлежности рѣчныхъ надѣловъ колоніямъ), старается выйти изъ затрудненія заявленіемъ, что община Пизаврійцевъ не имѣла права совершить продажу („..... wenigstens lässt sich aus der Bemeckung des Plinius „coloniae: Fanum fortunae Pisaurum cum amne“ nicht ableiten, dass der Fluss der Colonie gehörte und der Ordo von Pisaurum in seinem Rechte war, wenn er diese Ländereien für Rechnung der Colonie an die nächsten Anlieger verkaufen liess“).

сообщеніе, что городская община Пизаврійцевъ продала сухія части надѣла рѣки Пизавра!

По нашему мнѣнію интересующій насъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ такъ: на самомъ дѣлѣ между Игиномъ и Сикуломъ не существуетъ никакого разногласія относительно юридической судьбы надѣловъ рѣкъ, о которыхъ говоритъ первый, и надѣла рѣки Пизавра: мы имѣемъ дѣло лишь съ искаженіемъ текста, но не у Игина, а у Сикула. Не Игинъ долженъ быть исправляемъ по Сикулу, какъ на это намекаютъ Blume, Lachmann, Mommsen, Rudorff, а, наоборотъ, Сикулъ долженъ быть согласованъ съ Игиномъ. И согласованіе это должно произойти на основаніи того очевиднаго для всякаго филолога предположенія, что первоначальная сокращенная форма текста Сикула: *P*[opuli]*res p*[ublica] *vendid*[it] (или въ этомъ родѣ)—вполнѣ согласная съ Игиномъ—была невѣрно передана писцемъ P[*isauren*] ses p[*ublice*]..... vendid[*erunt*].

Въ пользу предлагаемой эмендаціи говоритъ и общая сравнительная критика текстовъ Игина и Сикула. Въ то время, какъ Игинъ во всемъ своемъ изложеніи, 125$_5$ sq., не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, Сикулъ въ строкахъ: 158$_5$—158$_7$, непосредственно за интересующими насъ словами: „Pisaurenses—vendiderunt“, представляетъ весьма замѣтную негладкость. Это мѣсто его—вѣроятно позднѣйшая вставка—выражаетъ догадку, которая не вяжется съ тою рѣшительностью (comperimus), съ которою онъ говоритъ о дѣлѣ нѣсколько выше. Является значитъ возможнымъ отнести искаженіе первоначальныхъ сокращеній въ текстѣ Сикула *P. res p*..... на счетъ испорченности, которой вообще не чуждо мѣсто, гдѣ они встрѣчаются.

Такимъ образомъ въ сообщеніяхъ Игина о юридической судьбѣ надѣловъ рѣкъ, которыя онъ имѣетъ въ виду, и Сикула—о судьбѣ надѣла рѣки Пизавра, нѣтъ разногласія: какъ

по Игину побережныя земли, отнесенныя къ максимальнымъ рѣчнымъ надѣламъ, были проданы римскимъ народомъ, такъ и по Сикулу окрестности рѣки Пизавра были проданы не городскою общиною Пизаврійцевъ, а римскимъ народомъ. Отсюда выводъ, которымъ мы воспользуемся ниже, что площадь рѣчныхъ надѣловъ въ колоніяхъ принадлежала римскому народу.

Теперь спросимъ себя, каковы результаты разсмотрѣнныхъ нами 120_{7-12}, 125_{5} sq. Игина и 157_{20} sq. Сикула для вопроса о правѣ русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ.

Результаты эти сводятся съ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рѣкѣ давался особый надѣлъ, обыкновенный или максимальный.

2) Сухія части максимальныхъ рѣчныхъ надѣловъ въ этихъ мѣстностяхъ были предоставляемы въ пользованіе ближайшимъ частнымъ сосѣдямъ—ветеранамъ*).

3) Эти сухія части максимальныхъ рѣчныхъ надѣловъ были проданы римскимъ народомъ, изъ чего видно, что и самые рѣчные надѣлы ему принадлежали.

4) Въ частности и рѣка Пизавръ получила максимальный надѣлъ, сухія части котораго были предоставлены въ пользованіе ближайшимъ сосѣдямъ, а затѣмъ проданы римскимъ народомъ.

5) Относительно рѣки Пизавра мы еще узнаемъ, что юрисдикція надъ нею была раздѣлена между двумя общинами: старою и новою общиною Пизаврійцевъ [35]).

---

*) Выше, стр. 249, Hyginus и Siculus, отпеч. текстъ.

[35]) Оговоримся, что фактъ предоставленія юрисдикціи надъ надѣломъ рѣки Пизавра двумъ общинамъ Пизаврійцевъ, въ то время какъ самое право собственности на этотъ надѣлъ принадлежало римскому народу, не можетъ возбуждать недоумѣній: юрисдикція надъ извѣстнымъ участкомъ земли можетъ и не совпадать съ принадлежностью его тому или другому политическому субъекту. Cnfr. 119_{20} sq.

Эти данныя черезъ-чуръ частны и неопредѣленны для того, чтобы *сами по себѣ* онѣ могли служить изображеніемъ права русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ; а нѣкоторыя изъ нихъ болѣе относятся къ исторіи римскаго колоната, чѣмъ къ нашему предмету (напр. положеніе sub 5). Данныя эти даже неопредѣленнѣе тѣхъ, которыя мы выше почерпнули изъ 51_3 sq. и 51_{18} sq. Фронтина; ибо относительно послѣднихъ мѣстъ мы все-же могли сказать, что у Фронтина рѣчь идетъ объ устарѣвшей исключительной практикѣ*), или о совершенно особенномъ, чрезвычайномъ случаѣ (оставленіе въ колоніи Эмеритѣ рѣки въ видѣ subsicivi) юридико-громатической регламентаціи рѣки**). Изъ *разсматриваемыхъ-же текстовъ* Сикула и Игина не явствуетъ, насколько описываемая ими практика оставленія рѣкамъ особыхъ надѣловъ обща, насколько можно опираться на нее, какое ей слѣдуетъ отвести мѣсто при построеніи исторической картины древнѣйшаго права русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ.

Мы окончили критическій разборъ и оцѣнку изреченій землемѣровъ, трактующихъ о руслѣ публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ.

Подводя окончательный итогъ всему сказанному, слѣдуетъ придти къ выводу, что ни одно изъ разсмотрѣнныхъ сообщеній громатиковъ не содержитъ *прямаго отвѣта* на вопросъ, *какъ юридически опредѣлялось, квалифицировалось русло публичныхъ рѣкъ въ* agris limitatis. Не содержатъ такого отвѣта и всѣ эти изреченія, взятыя вмѣстѣ; ибо способы опредѣленія русла публичныхъ рѣкъ, самые различные

---

*) Выше, гл. II § 3, стр. 241.
**) Выше, тамъ-же, стр. 246.

по области своего примѣненія, по своему значенію въ практикѣ учредителей колоній (puta: исключительная устарѣвшая ко времени Фронтина практика, совершенно особые чрезвычайные случаи оставленія рѣки въ видѣ subsicivi, надѣленіе рѣкъ особыми пространствами съ неопредѣленной областью примѣненія), фигурируютъ здѣсь на ряду другъ съ другомъ.

Такимъ образомъ землемѣры по вопросу о правѣ русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ даютъ лишь рядъ безсвязныхъ фактовъ. Сгруппировать эти факты и воспользоваться ими для построенія картины права alvei fluminis publici въ размежеванныхъ земляхъ для древнѣйшаго періода его развитія составляетъ задачу послѣдующаго изложенія, къ которому и переходимъ.

Отдѣленіе второе: Вступленіе. I Юридическая квалификація рѣчнаго ложа. II Обсужденіе способности рѣкъ измѣнять свое теченіе: геологическія данныя, практика учредителей колоній по особому геодезическому опредѣленію рѣкъ въ зависимости отъ ихъ геологическихъ свойствъ; ius alluvionis съ точки зрѣнія этой практики; ius alluvionis въ примѣненіи къ морямъ, омывающимъ размежеванныя земли. Итоги главы.

§ 4. Совершенно таже проблема юридической регламентаціи русла публичныхъ рѣкъ, о которой спорили представители строгой и гуманной теорій, подлежитъ нашему разсмотрѣнію и относительно права русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ. И здѣсь мы должны спросить себя: 1) какъ юридически квалифицировался alveus fluminis publici, 2) какъ онъ квалифицировался въ виду способности рѣкъ измѣнять свое теченіе. Но въ то время, какъ юриспруденція стремилась къ установленію общаго правила, долженствовавшаго объять всѣ и всевозможныя рѣки, несмотря на различіе ихъ геологической природы*), учредители колоній исходятъ изъ конкретныхъ случаевъ той или другой рѣки, подлежавшей ихъ опредѣленію. Поэтому, вопросъ о юридической квалификаціи русла публичныхъ рѣкъ и вопросъ о квалификаціи русла въ виду способности рѣкъ измѣнять свое теченіе, сливающіеся въ общемъ понятіи конструкціи русла публичныхъ рѣкъ съ юридически-постояннымъ свойствомъ и со свойствомъ юридически-измѣнчивымъ, получаютъ относитель-

*) Выше, вып. I-ый, ч. II, разд. I, гл. II § 2, стр. 98.

но практики учредителя колоній самостоятельную постановку.

Мы разсмотримъ сначала, какъ квалифицируется alveus fluminis publici въ размежеванныхъ земляхъ (ниже — I), а затѣмъ перейдемъ къ вопросу, какъ обсуждается здѣсь измѣненіе рѣками своего теченія (ниже—II).

I.

Конечно, ни рѣки съ ложемъ, занесеннымъ въ площадь надѣловъ ветерановъ, ни примѣры Гвадіаны и Пизавра не могутъ сами по себѣ служить основаніемъ для рѣшенія вопроса о юридической квалификаціи русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ. Это—или исключительныя, или черезъ-чуръ частныя данныя. Для того, чтобы онѣ получили значеніе, нужны еще другія соображенія. Говоря апріорно, для русла публичныхъ рѣкъ въ колоніяхъ были-бы мыслимы двѣ юридическія квалификаціи: собственность римскаго государства, или собственность колоній. Но вѣрною изъ этихъ обѣихъ возможностей представляется лишь первая—собственность римскаго государства Какъ ни соблазнительно prima facie предположеніе, что публичныя рѣки, протекающія по колоніямъ, имѣющія мѣстное значеніе, могли принадлежать цѣликомъ, или по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ, которыя приходятся на территорію колоній, симъ послѣднимъ [1]), однако отъ него нужно отказаться. Ни пандекты, ни землемѣры, ни, главнымъ образомъ, дошедшія до насъ leges coloniarum ни словомъ не обмолвливаются о правѣ собственности колоній на русла публичныхъ рѣкъ: такое послѣдовательное молчаніе источниковъ совершенно недопустимо, еслибы въ самомъ дѣлѣ alveus fluminis publici когда-либо принадлежалъ колоніямъ. Поэтому невозможно и то предполо-

---

[1]) Подобно другимъ res publicae coloniarum, См., напр., Schriften der römischen Feldmesser, pgg. 54. 55; 207 sq. ibidem.

женіе, что alveus fluminis publici въ первые два вѣка принципата составлялъ собственность колоній, но затѣмъ, съ паденіемъ колоната, перемѣнами въ государственномъ устройствѣ, совершился переворотъ, вслѣдствіе котораго по кодификаціи Юстиніана рѣки исключительно являются государственнымъ достояніемъ. Вѣроятно-ли, чтобы такой знаменательный переворотъ до того безслѣдно изгладился изъ источниковъ, что не выдаетъ себя въ нихъ ни единымъ словомъ?

Итакъ юридическая квалификація русла публичныхъ рѣкъ въ agris limitatis есть собственность государства.

Въ этомъ убѣждаютъ насъ еще и слѣдующія соображенія.

Относительно рѣкъ, протекавшихъ въ колоніяхъ провинцій (хотя-бы и имѣвшихъ ius Italicum, населенныхъ римскими гражданами)[2], не можетъ быть сомнѣнія, что русла ихъ принадлежали римскому государству. Это вытекаетъ изъ общей конструкціи права на solum provinciale у римскихъ юристовъ. Вѣдь провинціальная земля вся находилась лишь въ пользованіи ея владѣльцевъ, въ то время какъ право собственности на нее принадлежало римскому народу[3])! Поэтому, если даже и учреждалась колонія, въ которой надѣлы поступали въ полную собственность колонистовъ (колоніи гражданъ съ ius Italicum), то все, что имъ не было отдано въ надѣлъ, оставалось за римскимъ народомъ; а рѣки, по общему правилу, не зачислялись въ площадь надѣловъ ветерановъ (см. выше, стр. 241 и ниже) и, слѣдовательно, оставались за Populus Romanus. Подтвержденіемъ этихъ соображеній служитъ примѣръ Гвадіаны (см. разобранное выше мѣсто Фронтина 51 18 sq.). Снабдивъ эту рѣку особеннымъ (максимальнымъ) надѣломъ, начальникъ провинціи отмежевалъ ей площадь, которая въ качествѣ рѣчнаго русла дол-

---

²) Какъ, напримѣръ, Эмерита. l. 8 pr., 50. 15, D. In Lusitania Pacenses et Emeritenses iuris Italici sunt.

³) Gai. Institut. II, § 7; cnfr. Puchta: „Institutionen“ II, § 235.

жна была разъ навсегда принадлежать римскому народу; въ то время какъ по первоначальной картѣ колоніи она оставалась за Populus Romanus въ видѣ запасной, временно-нерозданной земли, какъ subsicivum.

Но и для колоній Италіи у насъ есть данныя, по которымъ мы можемъ судить, что здѣсь относительно русла публичныхъ рѣкъ дѣйствуетъ таже самая юридическая квалификація. Это именно—сохранившееся у землемѣровъ извѣстіе о продажѣ римскимъ народомъ сухихъ частей надѣла рѣки Пизавра (побережныхъ земель). Изъ факта этой продажи выходитъ, что пространство, удѣленное рѣкѣ Пизавру, ея ложе, принадлежало римскому народу. Пизавръ, конечно, не единственная рѣка въ италіанскихъ колоніяхъ, надѣлъ которой принадлежалъ Populo Romano. Сообщеніе Сикула (157₂₀ sq.) о продажѣ римскимъ народомъ (по исправленному чтенію) сухихъ частей надѣла Пизавра является, очевидно, лишь проявленіемъ общаго начала о принадлежности рѣчныхъ надѣловъ римскому народу. Совершенно согласно съ этимъ у Игина говорится еще indistincte о нѣкоторыхъ рѣкахъ, сухія части надѣла которыхъ были проданы римскимъ народомъ, а слѣдовательно ему и принадлежали.

Такимъ образомъ въ окончательномъ выводѣ нашихъ разсужденій по вопросу о юридической квалификаціи русла публичныхъ рѣкъ въ agris limitatis нужно установить, *что по общему правилу* alveus fluminis publici *составляетъ принадлежность римскаго народа*[4]). *Впрочемъ на ряду съ такого рода квалификаціей, въ видѣ исключеній, остатковъ изъ устарѣвшей практики учредителей колоній, встрѣчаются*

---

[4]) Здѣсь рѣки, вообще обсуждаемыя въ римскомъ правѣ совершенно аналогично дорогамъ, представляютъ значительную особенность. Грунтъ весьма многихъ дорогъ въ колоніяхъ составлялъ собственность этихъ послѣднихъ. Римское правительство, видимо, ревнивѣе относилось къ водным путямъ сообщенія, чѣмъ къ сухопутнымъ, оставляя первые безусловно за собою.

рѣки, занесенныя въ площадь надѣловъ ветерановъ, слѣдовательно съ русломъ, составляющимъ частную собственность.

II.

Кто хочетъ разобраться въ вопросѣ, какъ юридически обсуждается въ колоніяхъ измѣненіе публичными рѣками своего теченія, тотъ долженъ раньше всего принять во вниманіе нѣкоторыя геологическія данныя, составляющія фактическое предположеніе мѣръ, которыя принимались учредителями колоній относительно рѣкъ съ измѣнчивымъ теченіемъ.

Рядомъ съ вѣчнымъ движеніемъ водъ на землѣ идетъ и ихъ геологическая работа. Рѣки, эти многочисленные и обширные пути передвиженія водъ, являются виднымъ ея факторомъ. Рѣчная живая струя размываетъ или возвышаетъ ложе, разрушаетъ и созидаетъ берега, образуетъ острова и, размывая во время разливовъ окрестныя равнины, можетъ измѣнить направленіе своего теченія, излившись въ новыя русла. Однако степень дѣятельности различныхъ рѣкъ, по разрушенію, созиданію и передвиженію ими горныхъ породъ, по измѣненію своего теченія, не одинакова. Наблюденіе показываетъ, что въ данную геологическую эпоху однѣ рѣки, протекая по опредѣленному ложу, никогда не заходя за предѣлы высотъ, ограничивающихъ это ложе, проявляютъ сравнительно небольшую геологическую работу, другія же, наоборотъ, разливаясь при повышеніи уровня воды за предѣлы береговъ, ограничивающихъ русло рѣки во время межени, находятся въ состояніи постояннаго измѣненія своего теченія, воздѣйствія на орографическія условія ихъ непосредственнаго ложа и заливной долины.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія геологіи рѣки естественно распадаются на двѣ группы—рѣкъ уравновѣшенныхъ съ постояннымъ ложемъ и неуравновѣшенныхъ [5]) съ измѣнчивымъ русломъ.

---

[5]) Срвн. къ вопросу авторитеты: A. de Lapparent: „Traité de Géologie I

Рѣки каждой изъ этихъ двухъ группъ имѣютъ свою специфическую топографическую физіономію. У рѣкъ уравновѣшенныхъ наблюдается наибольшая зависимость между характеромъ русла рѣки и ея долиной: часто склоны долины вмѣстѣ съ тѣмъ и ограничиваютъ русло рѣки и опредѣляютъ ея направленіе. Такія рѣки обыкновенно протекаютъ между высокими берегами, состоящими изъ твердыхъ горныхъ породъ. Уравновѣшенныя рѣки могутъ имѣть и плоскіе берега, когда, напримѣръ, сила теченія ихъ очень слаба, или когда разница между наивысшимъ и наинизшимъ уровнемъ воды въ нихъ ничтожна—когда русло настолько обширно, что въ состояніи вмѣстить въ себѣ живую струю при самомъ высшемъ уровнѣ воды въ рѣкѣ. Неуравновѣшенныя рѣки характеризуются обратными признаками. Здѣсь большею частью мы наблюдаемъ долину рѣки, несоразмѣрно болѣе широкую въ сравненіи съ рѣчнымъ русломъ: рѣка то непосредственно подмываетъ склонъ долины, то отдѣляется отъ него пространствами суши, террасовидно понижающимися къ рѣкѣ. Самая низкая изъ этихъ террасъ, на которой протекаетъ рѣка, представляетъ широкое низменное пространство, усѣянное болотами, озерами, старицами, остатками старыхъ руслъ, покрытое растительностью, то травянистою, луговой, то въ видѣ кустарниковъ (ивняка) и деревьевъ, то представляя поля, участки, покрытые голымъ сыпучимъ пескомъ. Здѣсь, на этомъ пространствѣ, происходитъ созидающая и разрушающая дѣятельность рѣки. И раньше всего въ самомъ руслѣ эта дѣятельность не прекращается впродолженіе всего времени, пока течетъ рѣка. Процессъ размыванія усиливается съ увеличеніемъ дебита воды, скорости теченія, глубины и др., а процессъ созиданія, т. е. намыванія, становится болѣе интенсивнымъ съ

(1893), стр. 169 сл.; Kayser: „Lehrbuch der Geologie I (1893), стр. 227 сл. Элизе Реклю: „Земля“, пер. подъ редакціей Р. бакина, вып. II-ой (1895), стр. 108 сл.

уменьшеніемъ дебита воды и скорости теченія. Поэтому дѣятельность рѣки въ разныхъ мѣстахъ ея протяженія различна въ зависимости отъ наличности условій, въ которыя поставлена ея живая струя въ данномъ мѣстѣ: въ однихъ случаяхъ всѣ условія благопріятствуютъ размывательнымъ процессамъ, въ другихъ — процессамъ намыванія. Эти обстоятельства являются причиною измѣненія направленія живой струи, образованія въ однихъ мѣстахъ мелей, островов, прибрежныхъ намывныхъ пространствъ, а въ другихъ — размыванія какъ намывныхъ образованій, такъ и коренныхъ породъ, ограничивающихъ русло. Такова работа, производимая рѣкою надъ самимъ своимъ русломъ. Но и заливная терраса, которая окаймляетъ рѣчное ложе, тоже подвержена измѣненіямъ отъ дѣйствія воды, но только не постоянно, а въ извѣстные періоды времени, а именно во время полноводія, когда она покрывается водою, которая, производя на ней процессы размыванія и намыванія, можетъ значительно измѣнить ея топографическій характеръ, главнымъ образомъ вслѣдствіе размыва старыхъ руслъ, могущихъ пріобрѣсти значеніе главныхъ.

Такимъ образомъ заливная долина есть то, имѣющее свою особую топографическую физіономію, пространство, на которомъ рѣка можетъ измѣнить свое ложе.

Установленіе грани различія въ топографическомъ строеніи и геологическихъ свойствахъ между уравновѣшенными и неуравновѣшенными рѣками не имѣетъ, конечно, того смысла, чтобы рѣки, которыя мы назвали уравновѣшенными, были абсолютно неспособны къ измѣненію своего русла. Въ этомъ мірѣ постояннаго движенія и перемѣнъ ни за что поручиться нельзя; но только условія, могущія вызвать измѣненіе теченія уравновѣшенныхъ рѣкъ, представляются столь экстраординарными, что находятся внѣ человѣческихъ разсчетовъ. Такими условіями могутъ быть нарушенія въ напла-

стованіи породъ, землетрясенія, обвалы въ горахъ и т. п.

Наоборотъ, условія измѣненія своего теченія рѣками неуравновѣшенными рѣзко бросаются въ глаза. Вся заливная долина неуравновѣшенныхъ рѣкъ съ перваго взгляда представляется уготованной природою для блужданія живой струи: разлившаяся рѣка можетъ произвести на ней размывы и пройти по нимъ своимъ теченіемъ....

При различеніи рѣкъ уравновѣшенныхъ и неуравновѣшенныхъ, значитъ, рѣчь идетъ не объ установленіи абсолютнаго начала, а объ указаніи на эмпирическія данныя.. ......

Но возвратимся къ болѣе близкимъ намъ и нашему читателю юридическимъ матеріямъ!

Вопросъ объ обсужденіи въ колоніяхъ измѣненія рѣками своего теченія, а за нимъ и вопросъ о пріобрѣтеніи острововъ, рѣшается для разсматриваемаго періода развитія права русла публичныхъ рѣкъ въ agris limitatis своеобразно. Его рѣшеніе всецѣло обусловлено соображеніями цѣлесообразности, которыми руководились учредители колоній при надѣленіи ветерановъ землею, и тѣмъ особеннымъ геодезическимъ опредѣленіемъ, которое получали рѣки при распланировкѣ колоній.

Посмотримъ, въ чемъ заключаются эти соображенія цѣлесообразности, въ чемъ особое геодезическое опредѣленіе рѣкъ въ колоніяхъ.

Твердымъ началомъ, которымъ руководились conditores при надѣленіи ветерановъ землею, было—полагать въ надѣлъ лишь удобную землю [6]). Оставляя пока въ сторонѣ исключительную и устарѣвшую ко времени Фронтина практику занесенія значительныхъ рѣкъ въ площадь надѣловъ ветерановъ, мы должны будемъ констатировать на основаніи этого начала, что площадь рѣкъ не могла идти въ надѣлъ. Ма-

---

[6]) 156_{1-3} (Siculus)..... militi veteranoque cultura assignatur: si quid enim amari et incerti soli est, id assignationi non datur.

ло того, не могли поступать въ надѣлъ, очень часто, и ближайшія окрестности рѣки. Какъ изъяснено въ сдѣланной выше экскурсіи въ область геологіи, заливныя долины неуравновѣшенныхъ рѣкъ представляются пространствами земли (напомнимъ: порою весьма значительными) ненадежными, способными подъ вліяніемъ процессовъ размыванія и намыванія измѣнить свой топографическій характеръ. Въ лучшемъ разѣ пространства эти являются пригодными для одного какого-либо спеціальнаго вида пользованія (покосы, пастбища) или для какихъ-либо спеціальныхъ видовъ эксплоатаціи (песокъ, тростникъ, ракитникъ). Они не могли тоже почитаться землею, удобною для распредѣленія между колонистами (при значительности пространства заливныхъ долинъ и при относительной незначительности площади надѣловъ отдѣльныхъ колонистовъ, могло-бы случиться, что вся земля нѣкоторыхъ изъ нихъ состояла-бы изъ заливныхъ луговъ). Въ самомъ дѣлѣ землемѣрные источники показываютъ намъ, что заливныя террассы неуравновѣшенныхъ рѣкъ цѣликомъ изымались, исключались изъ межуемой площади земель и относились на счетъ пространства рѣки, ея ложа.

Смотри отпечатанныя выше (стрр. 248. 249)

125_5—$_{18}$. 157_{20}—158_7.

Въ этихъ мѣстахъ Игинъ и Сикулъ разсказываютъ намъ, что предусмотрительность заставляла учредителей колоній относить заливную террассу рѣкъ, на которой блуждала живая струя („alveum per regionem vagaretur)[7], къ площа-

[7]) Тоже выраженіе: „alveum vagare", для обозначенія измѣненія рѣкою своего русла, блужданія живой струи (французск. геолог. „rivière divagante— A. de Lapparent, cit., стр. 169) встрѣчается еще и въ другихъ мѣстахъ сочиненій римскихъ землемѣровъ, напримѣръ, на стр. 365_1 sq.: fragmentum „Incipit Expositio de Vallibus" - Valles autem si fluviis permittunt, et constitutum sit fluvium, qui foris agrum non vagatur et alveum alterum per agrum non mutet, et flumen fuerit saxuosum, qui alvea alta quasi rectos alveos excurrit, finalis causa per ipsum direximus (латынь, очевидно, сильно испорченная).

ди рѣчнаго надѣла. Эта площадь числилась въ картахъ подъ пространствомъ рѣчнаго ложа (слѣдовательно, согласно уже установленному, принадлежала римскому народу), отдавалась однако въ пользованіе ближайшимъ сосѣдямъ-колонистамъ. Предоставленіе подобной льготы ближайшимъ сосѣдямъ рѣчнаго надѣла казалось цѣлесообразнымъ, ибо проливные дожди заставляютъ рѣку иногда выходить за предѣлы русла и даже, занимая заливную террасу, достигать слѣдующей и затоплять расположенныя на ней поля сосѣднихъ ветерановъ. Такъ случилось (какъ видно изъ 157_{20} sq.) съ заливнымъ пространствомъ рѣки Пизавра въ колоніи того-же имени, при чемъ, какъ кажется, рѣка эта получила на *нѣкоторыхъ* мѣстахъ своего протяженія въ территоріи Пизаврійской колоніи(въ зависимости отъ ихъ топографическаго характера, выше) максимальные надѣлы. На это намекаетъ текстъ Сикула: ut in Pisaurensi (subintel. agro) comperimus...... deinceps (subintel. comperimus) et ultra ripas aliquando adscriptum modum per omnes centurias, per quas id flumen decurreret. Одинаково это произошло и съ заливной террассой Гвадіаны у колоніи Эмериты, когда начальникъ провинціи, по просьбѣ Эмеритійцевъ, не желавшихъ выкупать захваченныя ими окрестности рѣки, надѣлилъ ее особымъ пространствомъ „qua usque adlababat“, т. е.—на томъ протяженіи, на которомъ живая струя разливалась и блуждала *).

Очевидно, въ противоположность рѣкамъ неуравновѣшеннымъ, получавшимъ надѣлы на всемъ пространствѣ своей заливной долины, рѣки уравновѣшенныя получали надѣлы лишь на пространствѣ своего ложа.

См. отпечатанное выше (стр. 248) 120_{7-12}.

Способъ юридико-громатической регламентаціи рѣки, въ видѣ снабженія ея особымъ пространствомъ той или другой

---

*) Выше, отд. I-ое § 3, стрр. 242—245.

величины, требуетъ еще нѣкоторыхъ замѣчаній и поясненій.

Во-1-ыхъ, спрашивается, какъ юридически характеризовать то пользованіе сухими частями максимальнаго рѣчнаго надѣла, которое предоставлялось ближайшимъ сосѣдямъ, въ видѣ вознагражденія за убытки, причиняемые имъ разливами и наводненіями? Вникая въ немногія данныя, которыми мы располагаемъ у землемѣровъ по этому вопросу, должно будетъ придти къ заключенію, что мы имѣемъ дѣло съ *видомъ прекарнаго пользованія.* Учредители колоній, какъ уполномоченные представители государства, отдавали сухія части максимальныхъ рѣчныхъ надѣловъ, принадлежащія вмѣстѣ съ рѣчнымъ ложемъ римскому народу, для пользованія ближайшимъ сосѣдямъ, но государство сохраняло за собою право собственности на эти земли и могло, по желанію, отнять и отчудить ихъ:

См. 125_{14} sq. / 158_{5} sq. } supra cit.

Предоставленіе прекарнаго пользованія сухими частями максимальныхъ рѣчныхъ надѣловъ ближайшимъ сосѣдямъ было, видимо, явленіемъ одинаково общимъ, какъ и самое надѣленіе въ размежеванныхъ земляхъ рѣкъ подобными надѣлами: Игинъ, 125_{5} sq., говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ рѣки получали максимальные надѣлы, учредителями колоній вмѣстѣ съ тѣмъ было установлено и такое прекарное пользованіе. Сикулъ удостовѣряетъ намъ такое прекарное пользованіе относительно сухихъ частей максимальнаго надѣла рѣки Пизавра, а Фронтинъ косвенно—и относительно сухихъ частей пространства, отведеннаго по распоряженію начальника провинціи Гвадіанѣ (51_{18} sq.), ибо весь смыслъ просьбы Эмеритійцевъ заключается лишь въ томъ, чтобы, добившись отъ начальника провинціи снабже-

нія Гвадіаны особымъ максимальнымъ пространствомъ (qua usque adlababat), получить вмѣстѣ съ тѣмъ законное основаніе на пользованіе его сухими частями (по заведенному порядку — praecario), не выкупая ихъ и не возвращая въ казну*).

Затѣмъ способъ юридико-межевой регламентаціи въ размежеванныхъ земляхъ рѣкъ, въ видѣ надѣленія ихъ особымъ пространствомъ, возбуждаетъ еще *другой вопросъ*. Когда рѣка получала обыкновенный надѣлъ на пространствѣ „quod alveus occuparet“, то какими границами опредѣляется это пространство, или иначе: гдѣ кончается русло, и гдѣ начинаются берега? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны обратиться къ опредѣленію берега.

Въ пандектахъ, какъ частью уже замѣчено**), не существуетъ ясной, безспорной дефиниціи берега. Юристы противорѣчатъ другъ другу.

По *Ульпіану* — l. 1 § 5, 43. 12, de fluminibus, D. —

Ripa autem recte definitur id, quod flumen continet naturalem rigorem cursus sui tenens: ceterum si quando vel imbribus vel mari vel qua alia ratione ad tempus excrevit, ripas non mutat.

По *Павлу* — l. 3 § 1, ibid. —

Ripa ea putatur esse, quae plenissimum flumen continet[8]).

---

*) Выше, отд. I, § 3, стр. 244.

**) Вып. I-ый, ч. II, разд. I, гл. II § 1, стрр. 75. 76, примѣч. 8a.

[8]) По буквальному смыслу этихъ опредѣленій подъ ripa, берегомъ, *раньше всего* разумѣется *извѣстная линія* („id quod flumen continet“... „quae continet“). Уже на второмъ планѣ стоитъ понятіе о берегѣ, какъ объ извѣстной площади, полосѣ земли: l. 3 § 1, cit., продолжается — § 2 — Secundum ripas fluminum loca non omnia publica sunt, cum ripae cedant, ex quo primum a plano vergere incipit usque ad aquam (это „ex quo“ et cet. указываетъ на вторую линію, ограничивающую берегъ въ смыслѣ полосы земли). Противоположнаго взгляда держится Уббелоде, понимая подъ берегомъ въ тѣсномъ смыслѣ *полосу* земли (см. предшествующую ссылку). Но его воззрѣніе не согласуется съ источниками.

Сообразно этому разноречію, и въ дѣлѣ опредѣленія границъ площади рѣчнаго ложа мы придемъ къ разнымъ результатамъ, смотря по дефиниціи понятія берега, которую примемъ. На основаніи опредѣленія Ульпіана площадь рѣчнаго ложа будетъ заключаться въ границахъ нормальнаго, обыкновеннаго уровня воды въ рѣкѣ; на основаніи-же опредѣленія Павла она будетъ больше, простираясь до предѣловъ наивысшаго уровня. Такимъ образомъ можно сомнѣваться, который изъ этихъ результатовъ разумѣютъ землемѣры, когда они разсказываютъ намъ о надѣленіи рѣкъ землею „на пространствѣ ложа". Но единственно согласнымъ съ существомъ размежеванныхъ земель, намъ кажется, будетъ, если мы станемъ на точку зрѣнія Павла. Какъ показано выше, *въ надѣлы ветеранамъ идетъ лишь удобная земля.* Часть-же береговой полосы, покрываемая водою, когда послѣдняя достигаетъ наивысшаго уровня въ рѣкѣ, не можетъ почитаться удобной. Отсюда выводъ, *что въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣкѣ давался надѣлъ на пространствѣ рѣчнаго ложа, разумѣется та площадь рѣчнаго дна, которая заключается между линіями наивысшаго стоянія воды въ рѣкѣ.*

Итакъ необходимость надѣленія ветерановъ въ размежеванныхъ земляхъ лишь удобною землею приводитъ учредителей колоній къ практикѣ, различающей (индивидуализирующей) рѣки смотря по ихъ геологической природѣ и снабжающей рѣки неуравновѣшенныя максимальнымъ, а уравновѣшенныя—нормальнымъ надѣломъ. Но, естественно, можно говорить объ этой практикѣ, какъ о значительномъ явленіи въ вопросѣ о юридическомъ опредѣленіи рѣкъ въ agris limitatis, лишь въ томъ случаѣ, если она является общимъ или мало-мальски господствующимъ правиломъ, а не единичною выдумкою одного или нѣсколькихъ учредителей колоній.

Слѣдовательно надлежитъ уяснить, насколько описанная практика обща?

Мы склонны думать, что она составляла общее, господствующее правило, принятое учредителями колоній во время нашихъ землемѣровъ-классиковъ, т. е. въ первомъ и началѣ втораго вѣка по Р. X.

Это вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній:

Во-1-хъ Игинъ, изъ всѣхъ сообщаемыхъ намъ землемѣрами случаевъ юридико-громатическаго опредѣленія рѣкъ въ agris limitatis*), упоминаетъ лишь объ одномъ, а именно объ интересующемъ насъ снабженіи рѣкъ особыми пространствами; другія приводимыя Фронтиномъ и Сикуломъ формы, для него точно не существуютъ. Зная логичность, выдержанность и законченность институцій Игина, невольно задаешься вопросомъ: отчего у него такой пробѣлъ (у Игина не упоминаются: возможность занесенія рѣки въ площадь надѣловъ ветерановъ и случай оставленія ея въ видѣ subsicivi)? Рѣшеніе этого вопроса, по нашему мнѣнію, лежитъ именно въ только что отмѣченномъ характерѣ Игиновыхъ институцій, съ одной стороны, и въ интересующей насъ общности практики по надѣленію рѣкъ особыми пространствами, съ другой. Представляя сборникъ практическихъ знаній по землемѣрно-аграрной части, начатки (институціи) землемѣровъ вообще, а также и Игиновы, носятъ часто инструктивный характеръ. Не заботясь о полнотѣ картины всѣхъ усвоенныхъ спеціалистами-землемѣрами понятій и пріемовъ по размежевкѣ земель, они даютъ тѣ или другіе изъ нихъ по субъективнымъ критеріямъ назидательности, поучительности, внутренняго достоинства того или другаго свѣдѣнія для новицій ремесла. Такимъ образомъ крайне вѣроятно, что обдуманный, логичный и законченный Игинъ умолчалъ о способахъ регламентаціи публичныхъ рѣкъ въ agris limitatis, приводимыхъ его товарищами, Фронтиномъ и Сикуломъ, лишь

---

*) Выше, отдѣл. I § 1, примѣч. 1.

вслѣдствіе того, что эти способы казались ему несущественными, исключительными, и, наоборотъ, упомянулъ о пріемѣ снабженія рѣкъ особыми надѣлами потому, что пріемъ этотъ былъ въ его время самымъ общепринятымъ, господствующимъ въ практикѣ учредителей колоній.

Второе соображеніе въ пользу той-же общности практики по надѣленію рѣкъ особымъ пространствомъ мы находимъ въ знакомомъ уже читателю мѣстѣ Требація у Флорентина:

> .....agrum, qui hostibus devictis ea condicione concessus est, ut in civitatem veniret, habere alluvionem neque esse limitatum..... *).

Какъ предположено, многозначащее слово alluvio имѣетъ здѣсь смыслъ: „передвиженіе водами своихъ вмѣстилищъ“ **). Сообразно съ этимъ пассажъ нашъ получаетъ такой смыслъ: выставляя, какъ характерный признакъ agri, qui hostibus..... ea condicione concessus est, ut in civitatem veniret, то, что онъ подверженъ передвиженію водами своихъ вмѣстилищъ, юристъ *молчаливо* имѣетъ въ виду противоположную черту размежеванныхъ земель, гдѣ, благодаря геодезическому опредѣленію, даваемому публичнымъ рѣкамъ практикою учредителей колоній, частныя земли не могли стать театромъ для передвиженія рѣками (относительно другихъ водъ—см. ниже) своихъ вмѣстилищъ—(agrum, qui veteranis datur assignatur limitatum esse neque habere alluvionem).

Третьимъ соображеніемъ, наконецъ, является внутреннее достоинство практики по надѣленію рѣкъ особыми надѣлами и ея соотвѣтствіе руководящему началу, принятому учредителями колоній при раздѣлѣ земель—полагать въ надѣлъ лишь удобную землю***).

---

*) См. текстъ, отпеч. стр. 206.

**) Выше гл. I, § 4, стр. 230.

***) Выше, стр. 270.

Итакъ въ результатѣ нашего изложенія въ настоящемъ §-ѣ II оказывается, что при юридико-геодезической регламентаціи русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ общимъ правиломъ въ періодъ времени до Пія было надѣленіе ихъ особыми пространствами той или другой величины, сообразно ихъ геологической природѣ [9]). На ряду съ этимъ господствующимъ правиломъ фигурировали въ качествѣ исключительныхъ случаевъ, унаслѣдованныхъ изъ прежняго времени, рѣки съ русломъ, занесеннымъ въ площадь надѣловъ ветерановъ, свѣдѣнія о которыхъ сохранены намъ Фронтиномъ.

Посмотримъ теперь, какъ описанная юридико-межевая конфигурація рѣкъ вліяетъ на вопросъ о примѣненіи въ agris limitatis iuris alluvionis, положеній строгой теоріи о публикаціи рѣками земель, занимаемыхъ ими подъ свое русло и экспубликаціи русла и острововъ?

Оказывается, что съ точки зрѣнія этой конфигураціи для ius alluvionis въ размежеванныхъ земляхъ не остается мѣста, ибо:

а) въ томъ случаѣ, когда рѣка способна къ измѣненію своего русла, образованію острововъ et cet., она получаетъ максимальный надѣлъ, т. е. отдѣляется настолько отъ частныхъ владѣльцевъ, что послѣдніе лишаются доступа къ пріобрѣтенію русла и острововъ (отсутствуетъ ratio vicinitatis) [10]),

---

[9]) Вѣроятно, это общее правило имѣло одинаковое примѣненіе и въ agris quaestoriis (выше, отд. I, § 2, примѣч. 1-ое). И здѣсь, при отчужденіи государствомъ земель частнымъ лицамъ за извѣстный чиншъ (vectigal), въ продажу шла лишь удобная земля, такъ что, въ размежевкѣ. распланировкѣ agri quaestorii для отчужденія, публичнымъ рѣкамъ отводился надѣлъ той или другой величины (сообразно ихъ геологической природѣ), который, въ качествѣ площади рѣчнаго русла, оставлялся за государствомъ.

[10]) Отступленіе отъ этой ratio vicinitatis, когда прибрежные владѣльцы отдѣляются отъ обсохшаго русла или острова публичною дорогою (вып. I, стрр. 74. 75 примѣч. 8а), поговорка: „ipsa quoque via fundi est“, въ размеже-

а блуждающая живая струя со своими публицирующими дѣйствіями не можетъ коснуться ихъ собственности;

b) при надѣленіи рѣкъ нормальнымъ надѣломъ тоже не можетъ быть рѣчи о дѣйствіи ius alluvionis, потому что нормальный надѣлъ получаютъ рѣки уравновѣшенныя, неизмѣняющія (по крайней мѣрѣ при обыкновенномъ ходѣ вещей, который можно разсчитать) своего русла; а если-бы на рѣкѣ съ нормальнымъ надѣломъ возникъ островъ, то и онъ не можетъ быть пріобрѣтенъ прибрежными сосѣдями, такъ какъ проходящая по берегу межевая линія рѣкъ навсегда отграничила площадь рѣчнаго русла отъ частныхъ сосѣдей, и возникновеніе на площади рѣчнаго русла острова равносильно всякому иному физическому измѣненію на чужой землѣ, которое не рождаетъ никакихъ правъ пріобрѣтенія для сосѣда;

c) но въ случаѣ надѣленія рѣкъ особымъ пространствомъ той или другой величины возможна еще одна комбинація. Если рѣка, получившая максимальный надѣлъ, пройдетъ по крайней его полосѣ, граничащей съ владѣніями ветерановъ, и образуетъ въ своемъ новомъ теченіи островъ, или, оставивъ свое новое русло въ сосѣдствѣ частныхъ владѣльцевъ, вернется въ старое, то могутъ-ли по крайней мѣрѣ тутъ быть примѣнены положенія ius alluvionis? Комбинація эта представляетъ собственно уже возможность, приведенную нами подъ b), и должна быть рѣшена сообразно началамъ, тамъ указаннымъ;

d) наконецъ, въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда по устарѣвшей практикѣ учредителей колоній бо́льшая публичная рѣка оказывается занесенною въ площадь надѣловъ ветерановъ, возможность примѣненія iuris alluvionis является одинаково исключенною. Во-1-ыхъ крайне вѣроятно, что въ

ванныхъ земляхъ не могли имѣть мѣста, такъ какъ здѣсь каждому владѣнію, каждому пространству земли указана опредѣленная площадь.

площадь надѣловъ ветерановъ заносились лишь спокойныя, уравновѣшенныя рѣки; такъ какъ, при сравнительно небольшой величинѣ надѣловъ колонистовъ, при большихъ, неудобныхъ заливныхъ пространствахъ, которыми окружены неуравновѣшенныя рѣки, самое надѣленіе ветерановъ землею (рѣка и заливная террасса пошли-бы въ надѣлъ) не оправдывало-бы своей цѣли. Слѣдовательно, при рѣкахъ, занесенныхъ въ площадь надѣловъ ветерановъ, объ измѣненіи рѣкою своего теченія и о связанныхъ съ этимъ нормахъ права не поднимается вопроса. Кромѣ того, если-бы даже рѣки этого юридико-громатическаго типа и оказались способными къ измѣненію теченія своего или къ образованію острововъ, то самая юридическая структура ихъ—такъ какъ дно ихъ находится въ частной собственности—не допускаетъ примѣненія положеній iuris alluvionis о публикаціи и экспубликаціи частныхъ земель: положенія эти вытекаютъ изъ понятія рѣки, русло которой состоитъ въ государственной собственности.

Итакъ практика учредителей колоній по юридико-геодезическому опредѣленію рѣкъ въ колоніяхъ, поскольку она принимала въ соображеніе геологическія свойства рѣкъ и разсчеты ея оправдывались, упраздняетъ вопросъ о примѣненіи въ agris limitatis iuris alluvionis строгой теоріи; во всякомъ-же случаѣ, при ея дѣйствіи, вопросъ этотъ дѣлается незамѣтнымъ.

Мы видѣли, что правомъ передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ обладаютъ не только рѣки, но еще и моря*). Какъ обстоитъ дѣло съ морскимъ ius alluvionis въ размежеванныхъ земляхъ въ періодъ времени до Пія[11])? Не дѣй-

*) Выше, вып. I. стр. 157 слл.

[11]) Напомнимъ, что весьма многія римскія колоніи имѣли приморское расположеніе. Сюда относятся: Antium, Anxur (Terracina), Minturnae, Sinuessa, Sena Gallica (Umbria), Castrum novum (Picenum), Alsium (Etruria), Pyrgi (Etruria) Pisaurum et cet. Vide atlas antiquus -H. Kiepert.

ствуетъ ли здѣсь аналогическая практика conditorum въ видѣ надѣленія моря особымъ пространствомъ у его береговъ, которые оно заливаетъ или можетъ занять подъ свое дно? Относительно этого вопроса источники наши не даютъ никакого указанія, но, думается, слѣдуетъ разсудить такъ:

Уже общее право морскихъ береговъ, объявляя ихъ за res nullius, опредѣляетъ ихъ пространство до линіи, которой достигаетъ наибольшій зимній приливъ *).

Тѣмъ-же положеніемъ опредѣляется, вѣроятно, и право морскаго берега въ agris limitatis [12]). Колебанія уровня моря происходятъ большею частью отъ такихъ причинъ, предусмотрѣть которыя невозможно. Слѣдовательно нельзя думать, чтобы въ разсчетѣ на таковыя, учредители колоній могли отводить подъ площадь морскаго дна или берега, въ случаѣ возвышенія моремъ своего уровня, особыя пространства.

Но и съ точки зрѣнія этого состоянія вещей область примѣненія морскаго ius alluvionis въ размежеванныхъ земляхъ должна была быть крайне ограниченною. Относительно оставленной части морскаго дна (въ видѣ-ли острова [13]), или полосы земли, осушенной у морскаго берега) здѣсь не могло быть рѣчи о пріобрѣтеніи ея прибрежными владѣльцами, ибо

---

*) Вып. I, стр. 162, примѣч. 7-ое.

[12]) *Тѣмъ-же положеніемъ!*—Поскольку дѣло касается вопроса о *пространствѣ* морскаго берега, ибо относительно юридической *квалификаціи* его въ agris limitatis весьма возможно, что морской берегъ представляется res in pecunia Populi. Эта возможность обосновывается на томъ соображеніи, что въ размежеванныхъ земляхъ вся территорія, на которой производилась ассигнація, была сначала собственностью римскаго народа, а потомъ все, что не раздавалось изъ нея въ частныя руки, оставалось за римскимъ народомъ. А что морскіе берега не раздавались въ надѣлы—на этомъ едва-ли стоитъ останавливаться, ибо, находясь часто подъ волнами fluctus maximus, они представляются еще менѣе надежными, пригодными для культуры землями, чѣмъ заливныя террассы рѣкъ.

[13]) Не исключено, что insulae maritimae, возникающія у береговъ размежеванныхъ земель, находились in dominio Populi. Впрочемъ ближайшаго доказательства этому привести нельзя.

море всегда отдѣляется отъ частныхъ владѣній болѣе или менѣе значительною нейтральною полосою (вѣроятно принадлежавшею въ agris limitatis римскому народу, прим. 12) морскаго берега. Случаи-же занятія моремъ земель ветерановъ подъ часть своего дна могли встрѣтиться развѣ, если море, подымаясь въ своемъ уровнѣ, заходило за предѣлы нейтральной полосы морскаго берега и выливалось на расположенныя за нею земли (возможность довольно исключительная!) послѣднихъ.

Бросая общій взглядъ на содержаніе изложенной главы, мы можемъ формулировать его въ нѣсколькихъ краткихъ положеніяхъ; они таковы:

Въ періодъ времени до Пія право русла публичныхъ рѣкъ въ agris limitatis *относительно юридической квалификаціи рѣчнаго дна* не представляетъ по общему правилу, для подавляющаго большинства случаѣвъ, никакихъ отклоненій отъ ученія, принятаго представителями строгой теоріи. Alveus fluminis publici опредѣлялся въ практикѣ учредителей колоній, какъ res in pecunia Populi. *Въ вопросѣ-же о юридическомъ обсужденіи измѣненія рѣками своего теченія* особая юридико-геодезическая нормировка, дававшаяся рѣкамъ въ виду ихъ геологическихъ свойствъ, дѣлаетъ примѣненіе ius alluvionis in hypothesi невозможнымъ (in hypothesi—насколько эта нормировка безусловно проведена, соображеніе геологическихъ свойствъ рѣки оправдалось); во всякомъ случаѣ крайне ограниченнымъ, незамѣтнымъ (для тѣхъ случаевъ, когда помянутая нормировка по какимъ-нибудь соображеніямъ не была предпринята, геологическія свойства рѣки невѣрно соображены et cet.).

Такимъ-же незамѣтнымъ представляется и ius alluvionis въ примѣненіи къ морямъ, омывающимъ берега размежеванныхъ земель

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Періодъ второй: конституція Пія; отголоски позднѣйшаго права русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ у юристовъ.

......exquirendum (erit) numquid post legem datam aliquid, ut supra dixi, commentariis aut epistulis aut edictis adiectum est aut ablatum.

Hyginus 118$_6$.

Исключеніе ius alluvionis въ размежеванныхъ земляхъ основано на конституціи Пія. Поводъ изданія конституціи Пія (occasio legis). Законодательныя побужденія, лежащія въ основѣ этой конституціи (ratio legis). Юридическія послѣдствія этой конституціи. Отголоски позднѣйшаго права русла публичныхъ рѣкъ вь agris limitatis у юристовъ: l. 1 §§ 6. 7, 43. 12, de fluminibus, D. Историческая связь этого позднѣйшаго права съ предшествующими стадіями его развитія.

§ 1. Право русла публичныхъ рѣкъ, какъ оно представляется въ результатѣ изложенія предыдущей главы, было измѣнено императоромъ Піемъ, а именно это измѣненіе произошло путемъ конституціи, о которой говоритъ l. 16, h. t, D.

..... In agris limitatis ius alluvionis locum non habere constat: idque et divus Pius constituit..... [1]).

---

[1]) Фактъ, что Пій своею конституціей исключилъ въ agris limitatis примѣненіе ius alluvionis, лучше всего, по нашему мнѣнію, подтверждаетъ высказанное нами вопреки ходячему мнѣнію (срвн. выше, гл. I § 2, стрр. 215—217)

Къ установленію этого факта естественно примыкаютъ три вопроса:

1) Почему понадобилась конституція Пія, исключающая ius alluvionis (occasio legis)?

2) Каковы могли быть цѣль, законодательныя побужденія этой конституціи (ratio legis)?

3) Каковыми, наконецъ, представляются порядки, касающіеся права русла публичныхъ рѣкъ, которые установились въ agris limitatis въ результатѣ конституціи Пія?

Первый вопросъ разрѣшается очень просто.

Сколь-бы прочными ни представлялись начала, принятыя учредителями колоній въ своей практикѣ по опредѣленію русла публичныхъ рѣкъ, отъ нихъ все-же возможны были отступленія, и были возможны именно потому, что въ этихъ началахъ мы имѣемъ дѣло не съ непреложными законами природы или логики, а лишь съ мѣрами цѣлесообразности.

Во-1-ыхъ, уже при самой регламентаціи русла публичныхъ рѣкъ, при распланировкѣ колоній, могло случиться, что та или другая неуравновѣшенная рѣка, вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ, не получила особаго надѣла на пространствѣ заливной террассы. Тогда, конечно, такая рѣка, измѣняя свое русло по прилежащимъ участкамъ ветерановъ, должна была возбуждать вопросы о юридической судьбѣ земель, занятыхъ ею подъ свое теченіе, о судьбѣ оставленнаго русла или острововъ, въ ней возникающихъ — т. е. о примѣнимости въ размежеванныхъ земляхъ ius alluvionis.

положеніе, что недопустимость примѣненія въ размежеванныхъ земляхъ ius alluvionis не можетъ быть сведена къ принципіальной причинѣ, къ неподвижности границъ въ agris limitatis. Если-бы ius alluvionis было исключено въ размежеванныхъ земляхъ вслѣдствіе того, что границами здѣсь являются не живыя урочища, берега рѣки, а математическія линіи, то было-бы совершенно непонятнымъ, почему понадобилась конституція Пія, исключающая ius alluvionis для размежеванныхъ земель.

Но кромѣ того, общая судьба первоначальной размежевки въ римскихъ колоніяхъ сказалась и по отношенію къ рѣкамъ, а именно первоначальная размежевка, распланировка земель въ колоніяхъ, при свободной отчуждаемости ветеранами своихъ надѣловъ, вслѣдствіе мѣны и купли между ними, постепенно пришла въ упадокъ, одичала, стушевалась; такъ что размежеванныя земли въ отношеніи границъ совершенно сравнялись съ agri arcifinii [2]). Такое одичаніе первоначальной распланировки колоній, уже достаточно обусловленное сдѣлками мѣны и купли между надѣльщиками, усугублялось еще тѣмъ, что и государство, римскій народъ, отчуждало свои свободныя земли въ колоніяхъ (въ частныя руки), совершенно не заботясь о ихъ первоначальномъ назначеніи, о межахъ и записи на картахъ. Такъ случилось относительно первоначальной распланировки рѣки Пизавра и еще нѣкоторыхъ рѣкъ, получившихъ максимальные надѣлы.

125_5 sq. $_{14}$ sq. *.)

158_5 sq.

Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе падала та особенность въ геодезическомъ опредѣленіи рѣкъ въ agris limitatis, которая не оставляла мѣста для ius alluvionis, и законодатель необходимо долженъ былъ спросить себя, можетъ-ли это право быть допущено въ agris limitatis?

Переходимъ ко второму изъ указанныхъ нами выше вопросовъ: каковы были законодательныя побужденія (какова ratio), заставившія Пія исключить ius alluvionis для размежеванныхъ земель?

Два соображенія, по нашему мнѣнію, могли побудить

---

[2]) 178_9. 131_{16}. 151_{17}. 161_{11}. 162_2. Rudorff: „Gromatische Institutionen", стр. 382—384 и 154, ibid.

*) Выше, стрр. 212, 216.

императора Пія къ изданію своей конституціи: одно юридическое, другое межевое.

Юридическое соображеніе заключается въ непримиримости ius alluvionis съ юридическою природою государственнаго акта надѣленія ветерановъ землею (—ассигнаціей). Раздача земель ветеранамъ со стороны государства является особаго рода дареніемъ, при которомъ государство гарантируетъ надѣльщикамъ право собственности на опредѣленный размѣръ площади земли. Если-бы теперь государство отбирало у колонистовъ части ихъ надѣловъ, допустивъ примѣненіе въ agris limitatis положеній iuris alluvionis о публикаціи частныхъ земель, занимаемыхъ публичными рѣками подъ свое дно, то это прямо противорѣчило-бы принимаемой имъ на себя, при ассигнаціи, гарантіи. Поэтому, естественно было изгнать ius alluvionis изъ области ассигнуемыхъ размежеванныхъ земель, какъ только, вслѣдствіе одичанія первоначальнаго межеванія, оно фактически могло въ нихъ вторгнуться.

Съ другой стороны на сцену являлось и межевое соображеніе. Пока продолжалось выведеніе колоній, держалось особое поземельное право agrorum limitatorum съ его документированіемъ поземельныхъ отношеній черезъ карты, при участіи государственной власти, съ его разбирательствами тяжбъ на основаніи этихъ картъ,—одичаніе первоначальныхъ распланировокъ колоній (perticarum) въ натурѣ было явленіемъ въ высшей степени нежелательнымъ. И съ этой точки зрѣнія въ конституціи Пія можно видѣть реакціонную мѣру противъ указаннаго зла. Награжденіе рѣкъ въ agris limitatis ius alluvionis создало-бы новый немаловажный факторъ одичанія первоначальныхъ плановъ колоній; ибо, на основаніи права передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ, земля, которая наканунѣ была частною собственностью и значилась, какъ таковая, на картахъ, на другой

день можетъ превратиться въ res publica Populi Romani, и наоборотъ, земля государственная можетъ превратиться въ частную. Вотъ почему лишеніе водъ въ размежеванныхъ земляхъ конституціей Пія этого права представляется прямо направленнымъ противъ усиленія одичанія плановъ колоній въ натурѣ.

Исходя изъ установленнаго выше значенія термина ius alluvionis, который объемлетъ общее нѣкоторымъ водамъ явленіе—передвиженія ими своихъ вмѣстилищъ (рѣки, моря), мы должны понимать конституцію Пія такъ, что она исключила право передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ для всѣхъ и всевозможныхъ водъ. И это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ только что указанному межевому соображенію, лежащему въ основѣ этой конституціи, ибо къ одичанію первоначальныхъ плановъ колоній въ одинаковой мѣрѣ привело-бы признаніе ius alluvionis за морями, какъ и признаніе его за рѣками[3]).

Теперь намъ остается лишь разсмотрѣть, *къ какимъ порядкамъ въ области права русла публичныхъ рѣкъ* in agris limitatis *привела конституція Пія, каковы были ея послѣдствія.*

Естественнѣе всего было-бы отвѣтить на этотъ вопросъ при помощи источниковъ, при помощи какого-либо текста, относящагося въ эпохѣ Пія. Но напрасно стали-бы мы отыскивать подобнаго текста. Источники не содержатъ ни единаго свидѣтельства о правѣ русла публичныхъ рѣкъ, относящагося ко времени Пія; мы встрѣчаемъ въ нихъ лишь свидѣтельство гораздо болѣе позднее—Ульпіана изъ 3-яго вѣка.

---

[3]) Озера и болота, за которыми не признается ius alluvi nis уже по общему праву, тѣмъ менѣе могли обладать таковымъ на территоріяхъ размежеванныхъ земель.

1. 1 §§ 6. 7, 43. 12, de fluminibus, D.*).

Однако, не представляются-ли порядки въ области права русла публичныхъ рѣкъ, о которыхъ трактуетъ цитированный законъ, отраженіемъ состоянія, существовавшаго еще сто лѣтъ передъ симъ, въ эпоху Пія? По нашему мнѣнію слѣдуетъ рѣшительно уклониться отъ признанія такой возможности. Во-1-хъ, у Ульпіана рѣчь идетъ объ институтѣ весьма близко подходящемъ къ ius alluvionis, представляющемся лишь видоизмѣненіемъ сего послѣдняго (а именно: публицирующее дѣйствіе живой струи, съ одной стороны, и пріобрѣтеніе alvei derelicti и insularum, но не ipso iure, а путемъ захвата (?)—infra—,съ другой). Установленіе въ юридической жизни подобнаго института никакъ не можетъ быть послѣдствіемъ конституціи, исключившей ius alluvionis! Кромѣ того историческое построеніе, которое мы дали конституціи Пія, видя въ ней между прочимъ мѣру противодѣйствія одичанію первоначальныхъ распланировокъ колоній, никакъ не допускаетъ отнесенія порядковъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ Ульпіанъ, къ эпохѣ Пія; такъ какъ порядки эти, видимо, совершенно порвали съ межеваніемъ и со всѣми особенностями поземельнаго права колоній.

Итакъ, значитъ, *текстъ Ульпіана свидѣтельствуетъ о правѣ русла публичныхъ рѣкъ въ* agris limitatis *гораздо болѣе поздняго образованія, чѣмъ конституція Пія.*

Вотъ единственно возможное объясненіе послѣдствій этой конституціи.

Исключеніе ius alluvionis въ agris limitatis равносильно отрицанію специфическаго юридическаго дѣйствія за передвиженіемъ водами своихъ вмѣстилищъ, за возникновеніемъ въ рѣкахъ и моряхъ острововъ. Отъ этого отрицанія остается лишь право русла публичныхъ рѣкъ и колебаній уровня моря,

*). Отпечатано ниже, стр. 290.

очень похожее на принятое Лабеономъ въ своей теоріи: юридическое свойство русла не постоянно, а измѣняется сообразно юридическому свойству почвы, по которой рѣка прошла своимъ новымъ теченіемъ; рѣчные острова принадлежатъ то государству, то частнымъ владѣльцамъ. Занятіе моремъ частной земли подъ часть своего дна, оставленіе моремъ части своего дна, образованіе въ морѣ острова не производятъ никакихъ дѣйствій въ смыслѣ утраты или пріобрѣтенія собственности.... Только въ отличіе отъ права русла публичныхъ рѣкъ, какъ его понимаетъ Лабеонъ, частная земля, по которой прошла своимъ теченіемъ публичная рѣка, не можетъ превратиться, вслѣдствіе истеченія незапамятной давности, на размежеванныхъ территоріяхъ въ публичное русло*); потому что здѣсь частное право собственности можетъ быть доказано помощью картъ и плановъ. Равнымъ образомъ, и установленіе прежнихъ границъ участка, занятаго подъ русло публичной рѣки и затѣмъ осушеннаго ею, въ размежеванныхъ земляхъ представляется несравненно болѣе легкимъ, чѣмъ при Лабеоновой теоріи, въ примѣненіи къ agris arcifiniis, такъ какъ опять-таки основаніемъ границъ служатъ карты и планы**). Значитъ, *въ результатѣ конституціи Пія, въ* agris limitatis *долженъ былъ установиться для публичныхъ рѣкъ порядокъ, по которому могли встрѣчаться рѣки съ публичнымъ и частнымъ ложемъ*

§ 2. Какъ-бы тамъ ни было, переходимъ къ дальнѣйшей, послѣдней стадіи въ историческомъ развитіи права русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ.

Сюда относится 1 1 §§ 6. 7, 43. 12, de fluminibus D.— Ульпіана.

---

*) Вып. I, ч. II, разд. I гл. III § 2, стр. 177. примѣч. 11.

**) Тамъ-же, стр. 169, примѣч. 1.

Ulpianus libro sexagensimo octavo ad edictum. § 6. Si insula in publico flumine fuerit nata inque ea aliquid fiat, non videtur in publico fieri. illa enim insula aut occupantis est, si limitati agri fuerunt, aut eius cuius ripam contingit, aut, si in medio alveo nata est, eorum est qui prope utrasque ripas possident. § 7. Simili modo et si flumen alveum suum reliquit et alia fluere coeperit, quidquid in veteri alveo factum est, ad hoc interdictum non pertinet: non enim in flumine publico factum erit, quod est utriusque vicini aut, si limitatus est ager, occupantis alveus fiet: certe desinit esse publicus. ille etiam alveus, quem sibi flumen fecit, etsi privatus ante fuit, incipit tamen esse publicus, quia impossibile est, ut alveus fluminis publici non sit publicus.

По смыслу этого мѣста, право русла публичныхъ рѣкъ опредѣляется въ agris limitatis слѣдующими двумя положеніями:

a) Частная земля, занимаемая публичною рѣкою подъ свое дно, становится государственнымъ достояніемъ римскаго народа.

b) Обсохшее русло подлежитъ праву захвата. А такъ какъ острова, въ публичныхъ рѣкахъ возникающіе, по воззрѣнію римскихъ юристовъ, представляются лишь особою формою осушеннаго рѣчнаго дна, то и они въ размежеванныхъ земляхъ подлежатъ праву захвата.

Сообразно съ этимъ вся особенность права русла публичныхъ рѣкъ въ agris limitatis ко времени Ульпіана по сравненію съ защищавшейся въ юриспруденціи большинствомъ юристовъ строгой теоріей заключается лишь въ упомянутомъ подъ b) правѣ захвата. Положеніе же строгой теоріи, iuris alluvionis, о правѣ публикаціи частныхъ земель, занимае-

мыхъ публичными рѣками подъ свое русло, дѣйствуетъ здѣсь безъ всякихъ измѣненій.

Такимъ образомъ, въ III-емъ вѣкѣ въ agris limitatis *дѣйствуетъ право, очень близко подходящее къ* ius alluvionis.

Но спрашивается, что это за оккупація, о которой говоритъ Ульпіанъ? Мы упомянули выше*), что по господствующему у насъ традиціонному ученію эта оккупація есть захватъ rei nullius (communis omnium) со стороны всякаго 3-яго лица.

Съ этимъ согласиться нельзя. Право свободнаго захвата недвижимости, какъ постоянно-дѣйствующій институтъ, есть такое юридически нераціональное установленіе, что едва-ли крайне политичные въ избраніи для себя правовыхъ нормъ Римляне могли его здѣсь придумать. *Ульпіана нужно объяснить исторически. Его захватъ есть* occupatio *особаго свойства.*

Мы видѣли, что учредители колоній имѣли обыкновеніе—когда рѣкѣ, способной измѣнить свое теченіе, давался максимальный надѣлъ—предоставлять прекарное пользованіе сухими частями этого надѣла ближайшимъ сосѣдямъ. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ этой практики является то положеніе, что ближайшіе сосѣди могли захватить въ пользованіе русло, оставленное рѣкою въ предѣлахъ отведеннаго ей пространства, или возникающій въ рѣкѣ островъ. Объ этой-то, сложившейся на почвѣ прекарнаго пользованія сухими частями максимальныхъ рѣчныхъ надѣловъ, оккупаціи и говоритъ Ульпіанъ. Упоминаемая имъ оккупація, слѣдовательно, *не есть захватъ* primi occupantis, *а лишь захватъ ближайшихъ сосѣдей рѣки—прибрежныхъ владѣльцевъ.*

Намъ могутъ возразить: не странно-ли, что Ульпіанъ, говоря о правѣ оккупаціи обсохшаго русла и острововъ

*) Выше гл. I, § 1, стр. 210. примѣч. 7-ое.

упустилъ упомянуть о самой характерной особенности этой оккупаціи, а именно—что она есть лишь оккупація ближайшихъ сосѣдей, а не всякаго 3-яго лица?

Едва-ли возраженіе это представляется особенно мѣткимъ. Его можно устранить: Ульпіанъ писалъ для современниковъ, которые при словахъ „occupantis insula est", „occupantis alveus fiet" „si limitatus est ager", сейчасъ-же сознавали, *какая* это оккупація.

Во всякомъ случаѣ: убѣдительны или неубѣдительны наши доводы—несомнѣнно то, что право захвата оставленнаго русла и островов въ размежеванныхъ земляхъ въ смыслѣ захвата со стороны 3-ихъ лицъ не выдерживаетъ критики: оно a) нераціонально, b) не имѣетъ за себя историческихъ основаній и c) не гармонируетъ, какъ показано выше*), съ положеніемъ о публикаціи рѣками частныхъ земель, занимаемыхъ ими подъ русло, приводя къ тому несправедливому состоянію, что частные владѣльцы, сосѣди рѣки, въ agris limitatis всегда могутъ утратить, вслѣдствіе измѣненія публичными рѣками теченія, свою землю, но могутъ и не пріобрѣсти ее обратно, (если ихъ въ захватѣ упредитъ стороннее лице); тогда какъ именно въ обезпеченіи возврата частной земли, превращенной измѣненіемъ рѣчнаго теченія въ государственную собственность, частнымъ владѣльцамъ и заключается весь смыслъ пріобрѣтенія обсохшаго русла и островов**).

Итакъ ко времени Ульпіана въ размежеванныхъ земляхъ дѣйствуетъ измѣненное подъ вліяніемъ историческихъ элементовъ ius alluvionis:

1) Каждая частица частной земли, занятая публичною рѣкою подъ свое ложе, становится eo ipso dominium Populi Romani.

---

*) Выше гл. I, § 2, стрр. 214. 215.

**) Выше, вып. I, стр. 89.

2) Взамѣнъ того ближайшіе, *прибрежные сосѣди* получаютъ право на обсохшее русло и острова, но уже не ipso iure, a ope occupationis.

Какъ совершилась эта новая историческая метаморфоза права русла публичныхъ рѣкъ въ agris limitatis? Какъ начертать линію историческаго развитія этого права, которая бы соединила двѣ наши данныя историческія точки: эпоху Пія и эпоху Ульпіана, заполнила равняющійся цѣлому вѣку пробѣлъ въ нашей исторической картинѣ?

Мы представляемъ себѣ дѣло слѣдующимъ образомъ:

Третій вѣкъ есть вѣкъ упадка военнаго колоната, выведенія колоній и связаннаго съ ними межеванія земель. Послѣдняя колонія выведена въ 265-омъ году, при императорѣ Галліенѣ [1]). Съ тѣхъ поръ, какъ колоніи перестали учреждаться, для государства уже не представляло никакого интереса сохранять за собою принадлежавшіе ему въ нихъ участки земли (loca excepta, subsiciva et cet.) и, сообразно съ этимъ, прекарное пользованіе сухими частями максимальныхъ рѣчныхъ надѣловъ превратилось въ обладаніе на правѣ собственности (путемъ-ли отчужденія со стороны государства подлежащихъ земель ближайшимъ сосѣдямъ, или инымъ путемъ). Одновременно прибрежные сосѣди естественно стали овладѣвать alveo derelicto и insulis не precario, а окончательно. Паденіе колоната должно было привести къ окончательному одичанію первоначальнаго межеванія въ колоніяхъ: территоріи колоній сравнялись съ неразмежеванными землями. Недопущеніе публицирующаго дѣйствія блуждающей живой струи лишилось того смысла, который оно имѣло въ конституціи Пія и, постепенно-ли, или на основаніи особаго неизвѣстнаго намъ закона, та сторона ius alluvionis, которая выражается въ положеніи:

---

[1]) Это—Верона. Срвн. Marquardt: „Staatsverwaltung" I, pg. 457 примѣч. 1.

„ille etiam alveus, quem sibi flumen fecit, etsi privatus ante fuit, incipit tamen esse publicus, quia impossibile est, ut alveus fluminis publici non sit publicus“—

должна была водвориться въ размежеванныхъ земляхъ, могшихъ еще только по историческому воспоминанію называться размежеванными. Почва къ этой перемѣнѣ уже была готова: она дѣлалась возможною съ тѣхъ поръ, какъ въ agris limitatis установилось право окончательной оккупаціи русла и острововъ ближайшими сосѣдями. Въ пріобрѣтаемыхъ послѣдними ope occupationis обсохшемъ руслѣ или островѣ сложился эквивалентъ, который во мнѣніи большинства римскихъ юристовъ, защищавшихъ строгую теорію ius alluvionis, оправдываетъ публицирующее дѣйствіе живой струи *).

Такъ приходимъ мы къ позднѣйшему праву русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ, отголоски котораго мы находимъ у Ульпіана и которое представляетъ изъ себя лишь *своеобразное видоизмѣненіе—подъ вліяніемъ элементовъ предшествующаго историческаго развитія*—iuris alluvionis строгой теоріи.

Оглядываясь на изложенное во II-мъ раздѣлѣ II-ой части нашего труда, мы видимъ, что судьбы права русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ были превратны:

Исторія этого права слагается изъ 2-хъ періодовъ: древнѣйшаго, объемлющаго время съ конца республики **) до Пія (его конституціи), и позднѣйшаго, къ которому относятся конституція Пія и водвореніе на территоріяхъ колоній, являвшихся „размежеванными“ только исторически, того свое-

---

*) Вып. I, ч. II, разд. I, гл. II § 2, примѣчч. 21. 22. стрр. 95. 96.
**) Выше, гл. II § 1, примѣч. 1-ое, стр. 236.

образнаго видоизмѣненія iuris alluvionis, о которомъ намъ говоритъ Ульпіанъ въ l. 1 §§ 6. 7, 43. 12, de fluminibus, D.

Въ первомъ періодѣ право русла публичныхъ рѣкъ опредѣлялось практикою учредителей колоній, какъ она вылилась въ территоріальныхъ статутахъ отдѣльныхъ колоній (въ спеціальныхъ законахъ).

Въ отношеніи квалификаціи русла публичныхъ рѣкъ эта практика не уклоняется отъ общаго принципа строгой теоріи: alveus fluminis publici является государственнымъ достояніемъ римскаго народа, хотя по болѣе старой, исключительной практикѣ и встрѣчаются рѣки, занесенныя въ площадь надѣловъ ветерановъ, съ ложемъ, состоящимъ въ ихъ частной собственности. *Въ отношеніи-же вопроса объ измѣненіи рѣками своего теченія*—ius alluvionis въ примѣненіи къ размежеваннымъ территоріямъ упраздняется. Это—въ силу геодезическаго опредѣленія, которое получали рѣки въ зависимости отъ ихъ геологической природы по господствующей практикѣ учредителей колоній *), или въ силу юридической структуры ихъ (рѣки, занесенныя въ площадь надѣловъ ветерановъ) **). Но столь своеобразно отмѣчающій римское межеваніе фактъ его неустойчивости, одичанія первоначальныхъ распланировокъ колоній, а частью, быть можетъ, и уклоненія отъ господствующаго теченія въ практикѣ conditorum по геодезическому опредѣленію рѣкъ, должны были поставить законодателя лицемъ къ лицу съ принципіальнымъ вопросомъ: допустимо-ли ius alluvionis въ размежеванныхъ земляхъ, или нѣтъ?

Пій въ своей конституціи l. 16, h. t, D. рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно.

Въ области права русла публичныхъ рѣкъ на размеже-

---

*) 120_{7-12}. 125_{5-18}. 157_{20}—158_{7} (выше, стрр. 248. 249; сравн. стр. 278—279, тамъ-же).

**) 51_{3-16} (выше, стр. 240; срвн. стрр. 279. 280, тамъ-же).

ванныхъ земляхъ водворились, съ отмѣною для нихъ ius alluvionis, порядки, аналогичные Лабеоновой теоріи; юридическое свойство русла публичныхъ рѣкъ стало въ нихъ неоднообразнымъ, сообразуясь каждый разъ съ юридическимъ свойствомъ почвы, по которой рѣка проходитъ своимъ новымъ теченіемъ. Также и острова по этимъ новымъ порядкамъ могли быть публичными или частными, смотря по тому, возвышаются-ли они надъ публичнымъ или частнымъ дномъ.

Относительно морей: послѣ конституцій Пія въ agris limitatis не признается никакихъ специфическихъ юридическихъ дѣйствій за колебаніями уровня моря, за возникновеніемъ въ морѣ острововъ.

Наконецъ, въ III вѣкѣ, съ паденіемъ колоната, государство римское отказывается отъ принадлежащихъ ему еще правъ на земли въ колоніяхъ, а въ томъ числѣ и отъ права на сухія части максимальныхъ рѣчныхъ надѣловъ. Прекарное пользованіе этими сухими частями рѣчныхъ надѣловъ, которое предоставлялось практикою учредителей колоній ближайшимъ сосѣдямъ, превращается въ обладаніе на правѣ частной собственности, а отсюда и захватъ оставленнаго русла и острововъ становится окончательной оккупаціей ихъ прибрежными владѣльцами [2]). Съ установленіемъ пріобрѣтенія прибрежными владѣльцами обсохшаго русла и острововъ путемъ оккупаціи, для территорій колоній была дана одна часть, одна сторона ius alluvionis—экспубликація обнаженнаго рѣчнаго дна; вторая, обусловленная ею*), незамедлила явиться: на территоріяхъ колоній было признано и

---

[2]) Loca excepta, subsiciva et cet. могли быть проданы въ частныя руки; тоже—сухія части максимальныхъ рѣчныхъ надѣловъ (confr. 125_{14}). Осушаемыеже вслѣдствіе оставленія рѣками своихъ руслъ участки на площади прежнихъ рѣчныхъ надѣловъ, не представляя для государства особеннаго интереса, естественно должны были подпасть оккупаціи ближайшихъ сосѣдей.

*) Вып. I-ый, ч. II, разд. I, гл. II § 2, примѣч. 21, стрр. 95. 96.

публицирующее дѣйствіе живой струи (путемъ-ли закона, или дѣйствіемъ самой жизни, обычая, рѣшить не беремся): водворилось своеобразно-измѣненное ius alluvionis. Къ этому уже не представлялось никакихъ препятствій, ибо оба законодательныя побужденія, заставившія Пія исключить ius alluvionis для agris limitatis—противодѣйствіе одичанію распланировокъ колоній и непримиримость ius alluvionis съ государственнымъ актомъ ассигнаціи земель—съ паденіемъ колоната исчезли.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Юридическое обсужденіе намывовъ въ размежеванныхъ земляхъ.

Мы оставили ученіе о намывѣ въ первой части нашего труда. Мы не могли вернуться къ этой матеріи ex professo ранѣе, говоря о правѣ русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ, такъ какъ нужно было установить значеніе термина ius alluvionis, пройти историческій путь развитія этого права, ознакомиться съ пріемами учредителей колоній по геодезическому опредѣленію рѣкъ на размежеванныхъ территоріяхъ, прежде чѣмъ вообще вопросъ о юридическомъ обсужденіи намыва въ agris limitatis могъ-бы стать яснымъ.

Историческое развитіе права пріобрѣтать намывъ въ agris limitatis *шло своими самостоятельными путями.*

Воззрѣніе на юридическую природу намыва, какъ на случай акцессіи, съ которымъ мы ознакомились выше*), оправдывается безусловно и для размежеванныхъ земель. Поэтому *право намыва никогда не было исключено или запрещено въ этихъ земляхъ*: фактъ тѣснаго соединенія примываемыхъ земельныхъ частицъ съ берегомъ, на которомъ основано пріобрѣтеніе намывовъ, одинаково случается въ agris limitatis, какъ и въ agris arcifiniis.

---

*) Вып. І-ый, ч. І, гл. І § 4, стр. 23.

Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ случаевъ alluvio въ размежеванныхъ земляхъ, свидѣтельствующихъ о принципіальной ея допустимости въ нихъ.

Раньше всего намывъ допускался при рѣкахъ, занесенныхъ въ площадь надѣловъ ветерановъ:

51з sq. *);

затѣмъ при всѣхъ остальныхъ рѣкахъ, поскольку геодезическое опредѣленіе ихъ не исключаетъ частнаго побережнаго владѣнія:

125₁₄ sq. **.)

Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣка отдѣлена отъ частныхъ побережныхъ владѣній нейтральною полосою той или другой величины, когда она получаетъ обыкновенный или максимальный надѣлъ[3]), о пріобрѣтеніи намывовъ не можетъ быть рѣчи. Передвиженіе или примываніе земельныхъ массъ въ предѣлахъ рѣчныхъ надѣловъ есть явленіе, юридически столь-же безразличное, какъ перенесеніе вѣтромъ въ предѣлахъ одного владѣнія сухихъ листьевъ или пыли съ одного мѣста на другое.

Надѣленіе рѣкъ особыми пространствами, той или другой величины, въ зависимости отъ геологическихъ свойствъ рѣкъ, какъ указано выше, для I-го и начала II-го вѣка есть господствующее теченіе въ практикѣ учредителей колоній. Поэтому можно думать, что область случаевъ пріобрѣтенія намывовъ въ это время на территоріяхъ размежеванныхъ земель была очень ограниченною.

---

*) Вып. I, ч. I, гл. I § 5, стр. 25.

**) Текстъ и толкованіе выше. Ч. II, Разд. II, гл. I § 2, стрр. 212. 216.

[3]) Геологическая особенность рѣки, заключающаяся въ способности ея переносить намывныя береговыя земли, одинаково принималась въ соображеніе учредителями колоній въ вопросѣ о надѣленіи рѣки пространствомъ той или другой величины, какъ и способность ея измѣнять свое теченіе..

Этимъ объясняется Игинъ 124з sq.. Исходя изъ предположенія, что рѣкамъ неуравновѣшеннымъ, способнымъ къ измѣненію своего теченія, образованію намывовъ и острововъ, отводится особое пространство въ границахъ заливной терассы, землемѣръ говоритъ*):

> (124з sq) De alluvione observatio haec est, numquid de occupatoriis ageretur agris. et quidquid vis aquae**) abstulerit, repetitionem nemo habebit...... si vero in divisa et adsignata regione tractabitur, nihil amittet possessor, quoniam formis per centurias certus cuique modus adscriptus est.

То есть: въ размежеванныхъ земляхъ отъ намыва или аллювіальнаго блужданія береговъ никто ничего не утратитъ, ибо планами для каждаго владѣнія (а въ томъ числѣ и для рѣчныхъ надѣловъ) по центуріямъ указана своя площадь, modus agri.

Futurum: „amittet", указываетъ на то, что Игинъ высказываетъ свое положеніе не какъ догматическую истину, а какъ пожеланіе, возможность, которая предполагаетъ способъ геодезическаго опредѣленія рѣки въ видѣ надѣленія ея особымъ пространствомъ.

Конституція Пія вопроса о допустимости намывовъ въ agris limitatis *не коснулась.*

Въ III-емъ вѣкѣ, съ паденіемъ колоната и межеванія, съ полнымъ одичаніемъ распланировокъ колоній, всѣ рѣки на территоріяхъ колоній получили частныхъ прибрежныхъ сосѣдей, и повсемѣстно явилось пріобрѣтеніе намывовъ.

Этимъ-то примѣненіемъ въ agris limitatis общихъ началъ о намывѣ и слѣдуетъ объяснить себѣ неупоминаніе Ульпіа-

---

*) Выше, ч. II, разд. II, гл. II § 4, стр. 276.
**) Вып. I-ый, стр. 183, примѣч. 19.

номъ въ l. 1 §§ 6. 7, 43. 12, de fluminibus, D. объ alluvio; а распространеніе на нее господствующимъ ученіемъ своего права захвата*) нужно признать совершенно невѣрнымъ.

---

*) Выше, ч. II, разд. II, гл. I § 1, примѣч. 8, стр. 210; ibidem., § 2, стр. 213.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Общій взглядъ на содержаніе книги. Практическіе ея результаты. Оцѣнка римскихъ ученій о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкь и объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, съ точки зрѣнія сравнительно законодательной.

1. Изложеніе ученій пандектъ о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ, объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, не только на основаніи фрагментовъ пандектъ, но еще и на основаніи того матеріала, который заключается у римскихъ землемѣровъ, оказывается для познанія этихъ ученій плодотворнымъ.

Въ области *вопроса о намывѣ* громатики помогли намъ обосновать пріобрѣтеніе намывовъ въ частновладѣльческихъ рѣкахъ, раскрыли намъ интересную картину изъ исторіи догмы намыва въ римской юриспруденціи.

Въ ученіи о юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ землемѣры, заключая слѣды „Лабеоновой", „гуманной" теоріи, укрѣпили насъ во мнѣніи, что здѣсь у римскихъ юристовъ былъ споръ, было двѣ теоріи, изъ которыхъ одна защищается большинствомъ юристовъ пандектъ, а другая Лабеономъ и, можетъ быть, еще Сцеволой и Цельзомъ Младшимъ. На счетъ этого-то разномнѣнія римскихъ юристовъ и слѣдуетъ отнести существующія въ пандектахъ непримѣримыя противорѣчія: эти противорѣчія представляютъ сохра-

нившіеся по недосмотру компиляторовъ остатки Лабеоновой теоріи, которую въ остальномъ Юстиніанъ не реципировалъ.

Наконецъ, привлеченіе землемѣровъ къ вопросу *о правѣ русла публичныхъ рѣкъ въ* agris limitatis является особенно поучительнымъ, такъ какъ право это, потерявъ ко времени кодификаціи Юстиніана всякое практическое значеніе, можетъ быть всесторонне познано единственно при помощи громатиковъ. Здѣсь критическое и осмотрительное пользованіе сочиненіями римскихъ землемѣровъ показываетъ, что право alvei fluminis publici прошло въ размежеванныхъ земляхъ сложный и длинный путь историческаго развитія: основываясь сначала на практикѣ учредителей колоній, оно было видоизмѣнено конституціей Пія (l. 16, h. t., D.) и вылилось путемъ дальнѣйшаго историческаго процесса въ ту своеобразную форму, о которой сообщаетъ намъ Ульпіанъ въ l. 1 §§ 6. 7, 43. 12, de fluminibus, D.

Историческое развитіе права *пріобрѣтенія намывовъ шло въ* agris limitatis своими особыми путями. Это пріобрѣтеніе никогда въ нихъ запрещено не было.

Анализъ историческихъ данныхъ въ области права русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ, въ связи съ уясненіемъ контроверсы римскихъ юристовъ о юридической конструкціи русла публичныхъ рѣкъ, далъ намъ возможность установить истинное значеніе термина ius alluvionis и отличить его отъ болѣе общаго выраженія: „iura alluvionum" (adluvionum)........

2. Мы говорили во введеніи о значеніи критико-историческихъ изслѣдованій пандектъ для русскаго юриста. Тамъ было выставлено два положенія.

a) Поскольку русскій юристъ интересуется догматикою чистаго или современнаго германскаго римскаго права, какъ общей теоріей права, всѣ вносимыя въ нее

критико-историческими изслѣдованіями поправки и измѣненія не могутъ быть для него безразличными.

b) Поскольку русскій юристъ ищетъ въ твореніяхъ классическихъ юристовъ, въ образахъ и конструкціяхъ классическаго римскаго правовѣдѣнія, назиданія для своего юридическаго мышленія, для своего чувства прекраснаго въ правѣ, онъ тоже долженъ будетъ сознаться въ значеніи и пользѣ для себя изслѣдованій, старающихся раскрыть первоначальный историческій смыслъ пандектъ.

Въ этихъ обоихъ отношеніяхъ результаты нашей книги представляются слѣдующими:

a) Въ господствующую нынѣ теорію права намыва, русла публичныхъ рѣкъ и острововъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, должны быть внесены слѣдующія поправки и измѣненія.

1) Ius alluvionis означаетъ *„право передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ"*, которое усвоено публичнымъ водамъ кромѣ озеръ и болотъ (все равно, состоитъ-ли дно этихъ публичныхъ водъ въ государственной собственности римскаго народа, какъ при рѣкахъ, или является res nullius, какъ дно моря)— l. 12 pr., l. 16, l. 56 pr., h. t, D. Это понятіе отлично отъ другихъ сходныхъ: „iura alluvionum" (adluvionum), „accessio alluvionum".

2) Далѣе, намывы (alluviones) должны быть допущены съ соотвѣтственными ограниченіями въ частновладѣльческихъ рѣкахъ, что подтверждаетъ 50_{24} — 51_{9} Фронтина.

3) Они должны быть допущены съ подобными-же ограниченіями въ озерахъ и болотахъ. Препятствіемъ этому не служитъ l. 12, h. t., D., если правильно понимать въ ней выраженіе ius alluvionis.

4) Противорѣчія, съ которыми имѣетъ дѣло современная доктрина въ области права русла публичныхъ рѣкъ и острововъ, должны быть объяснены существованіемъ въ римской юриспруденціи контроверсы о юридической конструкціи русла публичныхъ рѣкъ.

5) Къ этимъ результатамъ, въ существенномъ опредѣлившимъ самую группировку матеріала въ книгѣ, можетъ быть присовокупленъ еще одинъ выводъ, сдѣланный нами мимоходомъ: въ опредѣленіи понятія наводненія между римскими юристами существуетъ разнорѣчіе: одни — Гай, Ульпіанъ, Яволенъ — держатся метода отрицательнаго его отграниченія отъ alvei mutatio, другіе-же, а именно Помпоній, создаютъ для понятія наводненія положительный критерій (выше, стр. 139—151).

ƅ) Что касается теперь результатовъ нашего изслѣдованія въ смыслѣ раскрытыхъ въ немъ образовъ и конструкцій классическаго римскаго правовѣдѣнія, то изложеніе наше раньше всего обнаруживаетъ въ области ученій о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ и объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, взаимодѣйствіе самыхъ разнообразныхъ факторовъ правообразованія: древнее обычное право, къ которому мы возводили начало ius alluvionis, юриспруденція—въ лицѣ подхватившей и развившей это древнее обычное право строгой теоріи и противоположной ей — Лабеоновой; наконецъ законодательство — въ лицѣ учредительныхъ актовъ, поземельныхъ статутовъ, колоній и конституціи Пія. Затѣмъ уже въ области одной только юриспруденціи—большая продуктивность юридическихъ идей, разнообразіе рѣшеній одной и той-же юридической проблемы. Такъ:

I. Проблема намыва—рѣшеніе черезъ понятіе акцессіи и тѣ оставленныя, раскритикованныя римской юриспруденціей рѣшенія и выводы изъ нихъ, свѣдѣнія о которыхъ сохранены намъ Фронтиномъ и Игиномъ (выше, часть I, гл. II).

II. Проблема передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ съ примыкающей къ ней проблемою острововъ. Тутъ, α) для рѣки—три рѣшенія: 1) ius alluvionis (=строгая теорія=конструкція русла публичной рѣки съ юридически-постояннымъ свойствомъ), 2) видоизмѣненное ius alluvionis съ оккупаціей прибрежныхъ сосѣдей, примѣнявшееся въ agris limitatis, 3) Лабеонова, гуманная теорія; β) для морей—два рѣшенія: 1) аналогія, распространеніе на моря ius alluvionis (причемъ одни юристы считаютъ морское дно за res in pecunia Populi, другіе, большинство, за res communis omnium), 2) Лабеонова теорія. Это разнообразіе рѣшеній проблемы передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ прямо обусловливаетъ рѣшенія проблемы острововъ, такъ какъ возникновеніе острововъ у Римлянъ разсматривается лишь какъ модальность осушенія дна водовмѣстилищъ. Римское право содержитъ слѣдующіе отвѣты на вопросъ, какъ юридически опредѣляется судьба острововъ, въ публичныхъ рѣкахъ и моряхъ возникающихъ: 1) они пріобрѣтаются прибрежными сосѣдями ipso iure, 2) подлежатъ захвату прибрежныхъ сосѣдей (историческое право agrorum limitatorum), 3) подлежатъ захвату всякаго 3-яго лица (въ моряхъ, по ученію большинства римскихъ юристовъ), 4) представляютъ лишь фактическое обнаруженіе скрывавшейся прежде подъ водами государственной или частной собственности (Лабеонъ).

III. Проблема отграниченія понятія наводненія

от понятія передвиженія водами своих вмѣстилищъ....... Тутъ опять два рѣшенія (выше).

Все это составляетъ богатый матеріалъ, завѣщанный намъ культурою древняго Рима въ руководство для нашихъ законодательныхъ работъ, несравненный опытъ проницательнѣйшей юридической мысли! Но кромѣ того, со стороны чисто формальной, со стороны оперированія юридическими понятіями, нашъ матеріалъ римскаго права представляетъ немало поучительнаго: съ истою elegantia iuris по поводу основной мысли строгой теоріи Гай въ l. 7 § 5, h. t, D. (Лабеонъ?) противопоставляетъ общему правилу казусъ, отдѣльный хитро-придуманный случай, въ которомъ общее правило не оправдывается. Это должно научить всякаго юриста, насколько важна въ правѣ, при установленіи общихъ понятій, неутомимая, богатая казуистическая повѣрка ихъ достоинства. Далѣе, интересной представляется вся постановка ученія о ius alluvionis (строгая теорія) въ римской юриспруденціи. Имѣя передъ собою довольно сложную систему правоположеній, римскіе юристы воздерживаются отъ субординаціи ихъ другимъ понятіямъ изъ области вещнаго права, напр. specificatio, accessio (хотя попытки въ видѣ картинныхъ сравненій иногда и прорываются), и координаціи этихъ правоположеній между собою подведеніемъ ихъ подъ какія-либо опредѣленныя типическія юридическія понятія. Они ограничиваются положительною формулировкою нормъ. Въ этомъ мы склонны видѣть отчасти проявленіе того практическаго такта, той осторожности, которые въ столь высокой мѣрѣ присущи римскимъ юристамъ: воздерживаясь отъ черезъ-чуръ отвлеченной формулировки нормъ права, они обезпечивали себѣ болѣе свободное, болѣе справедливое ихъ примѣненіе въ жизни.

3. Для болѣе всесторонней и полной оцѣнки элементовъ римскаго права изъ области ученій о намывѣ, юридической

природѣ русла публичныхъ рѣкъ, объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, надлежитъ еще бросить на нихъ хотя-бы самый бѣглый взглядъ съ точки зрѣнія законодательной, сопоставивъ ихъ съ постановленіями важнѣйшихъ кодексовъ современнаго гражданскаго права *).

Какъ во всей области современнаго гражданскаго права вообще, такъ и въ ученіяхъ: о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ, объ островахъ въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, значеніе элементовъ римскаго права сводится къ тому, что Римляне впервые необычайно удачно намѣтили практическія проблемы права и завѣщали намъ богатый матеріалъ для ихъ разрѣшенія. Римская постановка проблемъ, равно какъ и матеріалъ, придуманный римскими юристами для ихъ рѣшенія, въ томъ или иномъ видѣ воспроизводятся въ новыхъ кодексахъ. Въ интересующихъ насъ ученіяхъ это отношеніе римскаго права къ современнымъ цивильнымъ кодификаціямъ сказывается, пожалуй, рѣзче, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. И понятно: въ то время, какъ въ областяхъ технической и торгово-экономической, напримѣръ, жизнь наша далеко ушла впередъ отъ римской, поставила намъ новыя проблемы частнаго права, видоизмѣнила постановку извѣстныхъ Римлянамъ, —геологическія явленія на земномъ шарѣ продолжаютъ быть одни и тѣ-же. Поэтому и для разрѣшенія возбуждаемыхъ ими вопросовъ права могутъ быть приложены понятія римскаго права.

Въ самомъ дѣлѣ, предложенное Римлянами разрѣшеніе

---

*) Мы имѣемъ въ виду кодификаціи: Прусскую, Австрійскую, Французскую, Саксонскую, Италіанскую, Голландскую. Баварскій законъ о водномъ правѣ 28-го мая 1852 года и проэктъ воднаго закона для Пруссіи 1893-го года. Параллельно указаннымъ кодификаціямъ мы сдѣлаемъ указанія и на постановленія отечественнаго законодательства.

Проэктъ гражданскаго уложенія для Германской Имперіи, какъ извѣстно, интересующихъ насъ матерій не касается, оставляя ихъ цѣликомъ на рѣшеніе земскихъ законодательствъ.

проблемы намыва путемъ акцессіи стало достояніемъ всѣхъ важнѣйшихъ новыхъ кодификацій: Pr. L. R. I, 9, § 225 sq.; C. C., Art. 556; Das Allgem. b. GB. Oester., § 411; Das. b. GB. des Königreichs Sachsen, § 282; Codice Civile, § 453—455; Burgerlijk Wetboeck, Art. 651 слл.; Bayerisches G. vom 28 Mai 1852 die Benutzung des Wassers betreffend, Art. 23.; Entwurf eines Preussischen Wassergesetzes, § 14.; [1]) Т. X. ч. I, Св. Зак., ст. 428 [2]).

---

[1]) Въ римскомъ правѣ, несомнѣнно, подъ намывомъ разумѣется лишь медленное непримѣтное приращеніе берега, совершающееся помощью извнѣ-приходящихъ земельныхъ частицъ. Средневѣковая юриспруденція (см. новѣйшую статью Gian Luigi Andrich, Arch. Giuridico LVI, fasc. 1—2) стремилась подвести подъ понятіе alluvio и случай медленнаго *непримѣтнаго осушенія рѣчнаго дна.* Этому-же ученію послѣдовали нѣкоторые новѣйшіе юристы (Срвн. выше, стр. 17 прим. 5, стр. 130 примѣч. 8). Оно проникло и въ современныя кодификаціи, гдѣ подъ понятіе намыва безразлично подводятся случаи увеличенія берега на счетъ извнѣ-привходящихъ частицъ и на счетъ медленно—непримѣтно—осушеннаго рѣчнаго дна: Pr. L. R. I, 9, § 226; C. C., Art. 557; Сакс. код., § 282; Codice Civile, § 454—455; Баварск. законъ 1852 г., Art. 23. B. Wetb., Art. 661 слл.; проэктъ Прусскаго воднаго закона, § 14.

Впрочемъ отмѣтимъ по поводу отношенія новѣйшихъ законодательствъ о намывѣ къ римскому праву, что нѣкоторыя изъ нихъ вводятъ положеніе, совершенно чуждое римскому праву, но имѣющее большое практическое значеніе, а именно: если намывъ образовался вслѣдствіе работъ по урегулированію русла или по укрѣпленію береговъ, то намытая земля поступаетъ въ собственность предпринимателя этихъ работъ, или того лица, на обязанности котораго лежитъ ихъ производить: Бав. зак., Art. 25; Прусск. проэктъ, § 118. 119. Срвн. Pr. L. R., I. 9, §§ 263—264.

[2]) Статья эта гласитъ: „Если-же берегъ такой порубежной рѣки отъ *наносимаго непримѣтно водою песка* получитъ приращеніе, то оно дѣлается собственностью владѣльца, коему принадлежитъ сей берегъ“. Отсюда, понятіе намыва въ общемъ русскомъ гражданскомъ правѣ (правѣ Свода) опредѣляется также точно, какъ въ античномъ римскомъ правѣ. Намывъ у насъ есть приращеніе берега на счетъ *извнѣ—привходящихъ частицъ земли*, совершающееся отъ дѣйствія воды медленно, непримѣтно. Но въ отличіе отъ римскаго права у насъ основаніемъ пріобрѣтенія намыва должно быть признано столько-же *соединеніе* (приращеніе) примываемыхъ частицъ съ рѣчнымъ ложемъ, сколько и съ берегомъ, ибо на основаніи ст. 426 т. X, ч. 1 (срвн. № 12659 I Полн. Собр. Зак. „Инструкція межевымъ губернскимъ канцеляріямъ“, п. 61....) земля, состоящая подъ русломъ публичной рѣки, составляетъ продолженіе берегового владѣнія, береговой собственности (объ этомъ обстоятельнѣе сейчасъ,

Равнымъ образомъ, въ области проблемы передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ элементы римскаго права оказали рѣшительное вліяніе на важнѣйшія Европейскія законодательства: всѣ они опираются на строгую теорію (=конструкцію русла публичныхъ рѣкъ съ юридически-постояннымъ свойствомъ=ius alluvionis).

Саксонскій кодексъ, § 281, воспроизводитъ ее цѣликомъ [3]).

Италіанскій кодексъ—только съ тѣмъ измѣненіемъ, что исключаетъ острова изъ пріобрѣтенія прибрежными владѣльцами и объявляетъ ихъ за государственное достояніе (Artt. 461. 457. Срвн. Art. 455, гдѣ ius alluvionis исключается для озеръ, болотъ, и Art. 454, гдѣ оно ограничено для морей).

Другіе кодексы и законодательства сдѣлали отъ римской строгой теоріи болѣе или менѣе существенныя отступленія, дополнивъ или видоизмѣнивъ ее новыми элементами.

Чтобы составить себѣ наглядную картину отношенія этихъ кодексовъ и законодательствъ къ римскому праву и степени ихъ отличія отъ него, рекапитулируемъ схематически основныя положенія строгой теоріи и затѣмъ отмѣтимъ, въ которомъ или которыхъ изъ нихъ новыя законодательства сдѣлали отступленія.

Схема основныхъ положеній строгой теоріи изображается слѣдующимъ образомъ:

ниже). А если такъ, то для права намыва въ общемъ русскомъ гражданскомъ правѣ должны быть сдѣланы дальнѣйшіе выводы: что 1) по русскому праву пространственныя границы, въ которыхъ намывъ можетъ быть пріобрѣтенъ, опредѣляются границами принадлежности рѣчнаго дна береговымъ владѣльцамъ (какъ въ частно-владѣльческихъ рѣкахъ по праву римскому, выше, стр. 30) и 2) что въ русскомъ правѣ долженъ быть принимаемъ общій, однообразный законъ для намыва въ публичныхъ (государственныхъ) и частновладѣльческихъ рѣкахъ.

[3]) Разныя мнѣнія относительно юридической квалификаціи русла публичныхъ рѣкъ по саксонскому праву см. Rissmann: „Das Wasserrecht nach gemeinem und Königlich Sächsischem Rechte“, стр. 21; Leuthold: „Das Wasserrecht in Königreich Sachsen“, стр. 33 слл.; Grützmann: „Lehrbuch des Sächsichen Privatrechts“ I, § 64, Anm. 3.

I. Русло публичной рѣки является постоянно и неизмѣнно государственной собственностью: каждая частица частной земли, занятая рѣкою, измѣнившею теченіе, подъ свое русло, eo ipso превращается въ государственную собственность*).

II. Старое, оставленное, русло становится ipso iure достояніемъ прибрежныхъ владѣльцевъ**). Это положеніе имѣетъ въ римскомъ правѣ еще одну варіацію (которая выработалась въ позднѣйшемъ правѣ размежеванныхъ земель)—alveus derelictus становится достояніемъ прибрежныхъ владѣльцевъ путемъ оккупаціи***). Отмѣтимъ это видоизмѣненіе положенія II римскимъ IIa.

III. Такъ какъ острова, въ публичныхъ рѣкахъ возникающіе, представляются лишь особыми случаями осушенія рѣчнаго русла, то и они подлежатъ пріобрѣтенію со стороны прибрежныхъ владѣльцевъ. Это пріобрѣтеніе, сообразно различію въ основныхъ положеніяхъ II и IIa, тоже можетъ происходить или ipso iure (отмѣчаемъ этотъ случай положеніемъ III)****), или путемъ захвата (отмѣчаемъ этотъ второй случай римскимъ IIIa)*****).

IV. Русло и острова раздѣляются: между владѣльцами противолежащихъ береговъ при посредствѣ линіи, проходящей вдоль середины рѣки; между-же владѣльцами конкурентами на пріобрѣтеніе, расположенными на одномъ берегу,—помощью перпендикуляровъ, опущенныхъ изъ крайнихъ точекъ протяженія отдѣльныхъ владѣній по берегу на среднюю линію******).

---

*) Выше, вып. I, стрр. 69—70.

**) Ibid., стр. 73.

***) Выше, стр. 293.

****) Вып. I, стр. 75—76.

*****) Выше, стр. 293.

******) Вып. I-ый, стр. 100.

Совокупность этихъ положеній, дающихъ содержаніе понятію строгой теоріи — ius alluvionis —, не примѣнялась къ передвиженію своихъ вмѣстилищъ озерами и болотами*); но въ общемъ находила примѣненіе по отношенію къ колебаніямъ уровня моря**).

Положеніе I-ое усвоено всѣми разсматриваемыми нами законодательствами: Прусск. L. R. II, 14, § 21; C. C. Art. 538; D. allg. b. G. B. Oesterr., § 287; Голландскимъ кодексомъ, Art. 577; Баварскимъ воднымъ закономъ 28-го Мая 1852-го года, Art. 1-7[4]), и проэктомъ Прусскаго воднаго закона, § 10.

II-ое положеніе, въ формѣ IIa, принято за основаніе *Прусскимъ* кодексомъ. Но на ряду съ нимъ этотъ кедексъ представляетъ весьма существенное нововведеніе: а именно, онъ говоритъ — I, 9, § 270; срвн. § 244—263, — что обсохшее русло раньше всего подлежитъ пріобрѣтенію со стороны прибрежныхъ владѣльцевъ путемъ захвата, *но если кто отъ измѣненія рѣкою своего теченія понесъ потери, то тотъ имѣетъ право требовать вознагражденія изъ стараго русла по мѣрѣ своихъ убытковъ* — ibidem §§ 263. 264. 271. 273. Въ этомъ обнаруживается совершенно чуждая римскому праву идея о вознагражденіи владѣльца, терпящаго отъ измѣненія рѣкою своего теченія, изъ оставленнаго русла. Въ то время, какъ римское право стремилось доставить эквивалентъ частному собственнику, земля котораго была превращена публичною рѣкою въ государственное достояніе, лишь въ качествѣ прибрежнаго владѣльца, достигнуть уравненія вреда, претерпѣваемаго частными владѣльцами отъ публикаціи рѣками ихъ земель, съ выгодою, получаемою ими отъ пріобрѣтенія русла и острововъ въ общей массѣ случаевъ измѣненія рѣками своего

*) Ibid., стр. 166.

**) Ibid., стр. 157.

[4]) Иначе, однако, Dollmann въ своемъ комментаріи къ этому закону подъ Art. 1. (Gesetzgebung des Königreichs Bayern т. II, ч. 1).

теченія*),—прусское право стремится къ справедливому вознагражденію каждаго владѣльца въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, независимо отъ его квалификаціи какъ прибрежнаго владѣльца. Юридическая судьба островов опредѣляется въ прусскомъ правѣ римскимъ положеніемъ IIIa (§ 244). Въ вопросѣ о раздѣленіи оставленнаго русла и островов, поскольку оно имѣетъ мѣсто, прусскимъ правомъ приняты римскія начала IV, которыя въ немъ только точнѣе опредѣлены (§ 247 cit. слл.)[5]).

Постановленія Австрійскаго права въ общемъ сходны съ только что изложенными прусскими. Въ Австрійскомъ кодексѣ повторяется идея о вознагражденіи изъ стараго русла, которая комбинируется съ римскими началами, а именно: раньше всего оставленное русло поступаетъ на вознагражденіе владѣльца, потерпѣвшаго отъ измѣненія рѣкою своего теченія (§ 409). In subsidium усвоено положеніе строгой теоріи II съ римскими началами дѣлежа оставленнаго русла (IV)—§ 410, срвн. § 407.

Выводъ III, который дѣлается изъ положенія II въ строгой теоріи, Австрійское право не принимаетъ, а объявляетъ острова, въ публичныхъ рѣкахъ возникающіе, (на основаніи Гофъ-декрета 28-го Декабря 1842 г.) за государственное достояніе.

Далѣе всего уклонились отъ строгой теоріи Code Civil, голландскій Burgerlijk Wetboek, Баварскій водный законъ и новый проэктъ воднаго закона для Пруссіи. При опредѣленіи судьбы оставленнаго русла эти законодательства исключительно руководствуются положеніемъ о вознагражденіи изъ него владѣльца, потерпѣвшаго отъ измѣненія рѣкою своего теченія (C. C, Art. 563; B. Wetb., Art. 647; Баварск. водн.

---

[5]) Dernburg: „Lehrbuch des Preuss. Privatrechts" I, § 237.

*) Вып. I, стрр. 89. 95, примѣч. 21. 98.

зак., Art. 27; Прусск. проектъ, § 16). Острова, въ публичныхъ рѣкахъ возникающіе, объявляются ими за государственную собственность: C. C., Art. 560; B. Wetb., Art. 646; Баварск. Зак., Art. 28; Прусск. проэктъ, § 15. Благодаря этимъ опредѣленіямъ въ послѣднихъ названныхъ законодательствахъ римскія правила о дѣлежѣ русла и острововъ между прибрежными владѣльцами отпадаютъ[6] [7]).

---

[6]) Замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ новыхъ законодательствъ содержатъ опредѣленія объ островахъ, возникающихъ въ частныхъ рѣкахъ, и тутъ ими повторяются римскія начала дѣлежа: Срвн., напримѣръ, C. C., 561; Burg., Wetb. 644; срвн. Codice Civile, Art. 458; Австр., § 407. Опредѣленія эти, собственно, совершенно излишни: пріобрѣтеніе островов, въ частныхъ рѣкахъ возникающихъ, и соотвѣтствующее дѣленіе между прибрежными владѣльцами есть слѣдствіе ихъ права собственности на рѣчное дно и границъ этого права собственности — слѣдовательно опредѣленія эти подразумѣваются сами-собою.

[7]) Какъ обсуждаются юридическая природа русла публичныхъ рѣкъ и острова, въ публичныхъ рѣкахъ возникающіе, *по общему русскому гражданскому праву Свода?* Кардинальный вопросъ здѣсь—вопросъ *объ юридической квалификаціи русла публичныхъ рѣкъ.* Не легко разобраться въ немъ на страницахъ X-го тома, ч. 1-ой.

Ст. 406, которая представляетъ лишь отдѣлку подъ Полное Собраніе Законовъ Artt. 538 и 539 C. C., объявляетъ, согласно своему источнику, судоходныя рѣки за государственныя имущества. Этому противорѣчитъ цитир. выше (примѣч. 2) ст. 426, присуждающая обсохшее рѣчное дно береговому владѣльцу „по праву собственности" („по силѣ сего права"—сопост. ст. 425). Не вяжется также со ст. 406-ою отнесеніе проѣзда по водянымъ сообщеніямъ къ правамъ участія общаго ст-ею 434, ибо права участія въ общей связи ученія о нихъ X-го тома предполагаютъ ограниченіе частной собственности, а отнюдь не ограниченіе собственности государства въ такихъ объектахъ, которые по природѣ своей предназначены для общественнаго пользованія. Кассаціонная практика Правительствующаго Сената отдаетъ предпочтеніе стт. 426 и 434 и полагаетъ, что рѣки и ихъ берега, находящіеся въ предѣлахъ частныхъ имѣній, принадлежатъ не казнѣ, а собственникамъ этихъ имѣній, лишь съ *ограниченіемъ ихъ права собственности* правомъ *участія общаго* 82/90. Въ этомъ положеніи Сената, хотя по интересующему насъ вопросу твердаго судебно-обычнаго права и не сложилось, нужно видѣть вполнѣ удачный и, какъ кажется, единственно возможный выходъ изъ непримиримаго противорѣчія въ законѣ. Его слѣдуетъ принять къ руководству. Въ кругу элементовъ римскаго права разбираемое положеніе Сенатской практики соотвѣтствуетъ Лабеоновой, гуманной теоріи; значитъ и у насъ юридическое свойство русла публичной рѣки сообразуется со свойствомъ почвы, по которой рѣка пролегаетъ своимъ теченіемъ: дно публичной рѣки, смотря по юридическому свойству почвы, по которой

Введеніе.

§ 1. *Религія и религіозное общество.* Слово: religio производилось латинскими писателями то отъ religere (Цицеронъ), то отъ religare (Лактанцій). По первому словопроизводству, въ словѣ: religio выражается та идея, что человѣкъ *избираетъ* себѣ Бога, какъ высшее благо, къ достиженію котораго онъ стремится и въ достиженіи котораго находитъ себѣ успокоеніе. По другому словопроизводству, religio выражаетъ собою идею *связи* или соединенія человѣка съ высшимъ Существомъ. Послѣднее словопроизводство считается болѣе правильнымъ. По своему содержанію, религія есть совокупность представленій о Богѣ и Его отношеніяхъ къ человѣку, коренящаяся во врожденномъ человѣческой природѣ чувствѣ зависимости отъ Высшаго Существа и выражающаяся въ культѣ, т. е. въ актахъ внѣшняго богопочтенія. Разсматриваемая какъ совокупность индивидуальныхъ представленій и индивидуальныхъ способовъ выраженія богопочтенія, религія могла бы оставаться достояніемъ каждаго отдѣльнаго человѣка, слѣдовательно религіей *въ субъективномъ смыслѣ*, которая разнообразилась бы по различію субъектовъ. Но въ исторіи человѣчества всегда проявлялось стремленіе къ *объективной* религіи, содержаніе которой почерпается не изъ индивидуальныхъ представленій и дѣйствій отдѣльнаго лица, а изъ откровенія самаго Божества. Объективная религія, распространяющая свою силу на бóльшую или меньшую массу людей, связуетъ ихъ не только съ Богомъ, какъ предметомъ религіознаго поклоненія, но и между собою, какъ исповѣдующихъ однѣ и тѣже истины и принадлежащихъ къ одному и тому же религіозному общенію. Впрочемъ, въ до-христіанскомъ мірѣ религіозный союзъ совпадалъ съ національнымъ и съ политическимъ, такъ что не только одни и тѣже лица были членами и религіознаго, и національнаго или политическаго союза, но и самая религія обык-

новенно разсматривалась какъ исключительное достоянiе отдѣльнаго народа или государства. Такова напр., еврейская религiя или древне-римская. Въ римскомъ государствѣ позднѣйшаго времени, подчинившемъ себѣ множество народовъ, совпаденiя религiознаго союза съ нацiональнымъ, конечно, не могло быть, ибо римляне, покоряя народы, включали боговъ ихъ въ свой пантеонъ и такимъ образомъ давали возможность нацiональному культу распространиться далѣе нацiональныхъ границъ. Но совпаденiе религiознаго союза съ политическимъ наблюдается и въ позднѣйшей римской исторiи, такъ какъ, оставляя за покоренными народами свободу ихъ отечественнаго культа, римляне распространяли на нихъ римскiй императорскiй культъ, который долженъ былъ связывать всѣхъ гражданъ римской имперiи, къ какому бы они народу не принадлежали. То же самое совпаденiе религiознаго съ политическимъ наблюдается въ магометанствѣ, явившемся уже на глазахъ христiанской исторiи: распространенiе религiи Магомета означало вмѣстѣ съ тѣмъ распространенiе огнемъ и мечемъ политическаго господства преемниковъ пророка и наоборотъ.

§ 2. Христiанская религiя и христiанское религiозное общество или церковь. Христiанская религiя, виновникъ которой есть Iисусъ Христосъ Сынъ Божiй, содержитъ въ себѣ объективно данныя для всего человѣчества истины, какъ теоретическiя, воспринимаемыя познавательною способностью человѣка, такъ и практическiя, т. е. нравственное ученiе, выражаемое въ жизни соотвѣтствующимъ образомъ дѣйствiй. Истины теоретическiя имѣютъ въ своей основѣ вѣру въ Трiединаго Бога и въ искупленiе падшаго человѣчества Сыномъ Божiимъ. Истины практическiя сводятся къ двумъ главнымъ евангельскимъ заповѣдямъ: любить Бога болѣе всего и ближняго, какъ себя самаго. Какъ совокупность объективно данныхъ, т. е. почерпаемыхъ изъ божественнаго откровенiя истинъ, христiанская религiя связываетъ въ одно общенiе всѣхъ исповѣдующихъ её, а такъ какъ Сынъ Божiй пришелъ на землю для спасенiя всего падшаго человѣчества и заповѣдалъ своимъ ученикамъ проповѣдывать Евангелiе всѣмъ народамъ, то христiанская религiя слѣдовательно не можетъ остаться исключительнымъ достоянiемъ одного какого-либо народа, или вступить въ исключительную связь съ однимъ какимъ-либо политическимъ организмомъ, а

предназначена для всего человѣчества и имѣетъ распространиться по всему міру. Кромѣ того, даже и среди даннаго народа или въ предѣлахъ даннаго государства, исповѣдующаго христіанскую религію, могутъ существовать различныя религіозныя ученія, ибо усвоеніе христіанской религіи должно вытекать изъ внутренняго настроенія и сердечнаго расположенія, а не изъ внѣшняго принужденія. Поэтому для государствъ христіанской цивилизаціи перестало быть неизбѣжнымъ сліяніе религіознаго союза съ политическимъ, хотя и въ исторіи христіанства рядъ столѣтій отмѣченъ былъ стремленіемъ слить государство и церковь въ одинъ организмъ (см. ниже § 124 и сл.).

Союзъ людей, исповѣдующихъ христіанскую религію, въ отличіе отъ національныхъ и политическихъ союзовъ, называется *церковью.* Слово: церковь у славянскихъ народовъ (црква, циркевь) и у германскихъ (Kirche, англійск. church) производится отъ греческаго прилагательнаго κυριακὴ т. е. οἰκία или κυριακὸν т. е. οἰκίον, что значитъ: домъ Господень. У римлянъ же и у романскихъ народовъ слово, которымъ обозначается понятіе христіанскаго религіознаго союза, произведено отъ греческаго ἐκκλησία (ecclesia, iglesia, l'église, chiesa), что означаетъ правильно созванное общественное или народное собраніе (отъ ἐκκαλεῖν), въ противоположность безпорядочному скопищу. При томъ и другомъ словопроизводствѣ выдвигается на первый планъ одна которая либо изъ двухъ сторонъ въ понятіи христіанской церкви: церковь можетъ быть разсматриваема не только какъ общеніе или союзъ людей, исповѣдующихъ ученіе Христово, собраніе или общество (ἐκκλησία), порождаемое вѣрою въ это ученіе, но и какъ домъ Божій (κυριακόν) въ смыслѣ учрежденія, имѣющаго дѣйствовать до конца міра съ цѣлію распространенія христіанской вѣры и насажденія христіанской жизни между людьми. Оттого въ обыкновенномъ словоупотребленіи церковью же принято называть и храмъ, какъ учрежденіе, служащее для богослужебнаго собранія вѣрующихъ, для проповѣди и для насажденія христіанской жизни. Въ самомъ св. Писаніи употребленное слово: ἐκκλησία въ однихъ случаяхъ указываетъ болѣе на ея общественную сторону, въ другихъ на институтную. Господь дважды употребилъ слово: ἐκκλησία,—въ одномъ случаѣ въ смыслѣ *учрежденія*, имѣющаго существовать непоко-

лебимо до конца міра (Матѳ. XVI, 18: „Азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду *церковь* Мою, и врата адовы не одолѣютъ ей“), въ другой разъ въ смыслѣ мѣстной христіанской общины (Матѳ. XVIII, 17: „аще не послушаетъ ихъ (т. е. двухъ или трехъ свидѣтелей), скажи *церкви*, аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь“). Равнымъ образомъ и апостолы употребляли слово: ἐκκλησία то въ смыслѣ непоколебимаго учрежденія для истинной вѣры (1 Тим. III, 15; ср. Колоссян. I, 24—25), то въ смыслѣ мѣстной христіанской общины (Дѣян. II, 47; V, 11; XVIII, 22; Галат. I, 13; Римл. XVI, 16; 1 Коринѳян. X, 32; 3 Іоан. 5, 6 и 9 и др.), даже въ смыслѣ христіанской семьи, или совокупности домочадцевъ, какъ домашней церкви (Римл. XVI, 4), то наконецъ въ смыслѣ союза всѣхъ вообще христіанъ, какъ членовъ въ тѣлѣ Христовомъ (1 Кор. XII, 25; Ефес. V, 21—32). Для обозначенія церкви въ послѣднемъ смыслѣ сдѣлалось обычнымъ употребленное однимъ изъ апостольскихъ учениковъ, св. Игнатіемъ антіохійскимъ выраженіе: „Церковь каѳолическая или католическая (ἐκκλησία καθολική)“. Этимъ выраженіемъ первоначально имѣлось въ виду оттѣнить различіе между цѣлымъ христіанствомъ, обнимающимъ всѣ христіанскія общины, и между отдѣльною общиною; впослѣдствіи же, позднѣйшіе церковные писатели, со времени Августина, стали связывать съ означеннымъ выраженіемъ мысль о повсемѣстномъ распространеніи христіанской церкви *по цѣлому міру* (καθ' ὅλον κόσμον) [1]. На славянскомъ языкѣ выраженіе: ἐκκλησία καθολική переводится словами: „церковь соборная“, какъ напр. въ IX членѣ символа вѣры (Εἰς μίαν ἁγίαν καθολικὴν καὶ ἀποστολικὴν ἐκκλησίαν—во едину святую *соборную* и апостольскую церковь).

Но хотя христіанская церковь есть церковь всемірная или міровая, національныя особенности христіанскихъ народовъ про-

---

[1]) Въ греческомъ словоупотребленіи ἐκκλησία καθολική принималась часто въ весьма тѣсномъ значеніи епископскаго каѳедральнаго храма, или даже приходскаго храма, въ которомъ можетъ быть совершаемо крещеніе, въ отличіе отъ молитвеннаго дома. Такъ въ трульск. 59. См. объ этомъ монографію одного стариннаго итальянскаго ученаго *Morisani*: „De protopapis et deutereis graecorum et catholicis eorum ecclesiis“. Neapoli, 1768.

явились и въ нѣдрахъ церкви различіемъ направленій въ христіанскомъ мышленіи и въ христіанской дѣятельности, различіемъ въ обрядахъ и въ организаціи, а въ связи съ другими причинами, каковы заблужденія, злоупотребленія и человѣческія страсти, повели къ религіознымъ раздѣленіямъ. Уже въ глубокой древности, во времена борьбы православія съ монофизитами, въ нѣкоторыхъ восточныхъ странахъ (Сирія, Арменія, Египетъ, Абиссинія) образовались національныя церкви, точно такъ же какъ и въ позднѣйшія времена сила національностей проявилась на востокѣ въ образованіи православныхъ автокефальныхъ церквей. Въ IX—XI вв. латинскій западъ отдѣлился отъ эллинизованнаго востока, а позднѣе на западѣ самомъ произошло раздѣленіе между романскимъ католицизмомъ и германскимъ протестантизмомъ, изъ которыхъ послѣдній опять развѣтвился по разнымъ направленіямъ съ извѣстнымъ національнымъ оттѣнкомъ. Такимъ образомъ христіанскій религіозный союзъ въ дѣйствительности распался на нѣсколько союзовъ или церквей, изъ которыхъ важнѣйшее историческое значеніе имѣютъ: церковь восточно-католическая или православная, церковь западно-католическая или римская и церковь евангелическая въ двухъ главныхъ ея вѣтвяхъ—протестантской и реформатской. Изъ названныхъ церквей только римско-католическая имѣетъ организацію, обнимающую всѣхъ католиковъ земнаго шара, съ постоянною высшею властію въ лицѣ римскаго епископа. Напротивъ, евангелическая церковь не только не имѣетъ такой общей, обнимающей всѣхъ евангелическихъ христіанъ, организаціи, но и принципіально отвергаетъ необходимость соединенія отдѣльныхъ евангелическихъ церквей въ одно цѣлое, такъ что въ предѣлахъ даже одного государства можетъ существовать нѣсколько обособленныхъ религіозныхъ союзовъ или церквей одного и того же вѣроисповѣданія. Съ точки зрѣнія православной богословской теоріи, вселенскій соборъ есть высшая и единственная церковно-устройственная форма, связующая и объединяющая всѣ православныя церковныя общины во всѣхъ странахъ; въ дѣйствительности же, такъ какъ вселенскіе соборы втеченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтія не созывались, православныя автокефальныя церкви въ разныхъ странахъ существуютъ какъ обособленные и самостоятельные религіозные союзы.

§ 3. Церковь въ области права. Церковное право въ объективномъ смыслѣ *). Если религія, какъ общеніе или связь христіанина съ Христомъ, или человѣка съ Богомъ, не имѣетъ юридическаго характера, то, напротивъ, соединеніе людей съ людьми, какъ общество, созданное силою объективной религіи и какъ внѣшнее учрежденіе для распространенія и насажденія этой религіи, не можетъ стоять внѣ области права. Какъ общество, христіанская церковь состоитъ изъ отдѣльныхъ членовъ, связанныхъ объективною религіею въ одну общественную организацію съ извѣстною сферою дѣятельности для каждаго органа и съ извѣстными отношеніями правительственной власти съ одной стороны и подчиненности съ другой. Какъ учрежденіе, церковь предполагаетъ рядъ мѣръ, направляемыхъ къ осуществленію ея задачъ, и совокупность средствъ, служащихъ той же самой цѣли. Регулированіе, т. е. упорядоченіе сферъ дѣятельности, отношеній власти и подчиненности, мѣръ и средствъ къ достиженію церковныхъ задачъ, требуетъ порядка права. Кромѣ того, церковь, въ смыслѣ обособленной единицы, не можетъ стоять внѣ отношеній къ другимъ человѣческимъ союзамъ, политическимъ и религіознымъ, а также къ отдѣльнымъ лицамъ, внѣ церкви находящимся, каковыя отношенія равнымъ образомъ требуютъ юридическаго нормированія. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что церковныя отношенія, составляющія матеріалъ для юридическаго нормированія, суть или внутреннія отношенія въ церкви самой, или внѣшнія, порождаемыя соприкосновеніемъ церкви,

---

*) Литература: *Puchta,* Einleitung in das Recht der Kirche, Leipzig, 1842; *Ernst Meier,* Die Rechtsbildung im Staat und Kirche, Berl. 1861; *Gerlach,* Logisch-juristische Abhandlung über die Definition des Kirchenrechts, Paderborn, 1862; *Gross,* Zur Begriffsbestimmung und Würdigung des Kirchenrechts, Gratz, 1872; *Otto Meier,* Ist das Recht einer freien Vereinskirche Recht im juristischen Sinne? (Zeitschrift für Kirchenrecht, B. XI); *O. Meier,* Lehrbuch des Kirchenrechts, Göttingen, 1869. § 4. *Scheurl,* Die Selbststandigkeit des Kirchenrechts (Zeitschr. f. Kirchenrecht, XII); *Bierling,* Das Wesen des positiven Rechts und das Kirchenrecht (Zeitschr. f. Kirchenrecht, XIII); *Schulte,* Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts, Stuttgart, 1875, B. I, S. 32; *Richter,* Lehrbuch der Kirchenrechts, 8 Aufl. § 3; *Rudolf Sohm,* Kirchenrecht, B. 1, Leipzig, 1892, вступленіе и § 1 и сл.; *Bierling,* Juristische Principienlehre, B. I, 1894, стр. 22 и сл. 49 и сл. *Wilh. Kahl,* Lehrsystem des Kirchenrechts und der Kirchenpolitik. I. стр. 51 и сл. *Суворовъ,* Вступительная лекція по церковному праву (Временникъ Демид. Юрид. Лицея кн. 65). *Заозерскій,* Право православной греко-восточной церкви, какъ предметъ спеціальной юридической науки. Москва, 1888. Проф. *Шершеневичъ,* Опредѣленіе понятія о правѣ. Казань, 1896, стр. 79 и слѣд.

какъ общественнаго союза, съ внѣ ея находящимися общественными же союзами и отдѣльными лицами. Тѣ и другія отношенія нормируются церковнымъ правомъ въ объективномъ смыслѣ. Слѣдовательно церковное право въ объективномъ смыслѣ, въ отличіе отъ субъективнаго права или правомочія, принадлежащаго отдѣльному лицу, есть совокупность нормъ, устанавливаемыхъ для опредѣленія и упорядоченія церковныхъ отношеній. По различію отношеній, внутреннихъ и внѣшнихъ, церковное право въ объективномъ смыслѣ есть или внутреннее церковное право (jus ecclesiasticum internum), которое иначе можно назвать церковнымъ правомъ въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ, или внѣшнее церковное право (jus ecclesiasticum externum), которое распадается на государственно-церковное право (Staatskirchenrecht) и междувѣроисповѣдное право (Jnterconfessionellrecht).

Было высказано мнѣніе, что церковно-правовыя нормы, сами по себѣ, не имѣютъ вынудимости, а получаютъ таковую лишь вслѣдствіе государственнаго предписанія и государственнаго принужденія, а поэтому и юридическій характеръ церковныя нормы получаютъ лишь благодаря этому государственному утвержденію и принужденію. Въ основѣ этого мнѣнія лежитъ очевидно взглядъ, что право становится правомъ только благодаря принужденію, обезпечиваемому за нимъ со стороны государства; но этотъ взглядъ долженъ быть признанъ ошибочнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Принужденіе не есть существенный элементъ въ понятіи права и не есть критерій для различенія права отъ неправа: не все то, что вынудимо, есть право, и внѣшнимъ принужденіемъ лишь предполагается внутренняя разумная и правомѣрная необходимость того порядка, который поддерживается посредствомъ принужденія. Принужденіе является лишь внѣшнею гарантіею осуществленія права, крайнимъ средствомъ къ тому, чтобы придать праву исполнительную силу. Не можетъ быть прочнымъ юридическій порядокъ, который бы держался только на силѣ и на страхѣ принужденія. Высшая гарантія права заключается не въ силѣ и не въ страхѣ, а въ томъ стремленіи къ справедливому и должному, въ томъ чувствѣ почтенія къ высшему авторитету, которыя вытекаютъ изъ этическихъ требованій человѣческой природы, на которыхъ зиждется человѣческое общежитіе и которыя выражены въ извѣстныхъ словахъ апостола: должно повиноваться „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“ (Римл. XIII, 5).

2) Безспорно, что право вообще, не исключая и церковнаго, поскольку оно есть именно право, а не мораль, стремится къ практиче-

скому осуществленію даже и при отсутствіи добровольнаго подчиненія отдѣльной воли объективной нормѣ. Но государственное утвержденіе и принужденіе не есть единственное средство и единственный путь къ этому практическому осуществленію. Кромѣ того, что страхъ божественнаго возмездія придаетъ въ глазахъ вѣрующаго человѣка нудящую силу предписаніямъ церкви, съ принадлежностью къ церкви связывается пользованіе церковными дарами, благами и правами, и поставленіе пользованія ими въ зависимость отъ соблюденія церковныхъ требованій даетъ возможность церкви образовать цѣлую совокупность своихъ дисциплинарныхъ мѣръ, которыя, безъ обращенія за помощію къ государству, могутъ понуждать людей къ соблюденію церковныхъ предписаній на случай, если бы не послѣдовало добровольнаго подчиненія требованіямъ церковнаго порядка.

3) Исторія и дѣйствительная жизнь настоящаго времени свидѣтельствуютъ о томъ, что возможно существованіе церковнаго порядка безъ принудительной поддержки его со стороны государства. Такъ было въ первые вѣка христіанства до Константина Великаго и такъ есть въ настоящее время въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Да и въ европейскихъ государствахъ нѣкоторыя церковныя нормы могутъ не пользоваться поддержкою государства, напр. церковное благословеніе браковъ, безбрачіе духовенства и обѣтъ монашества, квалификація, необходимая для занятія церковныхъ должностей, взглядъ на ересь, расколъ, отступленіе отъ вѣры, нарушеніе тайны исповѣди, какъ на преступленія, и тѣмъ не менѣе самыя нормы церковныя остаются юридическими нормами.

4) При разсмотрѣніи вопроса о юридическомъ или неюридическомъ характерѣ нормъ церковнаго права, слѣдуетъ принимать во вниманіе положеніе монарха въ церкви. Только католицизму свойственно принципіальное отрицаніе церковной власти монарха, какъ мірянина, съ признаніемъ за нимъ отчасти этой власти лишь въ силу особаго соглашенія съ папой (конкордата). Въ церквахъ, представляющихъ собою самостоятельные юридическіе организмы, не связанные общими формами устройства, нѣтъ какой либо высшей власти, которой бы подчинялись самостоятельныя церкви. Здѣсь монархъ, какъ глава народа, есть вмѣстѣ и глава народной церкви, какъ юридическаго порядка, причемъ слѣдовательно церковныя нормы, имѣющія утвержденіе монарха, и распоряженія по церковному управленію, состоявшіяся по повелѣнію монарха, не могутъ не имѣть юридической силы, хотя бы санкція монарха осталась чисто церковной санкціей, не совпадая и не соединяясь съ санкціей государственной. И въ древней церкви періода вселенскихъ соборовъ, т. е. въ церкви римской имперіи, которая считала себя всемірною, христіанскій императоръ не только входилъ, какъ одинъ изъ элементовъ, въ церковное устройство, но и былъ гла-

вой церковнаго правительства; только церковная санкція римскаго христіанскаго императора была вмѣстѣ и государственнымъ утвержденіемъ. А въ средніе вѣка на западѣ государственная власть дѣйствовала даже какъ *исполнительница* церковныхъ велѣній. По мѣрѣ развитія политическихъ понятій, прогрессъ времени долженъ состоять въ обособленіи санкцій церковной и государственной, а не въ отрицаніи за церковными нормами юридическаго характера. Такъ дѣйствительно и было въ позднѣйшей исторіи: по мѣрѣ развитія политической мысли, выяснялось болѣе и болѣе, что ни церковь не можетъ быть сливаема съ государствомъ, ни церковная санкція не можетъ быть смѣшиваема съ государственной санкціей, хотя бы та и другая санкція исходила отъ монарха.

Возраженія противъ церковнаго права возможны еще и съ другой стороны, какъ показалъ примѣръ одного изъ извѣстнѣйшихъ историковъ права Руд. Зома, который подвергъ оспариванію не юридическій характеръ церковнаго права, исторически развившагося и въ дѣствительности существующаго, а самую необходимость и разумное оправданіе церковнаго права. По словамъ Зома, весь необозримый матеріалъ, который представляетъ намъ историческое развитіе церковнаго права, освѣщается одною руководящею мыслію: церковное право стоитъ въ противорѣчіи съ существомъ церкви. Существо церкви—духовное, существо права—мірское. Церковь желаетъ быть управляемою и руководимою водительствомъ Св. Духа; право же всегда можетъ быть лишь продуктомъ человѣческаго господства. Церковь привязана къ матеріальной истинѣ, т. е. къ тому, что на самомъ дѣлѣ проповѣдуется какъ истинное слово Божіе и истинная воля Божія; напротивъ, право принципіально привязано къ формѣ, и притомъ же, хотя оно, по своему понятію, и не требуетъ принужденія, но все-таки стремится къ обязательному осуществленію, между тѣмъ какъ существо церкви отвращается отъ принужденія, ибо только свободное усвоеніе божественнаго имѣетъ духовную цѣну. Всего же болѣе Зомъ дѣлаетъ удареніе на томъ, что церковь есть христіанство, народъ Божій, царство Божіе, тѣло Христово на землѣ; но немыслимо, чтобы царство Божіе носило на себѣ человѣческія (юридическія) устройственныя формы, чтобы тѣло Христово подлежало человѣческому (юридическому) господству. До сихъ поръ, не говоря о католической церковной наукѣ, которая считаетъ юридическій порядокъ неизбѣжно необходимымъ для церкви, даже и протестанты, не смотря на ихъ ученіе о невидимой церкви, держались того взгляда, что юридическій порядокъ соотвѣтствуетъ существу церкви, даже требуется существомъ церкви. Зомъ отвергаетъ этотъ взглядъ; по его мнѣнію, вся исторія церковнаго права свидѣтельствуетъ о томъ, что церковь, „въ силу ея существа, не хочетъ никакого церковнаго права“. Если, не смотря на то, церковное право въ дѣй-

ствительности возникло и образовалось, то это объясняется, по взгляду Зома, маловѣріемъ, которое съ конца I в. потребовало юридическаго порядка. До конца I в. правительство христіанства было непосредственнымъ правительствомъ Самаго Бога, который призывалъ особымъ откровеніемъ одаренныхъ учительною способностію лицъ къ управленію церковному, и повиновеніе такимъ лицамъ было свободнымъ повиновеніемъ любви, а не чѣмъ либо такимъ, что требовалось бы формально-юридическимъ закономъ. Благодаря маловѣрію христіанскихъ эпигоновъ, потребовался именно юридическій порядокъ въ отношеніи къ управленію Евхаристіей и церковнымъ имуществомъ, а изъ этого пункта, по мнѣнію Зома, развилось и все позднѣйшее церковное устройство.—Попытка Зома доказать, что „церковное право противорѣчитъ существу церкви", и что „церковь не хочетъ никакого церковнаго права", не смотря на то, что попытка эта проведена съ большимъ остроуміемъ и съ большимъ знаніемъ древней церковной исторіи, въ настоящее время вообще считается неудавшеюся. Уже въ первомъ вѣкѣ существовали въ разныхъ городахъ римской имперіи христіанскія общества съ руководящимъ авторитетомъ и должностными лицами, слѣдовательно съ извѣстною организаціей. Эти общества исключали изъ своей среды недостойныхъ членовъ и, не смотря на свой „чисто духовный" характеръ, не могли ограничиваться „чисто духовными мѣрами" въ томъ случаѣ, когда исключенные отъ сочленства или удаленные отъ должности заявили бы претензію на участіе въ христіанскихъ собраніяхъ и въ тѣхъ дѣйствіяхъ культа и администраціи, которыя совершались для христіанъ христіанскими должностными лицами. Взаимныя отношенія между должностными лицами (особенно между епископами, когда ихъ было нѣсколько въ общинѣ) могли быть нерегулированы, но это означало лишь неразвитость церковной организаціи, а не полное отсутствіе юридической организаціи. Должностное положеніе извѣстныхъ лицъ въ христіанскихъ общинахъ съ одной стороны давало имъ право на извѣстный образъ дѣйствій, а съ другой обязывало ихъ къ этому образу дѣйствій. И если, въ виду злоупотребленія довѣріемъ христіанъ со стороны разныхъ ложныхъ апостоловъ, пророковъ и учителей, выдававшихъ себя за призванныхъ Богомъ къ учительству, къ управленію Евхаристіей и церковнымъ имуществомъ—примѣры чего представляетъ уже древнѣйшая исторія церкви—сознана была потребность твердо регулированнаго порядка, то установленіе такого порядка было проявленіемъ не „маловѣрія христіанскихъ эпигоновъ", а убѣжденія въ томъ, что церковь, вступая въ историческую жизнь, не можетъ постоянно разсчитывать только на чудеса и на боговдохновенныхъ пророковъ, а должна сама устраивать себѣ правильный порядокъ жизни. Если примѣръ Апостола Петра, поразившаго Ананію и Сапфиру, показываетъ, что апостолы мало нужда-

лись въ юридическомъ порядкѣ, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы и въ послѣ-апостольскія времена порядокъ жизни христіанской долженъ былъ поддерживаться такими же чрезвычайными обнаруженіями божественной силы, какія возможны были для апостоловъ. Если бы члены церкви были совершенными святыми, то пожалуй бы и до сихъ поръ не понадобился церковно-юридическій порядокъ, и если онъ понадобился, то въ этомъ нужно видѣть не проявленіе маловѣрія христіанскихъ эпигоновъ, а историческую необходимость, о которой, впрочемъ, довольно неожиданно говоритъ и самъ Зомъ. Во всякомъ случаѣ установленіе церковно-юридическаго порядка, послѣдовательно развивавшагося и усложнявшагося, не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что „церковь *не хочетъ* никакого церковнаго права“.

§ 4. Дѣленія церковнаго права. Церковное право и каноническое право. Публичный характеръ церковнаго права *). Въ юридической наукѣ принято вообще различать объективное право, смотря по мѣсту его приложенія и по лицамъ, къ которымъ оно прилагается: какъ повсемѣстное (jus universale, commune), или общее (generale) съ одной стороны и—мѣстное (particulare) или особенное и спеціальное (singulare, speciale) съ другой стороны. Такъ какъ христіанскій религіозный союзъ распался на нѣсколько церквей, то подъ универсальнымъ церковнымъ правомъ нельзя разумѣть вселенское, которое бы простирало свое дѣйствіе на всѣ страны христіанскаго міра. Съ точки зрѣнія западно-католической церкви универсальное право есть то, которое исходитъ отъ единой церковной власти и простираетъ свое дѣйствіе на всю западно-католическую церковь, въ отличіе отъ партикулярнаго, составляющаго особенность какой либо отдѣльной католической страны. По отношенію къ евангелическимъ церквамъ не можетъ быть рѣчи о какомъ либо универсальномъ правѣ: если въ юридическомъ порядкѣ отдѣльныхъ церквей есть общія для всѣхъ ихъ нормы, какъ наприм. заимствованныя изъ католическаго Corpus juris canonici, то таковыя общія нормы должны быть разсматриваемы какъ совпадающія, одинаковыя или тождественныя нормы для разныхъ церквей, а не какъ общее право, которое, проистекая изъ обще-

*) *Richter*, Lehrbuch, 7 Aufl. § 3. *Schulte*, Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts, Giessen, 1886, § 2; *Vering*, Lehrbuch des katholischen, orientalischen und protestantischen Kirchenrechts, 3 Aufl. 1893, §§ 5—7; *Lüttgert*, Giebt es ein unmittelbar anwendbares gemeincs evangelisches Kirchenrecht? Bielefeld, 1892.

обязательнаго для всѣхъ церквей источника, на всѣ бы эти церкви и простирало свое дѣйствіе. Что касается автокефальныхъ церквей восточнаго православія, то универсальное или общецерковное право возможно въ принципѣ, какъ плодъ законодательной дѣятельности вселенскаго собора, который имѣлъ бы составиться въ будущемъ. Церковное же право, составляющее плодъ законодательной дѣятельности древнихъ вселенскихъ соборовъ и дѣйствующее въ автокефальныхъ церквахъ постольку, поскольку оно примѣнимо къ измѣнившимся отношеніямъ временъ, мѣстъ и народовъ и поскольку оно утвердилось силою обычая или рецепировано національнымъ законодательствомъ въ той или другой церкви, есть право одинаковое, сходное въ отдѣльныхъ церквахъ, а не право единое или всеобщее или повсемѣстное въ юридическомъ смыслѣ. По лицамъ, къ которымъ прилагается церковное право, оно различается какъ общее или генеральное, дѣйствующее для всѣхъ членовъ церкви, и право сингулярное, которое можетъ относиться къ извѣстнымъ категоріямъ лицъ, каковы напр. бѣлое духовенство, монашество (jus singulare или privilegium въ обширномъ смыслѣ), или относиться къ одному какому либо лицу физическому или юридическому (jus speciale, privilegium въ тѣсномъ смыслѣ).

Церковное право, какъ совокупность нормъ для опредѣленія церковныхъ отношеній, не совпадаетъ съ *каноническимъ* правомъ. Подъ именемъ каноническаго права разумѣется въ восточной церкви то право, которое содержится въ канонахъ періода вселенскихъ соборовъ, а въ западной—право, содержащееся въ Corpus juris canonici. Церковныя отношенія настоящаго времени какъ въ автокефальныхъ церквахъ восточнаго православія, такъ и на западѣ, только отчасти опредѣляются каноническимъ правомъ, главнымъ же образомъ опредѣляются нормами позднѣйшаго происхожденія, какъ церковнаго, такъ и государственнаго. Притомъ въ каноническомъ правѣ, особенно въ западномъ, есть много опредѣленій, не вытекающихъ изъ существа и изъ цѣли церкви и объясняющихся громаднымъ расширеніемъ круга вѣдомства церковнаго суда въ средніе вѣка, въ настоящее же время регулируемыхъ свѣтскимъ правомъ. Jus canonicum, другими словами, есть все то право, которое произошло отъ церкви въ извѣстный историческій пе-

ріодъ ея существованія, независимо отъ содержанія, т. е. отъ того, касается ли оно религіозныхъ или гражданскихъ отношеній (наприм. защиты владѣнія). Напротивъ, jus ecclesiasticum есть все то право, которое существенно касается церкви, какъ религіознаго союза, независимо отъ происхожденія, т. е. отъ того, создано ли оно самою церковью, или государствомъ. Слѣдовательно каноническое право отчасти уже, отчасти шире церковнаго права. Послѣдній терминъ во всякомъ случаѣ долженъ быть предпочтительно рекомендуемъ, какъ болѣе правильный и точный, для обозначенія той совокупности нормъ, которою опредѣляются церковныя отношенія настоящаго времени. Въ церковномъ правѣ нѣтъ надобности различать публичное и частное право, потому что все вообще церковное право носитъ публичный, а не частный характеръ. Осуществленіе или примѣненіе нормъ церковнаго права независитъ отъ произвола отдѣльныхъ лицъ. Даже и тѣ права, которыя церковью признаются за отдѣльными членами, въ смыслѣ субъективныхъ правомочій, обоснованныхъ на объективныхъ нормахъ, носятъ на себѣ публичный характеръ, такъ какъ проникаются идеей не частнаго интереса, а общецерковнаго блага, такъ что наприм. принадлежащее члену церкви право на участіе въ церковныхъ дѣйствіяхъ есть не только право, но и обязанность.

§ 5. *Церковное право, какъ наука. Задача. Отношеніе къ богословію. Система* *). На западѣ церковное право, какъ наука, имѣло весьма продолжительную исторію, начиная съ XII в., когда преподаваніе каноническаго права отдѣлилось отъ теологіи, сначала въ Болоньѣ, позднѣе въ Парижѣ и въ другихъ европейскихъ высшихъ школахъ (studia generalia) или университетахъ, возникавшихъ по болонскому или парижскому образцу. Отдѣленное отъ теологіи, каноническое право вступило въ тѣснѣйшую связь съ юриспруденціей, такъ что уже съ конца XII в. стало обычнымъ

*) *Jacobson,* Das kanon. und kirchenrechtliche Studium sonst und jetzt in Italien, Frankreich u. s. w. (Zeitschrift. f. Kirchenr. I). *Schulte,* Gesch. der Quellen und der Literatur des kanon. Rechts, B. I, § 10, B. II, § 117. Rechtsforschung und Rechtsunterricht auf den deutschen Universitäten, изд. *Otto Fischer,* Berl. 1893. По каждой юридической дисциплинѣ имѣется въ этомъ изданіи небольшая статья; статья о преподаваніи и разработкѣ церковнаго права принадлежитъ Зому. Проф. *Заозерскій,* Право православной греко-восточной русской церкви, какъ предметъ спеціальной юридической науки. Москва, 1888.

для юриста изученіе каноническаго, а для канониста изученіе римскаго права, для того и другаго изученіе utriusque juris, вслѣдствіе чего обычнымъ же сдѣлалось и возведеніе въ ученую степень доктора utriusque juris. Связь между каноническимъ и римскимъ правомъ объясняется тѣмъ, что юристы, изучавшіе римское право, находили между императорскими конституціями массу законовъ по дѣламъ церковнымъ, которая, слѣдовательно, требовала изученія, какъ составная часть римскаго права; а канонисты, изучая и объясняя юридическое положеніе церкви, встрѣчались съ тѣмъ любопытнымъ явленіемъ западной исторіи, что среди германскихъ народовъ, жившихъ по своимъ племеннымъ правамъ (франки, лонгобарды и проч.), церковь и духовенство жили по римскому праву, которое сдѣлалось правомъ церкви и духовенства даже и во многихъ гражданскихъ отношеніяхъ. Чрезвычайное расширеніе затѣмъ круга вѣдомства церковнаго суда въ поздніе средніе вѣка должно было привести къ необходимости примѣнять въ церковныхъ судахъ тоже римское право, причемъ римское право подвергалось нѣкоторымъ модификаціямъ, а эти модификаціи въ свою очередь вліяли и на свѣтскую юриспруденцію легистовъ. Съ XVIII вѣка и особенно въ нынѣшнемъ столѣтіи первое мѣсто въ разработкѣ науки церковнаго права принадлежатъ Германіи съ Австро-Венгріей, гдѣ развитію этой науки весьма много содѣйствовала историческая школа юристовъ, основатель которой К. Ф. Эйхгорнъ составилъ превосходное изложеніе началъ церковнаго права, (Grundsätze des Kirchenrechts der katholischen und evangelischen Religionspartei in Deutschland, 1831—1832). Почетное имя въ наукѣ церковнаго права, какъ и въ юриспруденціи вообще, пріобрѣли себѣ: Фердинандъ Вальтеръ, Георгъ Филлипсъ, Фр. Шульте, Шереръ, Маассенъ, Рихтеръ, Фридбергъ, О. Мейеръ, Гиншіусъ, Ленингъ, Руд. Зомъ, Фил. Цорнъ и друг., извѣстные учеными трудами не только въ области церковнаго, но и въ области государственнаго права, а также въ исторіи римскаго и германскаго права [2]). Въ настоящее время, по выраженію Зома, нѣмецкіе юри-

---

[2]) Лучшія руководства и учебники по церковному праву на нѣмецкомъ языкѣ суть: *F. Walter*, Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen; *G. Phillips*, Kirchenrecht—большое изданіе въ VIII томахъ, и его-же Lehrbuch des Kirchenrechts въ одномъ томѣ, 1881; *Schulte*, Das katholische Kirchenrecht, Th. I (Quellen),

дическіе факультеты суть преимущественные носители (die vornehmsten Träger) науки церковнаго права, какъ католическаго, такъ и евангелическаго. Въ большихъ университетахъ имѣются даже двѣ профессуры церковнаго права, причемъ профессоръ церковнаго права обыкновенно читаетъ и еще какую нибудь другую юридическую дисциплину. Онъ все еще называется „канонистомъ", хотя давнымъ давно преподаетъ уже не „каноническое", а „церковное" право, и хотя его коллеги—цивилисты, процессуалисты, криминалисты—прибавляетъ Зомъ—должны знать и каноническое право, какъ историческое предположеніе нынѣшняго права (именно заключенное въ Corpus juris canonici частное право, процессуальное, уголовное).

На востокѣ наука церковнаго права принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ. Византійскіе канонисты занимались составленіемъ сборниковъ и комментированіемъ заключавшихся въ этихъ сборникахъ каноновъ и законовъ, не доходя до систематическаго изложенія общихъ началъ церковнаго права. Попытки же русскихъ, а равно нѣкоторыхъ иностранныхъ православныхъ канонистовъ представить подобное систематическое изложеніе, предпринятыя лишь въ послѣднее время [3]), не могли еще пока встать

Th. II (System) 1860. 1856; *Schulte*, Lehrb. des kathol. und evangel. Kirchenrechts, 1886; *Scherer*, Handbuch des Kirchenrechtes. Gratz, 1—11 B. 1885—1891; *Hinschius*, System des katholischen Kirchenrechts mit besonderer Rücksicht auf Deutschland. I—V Bd. 1869—1893; *Vering*, Lehrbuch des katholischen, orientalischen und protestantischen Kirchenrechts, Freiburg, 1893; *Richter*, Lehrbuch des kathol. und evangel. Kirchenrechts, 8 Aufl.; *O. Meier*, Lehrbuch des deutschen Kirchenrechts, 1869; *Friedberg*, Lehrbuch des kathol. und evangel. Kirchenr. 4 изд. 1895; *Löning*, Geschichte des deutschen Kirchenrechts. Strassburg, 1878, I—II Bd. *Zorn*, Lehrbuch des Kirchenrechts, Stuttgart, 1888. Кромѣ того, заслуженною извѣстностію пользуются учебники и руководства: Перманедера, Пахмана, Гергенретера, Айхнера (Aichner), Леммера (Laemmer), Герлаха, Зильбернагля, Франца и друг. Въ 1892 г. явился, какъ составная часть предпринятаго Биндингомъ и другими изданія: „Systematisches Handbuch der deutschen Rechtswissenschaft", первый томъ „Церковнаго права" (Kirchenrecht) Руд. Зома. Авторъ стоитъ на оригинальной точкѣ зрѣнія, что церковное право противорѣчитъ существу церкви. Изложенное имъ церковное право первыхъ вѣковъ христіанства имѣетъ большую научную цѣнность. Въ послѣднее время начата печатаніемъ обстоятельная система церковнаго права во французскомъ „Journal du droit canon et de la jurisprudence canonique", подъ заглавіемъ: „Principes du droit canonique". Трудъ этотъ важенъ для ознакомленія съ французскимъ церковнымъ правомъ.

[3]) Преосвящ. *Іоаннъ*, Опытъ курса церков. законовѣдѣнія, т. I—II, Спб. 1852; *А. Шагуна*, Краткое изложеніе каноническаго права единой святой соборной и апостольской церкви (перев. съ румынск.) Спб. 1872; *Соколовъ*, Изъ лекцій по церков-

въ уровень съ научными требованіями, тѣмъ болѣе, что уровень этотъ долженъ быть весьма высокъ, въ виду сложности задачи, подлежащей разрѣшенію русской науки. Центральнымъ пунктомъ научнаго изложенія церковнаго права для русскаго ученаго должно быть русское православное церковное право. Но христіанство и христіанская церковь явились въ мірѣ гораздо раньше, чѣмъ явился на сценѣ исторіи русскій народъ, и въ настоящее время русская церковь есть лишь одна изъ христіанскихъ церквей, и одна изъ частей восточной церкви. Слѣдовательно, *научное изученіе русскаго церковнаго права невозможно, безъ приведенія его въ связь съ древне-христіанскою исторіей и съ общимъ ходомъ развитія церкви на востокѣ и на западѣ.* Что касается въ особенности историческаго развитія западнаго христіанства, то *западная церковная жизнь не только представляетъ массу матеріала, полезнаго для сравненія и объясненія соотвѣтствующихъ явленій въ исторіи русскаго церковнаго права, и не только служитъ ключемъ къ уразумѣнію нѣкоторыхъ церковныхъ институтовъ, явившихся въ русской церкви путемъ заимствованія, но и даетъ возможность сознательно отнестись къ сложившейся на западѣ противоположности двухъ религіозныхъ и церковно-правовыхъ системъ* (католической и евангелической) *и извлечь поучительные уроки изъ всего прошедшаго христіанской церкви, въ сообразность слову апостола: „вся искушающе, добрая держите“* (1 Өессал. V, 21).

ному праву, Москва, 1874 (трудъ неоконченный); *Альбовъ,* Краткій курсъ лекцій по церковному праву, Спб. 1882; *Ник. Ружичичъ,* Номоканонъ Српске цркве, у Београду, 1882; *Бердниковъ,* Краткій курсъ церковнаго права, Казань, 1889 (реценз. мною въ „Юрид. Вѣстн.“ 1888, авг.) и *его же,* Дополненіе къ краткому курсу церк. права. Казань, 1889; *Лашкаревъ,* Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ, 1889; *Н. Милашъ.* Православно-црквено право по обштимъ црквено-правнимъ изворима и пособнимъ законскимъ наредбама и проч. Задаръ, 1890 (реценз. мною въ „Юрид.-Библіогр. изд. при Демид. Лицеѣ“ № 35); *М. Остроумовъ,* Введеніе въ православное церковное право, Харьковъ, 1893 (реценз. мною въ Сборникѣ правовѣд. и общ. знаній, т. IV). Изъ западно-европейскихъ ученыхъ восточное церковное право разработывали въ своихъ руководствахъ въ особенности Вальтеръ, Ленингъ, Гинціусъ, Ферингъ (см. пред. прим.). Что касается монографической разработки, то какъ иностранные (Чижмана, Гергенретера, Гефеле, Функа и др.) такъ и отечественные труды будутъ указаны въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ этого учебника. А равнымъ образомъ ниже будутъ указаны труды знаменитаго византолога Цахаріе-фонъ Лингенталя и другихъ менѣе знаменитыхъ изслѣдователей и издателей памятниковъ восточнаго церковнаго права.

Кромѣ того, русская наука церковнаго права не можетъ обойдтись безъ того, чтобы не воспользоваться выработанными на западѣ научными пріемами, понятіями, категоріями, классификаціями. Итакъ, не теряя изъ вида, что центромъ для русской науки церковнаго права должно служить русское церковное право, русскій канонистъ долженъ расширить свой горизонтъ гораздо дальше предѣловъ русскаго православнаго церковнаго права, тѣмъ болѣе что въ русскомъ государствѣ существуютъ и другія церкви, кромѣ православной, юридическій порядокъ которыхъ также не можетъ быть обойденъ русскою наукой.

Наука церковнаго права есть наука юридическая, а не богословская. Но такъ какъ строй церковнаго организма, въ основныхъ его чертахъ, опредѣляется догматическимъ вѣроисповѣднымъ ученіемъ, составляющимъ предметъ богословія, то указаніе на догматическое ученіе церкви необходимо для пониманія какъ цѣлой системы устройства, такъ и отдѣльныхъ институтовъ. Что касается научной системы изложенія, то въ настоящее время признаны неудовлетворительными какъ средневѣковая декретальная система въ видѣ пяти рубрикъ: judex, judicium, clerus, connubia, crimen, такъ и позднѣйшая институціонная система по схемѣ: personae, res, actiones. Составители учебниковъ и руководствъ по церковному праву, при болѣе или менѣе значительныхъ уклоненіяхъ другъ отъ друга, соображаютъ систему науки съ природою изучаемаго предмета, т. е. церковнаго организма, говоря особо объ устройствѣ, объ управленіи, о внѣшнихъ отношеніяхъ церкви, и присоединяя сюда ученіе объ источникахъ. Настоящій учебникъ, по соображеніямъ отчасти принципіальнымъ, отчасти практическимъ, будетъ содержать въ себѣ слѣдующія части: 1) историческій очеркъ развитія церковнаго устройства, 2) историческій очеркъ развитія источниковъ церковнаго права, 3) догматическое изложеніе церковнаго устройства, 4) церковное управленіе и 5) внѣшнія отношенія церкви.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Историческій обзоръ развитія церковнаго устройства.

Глава I-я.

Церковное устройство въ первые три вѣка христіанства.

§ 6. Устройство христіанскихъ общинъ при апостолахъ *). *Первая* христіанская община образовалась въ *Іерусалимѣ* изъ учениковъ Господа, слѣдовавшихъ за Нимъ при Его жизни, а также изъ новообращенныхъ въ христіанство двукратною проповѣдью апостола Петра и послѣдующими затѣмъ рѣчами и знаменіями апостоловъ. Она состояла подъ руководствомъ апостоловъ, число которыхъ, по предложенію Петра, за выбытіемъ Іуды предателя, было восполнено выборомъ Матѳея еще до сошествія Св. Духа на апостоловъ. Чувство религіознаго одушевленія было такъ сильно

*) *Rothe,* Die Anfänge der christlichen Kirche und ihrer Verfassung, 1837; *Bickell,* Geschichte des Kirchenrechts, B. 1. Abth. 2, 1849; *Neander,* Geschichte der Pflanzung und Leitung der christlichen Kirche durch die Apostel, 1862; *A. Ritschl,* Entstehung der altkatholischen Kirche, 1857; *Thiersch,* Geschichte der christlichen Kirche im Alterthume, Th. 1, 1858; *Lechler,* Das Apostolische und nachapostolische Zeitalter, 1857; *Döllinger,* Christenthum und Kirche in der Zeit der Grundlegung, 1868; *Beyschlag,* Die christliche Gemeindeverfassung im Zeitalter des neuen Testamentes, 1874; *Hatch,* Die Gesellschaftsverfassung der christlichen Kirche im Alterthum, übers. von *Harnack,* 1883; *Harnack,* Die Lehre der zwölf Apostel nebst Untersuchungen zur ällesten Geschichte der Kirchenverfassung und des Kirchenrechts, 1884; *Kühl,* Gemeindeornung in den Pastoralbriefen, 1885; *Hilgenfeld,* Zum Ursprunge des Episcopates (Zeitschr. f. wissenschaftliche Theologie, XXIX Jahrg. Heft 1, Leipzig, 1886); *Weizsäcker,* Das apostolische Zeitalter der christlichen Kirche, 1886; *Löning,* Die Gemeindeverfassung des Urchristenthums, 1889; *Jacquier,* La doctrine de douze apôtres et ses einseignements, 1891; *Sohm,* Kirchenrecht § 3 и сл.; *Sobkowski,* Episcopat und Presbyterat in den ersten christlichen Jahrhunderten, 1893; *Кёстлинъ,* Существо церкви по ученію и исторіи Новаго Завѣта, перев. съ нѣмецк. *Н. Суворова,* 1882. Составл. мною рецензіи сочиненій *Гарнака* и *Киля* см. въ № 2 „Юридич. Библіогр., издав. при Демидовскомъ Лицеѣ“, а сочиненій *Жакье* и *Ленинга* въ № 34 тамъ-же.

въ членахъ новообразовавшагося христіанскаго общенія, что они отказывались отъ частной собственности, продавая кто что имѣлъ и вырученныя деньги принося апостоламъ, съ тѣмъ чтобы имѣть все общее. Такъ какъ, однако, въ общинѣ возникли недоразумѣнія по поводу неравномѣрнаго распредѣленія продовольствія между членами, апостолы предложили общинѣ избрать для хозяйственной администраціи *семь мужей*, исполненныхъ Св. Духа и мудрости, возложили на нихъ руки и предоставили имъ служеніе столамъ, съ тѣмъ чтобы самимъ безпрепятственно проходить служеніе слова (Дѣян. Св. Апост. гл. II—VI), которое и составляетъ сущность апостольскаго призванія, вмѣстѣ съ строительствомъ (управленіемъ) Таинъ Божіихъ (1 Коринѳ. IV, I). За семью лицами, избранными въ первой христіанской общинѣ для хозяйственной администраціи, утвердилось въ позднѣйшей исторіи названіе діаконовъ, въ смыслѣ родоначальниковъ позднѣйшей дьяконской должности, хотя въ книгѣ Дѣяній они не называются этимъ именемъ, и, какъ видно, изъ примѣровъ Стефана и Филиппа, они были апостольски-одаренными мужами, проходившими апостольское служеніе. Изгнаніе христіанъ изъ Іерусалима по смерти Стефана положило конецъ первоначальной организаціи іерусалимской общины. Апостолы и другіе ученики Христа отправились на проповѣдь въ разныя страны, и только нѣкоторые изъ нихъ, и притомъ лишь на время, возвращались въ Іерусалимъ. Должность семи, въ первоначальномъ ея видѣ, прекратилась вмѣстѣ съ общеніемъ имуществъ. Когда же потомъ для христіанъ снова оказалось возможнымъ пребываніе въ Іерусалимѣ, мы находимъ Іакова, брата Господня (не изъ 12 апостоловъ), какъ занимающаго выдающееся положеніе въ общинѣ, и при немъ *пресвитеровъ*, какъ наиболѣе престарѣлыхъ и почтенныхъ членовъ общины, завѣдывавшихъ между прочимъ и тѣмъ дѣломъ, которое раньше находилось въ рукахъ семи, т. е. имущественною администраціей.

Христіанскія общины, возникшія *внѣ Палестины* въ средѣ языческаго населенія значительнѣйшихъ городовъ римской имперіи, благодаря въ особенности трудамъ призваннаго чудеснымъ образомъ къ апостольскому служенію Павла, на первыхъ порахъ обнаружили ту же чрезвычайную божественную силу христіанства, которая проявилась въ Іерусалимѣ. Увѣровавшіе получали чрезвы-

чайные дары Божіей благодати, и каждый изъ нихъ избиралъ себѣ тотъ кругъ дѣятельности, который соотвѣтствовалъ его особому дару (χάρισμα), такъ что сознававшіе въ себѣ даръ учительный (апостолы, пророки и учители) проходили служеніе слова, а тѣ, которые имѣли даръ управленія и руководства, вспомоществованія или оказанія услугъ въ призрѣніи бѣдныхъ и странствующихъ, въ попеченіи о больныхъ и т. д., посвящали свою дѣятельность практическому приложенію этихъ своихъ даровъ (1 Кор. XII гл., Римл. XII, 4—8; Ефес. IV, 11). Однако, уже и въ это время чрезвычайнаго изліянія даровъ Божіей благодати, признавалось необходимымъ формальное поставленіе опредѣленныхъ должностныхъ лицъ. Эти должностныя лица суть: 1) епископы или пресвитеры и 2) діаконы. Въ первое время названія: „епископъ" и „пресвитеръ" употреблялись смѣшанно, для обозначенія однихъ и тѣхъ же лицъ (Дѣян. XX, 17 и 28; Тит. I, 5 и 7 и сравн. 1 Тим. III гл.; Филип. I, 1; 1 Петр. V, 1. 2.), хотя, по смыслу своему, они не были тождественны. Пресвитеры были престарѣлые люди, которые, уже по самому возрасту своему, долженствовали быть выдающимися, руководящими членами христіанской общины. Эти же лица, насколько они облекались особыми административными правомочіями, назывались епископами. Слѣдовательно епископъ былъ вмѣстѣ и пресвитеромъ, но не наоборотъ. Слово: „епископъ", въ значеніи должностнаго органа надзора, было извѣстно и грекамъ, и римлянамъ. У грековъ ἐπίσκοποι назывались тѣ, которые посылались для надзора въ колоніи, а у римлянъ (какъ видно изъ fr. 18 § 7 D. IV, 4) епископами назывались тѣ, кому ввѣрялось наблюденіе за городскимъ продовольствіемъ. Служеніе слова не было первоначально существенною принадлежностію должности епископской или пресвитерской, оставаясь призваніемъ апостоловъ, евангелистовъ, пророковъ и учителей, и лишь поскольку этихъ представителей служенія слова, въ случаѣ надобности, замѣняли епископы-пресвитеры, послѣднимъ принадлежало учительство. „Діаконами" назывались помощники епископовъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя лежали на попеченіи епископовъ. Тамъ, гдѣ помощь женщины оказывалась болѣе цѣлесообразною не только въ дѣлахъ призрѣнія бѣдныхъ и безпомощныхъ, а также требующихъ христіанскаго воспитанія сиротъ, но и при крещеніи женщинъ и при

распространеніи евангелія между женщинами, дѣйствовали христіанскія вдовы или діакониссы. Означенный строй христіанскихъ общинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ держался довольно долгое время и послѣ апостоловъ, какъ это видно изъ открытаго въ 1875 году памятника древнехристіанской письменности, извѣстнаго подъ именемъ „ученія 12-ти апостоловъ“ (Διδαχή τῶν δώδεκα ἀποστόλων). По Διδαχή высшимъ авторитетомъ среди христіанства пользуются тѣ, кто провозвѣщаетъ Слово Божіе (λαλοῦντες τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ)—апостолы, пророки и учители. Это подвижной, странствующій элементъ церкви, данный Богомъ на пользу цѣлаго христіанства и проходящій служеніе на благо всей церкви, а не отдѣльной мѣстной общины. Апостолы суть странствующіе миссіонеры, которые должны оставаться въ каждой общинѣ не болѣе двухъ дней и, сообщивъ жителямъ благую вѣсть о Христѣ, идти дальше, обезпечивъ себя лишь продовольствіемъ на одинъ день пути. Пророки суть христіанскіе энтузіасты, чувствующіе въ себѣ благодатный даръ созерцать божественныя предначертанія и вдохновеннымъ словомъ возбуждать мысль и сердце христіанъ къ Богу; произнося, по свободному вдохновенію, импровизированныя молитвы при совершеніи христіанской Евхаристіи, они являются какъ бы первосвященниками, посредствующими между Богомъ и людьми. Учители суть проповѣдники христіанскаго слова вразумленія, назиданія и утѣшенія, не на основаніи новаго откровенія и не въ видѣ пророчески вдохновенной рѣчи, а въ видѣ раскрытія и примѣненія къ конкретнымъ житейскимъ отношеніямъ того, что уже дано въ открытомъ Словѣ Божіемъ, и знаніе чего достигнуто обыкновенными человѣческими средствами. Пророки и учители, подобно апостоламъ, служатъ цѣлой церкви и ведутъ странствующую жизнь, дѣйствуя своимъ словомъ то въ одной, то въ другой общинѣ, хотя пребываніе ихъ въ отдѣльной общинѣ не ограничено столь тѣсными предѣлами, какъ пребываніе апостоловъ. Менѣе авторитетное положеніе занимаютъ *постоянныя* должностныя лица каждой отдѣльной *мѣстной* общины—епископы и діаконы, которые, однако, при отсутствіи въ общинѣ апостола, пророка, или учителя, замѣняютъ этихъ послѣднихъ и пользуются равнымъ съ ними почтеніемъ. Изъ того, что совершеніе Евхаристіи представляется въ Διδαχή такимъ дѣломъ, которое въ обычномъ порядкѣ

вещей входитъ въ кругъ дѣятельности епископовъ и діаконовъ [1]), слѣдуетъ заключать, что обычный и нормальный строй общинной жизни по Διδαχή есть тотъ, при которомъ община имѣетъ своихъ постоянныхъ должностныхъ лицъ, какъ учителей, руководителей, совершителей Евхаристіи и вмѣстѣ управителей церковнаго имущества, т. е. жертвенныхъ даровъ или тѣхъ приношеній, съ которыми вѣрующіе являлись въ богослужебное собраніе, и которые подлежали справедливому и цѣлесообразному распредѣленію между нуждающимися. Къ тому же заключенію приводитъ и то соображеніе, что предписывая почитать провозвѣстниковъ слова Божія (апостоловъ, пророковъ и учителей), какъ Самаго Господа, Διδαχή не скрываетъ возможности обмана, т. е. выступленія лжеапостоловъ и лжепророковъ, и указываетъ признаки для различенія ложныхъ отъ истинныхъ апостоловъ и пророковъ.

Въ Διδαχή, однако, еще ничего не говорится о выдѣленіи и обособленіи изъ числа нѣсколькихъ епископовъ или пресвитеровъ, стоящихъ во главѣ христіанской общины, одного съ высшимъ руководящимъ авторитетомъ и съ исключительнымъ титуломъ епископа, въ отличіе отъ пресвитеровъ. Въ Іерусалимѣ, какъ было выше упомянуто, надъ братьями и надъ пресвитерами возвышался авторитетъ Іакова, брата Господня, за которымъ, по преданію, установилось названіе перваго епископа іерусалимскаго. Что касается языческо-христіанскихъ общинъ, основанныхъ апостоломъ Павломъ, то хотя объ епископахъ, какъ должностныхъ лицахъ, той или другой общины (напр. ефесской, филиппійской) онъ говоритъ во множественномъ числѣ, но и у него находимъ примѣры порученія высшаго руководства одному какому либо лицу. Таковы напр. были Тимоѳей и Титъ, уполномоченные апостоломъ поставлять епископовъ или пресвитеровъ и держать надъ ними дисциплинарный судъ. По церковному преданію Тимоѳею и Титу усвоено названіе первыхъ епископовъ, Тимоѳею—Ефеса, Титу—Гортины на островѣ Критѣ. Ясное указаніе въ Священномъ Писаніи

---

[1]) Этотъ выводъ справедливо дѣлается изслѣдователями изъ того обстоятельства, что въ Διδαχή, непосредственно вслѣдъ за предписаніемъ вѣрующимъ собираться въ день Господень для преломленія хлѣбовъ (гл. 14) говорится (въ XV гл.); *итакъ* поставляйте себѣ епископовъ и діаконовъ (χειροτονήσατε οὖν ἑαυτοῖς ἐπισκόπους καὶ διακόνους).

на епископовъ, въ смыслѣ единоначальствующаго должностнаго лица христіанской общины, находится въ Откровеніи апостола Іоанна, гдѣ подъ ангелами семи церквей (ангелы—вѣстники или посланные, т. е. синонимъ апостоловъ), къ которымъ обращается то упрекъ, то одобреніе за состояніе семи малоазійскихъ христіанскихъ общинъ, нельзя разумѣть кого либо другаго, кромѣ епископовъ.

§ 7. *Устройство христіанскихъ общинъ въ послѣ-апостольское время* *). Ученикъ апостола Іоанна, св. Игнатій антіохійскій въ своихъ посланіяхъ, адресованныхъ екклезіямъ Ефеса, Смирны и друг. городовъ, представляетъ такой строй христіанскихъ общинъ, въ которомъ епископъ занимаетъ мѣсто Христа, пресвитеры—апостоловъ, а діаконы представляются необходимыми помощниками епископовъ въ дѣлахъ управленія. Другой, также весьма близкій ко времени апостоловъ, церковный писатель, св. Ириней ліонскій указалъ основу епископской должности, какъ отличной отъ пресвитерской, въ апостольскомъ преемствѣ. По Иринею, истинный смыслъ Св. Писанія не можетъ быть объясняемъ безъ помощи преданія, т. е. Св. Писаніе не можетъ быть истолковываемо произвольно аллегорически, какъ это дѣлалось у еретиковъ-гностиковъ, но должно быть понимаемо такъ, какъ оно передано апостолами. Апостолы получили отъ Св. Духа истинное и совершенное знаніе (γνῶσις), а не то лжезнаніе, которымъ хвалились люди, величавшіе себя гностиками, т. е. людьми, имѣющими знаніе, и комбинировавшіе самымъ произвольнымъ образомъ идеи христіанства, а также ветхозавѣтнаго откровенія, съ идеями греческой миѳологіи и философіи. Епископская должность есть учрежденное апостолами продолженіе ихъ собственной, апостольской, должности; поэтому епископы имѣютъ харизму, т. е. даръ истины, и къ

---

*) Кромѣ литературы предыдущ. §-а: *Bunsen,* Ignatius von Antiochien und seine Zeit, 1847; *Zahn,* Ignatius von Antiochien, 1873; *Probst,* Kirchliche Disciplin in den drei ersten christlichen Jahrhunderten, 1873; *O. Ritschl,* Cyprian von Carthago und die Verfassung der Kirche, 1885 (реценз. мною въ № 2-мъ Юрид. Библіогр. при Демидовскомъ Лицеѣ); *Hatch,* Griechenthum und Christenthum въ нѣмец. перев. Harnack'a, 1892; Ueber den Ursprung des Lectorats und der anderen niederen Weihen (Въ Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur v. *Gebhardt* u. *Harnack,* B. II, Heft. 5); *Sohm,* Kirchenrecht, Anhang. къ § 10; *Hinschius,* Kirchenrecht, I, § 1.

нимъ, какъ къ хранителямъ преданія, непрерывно идущаго отъ апостоловъ, нужно обращаться для правильнаго истолкованія смысла Св. Писанія. Епископы унаслѣдовали весь авторитетъ апостоловъ, пророковъ и учителей и, сдѣлавъ свои каѳедры центромъ истиннаго христіанскаго ученія, сосредоточили въ своихъ рукахъ важнѣйшіе акты христіанскаго богослуженія, каковы крещеніе и Евхаристія, вмѣстѣ съ администраціей церковнаго имущества, дисциплинарнымъ судомъ и обратнымъ принятіемъ въ церковь исключенныхъ изъ нея. Какъ совершитель Евхаристіи въ особенности, епископъ на долгое время удержалъ за собою титулъ священника въ собственномъ смыслѣ (ἱερεύς, sacerdos), предпочтительно предъ пресвитерами. Въ новозавѣтныхъ книгахъ Св. Писанія не говорится объ особомъ новозавѣтномъ священствѣ, которому бы принадлежала существенная священству функція—принесеніе жертвы; напротивъ всѣмъ вообще христіанамъ усвояется царственное священство (1 Петр. II, 5. 9.; Откров. V, 9), въ томъ смыслѣ, что каждый христіанинъ приноситъ въ жертву Богу свою полную преданность, молитву, хвалу и благотвореніе ближнему. Но какъ въ ветхомъ завѣтѣ, рядомъ съ всеобщимъ священствомъ всѣхъ сыновъ Израиля существовало особенное священство потомковъ Аарона и левитовъ, такъ и въ христіанствѣ со временъ апостольскихъ, наряду съ всеобщимъ священствомъ всѣхъ христіанъ, развилась идея особеннаго священства, въ связи съ идеей евхаристической жертвы. Евхаристія, которую Христосъ заповѣдалъ творить въ свое воспоминаніе, разсматривалась не только какъ благодарственная жертва Богу со стороны церкви за искупленіе, совершенное голгоѳскимъ жертвоприношеніемъ Христа, но и какъ вѣчно продолжающееся повтореніе голгоѳской жертвы, совершаемое особымъ новозавѣтнымъ священствомъ. Въ половинѣ III в. св. Кипріанъ Карѳагенскій († 258) засвидѣтельствовалъ уже закончившееся развитіе епископской должности въ христіанской церкви, представляя епископа органомъ Св. Духа, преемникомъ апостоловъ, пророкомъ, учителемъ, первосвященникомъ, судьей и администраторомъ въ дѣлахъ общины. Епископъ, по ученію Кипріана, есть фундаментъ христіанской общины, такъ что тотъ, кто не состоитъ въ общеніи съ епископомъ, находится внѣ церкви, а кому церковь не мать, тому Богъ не отецъ. На постепенность въ развитіи и укрѣп-

леніи института епископскаго указываетъ то (выясненное Зомомъ) обстоятельство, что еретическія и раскольническія партіи, въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ, имѣвшія въ своихъ общинахъ по нѣскольку епископовъ, приблизительно съ 200 года начинаютъ противопоставлять каѳолическимъ епископамъ своихъ анти-епископовъ, въ смыслѣ единоначальствующей же должности.

Подъ главенствомъ епископовъ, къ извѣстнымъ уже апостольскому времени пресвитерамъ, діаконамъ и діакониссамъ, во II и III в.в. присоединились разныя низшія должности, частію развившіяся изъ діаконской, частію независимо отъ послѣдней. Римскій епископъ Корнелій въ письмѣ къ антіохійскому епископу Фабію, 250 г. (у *Евсевія* Церк. Ист. VI, 43, 11) даетъ видѣть, что въ Римѣ, подъ главенствомъ одного епископа, существовало 46 пресвитеровъ, 7 діаконовъ, 7 иподіаконовъ, 42 аколуѳа, затѣмъ еще извѣстное число заклинателей, чтецовъ и привратниковъ. Такъ какъ въ Римѣ крѣпко держалось преданіе о семи мужахъ іерусалимскихъ, какъ родоначальникахъ діаконской должности, то, не смотря на громадную численность христіанской общины въ такомъ городѣ, какъ Римъ, римская церковь не считала возможнымъ увеличить число діаконовъ, а вмѣсто того создала семь вспомогательныхъ къ нимъ иподіаконовъ или субдіаконовъ и къ образовавшимся такимъ образомъ 14-ти помощникамъ епископа по совершенію Евхаристіи и по управленію церковнымъ имуществомъ придала еще втрое большее число (42) аколуѳовъ, какъ низшихъ служителей для вспоможенія епископу при взиманіи жертвенныхъ даровъ, приносившихся христіанами за богослуженіе и для поддержанія въ надлежащемъ порядкѣ сосудовъ, предназначавшихся для жертвенныхъ даровъ. Привратники (ostiarii, πυλωροί) вѣроятно также развились изъ діаконской должности, какъ лица, на обязанности которыхъ лежало охранять мѣсто богослужебнаго собранія, слѣдовательно и совершенія Евхаристіи, во времена же гоненій тайно извѣщать христіанъ о времени и мѣстѣ богослужебнаго собранія. Напротивъ, должности чтеца (ἀναγνώστης, lector) и заклинателя ἐξορκιστής, exorcista) выработались изъ воспоминаній обильнаго дарами Божіей благодати апостольскаго времени, когда читать Св. Писаніе въ богослужебномъ собраніи могъ только тотъ, кто чувствовалъ въ себѣ необходимый для этого даръ (χάρισμα),

и когда силою заклинанія одареннаго Духомъ Божіимъ лица изгонялись демоны и исцѣлялись больные. Такъ какъ заклинаніе практиковалось надъ каждымъ крещаемымъ и сдѣлалось составною частію священнодѣйствія крещенія, совершаемаго епископомъ или пресвитеромъ, то особые заклинатели въ восточной церковной практикѣ исчезли очень рано; напротивъ на западѣ exorcista, какъ особая церковная степень, хотя и безъ соотвѣтствующей названію заклинательной должности, сохранился и донынѣ. Вся совокупность церковнодолжностныхъ лицъ, высшихъ и низшихъ, со II в. стала называться клиромъ (κλῆρος), въ отличіе отъ народа (λαός). Слово: κλῆρος означаетъ собственно жребій или основанную на жребію долю участія въ чемъ-либо, въ переносномъ смыслѣ—призваніе, достающееся на долю человѣка, и отсюда извѣстный разрядъ лицъ, составляющихъ по своему призванію особый классъ. На латинскомъ западѣ, кромѣ слова: „clerus“, пользовались еще латинскимъ терминомъ: „ordo“, въ каковомъ терминѣ выразилась идея привилегированнаго положенія церковнодолжностныхъ лицъ въ христіанской общинѣ, по аналогіи съ привилегированнымъ положеніемъ сенаторовъ и всадниковъ въ Римѣ (ordo senatorius, ordo equester) и декуріоновъ въ муниципіяхъ (ordo decurionum), по отношенію къ массѣ простыхъ членовъ общины (plebs).—Вся христіанская община, какъ цѣлое, слагающееся изъ клира и народа, подъ главенствомъ епископа, называла себя ἐκκλησία или παροικία. Послѣднее названіе (отъ παροικέω—живу гдѣ либо въ качествѣ чужестранца)—указываетъ на то, что христіане, жительствовавшіе въ городѣ или въ городскомъ округѣ, въ противоположность окружающему ихъ нехристіанскому населенію, смотрѣли на себя какъ на пришельцевъ въ данномъ городѣ, составляющихъ колонію среди чуждаго имъ міра; слѣдовательно παροικία, parochia означала не пространственно опредѣленный географическій округъ, а группу или союзъ людей. Города, даже и самые многолюдные, не дробились на отдѣльныя общества, а составляли одну христіанскую общину съ епископомъ, пресвитерами, діаконами и прочими служителями, хотя могли быть устраиваемы отдѣльные богослужебные пункты, для руководства которыми епископъ назначалъ подчиненныхъ ему пресвитеровъ. Что же касается подгородныхъ округовъ съ принадлежащими къ нимъ селеніями (χῶραι), то въ церковной

организаціи ихъ существовали двѣ системы. Въ Сиріи и нѣкоторыхъ частяхъ Малой Азіи подгородныя и сельскія общины обладали полною организаціей съ епископомъ во главѣ, который назывался сельскимъ епископомъ (χορεπίσκοπος). Въ другихъ мѣстахъ, какъ напр. въ подгородныхъ мѣстностяхъ Рима, христіане, жившіе въ деревняхъ и въ окрестностяхъ города, не имѣли особой организаціи и разсматривались какъ члены епископской (т. е. епископа городскаго) церкви, хотя отдѣльныя группы могли собираться на мѣстахъ жительства въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, и для руководства каждою группою епископъ посылалъ того или другаго изъ подчиненныхъ ему пресвитеровъ. Въ Египтѣ въ IV в. была извѣстна та и другая система.—Взаимное отношеніе двухъ составныхъ элементовъ христіанской общины—клира и народа или міранъ—было отношеніемъ органическаго взаимодѣйствія. Общество христіанское заявляло свое активное участіе въ церковной жизни: въ обсужденіи дѣлъ на собраніяхъ, въ дисциплинарномъ судѣ, въ обратномъ принятіи въ церковь исключенныхъ грѣшниковъ и въ избраніи епископовъ. Даже св. Кипріанъ кареагенскій, стоявшій на высотѣ епископскаго міросозерцанія, по его собственнымъ словамъ, держался всегда правила ничего не дѣлать безъ совѣта пресвитеровъ и безъ согласія народа.

§ 8. Связь отдѣльныхъ христіанскихъ общинъ между собою и высшая надъ ними власть *). Апостолы, пока жили и дѣйствовали, руководили основанными имъ общинами, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, именно Петръ и Іоаннъ, вмѣстѣ съ Іаковомъ Праведнымъ, братомъ Господнимъ, почитались столпами церкви (Гал. II, 9). По одному важному для христіанства вопросу (вопросъ этотъ собственно затрогивалъ дѣйствительность и крѣпость всего того, что сдѣлано было раньше Павломъ и Варнавой въ дѣлѣ обращенія язычниковъ)—о томъ, насколько обязательно для христіанъ соблюденіе Моисеева закона, составился въ Іерусалимѣ соборъ апо-

---

*) *Bickell,* Gesch. d. Kirchenr.; *Döllinger,* Hyppolytus und Callixtus, 1853; *Maassen,* Der Primat des Bischof von Rom und die alten Patriarchalkirchen, 1853; *Friedrich,* Zur ältesten Geschichte des Primates in der Kirche, 1879; *Harnack,* Lehrbuch der Dogmengeschichte, B. I, 1888, S. 328—412; *Langen,* Geschichte der römischen Kirche bis zum Pontificate Leo's I, 1881; *Суворовъ,* Римское папство до раздѣленія церквей, 1882 г.

столовъ и пресвитеровъ, при участіи братьевъ, т. е. всѣхъ вообще христіанъ. Первенствующее положеніе на этомъ соборѣ занимали: Петръ, который открылъ собраніе своей рѣчью, и Іаковъ, который, по выслушаніи разсказовъ Павла и Варнавы о томъ, какія знаменія и чудеса Богъ сотворилъ черезъ нихъ среди язычниковъ, произнесъ заключительное слово, въ которомъ формулировалъ соборное постановленіе (Дѣян. XV, 7 и сл.). Кромѣ того апостолъ Павелъ въ посланіи къ Галатамъ (II, 11—14) разсказываетъ о своемъ разногласіи съ Петромъ по тому поводу, что этотъ послѣдній въ Антіохіи, до прибытія сюда посланныхъ отъ Іакова, имѣлъ общеніе въ пищѣ съ христіанами изъ язычниковъ, а по прибытіи посланныхъ прервалъ это общеніе, „боясь сущихъ отъ обрѣзанія". Въ томъ положеніи, которое Іаковъ занималъ на соборѣ, и въ той опасливости, которую даже Петръ обнаружилъ относительно Іакова, выразилось несомнѣнно уваженіе къ послѣднему, какъ къ родственнику Іисуса Христа. Въ іудейско-христіанскихъ общинахъ, это уваженіе перешло въ признаніе Іакова „господиномъ и епископомъ епископовъ, управляющимъ церковью евреевъ въ Іерусалимѣ и всѣми Божіимъ провидѣніемъ основанными церквами". Для развитія этой идеи верховнаго епископата Іакова и его преемниковъ, епископовъ іерусалимскихъ, исторія не представляла благопріятныхъ условій, такъ какъ самый Іерусалимъ былъ дважды разрушаемъ римлянами, въ послѣдній разъ при Адріанѣ даже съ уничтоженіемъ имени города. Напротивъ, идея верховнаго епископата нашла для своего развитія благопріятныя условія на римской почвѣ въ связи не съ именемъ Іакова, а съ именемъ Петра, по преданію основавшаго римскую церковь, бывшаго въ ней первымъ епископомъ и умершаго въ Римѣ мученическою смертію. Преданіе это извѣстно уже древнѣйшимъ христіанскимъ писателямъ: Иринею, Клименту александрійскому, Діонисію коринѳскому, Тертулліану и Оригену. Чрезвычайно содѣйствовало авторитету римской церкви и міровое значеніе Рима, какъ столицы имперіи, ибо блескъ и важность столицы міра отражались и на христіанской общинѣ Рима, которая даже еще до установленія въ ней единоличной и единоначальствующей епископской должности, сочла своимъ призваніемъ обратиться съ руководственнымъ посланіемъ въ Коринѳъ, по поводу возникшихъ тамъ церковныхъ безпорядковъ.

Авторитетъ римской церкви засвидѣтельствованъ св. Игнатіемъ антіохійскимъ, который называетъ ее „предсѣдательницей въ союзѣ любви“, св. Иринеемъ ліонскимъ, который говоритъ, что съ римскою церковью нужно согласоваться всѣмъ вѣрующимъ „по причинѣ ея преимущественнаго первенства“, и другими церковными писателями. Въ Римъ приходили главы еретическихъ и раскольническихъ партій, чтобы, выигравъ для себя почву въ Римѣ, обезпечить авторитетъ своему ученію (Валентинъ, Кердонъ, Маркіонъ, Монтанъ), и въ Римѣ же впервые, въ борьбѣ съ раскольническими партіями, устанавливались такіе кардинальные вопросы церковнаго порядка, какъ о правѣ церкви прощать грѣхи падшимъ и о томъ, что впадшій въ смертный грѣхъ епископъ не перестаетъ быть епископомъ, пока не низложенъ формальнымъ судебнымъ приговоромъ. Преданіе, сохранявшееся въ Римѣ, какъ идущее отъ апостола Петра, римляне желали распространять и на другія церкви. Такъ въ Малой Азіи, опираясь на преданіе, идущее отъ апостола Іоанна, праздновали пасху въ одинъ день съ еврейской пасхой, на какой бы день недѣли ни пало 14 число еврейскаго мѣсяца Низана—день еврейской пасхи. Напротивъ въ Римѣ держались преданія, идущаго отъ апостола Петра, о праздновавіи пасхи въ первый воскресный день послѣ 14 Низана. Римскій епископъ Викторъ желалъ распространить римскую практику и на мало-азіатскія церкви, и тонъ его посланія, въ которомъ онъ отлучалъ мало-азіатскія общины отъ римскаго церковнаго общенія, былъ таковъ, что старѣйшій изъ мало-азіатскихъ епископовъ Поликратъ ефесскій выразился: „лучше *повиноваться* Богу, чѣмъ людямъ“. Подобнымъ же образомъ около половины III в. римскій епископъ Стефанъ желалъ распространить на сѣверную Африку римскій взглядъ о дѣйствительности крещенія еретиковъ, между тѣмъ какъ св. Кипріанъ, епископъ карѳагенскій, дѣлая логическіе выводы изъ своего воззрѣнія на епископскую должность, отрицалъ дѣйствительность крещенія, совершеннаго кѣмъ либо, находящимся внѣ общенія съ епископомъ, и слѣдовательно въ какой бы то ни было еретической или раскольнической сектѣ. Въ перепискѣ по этому вопросу между св. Кипріаномъ и Римомъ и въ сочиненіяхъ св. Кипріана поставленъ былъ со всею рѣшительностію принципіальный вопросъ о внѣшнемъ выраженіи единства церкви.

Съ одной стороны римская церковь, даже и во время вакантности ея епископской каѳедры, считала своимъ призваніемъ имѣть *попеченіе* (sollicitudo) о всѣхъ общинахъ христіанства. Съ другой стороны Кипріанъ, возражая противъ права вмѣшательства римскаго епископа въ дѣла другихъ епископовъ, доказывалъ, что каждый епископъ управляетъ своею церковью, не допуская ничьего посторонняго вмѣшательства, что онъ лишь предъ Богомъ однимъ несетъ отвѣтственность за свое управленіе, что всѣ епископы равны между собою по власти, и что высшую надъ ними власть можетъ составлять лишь соборъ епископовъ. Такъ какъ св. Кипріанъ, прежде чѣмъ вступить въ споръ съ Римомъ по вопросу о крещеніи еретиковъ, выдержалъ, совмѣстно съ Римомъ, борьбу противъ новаціанскаго раскола, въ каковой борьбѣ весьма часто указывалъ на римскую церковь, какъ на церковь Петра, какъ на источникъ, откуда произошло священническое единство, какъ на корень и матерь католической церкви, то изъ сочиненій св. Кипріана церковная наука могла до сихъ поръ почерпать аргументы и въ пользу, и противъ римскихъ взглядовъ. Принципіальный недостатокъ аргументаціи св. Кипріана состоитъ въ томъ, что, отстаивая карѳагенскую практику противъ римской и утверждая за каждымъ епископомъ право управлять своею церковью независимо отъ чьего либо вмѣшательства, съ отвѣтственностью лишь предъ Богомъ, Кипріанъ тѣмъ самымъ допускаетъ возможность разногласій и разностей въ самыхъ существенныхъ пунктахъ церковнаго порядка, а равно злоупотребленій со стороны епископа его властію. Къ этому принципіальному недостатку аргументаціи св. Кипріана, исторія присоединила фактическое опроверженіе его взглядовъ, вызвавъ къ жизни институты высшихъ епископовъ—митрополитовъ и патріарховъ—съ высшими правами власти, сравнительно съ остальными епископами, и показавъ, что цѣлыя столѣтія могутъ проходить безъ созванія соборовъ. Кромѣ того, для дальнѣйшаго развитія римскихъ церковныхъ взглядовъ, не остался безъ значенія тотъ фактъ, что оба раза, т. е. въ спорѣ Виктора съ Поликратомъ и въ пререканіяхъ Стефана съ Кипріаномъ, правильное мнѣніе отстаивалось римскимъ епископомъ, и что въ эпоху вселенскихъ соборовъ римскій взглядъ по обоимъ вопросамъ былъ признанъ и сталъ общецерковнымъ взглядомъ.

§ 9. Соборы и митрополиты *). Изъ взгляда на епископовъ, какъ на хранителей преданія, имѣющихъ даръ истины, представляющихъ, въ ихъ единствѣ, каѳолическую церковь и связующихъ съ нею каждую отдѣльную общину, вытекало, что при такихъ обстоятельствахъ, когда требовалось установить истинное ученіе въ виду возникшаго ложнаго ученія, или установить правильный церковный порядокъ въ виду неясности и пробѣловъ въ существовавшей дисциплинѣ, епископы должны собираться на соборъ. Соборы составлялись уже во II-мъ вѣкѣ по поводу ученія монтанистовъ и по поводу споровъ о днѣ празднованія христіанской пасхи, еще чаще въ III в. по вопросу о падшихъ и о дѣйствительности крещенія еретиковъ, а также по поводу ересей, напр. Павла Самосатскаго. Такъ какъ мѣстомъ собранія служили обыкновенно главные города провинцій, то епископы этихъ городовъ, по общему правилу, стали первыми въ ряду своихъ коллегъ, какъ предсѣдатели епископскихъ провинціальныхъ соборовъ, распоряжавшіеся и самымъ созваніемъ соборовъ. Эти первые епископы провинцій получили названіе митрополитовъ, отчасти потому, что, по римской терминологіи, главные города провинцій назывались metropoles, отчасти потому, что проповѣдь христіанства обыкновенно исходила изъ большихъ городовъ, направляясь и распространяясь отсюда въ малые города и въ селенія, такъ что большіе города имѣли материнское значеніе въ отношеніи къ обращеннымъ въ христіанство жителямъ малыхъ городовъ и селеній. Важное значеніе провинціальныхъ соборовъ и митрополитовъ выступало всякій разъ при замѣщеніи вакантной епископской должности въ предѣлахъ провинціи: въ городъ, лишившійся епископа, собирались епископы провинціи съ митрополитомъ во главѣ, съ тѣмъ, чтобы, въ присутствіи ихъ, клиръ и народъ мѣстной общины избрали достойнаго кандидата. Никейскій соборъ 325 г. *право утвержденія* избраннаго кандидата предоставляетъ *митрополиту*, и такъ какъ соборъ Никейскій не ввелъ какой либо новой церковной организаціи, а засвидѣтельствовалъ лишь существовавшій порядокъ,

---

*) *Bickell,* Geschichte des Kirchenr.; *Hefele,* Conciliengeschichte, B. I, 1873, S. 83 sgg. *Richard Rothe,* Vorlesungen über Kirchengeschichte und Geschichte des christlich-kirchlichen Lebens, B. I, 1875; *Zahn,* Weltverkehr und Kirche während der drei ersten Jahrhunderten, 1877; *Sohm,* Kirchenr. §§ 23 и 24.

сложившійся на основаніи древнихъ обычаевъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что и титулъ митрополита и право митрополита утверждать епископскіе выборы существовали уже въ III в. Насколько 34-мъ правиломъ апостольскимъ зазвидѣтельствована древнѣйшая церковная практика, епископамъ каждаго народа предписывалось признавать перваго изъ нихъ за *главу* (κεφαλή) и ничего, превышающаго ихъ власть. не дѣлать безъ вѣдома его (въ соотвѣтствующемъ 9-мъ антіохійскомъ правилѣ этотъ *первый* прямо названъ митрополитомъ). Соборъ никейскій 325 г. засвидѣтельствовалъ даже существованіе епископовъ высшихъ, сравнительно съ митрополитами, имѣющихъ, на основаніи *древняго* обычая, *власть* надъ нѣсколькими провинціями, каковы римскій, александрійскій и другіе. Отсюда видно, что уже въ III в. явились зародыши развившагося въ IV и V-мъ в.в. института патріарховъ, хотя названіе „патріархъ“ неизвѣстно еще и Никейскому собору.

Зомомъ высказано другое мнѣніе о существѣ и происхожденіи соборовъ. Соборы какъ онъ утверждаетъ, возникли изъ общиннаго собранія, а не изъ соединенія епископовъ для общаго осуществленія церковной власти. Соборъ—это было собраніе мѣстной общины, усиленное явившимися въ это собраніе сосѣдними епископами. Соборъ означалъ помощь, оказываемую одною общиною другой,—та форма, въ которой великая и благоустроенная община принимала участіе въ жизни слабой и неокрѣпшей общины. Это *общее* положеніе Зомъ утверждаетъ на одномъ мѣстѣ изъ древняго памятника, составленнаго въ IV вѣкѣ въ Египтѣ и извѣстнаго подъ названіемъ: „*κανόνες ἐκκλησιαστικοὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων*“ (въ нѣмецкой литературѣ принято называть эту компиляцію „die apostolische Kirchenordnung“, въ отличіе отъ апостольскихъ правилъ въ собственномъ смыслѣ). Гарнакъ (Texte und Untersuchungen B. II, H. 5, стр. 219) справедливо говоритъ, что эта компиляція ist kein Denkmal der Reichskirche, т. е. не служитъ памятникомъ общецерковной практики на пространствѣ всей римской имперіи, а носитъ на себѣ мѣстный отпечатокъ провинціи, въ которой она явилась. Въ *κανόνες ἐκκλησιαστικοὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων* порядокъ избранія епископа представляется въ такомъ видѣ: если въ какомъ либо мѣстѣ не окажется и 12-ти лицъ, способныхъ подать голоса при выборѣ епископа, то они должны обратиться къ сосѣднимъ церквамъ, съ тѣмъ чтобы изъ сосѣдней окрѣпшей, т. е. благоустроенной общины, были присланы трое избранныхъ мужей, которые и провѣряютъ тщательно достоинство избраннаго. Такъ какъ, съ развитіемъ единоначальствующей власти епископа, этими избранными могли быть только епископы,

то отсюда Зомъ и выводитъ свой тезисъ, что соборъ есть не что иное, какъ община, усиленная прибылыми епископами. Между тѣмъ, никакихъ общихъ выводовъ изъ этого историческаго свѣдѣнія, отмѣченнаго мѣстнымъ характеромъ, нельзя дѣлать въ вопросѣ о происхожденіи соборовъ, тѣмъ болѣе что тутъ имѣется въ виду лишь одинъ изъ частныхъ поводовъ къ составленію соборовъ—избраніе епископа на вакантную каѳедру.

Глава IIя

Развитіе церковнаго устройства въ IV в. до раздѣленія церквей восточной и западной.

§ 10. Образованіе приходовъ *). Епископская церковная община (*παροικία*, parochia, dioecesis) постепенно распалась на малыя приходскія общины, приходы, парохіи въ тѣсномъ и собственномъ (нынѣшнемъ) смыслѣ слова. Образованіе приходовъ шло двумя путями: путемъ низведенія хорепископовъ на степень приходскихъ священниковъ, подчиненныхъ епископу городскому, и во вторыхъ путемъ превращенія мѣстныхъ богослужебныхъ пунктовъ съ временно назначавшимися въ нихъ членами епископскаго духовенства въ приходскія церкви съ пріуроченнымъ къ нимъ постояннымъ приходскимъ духовенствомъ. Институтъ хорепископовъ для многихъ соборовъ IV в. послужилъ предметомъ ограничительныхъ опредѣленій. Такъ соборъ неокесарійскій (пр. 14) говоритъ, что хорепископы поставлены во образъ 70 апостоловъ, а не 12-ти, какъ епископы. Соборъ анкирскій (пр. 13) запретилъ хорепископамъ поставлять пресвитеровъ и дьяконовъ. Соборъ антіохійскій (пр. 10) предоставилъ хорепископу посвящать чтецовъ, заклинателей и иподіаконовъ, діаконовъ же и пресвитеровъ только съ особаго дозволенія епископа. Соборъ сардикскій (пр. 6) запретилъ на буд[...] время поставлять епископа въ какое либо село или въ мал[...]

---

*) *Hinschius*, O. c. II § 85. 90. *Löning*, I, S. 163 ff. II, 344 f. *H*[...] 209 f.; *Hatch*, Die Grundlegung der Kirchenverfassung Westeuropas i[...] alter, въ нѣмецк. перев. Гарнака 1888; *Schröder*, Ueber die Chor[...] IX Jahrhund. (Zeitschr. für kathol. Theologie, B. XV); *Prévost*, [...] pagnes au moyen âge, Paris, 1892; *Muth*, Beiträge zur Lehre v[...] Staats-und Kirchenrecht, 1892 - 1893; B. II, 28 sqq.

родъ, а соборъ лаодикійскій (пр. 57) опредѣлилъ вмѣсто хорепископовъ ставить періодевтовъ. Подобно тому какъ въ римскомъ правѣ существовали странствующіе врачи, называвшіеся περιοδευταί (fr. 6 § 1 D. XXVII, 1), періодевты лаодикійскаго собора должны были означать странствующихъ (по порученію городскаго епископа) наблюдателей за духовною жизнію въ мѣстныхъ общинахъ. Что однако институтъ хорепископовъ долго держался на востокѣ, не смотря на приведенныя постановленія соборовъ, видно изъ того, что въ концѣ VIII в. седьмой вселенскій соборъ упоминаетъ еще (пр. 14) о хорепископахъ, представляя имъ, „по древнему обычаю“, производить чтецовъ съ дозволенія епископа. Напротивъ, на западѣ существованіе хорепископовъ до VIII в.,—за исключеніемъ сѣверной Африки, которая по языку, по міросозерцанію и по всему строю церковной жизни, должна быть причисляема къ западнымъ странамъ,—не подтверждается никакими историческими свидѣтельствами. Въ VIII вѣкѣ, во франкскомъ государствѣ наблюдается существованіе хорепископовъ, и притомъ какъ института, отличнаго отъ восточныхъ хорепископовъ: имѣя епископскій санъ, западные хорепископы не были должностными церковными органами для опредѣленной общины, но дѣйствовали какъ помощники и представители главныхъ епископовъ то въ одной, то въ другой мѣстности епископскаго округа. Образованіе приходовъ изъ богослужебныхъ пунктовъ въ городахъ вообще, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, принадлежитъ болѣе позднему времени, чѣмъ образованіе сельскихъ приходовъ.

§ 11. Епископъ *). Въ численно возросшей и пространственно расширившейся, благодаря образованію приходовъ и массовому обращенію въ христіанство римскаго населенія, епископской церковной общинѣ епископъ представлялъ собою какъ бы монархическую власть въ дѣлахъ церковнаго управленія. Таковое положеніе епископа вытекало уже изъ церковныхъ воззрѣній предшествующаго времени и къ началу IV в., кромѣ того, было скрѣплено тѣмъ мужествомъ и самопожертвованіемъ, которыя обнаружены были епископами во время гоненій, непосредственно предшествовав-

*) *Thomassinus,* Vetus et nova ecclesiae disciplina circa beneficia et beneficiarios, P. I, lib. I, c. 50 sqq.; *Binterim,* Denkwürdigkeiten der christkatholischen Kirche, B. I, Th. 2; *Löning,* I, 103 sqq. 191 sqq. II, 220; *Hatch,* Die Grundlegung etc.

шихъ эпохѣ Константина Великаго и систематически направлявшихся противъ руководителей и выдающихся представителей христіанскихъ общинъ, въ особенности противъ епископовъ. Епископъ опредѣлялъ и посвящалъ духовныхъ лицъ на подвѣдомственныя ему церковныя должности, производилъ дисциплинарный судъ, управлялъ церковнымъ имуществомъ, а съ учрежденіемъ постоянныхъ вспомогательныхъ должностей давалъ порученіе и согласіе на совершеніе актовъ администраціи и суда, такъ что вообще „безъ воли епископа пресвитеры ничего не могли творить“ (лаодик. 57). Какъ на высшихъ представителей христіанства взглянулъ на епископовъ и Константинъ Великій, налагая печать римскаго публичнаго права на признанную имъ христіанскую общественную организацію, и сообщая ей свою санкцію, надѣляя епископовъ политическими правами и привилегіями, ставя епископовъ въ рядъ римскихъ магистратовъ, какъ своеобразную магистратуру христіанской имперіи. На западѣ господствующее положеніе епископа относительно остального духовенства обозначалось еще болѣе рѣзко, чѣмъ на востокѣ. Епископъ пользовался исключительнымъ правомъ совершенія мѵропомазанія, освященія алтарей, благословенія публично кающихся и обратнаго принятія ихъ въ церковь (примиренія), а также торжественнаго облаченія въ священную одежду дающихъ обѣтъ цѣломудрія дѣвъ и вдовъ. При распаденіи государственнаго порядка въ западной Европѣ, въ эпоху переселенія народовъ, и основанія на развалинахъ западной римской имперіи германскихъ государствъ, все, что оставалось еще римскаго, видѣло въ епископѣ свое средоточіе, смотрѣло на него какъ на единственнаго представителя исчезавшей славы старыхъ римскихъ фамилій и какъ на защитника противъ притѣсненій. Помѣщеніемъ для епископа нерѣдко служилъ старинный „praetorium“—резиденція римскаго намѣстника; даже и одѣяніе епископа было одѣяніемъ римскаго магистрата. Какъ скоро и германскіе народы приняли христіанство, епископы оказались самыми крупными землевладѣльцами и составили могущественную аристократію духовныхъ бароновъ и феодаловъ. Только на британскихъ островахъ центромъ церковной организаціи были долгое время монастыри, въ подчиненіи которымъ находились и сами епископы. Съ V в. епископы востока и запада стали называть себя: „Божіею милостію“, „Божіимъ ми-

лосердіемъ", „десницею Божіею", „знаменіемъ Христовымъ", „милостію Божіею и повелѣніемъ императорскимъ" и т. п., впрочемъ не дѣлая себѣ изъ подобныхъ выраженій специфическаго титула, какъ и изъ выраженій: ἀνάξιος, ἐλάχιστος и проч.

§ 12. Пресвитерій и вспомогательныя должности при епископѣ *). Епископъ въ дѣлахъ управленія привлекалъ къ участію состоявшее при его епископской церкви духовенство, а пока не образовались приходы, все вообще духовенство епископскато города. Совокупность пресвитеровъ и діаконовъ при епископской каѳедральной церкви (пресвитерій, πρεσβυτέριον, presbyterium) составляла какъ бы совѣщательную коллегію, которая нѣкоторыми церковными писателями называлась сенатомъ церковнымъ, и которая могла подавать свое мнѣніе по дѣламъ церковнаго управленія. На западѣ со временемъ эта коллегія стала учрежденіемъ, формально ограничивающимъ епископскую власть въ томъ смыслѣ, что епископъ *обязанъ* рѣшать дѣла не иначе, какъ съ вѣдома и совѣта каѳедральнаго духовенства, а въ нѣкоторыхъ дѣлахъ связанъ даже *согласіемъ* его. На западѣ, кромѣ того, были сдѣланы въ разныхъ христіанскихъ странахъ попытки (въ сѣверной Африкѣ еще при св. Августинѣ иппонскомъ, въ Галліи и Испаніи въ VI и VII в.в., въ государствѣ Франковъ во второй половинѣ IX в.) установленія общежитія для епископскаго духовенства, на подобіе монашескаго. Установить общежитіе казалось тѣмъ легче, что на западѣ рано стало устанавливаться безбрачіе духовенства; общежитіе однако не удержалось. Духовенство при епископской церкви получило названіе капитула, а отдѣльные члены его—названіе канониковъ.

Отдѣльныя отрасли церковнаго управленія епископъ поручалъ отдѣльнымъ лицамъ изъ своего духовенства, какъ своимъ помощникамъ и уполномоченнымъ, причемъ чаще возлагалъ епархіальныя должности на дьяконовъ, чѣмъ на пресвитеровъ, слѣдуя традиціонной практикѣ предшествующихъ вѣковъ. Первый изъ діако-

---

*) *Binterim,* O. c. I, Th. 2; *Zhishman,* Die Synoden und die Synodal-Aemter in der morgenländischen Kirche, Wien, 1867; *Morisani,* De protopapis et deutereis graecorum et catholicis eorum ecclesiis; *Hinschius,* II, §§ 79, 80, 86; *Löning,* I, 155 sqq. II, 331 sqq.; *Hatch,* Grundlegung etc.; *Prévost,* O. c. *Павелъ,* О должностяхъ и учрежденіяхъ по церковному управленію въ древней восточной церкви, Спб. 1857.

новъ, *архидіаконъ*, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не поступали въ клиръ лица, которымъ государственными законами воспрещалось принятіе духовнаго сана, каковы куріалы и оффиціалы, и вообще за надлежащей квалификаціей желающихъ посвященія въ духовныя должности. Онъ велъ надзоръ за духовенствомъ, имѣлъ попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, странствующихъ чужестранцевъ и держалъ дисциплинарный судъ отъ имени епископа, даже отлучалъ отъ церкви. Однако на востокѣ съ VI в. архидіаконъ остался при чисто-богослужебной должности перваго діакона епископской церкви, правительственная же власть его перешла къ другимъ должностнымъ лицамъ. Администрація по дѣламъ благотворительности была поручена спеціальнымъ институтамъ (орфанотрофіи, птохотрофіи, геронтокоміи, брефотрофіи, нозокоміи, ксенодохіи) и поставленнымъ въ главѣ ихъ должностнымъ лицамъ, большею частію дьяконамъ. Остальныя функціи, и въ особенности дисциплинарный судъ, перешли къ *хартофилаксу*. Напротивъ, на западѣ должность архидьякона, какъ главнаго помощника и представителя епископа въ дѣлахъ управленія, удержалась и получила дальнѣйшее развитіе, такъ какъ кромѣ архидьяконовъ, при епископской (каѳедральной) церкви находившихся, явились еще мѣстные архидьяконы: въ VIII вѣкѣ уже могутъ быть наблюдаемы зачатки позднѣйшаго дѣленія епископскихъ діэцезовъ на архидіаконаты или архидьяконскіе округа, которые въ свою очередь обняли собой нѣсколько архипресвитерскихъ округовъ или деканатовъ. По времени, архипресвитерскіе округа предшествовали архидьяконскимъ. Относительно запада съ достовѣрностію установлено, что, въ эпоху первоначальнаго образованія приходовъ, какъ скоро крупные землевладѣльцы при своихъ дворахъ и свободные граждане въ своихъ селеніяхъ устраивали молитвенные дома (oratoria), то состоявшее при нихъ духовенство ставилось подъ надзоръ архипресвитера, который и былъ собственно приходскимъ священникомъ для цѣлаго округа, называвшагося christianitas, и въ частности имѣлъ исключительное право совершать крещеніе въ своей церкви (оттого церковь архипресвитерская называлась ecclesia baptismalis), тогда какъ подчиненное архипресвитеру домовое духовенство ограничивалось совершеніемъ литургіи, безъ права на совершеніе приходскихъ требъ, въ особенности крещенія. Подобныя

крещальныя или главныя церкви существовали и на востокѣ подъ названіемъ „каѳолическихъ“, въ отличіе отъ молитвенныхъ домовъ и домовыхъ церквей (трул. 59). Но на западѣ духовенство ораторій, съ развитіемъ сѣти приходовъ, превратилось въ приходское духовенство,—архипресвитеръ крещальной церкви, сдѣлавшись однимъ изъ приходскихъ же священниковъ, удержалъ однако права надзора за духовенствомъ мѣстнаго округа въ качествѣ сельскаго декана и самъ въ свою очередь сталъ въ подчиненіе архидьякону, какъ мѣстному уполномоченному органу епископа. Весь этотъ процессъ развитія условливался гораздо большею обширностію западныхъ діэцезовъ сравнительно съ восточными. Въ послѣднихъ „каѳолическими“ церквами завѣдывалъ не мѣстный органъ, а одинъ изъ членовъ каѳедральнаго духовенства; о правѣ же надзора священниковъ каѳолическихъ церквей за духовенствомъ молитвенныхъ домовъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній (ср. двукр. 12 и 5 нов. Льва Мудраго).

Для завѣдыванія церковнымъ хозяйствомъ халкидонскій соборъ (пр. 26) и позднѣе императоръ Юстиніанъ (с. 41 § 10 C. I, 3) опредѣлила быть при каждой епископской церкви *эконому*. Въ Константинополѣ было нѣсколько экономовъ, во главѣ которыхъ стоялъ великій экономъ. Для храненія церковной утвари и для выдачи разныхъ принадлежностей богослуженія по мѣрѣ надобности, а также для наблюденія за порядкомъ при отправленіи богослуженія (напр. чтобы не было нарушаемо старшинство) былъ поставленъ *скевофилаксъ*. Для завѣдыванія монастырями назначался *сакелларій*, называвшійся иногда экзархомъ, а для надзора за крещальными церквами *сакеллій*. Защита имущественныхъ интересовъ церкви на судѣ гражданскомъ поручена была екдикамъ или адвокатамъ изъ духовныхъ лицъ (обыкновенно дьяконамъ); главою екдиковъ въ Константинополѣ состоялъ протекдикъ. По словамъ Кодина Куропалата, протекдикъ вѣдалъ выкупъ плѣнныхъ и судъ по уголовнымъ дѣламъ. При восточныхъ епископахъ, особенно при константинопольскомъ, образовался, кромѣ вышеозначенныхъ, цѣлый рядъ другихъ должностей меньшаго значенія, составлявшихъ нѣсколько пентадъ, т. е. пятерицъ, всего до 9 пентадъ, слѣдовательно до 45 различныхъ должностей. Великій экономъ, хартофилаксъ, скевофилаксъ, сакелларій и сакеллій, съ присоединеніемъ

къ нимъ протекдика, носившіе всего чаще діаконскій санъ, а не пресвитерскій, составляли первую и важнѣйшую пятерицу, которая собственно и имѣла значеніе для церковнаго управленія, тогда какъ должности остальныхъ пятерицъ имѣли только богослужебное значеніе. При константинопольскомъ патріархѣ чины первой пятерицы получили названіе (недостаточно разъясненное въ наукѣ) экзокатакиловъ (εξωκατάκοιλοι). На западѣ при епископахъ отдѣльные члены пресвитерія или капитула, на которыхъ возлагались спеціальныя должности, кромѣ упомянутой должности каѳедральнаго архидьякона, носили названіе: primicerius, имѣвшій наблюденіе за порядкомъ совершенія богослуженія, scholasticus—руководитель школы, состоящей при епископской церкви, sacrista s. custos ризничій, theologus, объяснявшій св. Писаніе, poenitentiarius—духовникъ и т. д. Кромѣ того, какъ выше было разъяснено, въ образовавщихся, благодаря обширности діэцезовъ, мѣстныхъ центрахъ явились мѣстные органы управленія—архидьяконы и архипресвитеры (или сельскіе деканы).

§ 13. Участіе мірскаго элемента въ дѣлахъ церковныхъ *). Въ IV в. должно было подвергнуться существеннымъ ограниченіямъ участіе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ, какъ потому, что іерархическая организація церкви, получившая публичное признаніе со стороны христіанскихъ императоровъ, выступила болѣе рѣзко, чѣмъ прежде, такъ и потому, что съ обращеніемъ массы римскаго населенія въ христіанство, въ громадныхъ христіанскихъ общинахъ, совпадавшихъ съ населеніемъ городскихъ округовъ, не дробившихся даже на приходскія общества, уже не стало той простоты первобытныхъ отношеній, при которой всѣ члены общины могли принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ церковныхъ. Удержавшееся за мірянами право участія въ дѣлахъ церковныхъ проявлялось отчасти въ обсужденіи религіозныхъ вопросовъ внѣ соборовъ, насколько самые соборы, устанавливавшіе тотъ или другой догматъ, нуждались въ общецерковномъ ихъ признаніи, отчасти въ большемъ или меньшемъ вліяніи на замѣщеніе церковныхъ должностей. Что касается замѣщенія должностей, то

*) *Löning,* I, 110 и сл. II, 172 и сл.; *Schmitz,* Die Rechte der Metropoliten und Bischöfe in Gallien vom IV bis VI Jahrh. (Arch. f. kathol. Kirchenr. 1894, Juli—August); *Zhishman,* Das Stifterrecht in der morgenländischen Kirche, Wien. 1888.

вопервыхъ мірянамъ предоставлялось участіе въ выборѣ епископа на вакантную епископскую каѳедру. При Юстиніанѣ это участіе было регулировано такимъ образомъ, что духовенство и знатнѣйшія лица города выбираютъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ одного избираетъ и посвящаетъ митрополитъ провинціи (nov. CXXIII c. 1, nov. CXXXVII c. 2; номокан. въ XIV тит. I, гл. 9). На западѣ епископскіе выборы производились духовенствомъ и населеніемъ городовъ и, не смотря на злоупотребленія и безпорядки, съ которыми они были сопряжены, выборы держались до XI-го вѣка. Вовторыхъ, въ отношеніи къ замѣщенію всѣхъ вообще церковныхъ должностей, начиная съ епископской и оканчивая низшими должностями, міряне имѣли участіе настолько, насколько каждому предоставлялось право передъ посвященіемъ и при самомъ посвященіи предъявить обвиненіе противъ кандидата въ преступленіяхъ и порокахъ, въ каковомъ случаѣ посвящающій, подъ страхомъ дисциплинарной отвѣтственности, долженъ былъ пріостановиться посвященіемъ до изслѣдованія дѣла (nov. VI c. 1 § 10; nov. CXXIII, c. 14; nov. CXXXVII, c. 3; номокан. I, 8). Ктиторамъ, т. е. основателямъ или учредителямъ церквей и богоугодныхъ заведеній представлено было право нареченія кандидатовъ на церковныя должности при основанныхъ ктиторами институтахъ и наблюденіе за имущественною администраціей. На латинскомъ западѣ, для регулированія отношеній учредителей къ основаннымъ ими институтамъ, послѣдовательно развилось сложное патронатское право.

§ 14. *Провинціальные соборы и митрополиты* *). Первымъ вселенскимъ соборомъ (пр. 4, ср. антіох. 9) выражено общее правило, что каждая государственная провинція образуетъ собою церковную провинцію или епархію. Епископы городовъ, обнимавшихся предѣлами римской провинціи, по предписанію того же I вселенскаго собора (пр. 5) должны были собираться на соборъ провинціальный регулярно дважды въ годъ. Позднѣе императоръ Юстиніанъ опредѣлилъ, что провинціальный соборъ долженъ составлять-

---

*) *Thomassinus,* P. I, lib. 1 c. 39 sqq. *Maassen,* Der Primat des Bischofs von Rom und die alten Patriarchal-kirchen, S. 1—12; *Zhishman,* Die Synoden etc. *Hinschius,* II, 1—6; *Hefele,* I, 382—389; *Löning,* I, 362—422; II. 197—2.0; *Schmitz,* Die Rechte der Metropoliten etc.; *Sohm,* Kirchenrecht, § 30.

ся покрайней мѣрѣ однажды въ годъ (nov. CXXIII c. 10; nov. CXXXVII c. 4), и это юстиніановское опредѣленіе потомъ повторено было трулльскимъ (пр. 8) и VII-мъ вселенскимъ (пр. 6) соборами. Въ четвертомъ столѣтіи, пока еще не сформировались окончательно патріархаты, какъ высшая ступень церковнаго устройства, и пока еще христіанскіе императоры на востокѣ, а римскіе епископы съ франкскими королями на западѣ, не успѣли сосредоточить важнѣйшія церковныя дѣла въ собственныхъ рукахъ, на провинціальныхъ соборахъ устанавливались нормы церковно-юридическаго порядка, церковная обязательность которыхъ въ предѣлахъ провинціи не условливалась утвержденіемъ какой либо высшей власти. Мало того, такъ какъ соборы постановляли свои рѣшенія выходя изъ мысли, что они выражаютъ, подъ руководствомъ Св. Духа, истинное преданіе церкви, то каждый соборъ считалъ свои постановленія обязательными для всего христіанства, хотя въ дѣйствительности признаніе ихъ таковыми зависѣло отъ повсемѣстной рецепціи ихъ въ другихъ церквахъ, тѣмъ болѣе, что разномѣстные соборы могли высказываться различно по однимъ и тѣмъ же вопросамъ. Провинціальные соборы рѣшали вопросы о такихъ важныхъ административныхъ мѣропріятіяхъ, какъ учрежденіе новой епископской каѳедры, перемѣщеніе епископа съ одной каѳедры на другую, давали свое согласіе и принимали руководящее участіе въ избраніи мѣстнымъ клиромъ и мѣстною общиною новаго епископа, составляли высшую судебную инстанцію по дѣламъ, рѣшеннымъ епископами, и судили самихъ епископовъ. Епископы провинціи имѣли, по выраженію 34 апост. пр., своимъ главой митрополита. По общему правилу, митрополитомъ былъ епископъ главнаго города провинціи; но въ сѣверной Африкѣ и въ Испаніи званіе митрополита связывалось долгое время не съ каѳедрой главнаго города провинціи, а съ старшинствомъ по времени посвященія въ епископы. Главенство митрополита выражалось въ особыхъ правахъ, возвышавшихъ его надъ епископами провинціальнаго округа. Митрополитъ имѣлъ право: 1) созывать провинціальный соборъ, 2) предсѣдательствовать на этомъ соборѣ и руководить имъ, 3) утверждать состоявшіеся епископскіе выборы, 4) вести надзоръ за епископскими церквами; на западѣ рано осуществленіе права митрополитскаго надзора регулировано было

въ формѣ визитаціи, т. е. личнаго посѣщенія и обозрѣнія епископскихъ церквей митрополитомъ.

§ 15. *Патріархи и патріархаты* *). Уже въ 6 канонѣ I-го вселенскаго собора говорится о *власти*, которая должна принадлежать александрійскому епископу, по древнему обычаю, надъ Египтомъ, Ливіей и Пентаполемъ (слѣдовательно надъ многими провинціями), съ ссылкою на аналогическій примѣръ епископа римскаго, которому обычна таковая же власть надъ многими провинціями (Италіи, которая со времени Діоклеціана была раздѣлена на 17 провинцій). Въ канонѣ упоминается еще объ антіохійскомъ епископѣ и, кромѣ того, глухо говорится объ епископахъ *иныхъ областей*, преимущества которыхъ равнымъ образомъ должны соблюдаться. Смыслъ этого канона объясняется изъ сопоставленія его съ позднѣйшимъ 2-мъ канономъ II вселенскаго собора 381 года, изъ котораго видно, что подобно тому какъ имперское провинціальное дѣленіе отразилось на церковномъ устройствѣ, такъ и дальнѣйшая административная централизація имперіи послужила образцомъ для централизаціи церковныхъ митрополій, объединившихся въ болѣе обширные округа, соотвѣтствовавшіе государственнымъ діэцезамъ.

Римская Имперія въ IV в. дѣлилась на четыре префектуры, которыми управляли praefecti praetorio (Италія съ сѣверной Африкой, Галлія съ Испаніей и Британіей, Иллирикъ и Восточная префектура); префектуры дѣлились на діэцезы (dioeceses), въ главныхъ городахъ которыхъ резидировали викаріи; діэцезы дѣлились на провинціи, обнимавшія нѣсколько городскихъ округовъ и управлявшіяся провинціальными намѣстниками (rectores s. praesides provinciarum). Въ частности Восточная префектура (Oriens въ обширномъ смыслѣ), образовавшая изъ себя, по раздѣлѣ римской имперіи на восточную и западную, ядро восточной имперіи, распадалась на пять діэцезовъ: 1) Востокъ (Oriens въ тѣсномъ смыслѣ), куда входили Сирія, Палестина, Месопо-

---

*) *Thomassinus*, P. I, lib. 1 c. 7 sqq.; *Maassen*, Der Primat, 13—39; *Zhishman*, Die Synoden; *Hinschius*, II, 538—560; *Hefele*, I, 389 sqq. II, 529 sqq.; *Hergenröther*, Photius Patriarch von Konstantinopel, Regensburg, 1867, I, 25—89; *Löning*, I, 430 sqq.; *Rothe*, Vorlesungen, Th. : ; *Marquardt*, Römische Staatsverwaltung, B. I. Leipzig, 1873 (Handbuch der römischen Alterthümer von Ioachim Marquardt und Theodor Mommsen, B. IV); *Sohm*, Kirchenrecht § 30; *Harnack*, Dogmengeschichte, II, 348 и сл.; *Rohrbach*, Die alexandrinischen Patriarchen als Grossmacht in der Kirchenpolitischen Entwickelung des Orients, 1890.

тамія съ главнымъ городомъ діэцеза Антіохіей, 2) Египетъ съ Ливіей и проч. съ главнымъ городомъ Александріей, 3) Азію (малую Азію) съ главнымъ городомъ Ефесомъ, 4) Понтъ, куда входили Каппадокія, Галатія, римская Арменія и др. съ главнымъ городомъ Кесаріею (Кесарія каппадокійская) и 5) Ѳракію, обнимавшую провинціи: Европу, Ѳракію въ тѣсномъ смыслѣ, Скиѳію и др., вообще часть балканскаго полуострова, прилегающую къ мраморному морю и къ западному берегу чернаго моря, съ главнымъ городомъ Ираклеей, которая однако въ IV уже столѣтіи уступила свое мѣсто новооснованной Константиномъ Великимъ столицѣ—Константинополю или новому Риму.

Во 2-мъ канонѣ II вселенскаго собора говорится, что *александрійскій* епископъ долженъ управлять церквами только *египетскими;* епископы *восточные* должны начальствовать только на *востокѣ,* съ сохраненіемъ преимуществъ *антіохійской* церкви, правилами никейскими признанныхъ, епископы азіатскаго діэцеза должны начальствовать только *въ Азіи*, понтійскаго—въ *Понтѣ* и ѳракійскаго только во *Ѳракіи.* Хотя въ этомъ канонѣ, направленномъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, противъ епископа аклександрійскаго, притязавшаго на высшую власть надъ востокомъ, говорится, повидимому, не о высшихъ епископахъ въ предѣлахъ четырехъ государственныхъ діэцезовъ—антіохійскомъ, ефесскомъ, кесарійскомъ и ираклейскомъ или константинопольскомъ, а вообще о епископахъ въ предѣлахъ этихъ діэцезовъ, но изъ 6 пр. тогоже собора (или, правильнѣе, собора слѣдующаго 382 г.) видно, что епископы цѣлаго діэцеза составляютъ изъ себя соборъ, какъ высшую инстанцію надъ провинціальнымъ соборомъ, а отсюда необходимо заключить, что не кто либо другой, а именно епископъ главнаго города діэцеза долженъ былъ стать во главѣ епископовъ и митрополитовъ этого діэцеза, составившихъ изъ себя особую церковно-устройственную единицу, и что епископы главныхъ городовъ и должны были преимущественно имѣться въ виду 2-мъ канономъ II вселенскаго собора, какъ это прямо и выражено относительно Египта. Епископы главныхъ городовъ пяти восточныхъ діэцезовъ, называвшіеся архіепископами, экзархами или просто епископами, впослѣдствіи стали называться патріархами, однако не всѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, еще задолго до того, какъ сдѣлался обычнымъ титулъ патріарха, утратили свое первенствующее положеніе въ церковной іерархіи востока въ пользу епископа новой

столицы: сначала ираклейскій епископъ долженъ былъ уступить свое мѣсто константинопольскому для діэцеза Өракіи, причемъ константинопольскій епископъ, по преимуществамъ чести, поставленъ непосредственно вслѣдъ за римскимъ епископомъ, какъ епископъ новаго Рима (пр. 3, II всел. соб.), а IV вселенскій соборъ (пр. 28) подчинилъ константинопольскому епископу кромѣ өракійскаго и азіатскій и понтійскій діэцезы.

Въ VIII в. императоръ Левъ Исавръ распространилъ еще церковную власть константинопольскаго патріарха на провинціи восточнаго Иллирика, который хотя со времени окончательнаго раздѣла имперіи на восточную и западную при Өеодосіѣ Великомъ и отошелъ къ восточной имперіи, но оставался въ церковномъ подчиненіи Риму.

Дальнѣйшее измѣненіе. внесенное халкидонскимъ же соборомъ въ іерархическую организацію церкви, состояло въ томъ, что на одномъ изъ его засѣданій было рѣшено поставить въ равное положеніе съ александрійскимъ и антіохійскимъ епископами епископа іерусалимскаго. который, съ точки зрѣнія соотвѣтствія церковнаго устройства государственнымъ діэцезамъ, доженъ бы былъ находиться въ іерархическомъ подчиненіи не только у епископа главнаго города восточнаго діэцеза, т. е. антіохійскаго, но и у митрополита (епископа Кесаріи палестинской). Такимъ образомъ на востокѣ главами церковной іерархіи стали четыре епископа, за которыми послѣдовательно утвердился титулъ патріарха: константинопольскій, александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій. Изъ числа этихъ четырехъ восточныхъ патріарховъ, константинопольскій въ дѣйствительности занялъ первенсвующее положеніе, не только по чести, но и по власти. До халкидонскаго собора къ этому первенству стремился александрійскій епископъ, обращая въ свою пользу тѣ громадныя заслуги, которыя оказалъ дѣлу православія св. Аөанасій александрійскій въ теченіи своей продолжительной и многотрудной жизни, и пользуясь стеченіемъ обстоятельствъ, которыя давали ему возможность выступать въ качествѣ высшаго церковнаго судьи на востокѣ даже надъ самими епископами константинопольскими (Св. Іоанномъ Златоустомъ, Несторіемъ, Св. Флавіаномъ). Но съ осужденіемъ Діоскора александрійскаго на халкидонскомъ соборѣ, этотъ соперникъ константинопольскаго епископа былъ устраненъ, и лишь въ титулѣ, который носитъ въ на-

стоящее время александрійскій патріархъ, можно видѣть воспоминаніе о его прежнемъ высокомъ положеніи: „папа и судія вселенной". Патріархъ константинопольскій нашелъ себѣ могущественную поддержку въ лицѣ императора, благодаря которой сталъ первымъ епископомъ востока не только по чести, но и по власти. Для него создана была конкуррирующая съ другими патріархами юрисдикція по дѣламъ другихъ патріархатовъ: въ случаѣ предъявленія жалобы на митрополита, апеллятору предоставлено было обращаться или къ мѣстному патріарху, или къ патріарху константинопольскому (9 и 17 халкид., nov. CXXIII, c. 22). Со времени Іоанна Постника (582—595), патріархи константипольскіе стали называть себя вселенскими патріархами. Значеніе остальныхъ восточныхъ патріархатовъ должно было фактически ослабѣть и потому, что около половины VII в. они, одинъ за другимъ, были завоеваны арабами—магометанами, такъ что константинопольскій епископъ остался единственнымъ патріархомъ имперіи. Тѣмъ не менѣе въ теоріи всѣ восточные патріархи разсматривались какъ равные. Съ точки зрѣнія восточной теоріи, и римскій епископъ разсматривался какъ одинъ изъ патріарховъ, какъ единственный патріархъ запада; но въ дѣйствительности римскій епископъ никогда не равнялъ себя съ восточными патріархами, даже и съ константинопольскимъ (см. § 18).—Патріархатъ какъ одно юридическое цѣлое, имѣлъ свое выраженіе въ *соборѣ* епископовъ территоріальнаго округа, подчиненнаго патріарху, и въ *патріархѣ*, какъ высшемъ духовно-іерархическомъ лицѣ этого округа. Соборъ патріаршій устанавливалъ церковно-дисциплинарныя нормы, составлялъ судебную инстанцію, высшую надъ провинціальными соборами и митрополитами, постановлялъ рѣшенія по важнымъ вопросамъ административнаго характера. При константинопольскомъ епископѣ, впрочемъ, даже еще раньше, чѣмъ за нимъ установился титулъ патріарха, соборъ составлялся, какъ σύνοδος ἐνδημοῦσα, къ участію въ которомъ привлекались всѣ проживающіе (ἐνδημοῦντες) въ данный моментъ въ константинополѣ епископы, безъ различія діэцеза или патріархата, къ которому они принадлежали. Патріаршій соборъ въ этой формѣ оказался институтомъ весьма пригоднымъ для распространенія константинопольскимъ патріархомъ его вліянія далѣе границъ его собственнаго

діэцеза: императоръ могъ отсылать поступавшія на его усмотрѣніе церковныя дѣла изъ разныхъ патріархатовъ на рѣшеніе константинопольскаго патріаршаго синода. Патріархъ лично имѣлъ: 1) право созванія собора, 2) право руководства соборомъ въ качествѣ предсѣдателя, 3) право посвященія митрополитовъ, тогда какъ право посвященія епископовъ принадлежало митрополитамъ, за исключеніемъ александрійскаго патріархата, въ которомъ патріархъ посвящалъ и всѣхъ епископовъ, съ согласія впрочемъ компетентнаго митрополита, и за исключеніемъ острова Кипра, епископамъ котораго III всел. соборъ 431 г. предоставилъ независимое отъ патріарха антіохійскаго право посвященія на всѣ епископскія каѳедры острова, не исключая и каѳедры митрополита, 4) право высшаго надзора въ предѣлахъ патріархата.

§ 16. Вселенскіе соборы *). При христіанскихъ императорахъ сдѣлалось возможнымъ собраніе епископовъ не въ предѣлахъ только государственной провинціи или государственнаго діэцеза, а изъ всей римской имперіи, т. е. изъ всего христіанскаго міра, какъ восточнаго, такъ и западнаго, для установленія религіозныхъ догматовъ по поводу ложныхъ ученій. Кромѣ того, нерѣдко епископы востока, или епископы запада въ отдѣльности составляли изъ себя генеральные соборы востока или запада: примѣромъ первыхъ можетъ служить антіохійскій 341 г., примѣромъ послѣднихъ арелатскій 314 г. Вселенскіе соборы, признанные въ качествѣ таковыхъ какъ восточнымъ, такъ и западнымъ христіанствомъ суть: 1) Никейскій соборъ 325 г., при Константинѣ Великомъ, вызванный ересью Арія, который училъ, что Сынъ Божій не равенъ Богу Отцу и не одной съ Нимъ природы, разрушая такимъ образомъ церковное ученіе о троичности Лицъ Божества; 2) константинопольскій соборъ 381 г. при Ѳеодосіѣ Великомъ, по поводу

---

*) *Hefele*, I, Einleitung; *Schulte*, Die Stellung der Concilien, Päpste und Bischöfe vou historischen und canonistischen Standpunkte, Prag. 1871 г. S. 18—109; *Hinschius*, I, 498—503; *Hergenröther*, Photius, I, Buch I; *Löning*, I, 64 sqq.; *Langen*, Gesch. der römisch. Kirche, B. I и II; *А. Лебедевъ*, Вселенскіе соборы IV и V в.в. Москва, 1879; *Амедей Тьерри*, Несторій и Евтихій, ересіархи V-го в. (Труды Кіевской Духовной Академіи 1880, т. II); *Кургановъ*, Отношеніе между церковною и государственною властью въ византійской имперіи, Казань, 1880 г.; *Смирновъ*, Обозрѣніе источниковъ исторіи I всел. собора, Ярославль, 1888; Проф. *Глубоковскій*, Блаженный Ѳеодоритъ, епископъ Киррскій, Москва, 1890 г. (цѣнное изслѣдованіе).

ереси Македонія, учившаго о Духѣ Святомъ, какъ о существѣ сотворенномъ, не имѣющемъ божественной природы, слѣдовательно также направлявшагося противъ церковнаго догмата о тріединствѣ Божіемъ; 3) ефесскій соборъ 431 г. при Ѳеодосіѣ II, начавшій собою рядъ соборовъ, занимавшихся разрѣшеніемъ христологическихъ вопросовъ, т. е. о лицѣ Христа, именно противъ ереси Несторія, учившаго о Христѣ, какъ о простомъ человѣкѣ; 4) халкидонскій соборъ 451 г. при Маркіанѣ и Пульхеріи, состоявшійся для осужденія монофизитской ереси Евтихія, по ученію котораго въ Христѣ человѣческая природа поглощена божественною; 5) константинопольскій соборъ 553 г. при Юстиніанѣ I, по поводу такъ называемыхъ „трехъ главъ", т. е. трехъ пунктовъ, касательно трехъ христіанскихъ епископовъ (Ѳеодора мопсуестскаго, Ѳеодорита кирскаго и Ивы эдесскаго), которые на III-мъ вселен. соборѣ заявили себя въ большей или меньшей степени солидарными съ воззрѣніями Несторія; но не были за то осуждены ни на третьемъ, ни на слѣдующемъ четвертомъ вселенскомъ соборѣ, вслѣдствіе чего въ глазахъ многихъ подрывался авторитетъ халкидонскаго собора, чѣмъ въ свою очередь пользовались, въ интересахъ своей партіи и усиливая церковную смуту, осужденные халкидонскимъ соборомъ евтихіане; 6) константинопольскій соборъ 680 г. при Константинѣ Погонатѣ противъ моноѳелитовъ, которые, въ отличіе отъ Евтихіанъ, какъ монофизитовъ, т. е. признававшихъ въ Христѣ одну только божественную природу (μόνη φύσις), допускали въ Немъ двѣ природы, но настаивали на единствѣ воли (μόνον θέλημα); 7) никейскій соборъ 787 года при императрицѣ Иринѣ и сынѣ ея Константинѣ для возстановленія иконопочитанія, отмѣненнаго иконоборцами. Изъ перечисленныхъ соборовъ константинопольскій 381 г. былъ созванъ императоромъ только какъ греко-восточный, безъ участія запада; но установленное имъ ученіе (8—12 члены символа вѣры) признано было за истинно православное всѣмъ христіанствомъ, и самый соборъ константинопольскій 381 г. былъ признанъ за вселенскій. Западъ тѣмъ менѣе могъ возражать противъ вѣроопредѣленія этого собора, что на немъ отвергнуто было для восточной церкви уже ранѣе, въ предыдущемъ 380 году, отвергнутое на римскомъ соборѣ ученіе пневматомаховъ. Вообще же должно замѣтить, что на вселенскихъ

соборахъ западный элементъ всегда бывалъ представленъ весьма слабо, сравнительно съ количествомъ восточныхъ епископовъ, и затѣмъ что какого либо организованнаго представительства отъ всѣхъ отдѣльныхъ епископскихъ церквей римской имперіи не существовало, вслѣдствіе чего на нѣкоторыхъ соборахъ число присутствующихъ епископовъ не доходило до 200, а на другихъ напротивъ было свыше 600.—Вселенскіе соборы *созывались* императорами, въ виду обнаружившейся потребности общецерковнаго обсужденія тѣхъ или другихъ вопросовъ и по заявленному желанію епископовъ, въ особенности наиболѣе авторитетныхъ изъ нихъ. Императоръ же назначалъ мѣсто для составленія соборовъ и закрывалъ ихъ, по разрѣшеніи тѣхъ задачъ, для которыхъ они созывались. Пригласительныя на соборъ граматы, съ указаніемъ дня и мѣста собранія, препровождались отъ императора къ высшимъ епископамъ, съ тѣмъ чтобы эти послѣдніе извѣстили остальныхъ о предстоящемъ соборѣ, и только въ видѣ исключенія адресовались отдѣльнымъ епископамъ, пользовавшимся особымъ уваженіемъ въ церкви, напр. Августину иппонскому. На III вселенскомъ соборѣ въ числѣ членовъ было нѣсколько хорепископовъ. Епископы, не имѣвшіе возможности лично явиться на соборъ, могли присылать пресвитеровъ и діаконовъ изъ подчиненнаго имъ духовенства въ качествѣ своихъ представителей, въ каковомъ случаѣ представители занимали то же мѣсто въ соборныхъ засѣданіяхъ и въ ряду подписей подъ соборными актами, какое принадлежало представляемымъ ими каѳедрамъ. Участіе римскаго епископа и четырехъ восточныхъ патріарховъ, или ихъ представителей, считалось необходимымъ для составленія вселенскаго собора. Римскій епископъ лично никогда не присутствовалъ на вселенскихъ соборахъ, а посылалъ на нихъ своихъ уполномоченныхъ легатовъ. Легатовъ его не было на второмъ вселенскомъ соборѣ, по объясненной выше причинѣ, точно также на пятомъ вселенскомъ соборѣ не было ни самаго римскаго епископа Вигилія, хотя онъ въ то время находился въ Константинополѣ, ни его легатовъ, такъ какъ онъ не согласенъ былъ съ взглядами императора Юстиніана и восточныхъ епископовъ по тѣмъ вопросамъ, которые послужили поводомъ къ созванію пятаго собора, и намѣренно уклонился отъ участія въ немъ, такъ что и пятый соборъ, подобно второму, лишь впослѣд-

ствіи были признаны на западѣ за вселенскій. Предсѣдательство на вселенскихъ соборахъ принадлежало или представителямъ римскаго епископа (на I-мъ и III-мъ), или императорскимъ коммиссарамъ или самимъ императорамъ (на IV и на VI-мъ), или константинопольскому епископу. Послѣдній предсѣдательствовалъ на второмъ и на пятомъ соборахъ, которые, какъ сказано, состоялись безъ участія римской церкви, и еще на седьмомъ соборѣ; но на послѣднемъ при перечисленіи членовъ и при подачѣ членами мнѣній, на первомъ планѣ всегда стоятъ представители римской церкви. Что касается въ особенности перваго вселенскаго собора, то вопросъ о предсѣдательствѣ на немъ очень спорный: по болѣе вѣроятному мнѣнію, предсѣдателями были Озія, епископъ кордубскій изъ Испаніи, и два пресвитера римской церкви, Витъ и Виценцій.

§ 17. *Высшая церковная власть императора* *). Ни высшіе епископы христіанской церкви, власть которыхъ, каждаго въ отдѣльности, простиралась лишь на опредѣленный территоріальный округъ, ни вселенскіе соборы, какъ институтъ чрезвычайнаго характера, а не постояннаго церковнаго устройства, возникшій при томъ благодаря только христіанскимъ императорамъ и имѣвшій цѣлью установленіе догматовъ вѣры, не могли быть олицетвореніемъ одной общецерковной, общепризнанной и *постоянной* власти, пекущейся о цѣлой церкви, издающей законы и распоряженія, для устроенія церковнаго порядка въ цѣломъ христіанствѣ, и возстановляющей нарушенный порядокъ. Церковная централизація не могла остановиться на образованіи патріархатовъ: для церкви, какъ церкви католической, всеобщей, обнимающей всю совокупность христіанскихъ общинъ и совпадающей, хотя и не буквально, съ предѣлами римской имперіи, точно такъ же долженъ

*) *Petrus de Marca*, De concordia sacerdotii et imperii, Parisiis, 1704, lib. II, IV; *Pichler*, Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident, München, 1864 г. B. I, 33 sqq.; *Hergenröther*, Photius, I, Buch I; *Niehues*, Geschichte des Verhältnisses zwischen Kaiserthum und Papsthum im Mittelalter, München, 1877, B. I; *Löning*, I, 20 sqq. 64—77. 507; *Gasquet*, De l'autorité impériale en matières religieuses à Byzance, Paris, 1879; *Langen*, Geschichte der römischen Kirche, B. I, 1881, B. II, 1885; *Harnack*, Lehrbuch der Dogmengeschichte, 1888, II, 33 sqq. 398 sqq.; *Flasch*, Konstantin der Grosse, als erster christlichen Kaiser, 1891; *Sohm*, Kirchenr. §§ 31 и 32; *Курганов*ъ, н. с.; *Суворов*ъ, Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ. 1884, гл. IV; *Глубоковскій*, Блажен. Өеодоритъ, т. I.

былъ существовать извѣстный видимый центръ единства, centrum unitatis, къ которому бы направлялись важнѣйшія церковныя дѣла, и отъ котораго исходили бы важнѣйшія церковныя распоряженія, какъ не могла обойдтись безъ центральной власти сама римская имперія. Этимъ центромъ стала императорская власть.

Уже первый христіанскій императоръ разсматривался не только какъ „внѣшній епископъ“ (выраженіе Константина Великаго), но и какъ Богомъ поставленный „общій епископъ“ (выраженіе церковнаго историка Евсевія), который имѣетъ преимущественное попеченіе о церкви Божіей и, при возникновеніи разногласій, созываетъ соборы изъ служителей Божіихъ. Отцы втораго вселенскаго собора въ посланіи къ Ѳеодосію Великому, выразивъ благодареніе Богу за то, что онъ поставилъ императорскую власть для установленія общаго церковнаго мира и для утвержденія св. вѣры, просили императора объ утвержденіи соборныхъ постановленій. Также впослѣдствіи поступили отцы VI. всел. собора. Догматическія вѣроопредѣленія вселенскихъ соборовъ вообще получали императорское утвержденіе, и если изъ актовъ соборныхъ не видно того же самаго относительно каноновъ дисциплинарныхъ, то это не значило, что послѣдніе устанавливались независимо отъ императорской власти, а значило лишь, что утвержденіе ихъ императоромъ само собою подразумѣвалось и должно было выводиться изъ факта созванія собора императоромъ и изъ утвержденія имъ важнѣйшихъ соборныхъ постановленій—догматическихъ.

Соборъ 448 г. въ Константинополѣ привѣтствовалъ Ѳеодосія II какъ первосвященника и императора. Подобнымъ же образомъ отцы халкидонскаго собора признали въ Маркіанѣ священника и императора, побѣдителя въ войнѣ и учителя вѣры. Даже папа Левъ Великій, ревнивый оберегатель римскихъ традицій, приписываетъ тому же императору и царское могущество, и священническое попеченіе. Съ чрезвычайною ясностію и силою формулирована идея высшей церковной власти императора въ посланіи Юстиніана къ V вселен. собору, гдѣ говорится, что *императоры*—предшественники Юстиніана—Константинъ, Ѳеодосій и др. *осудили и анаѳематствовали еретиковъ*, приложивъ стараніе къ тому, чтобы проповѣдывалась правая вѣра. Самъ папа Григорій II, который въ своей перепискѣ съ императоромъ Львомъ Исавромъ, по поводу выраженія этого послѣдняго, что онъ—императоръ и священникъ, старался доказать, что императоръ своими распоряженіями, направленными противъ иконопочитанія, вторгается въ неподлежащую ему сферу, не оспаривалъ священнической власти благочестивыхъ предшественниковъ Льва Исавра.

Какъ высшая церковная власть, императоръ созывалъ вселенскіе соборы, слѣдилъ за ихъ дѣятельностію, принималъ въ нихъ

непосредственное участіе, когда находилъ это нужнымъ и возможнымъ для себя, по положенію дѣлъ церковно-государственныхъ, принималъ мѣры къ устраненію церковныхъ распрей на самыхъ соборахъ и утверждалъ соборныя постановленія. Кромѣ того, самъ отъ себя императоръ издавалъ церковные законы и наблюдалъ за исполненіемъ церковныхъ нормъ, обязывая патріарховъ публиковать императорскіе церковные законы въ подчиненныхъ имъ провинціяхъ путемъ разсылки митрополитамъ текста новоизданныхъ законовъ. Императоръ былъ высшимъ судьей, къ которому обращались осужденные по церковнымъ дѣламъ. Отъ значительнѣйшихъ епископскихъ каѳедръ имѣлись въ столицѣ постоянные представители (ἀποκρισιάριοι), черезъ которыхъ должны были происходить сношенія съ императоромъ. Императоръ могъ, по своему усмотрѣнію, замѣстить вакантную епископскую каѳедру, что̀ въ Константинополѣ относительно константинопольской патріаршей каѳедры было обыкновеннымъ явленіемъ, а по отношенію къ римской епископской каѳедрѣ императору принадлежало утвержденіе выбраннаго кандидата. Можно сказать даже, что первая по времени законная норма относительно замѣщенія римской епископской каѳедры была установлена императоромъ Гоноріемъ, который, въ виду неоднократныхъ партійныхъ столкновеній и выбора каждою партіею своего епископа, опредѣлилъ, что только единогласный выборъ рѣшаетъ дѣло, и что, при раздѣленіи голосовъ, ни одинъ изъ соперниковъ не можетъ быть признанъ правомѣрнымъ епископомъ. Императоръ вносилъ иногда радикальныя измѣненія въ существующее церковное устройство, возводя епископовъ въ положеніе автокефальныхъ, какъ это сдѣлалъ Константъ II-й съ архіепископомъ равеннскимъ. Императоры издавали указы о повсемѣстномъ употребленіи при богослуженіи извѣстныхъ гимновъ (таковъ напр. указъ Ѳеодосія II-го и Пульхеріи о повсемѣстномъ употребленіи трисвятой пѣсни: „Св. Боже, Св. крѣпкій“ и проч.), или даже сами сочиняли такіе гимны (таковъ напр. сочиненный Юстиніаномъ гимнъ: „Единородный Сыне и Слове Божій“). Церковный историкъ Сократъ въ V в. имѣлъ полное право сказать, что съ тѣхъ поръ какъ императоры сдѣлались христіанами, церковныя дѣла стали зависѣть отъ нихъ. Но соединеніе въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ и церковной и государственной власти, при

неразвитости политическихъ понятій и при недостаткѣ историческаго опыта, повело къ весьма прискорбнымъ явленіямъ въ церковно-государственной жизни. Періодъ вселенскихъ соборовъ былъ временемъ богословскаго формулированія христіанскихъ догматовъ, и притомъ не путемъ мирной и спокойно прогрессирующей работы христіанскаго мышленія, а среди ожесточеннаго столкновенія религіозныхъ партій, изъ которыхъ каждая боролась за исключительное господство въ государствѣ съ уничтоженіемъ партіи противной. Отсюда объясняется, что императоры или по собственной инціативѣ, лично заинтересованные торжествомъ извѣстнаго взгляда, или находясь подъ вліяніемъ одной изъ партій, или наконецъ преслѣдуя политику примиренія партій, издавали обязательные для всѣхъ подданныхъ религіозные эдикты, причемъ не только законодательствовали въ духѣ церкви, но и становились въ противорѣчіе съ церковнымъ догматомъ, усиливая религіозную смуту и нарушая свободу совѣсти въ лицахъ, не раздѣлявшихъ императорскаго взгляда. Такъ императоръ Констанцій принуждалъ православныхъ замѣнить въ никейскомъ символѣ слово: „ὁμοούσιος (единосущный) словомъ ὁμοιούσιος (подобосущный). Василискъ издалъ въ 482 г. окружное посланіе (ἐγκύκλιον), а вскорѣ послѣ него Зенонъ соединительную формулу (ἑνωτικόν), направленныя противъ халкидонскаго собора, т. е. составленныя въ монофизитскомъ духѣ. Императоръ Ираклій въ 638 г. издалъ изложеніе вѣры: ἔκθεσις, а Константъ II-й въ 648 г. издалъ образецъ (τύπος), составленные въ монофелитскомъ духѣ. Императоры—иконоборцы издавали эдикты противъ иконопочитанія.

Въ виду того значенія, которое пріобрѣла императорская власть въ церкви, понятнымъ становится, почему варвары, желавшіе обратиться въ христіанство, просили *императора* о присылкѣ проповѣдниковъ (какъ это засвидѣтельствовано напр. относительно Иверіи—нынѣшней Грузіи—церковными историками Созоменомъ и Феодоритомъ, и какъ позднѣе сдѣлали наши предки). Неудивительно и то, что христіане Персіи, а на западѣ франки меровингскаго королевства видѣли въ императорѣ естественнаго главу христіанства. Но съ другой стороны понятно и то, почему еретическія партіи римской имперіи принимали политическій оттѣнокъ, перенося свою вражду къ господствующей церкви на римскую имперію и съ готовностью передаваясь врагамъ имперіи. Смутная эпоха борьбы православія съ несторіанами, монофизитами и монофелитами ознаменовалась отпаденіемъ отъ вселенской церк-

ви нѣсколькихъ церквей и сектъ въ разныхъ странахъ востока. Раньше другихъ отдѣлились несторіане. Затѣмъ послѣ халкидонскаго собора отдѣлилась отъ общенія съ вселенскою церковью армянская церковь, болѣе по недоразумѣнію, вслѣдствіе трудности сношеній и невозможности скораго полученія вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ восточной имперіи, чѣмъ по разности догматическихъ взглядовъ. Въ Сиріи монофизиты, въ особенности благодаря ихъ организатору Іакову Варадею (VI в.), отъ котораго вѣроятно они и получили названіе яковитовъ, остались приверженцами осужденнаго на халкидонскомъ соборѣ Евтихія. Въ Египтѣ копты не приняли халкидонскаго догмата и отдѣлились отъ имперской церкви, противополагая себя „мелекитамъ" или „мелехитамъ", „мелхитамъ" т. е. приверженцамъ императорскаго халкидонскаго догмата; съ коптами египетскими соединились эѳіопы Нубіи и Абиссиніи.

§ 18. *Римскій епископъ* *). Изъ представленнаго выше объясненія 6 правила I вселенскаго собора видно, что римскій епископъ въ 325 г. имѣлъ власть во всѣхъ провинціяхъ Италіи. Что же касается преимуществъ чести и нравственнаго авторитета, то римскій епископъ безспорно признавался первымъ епископомъ всего христіанства, а не Италіи только. Это первенство было формально признано на второмъ вселенскомъ соборѣ, постановившемъ (пр. 3), что епископъ константинопольскій, Новаго Рима, по преимуществамъ чести *долженъ слѣдовать за епископомъ римскимъ*, первенство котораго слѣдовательно представляется какъ нѣчто не допускающее никакихъ сомнѣній и споровъ. Но еще раньше втораго вселенскаго собора, сардикскій соборъ (близъ Софіи, столицы нынѣшняго болгарскаго княжества) 343 г. (пр. 3 и 4) съ цѣлію оказать поддержку св. Аѳанасію александрійскому, главному защитнику никейскаго догмата на востокѣ, погруженномъ въ аріанство и осудившемъ св. Аѳанасія на нѣсколькихъ соборахъ, не смотря на ранѣе состоявшееся осужденіе аріанства на никейскомъ соборѣ, призналъ за римскимъ епископомъ *высшую судебную власть*

*) См. литер. предыдущ. §-а и кромѣ того: *Maassen,* Primat, 86—136; *Friedrich,* Zur ältesten Geschichte des Primates in der Kirche; *Weyl,* Die Beziehungen des Papsthum zum fränkischen Staats-und Kirchenrecht unter den Carolingen, въ *Gierke's* Untersuchungen zur deutschen Staats-und Rechtsgeschichte, Heft 40, Breslaw, 1862; *Diehl,* Études sur l'administration Byzantine dans l'exarchat de Ravenne, Paris, 1888; *Суворовъ,* Римское папство до раздѣленія церквей; *Duchesne,* L'illyricum ecclesiastique (Byzantinische Zeitschrift B. I); *Gelzer,* въ Jahrbücher f. protestant Theologie, 1887: „Der Streit über den Titel des oecumenischen Patriarchen".

для цѣлой церкви, не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ самъ лично держалъ высшій судъ, а въ томъ, что онъ можетъ составить новый соборъ для новаго изслѣдованія и рѣшенія рѣшеннаго уже дѣла, какъ скоро убѣдится въ основательности жалобы осужденнаго, т. е. римскій епископъ можетъ признать или непризнать состоявщееся соборное рѣшеніе. Окончательное торжество православія надъ аріанствомъ было вмѣстѣ и торжествомъ Рима, который во все время господства аріанства на востокѣ послѣ I-го вселенскаго собора оказывалъ гонимому тамъ православію поддержку. Міросозерцанію самой римской церкви было совершенно необычно приравненіе римскаго епископа къ высшимъ епископамъ востока, какъ въ силу римскаго церковнаго преданія объ апостолѣ Петрѣ и его преемникѣ, такъ и потому, что даже административный строй римской имперіи, положенный въ основаніе церковной организаціи, исключалъ возможность приравненія. Римскій епископъ не могъ быть высшимъ епископомъ въ предѣлахъ одного изъ діэцезовъ, какъ подраздѣленія префектуры, каковыми были высшіе епископы востока. Для западнаго католическаго міра, обнимавшаго три префектуры, не состоялось подобнаго совпаденія государственныхъ діэцезовъ съ высшими надъ провинціями церковно-административными округами. Первый вселенскій соборъ имѣлъ въ виду только власть римскаго епископа надъ провинціями Италіи и оставилъ открытымъ вопросъ о томъ, кто имѣетъ власть надъ остальными христіанскими общинами римской имперіи, состоявшими внѣ діэцезовъ восточной префектуры. Мало по малу римскій епископъ, за которымъ исключительно утвердился титулъ папы, вначалѣ прилагавшійся и къ другимъ епископамъ, распространилъ свою власть на всѣ эти общины, и декреталы его стали вноситься въ каноническіе сборники, какъ законъ для западнаго христіанства. Самый ранній, исторически извѣстный, декреталъ былъ адресованъ папой Сириціемъ къ Гимерію, епископу таррагонскому, въ *Испанію* (385 г.).

Въ нѣкоторыхъ странахъ, впрочемъ, дѣло не обошлось безъ временной оппозиціи Риму. Съ особенною энергіей отстаивала свою независимость *сѣверная Африка* въ IV и въ началѣ V в.; но, съ завоеваніемъ ея вандалами—аріанами, африканскіе епископы, подобно епископамъ другихъ аріанскихъ государствъ, основанныхъ германцами (бургундскаго, вестготскаго и остготскаго), стали видѣть въ римской

каѳедрѣ единственный оплотъ противъ возможныхъ притѣсненій со стороны некатолической власти. Африканскіе епископы въ половинѣ VI вѣка были уже главными противниками императора Юстиніана въ спорѣ „о трехъ главахъ", сливая себя съ „ecclesia latinorum", и ссылаясь на Августина, какъ на руководящій авторитетъ латинской церкви. А въ концѣ VII вѣка, епископъ Кресконій помѣстилъ въ своемъ каноническомъ сборникѣ папскіе декреталы на ряду съ соборными канонами. Въ *Галліи* равнымъ образомъ была сдѣлана попытка епископомъ Иларіемъ арелатскимъ отстоять свою независимость отъ римскаго епископа. По поводу неповиновенія епископа арелатскаго, папа Левъ Великій исходатайствовалъ у императора Валентиніана III изданіе закона 445 г. о подчиненіи всѣхъ епископовъ епископу римскому, какъ универсальному правителю всей христіанской церкви. Какъ самъ Левъ въ перепискѣ съ Иларіемъ говоритъ не о правахъ только своихъ на церковное подчиненіе Галліи, а объ общецерковной власти, врученной Господомъ Петру и этимъ послѣднимъ перенесенной на епископа римскаго, такъ и Валентиніанъ въ своемъ законѣ, не ограничиваясь конкретнымъ случаемъ неповиновенія арелатскаго епископа римскому, требуетъ, съ ссылкой на никейскій соборъ, чтобы цѣлое христіанство признало преемника Петра своимъ высшимъ руководителемъ. Тѣ же самыя мысли изложены въ письмѣ Валентиніана III къ восточно-римскому императору Ѳеодосію II-му и въ письмѣ Льва Великаго къ императору Маркіану. Въ послѣднемъ папа указываетъ на то, что онъ несетъ отвѣтственность за соблюденіе каноновъ въ цѣлой церкви. Исходъ оппозиціи арелатскаго епископа римскому былъ тотъ, что папа согласился допустить высшую церковную власть епископа арелатскаго въ Галліи, но съ тѣмъ, чтобы онъ дѣйствовалъ не ex jure proprio, а какъ папскій викарій, подобно тому, какъ въ Иллирикѣ осуществлялъ высшую церковную власть, въ качествѣ же викарія, епископъ ѳессалоникскій, или какъ позднѣе архіепископъ Первой Юстиніаны (родины императора Юстиніана) пользовался нѣкоторое время высшею церковною властью въ нѣкоторыхъ провинціяхъ того же Иллирика въ качествѣ мѣстоблюстителя или представителя того же римскаго епископа, или какъ еще позднѣе, св. Бонифацій, апостолъ германцевъ, въ созданной его трудами германской церкви. Въ самой *Италіи* папѣ приходилось не разъ бороться съ стремленіемъ нѣкоторыхъ епископовъ къ самостоятельности, напр. миланскаго и равеннскаго: послѣдній даже получилъ отъ императора Константа II-го титулъ автокефальнаго, автокефальность эта однако существовала весьма недолго. *Британская* церковь, долго находившаяся внѣ опредѣленныхъ отношеній къ Риму, со времени Григорія Великаго и особенно со времени Ѳеодора, архіепископа кентербюрійскаго († 690), также была поставлена въ зависимость отъ Рима. Когда *франки* основали первое католическое герман-

ское государство (ранѣе основывавшіяся германцами государства были аріанскія), высшая церковная власть папы признана была и франками, хотя короли—меровинги, какъ національная католическая власть, считали себя въ правѣ принимать широкое участіе въ правительствѣ церковномъ.

Римскій епископъ тѣмъ болѣе долженъ былъ выступить какъ центральная церковная власть для христіанскаго запада, что, съ разрушеніемъ западной римской имперіи, не стало императорской власти, какъ центра церковнаго единства: попеченіе о церкви и высшая руководящая власть перешли къ римскому епископу, и этотъ послѣдній сталъ на мѣсто императора. Но подчиняя себѣ западъ, римскій епископъ считалъ себя призваннымъ къ осуществленію высшей церковной власти и на востокѣ, такъ какъ создавшійся на почвѣ римскаго церковнаго преданія и со всею ясностію формулированный уже Львомъ Великимъ (въ V в.) двойной догматъ о первенствѣ апостола Петра надъ другими апостолами и о преемствѣ римскаго епископа въ правахъ апостола Петра не допускалъ географическаго ограниченія римской церковной власти однимъ западомъ. Императоръ Валентиніанъ III, подтверждая высшую церковную власть папы, сослался даже на никейскій соборъ. Дѣлая эту ссылку, императоръ имѣлъ въ виду или сардикскіе каноны, которые въ западныхъ сборникахъ того времени нерѣдко соединялись и сливались съ никейскими, или своеобразную редакцію 6-го правила никейскаго собора. Этому канону былъ приданъ въ западныхъ сборникахъ заголовокъ: „de primatu ecclesiae“, и затѣмъ вначалѣ канона прибавлены слова: „ecclesia romana semper habuit primatum“. Латинскій христіанскій міръ очевидно не удовлетворялся шестымъ канономъ никейскаго собора въ его подлинной редакціи. „Попеченіе о всѣхъ церквахъ“ (sollicitudo omnium) сдѣлалось обычнымъ терминомъ на римскомъ оффиціальномъ языкѣ, а изъ попеченія само собою вытекало право высшаго надзора и принятія мѣръ въ случаѣ нарушеній церковнаго порядка. Изъ этого круга идей объясняется напр. желаніе папы Льва Великаго сдѣлать Ѳеодорита кирскаго своимъ викаріемъ на востокѣ. Легаты, представлявшіе римскую церковь на вселенскихъ соборахъ, открыто провозглашали римскій взглядъ на апостола Петра и его преемника. И должно сказать, что обстоятельства времени

и ходъ событій въ восточной церкви въ высокой степени содѣйствовали укрѣпленію римскихъ епископовъ на занятой ими точкѣ зрѣнія. Вопервыхъ, восточная церковь раздиралась религіозными смутами, порожденными борьбою религіозныхъ партій, тогда какъ западъ пользовался сравнительнымъ спокойствіемъ и весьма часто имѣлъ случай выступить въ качествѣ безпристрастнаго судьи между спорящими сторонами, въ тоже время своимъ согласіемъ или несогласіемъ съ даннымъ взглядомъ усиливая или ослабляя ту или другую сторону, слѣдовательно давая чувствовать вѣсъ своего сужденія. Въ римскомъ епископѣ искали авторитетной опоры Аѳанасій, Златоустъ, Флавіанъ, Ѳеодоритъ и др. Вовторыхъ, императоры своимъ образомъ дѣйствій относительно вѣры и церкви (наприм. законами, направленными противъ православія), вызывали въ Римѣ оппозицію, мотивированную желаніемъ защитить свободу церкви отъ насилія. Такъ это было въ эпоху аріанства. Когда, вскорѣ послѣ халкидонскаго собора, императоръ Зенонъ, проводя свою политику примиренія партій, издалъ свой генотиконъ, составленный въ монофизитскомъ духѣ, произошелъ даже полный разрывъ между востокомъ и западомъ, продолжавшійся 35 лѣтъ (484—519). Въ VIII в. оппозиція римскаго епископа Григорія II эдикту Льва Исавра объ отмѣнѣ иконопочитанія приняла политическій характеръ, соединившись съ возстаніемъ Италіи противъ исполнителей императорскаго эдикта. Этотъ папа еще сдерживалъ италійцевъ отъ измѣны императору, но окончательный исходъ столкновенія былъ тотъ, что римскій епископъ, какъ вождь и представитель Италіи, отложился отъ подданства византійскому императору, вступилъ въ тѣсный союзъ съ франкскимъ майордомомъ Пипиномъ Короткимъ и въ лицѣ его сына Карла Великаго возсоздалъ западно-католическую римскую имперію. Немаловажное значеніе имѣлъ и еще одинъ поводъ для оппозиціоннаго отношенія римскаго епископа къ Константинополю: возвышеніе константинопольскаго патріарха надъ остальными восточными патріархами. Въ Римѣ не находили возможнымъ согласиться съ принципомъ соотвѣтствія между политическою организаціею имперіи и церковнымъ строемъ, и стояли на той точкѣ зрѣнія, что нѣкоторыя изъ каѳедръ, именно римская, александрійская и антіохійская, пользуются предпочтительнымъ положеніемъ по причинѣ происхожденія ихъ

отъ апостола Петра, а не по причинѣ политическаго значенія Рима, Александріи и Антіохіи. Съ этой точки зрѣнія возвышеніе константинопольскаго епископа на томъ только основаніи, что Константинополь есть новый Римъ, новая столица имперіи, казалось нарушеніемъ церковнаго порядка, санкціонированнаго никейскимъ соборомъ, который о константинопольскомъ епископѣ ничего не говоритъ. Поэтому каноны послѣдующихъ соборовъ (3 кан. II всел. соб. и 28 кан. IV всел. соб.) возвышавшіе епископа константинопольскаго, въ виду политическаго значенія города Константинополя, систематически не признавались на западѣ и не вносились въ церковные сборники. Римскій епископъ усматривалъ въ константинопольскомъ соперника себѣ, который можетъ и не удовольствоваться второстепеннымъ рангомъ (послѣ римскаго), тѣмъ болѣе, что старый Римъ фактически уже въ IV вѣкѣ, окончательно послѣ паденія западной римской имперіи, пересталъ быть императорской резиденціей и столицей, и слѣдовательно съ точки зрѣнія соотвѣтствія между политическою организаціей и церковнымъ строемъ, римскій епископъ долженъ былъ утратить право первенства между христіанскими епископами.

Впослѣдствіи Анна Комнена дѣйствительно и говорила, вполнѣ выражая византійскія представленія по этому предмету: латиняне, по своей заносчивости, дерзаютъ утверждать, что римскій епископъ есть верховный священникъ и предстоятель цѣлаго міра, но вслѣдствіе пеперенесенія резиденціи, сената и всей вообще государственной власти въ Византію, вся церковная гегемонія перешла на этотъ городъ. Тотъ же самый взглядъ высказывается въ XII в. канонистомъ Вальсамономъ въ его комментаріѣ къ номоканону въ XIV титуловъ.

Титулъ „вселенскаго патріарха", усвоенный себѣ константинопольскими епископами, снова возбудилъ живѣйшую оппозицію со стороны Рима. Папа Григорій Великій, въ противоположность этому горделивому, по его мнѣнію, титулу, назвалъ себя: „servus servorum Dei",—выраженіе это сдѣлалось потомъ оффиціальнымъ на языкѣ папскихъ буллъ. Трулльскій соборъ 692 г., признавшій за патріархомъ константинопольскимъ *равное* положеніе съ римскимъ (пр. 36) и кромѣ того постановившій нѣсколько каноновъ, прямо направленныхъ противъ запада, былъ уже предвѣстникомъ того разрыва, который совершился въ IX—XI в.в.

§ 19. Теорія пяти чувствъ *). Восточный взглядъ на пять патріарховъ, какъ на главъ церковной іерархіи, вначалѣ IX вѣка развился въ теорію пяти чувствъ, по которой какъ человѣческому организму Богъ далъ пять чувствъ, такъ и тѣло церкви имѣетъ пять патріарховъ,—какъ организмъ человѣческій поддерживается въ своемъ существованіи при помощи пяти чувствъ, такъ и тѣло церкви руководится пятью патріархами.

Эта теорія высказывалась въ IX в. патріархомъ Никифоромъ, Θеодоромъ Студитомъ, императорскимъ коммиссаромъ Баанесомъ на соборѣ 869 г., въ XI в, патріархомъ Петромъ антіохійскимъ въ посланіи его къ епископу Доминику Градо-венеціянскому, который присвоялъ себѣ титулъ патріарха, въ XII в. Θеодоромъ Вальсамономъ и другими.

Въ теоріи всѣ пять патріарховъ равны между собою и общее ихъ согласіе дѣлаетъ рѣшеніе ихъ обязательнымъ для цѣлой церкви закономъ. Въ дѣйствительности же этой теоріи не соотвѣтствовали ни фактическое положеніе римскаго епископа, ни привилегированное сравнительно съ другими восточными патріархами положеніе патріарха константинопольскаго, ни та общецерковная власть, которая принадлежала императору и о которой совершенно забываетъ теорія пяти чувствъ, какъ будто императоръ можетъ стоять въ сторонѣ отъ церкви. Любопытно, что на томъ же самомъ соборѣ 869 г., на которомъ даже императорскій коммиссаръ выражался въ смыслѣ теоріи пяти чувствъ, прочитано было посланіе александрійскаго патріарха къ императору, гдѣ говорится: что „глава и высшій руководитель епископовъ и духовенства есть императоръ". А съ другой стороны, нѣсколько ранѣе, св. Θеодоръ Студитъ, убѣждая императора Михаила Косноязычнаго возстановить единство и миръ церкви, потрясенной иконоборствомъ, и указывая на то, что для возстановленія мира требуется согласіе пяти патріарховъ, которымъ принадлежитъ сужденіе о вѣрѣ, какъ преемникамъ апостоловъ, добавляетъ, что если созваніе всѣхъ пяти патріарховъ императоръ найдетъ невозможнымъ, то пусть отправлено будетъ посольство отъ обѣихъ партій въ Римъ, кото-

---

*) Θεοδώρου τοῦ Βαλσαμῶνος μελέτη ἤγουν ἀπόκρισις χάριν τῶν πατριαρχικῶν προνομίων (въ синтагмѣ Ралліса и Потлиса, IV, 542—555); *Pichler*, Geschichte der Trennung, I, 139—142, 190—192; *Langen*, Geschichte der römischen Kirche, II, 804 и сл., III, 144 и сл. 476; *Hergenröther*, Photius, II, 132 sqq.

рое и испросить тамъ правильное догматическое рѣшеніе. Несостоятельная сама по себѣ, теорія пяти чувствъ должна была оказаться еще болѣе несостоятельною для позднѣйшаго времени, когда образовались національныя церкви, находящіяся внѣ патріархатовъ и не признающія надъ собой власти ни одного изъ пяти патріарховъ. Теорія пяти чувствъ можетъ быть разсматриваема лишь какъ историческій фактъ, не лишенный поучительности и интереса въ томъ отношеніи, что и византійцы считали необходимымъ существованіе постоянной общецерковной власти, которая бы руководила церковью въ цѣломъ, а не въ отдѣльныхъ только частяхъ и въ этомъ смыслѣ осуществляла бы церковное главенство.

§ 20. *Раздѣленіе церквей* *). Въ IX—XI в.в. произошло одно изъ важнѣйшихъ по своему всемірно-историческому значенію событій—церковный разрывъ между востокомъ и западомъ или раздѣленіе церквей. Раздѣленіе совершилось отчасти подъ вліяніемъ различій въ народномъ характерѣ, языкѣ, политическихъ судьбахъ, вѣрованіяхъ, церковныхъ обрядахъ римлянъ и романизированныхъ германцевъ съ одной стороны, эллиновъ и эллинизированныхъ восточныхъ народовъ съ другой стороны, главнымъ же образомъ вслѣдствіе неясности отношеній между высшими представителями церковной власти—императоромъ, римскимъ епископомъ и восточными патріархами съ константинопольскимъ во главѣ. Неясность отношеній между императоромъ и папой обнаруживались въ томъ, что императоръ отправлялъ посольства въ Римъ, сознавая безусловную необходимость заручиться голосомъ римскаго епископа въ пользу своихъ церковныхъ мѣропріятій, нерѣдко потрясавшихъ

---

*) *Thomassinus*, P. I, lib. 1, c. 15; *Neander*, Allg. Geschichte der christlichen Religion und Kirche, Gotha, 1864, VI, 371—414; *Pichler*, Geschichte der Trennung, B. I; *Hergenröther*, Photius, I—II Bde.; *Hefele*, Conciliengeschichte, IV; *Niehues*, Geschichte des Verhältnisses zwischen Kaiserthum und Papsthum im Mittelalter, B. II; *Langen*, Gesch. d. römischen Kirche, B. III; Ανδρονικ. Δημητρακοπούλου, Ἱστορία τοῦ σχίσματος τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας, ἀπὸ τῆς ὀρθοδόξου ἑλληνικῆς, 1867; *Gass*, Symbolik der griechischen Kirche, 1872; *Іаредъ*, Отзывы о св. Фотіѣ, патр. Константинопольскомъ, его современниковъ и проч. (Христ. Чтеніе за 1872—1873 гг.); *Лебедевъ*, Исторія констант. соборовъ IX в., Москва, 1888 г. (Реценз. въ „Юрид. Вѣстн." за 1889 г. Апрѣль); *Суворовъ*, Римское папство до раздѣленія церквей; *Скабаллановичъ*, Раздѣленіе церквей при Михаилѣ Керуларіи (Христіан. Чтен. за 1884 г.); *Иванцовъ-Платоновъ*, Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патріархѣ константинопольскомъ (Журналъ Минист Народ. Просвѣщ. за 1892 годъ).

церковный порядокъ, и въ тоже время смотрѣлъ на римскаго епископа, какъ на равнаго съ другими восточными еписконами, не смотря на то, что римскій епископъ у себя на западѣ сдѣлался не только высшимъ церковнымъ авторитетомъ, какъ преемникъ апостола Петра, но и первостепенною политическою силою, которая оказалась въ состояніи возсоздать римскую имперію на западѣ и для самой себя образовать особую государственную территорію, для управленія ею, въ качествѣ коронованнаго монарха. Съ своей стороны, папа смотрѣлъ на свое властное положеніе, установившееся для него на западѣ благодаря взаимодѣйствію разныхъ историческихъ причинъ, какъ на общецерковное положеніе, не различая востока и запада, забывая, что онъ уже стоитъ внѣ восточной римской имперіи и даже создалъ новую римскую имперію — соперницу восточной, и говоря съ восточнымъ императоромъ и съ восточною духовною іерархіею тѣмъ же тономъ, какимъ онъ говорилъ у себя на западѣ съ западными государями и епископами. Къ тому же еще патріархъ константинопольскій, просившій помощи изъ Рима всякій разъ, какъ положеніе его колебалось, благодаря торжеству противной партіи или нерасположенію императора, въ тоже время смотрѣлъ на себя какъ на равнаго римскому епископу, не только отрицая право какого либо вмѣшательства папы въ дѣла восточной церкви, но и стремясь самъ занять на востокѣ то же мѣсто, какое папа занималъ на западѣ, и даже быть оффиціально признаннымъ со стороны папы въ качествѣ главы восточной церкви. Ближайшимъ поводомъ къ разрыву послужило низложеніе патріарха константинопольскаго Игнатія въ 857 г. и возведеніе на его мѣсто Фотія. Папа Николай I тѣмъ болѣе считалъ себя вправѣ вступиться въ это дѣло, что къ нему обратились изъ Константинополя обѣ партіи: какъ партія низложеннаго Игнатія съ просьбою о помощи, такъ и покровительствуемая императоромъ Михаиломъ III-мъ партія Фотія съ просьбою о признаніи новаго патріарха. Папа не могъ поступить иначе, какъ высказаться въ пользу Игнатія, который былъ человѣкомъ безупречной добродѣтели и ни по какимъ законамъ не заслуживалъ низложенія, а противъ Фотія говорило уже то одно, что онъ возведенъ былъ на патріаршую каѳедру изъ мірянъ (Фотій былъ императорскимъ секретаремъ и начальникомъ императорской гвардіи)

и, кромѣ того, къ участію въ посвященіи его привлеченъ былъ лишенный ранѣе Игнатіемъ архіерейскаго сана архіепископъ сиракузскій Григорій Асвеста. Неизвѣстно, какъ пошли бы событія, если бы отправленные въ Константинополь папой Николаемъ легаты Родоальдъ и Захарія остались вѣрными своимъ инструкціямъ и поддержали Игнатія. Къ сожалѣнію, выборъ папы палъ на людей, далеко не безупречныхъ въ нравственномъ отношеніи: соборъ 861 г. (получившій въ исторіи названіе двукратнаго), при участіи папскихъ легатовъ, не устоявшихъ предъ византійскими вліяніями, призналъ Фотія законнымъ патріархомъ, а Игнатія низложилъ. Въ Римѣ, какъ скоро дошли туда вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что происходило на соборѣ 861 г., составленъ былъ римскій соборъ, на которомъ Фотію объявлены были низложеніе и анаѳема. Фотій обратился съ энцикликой къ восточнымъ патріархамъ, приглашая ихъ на вселенскій соборъ для разсмотрѣнія и осужденія латинскихъ лжеученій, т. е. столкновеніе между Римомъ и Константинополемъ съ личной почвы было перенесено на почву церковныхъ обрядовъ и догматовъ. Въ энцикликѣ всему западному христіанству поставлено въ вину нѣсколько заблужденій, изъ которыхъ главныя суть: 1) постъ въ субботу, 2) употребленіе въ пищу на первой недѣлѣ поста молока, сыра и яицъ, 3) презрѣніе къ священникамъ, живущимъ въ законномъ бракѣ, 4) непризнаніе мѵропомазанія, совершеннаго простыми священниками и 5) ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына.

Всѣ эти особенности западно-католическаго христіанства явились задолго до IX вѣка. Важнѣйшая изъ нихъ—ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына—ведетъ свое начало изъ Испаніи, гдѣ уже въ V в. аріанскому ученію, отрицавшему равенство и единосущіе Сына съ Отцомъ, противополагалось ученіе, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и отъ Сына, а въ 589 г. при переходѣ вестготскаго короля Рекареда изъ аріанства въ католическое христіанство, въ самый символъ вѣры было вставлено: „Filioque". Оказалъ ли вліяніе на Испанію авторитетъ св. Августина и Льва Великаго, въ сочиненіяхъ которыхъ можно было найдти подкрѣпленіе этому ученію, неизвѣстно, но извѣстно то, что изъ Испаніи это ученіе проникло въ другія страны западной Европы. Такъ на британскомъ соборѣ 680 г., состоявшемся подъ предсѣдательствомъ архіепископа Ѳеодора кентербюрійскаго, родомъ грека, при осужденіи моноѳелитства, было заявлено членами собора, что они исповѣдуютъ „Deum Patrem sine initio et Filium ejus unigenitum

ex Patre generatum ante saecula et Spiritum Sanctum procedentem ex Patre et Filio inenarrabiliter“. Во франкской церкви ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына было утверждено на нѣсколькихъ франкскихъ соборахъ, въ чемъ, между прочимъ принималъ живое участіе Карлъ Великій. Послѣдній настаивалъ, чтобы папа Левъ III-й также одобрилъ это ученіе и внесъ: „Filioque“ въ символъ вѣры, но папа въ то время стоялъ еще на той точкѣ зрѣнія, что въ догматическую формулу, установленную первыми двумя вселенскими соборами, нельзя вносить никакого измѣненія. Позднѣе однако и папы внесли: „Filioque“ въ символъ вѣры.

Кромѣ исчисленныхъ въ энцикликѣ Фотія пунктовъ, впослѣдствіи съ византійской стороны были выставлены многіе другіе обвинительные противъ латинянъ пункты, причемъ особенно важное значеніе придавалось совершенію Евхаристіи на опрѣснокахъ вмѣсто кислаго хлѣба, каковой обычай на западѣ дѣйствительно не могъ претендовать на древность. Между тѣмъ, не смотря на заявленныя такимъ образомъ ереси запада, при всякомъ улучшеніи отношеній между Римомъ и Константинополемъ, объ ересяхъ забывалось и церковное общеніе между востокомъ и западомъ возстановлялось. Такъ было послѣ низложенія Фотія возшедшимъ на престолъ Василіемъ Македонянинымъ: на соборѣ 869 г. въ присутствіи папскихъ легатовъ санкціонировано было возстановленіе Игнатія на патріаршей каѳедрѣ. А когда, по смерти Игнатія, императоръ нашелъ нужнымъ возвратить Фотія на вакантную каѳедру и папа нашелъ возможнымъ согласиться на признаніе Фотія патріархомъ, что и было торжественно санкціонировано на соборѣ 879 г. въ церкви св. Софіи, то и самъ Фотій забылъ на время о своихъ обвиненіяхъ противъ латинскаго запада, и вспомнилъ о нихъ лишь тогда, когда папа, увидѣвъ, что соборъ 879 г. не оправдалъ его надеждъ на признаніе за нимъ церковной власти надъ Болгаріей и полагая, что посланія его подверглись въ Константинополѣ фальсификаціи, а легаты—подкупу, провозгласилъ анаѳему Фотію. Наконецъ послѣ втораго и окончательнаго низложенія Фотія въ 886 г. Львомъ Мудрымъ церковный миръ между Римомъ и Константинополемъ возстановился и продолжался около 150 лѣтъ, не смотря на то, что римское папство за это время переживало самую темную эпоху своей исторіи, и что римская церковная жизнь страдала за это время вопіющими прав-

ственными язвами. Участіе Рима считалось необходимымъ при рѣшеніи важныхъ церковныхъ вопросовъ; поэтому, когда четвертый бракъ Льва Мудраго произвелъ расколъ въ Византіи, который былъ устраненъ лишь соборомъ 920 г., въ Константинополѣ потребовали утвержденія папой постановленій этого собора (τόμος ἑνώσεως). Отправленные по этому поводу легаты и патріархъ въ ознаменованіе церковнаго мира совмѣстно совершили Евхаристію. Окончательный разрывъ совершился около половины XI в., какъ разъ въ то время, когда всѣ усилія лучшихъ людей запада направились на утвержденіе церковнаго порядка и расшатанной нравственности.

Главнымъ дѣятелемъ въ окончательномъ разрывѣ между востокомъ и западомъ былъ патріархъ константинопольскій, болѣе чѣмъ когда либо желавшій быть признаннымъ главою восточной церкви. Объ этомъ шли переговоры въ 1024 году между Римомъ и Константинополемъ, и хотя въ Римѣ господствовала въ то время такая продажность, что папа Іоаннъ XIX готовъ былъ пойдти на сдѣлку, но переговоры получили огласку и возбудили всеобщее недовольство на западѣ, въ особенности во Франціи. Въ 1053 г. патріархъ Михаилъ Керуларій велѣлъ закрыть церкви и монастыри латинскаго обряда, существовавшіе въ Константинополѣ для проживавшихъ тамъ латинянъ, подобно тому какъ въ Римѣ были греческія церкви. А затѣмъ, побуждаемый Керуларіемъ, болгарскій архіепископъ Левъ охридскій написалъ посланіе одному изъ епископовъ Южной Италіи (которая состояла еще въ то время подъ византійскою властію), поставляя на видъ латинянамъ ихъ злоупотребленія и ереси, причемъ однако о самой важной латинской разности—ученіи объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына—не упоминается. По тому же предмету полемическое сочиненіе составлено было однимъ монахомъ Студійскаго монастыря Никитой Пекторатомъ. Съ латинской стороны апологія была составлена кардиналомъ Гумбертомъ, однимъ изъ членовъ спеціальнаго посольства, отправленнаго изъ Рима въ Константинополь для возстановленія церковнаго мира по желанію императора Константина Мономаха, въ политическіе интересы котораго не входило враждовать съ папой, составлявшимъ высшій авторитетъ для западныхъ христіанскихъ народовъ. Никита Пекторатъ, по желанію императора, даже осудилъ и публично сжегъ свой запальчивый полемическій трактатъ противъ латинянъ; но Михаила Керуларія императоръ не могъ расположить къ примиренію. Папскіе легаты были доведены до крайняго раздраженія, когда патріархъ отказалъ имъ въ предсѣдательствѣ на предполагавшемся соборѣ, указывая имъ мѣсто послѣ греческихъ архіепископовъ, и когда легаты не согласились на это, запретилъ имъ совершеніе мессы, угрожая прервать съ ними цер-

ковное общеніе. Раздраженные противъ патріарха легаты составили грамоту объ отлученіи патріарха Михаила и его единомышленниковъ и положили ее на главномъ престолѣ Софійской церкви. Патріархъ отвѣтилъ созваніемъ „вселенскаго" собора, на которомъ послѣдовало отлученіе отъ церкви латинянъ за ереси.

Со времени совершившагося въ половинѣ XI в. взаимнаго отлученія грековъ и латинянъ, не смотря на попытки уніи, въ разное время предпринимавшіяся (въ особенности на ліонскомъ соборѣ 1274 г. при Михаилѣ Палеологѣ и на флорентинскомъ соборѣ при Іоаннѣ Палеологѣ), церковное общеніе между востокомъ и западомъ не возстановлялось. При этомъ нельзя не замѣтить, что возмутительныя дѣйствія латинскихъ крестоносцевъ на востокѣ не мало содѣйствовали обостренію вражды грековъ къ латинянамъ, а съ другой стороны, что развитіе папства въ зенитѣ среднихъ вѣковъ дѣлало уже невозможнымъ церковное возсоединеніе иначе, какъ подъ условіемъ признанія такой же власти папы надъ восточными императорами и епископами, какою папа располагалъ у себя на западѣ.

Изъ соборовъ IX в. соборы 861 г. (т. н. двукратный или въ церкви св. Апостоловъ) и 879 г. (или соборъ въ церкви св. Софіи) отвергнуты были на западѣ, напротивъ на востокѣ причислены были къ вселенскимъ, каковыми склонны считать ихъ греки и въ настоящее время; соборъ 869 г., наоборотъ, отвергнутъ былъ греками, а латинянами до сихъ поръ считается за восьмой вселенскій.

Глава III я.

Развитіе устройства западно-католической церкви, по отдѣленіи ея отъ восточной.

§ 21. Папская власть въ средніе вѣка *). Въ представленіяхъ западнаго христіанства, отчасти нашедшихъ себѣ выраженіе въ

*) *Gfrörer,* Papst Gregorius VII und sein Zeitalter, VII B-de.; *Chr. Baur,* Geschichte der christlichen Kirche, B. III. *Hinschius,* Kirchenr. I, §§ 2?, 75; *Zorn,* Lehrbuch des Kirchenrechts, Stuttgart, 1888, § 8; *Geffcken,* Staat und Kirche in ihrem Verhältniss geschichtlich entwickelt, Berl. 1875, стр. 8—9. *Маассенъ,* Девять главъ о свободной церкви и о свободѣ совѣсти, въ русск. перев. гл. 5.

сборникѣ лжеисидоровскомъ, отчасти опредѣлившихся этимъ сборникомъ, церковь понималась какъ единая духовная монархія, въ которой все духовное господствуетъ надъ всѣмъ свѣтскимъ, по правилу: „omnia spiritualia digniora sunt temporalibus“. Въ этой монархіи клиръ есть высшее сословіе, надѣленное въ актѣ посвященія (ordinatio) особыми чрезвычайными дарами Божіей благодати и, въ силу этой одаренности, имѣющее исключительную способность и исключительное право учить, освящать и управлять. Міряне суть низшее сословіе, повинующееся клиру, поэтому церковь есть общество не равное (societas inaequalis). Лица коронованныя, императоры и короли, какъ міряне, не только не могутъ имѣть какой либо правительственной власти въ церкви, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ должны покоряться высшему церковному руководству, церковной власти, ибо, какъ говорилъ Иннокентій III-й, Господь предоставилъ Петру для управленія не только всю церковь, но и весь міръ. Восточный императоръ, церковная власть котораго признавалась и папами во времена нераздѣленной церкви, послѣ разрыва остался въ сторонѣ отъ латинскаго христіанскаго міра. Возстановленная же на западѣ римско-императорская власть въ лицѣ лишь немногихъ императоровъ (какъ Карлъ Великій, Оттонъ I, Генрихъ III) въ состояніи были поддержать свой авторитетъ въ дѣлахъ церковныхъ. Императорская власть была устранена отъ участія въ замѣщеніи римско-епископской каѳедры и въ созваніи вселенскихъ соборовъ. Каѳедра римскаго епископа стала замѣщаться путемъ избранія въ конклавѣ кардиналами. Послѣ собора 869 г., который на западѣ признанъ былъ восьмымъ вселенскимъ, послѣдующіе соборы созывались папами. До XV в. состоялось семь соборовъ, признаваемыхъ западною церковью за вселенскіе: четыре латеранскихъ (1123, 1139, 1179 и 1215 г.г.), два ліонскихъ (1245 и 1274 г.г.) и соборъ вѣнскій (1311 г.). Санкцію соборнымъ постановленіямъ давали папы, за именами которыхъ и публиковались эти постановленія и заносились въ каноническіе сборники (напр. Innocentius in concilio Lateranensi). Папа есть именно тотъ глава, которому въ духовной монархіи западнаго христіанства принадлежитъ полнота власти (plenitudo potestatis). Онъ есть всемірный епископъ (episcopus universalis), отъ котораго заимствуютъ свои полномочія всѣ остальные церковные

органы. Кардиналы при папѣ составили консисторію по подобію той, которая состояла при римскомъ императорѣ временъ классическаго римскаго права, и которая продолжала существовать при византійскихъ императорахъ. Папскіе законы получили то же названіе, какое носили законы императорскіе: constitutiones, различаясь по формѣ, какъ буллы и бреве. Съ водвореніемъ латинской власти на востокѣ, въ эпоху крестовыхъ походовъ, и съ основаніемъ латинской имперіи въ самомъ Константинополѣ, наступилъ такой историческій моментъ, когда даже масса восточныхъ епископскихъ каѳедръ, не исключая и патріаршихъ, была занята латинянами, признававшими, конечно, высшую власть папы. Всѣ важнѣйшія дѣла, входившія нѣкогда въ кругъ вѣдѣнія національныхъ и провинціальныхъ соборовъ (въ особенности дѣла, касающіяся епископовъ, какъ наприм. замѣщеніе епископской каѳедры, судъ надъ епископомъ, спорныя дѣла епископовъ между собою), централизовались въ рукахъ папы. Митрополиты еще въ VI вѣкѣ стали получать отъ папы палліумъ; но въ позднѣйшіе средніе вѣка съ дарованіемъ pallium'а связано было принесеніе клятвы вѣрности и повиновенія преемнику св. Петра. Таковую же клятву обязаны были давать новопосвященные епископы, которые въ XI вѣкѣ стали титуловаться: „Dei et apostolicae sedis gratia", и всѣмъ вообще епископамъ вмѣнено было въ обязанность лично являться въ Римъ съ докладомъ о положеніи церковныхъ дѣлъ (visitare limina apostolorum). Нѣкоторымъ митрополитамъ, какъ викаріямъ папы, предоставлялось въ предѣлахъ болѣе или менѣе обширныхъ территорій осуществленіе во имя папы нѣкоторыхъ высшихъ правительственныхъ правъ по созванію соборовъ, по разсмотрѣнію спорныхъ дѣлъ между епископами, по принятію апелляціонныхъ жалобъ и проч. Такіе викаріи получили названіе прирожденныхъ легатовъ (legati nati), такъ какъ осуществленіе высшихъ полномочій во имя папы связывалось не съ личностію епископа, а съ извѣстною каѳедрою, такъ что вступающій на эту каѳедру eo ipso становился папскимъ легатомъ. Папскій викарій или прирожденный легатъ, если ему предоставлялась высшая церковная власть въ предѣлахъ цѣлой страны, какъ первенствующему епископу извѣстнаго народа, назывался примасомъ. Таковы примасы Испаніи, Германіи, Венгріи, Англіи, Швеціи, Польши. Кромѣ такихъ при-

рожденныхъ легатовъ, стали посылаться изъ Рима нарочито уполномоченные легаты (legati missi) для наблюденія за мѣстнымъ церковнымъ правительствомъ въ разныхъ странахъ запада, причемъ легаты часто конкуррировали съ мѣстными епископами въ самомъ управленіи церковномъ. Какъ высшая церковная власть, римскій епископъ принималъ апелляцію изъ всѣхъ странъ на рѣшенія и приговоры церковныхъ судовъ и не только post sententiam, но и ante sententiam, т. е. прежде чѣмъ состоялось рѣшеніе низшей инстанціи; равнымъ образомъ резервировалъ себѣ диспензаціи отъ общихъ церковныхъ законовъ и абсолюціи, т. е. разрѣшеніе отъ грѣховъ въ наиболѣе важныхъ случаяхъ, какъ напр. кровосмѣшеніе, ограбленіе храмовъ, родителеубійство, убійство духовнаго лица и т. п. Затѣмъ въ рукахъ папы сосредоточилась высшая власть по опредѣленію на церковныя должности.

Замѣщеніе должностей изъ Рима служило однимъ изъ главныхъ поводовъ къ жалобамъ на церковные порядки. Посылаемые изъ Рима духовныя лица часто не знали ни языка, ни обычаевъ страны, въ которую посылались. Злоупотребленія въ этомъ отношеніи осложнялись еще тѣмъ обстоятельствомъ, что не только вакантныя или праздныя должности были замѣщаемы изъ Рима, но и занятыя: допускались во множествѣ т. н. exspectantiae или exspectativae, т. е. опредѣленія на выжидательныя должности, имѣющія открыться въ будущемъ. Право замѣщенія должностей служило однимъ изъ важныхъ источниковъ для пополненія папской казны, такъ какъ опредѣляемый на должность долженъ былъ уплачивать аннаты, т. е. сумму, равную годовому доходу, доставляемому тою или другою церковною должностью.

§ 22. *Епископальная теорія и реформаціонные соборы* *). Злоупотребленія, съ которыми связано было средневѣковое развитіе папской власти, вмѣшательство папъ въ свѣтскія дѣла, закончившееся соблазнительнымъ для западнаго христіанства порабощеніемъ папства французскому королю и еще болѣе соблазнительнымъ „великимъ расколомъ“, когда папы—соперники, поддерживавшіеся разными странами, разрушили единство католической церк-

*) *Wessenberg*, Die grossen Kirchenversammlungen der XV und XVI Jahrhunderts, B. II, Constanz, 1840; *Neander*, Allgem. Geschichte, IX, 98—163; *Hübler*, Die Constanzer Reformation und die Concordate vom 1418, Leipzig, 1867; *Maurenbrecher*, Geschichte der katholisch. Reformation, Nördlingen, 1880; *Geffcken*, Staat und Kirche, c. 10; *Richter*, Lehrbuch, §§ 46—48; *Zorn*, Lehrb. § 10; *Садовъ*, Виссаріонъ никейскій, его дѣятельность на ферраро-флорентинскомъ соборѣ и проч. Спб. 1883 г.

ви, соблазнительная жизнь духовенства, не имѣвшая ничего общаго съ воззрѣніями папы Григорія VII, окончательно узаконившаго целибатъ, въ связи съ пробужденіемъ національнаго сознанія и съ ростомъ королевской власти въ отдѣльныхъ странахъ, вызвали въ XV в. епископальное направленіе, какъ противоположность папско-монархической системы. Это направленіе не только отстаивалось въ теоріи, но и выразилось въ дѣятельности трехъ реформаціонныхъ соборовъ XV в.: пизанскаго, костанцскаго и базельскаго. Первые два считаются католическими канонистами за вселенскіе, за базельскимъ же соборомъ большинствомъ канонистовъ и теологовъ отрицается характеръ вселенскаго. Сущность епископальной теоріи состоитъ въ томъ, что вселенскіе соборы, составляющіеся изъ епископовъ, суть высшая власть въ церкви, которая и самого папу можетъ вразумлять, наказывать и низлагать, хотя папа все-таки остается исполнительнымъ главою церкви (caput ministeriale), какъ центръ церковнаго единства и органъ, наблюдающій за исполненіемъ установленныхъ вселенскими соборами каноновъ. Слѣдовательно, хотя папа въ сравненіи съ каждымъ епископомъ, въ отдѣльности взятымъ, есть высшая власть, но въ отношеніи къ вселенскому собору, какъ совокупности епископовъ, представляющихъ собою всеобщую церковь, онъ есть служебный органъ, служенія котораго не непогрѣшимы, и отъ распоряженій котораго можно апеллировать къ вселенскому собору. Реформаціонная дѣятельность пизанскаго собора (1409) практически выразилась лишь въ низложеніи двухъ папъ—соперниковъ и въ избраніи новаго папы. Констанцскій соборъ (1414—1418) сдѣлалъ попытку устранить безпорядки и злоупотребленія, которыми страдала средневѣковая жизнь, но попытка эта не выработалась въ опредѣленный планъ общаго характера, а ограничилась тѣмъ, что избранный соборомъ папа Мартинъ V вступилъ въ соглашеніе съ отдѣльными національными группами членовъ собора касательно ограниченія, и притомъ незначительнаго, нѣкоторыхъ папскихъ правъ, особенно по замѣщенію церковныхъ должностей и по взиманію аннатовъ. Базельскій соборъ, созванный въ 1431 г. долгое время боролся съ папой Евгеніемъ IV, не желавшимъ, чтобы соборъ состоялся въ Базелѣ, издалъ рядъ реформаціонныхъ декретовъ, низложилъ Евгенія IV и избралъ въ папы герцога Амедея

Савойскаго подъ именемъ Феликса V. Но побѣда осталась за Евгеніемъ IV, который, объявивъ въ 1437 г. закрытымъ базельскій соборъ, созвалъ новый въ Феррару, а оттуда во Флоренцію, гдѣ онъ и окончился въ 1439 году.

Феррарско-флорентинскій соборъ получилъ тѣмъ болѣе торжественный характеръ, что на немъ присутствовала, кромѣ западной іерархіи, масса восточныхъ епископовъ съ императоромъ византійскимъ Іоанномъ Палеологомъ во главѣ. На соборѣ этомъ была выработана унія для возстановленія церковнаго общенія между востокомъ и западомъ, прерваннаго въ XI в., но флорентинская унія, подобно ліонской 1274 г., не имѣла никакихъ результатовъ, хотя для папы, въ борьбѣ его съ базельскимъ соборомъ, присутствіе восточныхъ императора и епископовъ было весьма полезно.

§ 23. *Практическіе результаты епископальной теоріи и реформаціонныхъ соборовъ для Франціи, Германіи и другихъ странъ*).* Во Франціи реформаціонные декреты базельскаго собора были подтверждены прагматическою санкціей короля Карла VII въ 1438 г. и составили основной законъ галликанской церкви. На основаніи этого закона и въ связи съ исторіей предшествующихъ отношеній Франціи къ Риму, галликанская, т. е. католическая церковь французскаго народа, поставила себя въ сравнительно независимое положеніе по отношенію къ римскому епископу. Это сравнительно-независимое положеніе выразилось въ т. н. вольностяхъ галликанской церкви (libertés de l'église gallicane). Хотя при заключеніи королемъ Францискомъ I въ 1516 г. съ папой конкордата, которымъ отмѣнена была прагматическая санкція Карла VII, оказалось, что не епископальная система восторжествовала надъ папско-монархическою во Франціи, а состоялся раздѣлъ правъ высшаго церковнаго правительства между королемъ и папой, но французскіе епископы, имѣя для себя центръ и опору въ національной королевской власти, и въ свою очередь поддерживая короля, втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ дѣлали невозможнымъ осуществленіе во Франціи той папско-монархической власти, характеристика ко-

---

*) *Petrus de Marca,* De concordia sacerdotii et imperii; *Dupin,* Manuel du droit public écclésiastique français, Paris, 1845 г.; *Richter,* § 68; *Iustinus Febronius,* De statu ecclesiae et legitima potestate romani pontificis, 1763—1764; *Stigloher,* Die Errichtung der päpstlichen Nunciatur in München und der Emser Congress, 1867; *O. Meier,* Zur Geschichte der römisch-deutschen Frage, I, c. 3; *O. Meier,* Febronius, 1855; *Hinschius,* I, § 22-й; См. также Principes du droit canonique въ „Jourual du droit canon".

торой представлена была выше. Вольностями галликанской церкви гарантировалась національная свобода предоставленіемъ французскому королю права созванія соборовъ, церковнаго законодательства и высшей правительственной власти вообще, а также ограниченіемъ папскаго вліянія посредствомъ воспрещенія въѣзда во Францію папскихъ легатовъ, поставленія папскихъ буллъ подъ королевскій *placet*, кассированія королевскимъ правительствомъ приговоровъ духовнаго суда (recursus ab abusu, apellatio tanquam ab abusu; l'apel comme d'abus). Въ концѣ XVII в. (въ 1682 году) при Людовикѣ XIV-мъ знаменитымъ Боссюэтомъ составлено было „заявленіе галликанскаго духовенства" (declaration du clergé gallicane), которое разсматривалось, какъ подлинное выраженіе французскаго церковнаго правосознанія. Декларація состоитъ изъ 4-хъ пунктовъ: 1) св. Петру и его преемникамъ, намѣстникамъ Христа, вручена Богомъ власть лишь въ дѣлахъ духовныхъ и до вѣчнаго спасенія относящихся, а не въ дѣлахъ гражданскихъ и свѣтскихъ, такъ что короли и князья въ свѣтскихъ дѣлахъ не подчинены никакой церковной власти, и никакая церковная власть не можетъ, прямо или косвенно, низлагать ихъ или разрѣшать подданныхъ отъ клятвы вѣрности и повиновенія имъ; 2) преемникамъ св. Петра принадлежитъ высшая власть въ дѣлахъ церковныхъ, но такъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ остаются непоколебимыми постановленія вселенскаго собора констанцскаго; 3) равнымъ образомъ дожны оставаться непоколебимыми правила, нравы, обычаи и статуты, освященныя древностію и согласіемъ самаго же римскаго престола; 4) въ вопросахъ вѣры римскій первосвященникъ имѣетъ преимущественный голосъ, и декреты его относятся до всѣхъ и до каждой церкви въ отдѣльности, но сужденіе его не есть непререкаемое, если не будетъ одобрено согласіемъ цѣлой церкви. Людовикъ XIV-й намѣревался даже образовать независимый отъ Рима французскій патріархатъ.

Галликанскія національныя тенденціи были разрушены во французскомъ клирѣ отчасти французскою революціей, которая порвала союзъ солидарности, связывавшій короля, какъ главу государства и вмѣстѣ какъ высшій національный церковно-правительственный факторъ, съ національною церковною іерархіею, отчасти политикою Наполеона I, который въ своихъ мѣропріятіяхъ, насколько они затрогивали церковь и духовенство, старался сначала оказать давленіе на папу и уже че-

резъ папу подѣйствовать на французскихъ епископовъ, тогда какъ короли дѣйствовали солидарно съ духовенствомъ противъ папы. Не могло, конечно, содѣйствовать возстановленію галликанства и позднѣйшее враждебное отношеніе къ церкви республиканскаго правительства.

Въ Германіи, на основаніи костанцскихъ и базельскихъ декретовъ, состоялось нѣчто подобное французской прагматической санкціи (майнцскій законъ 1439 г.), въ которой были опредѣлены независимое отъ папы замѣщеніе церковныхъ должностей, судебная реформа и т. п. для всѣхъ отдѣльныхъ территорій, входившихъ въ сложный строй тогдашней германской имперіи. Но германскіе князья не имѣли политической организаціи, которая помогла бы имъ провести эти требованія, такъ какъ императоръ германскій предпочелъ другаго рода путь къ упорядоченію церковныхъ дѣлъ: въ силу конкордата между нимъ и папой, за послѣднимъ оставлены были по отношенію къ Германіи почти всѣ права, устраненныя базельскими декретами, взамѣнъ чего за императоромъ признана была со стороны папы обширнѣйшая церковная власть въ его наслѣдственныхъ земляхъ. Въ другихъ государствахъ Европы, какъ Англія и Испанія, пришли къ тому же результату, т. е. къ раздѣлу правъ высшей церковной власти между королями и папой, частію путемъ односторонняго королевскаго законодательства, частію путемъ договорнаго соглашенія королей съ папой. Позднѣе, когда началось реформаціонное движеніе, исходившее отъ Лютера, и въ самой Германіи католическіе князья, по примѣру ихъ коллегъ, примкнувшихъ къ новому вѣроисповѣданію и взявшихъ въ свои руки церковное управленіе, стали своими законами регулировать церковныя дѣла въ своихъ территоріяхъ. Уже спустя болѣе чѣмъ два столѣтія послѣ реформаціонныхъ соборовъ XV в., въ Германіи явился запоздалый отголосокъ епископальной теоріи, съ значительною, впрочемъ, примѣсью идей естественнаго права. Въ XVIII в. трирскій викарный епископъ Николай Гонтгеймъ, написавшій, подъ псевдонимомъ Февронія, сочиненіе: „о состояніи церкви и о законной власти римскаго епископа", основалъ цѣлое направленіе въ церковной наукѣ, получившее названіе февроніанизма. Авторъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить исторически, какія права принадлежали римскому епископу во всѣ эпохи христіанства. Принципіально онъ считаетъ римскій приматъ учреж-

деніемъ не Христа, а апостола Петра, и различаетъ между правами римскаго епископа такія, которыя вытекаютъ изъ самой идеи примата, отъ такихъ, которыя явились какъ плодъ историческихъ случайностей и даже злоупотребленій. Изъ идеи примата вытекаютъ, по мнѣнію Февронія: первенствующее положеніе на вселенскомъ соборѣ, но безъ какой либо принудительной власти и безъ права постановлять рѣшенія, на основаніи собственнаго лишь убѣжденія, попеченіе и наблюденіе за исполненіемъ церковныхъ канововъ, право установленія провизорныхъ церковныхъ законовъ впредь до созванія вселенскаго собора, право имѣть легатовъ для высшаго надзора въ разныхъ христіанскихъ странахъ, но безъ вторженія въ юрисдикцію ординарныхъ церковныхъ органовъ, и высшая судебная власть въ томъ объемѣ, въ какомъ она предоставлена папѣ сардикскимъ соборомъ. Эти права, по мнѣнію Февронія, суть существенныя права примата, они же и осуществлялись римскими епископами втеченіе первыхъ восьми вѣковъ, а всѣ остальныя суть плодъ историческихъ случайностей, злоупотребленій и лжеисидоровской фальсификаціи. Противъ воззрѣній Февронія новѣйшая наука справедливо возражаетъ, что категоріи существенныхъ и несущественныхъ правъ примата установлены совершенно произвольно, безъ достаточнаго знанія дѣйствительной церковной исторіи первыхъ восьми вѣковъ.

Тѣмъ не менѣе Февроній создалъ цѣлое направленіе въ наукѣ, отразившееся и въ церковной жизни такъ называемою эмскою пунктаціей 1786 г., т. е. состоявшимся въ Эмсѣ соглашеніемъ четырехъ германскихъ архіепископовъ относительно нѣкоторыхъ пунктовъ, долженствовавшихъ оградить свободу германской національной церкви отъ папской власти. Эмская пунктація направлялась въ частности: противъ *изъятій*, т. е. противъ существованія въ епископскихъ діэцезахъ такихъ лицъ и учрежденій, которыя были бы подчинены не епископу, а непосредственно папѣ, противъ папскаго *диспензаціоннаго* права, противъ замѣщенія церковныхъ должностей папами и противъ аннатовъ, а равно противъ апелляціи папѣ на рѣшенія епископскихъ судовъ. Пунктація не имѣла никакихъ практическихъ результатовъ частію потому, что германскіе епископы не обнаружили желанія подчиниться, вмѣсто одного папы, четыремъ папамъ, т. е. германскимъ архіепископамъ, частію потому, что императоръ Іосифъ II, относившійся къ церкви въ духѣ просвѣщенія и полицейскаго государства, не симпатизировалъ стремленію архіепископовъ къ церковной самостоятельности, от-

части наконецъ потому, что разразившіяся событія французской революціи не благопріятствовали дальнѣйшей разработкѣ принциповъ февроніанизма и эмской пунктаціи.

§ 24. Контрреформаціонные соборы XVI вѣка и ватиканскій соборъ. Возникновеніе старокатоличества).* Вслѣдъ за реформаціонными соборами, практическія послѣдствія которыхъ сказались лишь во Франціи, въ западно-католической церкви выступило реакціонное направленіе. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ закрытія базельскаго собора, одинъ изъ ревностныхъ его членовъ Эней Сильвій, сдѣлавшись папой подъ именемъ Пія II, провозгласилъ, что принципъ превосходства собора надъ папой есть опасное заблужденіе, и что признаніе возможности апелляціи отъ папы къ собору есть чудовищное, неслыханное злоупотребленіе. Вскорѣ затѣмъ на пятомъ латеранскомъ соборѣ 1516 г. папа Левъ X торжественно осудилъ принципъ высшей власти собора надъ папой, объявилъ недѣйствительною французскую прагматическую санкцію 1438 г. и повторилъ всѣ средневѣковыя притязанія папъ. Грандіозный планъ реформаціи церкви во главѣ и въ членахъ, которымъ задавались многіе теологи въ исходѣ среднихъ вѣковъ, и который въ дѣятельности реформаціонныхъ соборовъ сведенъ былъ собственно къ перенесенію центра тяжести въ церковномъ устройствѣ съ папы на соборъ епископовъ, остался далекимъ отъ исполненія. Такъ какъ между тѣмъ въ церкви ясно сознавалась потребность въ реформаціи, то реформація и совершилась, но уже не какъ явленіе внутри католической церкви, а какъ явленіе постороннее и враждебное для церкви, прямо противъ нея направленное. Въ томъ же году, въ которомъ закрылъ свои засѣданія пятый латеранскій соборъ (въ 1517 г.), причисляемый католиками, хотя и не единогласно, къ вселенскимъ, началась реформаторская дѣятельность Мартина Лютера прибитіемъ знаменитыхъ 95 тези-

---

*) *Wessenberg*, B-de II—IV; *Maurenbrecher*, o. c.; *Zorn*, § 12; *Schulte*, Stellung der Concilien, Päpste und Bischöfe vom historischen und canonistischen Standpunkte und die päpstliche Constitution vom 18 Iuli 1870; *Vering*, Lehrbuch, §§ 58 и 69; *Schulte*, Altcatholicismus; *Rieks*, Altkatholisches Kirchenregiment, Heidelberg, 1888; *Керенскій*, Старокатолицизмъ, его исторія и внутреннее развитіе, Казань, 1893 года (ученическая работа, имѣющая значеніе лишь настолько, насколько содержитъ въ себѣ фактическія, заимствованныя главнымъ образомъ изъ указаннаго сочиненія Шульте, свѣдѣнія о возникновеніи и нынѣшнемъ положеніи старокатоличества).

совъ къ дверямъ замковой церкви въ Виттенбергѣ. Для осужденія ученія Лютера былъ созванъ въ 1542 году папою Павломъ III вселенскій соборъ въ Тридентѣ, гдѣ онъ и засѣдалъ съ перерывами до конца 1563 г. На этомъ соборѣ было формулировано догматическое ученіе о церкви вообще и о таинствахъ въ особенности, въ противоположность ученію Лютера, направлявшемуся противъ самыхъ основъ римско-католической церковности, и кромѣ того упорядочена была во многихъ пунктахъ церковная дисциплина, почему постановленія дисциплинарныя самимъ соборомъ были названы decreta de reformatione. Тридентскій соборъ формально исключилъ послѣдователей Лютера изъ католической церкви и, съ выдѣленіемъ такимъ образомъ изъ церкви реформаціонныхъ элементовъ, онъ не только не возобновилъ вопроса объ отношеніи между папой и соборомъ, но и всѣ постановленія свои представилъ на утвержденіе папы, eo ipso признавъ надъ собою высшую власть послѣдняго.

Тридентскимъ соборомъ внесены были нѣкоторыя важныя измѣненія въ существовавшее церковное устройство, какъ напр. учреждены конгрегаціи кардиналовъ для центральнаго завѣдыванія разными спеціальными отраслями церковнаго управленія, регулированъ институтъ нунціевъ, уничтоженъ институтъ архидіаконовъ въ средневѣковомъ смыслѣ особой церковно-правительственной инстанціи, дѣйствовавшей ex jure proprio, вмѣстѣ съ чѣмъ открылся свободный путь развитію института епископскихъ генералъ-викаріевъ и оффиціаловъ, какъ уполномоченныхъ епископа, дѣйствующихъ его именемъ въ администраціи.

Позднѣйшій по времени вселенскій соборъ есть ватиканскій, созванный папой Піемъ IX, открытый 8 ноября 1869 г. въ Римѣ, въ церкви св. Петра и закрытый въ слѣдующемъ 1870 году. Этотъ соборъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ завершеніе римско-католическаго устройства въ папско-монархическомъ направленіи. Римскій епископъ признанъ не только всеобщимъ или вселенскимъ епископомъ (episcopus universalis), по отношенію къ которому цѣлая католическая церковь есть подлежащій его управленію діэцезъ, но и непогрѣшимымъ учителемъ и вмѣстѣ законодателемъ въ области догматическаго и нравственнаго ученія, причемъ непогрѣшимость папская возведена въ догматъ вѣры. Не смотря на то, что какъ до собора и на соборѣ, такъ и непосредствен-

но послѣ собора многіе епископы были противъ догматизированія папской непогрѣшимости, новый догматъ получилъ общекатолическое признаніе. Только небольшое сравнительно число ученыхъ (Деллингеръ, Шульте, Рейнкенсъ, Фридрихъ и друг.) отказалось подчиниться постановленіямъ ватиканскаго собора. По ихъ примѣру и подъ ихъ руководствомъ, образовалось въ Германіи, Австріи и Швейцаріи нѣсколько общинъ, назвавшихъ себя старокатолическими, въ отличіе отъ католиковъ, принявшихъ новый догматъ. Но старо-католицизмъ не остановился на точкѣ зрѣнія до-ватиканской, а въ позднѣйшемъ своемъ развитіи пришелъ къ отрицанію всего вообще средневѣковаго католицизма, отвергая всякую высшую церковную власть папы, смотря на него лишь какъ на primum unter pares, отрицая догматъ непорочнаго зачатія Божіей Матери, установленный въ римско-католической церкви раньше ватиканскаго собора, отрицая непогрѣшимость вселенскихъ соборовъ вообще, отмѣнивъ тайную устную исповѣдь грѣховъ и проч. Въ началѣ старокатолическое движеніе обѣщало бо́льшую силу и бо́льшую живучесть, чѣмъ какія наблюдаются въ настоящее время.

Глава IV-я.

Развитіе евангелическаго церковнаго устройства.

§ 25. *Принципіальныя воззрѣнія протестантизма* *). Исходнымъ пунктомъ реформаціи Лютера послужилъ принципъ оправданія вѣрою, а не дѣлами, такъ какъ человѣческая природа настолько повреждена грѣхомъ, что человѣкъ не въ силахъ совершить такія дѣла, которыя могли бы быть поставлены ему въ заслугу. Вѣра, какъ глубокое сердечное религіозное настроеніе, не можетъ не проявляться въ соотвѣтствующихъ дѣлахъ; но какъ самая вѣра есть даръ Божій, такъ и тѣ дѣла, въ которыхъ она

---

*) *Puchta,* Einleitung in das Recht der Kirche; *Richter,* Geschichte der evangelischen Kirchenverfassung in Deutschland, 1851, § 1; *F. J. Stahl,* Die Kirchenverfassung nach Lehre und Recht der Protestanten, 1862, S. 32 sqq.; *Sohm,* Kirchenrecht, §§ 34—40; *Riecker,* Die rechtliche Stellung der evangelischen Kirche Deutschlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung bis zur Gegenwart, 1893, S. 40—114; *Кестлинъ,* Существо церкви по ученію и исторіи Новаго Завѣта; *Маассенъ,* Девять главъ о свободной церкви и о свободѣ совѣсти, гл. 6; *Суворовъ,* Вѣра и дѣла, Ярославль, 1887 г.

обнаруживается, суть также даръ Божій, слѣдовательно не могутъ быть вмѣняемы въ заслугу человѣку. Если же христіанинъ спасается исключительно вѣрою во Христа, которая есть даръ Божій, то нѣтъ нужды въ священствѣ, какъ особомъ сословіи, обладающемъ особыми дарами, преподающемъ благодать и посредствующемъ между Богомъ и людьми. По составу своему, церковь есть общество равное (societas aequalis), въ которомъ нѣтъ существеннаго различія между клиромъ и мірянами: всѣ ея члены равно стоятъ въ непосредственной личной связи съ Христомъ и всѣ суть равно священники. Ни особеннаго христіанскаго священства, ни особенной новозавѣтной жертвы не существуетъ, кромѣ одного священника и посредника Христа, и кромѣ одной жертвы, разъ на всегда и за всѣхъ принесенной Христомъ на Голгоѳѣ. Католическому воззрѣнію на церковь, какъ общество видимое, внѣшнимъ образомъ представляемое клиромъ, епископами и папой, Лютеръ противопоставилъ понятіе церкви невидимой, состоящей изъ истинныхъ только христіанъ, изъ святыхъ, связующихся съ Христомъ вѣрою, а не внѣшнимъ подчиненіемъ клиру, епископамъ и папѣ. Истинная церковь невидима, такъ какъ неизвѣстно, кто истинно вѣрующіе, кто принадлежитъ къ святымъ, хотя, съ другой стороны, она не есть нѣчто фиктивное или идеальное, ибо она состоитъ изъ дѣйствительно существующихъ людей. Бытіе ея во внѣшнемъ мірѣ свидѣтельствуется вѣрными признаками—проповѣдью Слова Божія и совершеніемъ таинствъ: гдѣ проповѣдуется Слово Божіе и гдѣ совершаются таинства, тамъ существуетъ слѣдовательно церковь. Право проповѣдывать Слово Божіе и совершать таинства принадлежитъ одинаково всѣмъ христіанамъ; однако, въ видахъ цѣлесообразности и порядка, осуществленіе этихъ общехристіанскихъ правъ переносится на особыхъ должностныхъ лицъ, которые должны проходить служеніе Слова (ministerium Verbi), т. е. учить и совершать таинства, но особыхъ чрезвычайныхъ даровъ при поставленіи ихъ на должность не получаютъ и какимъ либо особымъ священническимъ характеромъ отъ остальныхъ вѣрующихъ не отличаются. Всякое общеніе вѣрующихъ, какъ бы оно ни было незначительно по числу его членовъ, имѣетъ въ себѣ все, что принадлежитъ къ существу церкви, есть христіанскій микрокосмъ, для котораго нѣтъ необходимости быть включеннымъ въ общій,

тѣмъ болѣе въ универсальный церковный организмъ, который бы обнималъ внѣшними формами устройства всѣ существующія въ мірѣ христіанскія общины. По воззрѣніямъ Лютера самаго, нѣтъ даже надобности и въ церковной общинѣ: гдѣ двое или трое собраны во имя Христа, тамъ есть и церковь. Но хотя такимъ образомъ всякая централизація церковнаго устройства исключается принципіальными воззрѣніями протестантизма, но въ дѣйствительности и протестантизмъ не могъ обойдтись не только безъ юридически организованной общины, но и безъ централизаціи, по тѣмъ же соображеніямъ цѣлесообразности и порядка, которыя привели къ признанію необходимости особой церковной должности, не смотря на всеобщее священство христіанъ. Что касается церковно-правительственныхъ полномочій, то самъ Лютеръ, повидимому, отрицалъ необходимость какого бы то ни было юридическаго порядка въ церкви; но уже Меланхтонъ и другіе, позднѣйшіе, руководители реформаціоннаго движенія, въ виду безпорядковъ, возникшихъ, благодаря этому движенію, въ Германіи (анабаптизмъ и крестьянская война) стали на ту точку зрѣнія, что государь, свѣтское начальство, князь территоріи (Landesherr) имѣетъ Богомъ Самимъ возложенную на него власть и обязанность управлять церковными дѣлами, въ качествѣ стража обѣихъ скрижалей божественнаго закона (custos utriusque tabulae) и въ качествѣ преимущественнаго члена церкви (praecipuum ecclesiae membrum). Ученіе о custodia относилось къ князю, какъ государственной власти, карающей нарушенія обѣхъ скрижалей въ смыслѣ уголовныхъ преступленій, а ученіе о praecipuum membrum относилось къ тому же начальству, какъ члену церкви.

§ 26. *Теорія епископальная, территоріальная и коллегіальная* *). Такъ какъ высшая церковная власть въ новобразовавшейся протестантской церкви въ Германіи не могла сосредоточиться въ рукахъ германскаго императора, который отчасти не распола-

---

*) Кромѣ указанныхъ въ предыдущемъ §-фѣ сочиненій Рихтера, Шталя, Риккера и Зома: *Otto Meier*, Das Rechtsleben der deutschen evangelischen Landeskirchen, Hannover, 1889, стр. 33 и слѣд.; *Kohler*, Die altprotestantische Lehre vom den drei kirchlichen Ständen (Zeitschr. für deutsch. Kirchenr. B. XXI); *Schulte*, Lehrbuch des kathol. und evang. Kirchenr. и см. рецензію этого учебника въ № 6-мъ „Юридической библіографіи“, издав. при Демид. Лицеѣ.

галъ достаточною силою въ отношеніи къ имперскимъ князьямъ и городамъ, достигшимъ почти суверенитета къ началу реформаціи, отчасти же по самому смыслу священной римской имперіи германскаго народа, обязанъ былъ стать на сторону не протестантизма, а католической церкви; то протестанты организовались по отдѣльнымъ территоріямъ, входившимъ въ составъ германской имперіи. Имперскіе князья и начальства имперскихъ городовъ взяли въ свои руки управленіе протестантскою церковью своей территоріи (Landeskirche), вводя особый церковно-правительственный органъ, подъ названіемъ консисторіи, и особыхъ должностныхъ лицъ для надзора, подъ названіемъ визитаторовъ. Когда такимъ образомъ церковная организація приняла опредѣленный видъ, доктрина занялась изысканіемъ способовъ къ оправданію существующаго устройства. Сначала господствовала епископальная теорія обосновывавшаяся различнымъ образомъ и соединявшаяся съ т. н. ученіемъ о трехъ состояніяхъ.

Полное развитіе получила епископальная теорія въ началѣ XVII в. у Стефани, Рейнкингка и Гергарда. Имперское законодательство (пассаускій договоръ 1552 г. и аугсбургскій религіозный миръ 1555 года) объявило Landesherr'а правопреемникомъ католическаго епископа, въ качествѣ таковаго обладающимъ церковно-правительственными правомочіями. Въ объясненіи смысла этого имперскаго законодательства теоретики разошлись. Стефани видѣлъ основаніе княжескаго церковнаго правительства единственно въ имперскомъ законѣ: въ силу имперскаго закона князья получили епископскую власть, которая имъ раньше не принадлежала (деволюціонная теорія), которая и въ данный моментъ принадлежитъ имъ не какъ собственное ихъ право, а лишь до окончательнаго устроенія религіозныхъ дѣлъ, ad instar depositi, на подобіе временной поклажи. Рейнкигкъ и Гергардъ напротивъ утверждали, что протестантскимъ имперскимъ чинамъ или сословіямъ усвоена епископская власть не какъ что либо новое, раньше имъ не принадлежавшее, а какъ ихъ исконное достояніе, возвращенное имъ по принадлежности (реституціонная теорія). Съ точки зрѣнія послѣдняго взгляда, епископская власть князя основывается не на имперскомъ законѣ, а на custodia utriusque tabulae и на положеніи его, какъ преимущественнаго члена церкви. Въ то же время ученіе о „praecipuum ecclesiae membrum“ развилось въ „ученіе о трехъ состояніяхъ“, причемъ воспользовались средневѣковыми идеями Виклефа, Жерсона и въ особенности гусситовъ. Въ церкви существуютъ три состоянія: status politicus, status ecclesiasticus и status oeconomicus. Status politicus—

это княжеская власть, не какъ государственная, а какъ епископская, управляющая церковію на основаніи церковныхъ нормъ и черезъ особые церковные органы. Status ecclesiasticus—это духовенство въ протестантскомъ смыслѣ, учительное сословіе, дающее матеріальное содержаніе распоряженіямъ князя-епископа и представляющее на его санкцію свои предположенія. Status oeconomicus—совокупность домохозяевъ, отцовъ семействъ, поддерживающихъ внутреннюю дисциплину въ предѣлахъ дома и семьи и дающихъ церкви матеріальныя средства для обезпеченія ея существованія. Въ этомъ видѣ развитая теорія получила названіе епископальной теоріи, значительнѣйшими представителями которой были юристъ Бенедиктъ Карпцовъ и теологъ Іоаннъ Бенедиктъ Карпцовъ.

Епископальная теорія представляла государя членомъ церкви и епископомъ. На смѣну ея явившіяся двѣ теоріи имѣли своимъ источникомъ идеи естественнаго права: это—территоріальная и коллегіальная теоріи. Первая совсѣмъ не допускаетъ образованія въ государствѣ церкви, какъ особаго общества; послѣдняя хотя и допускаетъ въ принципѣ, но не могла сдѣлать отсюда практическихъ выводовъ.

Школа Гуго-Гроція принимала два молчаливые договора людей, при переходѣ ихъ изъ естественнаго состоянія въ гражданское: pactum unionis—о взаимномъ соединеніи ихъ—и pactum subjectionis—о подчиненіи ихъ одному лицу, причемъ въ оба договора включалась и церковная сторона жизни, такъ что люди, соединяясь для гражданскаго общенія, соединяются вмѣстѣ и для религіознаго и, перенося свои права, которыя они имѣли въ естественномъ состояніи, на одно лицо, переносятъ вмѣстѣ и религіозныя права. Съ этой точки зрѣнія, особаго церковнаго общенія, въ отличіе отъ политическаго, не существуетъ, и церковное правительство есть только часть правительства государственнаго; глава государства есть въ тоже время и глава церкви; церковная власть есть лишь вѣтвь власти государственной. Государь управляетъ церковью не потому, что онъ есть ея епископъ, и не въ силу даже его принадлежности къ ней (онъ можетъ не принадлежать къ данному вѣроисповѣданію, можетъ даже не быть христіаниномъ), а потому, что онъ долженъ властвовать надъ всѣмъ, находящимся въ предѣлахъ государственной территоріи, по принципу: „cujus est regio, ejus est religio“. Поэтому нѣтъ даже нужды въ особыхъ церковныхъ органахъ, черезъ которые осуществлялась бы церковно-правительственная власть государя; послѣдній слѣдовательно можетъ вести церковное управленіе черезъ государственныя учрежденія. Значительными представителями территоріализма были извѣстный философъ Христіанъ То-

мазій и канонистъ Юстъ Геннингъ Бёмеръ. *Коллегіальная* теорія отличалась отъ территоріальной тѣмъ, что, при заключеніи обоихъ названныхъ договоровъ, религіозныя права не имѣются ею въ виду, т. е. и перешедши изъ естественнаго состоянія въ гражданское, люди удержали за собою, по этой теоріи, индивидуальную независимость въ отношеніи церковныхъ дѣлъ. Но такъ какъ самое свойство человѣческой природы располагаетъ людей удовлетворять своимъ религіознымъ потребностямъ не въ одиночку, то они и соединяются въ болѣе или менѣе обширные союзы, которые, пользуясь терминологіей римскаго права, Пуфендорфъ назвалъ коллегіями: отсюда названіе коллегіальной теоріи. Эти религіозныя коллегіи разсматривались наравнѣ со всякими частными союзами, составляющимися въ виду разныхъ интересовъ. Глава государства, по отношенію ко всякимъ такимъ союзамъ, имѣетъ лишь право надзора и право покровительства; собственно же церковно-правительственная власть, вѣдающая внутреннія дѣла церковнаго союза, признавалась за самимъ обществомъ. Въ сообразность этому теоретическому построенію, коллегіалисты различали: 1) jura majestatica circa sacra, т. е. внѣшнія права величества по отношенію къ церкви, или иначе „externa" и 2) jura collegialia in sacra, т. е. права внутренняго церковнаго управленія, принадлежащія самому обществу, иначе „interna". Коллегіальная теорія развита была Пуффендорфомъ и еще съ большею подробностію Георгомъ Людвигомъ Бёмеромъ.

Въ жизни господствовалъ территоріализмъ, и сами теоретики коллегіализма, желая оправдать фактическое нахожденіе всякой церковной власти въ рукахъ князя, который, согласно этой теоріи, собственно не долженъ бы былъ имѣть внутренней церковно-правительственной власти, такъ какъ она должна была принадлежать коллегіи, т. е. союзу вѣрующихъ, опять прибѣгали къ „pactum vel tacitum vel expsessum" о подчиненіи коллегіи тому же главѣ государства: если государство фактически управляетъ дѣлами церковной коллегіи, то это значитъ, что коллегія подчинилась главѣ государства въ силу явственнаго или молчаливаго соглашенія. Господство территоріализма въ жизни выражалось то въ предоставленіи церковныхъ функцій свѣтскимъ правительственнымъ учрежденіямъ, то въ подчиненіи консисторій государственнымъ учрежденіямъ, то въ совершенномъ упраздненіи консисторій.

§ 27. Швейцарская реформація *). Одновременно съ герман-

---

*) *Walter,* Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen, § 32. 172; *Richter,* Lehrbuch, § 65; *Schulte,* Lehrb. des cathol. und evang. Kirchenr. § 116; *Sohm,* Kirchenrecht, § 39.

скими реформаторами Лютеромъ и Меланхтономъ, выступили въ Швейцаріи Цвингли и Кальвинъ. Послѣдній сдѣлался основателемъ кальвинскаго или реформатскаго въ тѣсномъ смыслѣ вѣроисповѣданія. Оба швейцарскіе реформатора дѣйствовали въ областяхъ не съ монархическимъ строемъ, какъ Лютеръ, а съ демократическимъ (Цвингли въ Цюрихѣ, Кальвинъ въ Женевѣ), и оба они выдвинули общину, какъ субъектъ церковно-правительственной власти. Цвингли, однако, возложилъ церковное правительство не на церковную общину, а на цюрихскій совѣтъ двухъ сотъ, т. е. на государственную власть, демократически организованную, съ тѣмъ, что власть эта управляетъ на основаніи Слова Божія. Въ результатѣ получилась государственная теократія. По ученію Кальвина, Христосъ предписалъ церкви опредѣленное устройство, которое слѣдовательно носитъ на себѣ печать божественнаго права. Именно въ церкви должны существовать четыре должности: пастыри, пресвитеры, учители и діаконы. Пастыри (pastores), называемые также въ свящ. Писаніи епископами, пресвитерами и служителями, суть духовныя лица, проповѣдующія Слово Божіе, совершающія таинства и, вмѣстѣ съ пресвитерами, осуществляющія дисциплинарную власть. Пресвитеры суть депутаты отъ общины, безукоризненнаго благочестія, числомъ 12-ть, избираемые для надзора за жизнію отдѣльныхъ членовъ общины и для совмѣстнаго съ пасторами осуществленія дисциплинарной власти. Соединяясь вмѣстѣ, пасторы и пресвитеры образуютъ консисторію, т. е. церковный судъ, который подвергаетъ отлученію и завѣдуетъ брачными дѣлами. Учители (doctores) суть лица, избираемыя пасторами и утверждаемыя городскимъ совѣтомъ для прохожденія учительства по объясненію Св. Писанія. Діаконы суть избираемыя общиною лица для попеченія о бѣдныхъ и больныхъ. Но кальвинскія идеи въ самой Женевѣ не получили полнаго развитія. Церковно-дисциплинарная власть надъ духовными лицами осталась за городскимъ совѣтомъ, а равно и окончательное рѣшеніе въ дѣлахъ о замѣщеніи духовныхъ должностей; кромѣ того пресвитеры, выходя изъ правительственныхъ корпорацій гражданства, носили оффиціальный титулъ „депутатовъ совѣта“, т. е. городскаго. Въ результатѣ и у Кальвина получилась государственная теократія, ибо государство должно быть подчинено, въ осуществленіи своей государ-

ственной власти, ученію церкви. Болѣе послѣдовательно проведены были церковно-устройственныя идеи кальвинизма только тамъ, гдѣ ему пришлось организоваться не при содѣйствіи государственной власти, а не смотря на государственную власть и въ противорѣчіе ей (какъ во Франціи).

§ 28. *Реформація въ другихъ европейскихъ странахъ* *). Во многихъ другихъ европейскихъ странахъ, кромѣ Германіи и Швейцаріи, была принята реформація то лютеранскаго, то кальвинскаго направленія. Протестантизмъ былъ принятъ въ Швеціи, Норвегіи и Даніи съ удержаніемъ титула епископовъ для духовныхъ лицъ высшаго ранга, но безъ приписанія имъ того значенія, которое придается епископату, какъ богоучрежденному институту, католическою церковью, и съ признаніемъ высшей церковной власти за королемъ. Въ Англіи также введенъ былъ протестантизмъ въ англиканской или высокой церкви; но англиканскій протестантизмъ есть нѣчто своеобразное, и эта своеобразность объясняется исторіей его возникновенія. Въ Англіи реформація исходила не изъ стремленія устроить церковь на чистомъ ученіи Новаго Завѣта, какъ въ Германіи и Швейцаріи, а изъ соображеній политическихъ. Нужно было поставить англійскую церковь въ независимое положеніе по отношенію къ Риму, что и сдѣлано было парламентскимъ актомъ 3 ноября 1534 г., въ которомъ король былъ признанъ единственнымъ на землѣ главой англійской церкви, а затѣмъ уже приступлено было къ реформѣ ученія и культа. Вѣроисповѣданіе было формулировано сначала въ 42-хъ артикулахъ 1553 г., которые были нѣсколько позднѣе пересмотрѣны и сдѣлались, въ силу парламентскаго акта, закономъ подъ именемъ 39 артикуловъ. Въ общемъ англійская церковь заняла средину между протестантскою и римско-католическою церквами: въ ученіи сблизилась съ первою, въ культѣ и устройствѣ съ послѣднею. Удержаны степени священства и епископатъ, какъ божественное учрежденіе, хотя въ тоже время таинство священства не признается; королевское же церковное главенство возведено въ догматъ вѣры. При Стюартахъ была сдѣлана попытка распространить англиканское протестантство на Шотландію, но тамъ еще раньше утвер-

*) *Walter*, §§ 31—33. 169—173; *Jacobson*, Das evangelische Kirchenrecht, Halle, 1864, §§ 47—54; *Art.* Anglicanische Kirche въ Real-Encyklopädie Герцога, I, 402 и сл.

дился и остался господствующимъ кальвинизмъ, организовавшійся въ пресвитеріанскую церковь, какъ въ Ирландіи остался господствующимъ католицизмъ. Кромѣ того, и въ самой Англіи масса церковныхъ общинъ отказалась отъ признанія высшей церковной власти какъ за епископами, такъ и за королемъ (индепенденты). Кальвинизмъ, кромѣ Шотландіи, проникъ во Францію и Нидерланды, а также въ нѣкоторыя территоріи Германіи.

У французскихъ кальвинистовъ (гугенотовъ) церковная организація развилась въ довольно сложныхъ формахъ. Было установлено, что каждая мѣстная консисторія (состоящая изъ пасторовъ и пресвитеровъ данной общины) посылаетъ одного пастора и одного пресвитера на коллоквіумы, составляющіеся дважды въ годъ въ предѣлахъ извѣстныхъ округовъ, обнимающихъ нѣсколько общинъ,—равнымъ образомъ однажды въ годъ посылаетъ таковыхъ же депутатовъ для составленія провинціальнаго синода, а этотъ послѣдній въ свою очередь выбираетъ двухъ пасторовъ и двухъ пресвитеровъ на общій или генеральный синодъ. Такимъ образомъ консисторіи были подчинены коллоквіумамъ, коллоквіумы провинціальнымъ синодамъ, а эти послѣдніе генеральному синоду, который составлялся ежегодно, а съ 1599 г. черезъ каждые три года, пока отмѣна нантскаго эдикта при Людовикѣ XIV не разрушила всю эту организацію. Въ Нидерландахъ введено было подобное же пресвитеріально-синодальное устройство съ троякими собраніями: съ консисторіей или съ церковнымъ совѣтомъ, съ коллоквіумомъ или классомъ и съ провинціальнымъ синодомъ, причемъ постановлено было, кромѣ того, черезъ каждые три года созывать общій національный синодъ; но разъ созванный національный соборъ (въ Дордрехтѣ 1618 г.) былъ первымъ и послѣднимъ. Подобную же организацію получила пресвитеріанская церковь въ Шотландіи. Въ Германіи, въ такихъ притомъ территоріяхъ, князья которыхъ присоединились къ религіи подданныхъ, принимавшихъ кальвинизмъ, церковное устройство обыкновенно складывалось по образцу территорій лютеранскихъ, т. е. съ княземъ во главѣ церковнаго правительства, и съ консисторіей, какъ княжескимъ церковно-правительственнымъ органомъ, при удержаніи въ большей или меньшей степени пресвитеріально-синодальныхъ элементовъ. И наоборотъ строй нѣкоторыхъ лютеранскихъ территоріальныхъ церквей Германіи испыталъ на себѣ большее или меньшее вліяніе реформатской церковной организаціи.

§ 29. Церковная реорганизація въ Германіи въ нынѣшнемъ столѣтіи *). Благодаря господству территоріализма, церковное

*) *Richter*, Geschichte der evang. Kirchenverfassung, § 16; *Thudichum*, Deutsches

управленіе въ Германіи сдѣлалось вѣтвью государственной администраціи, причемъ въ большей части территорій было совершенно забыто ученіе Лютера о всеобщемъ священствѣ. Поэтому съ начала нынѣшняго столѣтія стали дѣлаться попытки реорганизаціи церкви, направленныя къ тому, чтобы поставить церковное устройство въ возможно большее соотвѣтствіе съ первоначальными принципами реформаторовъ. Впереди другихъ государствъ въ этихъ попыткахъ шла Пруссія, какъ значительнѣйшее изъ протестантскихъ государствъ. Реорганизація выразилась въ возстановленіи консисторій, въ учрежденіи высшаго евангелическаго церковнаго совѣта въ Берлинѣ, какъ центральнаго церковнаго органа, въ зависимость отъ котораго поставлены провинціальныя консисторіи, въ учрежденіи церковныхъ синодовъ—уѣздныхъ, провинціальныхъ и генеральнаго—и въ организаціи приходовъ на началахъ пресвитеріальныхъ. Кромѣ того, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV употребилъ много усилій къ тому, чтобы состоялось соглашеніе между лютеранами и кальвинистами, которые доселѣ находились въ столь же непріязненныхъ между собою отношеніяхъ, насколько непріязненны были отношенія между тѣми или другими изъ нихъ съ одной стороны и католиками съ другой. Результатомъ усилій короля явилась унія между послѣдователями Лютера и Кальвина, вслѣдствіе чего оба вѣроисповѣдныя направленія стали разсматриваться, какъ одна *евангелическая* церковь, но распадающаяся на двѣ вѣтви: евангелическо-лютеранскую или протестантскую и евангелическо-реформатскую или кальвинскую.

Глава V-я.

Развитіе церковнаго устройства на востокѣ послѣ раздѣленія восточной и западной церквей.

§ 30. Общая характеристика исторіи церковнаго устройства на востокѣ. Между тѣмъ какъ развитіе церковнаго устрой-

---

Kirchenrecht des XIX Jahrhund. B-de I—II; *Friedberg,* Die geltenden Kirhenverfassungsgesetze der evangel. deutschen Landeskirchen, Freiburg, 1885. Einleitung.

ства на западѣ шло въ централизаціонномъ направленіи, исключая возможность образованія независимыхъ отъ Рима національныхъ церквей въ разныхъ католическихъ странахъ запада (пока реформація не отдѣлила нѣкоторыхъ странъ и государствъ съ ихъ церквами отъ римско-католической церкви, порвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ вѣроисповѣдную связь съ этою послѣднею), на востокѣ постепенно образовались автокефальныя или самостоятельныя помѣстныя церкви при единствѣ вѣроисповѣданія. Процессъ образованія такихъ автокефальныхъ церквей начался задолго до паденія византійской имперіи, съ замѣчательною силою обнаружился въ нынѣшнемъ столѣтіи, не можетъ считаться законченнымъ и въ настоящее время. Указанный процессъ начался собственно съ славянскихъ церквей. Терминъ αὐτοκέφαλος, конечно, былъ давно извѣстенъ на византійскомъ оффиціальномъ языкѣ. Такъ императоръ Константъ II-й далъ титулъ автокефальнаго архіепископу равеннскому; автокефальнымъ же принято было называть архіепископа кипрскаго. Но этотъ терминъ означалъ іерархическую независимость извѣстныхъ архіепископовъ съ подчиненными имъ епископами отъ котораго либо изъ патріарховъ, причемъ предполагалось, что не только эти архіепископы, но и сами патріархи имѣютъ для себя общецерковный центръ въ императорскомъ церковномъ правительствѣ, къ которому причастенъ былъ и вселенскій патріархъ, хотя сіявшій не собственнымъ, а заимствованнымъ свѣтомъ, но стремившійся занять на востокѣ то же мѣсто, какое римскій папа занялъ на западѣ. Остальные три восточные патріарха никогда не были вполнѣ равными константинопольскому, хотя выдѣленіе ихъ патріархатовъ, около полов. VII вѣка, изъ политическихъ границъ византійской имперіи (такъ какъ они завоеваны были магометанами) повидимому должно бы было способствовать образованію вполнѣ самостоятельныхъ церквей въ этихъ патріархатахъ. Положеніе и христіанства, и трехъ восточныхъ патріарховъ подъ магометанскою властію было настолько печально, что, и переставъ быть подданными имперіи, патріархи продолжали смотрѣть на Константинополь, какъ на центръ церковнаго правительства, и жили большею частію въ Константинополѣ. Въ эпанагогѣ Василія Македонянина константинопольскому патріарху предоставляется не только право разбирать судебныя дѣла, возникав-

шія въ другихъ патріархатахъ, но и право ставропигіи т. е. право основывать, съ водруженіемъ креста, церковные институты въ географическомъ районѣ другаго патріархата съ тѣмъ, чтобы основанные такимъ образомъ институты становились изъятыми изъ подчиненія мѣстной власти и поступали подъ власть константинопольскаго патріарха. Кипрскій архіепископъ, вмѣстѣ съ христіанскимъ населеніемъ острова, даже совсѣмъ переселился въ Геллеспонтъ не далеко отъ Константинополя, и хотя трулльскій соборъ 692 г. (пр. 39) подтвердилъ прежнія преимущества кипрскаго архіепископа, переселившагося въ Геллеспонтъ, но этимъ самымъ и засвидѣтельствовалъ всего яснѣе, что и прежнія преимущества, установленныя третьимъ вселенскимъ соборомъ, не означали полной самостоятельности и независимости кипрской іерархіи отъ высшаго церковнаго правительства. Предоставивъ кипрскому архіепископу поселиться въ Геллеспонтѣ и пользоваться извѣстными іерархическими преимуществами, трулльскій соборъ, конечно, не думалъ создавать вблизи Константинополя самостоятельную церковь, отъ Константинополя независимую. Положеніе кипрскаго архіепископа можно сравнивать съ положеніемъ тѣхъ монастырей, свободныхъ и самоуправлявшихся, которые представляли собою нерѣдкое явленіе въ эпоху Комненовъ, и зависимость которыхъ отъ императоровъ сама собою разумѣлась. Въ такомъ же положеніи находился архіепископъ охридскій послѣ паденія перваго болгарскаго царства. Поэтому между автокефальными, нынѣ признаваемыми за таковыя, церквами восточнаго православія нужно различать греческія автокефальныя церкви внѣ Европы, и автокефальныя церкви, славянскія и не славянскія, образовавшіяся въ разное время въ Европѣ. Такъ какъ, затѣмъ, имперія византійская продолжала существовать еще втеченіе нѣсколькихъ столѣтій, послѣ церковнаго раздѣленія между востокомъ и западомъ, то должно сказать особо объ императорской власти и объ автокефальныхъ церквахъ того и другаго порядка.

§ 31. Императорская власть до паденія византійской имперіи *). Императоръ, за все время существованія восточной импе-

*) *Gasquet*, De l'autorité impériale etc. *Kattenbusch*, Lehrbuch der vergleichenden Confessionskunde, Freiburg, 1890—1892; *Суворовъ*, Объемъ дисциплин. суда и юрисдикціи церкви въ періодъ всел. соборовъ, стр. 288—295; *Поповъ*, Императоръ Левъ

ріи, которая не смотря на постепенное умаленіе ея территоріи, продолжала считать себя міродержавною и источникомъ власти для всѣхъ земныхъ королей и властителей, осуществлялъ церковную власть, дѣйствуя вмѣстѣ съ патріархомъ и его σύνοδος ἐνδημοῦσα. Въ эпанагогѣ (II, 4) императору усвояются попеченіе о соблюденіи и возмездіе за нарушеніе всего того, что содержится въ Св. Писаніи, канонахъ и римскихъ законахъ, такъ что слѣдовательно суды церковные и гражданскіе заимствуютъ свою силу изъ одного и того же источника. Церковная власть надъ подвластными константинопольскому церковному правительству странами осуществлялась какъ непосредственно, такъ и черезъ посредство экзарховъ, положеніе которыхъ можно сравнивать съ положеніемъ западно-католическихъ легатовъ. Какъ эти послѣдніе могли быть или nati или missi, такъ и византійское экзаршество или могло связываться разъ навсегда съ извѣстною каѳедрою, или означать спеціальное полномочіе для устроенія какого нибудь церковнаго дѣла. Теократическій первосвященническій характеръ императорской власти, задатки котораго обнаружились уже при первыхъ христіанскихъ императорахъ, съ X вѣка выступилъ съ особенною силою. Императору подобаетъ поклоненіе (προσκύνησις, adoratio), введенное еще во времена языческой имперіи и въ христіанствѣ получившее христіанскую религіозную санкцію. По словамъ Константина Порфиророднаго, Самъ Богъ возлагаетъ на императора корону Своимъ Духомъ, подобно тому какъ въ день пятьдесятницы Св. Духъ излился на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ, и величество императора имѣетъ божественный характеръ.

Весь описанный Константиномъ Порфиророднымъ въ спеціальномъ сочиненіи церемоніалъ византійскаго двора носитъ полурелигіозный характеръ; этотъ церемоніалъ есть отчасти уставъ для церковныхъ процессій и для совершенія богослуженія въ присутствіи императора въ разные дни праздниковъ и поста втеченіе года. Даже и возведеніе въ

VI Мудрый и его царствованіе, Москва, 1892 г.; *Каневскій*, Выходы византійскихъ императоровъ въ церковь св. Софіи (Труды Кіев. дух. акад. 1872 г. авг.); *Бѣляевъ*, Ежегодные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX и X в. 1893; *А. Лебедевъ*, Очерки внутренней исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка (Творен. св. отц. за 1890 г, кн. 4); *А. Лебедевъ*, Очерки внутренней исторіи византійско-восточной церкви въ IX, X и XI в.в. Москва, 1878 г.

разныя свѣтскія званія и должности (цезаря, куропалата, патриція, проконсула и проч.) не обходилось безъ церковнаго благословенія.

Императоръ разсматривался какъ намѣстникъ Бога на землѣ, не только въ смыслѣ высшей правительственной власти, но и какъ лицо, облеченное высшимъ духовнымъ характеромъ и причастное духовной іерархіи. Въ еклогѣ Льва Исавра выражена замѣчательная мысль, съ ссылкой на первоверховнаго апостола Петра, что императору вручено Богомъ пасеніе вѣрнаго стада (*κατὰ πέτρον τὴν κορυφαιωτάτην τῶν ἀποστόλων ἀκρότητα ποιμαίνειν ἡμᾶς κελεύσας τὸ πιστότατον ποίμνιον*). По воззрѣнію канониста Вальсамона, попеченіе императора простирается и на тѣло, и на душу его подданныхъ, между тѣмъ какъ патріархъ печется только о душахъ своихъ пасомыхъ. Императоръ не только издавалъ законы о допущеніи или недопущеніи извѣстныхъ лицъ къ св. причащенію, угрожалъ въ своихъ законахъ анаѳемой, устанавливалъ церковные праздники въ честь св. Аѳанасія, Василія Великаго, Григорія, Златоуста, но и проповѣдывалъ и отчасти даже священнодѣйствовалъ. Вальсамонъ говоритъ, что императоры бесѣдуютъ съ народомъ катехетическимъ способомъ (*κατηχητικῶς*) и возжигаютъ ѳиміамъ. Отъ Льва Мудраго дѣйствительно и сохранилось нѣсколько проповѣдей, а въ богослужебныхъ книгахъ осталось нѣсколько стихиръ его сочиненія. Въ великій четвертокъ императоръ совершалъ въ своемъ дворцѣ умовеніе ногъ 12-ти нищимъ, изображая собою Христа. Въ религіозныхъ процессіяхъ по большимъ праздникамъ и при царскихъ выходахъ въ Софійскій храмъ, императоры имѣли на себѣ облаченіе, подобное архіерейскому, благословляли народъ и принимали даже нѣкоторое активное участіе въ богослуженіи. Но такъ какъ императоръ все-таки считался не правоспособнымъ къ совершенію литургіи и другихъ священнодѣйствій, то участіе это могло носить лишь весьма подчиненный характеръ.

Стремленіе императора выдвинуть на первый планъ духовно-первосвященническую сторону его сана приводило къ результатамъ, мало согласовавшимся съ престижемъ императорской власти. Съ одной стороны, по свидѣтельству Никиты Акомината, „императоры считали для себя невыносимою обидою, если ихъ не признавали людьми богоподобными по внѣшнему виду, героями по силѣ, богомудрыми какъ Соломонъ, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ непогрѣшимыми судьями дѣлъ божескихъ и

человѣческихъ, установителями догматовъ и судьями, наказывающими тѣхъ, кто не соглашается съ ними". Но съ другой стороны, какъ скоро дѣло переносилось на духовную почву, духовная іерархія имѣла предъ императоромъ неоспоримое преимущество: она имѣла хиротонію, а императоръ хиротоніи не получалъ, и поэтому въ порядкѣ духовно-іерархическомъ ему отводилось мѣсто или положеніе „депотата" (δεποτάτος—одна изъ низшихъ церковно-служительскихъ должностей, по Кодину предпослѣдній клирикъ девятой, т. е. послѣдней пятерицы). Хотя коронованіе и мѵропомазаніе императора имѣло видъ церковнаго посвященія въ императорскій санъ, такъ какъ сначала патріархъ, а потомъ народъ восклицалъ: „ἅγιος" и „ἄξιος", но это посвященіе могло быть сравниваемо лишь съ посвященіемъ въ низшія степени духовной іерархіи, такъ какъ іерархическаго рукоположенія надъ императоромъ не совершалось. Императоръ, въ силу его духовнаго качества, могъ участвовать въ священнодѣйствіи лишь такимъ образомъ, что при великомъ выходѣ на литургіи, съ крестомъ въ правой рукѣ и съ скипетромъ въ лѣвой, шелъ впереди священнослужителей, переносящихъ Св. Дары съ жертвенника на престолъ, а передъ причащеніемъ входилъ въ алтарь, принималъ отъ діакона кадило и крестообразно кадилъ предъ св. престоломъ и предъ патріархомъ. Патріархъ Николай Мистикъ, отклоняя Льва Мудраго отъ четвертаго брака, указывалъ на то, что императоръ въ церкви состоитъ на положеніи чтеца, и, если вступитъ въ этотъ бракъ, потеряетъ право входить въ алтарь, а когда Левъ былъ отлученъ патріархомъ отъ церкви за свой четвертый бракъ, отлученіе его выразилось, кромѣ недопущенія къ причащенію, въ томъ еще, что императоръ лишенъ былъ права принимать активное участіе въ богослуженіи, именно кадить и носить подсвѣчникъ во время великаго выхода на литургіи.

Съ распространеніемъ христіанства между славянскими народами, церковный авторитетъ императора признавался и въ славянскихъ церквахъ, поскольку онѣ состояли въ то или другое время въ церковной зависимости отъ Константинополя, или вступали въ переговоры объ освобожденіи отъ этой зависимости. Съ паденіемъ имперіи, многія изъ церковныхъ прерогативъ императора были унаслѣдованы турецкими султанами. Согласно церемоніалу, соблюдавшемуся императорами при возведеніи новаго патріарха на каѳедру, Магометъ II, по завоеваніи Константинополя, вручилъ патріарху Георгію Схоларію омофоръ и жезлъ, съ произнесеніемъ словъ: „Св. Троица, даровавшая мнѣ императорскую власть, даруетъ тебѣ патріархатъ новаго Рима". Хотя турецкое правительство всегда принципіально воздерживалось отъ вмѣшательства въ церков-

ныя дѣла, но при тѣхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, которыми наполнена исторія константинопольскаго патріархата со времени завоеванія Константинополя турками, турецкому правительству приходилось, нерѣдко даже противъ воли, выступать въ качествѣ высшаго рѣшающаго судьи по вопросамъ, чуждымъ политическаго характера, какъ напр. относительно церковныхъ обрядовъ, не говоря уже о вопросахъ, болѣе или менѣе соприкасающихся съ государственнымъ порядкомъ, какъ возведеніе на каѳедры и низложеніе съ каѳедръ, или измѣненіе и усовершенствованіе церковнаго устройства.

§ 32. Патріархаты и другія греческія автокефальныя церкви *). Послѣ паденія византійской имперіи, вселенскій патріархъ остался не только главой православной церкви, но и политическимъ главой греческаго и вообще православнаго народа, покореннаго турками, и въ качествѣ таковаго признанъ со стороны турецкаго правительства, которое предоставило патріарху весьма обширную гражданскую, полицейскую и даже уголовную власть, съ тѣмъ чтобы имѣть отвѣтственное лицо, обезпечивающее турецкой имперіи политическую вѣрность христіанскихъ подданныхъ. Соотвѣтственно этому, и каждый епископъ получилъ въ своей епархіи обширную гражданскую власть, но какъ вполнѣ зависимый отъ патріарха органъ. При патріархѣ остался священный синодъ; патріархъ связанъ содѣйствіемъ и согласіемъ синода въ дѣлахъ управленія; въ случаѣ недовольства патріархомъ, синоду предоставлено право низлагать патріарха и обращаться къ правительству Порты съ просьбою о его удаленіи. Не смотря на то, что, съ предоставленіемъ патріарху дѣлъ гражданской администраціи и свѣтскаго суда, кругъ вѣдомства духовной власти сдѣлался весьма широкъ, до второй половины прошлаго столѣтія св. синодъ съ патріархомъ
не искоренены, а какъ бы санкціонированы, бывъ поставлены на

*) *Pitzipios*, L'église orientale, Rome, 1855 г.; *Pichler*, Geschichte der Trennung, B. I; *Silbernagl*, Verfassung und gegenwärtiger Bestand sämmtlicher Kirchen des Orients, 1865; *Kattenbusch*, Lehrb. der vergl. Confessionskunde; *Oscar Schneider*, Beiträge zur Kenntniss der griechisch-orthodoxen Kirche Aegyptens, 1874; *Архангельскій*, Очеркъ исторіи греческой церкви со времени паденія Константинополя до нашихъ дней (Чтен. въ общ. любит. духовн. просвѣщ. за 1882 и 1883 гг.); *Милашъ*, Православно-црквено право, § 27; *Проф. Заозерскій*, О церковной власти, 1894, § 10; *А. Лебедевъ*, Взаимныя отношенія Оттоманской Порты и подвластныхъ ей христіанъ греко-восточной церкви послѣ паденія византійской имперіи (Богословскій Вѣстникъ, 1894 г.); *А. Вороновъ*, Синайское дѣло (Труды кіевск. духовн. академ. за 1871 и 1872 гг.).

во главѣ вѣдалъ всякія дѣла. Между тѣмъ за это время каѳедра патріарха сдѣлалась буквально продажною, по винѣ самихъ же православныхъ византійцевъ: занималъ ее тотъ, кто предлагалъ больше денегъ турецкому правительству, къ которому въ сущности и перешло право низложенія патріарха и возведенія на его мѣсто новаго, и которое, конечно, находило для себя выгоднымъ возможно частую смѣну патріарховъ. Вновь занявшій, съ большими затратами, каѳедру, патріархъ спѣшилъ наверстать свои убытки и облагалъ поборами митрополитовъ и епископовъ, частая смѣна которыхъ также должна была сдѣлаться, при такихъ обстоятельствахъ, обыкновеннымъ явленіемъ; митрополиты и епископы въ свою очередь старались возмѣстить свои убытки на счетъ подчиненнаго духовенства, а это послѣднее на счетъ православнаго народа. При всемъ томъ, сама патріархія или патріаршая каѳедра обременялась бо́льшимъ и бо́льшимъ количествомъ долговъ. Все это вмѣстѣ взятое побудило патріарха Самуила (1764—1780), отличавшагося выдающимися способностями и энергіей, ввести нѣкоторыя реформы въ существовавшемъ дотолѣ церковномъ порядкѣ, или, правильнѣе сказать, безпорядкѣ. Такъ онъ установилъ извѣстныя нормы для платежей при опредѣленіи на духовныя должности, провелъ разграниченіе между духовными дѣлами патріаршаго правительства и между дѣлами хозяйственными, а также дѣлами свѣтской администраціи и суда. Для дѣлъ недуховныхъ установленъ особый институтъ, который, подъ названіемъ герузіи, долженъ былъ дѣйствовать въ своей сферѣ параллельно съ синодомъ подъ главенствомъ патріарха, причемъ въ составъ герузіи вошли четыре члена изъ мірянъ, большинство же геронтовъ состояло изъ митрополитовъ—членовъ синода. Результаты реформъ Самуила ока-оказались далеко не удовлетворительными. Симонія и поборы были не искоренены, а какъ бы санкціонированы, бывъ поставлены на законную почву. Частая смѣна патріарховъ не устранена, такъ что напримѣръ въ 1855 г., кромѣ наличнаго патріарха оказалось ни болѣе ни менѣе, какъ семь бывыхъ вселенскихъ патріарховъ. Отношенія между синодомъ и герузіей остались весьма неясными, и ясно обозначился лишь одинъ результатъ—возникновеніе фанаріотской аристократіи, которая, не принадлежала къ духовному званію, получила возможность рѣшительнаго вліянія на ходъ цер-

ковныхъ дѣлъ, въ особенности на выборъ патріарха. Во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія были сдѣланы болѣе рѣшительные шаги къ упорядоченію церковныхъ дѣлъ, послѣ изданія султаномъ Абдулъ-Меджидомъ либеральнаго гатти-гумаюна 18 февр. 1856 г., въ которомъ гарантированы христіанскимъ обществамъ религіозная свобода и неприкосновенность церковнаго имущества, признано начало пожизненности патріарха, для дѣлъ недуховныхъ признана необходимость учрежденія, составляющагося изъ лицъ, избранныхъ изъ клира и мірянъ. Къ 1860 г. былъ выработанъ и въ этомъ году получилъ утвержденіе турецкаго правительства проектъ правилъ о порядкѣ избранія патріарха особымъ избирательнымъ собраніемъ, составляющимся изъ духовенства и мірянъ. Тогда же преобразованъ былъ синодъ, а для дѣлъ недуховныхъ (дѣлъ учебныхъ и богоугодныхъ заведеній, церковно-хозяйственныхъ, дѣлъ по завѣщаніямъ и наслѣдствамъ и проч.) образованъ смѣшанный совѣтъ изъ четырехъ архіереевъ и восьми мірянъ. Въ тоже время и въ епархіяхъ при епископахъ и въ подчиненныхъ имъ приходахъ образованы епитропіи изъ мірянъ. Такимъ образомъ, благодаря реформамъ послѣдняго времени, извѣстная доля участія въ дѣлахъ церковнаго правительства предоставлена мірскому элементу. Исторія трехъ остальныхъ восточныхъ патріархатовъ недостаточно разъяснена специальными изслѣдованіями. Всѣ эти патріархаты можно назвать греческими, хотя наприм. въ іерусалимскомъ патріархатѣ большинство православнаго населенія составляютъ арабы,—греческими въ томъ смыслѣ, что всѣ должности, соединенныя съ какою либо властію и вліяніемъ, замѣщаются исключительно греками. Объ александрійскомъ патріархѣ извѣстно, что онъ весьма долгое время жилъ въ Константинополѣ, а не въ Египтѣ, и что синодъ при немъ существуетъ съ 1867 года изъ четырехъ титулярныхъ архіепископовъ, не имѣющихъ епархій, такъ какъ и самый діэцезъ патріарха составляется не болѣе какъ изъ восьми—десяти тысячъ большею частію грековъ, проживающихъ въ Египтѣ по торговымъ дѣламъ. Кромѣ того извѣстно, что съ 1856 г. были учреждены въ Каирѣ и Александріи двѣ хозяйственныя коммиссіи (епитропіи), ограничивающія патріарха въ управленіи учебными и богоугодными заведеніями и капиталами. Какъ александрійскій, такъ и два остальные восточные патріарха,—антіохій-

скій, жительствующій въ Дамаскѣ, и іерусалимскій, живущій въ настоящее время въ Іерусалимѣ (число пасомыхъ у нихъ колеблется между 10—30-ти тысячами) въ теоріи считаются равными константинопольскому патріарху, вполнѣ самостоятельными и независимыми отъ послѣдняго. Въ дѣйствительности однако, если уже при христіанскихъ императорахъ полнаго равенства не было, съ разрушеніемъ имперіи турками о равенствѣ еще менѣе можно говорить. Когда всѣ четыре восточные патріархата соединились подъ одною политическою властью турецкаго султана, патріархъ константинопольскій сдѣлался главою всего православнаго населенія османскаго государства. Не иначе какъ черезъ него три восточные патріарха сносятся съ правительствомъ Порты, безъ согласія его и его синода они не могутъ прибыть въ столицу; отъ него же зависитъ потребовать во всякое время удаленія ихъ изъ столицы; вновь избранный на каѳедру патріархъ получаетъ султанскій бератъ, легитимирующій его положеніе и сообщающій исполнительную силу всѣмъ его актамъ, опять не иначе какъ съ согласія вселенскаго патріарха и его синода. Былъ даже моментъ, когда упомянутый выше патріархъ Самуилъ считалъ себя въ правѣ замѣщать и замѣщалъ (безъ всякихъ выборовъ) каѳедры остальныхъ восточныхъ патріарховъ, какъ подчиненныхъ ему. Въ нынѣшнемъ столѣтіи константинопольскимъ патріархомъ снова было заявлено притязаніе на замѣщеніе остальныхъ восточныхъ патріаршихъ каѳедръ, но возбужденное имъ спорное дѣло было рѣшено турецкимъ правительствомъ не въ его пользу. Вообще четыре восточные патріарха, съ причисленіемъ къ нимъ кипрской архіепископіи, составили нѣкоторое юридически объединенное цѣлое, и въ этомъ ихъ отличіе отъ другихъ, возникшихъ въ разное время народныхъ автокефальныхъ церквей восточнаго православія. Въ предѣлахъ же и подъ политическою властью турецкаго султана находится и еще одна греческая церковь, которая, на основаніи подложной грамоты Юстиніана и въ виду пререканій о власти надъ нею между патріархами александрійскимъ и іерусалимскимъ, была на константинопольскомъ соборѣ 1575 г. признана автокефальною. Это—церковь синайская, или церковь горы Синая. Въ сущности это не что иное, какъ монастырь на горѣ Синаѣ, имѣющій филіальные монастыри и подворья въ Александріи и въ нѣ-

которыхъ другихъ мѣстахъ, и управляемый настоятелемъ, который имѣетъ санъ архіепископа, но управлять долженъ какъ настоятель съ совѣтомъ монаховъ.

Исторія показала, что автокефальность этой церкви есть вопіющая аномалія. На случай злоупотребленій, даже самыхъ возмутительныхъ, своего „автокефальнаго“ настоятеля, монахи синайскіе не имѣютъ никакихъ другихъ средствъ бороться съ этими злоупотребленіями, какъ обратиться къ суду какой либо высшей власти. Этимъ высшимъ судьей могъ бы быть патріархъ іерусалимскій, въ діэцезѣ котораго состоялъ втеченіе нѣсколькихъ столѣтій синайскій монастырь, и за которымъ и въ настоящее время признается право посвященія синайскаго архіепископа. Но патріархъ іерусалимскій обыкновенно встрѣчалъ помѣху осуществленію своей высшей церковной власти надъ Синаемъ не только въ отстаиваніи архіепископомъ своей „автокефальности“, а и въ политикѣ константинопольскаго патріарха, который привлекалъ къ своему собственному суду спорныя дѣла между архіепископомъ и синайскими монахами, но, не имѣя возможности прямо оспаривать право посвященія—принадлежащее іерусалимскому патріарху—и присвоить его себѣ, предпочиталъ отстаивать въ теоріи автокефальность синайскаго архіепископа, чѣмъ признать формальную судебную власть надъ нимъ іерусалимскаго патріарха. Этою политикою объясняется неоднократное подтвержденіе въ Константинополѣ автокефальности синайской церкви. А между тѣмъ изъ синодальной грамоты 1688 г. (состоявшейся по синайскому дѣлу) видно, насколько на самомъ дѣлѣ чуждо было византійскому сознанію допущеніе автокефальныхъ церквей, въ смыслѣ независимыхъ и равныхъ съ патріархатами. Въ грамотѣ выражено, что невозможно быть внѣ власти четырехъ патріарховъ, что находиться внѣ ихъ власти значитъ находиться внѣ христіанства, потому что въ предѣлахъ четырехъ патріарховъ заключается все христіанство. Что касается элладской церкви нынѣшняго королевства греческаго, то она, конечно, поставлена какъ автокефальная, въ смыслѣ полной самостоятельности и независимости отъ какихъ либо патріарховъ, но эта автокефальность возникла уже по новому типу, именно по образцу славянскихъ православныхъ церквей, равно какъ по этому же образцу румыны пріобрѣли себѣ автокефальность.

§ 33. *Возникновеніе самостоятельныхъ церквей въ другихъ странахъ* *). Процессъ образованія самостоятельныхъ церквей внѣ

*) Кромѣ сочиненій Пихлера и Зильбернагля см.: въ „Real-Enzyklopädie“ Герцога артикулы: „Armenien“ и „Twin“. *Donat Vernier,* Histoire du patriarchat Arménien catholique, Paris, 1891; *Arsak Ter Mikelian,* Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zur byzantinischen, 1892; *Jireček,* Geschichte der Bulgaren, 1876; *Kallay,*

границъ римско-византійской имперіи начался очень рано. Первою національною церковью на востокѣ внѣ римской имперіи была армянская, но послѣ халкидонскаго собора эта церковь, подъ главенствомъ своихъ патріарховъ-католикосовъ, перестала состоять въ общеніи съ вселенскою церковью, и только часть армянъ возсоединилась, притомъ не съ восточною, а съ западно-католическою церковью, вступивъ въ унію съ Римомъ, подъ названіемъ армяно-католиковъ. Другая національная церковь, на востокѣ же, явившаяся почти одновременно съ армянскою, иберійская или иверская, иначе грузинская, состояла первоначально подъ властію то антіохійскаго патріарха, то армянскаго католикоса, но послѣ отдѣленія армянъ отъ восточно-каѳолической церкви, разсматривалась какъ автокефальная. Изъ того, что Вальсамонъ въ толкованіи къ 2 пр. II всел. собора ставитъ иверскаго архіепископа наравнѣ съ кипрскимъ и охридскимъ архіепископами, видно, что иверская автокефальность понималась греками въ греческомъ ограниченномъ смыслѣ, хотя въ дѣйствительности трудно было осуществлять изъ Константинополя какую нибудь церковную власть надъ Грузіей, по отдаленности ея и по неудобству сообщеній съ нею. Автокефальная иверская церковь съ своимъ католикосомъ существовала до конца прошлаго столѣтія, когда, съ включеніемъ

Geschichte der Serben, 1878; *Zachariae v. Lingenthal*, Beiträge zur Geschichte der bulgarischen Kirche (Mémoires de l'Académie impériale des sciences, 1865, tom. VIII, ser. VII); *Gelzer*, Ungedruckte und wenig bekannte Bisthümerverzeichnisse der orientalischen Kirche (Byzantin. Zeitschrift, B. I); *Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, 1878; *Васильевскій*, Болгарское патріаршество при Іоаннѣ Асѣнѣ II-мъ (Журн. Мин. Народн. Просв. 1885, мартъ); *Дриновъ*, Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ (Чт. Моск. Общ. истор. и древн. росс. 1879 г.); *Ѳ. И. Успенскій*, Образованіе втораго болгарскаго царства (Записки Новоросс. Универс. т. XXVI и XXVII); *Пальмовъ*, Историческій взглядъ на начало автокефаліи сербской церкви и учрежденіе патріаршества въ древней Сербіи (Христіан. чтен. 1891 г. № 3—4); *Пальмовъ*, Новыя данныя по вопросу объ учрежденіи сербской архіепископіи св. Саввой въ XIII в. (Христ. чт. 1892 года № 5—6); *Дриновъ*, О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана (Визант. Временникъ, т. I и II); *А. Шагуна*, Краткое изложеніе каноническаго права, 1872 г.; *Кургановъ*, Устройство управленія въ церкви королевства греческаго, 1871 г.; *Т. И. Филипповъ*, Современные церковные вопросы, Спб. 1882 г. ч. I. (Замѣчанія на эту книгу въ Православн. Обозрѣніи 1882 г. сент. и окт.); *А. Вителовъ*, Греко-болгарская распря (Русскій Вѣстникъ, 1886 г. янв.); *Милашъ*, Православно-црквено право, §§ 78, 87-й и слѣд.); *Пальмовъ*, Болгарская экзархійская церковь; первоначальное и современное ея устройство (Христ. чтен. 1896 г., іюль—августъ).

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

издаваемая

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 45.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1896.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№ 45 Юридической Библіографіи.

Г. Гижицкій: „Основы морали“. Сочиненіе, удостоенное преміи берлинскаго „Лессингова Общества“. Одесса. 1895 г. 109 стр.

Трудъ проф. Гижицкаго представляетъ собою краткое, сжатое, но вмѣстѣ съ тѣмъ полное, вполнѣ научное изложеніе основаній нравственности, чуждое во многихъ отношеніяхъ крайностей разныхъ современныхъ направленій въ этикѣ и близкое къ истинной, идеальной морали. Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ указываетъ на тѣсную и неразрывную связь между нравственностью и правомъ, изъ которыхъ послѣднее опирается на первую. Гижицкій опредѣляетъ положительную мораль, какъ совокупность правилъ, санкціонированныхъ современнымъ общественнымъ мнѣніемъ (членами общества) посредствомъ неодобренія, порицанія, презрѣнія, отвращенія и похвалы, уваженія и удивленія. Правила, санкціонированныя дѣйствующими гражданскими законами, составляютъ положительное право. Усовершенствованіе морали и права, приближеніе ихъ къ идеальнымъ нравственности и праву—задача философіи права и нравственной философіи. Вотъ разрѣшенію этого-то важнѣйшаго въ общественной жизни вопроса и посвящена книжка Гижицкаго.

Сочиненіе Гижицкаго раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ первой (общей) изслѣдуется высшій принципъ морали, а во второй (особенной) понятія долга и добродѣтели. Для того, чтобы исполнить свою великую задачу, нравственная или практическая философія должна установить высшій масштабъ или принципъ добра и справедливости. Противъ этого стремленія этики выступаетъ современное скептическое направленіе, которое совершенно отрицаетъ возможность подобнаго принципа на томъ основаніи, что въ исторіи существуетъ поразительная разница въ нравственныхъ понятіяхъ у разныхъ народовъ. Но, прежде всего, противъ этого нравственнаго скептицизма говоритъ, справедливо замѣчаетъ Гижицкій, несомнѣнно существующая въ обществѣ разница между доб-

ромъ и зломъ, справедливостью и несправедливостью, а также и наличность въ природѣ человѣка опредѣленныхъ свойствъ и извѣстное соотвѣтствіе ея потребностямъ тѣхъ или другихъ послѣдствій поступковъ людей. Различіе нравственныхъ понятій опровергаетъ мысль о врожденныхъ нравственныхъ воззрѣніяхъ и, кромѣ того, доказываетъ еще зависимость ихъ развитія отъ тѣхъ или другихъ условій общественной жизни. Но въ нравственныхъ понятіяхъ разныхъ народовъ и эпохъ, кромѣ разномыслія, царитъ относительно нѣкоторыхъ важныхъ пунктовъ и великое единомысліе. Нравственное чувство стремится къ ограниченію недоброжелательныхъ и эгоистичныхъ побужденій и, наоборотъ, къ развитію доброжелательныхъ качествъ. Такъ, не смотря на все различіе религіозныхъ понятій у народовъ, всѣ они болѣе или мѣнѣе согласны между собою въ дѣлѣ признанія свойствъ человѣческаго характера, заслуживающихъ одобренія и порицанія. Этотъ взглядъ Гижицкаго, однако, приложимъ только къ религіямъ народовъ, достигшихъ высшихъ культурныхъ ступеней соціальнаго развитія: въ это время достаточно выясняется идея человѣческой личности, какъ главное основаніе морали и всей общественной жизни. Въ первобытную же ея эпоху эта идея почти отсутствуетъ и на мѣстѣ ея господствуютъ интересы общества, поглощающіе личные. Къ установленію понятія о высшемъ принципѣ морали Гижицкій приступаетъ путемъ индуктивнаго изслѣдованія, дѣйствительно наиболѣе достовѣрнаго при рѣшеніи всякихъ соціальныхъ проблеммъ. Опытъ именно показываетъ, какъ замѣтилъ еще философъ Юмъ, что человѣчество по мѣрѣ своего поступательнаго движенія становится все болѣе склонно оцѣнивать поступки и качества сообразно съ ихъ отношеніемъ къ общественному благу. Общее благо является верховнымъ принципомъ идеальной морали, по образцу которой слѣдуетъ производить оцѣнку положительной морали. Этотъ принципъ общаго блага есть верховный руководитель человѣческихъ дѣйствій и, конечно, мѣрило истины и добра. Въ чемъ состоитъ это общее благо, рѣшеніемъ этого вопроса авторъ занимается на слѣдующихъ страницахъ своей книги.

Однако, рѣшеніе это является у Гижицкаго одностороннимъ,

основаннымъ на принципахъ утилитарной морали. Анализируя именно понятія „хорошій и дурной", встрѣчающіяся обыкновенно въ разсужденіяхъ о нравственности, онъ утверждаетъ, что эти выраженія употребляются вообще для оцѣнки вещей, обстоятельствъ, людей, ихъ поступковъ и учрежденій. Тѣ вещи хороши въ нашихъ глазахъ, которыя являются причиной пріятнаго состоянія, сознанія или удаленія непріятнаго; дурны, наоборотъ, тѣ вещи, которыя производятъ прямо такое непріятное состояніе сознанія или же препятствуютъ пріятному. Цѣнность вещей, слѣдовательно, разсматривается въ ихъ отношеніи къ какому-либо субъекту, которому они причиняютъ удовольствіе или страданіе, пріятное или непріятное состояніе. Степени добра и зла разнообразятся соотвѣтственно съ состояніемъ сознанія и чувствами довольства и страданія. Такъ есть добро и зло по отношенію къ нашимъ органическимъ чувствамъ, нашей душѣ и эстетической и интеллектуальной жизни. Быть благомъ для вещи значитъ быть причиной удовольствія; большая его цѣнность зависитъ отъ того, на сколько она является причиной большаго удовольствія. Истинно добрымъ и полезнымъ будетъ признано то, что производитъ въ общемъ вліяніи на жизнь перевѣсъ удовольствія надъ страданіемъ. Величайшее благо—причина наибольшаго преобладанія въ жизни людей суммы пріятныхъ ощущеній надъ непріятными, возможно наибольшаго ихъ счастья. Наоборотъ величайшее зло—причина наибольшихъ страданій, несчастья людей. Гижицкій отождествляетъ понятія блага и удовольствія вопреки взгляду Платона, что въ природѣ блага содержится больше элементовъ мудрости и добродѣтели, чѣмъ въ удовольствіи. Платонъ въ этомъ случаѣ правъ, потому что и на самомъ дѣлѣ не все то можетъ считаться благомъ, добромъ, что приноситъ человѣку непремѣнно удовольствіе, какъ, съ другой стороны, не все то зло, что причиняетъ ему неудовольствіе, страданіе. Конечно, употребляя примѣры Гижицкаго, сапогъ считается хорошимъ, когда онъ въ пору, прочно сшитъ и красивой формы, нехорошо быть больнымъ, такъ какъ болѣзнь приноситъ страданія и сокращаетъ жизнь, естествознаніе благо, потому что оно усиливаетъ господство человѣка надъ природой, даетъ ему въ руки

средства для наслажденія. Наконецъ, самая жизнь человѣка тоже для него благо, потому что онъ ждетъ отъ нея и получаетъ извѣстную сумму удовольствій. Но въ той же жизни людей есть состоянія, которыя не доставляютъ наслажденія, а наоборотъ приносятъ страданія человѣку и тѣмъ не менѣе считаются добромъ, благомъ. Если кто-либо въ порывѣ благороднаго самоотверженія спасаетъ ближняго отъ грозящаго ему бѣдствія цѣною собственныхъ страданій и даже своей жизни, то понятно, что въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о наслажденіи. А между тѣмъ, всѣ признаютъ подобныя дѣйствія хорошими, нравственными. Но, и помимо такихъ исключительныхъ случаевъ, въ обыкновенной жизни встрѣчаются нерѣдко примѣры пожертвованія своими интересами, дѣятельности на пользу другихъ, сопровождаемой массою всякихъ непріятностей и личныхъ лишеній. Такова, напримѣръ, дѣятельность родителей при воспитаніи своихъ дѣтей,—сестеръ и братьевъ милосердія на войнѣ и больницахъ и всякаго рода общественная дѣятельность людей. Положимъ, человѣкъ, посвятившій себя такого рода дѣятельности, чувствуетъ при видѣ достигнутыхъ имъ полезныхъ обществу результатовъ нравственное удовлетвореніе. Но это высшее изъ наслажденій—не непосредственная цѣль человѣческой дѣятельности въ такихъ случаяхъ: оно является, какъ независимое отъ воли человѣка послѣдствіе плодотворной его общественной дѣятельности, которая можетъ и не сопровождаться благопріятными результатами. Человѣка побуждаетъ къ жизни и дѣятельности на пользу и для счастія другихъ не представленіе объ ожидаемомъ личномъ удовольствіи и счастьи, а сознаніе обязанности дѣйствовать въ интересахъ другихъ, идея долга, всегда суровая и строгая въ своихъ требованіяхъ и неимѣющая ничего общаго съ личнымъ интересомъ и пользою.

Такого рода возраженія могутъ быть поставлены противъ утилитарной системы морали съ ея понятіями блага, добра въ смыслѣ удовольствія и зла—наличности страданій. Самъ Гижицкій затѣмъ отступаетъ отъ своихъ взглядовъ на основаніи морали, когда онъ разсматриваетъ отношенія блага единицъ и цѣлаго и особенно же, когда доказываетъ несостоятельность эгоистической точки зрѣнія

въ морали. Гижицкій настаиваетъ на необходимости „различать между понятіями „благо индивидуума“ и „благо для общества индивидуумовъ“: высшею цѣлью и мѣриломъ блага и зла для индивидуума является возможно наибольшее его счастье; высшая цѣль и мѣрило блага и зла для общества—возможно наибольшее счастье общества. Благо индивидуума и благо общества могутъ совпадать другъ съ другомъ, но подобное совпаденіе, гармонія между ними становится все совершеннѣе съ подъемомъ нравственнаго уровня людей и улучшеніемъ общественныхъ условій. Господствующей точкой зрѣнія классической философіи (особенно стоиковъ) была мысль, что всѣ хорошія дѣянія составляютъ благо для того, кто ихъ совершаетъ. Но нравственная философія, какъ и право, имѣетъ дѣло, кромѣ отдѣльнаго индивидуума, съ солидарными между собою членами общества. Поэтому высшею цѣлью и масштабомъ нравственной философіи, какъ и права, является не возможно наивысшее счастье индивидуума, а возможно наивысшее счастье общества, цѣлаго. Это есть Summum bonum этическое, а не эгоистическое. Нравственно хорошъ тотъ образъ дѣйствія, который способствуетъ увеличенію счастья общества. Гижицкій отмѣчаетъ разницу въ пониманіи словъ „хорошо“ и „дурно“ въ нравственномъ и обыкновенномъ, житейскомъ смыслѣ. Хорошими и дурными могутъ быть предметы, неимѣющіе нравственнаго значенія; говорятъ, напр., о хорошей или дурной погодѣ. Для нравственно хорошаго употребляется слово „добро“; для обозначенія же дурного въ существахъ, обладающихъ волею, существуетъ слово „злой“. Хорошо, благо въ наиболѣе безусловномъ смыслѣ то, что хорошо для общества. Только тѣ свойства человѣческаго характера хороши, которыя являются силами, приносящими счастье обществу. Было бы большею ошибкой представлять этическимъ принципомъ собственное счастье. Проявленія нашей нравственной природы совершенно непохожи на проявленія эгоистической ея стороны. Мы можемъ чувствовать страданія, угрызенія совѣсти и раскаянія по поводу дѣйствій, которыя мы считаемъ полезными для насъ лично. Главныя добродѣтели—справедливость и доброжелательность,—совершенно отличныя отъ себя-

любія, преслѣдуютъ благо цѣлаго общества. Общее мнѣніе всѣхъ народовъ ставило нравственное дѣйствіе въ извѣстное противорѣчіе къ эгоистическому. Поэтому, возводя эгоизмъ въ принципъ морали, мы стали бы въ рѣзкое противорѣчіе съ положительною моралью, какою она была до сихъ поръ. Мы должны были бы порицать всѣ дѣйствія, которыя противорѣчатъ интересамъ дѣйствующаго, хотя бы они въ тоже время были подвигами самоотверженія, вызывавшими всеобщее удивленіе и одобреніе. Мы также обязаны были бы не обращать вниманія на внушенныя намъ воспитаніемъ нравственныя чувства, на сколько отъ нихъ нельзя ожидать ощущеній удовольствія. Гижицкій разсматриваетъ возраженія, выставляемыя противъ признанія общаго блага принципомъ морали. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ фактически не въ состояніи дѣлать что-либо иное, кромѣ того, что, по его мнѣнію, соотвѣтствуетъ важнѣйшимъ его интересамъ. Указываютъ на то, что даже при подвигахъ самоотверженія человѣкъ дѣйствуетъ ради собственнаго же удовольствія. Но въ подобныхъ случаяхъ нужно отдѣлять другъ отъ друга познавательную сторону явленій воли отъ чувствъ и стремленій, вызванныхъ актомъ познанія. Дѣйствіе не можетъ быть названо эгоистическимъ, если оно происходитъ вслѣдствіе того, что дѣятель самъ его хочетъ и дѣйствуетъ. Эгоистично оно тогда, когда направленіе и содержаніе дѣйствія состоятъ въ представленіи собственной выгоды, интереса, удовольствія. Отличіе нравственнаго человѣка отъ безнравственнаго заключается въ томъ, что въ первомъ представленія о долгѣ, справедливомъ, добромъ вызываютъ пріятныя чувства при соотвѣтствующихъ поступкахъ и непріятныя при противорѣчащихъ имъ. Люди безчисленное множество разъ дѣйствуютъ безъ всякаго разсчета на собственное послѣдующее удовольствіе и счастье. Такъ хорошіе люди при приближеніи смерти заботятся объ участи своей семьи, друзей, родины. Да и вообще истинная любовь характеризуется тѣмъ, что желаетъ счастья другихъ непосредственно, помимо соображеній о собственномъ счастьи. Но теорія эгоизма, опровергаемая законами чувствованія и хотѣнія, не можетъ ссылаться и на законы разсудка. Понятія обязанности, долга не имѣютъ смысла

при теоріи эгоизма, такъ какъ эти слова предполагаютъ возвышеніе интересовъ цѣлаго общенія надъ моими собственными. Если для человѣка собственное счастье единственная цѣль жизни, то ничто другое не можетъ побуждать его содѣйствовать счастью другихъ. Себялюбіе заставляетъ человѣка помогать ему только въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ этого выигрываютъ его собственные интересы. На практикѣ этика обращается не къ себялюбію, а нравственнымъ интересамъ человѣка; она направляетъ его на истинный путь, учитъ поступать правильно, справедливо Собственный интересъ этика учитъ принимать во вниманіе лишь на столько, на сколько онъ содѣйствуетъ интересу общества. Этика обращается не къ себялюбію, а къ нравственнымъ чувствамъ всѣхъ членовъ общества.

Особенная часть книжки Гижицкаго начинается съ выясненія понятій долга и добродѣтели. Всѣ стремленія людей должны быть направлены къ осуществленію нравственнаго идеала—посильному достиженію счастья другихъ и уменьшенію ихъ несчастья. Это правило должно охватывать все существо человѣка, сдѣлаться высшимъ руководствомъ всѣхъ его дѣйствій, желаній и помысловъ. Всѣ дѣянія, соотвѣтствующія высшему моральному принципу и содѣйствующія его осуществленію, называются въ этикѣ „долгомъ“, обязанностями человѣка. Правила долга являются необходимымъ условіемъ существованія общества. Ими опредѣляется minimum того, что требуется для общественнаго блага. Долгъ—безусловное требованіе, предъявленное къ индивидууму, который, въ свою очередь, считаетъ вправѣ требовать исполненія долга и отъ другихъ членовъ общества, находящихся въ тѣхъ же условіяхъ и независимо отъ ихъ склонностей. Санкція долга лежитъ въ нравственной силѣ общественнаго мнѣнія, которое одобряетъ дѣйствія людей, согласныя съ общимъ благомъ и, наоборотъ, прощаетъ противорѣчащія ему дѣянія. Тѣже дѣйствія, которыя не считаются обязательными для всѣхъ, а исполненіе ихъ предоставляется свободному выбору и считается достойнымъ похвалы, удивленія и награды, называются добродѣтельными. Это различіе между долгомъ и добродѣтелью, устанавливаемое Гижицкимъ, на самомъ дѣлѣ довольно

неопредѣленно и запутанно. Всѣ вообще дѣйствія людей въ области нравственности обязательны для нихъ: идея *быть должнаго* (soll sein) составляетъ характерную особенность морали въ отличіе отъ другихъ сферъ соціальной жизни. Но обязанность нравственныхъ дѣйствій не только не исключаетъ, но прямо требуетъ свободной дѣятельности отъ лица, которое можетъ выбирать между различными мотивами своего поведенія и слѣдовать тому или другому изъ нихъ. Всѣ также дѣйствія нравственнаго характера заслуживаютъ одобреніе и похвалу со стороны, прежде всего, совѣсти самаго дѣятеля, а потомъ и всего общества. Исполненіе нравственныхъ обязанностей всегда соединяется съ большимъ трудомъ, борьбою съ страстями, дурными наклонностями человѣка и поэтому составляетъ заслугу въ области нравственной его жизни. Самъ Гижицкій сознаетъ, на сколько непрочно различіе между долгомъ и добродѣтелью, которое онъ выставляетъ въ своей книжкѣ. Граница между долгомъ и добродѣтелью, говоритъ онъ, болѣе или менѣе неустойчива: исполненіе трудной обязанности можетъ быть при исключительныхъ условіяхъ такъ тяжело, что оно является добродѣтелью и заслугой. Въ обществѣ, стоящемъ на болѣе высшей степени нравственной культуры, можетъ считаться простымъ долгомъ то, что на болѣе низкой разсматривается, какъ заслуга. Гижицкій признаетъ также, что нравственный долгъ создается не простымъ насильственнымъ требованіемъ, а только свободнымъ его признаніемъ со стороны самой личности. Поэтому-то долгъ—явленіе болѣе высокой ступени культуры общества, когда свобода личности достигаетъ извѣстной степени развитія. Долгъ—осуществленіе высшаго моральнаго принципа, какъ замѣчаетъ самъ Гижицкій, и поэтому maximum, а не minimum требованій, предъявляемыхъ обществомъ индивидууму. Добродѣтель же, какъ потомъ вѣрно говоритъ нашъ авторъ, качество воли человѣка, дѣлающее его способнымъ къ осуществленію обязанностей долга, высшаго моральнаго принципа. Быть добродѣтельнымъ значитъ быть годнымъ для общаго блага. Добродѣтель такое направленіе воли, которое находится въ соотвѣтствіи съ общимъ счастьемъ. Гижицкій различаетъ между обязанностями и добродѣтелями личными и соціальными,

такъ какъ общее счастье слагается изъ счастья всѣхъ индивидумовъ. Мораль поэтому регулируетъ какъ личное поведеніе, такъ и соціальное: въ дѣлѣ человѣческаго прогресса забота о самомъ себѣ развивается рядомъ съ большой заботой о другихъ. Гижицкій совершенно справедливо возстаетъ противъ системъ морали, въ которыхъ совершенно исключаются стремленія къ собственному, личному благу. Счастье индивидуума—часть этическаго summum bonum. Для того, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ могъ быть полезнымъ членомъ общества, необходимо, чтобы онъ сохранилъ самого себя, какъ такого члена. Инстинктъ самосохраненія предполагается самою добродѣтелью: невозможно стремиться поступать и жить сообразно съ нравственными требованіями, если не стремиться существовать и жить. Себялюбивыя наклонности не заключаютъ въ себѣ ничего порочнаго или несовершеннаго. Безнравственнымъ будетъ лишь такое направленіе воли, когда эти наклонности господствуютъ однѣ, разростаясь на счетъ наклонностей общественныхъ, альтруистическихъ. Эгоизмъ себялюбивое стремленіе вопреки интересамъ другихъ или во вредъ другимъ, но никто не назоветъ эгоизмомъ разумную заботу человѣка о своемъ прочномъ благѣ, если она нисколько не мѣшаетъ другимъ. Стремленіе къ собственному счастью необходимо въ виду той причинной зависимости, въ которой счастье другихъ находится отъ нашего счастья. Небрежное отношеніе человѣка къ собственному тѣлесному и духовному здоровью не только отнимаетъ у общества полезнаго члена, но положительно вредитъ другимъ, его ближнимъ, которымъ онъ готовитъ тѣмъ горе, лишаетъ себя возможности исполнять принятыя имъ обязанности по отношенію къ нимъ. Кто грѣшитъ противъ самого себя, тотъ грѣшитъ противъ не только живыхъ, но и неродившихся, если онъ не остается безъ потомства. Обыкновенно наслѣдственны здоровье, сила и способность къ труду, какъ и болѣзнь, слабость и глупость. Поэтому надлежащее вниманіе къ самому себѣ является благословеніемъ для потомства, тогда какъ излишняя небрежность къ самому себѣ оказывается для него проклятіемъ. Грѣша предъ самимъ собою, каждый самъ же и искупаетъ вину, хотя для индивидуума правильное отношеніе къ самому себѣ можетъ быть также тяжело,

какъ и правильное отношеніе къ обществу. Авторъ затѣмъ обращаетъ особенное вниманіе на обязанности человѣка по отношенію къ самому себѣ, — вопросъ, очень важный при оцѣнкѣ личнаго поведенія каждаго въ обществѣ. Въ природѣ человѣка заложенъ, говоритъ Гижицкій, законъ, которому подчиняется все живущее. Сущность его заключается въ томъ, что всѣ живыя существа избѣгаютъ страданій и ищутъ удовольствія. Но въ жизни человѣка ощущенія пріятнаго и непріятнаго не являются вѣрными путеводителями къ достиженію человѣкомъ общаго благополучія. Онъ способенъ предвидѣть послѣдствія своего поведенія. Поэтому благоразуміе—первая основная добродѣтель античной этики. Оно не требуетъ безцѣльнаго страданія или отказа отъ счастья, а только правильнаго отношенія къ удовольствію и страданію. Человѣкъ долженъ переносить извѣстную непріятность, если помощью этого устраняется большая непріятность, или достигается большее удовольствіе. Это — храбрость, мужество — вторая добродѣтель античной морали. Третья—умѣренность въ удовольствіяхъ, стремленіе къ физической выносливости и уничтоженію всякой изнѣженности. Человѣкъ не долженъ предъявлять слишкомъ большихъ требованій къ жизни и счастью: онъ долженъ привыкать довольствоваться малымъ, потому что разочарованіе горько, а нежданное счастье доставляетъ двойную радость. Нравственное значеніе страданія состоитъ въ томъ, что непосредственное страданіе способствуетъ вѣрнѣе продолжительной и совершенной жизни, чѣмъ непосредственное удовольствіе; человѣческій организмъ лучше приспособленъ къ жизненнымъ потребностямъ относительно ощущеній непріятнаго, чѣмъ пріятнаго. Но избѣгать всякаго излишества и переносить неизбѣжное горе еще не значитъ достичь вершины житейской мудрости, цѣлью которой является возможно наибольшое увеличеніе положительнаго счастья. Высшее человѣческое благо заключается въ семейномъ счастьи. Безнравственно „убивать время“, проводить его въ праздности. Кто пріучилъ себя къ серьезному труду, соотвѣтствующему его духовнымъ и тѣлеснымъ силамъ и ведущему къ полезной цѣли, а свободное отъ работы время употребляетъ на укрѣпленіе и освѣженіе тѣла и на отдыхъ и облагороживаніе духа, тотъ

исполняетъ въ этомъ отношеніи наилучшимъ образомъ свои обязанности къ самому себѣ и ведетъ самую совершенную жизнь. Послѣ безсмысленной траты времени наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ сократить жизнь является постоянная жажда будущаго. Мудрецъ сознаетъ, что каждая часть жизни, отъ колыбели до могилы, имѣетъ свою собственную цѣну. Онъ понимаетъ, что живутъ не въ будущемъ, а въ настоящемъ, и при всѣхъ заботахъ о будущемъ будетъ всегда стремиться къ свѣтлому настоящему.

Какъ ни важны обязанности человѣка къ самому себѣ, но онъ не изолированное существо, а членъ общества и послѣдствія его поступковъ отражаются не только на немъ, но и на другихъ. Поэтому высшее этическое правило повелѣваетъ вести себя сообразно съ возможно наибольшимъ, общимъ благомъ всего общества. Въ этомъ отношеніи важны тѣже правила благоразумія, предвидѣнія послѣдствій своихъ поступковъ, какъ и въ области чисто личнаго благополучія: самообладаніе, мужество и умѣренность также необходимы и при исполненіи обязанностей къ другимъ, какъ и къ самому себѣ. Идеальная мораль регулируетъ поступки людей сообразно съ суммой ихъ послѣдствій для блага, пользы человѣчества. Но при этомъ необходимо, чтобы не противопоставляли полезное истинному и справедливому: истинно полезное оцѣнивается не по какимъ-либо временнымъ, случайнымъ соображеніямъ, а по отношенію къ благу всего человѣчества. Поэтому истинно справедливо всегда только истинно полезное для человѣчества. Дѣятельность человѣка для блага другихъ можетъ проявляться или въ томъ, что онъ не увеличиваетъ ихъ страданій, или же прямо способствуетъ счастью другихъ. Въ первомъ случаѣ человѣкъ поступаетъ справедливо, во второмъ проявляется благожелательность, любовь его къ людямъ. Но если еще можно согласиться съ Гижицкимъ, что любовь къ людямъ выражается въ стремленіи увеличить ихъ счастье, то нельзя того же сказать объ его взглядѣ на справедливость, который отличается отрицательнымъ характеромъ, противорѣчитъ существу справедливости. Гижицкій полагаетъ, что воздержаніе отъ обидъ (neminem laedere)—правило справедливости и затѣмъ беретъ цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ для каждаго пред-

ставляется опасность такъ или иначе нарушить интересы другихъ. Между тѣмъ, эта обязанность человѣка относится къ области права, какъ это сознавали и древніе римляне, у которыхъ въ опредѣленіи права neminem laedere означало одно изъ предписаній права, куда включалась также и справедливость — suum quique tribuere. Для защиты интересовъ и правъ членовъ общества въ немъ существуетъ судъ, какъ на это указываетъ Гижицкій, который, къ великому нашему удивленію, не говоритъ ничего о „воздаяніи каждому должнаго“, какъ сущности справедливости. А между тѣмъ, она — главный принципъ права, которому она указываетъ задачи его дѣятельности въ обществѣ. Именно идея равной свободы, заключающаяся въ suum quique tribuere, выражаетъ собою идеалъ для юридическаго развитія общества, которое невозможно безъ нравственнаго: справедливость — часть общей морали, существующей въ обществѣ. Вмѣсто того, чтобы выяснить тѣсное соотношеніе къ морали права въ данномъ случаѣ, Гижицкій разсматриваетъ разные виды нарушенія интересовъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ у него почему-то поставлены дуэль и „соблазненіе“: изъ нихъ дуэль — „безнравственный обычай“, съ которымъ всякій долженъ бороться, а соблазнъ — тяжелое преступленіе противъ жертвы, осужденной на погибель въ нравственномъ отношеніи, ея потомства и всего общества. Въ область справедливости въ смыслѣ уваженія интересовъ другихъ входятъ далѣе у Гижицкаго родительскія обязанности и долгъ благодарности, видами которой являются обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ и любовь къ отечеству. Къ обязанностямъ передъ отечествомъ принадлежитъ точное исполненіе государственныхъ законовъ. Изъ этихъ послѣднихъ въ настоящее время возбуждаютъ особенное неудовольствіе съ разныхъ точекъ зрѣнія законы, касающіеся собственности. Гижицкій выясняетъ необходимость института собственности изъ природы человѣка и условій его существованія въ обществѣ. Гижицкій признаетъ, что господствующее въ современныхъ условіяхъ собственности колоссальное неравенство составляетъ крупное зло. Общество обязано заботиться объ устраненіи этого зла, но это несомненно исключаетъ уничтоженіе собственности вообще, насиліе надъ

собственностью въ видѣ грабежа и кражи и объявленіе кулачнаго права.

Важнымъ условіемъ существованія и процвѣтанія общества служитъ обязанность его членовъ держать данныя обѣщанія, исполнять договоры, *вѣрность* въ широкомъ смыслѣ слова. Особенное значеніе имѣютъ договоры, которые заключаются въ принятіи на себя должности или занятія и брачный договоръ. Гижицкій называетъ бракъ основой домашняго и общественнаго счастья, высшей его вершиной, доступнымъ человѣку источникомъ истинной гуманности и морали. Отсюда ясно, какой порокъ прелюбодѣяніе, въ какихъ бы формахъ оно не являлось. Къ долгу вѣрности близко подходитъ долгъ правдивости, нарушеніе котораго—ложь. Правдивость особенно обязательна для человѣка науки въ виду его призванія и для осуществленія этого призванія. Но есть случаи, когда ложь оправдывается моралью общества, когда становится необходимостью охранять важные интересы личности. Наконецъ, къ той же категоріи обязанностей противъ другихъ Гижицкій относитъ и обязанность гуманнаго отношенія къ животнымъ. Справедливость, вѣрность и правдивость обнимаютъ собою, резюмируетъ свои разсужденія о нихъ, авторъ, тѣ обязанности, которыя долженъ исполнять всякій, желающій избѣгать *неправа*

Отъ справедливости Гижицкій отличаетъ доброжелательность въ смыслѣ обязанности человѣка не только не уменьшать, но еще и увеличивать чужое благо, хотя эта обязанность положительнаго содѣйствія счастью другихъ несомнѣнно заключается въ понятіи справедливости. Впрочемъ, самъ авторъ сейчасъ же замѣчаетъ, что между справедливостью и благожелательностью нѣтъ прочной и опредѣленной границы, которая зависитъ отъ различнаго уровня общественной и индивидуальной нравственности. При развитіи глубокаго чувства равенства и общности во всемъ человѣческомъ обществѣ очень многое, считавшееся на низшихъ ступеняхъ морали лишь „благодѣяніемъ“, кажется уже строгимъ долгомъ и обязанностью не предъ абстрактнымъ закономъ, а передъ нашими ближними. Изъ велѣній благожелательности, которая такимъ образомъ не отличается отъ справедливости, важно предотвращеніе страданій, уменьшеніе ихъ

у ближнихъ: помогая кому-либо въ нуждѣ, болѣзни или несчастьи, мы гораздо болѣе споспѣшествуемъ благу человѣчества, чѣмъ увеличивая счастье и безъ того уже счастливаго человѣка Но самоотреченіе или самопожертвованіе имѣетъ цѣну лишь въ видахъ преобладанія блага. Мучить и истязать себя на манеръ индійскихъ святыхъ (факировъ), не работать и жить трудомъ другихъ—это будетъ поистиннѣ дармоѣдствомъ. Гижицкій справедливо признаетъ общественно вредною денежную благотворительность безъ разбора, проявляющуюся въ подачѣ „милостыни" всякому нищему: она создаетъ профессіональныхъ попрошаекъ, людей, находящихъ болѣе удобнымъ, чтобы на нихъ работали другіе, и подъ конецъ считающихъ уже это прокормленіе чужимъ трудомъ своимъ законнымъ правомъ. Лучшимъ видомъ денежныхъ благодѣяній является правильная выдача опредѣленныхъ и относительно достаточныхъ суммъ отдѣльнымъ лицамъ и семьямъ, положеніе которыхъ намъ знакомо. Сюда же относится участіе въ благотворительныхъ обществахъ. Каждый, самъ живущій безъ нужды, уже заранѣе долженъ бы включать помощь нуждающимся въ число неизбѣжныхъ, болѣе необходимыхъ расходовъ, чѣмъ другіе якобы необходимые расходы, къ какимъ „обязываетъ" noblesse. Въ предѣлахъ семьи человѣчеству можетъ быть оказано легче всего и одно изъ величайшихъ благодѣяній—нравственное усовершенствованіе характера. Обязанность нравственнаго самоусовершенствованія также должна быть поставлена въ число обязанностей каждаго; выполненіе ея зависитъ отъ самого человѣка. И въ этомъ отношеніи, если сравнить нашъ переходный вѣкъ съ временами истинной религіозности въ средніе вѣка и съ классическими періодами древней исторіи, то мы почувствуемъ нѣкоторый стыдъ, такъ какъ мы далеко отстали отъ тѣхъ временъ. Поэтому одной изъ задачъ современной этики является то, чтобы вызвать въ занимающихся ею волю сдѣлаться лучшимъ человѣкомъ и указать пути и средства къ реализаціи такой воли.

Для этого человѣкъ долженъ не только бороться съ своими недостатками, но и возвышать свой нравственный уровень во всѣхъ отношеніяхъ, быть справедливымъ, честнымъ и правдивымъ, урегу-

лировать свои мышленіе, чувствованія и волю. Слѣдствіемъ такого поведенія человѣка будетъ сознаніе имъ всего нравственнаго значенія жизни. Въ заключеніе Гижицкій даетъ нѣсколько совѣтовъ въ виду нравственнаго самоусовершенствованія человѣка. Онъ долженъ время отъ времени предаваться уединенію, часто думать о смерти, избѣгать всякихъ дурныхъ сношеній и искать хорошихъ и, наконецъ, читать классическихъ писателей.

Въ заключеніи къ своей книгѣ Гижицкій касается важнаго вопроса объ отношеніи между интересомъ и долгомъ. Авторъ того мнѣнія, что гармонія между ними простирается очень далеко. Соціально-нравственное поведеніе въ чрезвычайно сильной степени совпадаетъ съ поведеніемъ, какого требуетъ разумный эгоизмъ. Нарушенія общественнаго долга подлежатъ суду общественнаго мнѣнія. Наоборотъ, поступающій хорошо пользуется всеобщимъ уваженіемъ и испытываетъ благодѣтельныя послѣдствія этого при всѣхъ случаяхъ. Добрый человѣкъ живетъ въ мірѣ дружественныхъ явленій: счастье каждаго его собственное счастье. Тѣмъ не менѣе между добродѣтелью и счастьемъ не существуетъ такой полной гармоніи, какой требуютъ наши благороднѣйшія чувства. Одна изъ величайшихъ задачъ человѣчества и состоитъ въ томъ, чтобы путемъ улучшенія общественныхъ учрежденій и усовершенствованія человѣческой природы воспитаніемъ по возможности сдѣлать эту гармонію между долгомъ и интересомъ совершеннѣе. Отъ исполненія требованій морали зависитъ все благосостояніе человѣческаго общества: оно сводится къ нулю, если эти требованія всегда нарушаются и достигаютъ своего максимума, если они всегда исполняются. Гижицкій заканчиваетъ книгу признаніемъ той глубокой истины, что основа морали не какая-либо единичная сила въ человѣкѣ (совѣсть, эгоизмъ, инстинктъ общественности, состраданіе, разумъ и пр.), а самъ онъ весь чувствующій, желающій, мыслящій и, прибавимъ мы, дѣйствующій человѣкъ въ направленіи къ осуществленію идеи общаго блага.

В. Щегловъ.

---

2. *Н. Карѣевъ*: „Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи“. Изданіе пятое. Спб. 1895. 159 стр.

3. *Онъ-же*: „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“. Изданіе третье. Спб. 1895. 178 стр.

Если внимательный наблюдатель присмотрится къ теченію современной русской общественной жизни, то непремѣнно и невольно обратитъ свое вниманіе на одно замѣчательное въ ней явленіе, возникшее очень недавно. Мы говоримъ о томъ необыкновенномъ интересѣ образованной части общества къ разнымъ вопросамъ знанія, политики, морали и всѣхъ остальныхъ сторонъ общественной жизни, который выражается въ давно уже небываломъ у насъ появленіи всякихъ нужныхъ для этого сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, такъ или иначе удовлетворяющихъ живому на нихъ спросу. Къ числу такихъ книгъ относится и цѣлая серія книжекъ проф. Карѣева, который затрогиваетъ въ нихъ самые капитальные вопросы науки и самой жизни. Ужъ одно ихъ быстрое распространеніе въ обществѣ, гдѣ нѣкоторыя изъ книжекъ разошлись въ нѣсколькихъ изданіяхъ, говоритъ за то, на сколько своевременно было ихъ появленіе. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ одной части русской текущей прессы книжки Карѣева встрѣчены не только съ сомнѣніемъ въ ихъ цѣлесообразности, но даже и съ подозрѣніемъ въ пристрастіи автора къ нѣкоторымъ одностороннимъ, партійнымъ взглядамъ, которые почтенный профессоръ будто бы стремится навязать своимъ читателямъ подъ видомъ заботы объ ихъ самообразованіи. Но если гдѣ именно нужно безпристрастное отношеніе и оцѣнка трудовъ какого-либо дѣятеля, то это, прежде всего, въ этомъ послѣднемъ случаѣ: въ вопросѣ о самообразованіи идетъ рѣчь о важнѣйшихъ условіяхъ личной и общественной дѣятельности и поэтому всякая попытка такъ или иначе разрѣшить этотъ вопросъ должна быть принята съ благодарностью и оцѣнена по достоинству предпринятыхъ усилій и трудовъ на пользу общую. Мы, съ своей стороны, вполнѣ сочувствуемъ проф. Карѣеву въ его благородномъ намѣреніи помочь нашей учащейся

молодежи въ самой насущной ея нуждѣ, указать ей пути къ образованію правильнаго и стройнаго міровоззрѣнія, которое могло бы стать для каждаго юноши надежнымъ руководствомъ въ его послѣдующей, практической дѣятельности. На сколько Карѣеву удалось достигнуть этой благородной цѣли, объ этомъ мы узнаемъ изъ изложенія его взглядовъ на задачи самообразованія, его средства и способы выработки міросозерцанія. На этотъ разъ мы ограничиваемся тѣмъ, что познакомимъ читателей съ двумя названными нами книжками Карѣева, оставляя за собою право побесѣдовать на страницахъ юридической библіографіи и о двухъ послѣдующихъ его книжкахъ [1]).

Въ своихъ „Письмахъ о самообразованіи" Карѣевъ имѣетъ въ виду извѣстный, опредѣленный кругъ читателей, именно ту часть учащейся молодежи, которая чувствуетъ потребность въ самообразованіи, какъ особомъ жизненномъ интересѣ. Авторъ находитъ, что это ея стремленіе къ самообразованію явленіе, вполнѣ естественное, совершенно законное и въ высшей степени симпатичное. Въ каждомъ молодомъ человѣкѣ въ извѣстное время его жизни обнаруживается особый интересъ къ высшимъ вопросамъ человѣческаго знанія и существованія. Но если средняя школа не даетъ и не можетъ давать законченнаго образованія, то школа высшая въ разныхъ ея видахъ даетъ образованіе, законченное лишь по отношенію къ извѣстнымъ спеціальностямъ. Тоже, чего не даетъ и не можетъ дать высшая школа, можетъ быть достигнуто только путемъ самообразованія. Послѣднее есть безкорыстное стремленіе къ истинѣ, правдѣ, вызываемое общечеловѣческою потребностью понять, что такое, окружающій человѣка, внѣшній міръ, самъ человѣкъ и общество и чѣмъ должны быть онъ и это общество. Между тѣмъ, организаціи дѣла самообразованія у насъ совсѣмъ нѣтъ. Образованіе, даваемое школою, поставлено въ гораздо лучшія условія, нежели самообразованіе внѣ школы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ каждый самъ долженъ знать заранѣе, къ чему онъ долженъ придти. Для гро-

---

[1]) „Мысли объ основахъ нравственности" и „Мысли о сущности общественной дѣятельности". 1895 года.

маднаго большинства учащейся молодежи цѣль самообразованія или остается крайней неопредѣленной, или представляется одностороннею и случайною, въ зависимости отъ личныхъ способностей, отъ первыхъ прочитанныхъ книгъ и отъ общаго духа той среды, въ которую попадаетъ юноша. Карѣевъ находитъ вполнѣ естественнымъ, что громадное большинство учащейся молодежи не имѣетъ яснаго представленія о цѣли самообразованія, которое также не можетъ совсѣмъ обходиться безъ программы и системы, вытекающей изъ связи разныхъ знаній. При самообразованіи не годятся школьныя программы и системы, которыя отличаются обязательностью, совершенно нежелательною въ такомъ свободномъ дѣлѣ, какъ самообразованіе, гдѣ все должно истекать изъ личной иниціативы. На практикѣ каждому приходится вырабатывать свою программу и систему сообразно съ предполагаемымъ идеальнымъ кругомъ самообразованія. Единой и общей программы и системы самообразованія даже и не можетъ существовать, но это не мѣшаетъ установленію единаго и общаго принципа въ видѣ руководства для самообразованія молодежи. Карѣевъ высказываетъ желаніе, чтобы стремленіе къ усвоенію новыхъ знаній и идей не покидало человѣка и по его выходѣ изъ высшаго учебнаго заведенія. Вся задача самообразованія въ учебные годы должна заключаться въ томъ, чтобы заложить прочный и широкій фундаментъ для дальнѣйшаго пріобрѣтенія знаній и идей. Общеобразовательный курсъ систематическаго чтенія долженъ быть систематическимъ сводомъ всего того изъ отдѣльныхъ наукъ съ общеобразовательнымъ значеніемъ, что само по себѣ имъ обладаетъ. Въ виду всѣхъ этихъ высказанныхъ Карѣевымъ соображеній относительно самообразованія онъ ставитъ себѣ задачу помочь молодежи, ищущей общаго образованія, путемъ самостоятельнаго чтенія книгъ разобраться въ вопросахъ о цѣли, сущности и средствахъ самообразованія.

Прежде, чѣмъ опредѣлить цѣль самообразованія, Карѣевъ останавливается, какъ онъ выражается, на психологіи возраста, въ которомъ возникаетъ потребность въ самообразованіи. Это Sturm—und Drangperiode интеллигентнаго существованія молодежи, когда она начинаетъ искать въ литературѣ не одну область фактовъ и

міръ образовъ, но и идеальное ихъ содержаніе. Въ это время начинають формироваться умственныя стремленія человѣка, его философскіе взгляды, основныя моральныя воззрѣнія и общественныя убѣжденія, но всѣ они уже не вполнѣ и рѣзко обозначились, какъ увѣряетъ Карѣевъ. Опредѣленное міровоззрѣніе и постоянный, устойчивый характеръ образуются обыкновенно въ болѣе позднюю пору зрѣлаго возраста. Про юношу же можно только сказать словами Карѣева же, что онъ работаетъ мыслью и чувствомъ, *чтобы имѣть по возможности цѣльное, полное и стройное міросозерцаніе*, мучаясь малѣйшими противорѣчіями, пробѣлами и несообразностями въ мірѣ жизни и мысли. Головой философъ, сердцемъ поэтъ—такова въ четырехъ словахъ характеристика каждаго юноши съ такимъ душевнымъ настроеніемъ. Какъ первая любовь дѣлаетъ его поэтомъ, такъ первое пробужденіе настоящаго самосознанія превращаетъ его въ философа и такимъ философомъ бываетъ каждый изъ насъ. Естественнымъ результатомъ правильнаго, широкаго и полнаго удовлетворенія потребности въ самообразованіи должна быть, такимъ образомъ, какъ главная его цѣль, выработка міровоззрѣнія, которая противополагается пассивному усвоенію какихъ бы то ни было идей. Такъ именно бываетъ въ культурной средѣ на низкой степени, когда человѣкъ механически и помимо своей воли усвоиваетъ извѣстныя понятія, идеи, сужденія среды, гдѣ онъ вращается всю свою жизнь, получаетъ готовыми всѣ отвѣты на разные вопросы мысли и жизни прежде, чѣмъ сами они предстанутъ предъ нимъ, какъ вопросы. Это міросозерцаніе—плодъ коллективной и безсознательной дѣятельности цѣлаго ряда послѣдовательныхъ поколѣній—традиціональное; носителемъ его является преданіе въ смыслѣ безсознательной и непроизвольной передачи одними другимъ всего его содержанія.

Изученіе всемірной исторіи съ философской точки зрѣнія показываетъ, что весь умственный прогрессъ, состоящій въ замѣнѣ первобытныхъ воззрѣній болѣе правильными взглядами на природу, человѣка и общество, создается усиліями личной мысли, выработкой индивидуальнаго міросозерцанія. Въ то время, какъ усвоеніе традиціональнаго міросозерцанія отличается пассивнымъ и догмати-

ческимъ характеромъ, выработка личнаго міросозерцанія имѣетъ характеръ активный и критическій. Степенью развитія активной и критической мысли измѣряется прежде всего культурный ростъ личности и цѣлаго общества.

Самообразованіе должно быть не только самостоятельнымъ, безъ помощи учителя, пріобрѣтеніемъ запаса знаній и идей путемъ одного чтенія подходящихъ книгъ, но и самовоспитаніемъ въ смыслѣ развитія въ себѣ умственной самостоятельности, искорененіемъ привычекъ, созданныхъ въ раннюю пору жизни человѣка пассивнымъ и догматическимъ усвоеніемъ чужихъ идей. Каждое міросозерцаніе складывается изъ идей о томъ, что есть, и идей о томъ, что должно быть,—предметовъ знанія, науки, изслѣдованія и вѣры, религіи и творчества идеаловъ. То міросозерцаніе, изъ котораго изгнано всякое понятіе о томъ, что должно быть, во что слѣдуетъ вѣрить, на что надѣяться, что любить, ради чего жить и работать, такое міросозерцаніе не можетъ удовлетворять ни вообще подавляющаго большинства людей, ни тѣмъ болѣе молодежи, стремящейся къ самообразованію не изъ одного холоднаго и спокойнаго желанія узнать объективныя отношенія жизни природы и человѣка. Душа его состоитъ изъ ума, чувства и воли и поэтому онъ желаетъ, чтобы его міросозерцаніе было не простою совокупностью идей относительно того, какъ слѣдуетъ понимать явленія окружающей его дѣйствительности и въ зависимости однихъ отъ другихъ, но и системой убѣжденій съ нравственнымъ и общественнымъ содержаніемъ. Карѣевъ вооружается противъ боязливости мысли, которая заключается въ томъ, что человѣкъ боится прикосновенія къ содержанію своей вѣры, малѣйшей критики ея основныхъ и второстепенныхъ положеній. Родной сестрой трусости мысли и такимъ же врагомъ самостоятельной выработки міросозерцанія является лѣность мысли, которая обыкновенно мирится со всякою рутиной, въ свою очередь, продуктомъ той же лѣности общественной мысли. Въ стремленіи къ самообразованію выражается и дѣйствіе простой любознательности съ чисто фактическимъ направленіемъ и важное значеніе обладанія фактическими знаніями, какъ одно изъ условій возможности самостоятельнаго отношенія къ идеямъ. Но образо-

ваніе есть не столько обладаніе фактическими знаніями, сколько способность пониманія, предполагающая обладаніе извѣстными идеями. Высшей идеалъ образованности заключается не въ томъ, чтобы знать все, что только знаютъ всѣ ученые міра, но въ томъ, чтобы умѣть понимать всѣ идеи вѣка, имѣющія общій интересъ и могущія быть доступными каждому. Отдѣльный человѣкъ пріобщается къ образованному обществу чрезъ усвоеніе его идей,—умственныхъ стремленій, нравственныхъ воззрѣній и общественныхъ убѣжденій. Въ каждой наукѣ, кромѣ каталога фактовъ, есть и своя философія въ смыслѣ основныхъ положеній и конечныхъ выводовъ. Каждая такая философія въ сущности есть ничто иное, какъ извѣстное міросозерцаніе, относящееся къ опредѣленной области вопросовъ. А такъ какъ въ философіи различныхъ наукъ человѣкъ обыкновенно имѣетъ дѣло съ нѣсколькими несогласными между собой теоріями, то уже по одному этому онъ долженъ вырабатывать самъ свое міросозерцаніе, а не получать его готовымъ изъ книжекъ. Только эта цѣль самообразованія едва ли можетъ быть достигнута рекомендуемымъ Карѣевымъ путемъ одного только чтенія книгъ безъ руководства учителя: такое руководство представляетъ собою его книжки, разбираемыя нами, и двѣ слѣдующія, о которыхъ мы упоминали. Всякій молодой человѣкъ, обучающійся въ высшемъ учебномъ заведеніи, можетъ избрать себѣ въ руководители какого-либо изъ профессоровъ этого учрежденія: иначе онъ можетъ очутиться въ совершенно безпомощномъ положеніи при видѣ массы всякаго рода фактовъ, идей и теорій, часто другъ другу противоположныхъ и взаимно исключающихъ.

Въ третьемъ письмѣ Карѣевъ занимается вопросомъ о томъ, какой характеръ должно носить то міросозерцаніе, которое долженъ выработывать всякій человѣкъ, стремящійся къ самообразованію. Самое слово міросозерцаніе показываетъ, что оно должно быть извѣстнымъ пониманіемъ всего міра. Идеалъ міровоззрѣнія заключается въ томъ, чтобы оно было цѣльно, полно и стройно, то есть, чтобы оно охватывало весь міръ; каждая область мысли, жизни, природы и человѣка была изслѣдована во всѣхъ своихъ частяхъ и чтобы всѣ идеи были приведены въ систему. Всякій

идеалъ есть цѣль желаній и стремленій человѣка и самообразованіе есть одинъ изъ видовъ стремленія къ идеалу. Разсматривая вопросъ о томъ, изъ какихъ наукъ должно состоять міросозерцаніе, Карѣевъ находитъ, что центральная задача міросозерцанія— „познать самого себя“. Отсюда одною изъ важнѣйшихъ наукъ, безъ которыхъ не можетъ существовать цѣльнаго, полнаго и стройнаго міросозерцанія, является поэтому наука о духовной сторонѣ человѣческой природы—психологія, а она вмѣстѣ съ политической экономіей основа соціологіи. Нельзя понять, что такое общество въ его организаціи безъ предварительнаго уясненія того, что такое индивидуумъ въ его отношеніяхъ къ другимъ личностямъ, и внѣшней природѣ. Ни одно выработанное міросозерцаніе не можетъ также обойтись безъ теоріи познанія. Все, что доступно человѣческому знанію, входитъ въ рядъ теоретическихъ наукъ, тѣсно связанныхъ между собою: философію, физику, химію, біологію, психологію, соціологію и этику. Всѣ эти науки должны входить въ правильное міросозерцаніе каждаго. Все оно должно представлять изъ себя нѣчто цѣльное въ смыслѣ нѣкотораго внутренняго единства. Міросозерцаніемъ должны удовлетворяться всѣ главныя стремленія человѣка; въ немъ должны найти мѣсто моральные и соціальные идеалы. Самую главную проблемму міросозерцанія составляютъ личность человѣка и общество, которыя должны быть поняты во всей полнотѣ ихъ бытія. Жизнь общества выражается въ духовной и экономической его культурѣ, въ правѣ и въ его государственной организаціи, выростающихъ на почвѣ тѣхъ же индивидуальныхъ потребностей и соціальныхъ отношеній. Поэтому общество нужно изучать со всѣхъ указанныхъ сторонъ этого сложнаго и многосторонняго его устройства. Идеаломъ вполнѣ удовлетворяющаго умъ и сердце міросозерцанія является отсутствіе въ немъ внутреннихъ противорѣчій, его систематичность, ясность и широта взглядовъ, въ немъ заключающихся. Міросозерцаніе должно вмѣстѣ удовлетворять потребности мысли и служить руководствомъ въ жизни. Въ духовной жизни человѣка не можетъ господствовать одинъ только умъ: человѣкъ обладаетъ еще совѣстью, въ которой заключается центръ духовной жизни человѣка. Самъ юношескій

идеализмъ есть ничто иное, какъ особая чуткость совѣсти, еще непотерявшей своей свѣжести отъ слишкомъ долгаго соприкосновенія съ грубою дѣйствительностью. Вопросомъ совѣсти является не только то, къ чему человѣкъ долженъ стремиться, но и то, чѣмъ онъ долженъ быть въ отношеніи къ другимъ людямъ. Поэтому-то вопросы о происхожденіи сущности и верховной санкціи нравственности, какъ и вопросъ о свободѣ воли, играющій столь важную роль въ личной морали, всегда живо интересуютъ молодежь. Область этическихъ вопросовъ можетъ быть раздѣлена на вопросы индивидуальной и соціальной этики: личное совершенство и соціальный индифферентизмъ столь же плохо вяжутся между собою, какъ и личное совершенство съ полнымъ отсутствіемъ альтруизма. Поэтому индивидуальная и соціальная этика представляетъ одно неразрывное цѣлое, которое должно быть проникнуто однимъ принципомъ опредѣлять каждому стремленію человѣка и его отношенію свое мѣсто въ личной и общественной жизни.

Все слѣдующее (4-е) письмо Карѣева есть горячая защита идеи человѣческой личности, краснорѣчивая проповѣдь на тэму о необходимости вырабатывать личность въ себѣ и признавать ее и въ другихъ. Расширеніе образованія, выработка міросозерцанія формируютъ, говоритъ Карѣевъ, въ человѣкѣ личность, единое и самостоятельное существо. Все наше существованіе складывается изъ мѣняющихся состояній нашего *я*. Озираясь на свое прошлое, мы видимъ, какъ наша личность росла и развивалась и въ молодые наши годы—годы и наибольшаго развитія роста личности,—непосредственное чувство и сознаніе человѣка говорятъ ему, что внутреннее его существо возвышается, совершенствуется. Почтенный профессоръ увлекается, приписывая только юности весь ростъ и развитіе въ человѣкѣ личности—удѣлъ позднѣйшаго, болѣе зрѣлаго возраста, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже старости человѣка. Но, независимо отъ возрастовъ человѣческой жизни, мы наблюдаемъ, какъ замѣчаетъ Карѣевъ, нравственное паденіе личности, ея разрушеніе при извѣстныхъ душевныхъ болѣзняхъ и исчезновеніе личности въ мірѣ явленій (смерть). Мы совершенно согласны съ нимъ въ томъ, что идеаломъ личнаго совершенствова-

нія представляется побѣда разума, совѣсти, долга надъ всѣми препятствіями, но только не побѣда духа надъ матеріей, которые должны быть въ извѣстномъ равновѣсіи между собою въ виду совершеннаго, гармоничнаго развитія личности. Но мы вмѣстѣ съ Карѣевымъ противъ систематическихъ и всякихъ метафизическихъ теорій, уничтожающихъ духовное начало въ человѣкѣ, самостоятельность его *я*. Критическая философія учитъ насъ видѣть въ духѣ и матеріи—обобщеніе двухъ разныхъ категорій явленій въ человѣческой жизни и запрещаетъ сводить одинаково какъ матерію на духъ, такъ и духъ на матерію. Духъ человѣка зависитъ отъ тѣлесной его организаціи и общества. Культурный индивидуализмъ—великая историческая и прогрессивная сила, ибо всѣ знанія, идеи, всѣ изобрѣтенія современной цивилизаціи обязаны своимъ происхожденіемъ работѣ личной мысли. Культурный ростъ личности шелъ всегда рядомъ съ ростомъ образованности, которая вводитъ человѣка въ идеальную среду, создающуюся личною мыслью великаго множества философовъ, ученыхъ, работой поколѣній, опытомъ вѣковъ и жизнью человѣчества. Самообразованіе есть одно изъ средствъ выработки въ себѣ личности и кто чувствуетъ себя личностью, тотъ не станетъ пренебрегать этими средствами. Развитіе личности нужно для нея самой и для общества. Карѣевъ объявляетъ себя противникомъ индивидуализма въ смыслѣ полнаго соціальнаго индифферентизма, который есть только другая форма эгоизма. Почтенный профессоръ сочувствуетъ альтруистическому стремленію молодежи къ общественной дѣятельности, которая состоитъ въ воздѣйствіи личности на соціальную среду, что возможно при томъ лишь условіи, чтобы сами дѣятели выработывали въ себѣ развитую и приспособленную къ общественной дѣятельности личность. Только такой человѣкъ можетъ устоять противъ всеуравнивающаго и всепринижающаго вліянія жизненной среды съ ея прозой, пошлостью, низменными интересами и стать дѣйствительнымъ факторомъ общественнаго прогресса. Въ этомъ отношеніи наука вообще и въ частности самообразованіе получаютъ очень важное значеніе, если только они развиваютъ привычки и пріемы самостоятельнаго и критическаго мышленія, обогащаютъ умъ знаніями и идеями,

пріучають къ ясности мысли и широтѣ взгляда и укореняютъ въ душѣ моральныя и соціальныя убѣжденія, подсказываемыя голосомъ совѣсти. Въ комъ сильно развита внутренняя личная жизнь, тотъ не можетъ не чувствовать интереса къ внутреннему міру другихъ личностей, что ведетъ за собою признаніе личности въ людяхъ. Вся культурная и соціальная исторія человѣчества есть исторія постепеннаго признанія за личностью ея достоинства и правъ, борьбы личностей за свои и чужія достоинства и права и осуществленіе ихъ въ моральныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ. Такъ пали рабство и крѣпостничество, такъ установились въ цивилизованныхъ странахъ міра свобода совѣсти, свобода мысли, слова и жизни отъ мелочной опеки полицейскаго государства. Такимъ же образомъ возникъ вопросъ о правѣ каждаго человѣка на болѣе его достойное и справедливое матеріальное обезпеченіе. Люди, настроенные альтруистически, должны признавать принципъ личности, ибо если его отрицать, то что же останется предметомъ ихъ альтруистическихъ и соціальныхъ чувствъ, кого любить, уважать и защищать? Не подавлять слѣдуетъ личность, а содѣйствовать ея развитію. Внѣ принципа равнаго достоинства человѣческой личности и прирожденныхъ ей правъ не можетъ быть никакой общей мѣрки для этическихъ отношеній въ частной и общественной жизни.

Въ пятомъ письмѣ идетъ рѣчь объ образовательныхъ средствахъ, въ особенности наукѣ. Здѣсь Карѣевъ, послѣ указанія того важнаго значенія, какое имѣетъ въ системѣ общаго образованія знакомство съ литературными произведеніями, имѣющими близкое отношеніе къ жизни общества, затрогиваетъ интересный вопросъ, какъ должна относится къ наукѣ молодежь. Очень часто юноши, несомнѣнно ищущіе правды и мучительно работающіе надъ своимъ міросозерцаніемъ, относятся, говоритъ Карѣевъ, къ наукѣ не только съ разочарованіемъ, но даже съ негодованіемъ, презрѣніемъ и враждою. Молодежь требуетъ отъ науки того, чего она иногда не можетъ дать или по существу дѣла, или по современной организаціи преподаванія. Молодежь ищетъ вѣры въ смыслѣ желанія знать, во что слѣдуетъ вѣрить, и принятія на вѣру готовыхъ положеній. Карѣевъ находитъ, что такому разочарованію въ наукѣ

молодежи помогаетъ много организація нашего высшаго образованія. Молодежь ищетъ идейнаго знанія, а ей часто этого знанія не отпускаютъ въ достаточной мѣрѣ, заставляя слишкомъ рано входить въ интересы спеціальнаго знанія. Карѣевъ высказываетъ, на нашъ взглядъ, совершенно правильное мнѣніе, чтобы при преподаваніи того или другаго рода спеціальныхъ наукъ преслѣдовались и цѣли самообразованія. Только не при всѣхъ отрасляхъ знанія возможно достиженіе этихъ цѣлей. Все, что говоритъ Карѣевъ о необходимости изучать общія идеи какой-либо спеціальной отрасли знаній въ вступительномъ курсѣ къ подробному знакомству съ содержаніемъ всей науки, относится только къ юридическимъ и, отчасти, историческимъ наукамъ. Такъ на юридическихъ факультетахъ есть, какъ замѣчаетъ самъ Карѣевъ, особая наука — энциклопедія права, которая, однако, можетъ сдѣлаться общеобразовательною наукой только тогда, когда она преподается не въ смыслѣ юридической пропедевтики, а общей теоріи права. Такъ именно понимаетъ и преподаетъ энциклопедію права большинство русскихъ профессоровъ, и мы лично присоединяемся вполнѣ къ мнѣнію почтеннаго профессора, чтобы эта наука имѣла общее, идейное и жизненное содержаніе. На историко-филологическомъ факультетѣ такое общее значеніе имѣетъ, отчасти, всеобщая исторія, хотя самъ Карѣевъ въ качествѣ спеціалиста и выражаетъ преувеличенное мнѣніе объ общеобразовательномъ характерѣ исторической науки. Научные пріемы мышленія выработываются логикой, но не исторіей, безъ которой только не могутъ быть правильно поняты другія общественныя науки — общая литература, юриспруденція, политическая экономія и друг. Лишь историческая наука вноситъ въ современное міросозерцаніе идею о развитіи и вмѣстѣ съ тѣмъ объ относительности всего существующаго, а также и нашихъ знаній. Важно указаніе Карѣевымъ народнаго направленія въ современной исторической наукѣ, знакомство съ которой можетъ сильно помочь молодежи въ уясненіи будущихъ задачъ ея общественной дѣятельности: исторія, какъ наука, можетъ раскрыть предъ нами всѣ недостатки действительной жизни, но она же свидѣтельствуетъ и объ историческомъ прогрессѣ въ общественныхъ явленіяхъ. Юношескій идеализмъ питается

идеей прогресса, о которой сообщаетъ исторія, но только сама молодежь должна относиться къ наукѣ вообще съ полнымъ довѣріемъ, не предъявлять къ ней требованій, которыя она не можетъ удовлетворять. Наука не въ состояніи сдѣлать *все*, что нужно человѣку въ жизни и сдѣлать притомъ *немедленно*. Но безъ науки въ смыслѣ точнаго и достовѣрнаго знанія о законахъ явленій, добытаго путемъ ихъ изслѣдованія, невозможно обойтись всякому человѣку ни въ его личной, ни тѣмъ болѣе общественной дѣятельности.

Мы познакомились съ общимъ содержаніемъ „Писемъ къ учащейся молодежи“ Карѣева и видѣли, на сколько важные и существенные вопросы затрогиваетъ въ ней почтенный профессоръ. Въ своемъ „Послѣсловіи“ онъ приводитъ какъ тѣ въ высшей степени симпатичные, благородные мотивы, которые заставили его обратиться съ своими „Письмами“ къ русской молодежи, такъ и высказываетъ прямо и откровенно, что онъ выразилъ лишь въ „Письмахъ“ свои убѣжденія, къ которымъ его привели жизненный опытъ, знаніе исторіи и пониманіе имъ того, что истинно и справедливо. Карѣевъ отказывается отъ всякаго намѣренія навязывать юношеству только извѣстнаго рода взгляды, въ чемъ такъ старается обвинить его извѣстная часть русской печати, приглашаетъ читателей критиковать его воззрѣнія и только выражаетъ одно искреннее пожеланіе молодежи, чтобы она сохранила въ себѣ юношескій идеализмъ, какъ твердую и надежную опору и основу для стремленія выработать изъ себя развитую личность, стойкаго и энергичнаго дѣятеля въ общественной жизни.

Другая книжка проф. Карѣева („Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“) является продолженіемъ его „Писемъ“. Задача „Бесѣдъ“ заключается въ изложеніи въ извѣстной системѣ главныхъ предметовъ и важнѣйшихъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ самообразовательнаго чтенія, и указаніи сочиненій, въ которыхъ можно найти отвѣты на эти вопросы. Изъ числа этихъ послѣднихъ Карѣевъ обращаетъ особенное вниманіе на вопросы о мѣстѣ человѣка въ природѣ и обществѣ: около этихъ двухъ важнѣйшихъ вопросовъ должны сгруппироваться и всѣ остальные вопросы знанія. Особен-

ное значеніе гуманитарнаго образованія, которое авторъ выдвигаетъ на первый планъ въ своихъ „Бесѣдахъ", вытекаетъ изъ того, что вырабатываемое нами міросозерцаніе нужно не только для того, чтобы понимать вещи, но также и чтобы знать, какъ дѣйствовать въ жизни. А эта цѣль гораздо лучше достигается гуманитарнымъ самообразованіемъ, а не однимъ только изученіемъ естественныхъ наукъ (вступленіе). Разсмотрѣнію взаимныхъ соотношеній между естественными и гуманитарными науками Карѣевъ посвящаетъ первую бесѣду. Это дѣленіе наукъ основывается, говоритъ онъ, на различіи двухъ великихъ областей всѣхъ предметовъ и явленій — міра природы и человѣка. Конечно, человѣкъ также существуетъ въ природѣ и зависитъ отъ ея законовъ. Отдѣленіе человѣка отъ природы совершается лишь въ виду духовной и общественной сторонъ человѣческой жизни, которыя изучаются гуманитарными науками. Современное естествознаніе разсматриваетъ человѣка, какъ продуктъ постепеннаго развитія низшихъ формъ животной жизни, и стремится вывести высшія проявленія духа и общественности человѣка изъ зачатковъ той и другой, наблюдаемыхъ у другихъ животныхъ. Съ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ души и тѣла не имѣетъ никакой связи вопросъ объ основной субстанціи міра явленій. Спиритуализмъ и матеріализмъ родственны въ томъ отношеніи, что они сводятъ явленія одной категоріи къ явленіямъ другой, какъ ихъ основной сущности. На самомъ же дѣлѣ матерія и духъ лишь двѣ стороны или проявленія одной и той же міровой сущности, для насъ недоступной. Мы познаемъ явленія не въ ихъ сущности, а такими, какими они представляются намъ въ зависимости отъ устройства низшихъ органовъ чувствъ и основныхъ условій нашей познавательной способности. Міръ человѣка — внутреннія, психическія состоянія людей, ихъ мысли, чувствованія, желанія съ внѣшними ихъ проявленіями, духовное взаимодѣйствіе людей съ вытекающимъ отсюда общественнымъ устройствомъ. Несводимость и противоположность другъ другу духа и матеріи въ одинаковой степени доказываются какъ критической философіей, такъ и позитивизмомъ, который рѣшительно отказался отъ рѣшенія задачи о сущности вещей и изучаетъ міръ человѣка только путемъ наблюденія. Идея закономѣр-

ности, возникшая на почвѣ естествознанія, перенесена и на изученіе духовной и общественной жизни человѣка. Матеріальныя и духовныя явленія подраздѣляются еще на болѣе частныя категоріи, установленныя О. Контомъ, который доказалъ, что порядокъ изученія наукъ стоитъ въ зависимости отъ порядка, въ какомъ происходила міровая эволюція и зависимости явленій другъ отъ друга. Въ мірѣ человѣка отъ духовныхъ явленій отличаются, основанныя на нихъ, общественныя явленія. Въ силу принципа зависимости явленій высшаго порядка отъ низшаго міръ человѣка изучается въ связи съ міромъ природы и на основаніи однихъ и тѣхъ же методовъ, хотя, напр., въ психологіи, кромѣ наблюденія и опыта, возможно еще и самонаблюденіе. Карѣевъ совершенно правильно настаиваетъ на томъ, чтобы реализмъ и объективизмъ въ дѣлѣ изученія индивидуальной и соціальной жизни пополнялся субъективизмомъ и идеализмомъ. Въ человѣческихъ дѣлахъ вообще мы желаемъ знать не только то, что есть, но и то, что должно быть, и стремимся оцѣнивать съ такой точки зрѣнія все существующее. Идеализмъ—творчество идеаловъ въ смыслѣ идей о должномъ въ личной и общественной жизни людей возможенъ лишь въ изученіи міра человѣка. Это идеалистическое или субъективное отношеніе къ явленіямъ можно назвать еще этическимъ, но оно въ тоже время и научное, подобно реалистическому или объективному изученію явленій природы и жизни человѣка, хотя Карѣевъ, неизвѣстно почему, присвоиваетъ названіе научнаго только этому послѣднему способу изслѣдованія явленій. Этическое отношеніе возможно лишь къ явленіямъ духа и общества и оно должно составлять весьма важную сторону человѣческаго міросозерцанія: человѣкъ кромѣ теоретическаго отношенія къ дѣйствительности нуждается еще въ руководящихъ началахъ своей практической жизни. Поэтому въ этикѣ-наукѣ о томъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ и общество—рѣшаются высшіе вопросы человѣческаго бытія,—о назначеніи человѣка и принципахъ его поведенія, основныхъ началахъ взаимнаго отношенія людей.

Въ слѣдующихъ двухъ бесѣдахъ Карѣевъ сообщаетъ выводы современной науки о матеріальной природѣ и психическихъ явле-

ніяхъ. Вся матеріальная природа объяснима съ той точки зрѣнія, что міровая сущность есть протяженная и непроницаемая матерія, дѣятельность которой выражается въ движеніи. Но матеріалисты ошибаются, стараясь объяснить всѣ явленія, а также и духовныя, изъ одного вещественнаго начала. На самомъ дѣлѣ качества, приписываемыя тѣлеснымъ вещамъ, не ихъ качества, а только наши субъективныя воспріятія, такъ что внѣ нашего сознанія нѣтъ ничего подобнаго нашимъ представленіямъ. Сама матерія только представленіе нашего ума о внѣшнемъ мірѣ, природѣ. Матерія и духъ — различныя проявленія одной и той же неизвѣстной сущности, параллельно и неразрывно связанныя другъ съ другомъ, но несводимыя къ одной изъ этихъ формъ міровой сущности. Что касается основныхъ свойствъ матеріи, то здѣсь идетъ рѣчь, съ одной стороны, о законѣ единства физическихъ силъ въ неорганической природѣ и законѣ эволюціи въ органической. Самое существенное свойство матеріи, вещества и движенія остается всегда одинаковой величиной. Съ точки зрѣнія идеи эволюціи вся вселенная — безпрерывное и постепенное развитіе единаго начала въ видѣ матеріи и духа. Въ органическомъ мірѣ къ господству закона наслѣдственности присоединяется еще индивидуальная измѣнчивость. Въ изученіи психическихъ явленій мы должны имѣть въ виду примѣненіе къ нему опытнаго метода и основныхъ законовъ всего существующаго: закона причинности и—эволюціи. Но современная опытная психологія не имѣетъ дѣла съ душой, какъ особой субстанціей и источникомъ всѣхъ психическихъ явленій, а только съ этими послѣдними, связанными въ нашемъ сознаніи въ нѣкоторое единство, наше *я*. При чемъ, кромѣ наблюденія, психологія прибѣгаетъ еще къ самонаблюденію. Карѣевъ обстоятельно выясняетъ въ какомъ особенномъ смыслѣ примѣняются къ психической жизни законы причинности и эволюціи, и какія основныя явленія психической жизни. Основной ея признакъ сознаніе, способность представленія, рядомъ съ которыми находятся чувство и дѣятельность воли. Всѣ явленія ума, чувства и воли познаются лишь внутреннимъ опытомъ, самонаблюденіемъ. Сознательные акты нашей воли всегда сопровождается представленіемъ о цѣли дѣятельности чело-

вѣка. Поэтому причинность въ психическихъ явленіяхъ имѣетъ не механическій, а телеологическій характеръ.

Въ четвертой бесѣдѣ разсматривается существенное содержаніе философскаго образованія, куда входятъ: теорія знанія (логика и психологія), эстетика и этика. Изъ этихъ наукъ Карѣевъ оставляетъ въ сторонѣ эстетику, имѣющую больше теоретическій интересъ, и останавливается на теоріи познанія и этикѣ, какъ элементахъ общаго образованія и всего міросозерцанія, указываетъ на главные вопросы въ теоріи знанія и этикѣ. Не меньшее вниманіе Карѣевъ удѣляетъ (въ пятой бесѣдѣ) соціологіи, которая должна быть построена не на зоологическомъ принципѣ (теоріи Дарвина) или біологическомъ началѣ (отождествленіи общества съ физическимъ организмомъ), а психологическихъ данныхъ. Только при этомъ условіи возможно внесеніе въ изученіе общественныхъ явленій научнаго безпристрастія (объективизма) вмѣстѣ съ субъективнымъ къ нимъ отношеніемъ, изслѣдованіемъ съ точки зрѣнія общихъ нравственныхъ идеаловъ. Шестая бесѣда спеціально посвящена авторомъ важному вопросу объ этическомъ отношеніи къ личности и обществу, безъ котораго немыслима самая жизнь общества. Это отношеніе заключается въ признаніи за каждымъ человѣкомъ личнаго достоинства и вытекающихъ отсюда его правъ, провозглашеніи свободы и равенства основными началами всей общественной жизни. На этомъ началѣ должна быть обоснована этика индивидуальная и соціальная, которая далека отъ экономическаго матеріализма. Туже точку зрѣнія Карѣевъ вноситъ въ изученіе исторіи и разныхъ соціальныхъ наукъ: общей теоріи права, государства, народнаго хозяйства и самой соціологіи. Въ каждой изъ нихъ указываются главные отдѣлы и вопросы, нужные для образованія общаго міросозерцанія. Если вычеркнуть изъ разсужденій Карѣева нѣкоторые неправильные взгляды на право и государство, заимствованные имъ цѣликомъ у Муромцева и Коркунова, остается таже горячая защита авторомъ принципа личности, которою проникнуты обѣ разсмотрѣнныхъ нами книжки проф. Карѣева. Онѣ написаны имъ въ виду самостоятельной выработки каждымъ собственнаго міровоззрѣнія, которое немыслимо безъ работы личности самой надъ собой въ смыслѣ

развитія въ себѣ критической мысли, разумной воли и альтруистическихъ чувствъ. Вотъ это-то стремленіе Карѣева поставить человѣческую личность главнымъ центромъ міровоззрѣнія каждаго — лучшій отвѣтъ всѣмъ его критикамъ, обвиняющимъ его въ партійности высказываемыхъ въ книжкахъ взглядовъ.

В. Щегловъ.

---

4. *Б. Юзефовичъ:* „О философскомъ ученіи графа Л. Н. Толстаго по XIII тому его сочиненій". Изд. 2-е. Кіевъ. 163 стр.

Авторъ этой небольшой книжки не изъ числа горячихъ послѣдователей новыхъ философскихъ взглядовъ графа Л. Н. Толстаго. Напротивъ, онъ высказываетъ глубокую скорбь по поводу того, что геніальный беллетристъ повернулъ въ чуждую ему область философіи, отчего послѣдняя ничего не выиграла, между тѣмъ какъ русская изящная литература много потеряла. Мы раздѣляемъ эту скорбь Юзефовича, какъ и его негодованіе при видѣ слишкомъ подобострастнаго отношенія къ новымъ произведеніямъ Толстаго со стороны русской, журнальной и газетной, критики, которая вмѣсто указанія слабыхъ сторонъ его философіи, возвела проповѣдуемыя Толстымъ идеи въ какое-то новое, религіозно-нравственное ученіе, достойное особаго вниманія и примѣненія къ жизни. Мы только должны здѣсь замѣтить, что кромѣ панегеристовъ философіи Толстого въ русской литературѣ оказалось немало и ея противниковъ, поставившихъ себѣ цѣлью оцѣнить новые взгляды Толстого съ той или другой особой стороны. Такъ съ религіозной точки зрѣнія разбирали ученіе Толстого извѣстный Архіепископъ Никаноръ и особенно проф. Казанской академіи Гусевъ, выпустившій цѣлый рядъ книгъ и брошюръ подобнаго содержанія. Но еще не было никого, кто взялся бы за трудное дѣло сдѣлать правильную оцѣнку всему философскому ученію графа Л. Н. Толстого, какъ особому, цѣльному соціально-политическому міровоззрѣнію, занимаю-

щему извѣстное мѣсто среди массы другихъ моральныхъ и соціальныхъ системъ въ современной наукѣ и общественной жизни. Книжка Юзефовича не восполняетъ этого пробѣла уже по одному тому, что онъ касается въ ней только произведеній Толстого, взошедшихъ въ XIII т. его сочиненій. Но тѣ замѣчанія, которыя Юзефовичъ высказываетъ по поводу каждаго изъ нихъ, заслуживаютъ вниманія по своей мѣткости и основательности, хотя въ нихъ и нѣтъ полной оцѣнки каждаго изъ отдѣльныхъ произведеній Толстого.

Свою критику философскихъ взглядовъ графа Толстого Юзефовичъ начинаетъ съ осторожнаго замѣчанія, удачно иллюстрируемаго литературнымъ примѣромъ, что самый геніальный человѣкъ можетъ оказаться плохимъ творцомъ въ районахъ, чуждыхъ его спеціальной дѣятельности. Геніальный беллетристъ можетъ быть совершенно неудачнымъ философомъ и наоборотъ. Въ примѣненіи къ графу Толстому это означаетъ, что его философскія теоріи неприложимы къ самой жизни, такъ какъ онѣ противорѣчатъ законамъ природы и общественному строю. Нелѣпо, напр., проповѣдывать цѣломудріе въ бракѣ и упраздненіе рода человѣческаго во имя нравственныхъ принциповъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и многихъ другихъ, Толстой извращаетъ смыслъ евангельскаго ученія, хотя самъ же онъ на дѣлѣ не слѣдуетъ тѣмъ „новымъ" нравственнымъ правиламъ, которыя онъ проповѣдуетъ. Въ Толстомъ поражаетъ его стремленіе къ открытію истинъ, давно уже извѣстныхъ міру, какъ, напр., ученія о любви къ ближнему. Впрочемъ, вскорѣ послѣ появленія „Крейцеровой сонаты" обаяніе Толстого, какъ философа, стало замѣтно падать: образованное общество увидѣло, что, кромѣ совершенно невѣрнаго представленія о бракѣ, въ этомъ произведеніи находятся всѣмъ извѣстныя истинны, которыя не требуютъ особыхъ доказательствъ. Юзефовичъ отмѣчаетъ отсутствіе послѣдовательности и убѣдительности въ сочиненіяхъ Толстого, что уже было замѣтно въ „Войнѣ и мірѣ" и еще болѣе видно въ настоящемъ XIII томѣ его сочиненій.

Переходя къ вопросамъ, затронутымъ здѣсь Толстымъ, авторъ полагаетъ, что причиной запутанности и неопредѣленности фило-

софскихъ взглядовъ Толстого нужно считать его привычку къ безискусственному, простому разсказу, изображенію описываемыхъ имъ жизненныхъ явленій. Эту привычку, создавшую ему славу знаменитаго писателя-беллетриста, Толстой перенесъ и въ свои философскія произведенія, гдѣ, наоборотъ, требуется систематическое изложеніе мысли и логическое развитіе доказываемыхъ принциповъ. Все ученіе Толстого о любви къ ближнему представляетъ собою примѣръ только совершенно нефилософскаго пониманія и доказательствъ этой евангельской истины. Вопреки ясному ученію Христа о любви къ ближнему, безъ различія національности, но въ тоже время съ необходимой заботой о самомъ себѣ, нашъ философъ даетъ новое, по его мнѣнію, толкованіе этого ученія, требуетъ любви къ ближнему больше, чѣмъ къ самому себѣ, безпрерывнаго самопожертвованія. Эта теорія гр. Толстаго порождаетъ не простое пониманіе о *взаимной* любви, предписываемой Евангеліемъ, а какой-то крайне сложный житейскій идеалъ, по которому одна часть человѣчества должна пользоваться, а другая—добровольно принять на себя роль объекта этой жертвы, безъ всякаго права на нее: иначе получится обмѣнъ услугъ, отъ котораго распалось бы все ученіе. Толстовское ученіе, отвергая жертву, какъ высшую степень добродѣтели, устанавливаетъ вѣчное неравенство въ отношеніяхъ людей другъ къ другу. Не менѣе узко и понятіе Толстого о жертвѣ, подъ которой онъ разумѣетъ лишь то, что сопряжено съ тратой собственнаго тѣла, но не времени или вообще силъ человѣка. Поэтому кормленіе матерью ребенка, всякая физическая работа—жертва ближнему, но занятія наукой, искусствомъ не имѣютъ прямою цѣлью и послѣдствіемъ благо людей и поэтому не заслуживаютъ названія жертвы. Въ заключеніе Юзефовичъ указываетъ на самого Толстого, который окруженъ полнымъ матеріальнымъ довольствомъ и посвящаетъ при такихъ условіяхъ свой физическій трудъ на пользу нѣкоторыхъ ближнихъ, не принося какой либо личной жертвы. Можно еще ко всему ученію Толстого о любви добавить, что оно заимствовано имъ у французскихъ позитивистовъ, именно у О. Конта, у котораго его альтруизмъ связанъ со всей философской системой, между тѣмъ какъ

у Толстого онъ является отрывочнымъ правиломъ, въ чемъ только и заключается оригинальность русскаго философа.

Не менѣе странны и лишены всякаго научнаго значенія всѣ философскія размышленія Толстого о жизни и страхѣ смерти. Онъ именно полагаетъ, что этотъ страхъ, ужасъ предъ смертью свойственъ всѣмъ людямъ, которые ничѣмъ и никогда не могутъ отъ него отдѣлаться. Между тѣмъ, есть цѣлыя категоріи людей, которымъ чуждъ этотъ постоянный страхъ предъ смертью, появляющійся обыкновенно при особыхъ, исключительныхъ условіяхъ. Мысль о смерти вызываетъ въ насъ не страхъ, а грустное настроеніе вслѣдствіе представленія о неизбѣжной разлукѣ со всѣмъ тѣмъ, что у насъ есть дорогого въ жизни. Взглядъ Толстого въ этомъ случаѣ совершенно не совпадаетъ съ его же воззрѣніями на то, что такое жизнь. По ученію гр. Толстого, нѣтъ ни смерти, ни начала жизни, ибо то, что опредѣляетъ нашу духовную индивидуальность, есть нѣчто, внѣ насъ существующее, но связывающее въ одно цѣлое всѣ сознательные моменты нашей жизни и цѣлый рядъ другихъ жизней. Смерть есть только временный перерывъ отдѣльныхъ сознательныхъ жизней, связанныхъ въ одно высшимъ началомъ любви. Такое представленіе о жизни, помимо его совершенной неопредѣленности и полной произвольности и бездоказательности, всего менѣе можетъ быть утѣшительнымъ для людей, которые одержимы страхомъ смерти. Для нихъ эта философская гипотеза также неубѣдительные, какъ и мысль о вѣчности матеріи, изъ которой составлены ихъ тѣла: смерть разрушаетъ индивидуальное сознаніе человѣка.

Идея о жизни внѣ этого сознанія, проповѣдуемая Толстымъ помимо религіозныхъ взглядовъ на загробную жизнь, не находитъ себѣ мѣста въ предѣлахъ человѣческаго мышленія. Оригинальны, но также вполнѣ неосновательны мысли Толстого о сущности нашего *я*, которое онъ полагаетъ „въ свойствѣ больше или меньше любить одно и не любить другое“. Это свойство связываетъ въ одно всѣ сознанія и вносится въ эту жизнь изъ какого-то невидимаго и непонятнаго намъ прошлаго. Толстой примѣняетъ это представленіе о человѣческомъ *я* даже къ міру животныхъ, предлагаетъ

различать ихъ по особенностямъ симпатій, а не по тѣмъ или другимъ внѣшнимъ признакамъ, родовымъ и видовымъ. Наконецъ, въ довершеніе всей этой путаницы, которую гр. Толстой считаетъ новымъ, все разрѣшающимъ, жизненнымъ міровоззрѣніемъ, онъ называетъ это особенное свойство человѣка любить въ большей или меньшей степени одно и не любить другое характеромъ, подъ которымъ обыкновенно разумѣютъ гармоническое соотношеніе между разумомъ и волей, извѣстную степень равновѣсія между ними. Такъ смѣшиваются въ одно въ философіи Толстаго самыя превратныя понятія изъ области разныхъ наукъ (философіи, психологіи, зоологіи и др.) и самой жизни.

Въ статьѣ „Трудолюбіе или торжество земледѣльца“ гр. Толстой устами невѣдомаго никому Бондарева возвѣщаетъ міру новое средство къ обезпеченію всѣмъ матеріальнаго благополучія и достиженія нравственнаго совершенства. Это универсальный законъ, который Толстой, со словъ того же Бондарева, называетъ „первороднымъ и главой всѣхъ законовъ“. Сущность его въ библейской заповѣди добывать своими руками хлѣбъ. „Хлѣбный трудъ сравняетъ всѣхъ и подсѣчетъ крылья роскоши и похоти. При всеобщемъ признаніи этого рода труда неотмѣненною обязанностью люди соединятся въ вѣрѣ въ одного Бога, въ любви къ другъ къ другу и уничтожатся бѣдствія, удручающія людей. Человѣкъ не будетъ имѣть соблазна необходимости хитростью или насиліемъ пріобрѣсти хлѣбъ, не будетъ поэтому употреблять насиліе и хитрость. Слабые же, неимущіе хлѣба не будутъ продавать себя, свой трудъ и иногда свою душу для пріобрѣтенія хлѣба“. Но эта ветхозавѣтная заповѣдь въ новомъ завѣтѣ поставлена на второй планъ Христомъ, который кромѣ заботы о насущномъ хлѣбѣ указываетъ на болѣе высокія, нравственныя задачи человѣческой дѣятельности, на обязанность помогать ближнему, стремиться къ высшему, нравственному совершенствованію. Универсальный законъ Бондарева-Толстаго не можетъ сдѣлаться на практикѣ закономъ всей общественной жизни, „главою всѣхъ законовъ“. Мысль о поголовномъ хлѣбномъ трудѣ совершенно фантастична и для ея опроверженія не нужно большаго арсенала доказательствъ. Доста-

точно замѣтить, что и при всеобщемъ хлѣбномъ трудѣ возможны, какъ показываетъ исторія, засухи, голодъ со всѣми неразлучными съ нимъ бѣдствіями. Но, кромѣ того, мы можемъ еще прибавить къ словамъ Юзефовича, проповѣдь хлѣбнаго труда, какъ единственнаго нравственнаго правила, исключаетъ другія заповѣди Толстого (не клянись, не судись, не воюй, не прелюбодѣйствуй), если только вѣрить ему, что главнѣйшая изъ нихъ—заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ будетъ выполнена при осуществленіи закона о хлѣбномъ трудѣ. Провозглашеніе же его главнымъ закономъ общественной жизни равняется полному упраздненію всего современнаго соціальнаго строя, основаннаго, кромѣ земледѣлія, еще на трудѣ промышленномъ и торговомъ, научномъ, художественномъ и важнѣйшемъ изъ всѣхъ видовъ труда—религіозно-нравственной дѣятельности человѣка. Такимъ образомъ, „Торжество земледѣльца“ по рецепту гр. Толстого означаетъ совершенное разрушеніе всего современнаго общества, развивавшагося исторически и заключающаго въ себѣ на ряду со многими недостатками его организаціи и массу положительныхъ достоинствъ, благъ цивилизаціи, пріобщеніе къ которымъ всего человѣчества составляетъ высокую культурную задачу современнаго государства—органа высшихъ классовъ европейскаго общества.

Остроумны, а иногда и очень ѣдки замѣчанія Юзефовича о взглядѣ Толстого въ его произведеніи: „Для чего люди одурманиваются“. И въ этомъ вопросѣ, какъ и всѣхъ другихъ, Толстой старается блеснуть оригинальностью, которая, однако, далека отъ основательности. Онъ порицаетъ не столько неумѣренное употребленіе разныхъ одурманивающихъ веществъ (вина, табаку и др.), сколько привычку къ умѣренному ихъ употребленію, хотя медицина находитъ это послѣднее полезнымъ для человѣческаго организма. Но особенно странно мнѣніе Толстого о причинѣ, побуждающей людей пить вино или курить табакъ: они дѣлаютъ то и другое лишь съ тою цѣлью, чтобы „заглушить въ себѣ голосъ совѣсти“. Это объясненіе Толстой подслушалъ на улицѣ у извощика и поспѣшилъ сдѣлать изъ него предметъ философской статьи. Свою мысль Толстой доказываетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ, также

странныхъ, какъ и сама эта мысль. Онъ не допускаетъ, чтобы пили вино ради удовольствія или веселія, и совсѣмъ забываетъ, что подъ вліяніемъ вина иногда совершаются и добрыя дѣла. Особенно Толстой преслѣдуетъ куреніе табаку, отъ котораго человѣкъ теряетъ, по его словамъ, контроль надъ своими мыслями. Но, замѣчаетъ иронически Юзефовичъ, Толстой бросилъ курить и тѣмъ не менѣе потерялъ контроль надъ своими мыслями въ новыхъ произведеніяхъ. Юзефовичъ видитъ въ „Крейцеровой Сонатѣ“ Толстого мастерское изображеніе типа современнаго психопата въ лицѣ Позднышева, который думаетъ и дѣйствуетъ, какъ человѣкъ больной душевно, совершенно ненормальный. Но Толстой не ограничился этимъ типомъ, а связалъ съ нимъ свои „новыя“, руководящія „идеи“ о томъ, что брачное сожитіе не естественно и противорѣчитъ высшему идеалу нравственности—цѣломудрію въ супружескихъ отношеніяхъ. Такой идеалъ согласенъ съ ожидаемымъ религіей и наукой концомъ всего міра, въ виду котораго и человѣчество должно заранѣе позаботиться о своемъ упраздненіи на землѣ. Эти свои взгляды Толстой связываетъ съ философіей Шопенгауэра и Гартмана, что съ достиженіемъ цѣли жизни—блага, добра и счастья людей—должна прекратиться и самая ихъ жизнь. Вся эта „брачная философія“ Толстого до такой степени наивна, обличаетъ въ авторѣ такое полное незнаніе всѣмъ извѣстныхъ вещей, что остается только удивляться, какъ это Толстой рискнулъ выступать съ такими взглядами, высказываемыми къ тому же авторитетнымъ, докторальнымъ тономъ. Показать всѣ несообразности, въ какія впадаетъ Толстой въ „Крейцеровой сонатѣ“ и другихъ новыхъ своихъ произведеніяхъ—важная задача для русскаго общества, особенно же молодаго поколѣнія, склоннаго къ увлеченію всякими новыми идеями, какъ бы онѣ иногда и не были нелѣпы. Названная книжка Юзефовича до извѣстной степени удовлетворяетъ этой цѣли, почему и можно рекомендовать ее всѣмъ, интересующимся философіей графа Л. Н. Толстого.

В. Щегловъ.

Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву. Изслѣдованіе Сергѣя Никонова. С.-П.-Б. 1895 г.

(Окончаніе).

„Г. Кавелинъ.... совершенно не понялъ и ошибочно истолковалъ смыслъ и взаимное отношеніе содержанія статей 119 и 120 Улож. Изъ его толкованія выходитъ, что приставъ съ Москвы изъ приказа съ успѣхомъ арестовалъ и силою приводилъ въ Москву упрямаго отвѣтчика уже послѣ того, какъ послѣдній „чинился силенъ" и отбивался отъ посланной противъ него вооруженной силы. Крайне наивно предполагать, продолжаетъ проф. Никоновъ, чтобы бояринъ-царекъ въ своемъ помѣстьи, только что съ успѣхомъ отразившій государево войско, вдругъ послушался какого-то пристава съ немногими понятыми и позволилъ себя арестовать и силою вести въ судъ". (стр. 90). По мнѣнію проф. Никонова различіе въ порядкѣ вызова упрямаго отвѣтчика въ статьяхъ 119 и 120 Ул. построено на различіи мѣстожительства послѣдняго. Статья 119 говоритъ о томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ живетъ въ уѣздѣ, а статья 120—о случаѣ, когда отвѣтчикъ живетъ въ самомъ городѣ.

Выписаное мнѣніе проф. Никонова, можетъ быть оправдано лишь какимъ нибудь недоразумѣніемъ. Если бы это мнѣніе могло быть принято, то мы имѣли бы слѣдующій порядокъ высылки отвѣтчика въ судъ. Уѣздный житель, недавшійся добровольно на поруки, по приводѣ въ городъ и взятіи по немъ здѣсь поруки, за поруками высылся бы къ Москвѣ, а городской житель не давшійся на поруки, высылся бы въ Москву съ приставомъ. Если бы Уложеніе установило такой порядокъ, то было бы не ясно прежде всего, какъ поступали съ уѣзднымъ жителемъ, который поприводѣ въ городъ не давался на поруки. Кромѣ того, какъ отсылка за поруками несомнѣнно была менѣе тягостна для отвѣтчика, чѣмъ отсылка съ приставомъ [1]), то съ признаніемъ, что уѣздный жи-

---

[1]) Это видно изъ многихъ мѣстъ источниковъ. Приведу одинъ

тель высылался за поруками въ томъ случаѣ, когда городскаго жителя препровождали съ приставомъ, мы имѣли бы ничѣмъ необъяснимую привиллегію для жителей уѣздовъ, сравнительно съ жителями городовъ. Замѣчу еще, что изъ текста статьи 120 вовсе не видно, чтобы она относилась къ жителямъ городовъ. Напротивъ, въ статьѣ говорится, чтобы воеводы въ своихъ отпискахъ къ Государю о непослушаніи отвѣтчиковъ прилагали доѣздныя памяти за „руками тѣхъ людей, которые по нихъ изъ городовъ посланы будутъ". Значитъ сцена непослушанія, о которой трактуется въ статьѣ 120, предполагается происходящею не въ городѣ, а въ уѣздѣ. Объ этой сценѣ свидѣтельствуютъ посланные изъ города.

Уразумѣніе соотношенія, въ которомъ находятся статьи 119 и 120 гл. X Уложенія, не представляетъ никакихъ затрудней. Первая статья говоритъ, какъ поступать съ тѣми, которые не сразу дадутъ по себѣ поруку въ статьѣ къ суду, но дадутъ ее послѣ. Вторая статья говоритъ о другомъ случаѣ: когда отвѣтчикъ и послѣ трехъ грамотъ не представитъ по себѣ поруку; его приводили тогда съ приставомъ въ Москву и винили въ искѣ.

Означенное правило о присужденіи истцу иска, когда отвѣтчикъ не давался на поруки по тремъ грамотамъ, принято было еще раньше Уложенія (ср. Книга Земскаго Приказа въ Христ. Владимірскаго-Буданова III стр. 135) хотя не всегда соблюдалось,

---

примѣръ. А будетъ тотъ Вавилка учнетъ на Угличѣ хоронитьца, не хотячи быти у нашего, у Можайскаго, у городового, у каменнаго дѣла, и ты бы велѣлъ, сыскавъ жену его, вкинути въ тюрьму до тѣхъ мѣстъ, покамѣста мужъ ея объявитца и поручную запись по себѣ дастъ, а какъ мужъ ея объявитца и поручную запись по себѣ дастъ и ты бы жену его тотчасъ велѣлъ изъ тюрьмы выкинути а его Вавилка потому же за порукою прислалъ къ намъ, къ Москвѣ, съ кѣмъ пригоже, на тотъ же срокъ. А будетъ ты того Углецкаго каменщика сыскавъ, на поруки дати не велишь и къ намъ, къ Москвѣ, на тотъ срокъ не пришлешъ и мы для того велимъ съ Москвы на Углечъ послати нарочно пристава и съ прогоны, а велимъ того Углецкаго каменщика Вавилка на Углечѣ сыскавъ, скована привести къ намъ къ Москвѣ. (Грамота 1624 г. на Углечъ. Угличскіе акты, изд. мною стр. 154).

какъ это можно видѣть изъ слѣдующей челобитной, которую привожу здѣсь какъ нигдѣ еще не напечатанную.

„Царю Государю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русиі бьетъ челомъ холопъ твой Курченинъ сынишко боярскій Өетка Титовъ сынъ Назаровъ. Въ прошломъ, Государь, во 138 году билъ я челомъ холопъ твой тебѣ Государю съ своимъ племянникомъ Приказу Большого Дворца съ подъячимъ съ Өедоромъ Титовымъ на Курченина сына боярскаго на Офонасья Өедорова сына Бобрешова по іво заемнымъ кабаламъ въ тритцети въ пяти рублехъ съ полтиною, что онъ занималъ на Москвѣ деньги тѣ тридцать пять рублевъ съ полтиною, а мы по немъ порука въ тѣхъ кабалахъ. И мнѣ холопу твоему дана изъ разряду Твоя Государева грамота въ Курсскъ по того Офонасья, а по твоей Государевѣ грамотѣ велѣлено губному старостѣ Офанасью Мизинцеву дать на поруки а за порукою учинить ему срокъ стать на Москвѣ къ своимъ заемнымъ кабаламъ на срокъ 138 году на Николинъ день осенній и тотъ Офонасей твоей Государевы грамоты не послушелъ учинился силенъ. И про то іво насильство Офонасей Мизинцевъ писалъ къ тебѣ Государю къ Москвѣ. И я холопъ твой во 139 году билъ челомъ на того же Офонасья Бобрешова по своей порукѣ, а по тѣмъ же іво кабаламъ заемнымъ о другой грамотѣ. И мнѣ холопу Твоему дана другая Твоя Государева грамота, а по той Твоей Государевѣ грамотѣ велѣно ему того Офонасья дать на поруки, а за порукою учить ему срокъ стать на Москвѣ въ Рождество Христо. И тотъ. Государь, Офонасей учинился силенъ поруки по себѣ не далъ и сталъ бѣгать изъ своего помѣстья поруки не далъ. И о томъ іво Офонасьевѣ насильствѣ писано къ Тебѣ Государю въ разрядъ. И я холопъ Твой билъ челомъ Тебѣ Государю на того Офонасья по третей Твоей Государевѣ грамотѣ и по третей твоей Государевѣ грамотѣ велѣно его дати на поруки и за поруками велѣно на немъ доправить проѣсть и волокита, а ему учинить срокъ стати на Москвѣ на Крещеніе Христово 134 году и тотъ, Государь, Офонасей учинился силенъ, на поруки не дался и проестей и волокиты мнѣ холопу Твоему не заплатилъ. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Өеодоровичъ

всеа Росиі: пожалуй меня холопа своего, вели, Государь, мнѣ дать по того Офонасья свою Государеву четвертую грамоту, а по своей Государевѣ грамотѣ вели мнѣ съ нимъ свой Государевъ указъ учинить. А я, Государь, холопъ Твой живу за тѣмъ за его долгомъ четвертый годъ, а стало намъ порудчикамъ отъ его долгу кабальнаго проѣсти и волокиты и по кабаламъ деньги платили пятьдесятъ пять рублевъ съ полтиною и будетъ, Государь, его Офонасья дома не изюдутъ или учнетъ бѣгать, вели Государь, дать на поруки крестьянъ его Офонасьевыхъ Васку Омельянова съ товарищи что стати имъ на Москвѣ къ отвѣтчику. Царь Государь смилуйся пожалуй.

Выше мы подробно становились на взглядахъ автора о характерѣ договорнаго поручительства и теперь, для заключенія нашей замѣтки о книгѣ проф. Никонова, остановился на нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ, относящихся до договорнаго поручительства въ Московскій періодъ. Самымъ существеннымъ изъ этихъ вопросовъ является вопросъ, какъ и когда отвѣтствуетъ поручитель по обязательству, по которому онъ ручался?

Останавливаясь подробно на этомъ вопросѣ, проф. Никоновъ приходитъ прежде всего къ заключенію, что по нашему древнему праву нельзя было ручаться въ части долга. Онъ основываетъ это на отсутствіи у насъ поручныхъ, въ которыхъ на поручителя возлагалась бы отвѣтственность въ части главнаго обязательства.

Въ виду того порядка, въ которомъ до настоящаго времени ведется у насъ изданіе историко-юридическихъ актовъ, при которомъ выборъ актовъ, въ большинствѣ случаевъ, опредѣляется случаемъ, такъ что акты одного типа представлены въ излишнемъ изобиліи, акты же другого типа вовсе не представлены, изъ отсутствія актовъ извѣстнаго рода въ ходячихъ изданіяхъ неосторожно дѣлать заключеніе, что такіе акты и не составлялись на самомъ дѣлѣ. Почему древнее право могло не допускать поручительства въ части поручительства? Противорѣчило ли бы такого рода поручительство идеѣ института? Очевидно, что на эти вопросы отвѣтъ долженъ быть данъ отрицательный и отсутствіе поручныхъ съ частичною отвѣтственностью поручителя доказываетъ лишь неполноту имѣющагося у насъ печатнаго матеріала о поручельствѣ.

Располагая рукописью, въ коей воспроизведено дѣло по взысканію долга, гдѣ фигурируетъ поручитель въ части долга, привожу ее здѣсь для подтвержденія, что и по нашему древнему праву можно было ручаться въ части долга.

Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росиі самодерцу и Государю благовѣрному Царевичу и великому князю Ѳеодору Алексѣовичу всея великія и малыя и бѣлыя Росиі и Государю благовѣрному Царевичу и великому князю Іоанну Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росиі и Государю благовѣрному Царевичу и великому князю Петру Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росиі бьетъ челомъ холопъ вашъ Верхотурской стрѣлецкой десятникъ Петрушка Мелентьевъ. Взять, Государи мнѣ холопу вашему Верхотурскія волости на Ясашномъ Вагулятинѣ, на Климе Такалмасовѣ по порушной кабалѣ четыре рубли денегъ что за его порукою и изъ Турильскія волости ясачной Вагулятинъ Абашка Микитинъ мнѣ холопу вашему за тѣ деньги двухъ лосинъ не далъ на срокъ невѣдомо за что. Милосердый Государь Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа валикія и малыя и бѣлыя Росиі самодержецъ и Государь благовѣрный Царевичъ и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росиі и Государь благовѣрный Царевичъ и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росиі и Государь благовѣрный Царевичъ и великій князь Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росиі, пожалуйте меня холопа своего, велите, Государи, на него Климу въ тѣхъ деньгахъ дать свой царской судъ и управу. Царь Государь и Государи благовѣрные Царевичи смилуйтеся.

На оборотѣ столбца, на коемъ писана челобитная: 182 года іюля въ 13 день поставить къ суду.

Отвѣтчикъ Вагулятинъ Климка Токалмасовъ выслушавъ челобитную отвѣчалъ, а въ отвѣтѣ своемъ сказалъ: поруку онъ Климка по Вагулятинѣ по Абушкѣ держалъ въ одной лосинѣ а не въ двухъ и тое онъ Климка послалъ лосину къ нему Петрушкѣ съ Вагулятиномъ Абушкою. Истецъ Петрушка сказалъ, что де онъ

по той кабалѣ одной лосины не имывалъ, а подалъ на судѣ съ кабалы списокъ и въ спискѣ пишетъ, а подлинная кабала на судѣ чтена, отдана истцу Петрушкѣ Мелентьеву.

Списокъ съ кабалы слово въ слово.

Се язъ Верхотурскія волости ясачной Вагулятинъ Клима Такалмасовъ поручился есми по ясачномъ Вагулятинѣ изъ Туринскія волости по Абушкѣ Микиткинѣ въ томъ, что занялъ онъ Абушка за моею порукою на Верхотурьѣ у десятника стрѣлецкаго у Петра Мелентьева четыре рубли денегъ Московскихъ ходячихъ прямыхъ безъ приписи до скору до Рождества Христова нынѣшняго 181 году а за тѣ деньги ему Абушкѣ за моею порукою на тотъ срокъ ему Петру двѣ лосины добрыя сухія не подгорѣлыя и не подпрѣлыя вѣсомъ по пуду лосина. А буде онъ Абашка за моею порукою на токъ срокъ двухъ лосинъ не дастъ и ему Петру взять одна лосина на мнѣ порутчикѣ или деньги за лосину два рубли, а въ другой лосинѣ меня порутчика не спрашивать, а взять другая лосина или деньги за лосину на немъ Абушкѣ всѣ сполна и съ убытки и хто за сею кабалою станетъ тотъ ей и истецъ. На то послухъ Прокопей Глазуновъ. Кабалу писалъ площадной подъячей Ивашко Бротниковъ лѣта 7181 сентября въ 21 день. Позади кабалы помѣта съ приписью подъячего Савы Тютчева. Отвѣтчикъ записи не лживилъ. Къ сей кабалѣ заимщикъ Клима Такалмасовъ знамя свое приложилъ. Послухъ Протка Глазуновъ руку приложилъ. Списокъ писалъ приказныя избы подъячей Митка Афонасьевъ. А подлинную кабалу онъ Петръ Мелентьевъ къ себѣ взялъ.

Какъ видно изъ дальнѣйшаго хода дѣла поручитель былъ присужденъ къ выдачѣ одной лосины либо къ уплатѣ денегъ двухъ рублей согласно кабалѣ.

Не признавая правильнымъ общераспространеннаго мнѣнія, что въ древнемъ правѣ поручительство могло быть въ части главнаго обязательства, проф. Никоновъ упрекаетъ предшественниковъ своихъ по изученію поручительства въ томъ, что они не замѣтили существующаго различія между поручительствомъ срочнымъ и безъ срока.

По принятому доселѣ мнѣнію названное различіе впервые введено въ наше право Банкротскимъ уставомъ 1800 г.

Проф. Никоновъ считаетъ это мнѣніе неправильнымъ. „Изъ приведенныхъ мною новыхъ поручныхъ, говоритъ проф. Никоновъ, подъ №№ 2—7, равно какъ изъ Уложенія X,—203, Актовъ Калачова т. II, 258, V, Акт. Юрид. № 312 и др. видимъ мы, что при поручительствѣ въ исполненіи обязательства къ заранѣе указанному по договору сроку, если должникъ не исполнялъ своего обязательства къ этому сроку кредиторъ могъ обратить взысканіе помимо главнаго обязаннаго на поручителя непосредственно. Въ томъ же случаѣ, когда поручительство давалось лишь въ точномъ выполненіи должникомъ обязательства, безъ указанія предѣльнаго времени ожиданія выполненія этого, поручитель отвѣчалъ лишь послѣ предварительнаго взысканія кредиторомъ съ должника и при томъ лишь въ размѣрѣ того, чего не хватало кредитору на удовлетвореніе своей претензіи послѣ взысканія съ главнаго обязаннаго“. Далѣе въ примѣчаніи указана новая поручная подъ № 8, Указн. кн. вѣд. Казнач. ст. 27 Улож. XX, 91 Акты Калач. т. III 258 I. VIII. Акты юрид. № 311; Акты Истор. т. V № 65 (стр. 164).

Означенную мысль о различіи между срочнымъ и безсрочнымъ поручительствомъ авторъ—повторяетъ нѣсколько разъ въ своей книгѣ (ср. напр. стр. 122, 172).

Обращаясь къ критикѣ заключенія проф. Никонова, что наше древнее право знаетъ поручительство на срокъ и безъ срока, мы прежде всего позволимъ себѣ предположить, что дѣйствительство, какъ говоритъ проф. Никоновъ, когда должникъ обязуется исполнить нѣчто къ опредѣленному сроку, то поручитель отвѣтствуетъ въ случаѣ неисправности должника, а, напротивъ, когда обязательство должника въ отношеніи къ сроку исполненія является неопредѣленнымъ (такъ кажется должно понимать „обязательства, безъ указанія предѣльнаго времени ожиданія выполненія этого“...), то поручитель отвѣчалъ лишь по стольку, по скольку должникъ не могъ удовлетворить кредитора.

Если бы существовалъ такой порядокъ отвѣтственности поручи-

телей, то это значило бы, что эта отвѣтственность опредѣлялась характеромъ главнаго обязательства. Если должникъ обязанъ нѣчто сдѣлать къ такому то сроку, то поручитель обезпечивающій такое исполненіе отвѣчаетъ на срокъ. Когда должникъ обязуется сдѣлать нѣчто, не опредѣляя точно срока, напр. по зимнему пути (ср. стр. 151), то имѣется поручительство безъ срока.

Очевидно, что такое различіе поручительства на срокъ и безъ срока, если бы оно существовало въ древнемъ правѣ, не имѣло бы ничего общаго съ различіемъ между этими двумя видами поручительства, существующими въ дѣйствующемъ правѣ, въ которое это различіе проникло изъ Банкротскаго устава 1800 г. По Банкротскому уставу, также какъ и по дѣйствующему праву, ручаться на срокъ и ручаться безъ срока зависитъ отъ воли ручающагося, а не отъ характера главнаго обязательства. Поручился ли поручитель на срокъ или безъ срока выводится изъ содержанія самаго поручительства, а не изъ условій главнаго обязательства.

Мы думаемъ, что если бы данныя источниковъ подтверждали въ самомъ дѣлѣ положенія автора, что поручитель отвѣчалъ различно въ зависимости отъ того, обязался ли главный должникъ на срокъ или безъ срока, то мы могли бы говорить именно только о существованіи различія въ отвѣтственности поручителей, но не могли бы говорить о существованіи уже въ древнемъ правѣ того различія поручительства на срокъ или безъ срока, которое знаетъ Банкротскій Уставъ 1800 г. и дѣйствующее право. Намъ кажется, что, поэтому уже, упрекъ автора С. Капустину и барону Нолькену, что они не подмѣтили дѣленія договорнаго поручительства въ Москвѣ на поручительство срочное и безъ срока, отнеся это дѣленіе ко времени Банкротскаго Устава 1800 г., представлялось бы неправильнымъ, если бы въ источникахъ мы дѣйствительно могли найти то, что находитъ въ нихъ авторъ, а именно, что когда должникъ обязывался сдѣлать что либо къ сроку, то поручившійся за него отвѣчалъ иначе, чѣмъ когда должникъ обязывался безъ точнаго опредѣленія срока исполненія. На самомъ дѣлѣ существованіе такого различія въ отвѣтственности поручителей не можетъ быть ничѣмъ подтверждено

и ни одна изъ многочисленныхъ ссылокъ, приведенныхъ у автора, не доказываетъ высказаннаго имъ въ текстѣ.

Для примѣра, чтобы не разбирать каждой изъ ссылокъ порознь, позволимъ себѣ остановиться на сопоставленіи содержанія двухъ поручныхъ впервые изданныхъ авторомъ, изъ коихъ первая № 7, даетъ примѣръ поручительства безъ срока, а вторая № 8—поручительства на срокъ. Въ поручной № 7 поручители принимаютъ на себя такую отвѣтственность „а буде онъ Мартынъ, за нашею порукою, за тѣ взятые деньги ему старостѣ Данилу на тотъ срокъ тѣхъ дровъ противъ сея порутчной сполна не отдастъ и на насъ на порутчиковъ тѣ взятыя деньги сполна и съ убытки и вся порука“. Въ поручной № 8 отвѣтственность принятая на себя поручителями описана такъ: „а буде онъ Іванъ за моею порукою тѣхъ дровъ въ сараи не привезетъ и сполна не отдастъ и взятые ему (очевидно „взяти“) Данилу на мнѣ на порутчикѣ тѣжъ взятыяе деньги сполна, на томъ и вся порука“.

Если не вносить въ актъ того, что въ немъ нѣтъ, то, какъ намъ кажется, нельзя утверждать, что въ отвѣтственности поручителей въ первомъ и во второмъ случаѣ есть какая либо принципіальная разница и приводить поручную № 8 въ доказательство, что „поручитель отвѣчалъ лишь послѣ предварительнаго взысканія кредиторомъ съ должника и притомъ лишь въ размѣрѣ того, чего не хватало кредитору на удовлетвореніе своей претензіи послѣ всысканія съ главнаго обязаннаго“.

Не можемъ не отмѣтить здѣсь же, для заключенія вопроса о неудачной на нашъ взглядъ попыткѣ автора найти въ древнемъ правѣ различіе между поручительствомъ срочнымъ и безъ срока, на то, что къ случаямъ поручительства безъ срока, авторъ относитъ между прочимъ и случай описанный въ Уложеніи въ концѣ ст. 203 гл. X. Въ этомъ мѣстѣ Уложенія установлено „А будетъ чего на женѣ и на дѣтяхъ взяти нечего и тотъ достальной долгъ взяти на порутчикахъ его, кто будетъ въ лицахъ“. Слѣд. здѣсь поручители отвѣчаютъ лишь по стольку, по скольку для удовлетворенія кредиторовъ не хватаетъ имущества должника, т. е. отвѣтствуютъ такъ какъ отвѣтствуютъ, по мнѣнію автора, поручители безъ срока.

Между тѣмъ, согласно терминологіи предложенной авторомъ, случай, описанный въ приведенномъ мѣстѣ статьи 203 гл. X. Улож., есть случай поручительства на срокъ, такъ какъ по Уложенію описанная отвѣтственность поручителей имѣетъ мѣсто когда „въ поручной записи будетъ написано, что ему (т. е. должнику) тотъ долгъ заплатити на срокъ, а не заплатитъ того долгу на срокъ....

М. Липинскій.

